КРАСНЫЕ

Евгений Матонин

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Принято считать, что 1917 год разделил страну на «белых» и «красных». Но это не совсем точно. «Красный поток», смывший старую Россию, состоял из многочисленных «рек», «ручьев» и «течений» различных оттенков — от бледно-розовых до кроваво-красных и багрово-черных. Автор книги, известный историк и журналист Евгений Матонин из всего этого многоцветья выбрал всего пять человек, представляющих различные оттенки «красной идеи». Кто-то стал «символом революции» (как В. А. Антонов-Овсеенко), кто-то сначала не принял Октябрь, но остался к нему лояльным (А. А. Богданов и Л. Б. Красин), кто-то вошел в элиту большевиков, а потом был ими же расстрелян (Л. Б. Каменев), а у кого-то (как у легендарного Камо) была почти безупречная с точки зрения советской власти биография.

[Адаптировано для AlReader]

- Евгений Матонин
  -
  - «И ИЗ КРАСНОГО СОСТОЯНЬЯ…»
  - Владимир АНТОНОВ-ОВСЕЕНКО
    -
    - «Связи по крови ничего не стоят»
    - Семь лет в Париже
    - Июль. Проба сил
    - «Предгрозовье»
    - Октябрьские дни
    - Война и оппозиция
    - Троцкист и дипломат
    - Последние годы

- Леонид КРАСИН
  -
  - Из Сибири в Сибирь
  - Казначей партии
  - Бомбы, деньги и «стволы»
  - Вне игры
  - На «советском Олимпе»
  - Дипломатия и бриллианты
  - «Красные шарики»
- КАМО
  -
  - «Камо, слуши…»
  - Экспроприатор
  - Эриванская площадь
  - «У меня железная натура…»
  - «Привяжу тебе на живот бомбу»
  - «Вечный жених революции»
- Александр БОГДАНОВ
  -
  - «Великий визирь» большевиков
  - Богданов vs Ленин
  - «Красная звезда» и упыри
  - «Логика казармы»
  - Кровь и смерть
- Лев КАМЕНЕВ
  -
  - «Мы только тень борцов»
  - «Юрий Каменев»
  - «Перевооружение»
  - «Предали партию, выдали планы ЦК!»
  - «На капитанском мостике»
  - Битва за наследство
  - На краю
  - Пропасть
- ИЛЛЮСТРАЦИИ
  -
  -
  -
  -

- INFO
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4

- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43

- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71
- 72
- 73
- 74
- 75
- 76
- 77
- 78
- 79
- 80
- 81
- 82

- 83
- 84
- 85
- 86
- 87
- 88
- 89
- 90
- 91
- 92
- 93
- 94
- 95
- 96
- 97
- 98
- 99
- 100

Жизнь ® замечательных людей

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1887

(1687)

Евгений Матонин

КРАСНЫЕ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

*

© Матонин Е. В., 2018
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2018

«И ИЗ КРАСНОГО СОСТОЯНЬЯ…»

Все знают, что в октябре 1917 года в России пришли к власти красные. Потом красные разбили белых, и на семьдесят с лишним лет одна шестая часть суши на Земле оказалась выкрашенной в алый цвет. Как в символическом, так и в буквальном смысле — на советских географических картах территорию СССР обычно изображали красной. А какой же еще ей быть?

В советской жизни не было, пожалуй, ни одной области, где бы так или иначе присутствовал этот цвет. Конечно, не просто так, а с особым, идеологическим смыслом. Красная армия, духи «Красная Москва», заводы и фабрики «Красный треугольник» или «Красная роза», колхозы «Красный рассвет» или «Красный луч», газета «Красная звезда» и т. д.

Уже в перестройку одна из первых пластинок советского рока, изданного в Америке, называлась «Красная волна», а еще раньше Иосиф Кобзон пел о памятнике Че Геваре, который во время правления военной хунты Пиночета в Чили отправили на переплавку:

И из красного состоянья
Никогда не выйду я!

Люди, о которых пойдет речь в этой книге, тоже никогда не выходили из «красного состоянья». Они приложили много сил для того, чтобы в России на несколько десятилетий победила «красная идея». Всем им это стоило жизни. По разным причинам, в различных обстоятельствах, но — стоило. Кем же они были и зачем им нужно было жертвовать и собой, и другими во имя нее?

…Бурный «красный поток», смывший в конце концов старую Россию, состоял из многочисленных «рек», «ручьев» и «течений» различных оттенков — от бледно-розовых до кроваво-красных и багрово-черных. Если же использовать политическую терминологию, то — от весьма умеренных социалистов, осторожных реформаторов до «максималистов», анархистов и буйных «красно-черных» или «красно-зеленых» повстанцев и партизан.

Отношения сторонников различных оттенков «красной идеи» между собой были сложными и запутанными — от союзов до вооруженной борьбы. «Красные» большевики, к примеру, воевали с такими же

«красными» левыми эсерами в Москве в июле 1918-го, с «красно-черными» отрядами анархо-коммуниста Нестора Махно в 1919–1921 годах. При этом в то же самое время немало левых эсеров и анархистов сражалось в рядах самой Красной армии.

Для большевиков, претендовавших на монополию в трактовке «красной идеи», другие «красные» представляли, пожалуй, еще большую опасность, чем «белые», и с партиями, предлагавшими альтернативные «красные» планы преобразования общества, было в целом покончено очень быстро — к началу 1920-х годов. Уцелевших их лидеров уничтожили в 1930-е.

Потом настала очередь и самих большевиков.

Это ведь только потом они превратились в «стальную когорту» и «орден меченосцев», сплотившийся вокруг своего единственного и «величайшего в истории вождя». А до конца 1920-х в партии почти постоянно шли острые дискуссии и споры — даже буквально накануне вооруженного восстания в Петрограде в октябре 1917-го. Она переливалась всеми оттенками красного, да и ее лидеры не раз меняли свою «окраску».

Скажем, Лев Троцкий и Лев Каменев. Первый со временем превратился из «розового» почти что меньшевика в ярко-«красного» вождя «левой оппозиции» в РКП(б). Второй — в одного из лидеров этой же оппозиции из «правого большевика».

А вот Николай Бухарин проделал другой путь — от активнейшего «левого коммуниста» зимой — весной 1917–1918 годов до лидера так называемой «правой оппозиции» в партии в 1928–1929 годах. «Огненно-красные» оттенки его взглядов значительно поблекли, их как будто разбавили водой.

Да и сам Ленин, если вдуматься, время от времени становился то более, то менее насыщенно «окрашенным» в «красный» цвет — в зависимости от политической ситуации.

Но в конце концов большинство из тех коммунистов, которые выдвигали «красную альтернативу» «генеральной линии партии», были тоже уничтожены в 1930-е. В последние годы они, униженные и сломленные, перманентно каялись и усердно славили товарища Сталина, но это уже не помогло.

Другим «повезло» — им удалось уйти из жизни раньше, чем начался Большой террор 1930-х. Они умирали от болезней (как Леонид Красин), погибали в результате несчастных случаев (как Камо) или даже при постановке научных опытов на самом себе (как Александр Богданов).

Так или иначе, но в 1930-х годах в Советском Союзе уже практически

не осталось тех, кто осмелился бы открыто излагать собственную «красную идею».

Но это не значит, что их не было никогда. Были.

Это и военачальники, и государственные деятели, и партизанские командиры, и ученые, и народные вожаки, и авантюристы, и карьеристы, и просто попутчики, и убийцы-садисты, и романтики-идеалисты, и многие-многие другие. Харизматические и колоритные личности.

Одних — например, одного из руководителей штурма Зимнего дворца Владимира Антонова-Овсеенко — можно было бы даже назвать «символами революции». Другие — Александр Богданов, Леонид Красин — сначала не приняли Октябрь, но остались в целом лояльными по отношению к нему. У третьих — как у легендарного боевика-большевика Камо — была почти безупречная с точки зрения советской власти биография, что часто не спасало их от ранней гибели. И так далее, и тому подобное.

Таких людей было много, для того чтобы хотя бы кратко пересказать их биографии, понадобилась бы не одна книга. Но в этой речь пойдет о пятерых большевиках, переживавших различные «красные» трансформации и метаморфозы. Конечно, можно было бы выбрать и других. Но своей волей автор решил взять именно этих. Вот и получилось пять таких биографических этюдов.

В багровых тонах.

Владимир АНТОНОВ-ОВСЕЕНКО

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ БРАЛ ЗИМНИЙ

Владимир Антонов-Овсеенко вполне мог бы стать одним из символов Октября 1917 года. Как, например, крейсер «Аврора». А как же иначе — ведь именно он был одним из руководителей захвата Зимнего дворца в ночь на 26 октября[1]. И объявлял Временное правительство низложенным и арестованным.

Сам он, как и положено, описывал этот момент в возвышенно-патетических тонах:

«Вот оно — правительство временщиков, последнее буржуйское правительство на Руси. Застыли за столом, сливаясь в одно трепетное, бледное пятно.

— Именем Военно-революционного комитета объявляю вас арестованными!»

Однако в глазах других очевидцев и современников фигура Владимира Антонова-Овсеенко в эти исторические дни выглядела совсем не монументально. Даже наоборот.

Вот, например, американский журналист Джон Рид, автор знаменитой книги «Десять дней, которые потрясли мир»: «В одной из комнат верхнего этажа сидел тонколицый, длинноволосый человек, математик и шахматист, когда-то офицер царской армии, а потом революционер и ссыльный, некто Овсеенко, по кличке Антонов».

Всего лишь «некто Антонов».

Или вот Маяковский. Описывая в поэме «Хорошо!» момент низложения Временного правительства, он упомянул об Антонове как-то мимоходом, безо всякого исторического пафоса, хотя и «повысив его в звании» (Антонов-Овсеенко не был председателем, а всего лишь секретарем Военно-революционного комитета):

И один
из ворвавшихся,
пенснишки тронув,

объявил,
как об чем-то простом
и несложном:
«Я,
председатель реввоенкомитета
Антонов,
Временное
правительство
объявляю низложенным».

В общем, отнюдь не героический образ.

Да и в глазах врагов он не выглядел роковым злодеем исторического масштаба. Скорее мелкой, несуразной и комичной фигурой. Один из активных участников обороны Зимнего дворца поручик Александр Синегуб описывал его в своих мемуарах: «Маленькая фигурка с острым лицом в темной пиджачной паре и широкой, как у художников, старой шляпчонке на голове».

Потом он его только так и называет — «шляпчонка» или «шляпенка»: «Вот шляпенка прошел мимо меня».

Павел Малянтович, министр юстиции последнего состава Временного правительства, который был тоже арестован Антоновым-Овсеенко, вспоминал: «Шум у нашей двери. Она распахнулась — и в комнату влетел как щепка, вброшенная к нам волной, маленький человечек под напором толпы, которая вслед за ним влилась в комнату и, как вода, разлилась сразу по всем углам и заполнила комнату».

И это писали в 20-х годах, когда Антонов-Овсеенко еще находился в лучах почета и известности.

Ну а дальше — еще больше. В советское время художники написали множество полотен, на которых изображалась сцена ареста Временного правительства. Рабочие с красными повязками, матросы с гранатами и пулеметными лентами, испуганные министры… А Антонов-Овсеенко — лишь на некоторых из них.

Седьмого ноября 1937 года на экраны вышел фильм Михаила Ромма «Ленин в Октябре». Тоже, разумеется, со сценой штурма Зимнего. Но «временных» в фильме арестовывал вовсе не Антонов-Овсеенко, а некий рабочий Матвеев (его сыграл актер Василий Ванин), который при этом говорил: «Ну-с, граждане, функции ваши кончены. С сего часа и навсегда».

Правда, «рабочий Матвеев» имел странную привычку причесываться в

самые важные моменты. Что он и делал и в момент низложения Временного правительства. По одной из версий, авторы фильма таким способом намекали на истинного героя тех событий, который кроме широкополой шляпы носил еще и длинные, почти до плеч, волосы.

Ну а сам Антонов как будто бесследно исчез. И не только из кино — из жизни. О нем не вспоминали почти 20 лет. Даже из поэмы Маяковского на это время исчезли строки, в которых говорилось о нем.

Так что одним из «символов Октября» Антонов-Овсеенко не стал. Но выкинуть его из истории было уже невозможно. Он навсегда вошел в нее, оказавшись в ту ночь в Зимнем во главе рабочих, солдат и матросов. Перефразируя министра Малянтовича, можно сказать, что он влетел в нее как щепка, вброшенная волной Революции, которая в 1917 году разлилась как вода по всем углам страны и заполнила всю Россию.

«Связи по крови ничего не стоят»

Одни из них пришли к революции 1917 года весьма известными и заслуженными в своих кругах людьми. Для других наоборот — именно Октябрьские события стали началом их революционной карьеры.

Владимир Антонов-Овсеенко относится, скорее, к последним. Хотя к моменту прихода большевиков к власти он был уже опытным революционером, имевшим в своем «активе» несколько побегов из тюрем и даже смертный приговор, и прожившим на свете 34 года. По меркам тогдашнего бурного времени, когда 47-летнего Ленина в партии называли «Стариком», возраст весьма почтенный.

Владимир Овсеенко (Антонов — один из его революционных псевдонимов) родился 9 (21) марта 1883 года в Чернигове в семье военного — его отец был участником Русско-турецкой войны 1877–1878 годов, получил на фронтах несколько ранений и дослужился до чина капитана. У Александра и Ольги Овсеенко было пятеро детей: дочери Вера и Мария и сыновья Владимир, Александр и Сергей.

В будущем отец их тоже видел военными и устроил учиться в Воронежский кадетский корпус. Владимира отдали в корпус в одиннадцатилетнем возрасте, и там он проучился семь лет — до 1901 года. Продолжать военное образование он категорически отказывался. Дело закончилось крупной семейной ссорой. Более того — будущий руководитель штурма Зимнего дворца решил даже свести счеты с жизнью и бросился в пруд, но прохожие его спасли.

Его удалось уговорить поступить в престижное Михайловское артиллерийское училище, но через месяц оттуда все равно ушел. Потом уехал в Петербург — в Николаевское военное инженерное училище. Но и там долго не продержался. Он объяснял это тем, что не смог «перебороть в себе органическое отвращение к военщине» и отказался присягать «Царю и Отечеству». За что отделался двумя неделями ареста, после чего из училища его вышибли.

В 1902 году умер его отец. Сам Антонов-Овсеенко вспоминал, что это время стало для него своего рода «перекрестком», на котором пришлось выбирать, куда идти дальше. «Я, — писал он своей дочери, — в семнадцатилетнем возрасте порвал с родителями, ибо они были люди старых, царских взглядов, знать их больше не хотел. Связи по крови ничего не стоят, если нет иных».

В этом же письме он призовет дочь отречься от матери, то есть от его бывшей жены. «Не всякую мать можно добром поминать», — напишет он.

Но до этого еще далеко.

«Штык»

Весной 1902 года он снова отправился в Петербург, где работал сначала чернорабочим в Александровском порту, а затем кучером в Обществе покровительства животным. А осенью поступил в Санкт-Петербургское пехотное юнкерское училище.

Для человека, испытывавшего, по его же собственным словам, «отвращение к военщине» — весьма странный и неожиданный шаг. Позже он сам объяснял его тем, что хотел вести революционную работу среди солдат. Во всяком случае, если это «отвращение» и имело место, то окончательно перебороть это чувство он так и не смог — еще многие годы его жизнь будет связана с военным делом и с армией. В училище его привлекали только история и математика. Еще — книги и шахматы. От «запойного», по его словам, чтения у него испортилось зрение, и он начал носить очки.

Писал он и стихи. Вроде бы еще в кадетском корпусе на них обратил внимание великий князь Константин Константинович — в то время достаточно известный поэт, который подписывал свои произведения инициалами «К. Р.». Он как раз совершал инспекционную поездку в кадетский корпус. Существует версия, по которой великий князь покровительствовал юному дарованию, и поэтому Антонов-Овсеенко смог поступить в училище после скандала с отказом давать присягу.

Социал-демократ Евгений Ананьин, знавший его в это время, вспоминал о нем так: «Небольшого роста, крепко скроенный, затянутый в свой юнкерский мундир, он производил впечатление своей серьезностью (не по летам) и известной замкнутостью. Склад его лица был скорее сосредоточенный, хмурый и даже суровый, но порой оно озарялось какой-то нежной и почти детской улыбкой. Но это случалось редко, и он, как говорится, не любил давать воли своим чувствам. Обычно вид у него был важный и почти недоступный, или, может быть, эта важность была надуманной, не совсем ему свойственной и которую он носил как защитную маску. Сразу поражал в нем и волевой уклон всей его личности. Говорил он немного, на слова был скорее скуп, но то, что он говорил, отличалось (или так казалось мне тогда) значительностью».

В училище Антонов-Овсеенко вступил в РСДРП и стал одним из создателей «военно-революционной организации». Юнкера читали газеты и нелегальную литературу. В 1904 году он был выпущен из училища в чине подпоручика и направлен к месту прохождения службы — в 40-й пехотный Колыванский полк в Варшаву. Там он тоже занимался нелегальной работой.

В марте 1905 года подпоручик Овсеенко получил назначение в действующую армию — на Дальний Восток, где шла война с японцами. Но к месту службы так и не прибыл — дезертировал из армии и ушел в подполье. Скрывался в Кракове (тогда этот польский город находился в составе Австро-Венгрии), затем перебрался в ту часть Польши, которая тогда входила в состав Российской империи, где познакомился с польским эсдеком Феликсом Дзержинским. Они готовили восстание военных в городе Новоалександрия (Пулавы) на юго-востоке Польши. Оно, впрочем, провалилось.

Он писал статьи и революционные прокламации, подписывая их псевдонимом «Штык». Затем был направлен на подпольную работу в Кронштадт, где в июле 1905 года во время демонстрации его арестовала полиция. При аресте у него нашли поддельные документы на имя подданного Австро-Венгрии Стефана Дольницкого. Подлинное имя арестованного установить тогда не удалось, что, вероятно, спасло Овсеенко от смертного приговора. С офицером-дезертиром, занимавшимся «подрывной деятельностью» в то бурное время, вряд ли бы стали церемониться. Но тогда ему повезло. Его выпустили по амнистии, объявленной по случаю издания императорского Манифеста 17 октября о «даровании гражданских свобод».

Овсеенко работал в Петербурге (в конце 1905 года его избрали членом Петербургского комитета РСДРП), где познакомился с Лениным, редактировал военную газету большевиков «Казарма». Любопытно взглянуть на него в это время глазами полиции. Его внешность и приметы описаны в «ориентировке», разосланной сотрудникам Московского охранного отделения (в марте 1906 года «Штык» поехал в Москву на конференцию военных организаций большевиков). Итак: «Малый рост, блондин с едва пробивающимися усами и бородой, худощавый, прищуривается, говорит, растягивая слова, ходит в пенсне».

Делегаты конференции были арестованы. Но, проделав дыру в стене камеры арестного дома, успешно бежали. Через некоторое время «Штык» «материализовался» уже совсем в другом месте — в Севастополе.

Приговор — смерть!

В Севастополе он издавал подпольную газету и преподавал рабочим-боевикам «тактику уличного боя». Работал Овсеенко уже под новым псевдонимом — «Никита» (ударение на втором слоге, а не как в известном французском боевике).

Одиннадцатого июня 1906 года квартиру, в которой находились подпольщики, «накрыли» полицейские. Во время операции некий молодой человек в очках оказал вооруженное сопротивление — выстрелил из револьвера в полицейского (тот, впрочем, остался цел). Во время задержания Никита — Овсеенко, а это, разумеется, был он, назвался крестьянином Енисейской губернии Антоном Сергеевичем Кабановым.

Семнадцатого мая 1907 года военный суд в Севастополе приговорил «Антона Кабанова» к смертной казни через повешение. Правда, вскоре ее заменили двадцатилетними каторжными работами.

…Немного отвлечемся. Волна террора, «экспроприаций», налетов и прочих акций «прямого действия» в те месяцы захлестнула всю Россию. В ответ правительство применяло по отношению к боевикам такое средство, как военно-полевые суды — рассмотрение дела занимало два-три дня, и приговор, как правило, был один — смерть на виселице. 17 ноября 1907 года депутат 2-й Государственной думы от кадетской партии Федор Родичев во время прений в парламенте назвал петлю виселицы «столыпинским галстуком» — по имени тогдашнего премьера правительства Петра Столыпина. В наказание за «непарламентское выражение» Родичев был исключен из Думы на 15 заседаний, а оскорбленный Столыпин даже вызвал его на дуэль, которая, впрочем, не состоялась — депутат принес свои извинения. Однако выражение «столыпинский галстук» навсегда осталось в истории.

Но бывали случаи, когда смертную казнь действительно заменяли каторгой. Такие решения вызывали неудовольствие крайне правых и правых сил. Газета «Вече», например, поместила 27 мая 1907 года следующую заметку:

«К раскрытию ужасного заговора. Изловлена шайка, намеревавшаяся в мундирах конвойцев пробраться во Дворец Царя с бомбами. Для того чтобы им было успешнее проникнуть внутрь дворца, мерзавцы подкупили одного конвойца, который, однако, их всех выдал. Суд над участниками адского заговора против драгоценной жизни Государя Императора состоится не скоро, так как всестороннее следствие займет времени не

менее полугода, а может быть, и целый год. А за это время «товарищи» помогут им каким-нибудь способом убежать».

Надо сказать, что в деле «Антона Кабанова» все произошло именно так, как и предсказывали журналисты «Веча». Подпольная организация большевиков в Севастополе подготовила побег из тюрьмы по всем правилам — заключенным сумели передать револьверы и напильники, которыми они подпилили кандалы. Затем в нужный момент подпольщики попросту взорвали часть тюремной стены динамитом и 21 заключенный, стреляя по часовым, вырвался на свободу.

Газета «Крымский вестник» от 17 июня 1907 года отмечала, что «края громадной бреши в стене густо прокопчены дымом от взорвавшегося снаряда» и что «розыски бежавших и обыски производились в разных местах города всю ночь». Среди бежавших был, конечно, и «Антон Кабанов». Он же «Никита». Он же «Штык». Он же Овсеенко.

Вскоре он нелегально уехал в Москву, оттуда в Гельсингфорс. Затем опять перебрался в Россию. Позже, в одной из своих биографий, Антонов-Овсеенко отмечал, что «пытался вести работу среди матросов царской яхты «Штандарт». Подробности этой работы, правда, так и остались неизвестными. Но, судя по всему, ни к какому конкретному результату она не привела.

Он оказался в Москве, где жил под именем Антона (снова Антона!) Гука, мещанина местечка Креславка Двинского уезда. Снова был арестован. Его должны были отвезти «на родину», в Креславку — чтобы выяснить, действительно ли он является Антоном Гуком.

Разоблачение наверняка бы означало для него новый смертный приговор. Тогда было решено подкупить старосту и писаря Креславки. Те не отказались от денег. Так что, когда «Антона Гука» привезли «на родину», там его радостно встретили «земляки». Никаких доказательств причастности «Антона Гука» к революционному подполью у полиции не было, так что пришлось его выпускать.

Он вернулся в Москву. Было еще несколько задержаний и арестов, и летом 1910 года он был вынужден уехать из России в эмиграцию. Сначала в Германию, а потом во Францию.

Семь лет в Париже

Жизнь эмигранта — как правило, не сахар. Даже если он состоятельный человек. Но среди русских революционеров всех оттенков, которые вынуждены были жить в Европе в начале XX века, таких почти не было. Литературные гонорары, переводы от родственников и партийная «зарплата» составляли главную часть их «денежного довольствия». Многие из них еще и подрабатывали. Как могли.

Наш герой не стал исключением. Поселившись в Париже, он, во-первых, руководил своеобразной «биржей труда», которая пыталась устраивать эмигрантов на работу. Ну и сам старался найти себе работу. Одно время, к примеру, мыл витрины в магазинах. Однажды разбил в витрине стекло и хозяева выставили его на улицу. Один из знакомых описывал его в это время как «изможденного» человека, у которого одежда «износилась до предела».

Несмотря на нужду, он находил время и на то, чтобы увидеть известные парижские места, о которых знал еще с детства. В дневнике от 12 июня 1911 года Овсеенко записал: «Вчера я на целый день отдался Парижу. Я был (и был один) в Лувре — я просмотрел в нем почти все, все мне родное. Я сразу пришел к Джоконде, жадно всматривался в ее лицо… Джоконда смотрела с кроткой улыбкой — смотрела великая душа Леонардо [2], которая ни в чем, чувствуется это, не могла найти своего полного выражения».

Иногда он заходил в кафе «Ротонда» на бульваре Монпарнас. К тому времени оно уже считалось, как бы сейчас сказали, «культовым местом» среди литературной, музыкальной и художественной признанной и еще не признанной богемы, а также местом встреч и совещаний различных революционеров со всей Европы. Здесь бывали Пикассо, Модильяни, Шагал, Кандинский, Дебюсси, Прокофьев, Ахматова… Или люди другого склада — Ленин, Троцкий, Красин, Савинков… Находившийся тогда в эмиграции Илья Эренбург, описавший «Ротонду» в своих мемуарах «Люди, годы, жизнь», вспоминал: «Ротонда» была не притоном, а кафе; там владельцы картинных галерей назначали свидания художникам, ирландцы обсуждали, как им покончить с англичанами, шахматисты разыгрывали длиннейшие партии. Среди последних помню Антонова-Овсеенко; перед каждым ходом он приговаривал: «Нет, на этом вы меня не поймаете, я стреляный». Интересно, что он часто играл в шахматы с Борисом

Савинковым — известным террористом, руководителем Боевой организации партии эсеров, ставшим потом одним из главных врагов большевиков и советской власти[3]. Но до этого пока еще было далеко.

К середине 1907 года революционное движение в России пошло на убыль. Правительству во главе с Петром Столыпиным с помощью энергичных и жестких мер удалось переломить ситуацию в свою пользу. Революционные партии оказались в состоянии глубокого кризиса. Они снова были загнаны в подполье и эмиграцию.

Российская социал-демократическая рабочая партия (РСДРП) формально считалась единой. После раскола в 1903 году на большевиков и меньшевиков представители двух этих течений снова объединились на IV съезде РСДРП в Стокгольме в апреле (по новому стилю — в мае) 1906 года. Но де-факто русские социал-демократы оставались раздробленными на множество группировок. И это относилось как к большевикам, так и к меньшевикам.

Правые меньшевики («ликвидаторы») выступали за ликвидацию нелегальной партии и переход на путь легальной борьбы за конституционные реформы — в Думе, профсоюзах, кооперативах. В «центре» находилась группа во главе с Юлием Мартовым, издававшая газету «Голос социал-демократа». На «левом» фланге меньшевизма оказались «меньшевики-партийцы», которые отстаивали необходимость сохранения нелегальной структуры РСДРП. Их лидером считался старейший русский марксист Георгий Плеханов.

Среди большевиков тоже не было единства. Позиция Ленина была близка к позиции Плеханова и состояла в том, что необходимо сочетать легальные и нелегальные методы работы. «Слева» ему оппонировали «отзовисты», выступавшие только за нелегальную партию и требовавшие отозвать из Думы и других легальных организаций представителей социал-демократов.

Были еще также «бойкотисты», выступавшие за бойкот выборов в парламент, и «ультиматисты». По мнению последних, партия должна была объявить фракции эсдеков в Государственной думе ультиматум, чтобы, как писала в своих мемуарах супруга Ленина Надежда Крупская, «она с думской трибуны выступала так, чтобы ее вышибли из Думы», а при его невыполнении — отозвать депутатов из парламента.

Существовали и так называемые «нефракционные социал-демократы», которые не присоединялись ни к одной из этих фракций и групп. Самым известным из них был Лев Троцкий, издававший в 1908–1912 годах в Вене газету «Правда». Когда большевики начали издание собственной «Правды»,

Троцкий обвинял их в воровстве, а Ленина — в том, что тот «перехватил» у него газету.

Все эти и другие группы, фракции и течения возникали, исчезали, объединялись, разделялись, исключали друг друга из партии. Так что «при приближении» РСДРП представляла из себя довольно-таки пеструю мозаику.

В январе 1912 года сторонники Ленина (плюс два меньшевика-партийца — всего 14 человек) собрались в Праге на конференцию, которую они объявили общепартийной, а ее решения — обязательными для всех членов партии. Был избран и новый ЦК, который де-факто возглавил сам Ильич. Разумеется, противники Ленина ни ЦК, ни решений конференции не признали. В августе 1912 года меньшевики провели свою конференцию в Вене. На нее приехали 29 человек.

Другими словами, в 1912 году в РСДРП произошел очередной раскол. Хотя и позже в ней действовало множество групп различных оттенков, главное было в том, что Ленин начал создавать собственную партию.

Троцкий выступил за преодоление раскола, но особого успеха не имел.

Позже, в 1913 году, появилась и так называемая «Межрайонная организация объединенных социал-демократов». В число «межрайонцев» вошли большевики, меньшевики, сторонники Троцкого и «нефракционные социал-демократы», которые не были согласны с расколом партии и выступали за создание «единой РСДРП».

На каком месте во всей этой пестрой эмигрантской партийной мозаике находился Антонов-Овсеенко? Кстати, именно в Париже он взял себе псевдоним Антонов, ставший со временем частью его фамилии. Были у него и другие псевдонимы — Антон Гальский или «товарищ Антон». Видимо, ему чем-то нравилось это имя.

Казалось бы — «товарищ Антон» должен был находиться в рядах большевиков. Но нет, он примкнул к группе Мартова, то есть к меньшевикам. В советское время этот факт из биографии «одного из руководителей штурма Зимнего дворца» не то чтобы замалчивался, но о нем говорилось как-то вскользь.

…Начало Первой мировой войны привело к новому разграничению среди революционеров вообще и социал-демократов в частности — на «оборонцев» («социал-шовинистов») и «пораженцев» («интернационалистов»), В вышедших в 1933 году мемуарах Антонов отмечал, что «большинство парижской эмиграции уцелело от заразы социал-империалистического пафоса. В жестоких боях *с* социал-патриотами удержалось ядро большевистской секции Парижа…».

Однако он сам тогда состоял в группе «меньшевиков-интернационалистов», лидером которой был всё тот же Мартов.

С 1914 по 1917 год интернационалисты-эмигранты различной партийной принадлежности выпускали в Париже несколько газет — «Голос», «Наш голос», «Наше слово», «Начало». В них, в частности, печатались такие будущие видные советские деятели, как Анатолий Луначарский, Дмитрий Мануильский, Александра Коллонтай, Георгий Чичерин, Моисей Урицкий.

В октябре 1917-го бывший меньшевик-интернационалист Антонов-Овсеенко руководил взятием Зимнего дворца, а их лидер Мартов в это же время умолял не начинать братоубийственную гражданскую войну. Такие вот парадоксы истории.

В «Нашем слове» Антонов-Овсеенко сотрудничал с Львом Троцким. Троцкий вспоминал: «Антонов-Овсеенко по характеру импульсивный оптимист, гораздо больше способный на импровизацию, чем на расчет. В качестве бывшего маленького офицера, он обладал кое-какими военными сведениями. Во время большой войны в качестве эмигранта он вел в парижской газете «Наше слово» военный обзор и нередко проявлял стратегическую догадку».

Тесные отношения с Троцким сохранятся у него на многие годы. Потом, правда, Антонов-Овсеенко будет всячески проклинать своего бывшего соратника, писать, что его наполняет «глубокий стыд» за то, что он оказывал Троцкому поддержку и совершал поступки, которые нельзя назвать иначе как подлыми. А свой тогдашний интернационализм называл «ослабленным троцкистским привкусом».

Но это его все равно уже не спасет.

…В Париже он жил не один. Это была его вторая семья.

Первой гражданской женой Антонова-Овсеенко (их брак формально не был зарегистрирован) стала фельдшерица, выпускница женских Бестужевских курсов в Петербурге по имени Анна. О ней сохранилось мало сведений — участвовала в революционном движении, арестовывалась и умерла во время Гражданской войны то ли от тифа, то ли от гриппа («испанки»), В 1904 году у них родился сын Владимир. Дочь Антонова-Овсеенко Галина уже на склоне своих дней, в начале 2000-х годов, рассказывала, что, когда ее отец и Анна, оба оказались в тюрьме, Владимира усыновил Дзержинский.

Но в эмиграции он оказался уже вместе с другой женщиной — Розалией (Руженой) Канцельсон (Дмитренко).

Галина Антонова-Овсеенко рассказывала, что она вышла за него «по

горячей взаимной любви, вынудила его, атеиста, на венчание в церкви, родила ему пятерых детей: трех дочек и двух сыновей».

В Париже у них родился сын Антон (опять Антон), но вскоре он умер. Затем родилась дочка. И тоже умерла во младенческом возрасте. В мае 1917 года, перед самым возвращением в Россию, в Швейцарии у них родилась дочь Вера.

Возвращение

…В один из декабрьских дней 1916 года хозяин бистро, где Антонов пил кофе, спросил у него: «Слушай, русский! Ты знаешь, что Распутин убит? Выпьем же по этому поводу!» «Охотно, — ответил Антонов. — Но почему ж ты рад?» «Как — почему?! Ведь он — германский агент! Вот что пишут: «Распутин убит и убиты с ним германские интриги». Ты знаешь? Сепаратный мир! Русские хотят вести войну серьезно!»

Прошло еще два месяца, и до Парижа долетело известие о гораздо более грандиозном событии — в России произошла революция, монархия свергнута.

Антонов-Овсеенко вспоминал об этом так: «Легкий мартовский вечер, сиренево-томный в прелом дыханье весны. На малолюдном Авеню д’Орлеан, в кафе, прокуренном и грязном, за мраморными столиками — пестрые разговоры русских эмигрантов. Сегодня — никакого доклада. Так, после работы коротается вечер… И вдруг вбегает… Кто — не помню… К нашему столику… «В России — революция!.. Да, да! Царь отрекся… в пользу Михаила… Образовалось Временное правительство во главе со Львовым»…»

Русские эмигранты начали возвращаться в Россию. 3 (16) апреля в Петроград из Швейцарии через Германию, Швецию и Финляндию в так называемом пломбированном вагоне прибыл Ленин. Позже его противники всячески использовали факт этой действительно весьма двусмысленной поездки через территорию враждебного государства в пропаганде против большевиков, которых обвиняли в шпионаже в пользу Германии. А Уинстон Черчилль даже заявил, что Ленина ввезли в Россию в пломбированном вагоне как «чумную бациллу».

Однако в апреле 1917 года кроме Ленина в таких же поездах из эмиграции вернулись меньшевики, эсеры, анархисты, финские националисты, польские, литовские, латышские и еврейские социал-демократы и т. д. — всего 159 человек. А в сотрудничестве с Германией в

Европе подозревали не только большевиков, но и, например, Троцкого, который вернулся в Россию через Канаду и Англию, эсера Виктора Чернова — он ехал из Франции через Англию, да и многих других.

Антонов-Овсеенко вспоминал, что французское правительство всячески сопротивлялось отъезду в Россию тех эмигрантов, которые выступали против войны, а отправляло сначала «отпетых оборонцев». И только 28 апреля 1917 года группе интернационалистов, в которой был и Антонов, разрешили выехать — через Англию, Швецию и Финляндию.

В Лондоне они посадили розы на могиле Карла Маркса. Затем на пароходе до Стокгольма, оттуда, поездом, до Торнио, на границе с Финляндией, которая тогда еще входила в состав России.

На пароме они начали переправляться через пограничную речку на финскую сторону. Увидели на ней красный флаг и запели «Интернационал». Выехавшие навстречу таможенник и представитель Временного правительства недовольно хмурились. А офицер-пограничник сказал: «Нельзя ли прекратить пение, господа?»

«Ах ты, язви тебя, — срывается у кого-то из наших, видать — сибиряк, — описывал этот момент Антонов. — Погоди, товарищ, — успокаиваем, — до Питера погоди».

Июль. Проба сил

В Кронштадте им зачитали указ об амнистии. Вскоре он уже был в Питере, который поразил его своим изменившимся «лицом». Вместо чинной, солидной и нарядной столицы — «непричесанный», шумный и «демократический» город. «Движенья быстры, жесты развязаны. Речи пестрят новыми терминами, насыщены лихорадкой», — вспоминал Антонов-Овсеенко. И еще одна характерная черта того Петрограда: «К хрусту бесчисленных шагов примешивается хруст семечек. Замызган Питер семенной шелухой. Деревня в городе. Но это — вооруженная деревня, это — крестьянство в солдатских гимнастерках».

Друзья и знакомые Антонова-Овсеенко по эмиграции — Троцкий, Луначарский, Мануильский, а также такие известные социал-демократы, как Адольф Йоффе, Моисей Урицкий и другие состояли в это время во фракции «межрайонцев». Большевики предлагали им объединиться. 10 мая Ленин, Зиновьев и Каменев пришли на их конференцию, но «межрайонцы» колебались, хотя уже мало чем отличались от большевиков по своим взглядам. Троцкий вспоминал, что когда он на митингах говорил «мы, большевики и интернационалисты», то при этом три «и» сливались и получалось «мы, большевики-интернационалисты».

Но многих из них отпугивали, как они говорили, «недостаток демократии» в партии Ленина и «организационные манеры большевиков».

Антонов же сразу решил присоединиться к большевикам. В бывшем особняке балерины Матильды Кшесинской, где теперь находился ЦК большевиков, он поговорил с Крупской и Яковом Свердловым (последний, как подчеркивал Антонов-Овсеенко в 1933 году, особо поинтересовался, знаком ли он со статьями «Ильича и Сталина»), там же ему выписали справку о принадлежности к РСДРП(б). 24 мая в «Правде» появилось его заявление о том, что «раскол в рядах революционных интернационалистов крайне вреден» и что он «подрывает моральный престиж пролетарской партии». «Ввиду этих соображений, — писал он, — я не счел для себя возможности примкнуть совместно с другими нашесловцами к «межрайонной организации» и прошу принять меня в ряды партии…»

Уже от большевиков он выступал на митингах, затем был направлен в Гельсингфорс — на главную базу русского Балтийского флота для ведения агитационной работы среди моряков.

Основная борьба на кораблях Балтийского флота, вспоминал Антонов-

Овсеенко, происходила между большевиками и эсерами. Он ездил по кораблям, держал речи на митингах на Сенатской площади, на которые собирались по 10–15 тысяч человек, участвовал в заседании Центрального комитета Балтийского флота (Центробалта)[4]. Из 33 его членов всего лишь девятеро были большевиками, хотя его председателем стал большевик, моряк Павел Дыбенко. Редактировал Антонов-Овсеенко и орган Гельсингфорсского комитета газету «Волна».

Вскоре его выбрали и председателем Гельсингфорсского комитета РСДРП(б). «У нас, — вспоминал Дыбенко, — очень строго было. Опоздаешь на ячейку или вообще не придешь, Антонов-Овсеенко тут же тебе два наряда вне очереди на митингах выступать назначит».

И комитет, и редакция, и общежитие находились в одном доме на Мариинской улице. В «спальне» стояли несколько железных кроватей и деревянный стол. По вечерам Антонов-Овсеенко читал или писал, пока остальные пили чай. «Денег на содержание никто из нас не получал, экономно производили небольшие расходы из комитетской кассы, которой ведал я, — рассказывал секретарь комитета Михаил Рошаль. — …Вечером в комнате полутемно. Забьемся в угол и, стараясь не мешать Антонову-Овсеенко, рассказываем друг другу о пережитом или обсуждаем злободневные новости».

«Гроза прорвалась»

«Гроза назревает в Питере. Гроза прорвалась в Питере 3–5 июля», — писал Антонов-Овсеенко. Действительно, обстановка в столице в эти дни была по-настоящему грозовой.

Хотя до сих пор окончательно не ясно, что именно там происходило.

Вечером 3 июля на улицы Петрограда из казарм вышли солдаты 1-го пулеметного полка. Они рассылали делегатов на заводы и в другие военные части. К полуночи огромная толпа (по разным оценкам, от 50 до 150 тысяч человек) осадила Таврический дворец, где заседал Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК) Советов рабочих и солдатских депутатов. Она требовала отставки Временного правительства и передачи всей власти Советам.

Уже в тот вечер на улицах Петрограда вспыхивала стрельба. В столкновениях не обошлось без убитых и раненых.

Кто стоял за этим выступлением? Через несколько дней в его организации обвинят большевиков, хотя, похоже, что его начало стало для

них полной неожиданностью. Ленина так вообще не было в городе — он еще 27 июня вместе с сестрой Марией уехал в Финляндию на дачу к своему товарищу Владимиру Бонч-Бруевичу и вернулся в Петроград только днем 4 июля, после того, как узнал о том, что происходит в столице.

Третьего июля большевики вели себя весьма двусмысленно. Члены ЦК партии высказались против участия в демонстрации, но на заседании Петроградского совета ее представители потребовали, чтобы Совет взял в руки власть. Меньшевики и эсеры потребовали остановить выступление солдат, но большевики отказались.

К двум часам ночи к Таврическому дворцу подошло около тридцати тысяч рабочих Путиловского завода, а из Кронштадта на помощь «восставшим» готовились выступить около десяти тысяч моряков. В эту же ночь ЦК РСДРП(б) и союзники большевиков «межрайонцы» приняли решение «возглавить мирную, но вооруженную демонстрацию с утра 4 июля». Именно так — «мирную, но вооруженную».

Ленин позже утверждал, что это решение было принято для того, чтобы придать демонстрации «мирный и организованный характер». Но, думается, Ильич лукавил. Скорее всего, большевики решили провести пробу сил. Если не получится устранить правительство, ограничиться «мирной демонстрацией», а если вдруг получится…Что же, победителей не судят. Григорий Зиновьев вспоминал, что вернувшийся в Петроград Ленин говорил тогда: «А не попробовать ли нам сейчас? — тут же прибавляя: — Нет, сейчас брать власть нельзя, сейчас не выйдет, потому что фронтовики не все еще наши…»

Четвертого июля кронштадтские матросы высадились в Петрограде и маршем прошли к особняку Кшесинской, где перед ними выступили Ленин, Свердлов, Луначарский. Причем речь Ленина была относительно «мирной» — он призывал матросов к стойкости и бдительности и выражал уверенность, что власть вскоре в любом случае перейдет к Советам.

В «мирной вооруженной демонстрации» участвовало, по различным данным, до пятисот тысяч человек (скорее всего, эта цифра все же является преувеличением). По ее пути к Таврическому дворцу несколько раз возникали перестрелки. Были погибшие и раненые. Заодно ограбили несколько магазинов, квартир и разгромили штаб-квартиру контрразведки.

Одна из групп демонстрантов, проникнув в Таврический дворец, поймала министра земледелия и одного из самых известных эсеров, Виктора Чернова. Его поволокли на улицу, разорвав на нем костюм. Попытавшихся защитить его членов ВЦИКа матросы отогнали ударами прикладов. Чернову объявили, что его не отпустят, «пока Совет не возьмет

власть», а какой-то неизвестный рабочий, поднеся к его лицу кулак, заорал: «Ну, бери власть, коли дают!»

Спас Чернова внезапно появившийся Троцкий. Он обратился к матросам: «Товарищи кронштадтцы! Краса и гордость русской революции! Я убежден, что никто не омрачит нашего сегодняшнего праздника, нашего торжественного смотра сил революции, ненужными арестами. Кто тут за насилие, пусть поднимет руку!» Не дав им опомниться, Троцкий схватил Чернова за руку и увел.

Кто знает, как бы развивались события дальше, если бы в них наконец-то не вмешался главнокомандующий войсками Петроградского военного округа генерал-майор Петр Половцев. Узнав о нападении на Чернова, он приказал выкатить к Таврическому дворцу два орудия под прикрытием сотни казаков и открыть огонь. По пути ко дворцу на Литейном мосту казаков и артиллеристов начали обстреливать какие-то люди из пулемета. Тогда по ним открыли артиллерийский огонь. Было сделано три выстрела, но этого хватило для того, чтобы, услышав близкую канонаду, толпа у Таврического дворца начала разбегаться в разные стороны.

Это стало началом «коренного перелома» в «июльских днях». 5–9 июля отряды юнкеров, георгиевских кавалеров и прибывшие с фронта верные Временному правительству части начали наступление и окончательно сломили сопротивление частей, принимавших участие в «мирной вооруженной демонстрации».

В эти же дни в газетах появились сенсационные сообщения о том, что Ленин — агент германского Генерального штаба. 8 июля было опубликовано постановление Временного правительства об аресте и предании суду руководителей большевиков, объявленных германскими агентами и организаторами восстания против Временного правительства. Были арестованы Троцкий (формально являясь еще не большевиком, Троцкий в знаки солидарности с ними потребовал арестовать себя сам), Каменев, Коллонтай, Раскольников, Луначарский. Ленин и Зиновьев ушли в подполье, скрывшись под видом косцов под Петроградом на станции Разлив — в шалаше.

«Ага, еще большевичков подсыпали!»

А что же происходило тем временем в Гельсингфорсе?

Вечером 3 июля туда поступили сведения о том, что Временное правительство свергнуто и власть перешла в руки Советов. Сообщалось о

демонстрациях и перестрелках. Дыбенко зачитывал телеграммы на заседании Центробалта и говорил, что есть сведения о переходе в Петрограде власти в руки Советов. 5 июля в Гельсингфорсе все еще надеялись на то, что смогут помочь тем, кто участвовал в выступлении. В Петроград послали миноносец с семьюдесятью матросами. Затем — еще два миноносца с делегацией моряков во главе *с* Дыбенко. Она должна была «довести до сведения» ЦИКа, что «нами будет признана только власть, выдвинутая из состава Всероссийского съезда рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». Однако делегации как в воду канули — от них не было никаких известий. Позже выяснилось — они были задержаны и разоружены, а Дыбенко арестован юнкерами.

«Настроения масс» менялись быстро. После того как стало ясно, что выступление в Петрограде провалилось.

11 июля матросская фракция Гельсингфорсского совета проголосовала за поддержку Временного правительства.

12 июля на заседании Совета обсуждался вопрос о роспуске Центробалта. Возражения большевиков во главе с Антоновым-Овсеенко встретили обструкцией и топотом сапог. К тому же корабли, команды которых поддерживали большевиков, срочно увели в море. 14 июля на Сенатской площади состоялся очередной большой митинг. «Наружу вылезла вся оборонческая и обывательская шваль, — писал о нем Антонов-Овсеенко, — Сенатская площадь давненько не видала такой живописи!» Ему тоже предоставили слово, но «минут пять — и напряженный голос сдает. Вой и рев заглушают дальнейшую речь. Свирепые разгоряченные рожи тянутся ко мне угрожающе».

На следующий день его арестовали прямо на улице. Чуть позже, также на улице, «взяли» левых эсеров Проша Прошьяна и Алексея Устинова. Всех троих в специальном вагоне отправили в Петроград. Там Антонова-Овсеенко посадили в грузовик и доставили в тюрьму «Кресты». Его соседом по камере оказался Дыбенко. Были в тюрьме и другие любопытные встречи. На прогулке они увидели лекаря Царской семьи, врача тибетской медицины Петра Бадмаева, лечившего Николая II и Распутина. Бадмаев вроде даже обрадовался: «Ага, еще большевичков подсыпали! Добро пожаловать. Крайности-то сходятся…»

Июль и август 1917 года были для большевиков самым тяжелым временем после свержения монархии.

Очевидцы вспоминали, что чуть ли не каждый прохожий в Петрограде считал своим долгом поймать большевика, видя в нем «провокатора» и «немецкого шпиона». «На каждом перекрестке только и слышно, как

ругают большевиков, — вспоминал Федор Раскольников. — Одним словом, открыто выдавать себя на улице за члена нашей партии было небезопасно». 8 июля газета «Новая жизнь» отмечала, что растет число эксцессов «толпы и солдат против отдельных большевиков» и что «толпа врывается даже в трамвае и ищет «ленинцев».

Одного из членов ВЦИК избили за то, что он призвал не считать Ленина германским агентом, пока это не доказал суд. Газеты выдвигали различные версии, куда мог скрыться Ленин — то ли в Кронштадт, то ли в Стокгольм, то ли в Германию, то ли… в Одессу. Появлялись сообщения, что Ленина уже поймали в переодетом виде — в костюме матроса или даже в женском платье. Любопытно, что через несколько месяцев будут распространяться такие же сплетни, но уже о якобы сбежавшем в женском платье последнем министре-председателе Временного правительства Александре Керенском.

Писатель Илья Эренбург, который как раз в это время возвратился в Россию из эмиграции, вспоминал, что русский офицер-пограничник, посмотрев его паспорт, довольно злобно сказал: «Опоздали. Кончилось ваше царствие. Напрасно едете». А по дороге в Россию эмигранты, еще недавно радовавшиеся тому, что в России «взошла заря свободы», ругались друг с другом. Один из противников большевиков кричал: «Вы что хотите — бунтовать? Не выйдет, голубчики! Свобода свободой, а вам место в тюрьме!» Ему не менее убедительно отвечали: «Не тут-то было! Пролетариат возьмет власть в свои руки. Кто кого посадит — это еще вилами на воде писано!» Пророческие слова, что и говорить.

Ну а пока аресты и преследования большевиков проходили по всей стране. Было арестовано около восьмисот человек, в Петрограде закрыт штаб партии в особняке Кшесинской, закрывались большевистские газеты. Тогда, после «июльских дней», многим обывателям казалось, что большевики находятся «при смерти» и не исключено, что и все эти «Советы» и «комитеты» вскоре канут в небытие, а в стране установится «сильная государственная власть». Так, в общем-то, и случилось. Только эту «сильную власть» установили как раз те, кого в июле 1917-го, как писали тогдашние газеты, «пригвоздили к позорному столбу».

«Июльский кризис» привел к отставке первого министра-председателя Временного правительства — князя Георгия Львова. Его место занял военный министр Керенский. Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов, в котором тогда преобладали эсеры и меньшевики, признал новый кабинет «правительством спасения революции».

Большевикам в это время был нанесен тяжелый удар, но они не были

добиты до конца. Их газеты закрывали, но вскоре они выходили под другими названиями. Скрывающиеся и арестованные руководители партии помещали свои письма и протесты в других газетах. Партийные организации продолжали функционировать в полулегальном режиме.

Такое странное положение во многом объяснялось позицией эсеров и меньшевиков. Их представители в Петросовете, например, очень холодно и настороженно отнеслись к обвинениям в шпионаже в пользу Германии в адрес Ленина. Да и вообще они понимали, что если дать правым возможность разгромить большевиков, то потом они возьмутся и за них. Как весьма проницательно заметил непримиримый противник Ленина, меньшевик Федор Дан: «Сегодня изобличен большевистский комитет, завтра под подозрение возьмут Совет Рабочих Депутатов, а там и война с революцией будет объявлена священной».

Между тем 20 июля газета «Пролетарское дело» напечатала статью «Политическое положение». «Всякие надежды на мирное развитие русской революции исчезли окончательно, — говорилось в ней. — Объективное положение: либо победа военной диктатуры до конца, либо победа вооруженного восстания рабочих…

Лозунг перехода всей власти к Советам был лозунгом мирного развития революции, возможного в апреле, мае, июне, до 5–9 июля, то есть до перехода фактической власти в руки военной диктатуры. Теперь этот лозунг уже неверен, ибо не считается с этим состоявшимся переходом и с полной изменой эсеров и меньшевиков».

Статья была подписана буквой W, но ее автором был скрывавшийся в подполье Ленин.

Летом 1917 года в партии большевиков состояло 240 тысяч человек. Для сравнения: в партии меньшевиков — 150–170 тысяч, кадетов — около 100 тысяч, а в партии эсеров — около миллиона человек. 26 июля — 3 августа в Петрограде прошел полулегальный съезд большевиков (позже они назвали его шестым по счету, хотя из-за раскола такую нумерацию их противники оспаривали), пересмотревший тактику партии. Он поддержал точку зрения Ленина о том, что период мирного развития революции и двоевластия завершился и необходимо вести подготовку вооруженного захвата власти.

На съезде в партию влилась и фракция «межрайонцев». Двое из них — Троцкий и Урицкий — были избраны в ЦК. Правда, Троцкий и «межрайонец» Луначарский, избранные почетными председателями съезда наряду с Лениным, Каменевым, Зиновьевым и Коллонтай, сидели тогда в тюрьме. Там же находился и Каменев, а Ленин и Зиновьев — в шалаше.

Арестованные большевики направили съезду приветствие: «Из глубины застенков, куда нас ввергла ненависть реакционеров и трусость изменников революции, приветствуем съезд нашей партии…»

В мемуарах Антонова-Овсеенко вообще и в той их части, где речь идет об июле — августе 1917 года, явно чувствуется влияние того времени, когда они писались. Скажем, о Троцком, который и в тюрьме продолжал бурную деятельность, забрасывая протестами и письмами министров правительства и газеты, он если и упоминает, то в том смысле, что «прочли его статью с недоумением» и т. д. Зато много восторженных слов о Сталине: «Во главе работы — никогда не сдающий, железный большевик Сталин. Это крепко, надежно. И влияние партии под этим руководством растет… Основные положения Ильича прекрасно развил в своем докладе съезду т. Сталин… У Ленина — Сталина этой поразительной действенности революционной тактики, этой прозорливости революционного вождя… Чеканный стиль Сталина» и т. д.

В «Крестах» сидели более семидесяти большевиков. Около тридцати из них обвинялись в участии в июльских событиях, то есть в попытке государственного переворота. Остальным сорока вообще никаких обвинений не предъявляли. Среди последних были, в частности, Троцкий и Антонов-Овсеенко. 3 августа политические заключенные в «Крестах» объявили голодовку. Они требовали в 24 часа предъявить им обвинения, назначить дату суда или же освободить. Это требование не выполнили. Тогда к голодовке присоединились все заключенные «Крестов», в том числе и уголовники. А потом — и арестанты в других тюрьмах.

Это возымело действие. Сначала ослабили режим — двери камер днем теперь были открыты, библиотека работала, приходили газеты и письма, разрешались свидания. Затем политических начали постепенно освобождать. 15 августа на свободу вышел и Антонов-Овсеенко. «Снова ощущение простора, насыщенного буйным ветром… Захватила, завертела волна митингом», — вспоминал он. Впрочем, в Питере он оставался недолго и вскоре уже снова был в Гельсингфорсе.

«Предгрозовье»

В Гельсингфорсе Антонов руководил комитетом партии большевиков, потом был назначен комиссаром при генерал-губернаторе Финляндии. Надо сказать, что именно в Финляндии процесс «большевизации» Советов, солдат и матросов шел быстрее всего — там всегда были сильны радикальные настроения. Уже 19 сентября Центробалт и около восьмидесяти кораблей главной базы Балтийского флота отказались подчиняться Временному правительству, что, по оценке Ленина, представляло собой «полный *откол* от правительства финляндских войск и Балтийского флота» (курсив автора. — *Е. М.)*.

Вообще, маятник политических симпатий, резко отклонившийся вправо в июле 1917 года, в сентябре уже явно двигался в противоположную сторону. Это движение ускорялось буквально с каждым днем. И сильно подтолкнул маятник так называемый Корниловский мятеж в конце августа.

О причинах и обстоятельствах выступления тогдашнего Верховного главнокомандующего генерала Лавра Корнилова до сих пор еще идут споры. Есть, к примеру, версия о том, что Корнилов договорился с Керенским о своем походе на Петроград, но потом глава правительства изменил свою позицию и объявил генерала изменником. Но это — тема отдельного исследования. Факт в том, что Корнилов требовал отставки правительства, предоставления ему чрезвычайных полномочий, восстановления смертной казни, объявления Петрограда на военном положении — в общем, установления военной диктатуры и «ведения войны до победного конца».

На Петроград двигались верные Корнилову войска под командованием генерал-лейтенанта Александра Крымова. 28 августа они заняли Лугу. Правительству и Керенскому ничего не оставалось, как обратиться за помощью к Советам. В отличие от «июльских» в «корниловские» дни сложился временный и зыбкий, но все же общий «левый фронт». В Гельсингфорсе был создан Революционный комитет, который заклеймил корниловцев как «изменников» и потребовал передачи всей власти в руки «революционной демократии». В воззвании Ревкома говорилось: «Товарищи! Пробил грозный час, революция со всеми ее завоеваниями находится в величайшей опасности… Настал момент, когда революции и стране понадобились ваши силы, ваши жертвы и, быть может, ваши жизни; в силу этого Революционный комитет призывает всех вас сплоченными

рядами стать на защиту революции… нанести сокрушительный удар контрреволюции и задавить ее в зародыше».

Временное правительство было вынуждено раздать оружие рабочим. Впрочем, часто его никто и не спрашивал. На заводах началось формирование отрядов Красной гвардии, причем бывало, что винтовки и бомбы красногвардейцы получали прямо из цехов оружейных заводов. Другие рабочие строили укрепления под Петроградом, а агитаторы-большевики (в области агитации они превосходили других) отправились навстречу войскам Крымова, чтобы «распропагандировать» их.

Интересно, что матросы крейсера «Аврора» и других кораблей в те дни охраняли Зимний дворец, телеграф, мосты и другие важнейшие объекты Петрограда. Вот такая вот ирония истории.

Корниловское выступление закончилось неудачей. Генерал Крымов застрелился, а Корнилов и поддержавшие его генералы Деникин, Марков, Эрдели, Романовский и другие были арестованы. Корнилов хотел предотвратить приход к власти большевиков, но так получилось, что его «поход на Петроград», наоборот, ускорил этот процесс. Позиции большевиков после их активного участия в подавлении «мятежа» крепли, влияние на заводах росло, и в их распоряжении появились вооруженные отряды Красной гвардии — им, по некоторым оценкам, было роздано более сорока тысяч винтовок. Понятно, что разоружить их у сторонников правительства уже не было никакой возможности.

Четвертого сентября из «Крестов» и других тюрем выпустили арестованных в июле большевиков, в том числе и Троцкого. Он вспоминал, что в последние дни августа — в начале сентября «Петроградский Совет обнаружил столь резкий большевистский крен, что удивил оба лагеря: и правый, и левый. В ночь на 1 сентября, под председательством все того же Чхеидзе[5] Совет проголосовал за власть рабочих и крестьян. Рядовые члены соглашательских фракций почти сплошь поддержали резолюцию большевиков».

Стоить добавить — 9 сентября председателем Совета стал сам Троцкий. На состоявшихся 25 сентября перевыборах Исполкома Петросовета большевики получили значительное большинство. Большинство большевики получили и в Московском совете. Антонов-Овсеенко отмечал, что тогда «революция победила окончательно в сознании рабочих и солдатских масс».

Накануне

Обстановка в стране накалялась. На фронте наступали немцы. 3 октября началась эвакуация Ревеля, 8 октября немецкие войска захватили Моонзундские острова, создав тем самым непосредственную угрозу Петрограду.

Временное правительство металось: после долгих проволочек оно назначило выборы в Учредительное собрание на 12 ноября, а его первое заседание — на 28 ноября. С другой стороны, обсуждался вопрос о переезде министров и депутатов будущего собрания в Москву — ввиду угрозы приближения германских войск. Собирались также эвакуировать крупнейшие петроградские предприятия. Решение об этом было, в общем, принято — споры шли только о сроках. Когда информация об эвакуации появилась в газетах, Троцкий заявил: «Если правительство не в состоянии защитить Петроград, оно должно либо заключить мир, либо передать власть другому правительству». Кстати, Петроградский совет, согласно этим планам, эвакуации не подлежал.

Вечером 10 октября состоялось совещание ЦК партии большевиков, на котором большинство высказалось за восстание[6]. 16 октября состоялось еще одно, расширенное, заседание ЦК. За подготовку к восстанию высказались 19 человек, против — двое (Зиновьев и Каменев), четверо воздержались. Антонов-Овсеенко описал, как на следующий день после этого заседания они с Николаем Подвойским (который вскоре станет заместителем председателя только что созданного Военно-революционного комитета) и руководителем «Военной организации» Петроградского комитета большевиков Владимиром Невским встречались с Зиновьевым и Лениным. Зиновьев, по его словам, был загримирован и похож на приказчика. «Если вы сможете доказать, что, взяв власть, продержитесь хотя бы две недели, я буду за восстание», — говорил он. Антонов ему ответил: «Выхода нет. Мы уже в бою. Надо победить или умереть!» Потом они поехали к Ленину, который выглядел как «седенький, с очками, довольно бодренький старичок добродушного вида: не то учитель, не то музыкант, а, может быть, букинист». Потом, правда, Ленин снял очки и парик и начал горячо доказывать пагубность всяческих отсрочек от восстания. Выйдя от Ленина, они увидели какого-то подозрительного велосипедиста и подумали, что это полицейский «шпик». Тогда как раз газеты сообщали, что правительство напало на след Ленина. Антонов на всякий случай сунул руку в карман, где лежал револьвер, а Подвойский вернулся в дом, чтобы предупредить Ленина. Но тут велосипедист укатил. Еще через несколько минут из дома вышел загримированный Ленин и отправился на другую конспиративную квартиру.

Восемнадцатого октября Каменев и Зиновьев опубликовали в газете «Новая жизнь» заметку «Ю. Каменев о «выступлении», в которой сообщили о решении, принятом ЦК партии большевиков и своем несогласии с ним. Это привело Ленина в ярость. Он назвал их штрейкбрехерами, написал гневные письма в ЦК с требованием исключить Каменева и Зиновьева из партии, но ЦК его не поддержал. Было принято, однако, решение о запрете Каменеву и Зиновьеву впредь выступать в печати против решений ЦК и линии партии. Описывая эту ситуацию, Антонов-Овсеенко вспоминал, что, когда он читал заметку в «Новой жизни», у него «в глазах зарябило от негодования». «Удар в спину», «дезорганизаторский акт» — так Антонов оценивал заявление оппозиционеров. «Предупрежденный враг начал лихорадочно готовиться», — заключал он.

В сентябре — октябре 1917 года Антонов-Овсеенко мотался между Питером и Финляндией. Участвовал во II съезде моряков Балтфлота, входил в состав Организационного комитета и Исполкома съезда Советов Северной области, участвовал в работе I конференции военных организаций РСДРП(б) Северного фронта.

Девятого октября на пленуме Исполкома Петросовета меньшевики предложили создать Комитет революционной обороны Петрограда, который должен был бы оказывать содействие войскам. Но, как вспоминал Антонов, эту идею большевики «повернули против ее авторов». По их предложению был создан Военно-революционный комитет при Исполкоме Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. Формально он должен был выполнять функции организатора обороны города и позиционировал себя как «многопартийный орган Петросовета» — в его состав входили большевики, левые эсеры и анархисты.

Однако, как писал Антонов, «меньшевики уразумели, куда клонится дело»:

«— Ведь это штаб для захвата власти! Пусть большевики прямо и честно скажут, готовят ли они выступление…

— На какой предмет вы все это спрашиваете? Для сведения охранки, что ли? — резко обрывает их председатель совета… — В Военно-революционном комитете могут участвовать все советские партии. Заговора нет». «Председатель совета» — это, конечно, Троцкий, один из инициаторов создания ВРК, но Антонов-Овсеенко и здесь его дипломатически не упомянул. Упоминал, впрочем, в других местах, но почти всегда негативно. Например, в предисловии к своим мемуарам он писал: «В ВРК мы чувствовали Троцкого не как организующее начало, но

как преимущественно тормозящее, сдерживающее начало, чуждое ленинскому руководству…» Это было, конечно, не так. Например, заседание ВРК 21 октября началось настолько энергичным выступлением Троцкого, что даже газета «Голос солдата», которая отражала взгляды меньшевиков и эсеров, отмечала, что после речи Троцкого «собравшиеся были так наэлектризованы», что требовали немедленной передачи власти Советам, а все другие мнения встречали криками «Долой!». Именно Троцкий был автором принятой в тот же день декларации о том, что военный гарнизон Петрограда более не подчиняется штабу Петроградского военного округа, а признает руководство ВРК. Временное правительство лишилось опоры в войсках. Комиссары ВРК были направлены в воинские части и на боевые корабли. Приказы военного командования могли выполняться лишь в том случае, если их подтверждал ВРК. 21 октября председателем ВРК был избран левый эсер Павел Лазимир, его заместителем стал большевик Николай Подвойский, секретарем — Антонов-Овсеенко. По сути Комитет и стал организатором и координатором вооруженного восстания в Петрограде — «мотором революции», как называл его сам Антонов. Разместился ВРК на третьем этаже бывшего Смольного института благородных девиц. С августа 1917 года там же, в Смольном, находился Петроградский совет. Там, по весьма пафосному выражению Антонова-Овсеенко, «скрещивались тысячи воль, надежд, призывов со всей страны».

Двадцать второго и 23 октября Временное правительство получало донесения о массовых митингах во всех районах города, организованных большевиками и их союзниками. Положение для него становилось критическим. Керенский пытался перейти в контрнаступление. Он предложил арестовать ВРК, но потом, под влиянием военных, смягчил свою позицию, потребовав от Комитета отказаться от своих заявлений в отношении гарнизона, иначе власти примут «все меры для восстановления закона и порядка». Возможно, тогда был упущен последний момент для того, чтобы переломить ситуацию. В среде революционеров господствовало совсем другое настроение. «Празднично. Торжественно. Подъемно… Это — предгрозовье!» — вспоминал Антонов-Овсеенко.

Двадцать третьего октября большевики сделали еще один важный шаг к захвату власти — на сторону ВРК перешел гарнизон стратегически важной Петропавловской крепости, как раз напротив Зимнего дворца. Интересно, что «завоевывать» крепость Антонов и Троцкий предлагали по-разному — первый «силовым» путем, второй — с помощью агитации. Победил подход Троцкого — в Петропавловке созвали митинг, который

продолжался целый день. Голосовали так: кто за ВРК — переходил на левую сторону, кто против — на правую. На правой стороне оказалась лишь небольшая группа. Крепость перешла на сторону ВРК без единого выстрела, торжествовал Антонов-Овсеенко. Но тут же (в мемуарах) оговаривался, что эта победа произошла, «конечно, вопреки тактической линии, которую стремился проводить Троцкий». Если бы Временное правительство, по его словам, ввело в крепость одно из пехотных юнкерских училищ, то результат голосования мог быть другим. В 1933 году, когда воспоминания Антонова появились на свет, подобные оговорки были уже обязательны.

Несмотря на то что через 15 лет после Октябрьских событий Антонов-Овсеенко всячески представлял себя сторонником бескомпромиссных, решительных действий, в реальности это было не совсем так. 23 октября 1917 года он, например, докладывал о работе ВРК на заседании Петроградского совета. Все мероприятия, которые осуществлял ВРК в последние дни, не были, по его словам, направлены на захват власти, а объяснялись лишь необходимостью защиты революции и обеспечения созыва съезда Советов и Учредительного собрания.

Ленин отчаянно призывал ускорить процесс начала восстания, но только к вечеру 23 октября была закончена мобилизация сил, на которые мог опираться ВРК. Да и то не полностью — приказы о выступлении в Петроград матросам из Гельсингфорса и Кронштадта были направлены только на следующий день. В советских источниках часто встречались данные о соотношении сил противников и сторонников Временного правительства в районе Петрограда накануне 25 октября 1917 года — 300 тысяч против 23 тысяч человек. Цифры наверняка преувеличены, но нет сомнений в том, что революционеры располагали значительным превосходством. Однако в последний момент Керенский все-таки сделал попытку перейти к решительным действиям.

Октябрьские дни

Рано утром 24 октября Антонова-Овсеенко разбудил дежурный по ВРК. «Началось!» — сказал он. Оказалось, что верные правительству военные части начали стягивать к Зимнему дворцу, где находилось правительство. Их было не так уж и много — юнкера, 1-й ударный женский батальон, стрелковый полк «увечных воинов», то есть инвалидов, батарея конной артиллерии и т. д. На рассвете юнкера ворвались в типографию, где печатался центральный орган партии большевиков «Рабочий путь». Накануне правительство распорядилось закрыть его (как, впрочем, и крайне правые газеты «Живое слово» и «Новая Русь»). Караулы юнкеров заняли мосты через Неву, почту, телеграф и т. д.

Уже через несколько часов революционные солдаты освободили типографию и «Рабочий путь» снова начал печататься. Однако активизация сторонников Временного правительства вызвала сильное беспокойство в ВРК. В Петроград уже начали съезжаться делегаты съезда Советов, и, если бы Керенскому удалось нанести удар именно в это время, под угрозой оказывалось не только проведение восстания, но и работа съезда — как органа советской власти. Руководство большевиков сильно беспокоила эта ситуация. На заседании ЦК, проходившем 24 октября в Смольном, было даже принято решение перебраться в Петропавловскую крепость — в том случае, если Смольный будет захвачен сторонниками Керенского.

Тем не менее среди революционеров еще преобладала «оборонческая» тактика. Действительно, в воззваниях ВРК «Солдаты! Рабочие! Граждане!» и «К населению Петрограда», принятых в тот же день, говорилось только о том, что «корниловцы» собираются «раздавить Съезд», «сорвать работу Учредительного собрания», «вызвать на улицах Петрограда смуту и резню», поэтому «Петроградский совет…берет на себя охрану революционного порядка от контрреволюционных покушений». «Вопреки всякого рода слухам и толкам, — говорилось еще в одном сообщении, — ВРК заявляет, что он существует отнюдь не для того, чтобы подготовлять и осуществлять захват власти, а исключительно для защиты интересов Петроградского гарнизона и демократии от контрреволюционных (и погромных) посягательств».

На заседании большевистской фракции делегатов съезда 24 октября Сталин заявил, что «в рамках ВРК имеются два течения: 1) немедленное восстание, 2) сосредоточить вначале силы. ЦК РСДРП(б) присоединился ко

2-му». А Троцкий сказал: «Мы… не отклоняемся ни вправо, ни влево. Наша линия диктуется самой жизнью. Мы крепнем с каждым днем. Наша задача, обороняясь, но постепенно расширяя сферу нашего влияния, подготовить твердую почву для открывающегося завтра съезда Советов. Завтра… выявится настоящая воля народа…»

Такой подход бесил Ленина, который все еще скрывался на Сердобольской улице в квартире Маргариты Фофановой. Он отправлял Фофанову в ЦК с письмами, в которых требовал разрешить прийти ему в Смольный. Но ему отказывали. Как вспоминала Фофанова, прочитав записку с отказом, Ленин смял ее, швырнул на пол и произнес: «Сволочи!» Затем возмущенно продолжил: «Я их не понимаю. Чего боятся эти багдадские ослы? Ведь только позавчера Подвойский докладывал и убеждал меня, что такая-то военная часть целиком большевистская, что другая тоже наша. А теперь вдруг ничего не стало. Спросите, есть ли у них сто верных солдат или красногвардейцев с винтовками, мне больше ничего не надо. Я сам низложу Керенского».

Принцип «ждать съезда», конечно, давал правительству определенные шансы. Хотя их было очень мало. Большая часть воинских частей подчинялась ВРК или сохраняла нейтралитет. Полки, получившие приказ в Петроград с фронта, не торопились выполнять или открыто саботировали его. Командир крейсера «Аврора», который ремонтировался в Петрограде, получил приказ выйти в море для испытания машин. Члены судового комитета отправились за советом к Антонову-Овсеенко. Тот заявил: «Никуда не уходить. Вас отсылают, чтобы ослабить нашу силу. Не выполняйте приказа. Вот письменное указание». В итоге корабль остался в столице.

На 24 октября в распоряжении Керенского имелось около трех тысяч военных, стянутых к Зимнему дворцу — резиденции правительства. Днем премьер произнес речь в Совете Республики, уговаривая депутатов дать ему неограниченные полномочия для борьбы с большевиками. Это было его последнее публичное выступление в России. Керенский уехал из Мариинского дворца около 14.30, а в «предпарламенте» еще шесть часов шли дебаты — давать ему такие полномочия или нет? В половине девятого вечера незначительным большинством голосов Совет Республики отказал Керенскому в доверии.

Хотя какое в то время это уже имело значение?

К вечеру 24-го «революционная оборона» начала переходить в иное качество. По существу, революционеры постепенно овладевали положением в столице. Антонов-Овсеенко вспоминал, что во второй

половине дня от боевого центра ЦК пришел приказ — действовать решительно, ликвидацию правительства и захват власти завершить, не дожидаясь съезда Советов. Тогда же, по его словам, ВРК выделил для непосредственного руководства восстанием «тройку» — Подвойского, Антонова и Григория Чудновского — бывшего меньшевика, «межрайонца», находившегося в эмиграции вместе с Троцким и вместе с ним вернувшегося в Россию в мае 1917 года и вступившего в партию большевиков. После этого Чудновский воевал на фронте, был ранен и прибыл в Петроград только в октябре — как делегат съезда Советов.

Вечером Антонов послал в Гельсингфорс знаменитую телеграмму председателю Центробалта Павлу Дыбенко: «Центробалт. Дыбенко. Высылай устав. Антонов». Они заранее согласовали этот текст — он означал, что в Петроград должны прийти крейсер, четыре миноносца и эшелон с пятью тысячами матросов. Тогда же, отмечал Антонов, был «принят (выработанный мной) план взятия Зимнего».

Расстановка сил у Зимнего предполагалась такая: пехотным частям отводилась «относительно пассивная роль — нейтрализация казаков и юнкерских училищ, а также оцепление по реке Мойке», основной же удар возлагался на колонну кронштадтцев, которых должны были поддержать Петропавловская крепость, «Аврора» и ожидавшиеся миноносцы. Начало штурма — по сигнальному выстрелу орудия из Петропавловки.

В городе происходили стычки — за мосты, редакции газет, телеграф, телефонную станцию. Часто они шли с переменным успехом. Например, здание Петроградского телеграфного агентства (ПТА) еще днем заняли матросы под командованием анархиста Анатолия Железнякова. Однако оттуда их выбили юнкера. Снова здание ПТА революционеры заняли только в ночь на 25 октября.

Ситуацию в Петрограде вечером 24 октября Антонов-Овсеенко описывал так: «К десяти вечера Петроградская и Выборгская части точно вымерли. Трамваи ушли в парк. Половина кинематографов пустуют или закрыты. Пропали извозчики, автомобили. Не светят уличные фонари. Почти абсолютная тьма в будто вымершем городе».

Однако в центре города, особенно на Невском проспекте, прогуливалась публика, работали рестораны, казино, синематографы и театры. В Мариинском театре шла опера «Борис Годунов», а в Александрийском — пьеса Алексея Толстого «Смерть Иоанна Грозного» в постановке Всеволода Мейерхольда.

…Ленин между тем терял терпение. Ему казалось, что все идет крайне медленно. Около 6 часов вечера он отправил Фофанову к Крупской с

«Письмом членам ЦК». «Я пишу эти строки вечером 24-го, — взывал он, — положение донельзя критическое. Яснее ясного, что теперь, уже поистине, промедление в восстании смерти подобно.

Изо всех сил убеждаю товарищей, что теперь все висит на волоске, что на очереди стоят вопросы, которые не совещаниями решаются, не съездами (хотя бы даже съездами Советов), а исключительно народами, массой, борьбой вооруженных масс…

Надо, во что бы то ни стало, сегодня вечером, сегодня ночью арестовать правительство, обезоружив (победив, если будут сопротивляться) юнкеров и т. д.

Нельзя ждать!! Можно потерять все!!..

Надо, чтобы все районы, все полки, все силы мобилизовались тотчас и послали немедленно делегации в Военно-революционный комитет, в ЦК большевиков, настоятельно требуя: ни в коем случае не оставлять власти в руках Керенского и компании до 25-го, никоим образом; решать дело сегодня непременно вечером или ночью.

История не простит промедления революционерам, которые могли победить сегодня (и наверняка победят сегодня), рискуя терять много завтра, рискуя потерять все».

Отправив Фофанову, Ленин через некоторое время не выдержал сам. Надев парик, кепку и перевязав щеку платком, он вместе с финном Эйно Рахья отправился в Смольный. Для хозяйки оставил записку: «Ушел туда, куда вы не хотели, чтобы я уходил».

Путь Ленина и Рахья до Смольного не раз описывался в советские времена: они сели в трамвай, в котором Ленин рассказывал вагоновожатой, как надо правильно делать революцию, потом их чуть не задержал патруль юнкеров, но Рахья притворился пьяным, отвлек их внимание, и Ильичу удалось проскользнуть мимо. Наконец они дошли до Смольного, но там их сначала не пустили внутрь, потому что у них не было «правильных» пропусков. Но им удалось затеряться в толпе и миновать часовых.

Интересно, что в «классическом» фильме «ленинианы» «Ленин в Октябре» «вождя революции» сопровождает в Смольный вовсе не Рахья, а некий рабочий Василий. Самого Рахья ко времени выхода фильма на экраны уже не было в живых — он умер в 1936 году от туберкулеза.

Ленин появился в Смольном около полуночи. Еще через два-три часа Антонов-Овсеенко, проходивший по коридору, встретил Эйно Рахья. «Подняв многозначительно палец к сжатым губам, показывает глазами в открытую дверь, — описывал Антонов этот «исторический» для себя момент. — В комнате… вижу только характерную спину, знакомый парик.

Искра короткого замыкания пробегает в теле. «Ильич — в Смольном!».

«Двадцать пятое, первый день»

Владимир Маяковский писал:

Когда я
итожу то, что прОжил,
и роюсь в днях —
ярчайший где,
я вспоминаю
одно и то же —
двадцать пятое,
первый день.

По существу среда, 25 октября 1917 года, была уже вторым, но, конечно, решающим днем. Через несколько лет, когда Ленин будет уже тяжело болен, между его соратниками развернется полемика о том, кто из них сыграл большую роль в Октябрьских событиях. Но важность того, что сделал Антонов-Овсеенко, тогда не отрицал никто. Вместе с Подвойским и Чудновским он стал практическим руководителем переворота.

Появление в Смольном Ленина значительно повлияло на действия революционных сил. В ночь на 25-е они окончательно перешли к наступлению. Ночью были заняты Николаевский и Варшавский вокзалы, электростанция, Госбанк, Центральная телефонная станция. Экипаж «Авроры» получил приказ Антонова войти в Неву и восстановить контроль над Николаевским мостом, который охраняли юнкера. Командир крейсера отказался его выполнить. Тогда командование взял на себя комиссар ВРК Александр Белышев. Вести крейсер по извилистому фарватеру Невы было трудно, и командир корабля вскоре все-таки согласился снова приступить к своим обязанностям. Он заявил, что не может допустить, чтобы только что отремонтированный корабль сел на мель. В 3.30 «Аврора» встала у Николаевского моста и направила на него прожектора. Юнкера сразу же разбежались.

«Бескровно, но твердо и стройно вершится переворот», — писал Антонов-Овсеенко. Его оценку разделяли и по другую сторону баррикад. Командующий войсками Петроградского военного округа полковник

Георгий Полковников в донесении главнокомандующему армиями Северного фронта сообщал: «Уличных выступлений нет, беспорядков нет, но идет планомерный захват учреждений, вокзалов, аресты». Правительство лишали остатков власти.

Министр путей сообщения Временного правительства Александр Ливеровский записал в дневнике, что на заседании, которое министры провели в ночь на 25-е, уже открыто говорилось, что «у нас нет никакой реальной силы, а, следовательно, мы бессильны что-либо предпринять». Керенскому оставалось надеяться только на подход частей с фронта.

Около 9 утра в Смольном с Антоновым-Овсеенко встретился Ленин. Этот эпизод описал в своих мемуарах один из комиссаров ВРК, Сергей Кисляков-Уралов: «Подойдя к столу и быстро сев на простой венский стул, Ленин так же быстро, без всяких вступлений и предисловий, начал излагать программу действий:

— Временное правительство объявить низложенным. Всю власть объявить переданной Советам. Съезд Советов открыть сегодня вечером. Зимний дворец взять, министров арестовать и посадить в Петропавловку и что-то еще о радио».

В «чем-то еще о радио» речь наверняка шла о передаче в эфир воззвания «К гражданам России». Ленин написал его около 10 часов утра. Оно гласило:

«К гражданам России.

Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона.

Дело, за которое боролся народ — немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание советского правительства, — это дело обеспечено.

Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!

Военно-революционный комитет при Петроградском совете рабочих и солдатских депутатов».

Это воззвание было напечатано, передано по телеграфу, а радиостанция «Авроры» передала его и в эфир. Очевидно, Ленин просил Антонова как раз о том, чтобы он технически обеспечил эту первую радиопередачу новых властей.

Конечно, заявление о «низложении» Временного правительства было несколько преувеличено. Оно еще заседало в Зимнем. По первоначальному

плану, разработанному Антоновым, дворец должны были взять уже рано утром 25 октября. Но выяснилось, что кронштадтцы к утру не успевают, а без них, как отмечал Антонов, «начинать атаку Зимнего рискованно». Однако кольцо вокруг него постепенно сжималось.

Около 11 часов утра Керенский выехал в открытом автомобиле «Пирс-Эрроу» из дворца навстречу верным войскам, которые шли в Петроград с фронта. В кортеже премьера находился также «Рено» под американским флагом (его «одолжили» в американском посольстве). Несмотря на то что вокруг дворца уже стояли караулы революционеров, Керенского пропустили беспрепятственно. В мемуарах он особо подчеркивал, что он был одет в полувоенную форму: до конца жизни его крайне возмущали советские рассказы о том, что он сбежал из Зимнего, «переодевшись в женское платье».

Рано утром в Петроград начали прибывать матросы из Гельсингфорса, а потом и из Кронштадта. Около 14.00 в Петроград из Кронштадта прибыло несколько кораблей во главе с минным заградителем «Амур». На кораблях находилось около пяти тысяч матросов. Один из них потом описывал эту сцену, переиначивая слова известной песни о Стеньке Разине:

Из-за острова Кронштадта
На простор реки Невы
Выплывает много лодок,
В них сидят большевики.

Матросов встречал Антонов. Он же ставил им задачи и указывал места, где они должны находиться. Днем был занят Мариинский дворец, где заседал Временный совет Республики. Тем временем Троцкий в Смольном открыл заседание Петросовета. Он начал выступление с сообщения о том, что Временного правительства больше не существует. Судьба Зимнего дворца, продолжил он, решается в настоящий момент. «Власть Временного Правительства, возглавлявшегося Керенским, — заявил Троцкий, — была мертва и ожидала удара метлы истории, которая должна была ее смести… Обыватель мирно спал и не знал, что с этого времени одна власть сменяется другой».

В это время в зале появился Ленин. Его встретили овациями. Троцкий пригласил его на трибуну: «Да здравствует товарищ Ленин, он снова с нами!» Именно тогда, а не на съезде Советов, как часто показывали в фильмах, Ленин и произнес свои знаменитые слова: «Товарищи! Рабочая и

крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась».

Кстати, Ленин тогда совсем не был похож на того «классического» Ильича, которого изображали на портретах и в фильмах. «Когда я вошел, на трибуне стоял и горячо говорил незнакомый лысый и бритый человек… Ба! Это — Ленин», — вспоминал Николай Суханов.

Удивительно, что при этом обстановка в центре города оставалась относительно спокойной. Бывший член Государственной думы Сергей Шидловский отправился бродить по улицам, чтобы наблюдать за борьбой, но ее не увидел. «Публика поголовно смеется», — недоуменно записал он в дневнике.

Через Неву по Троицкому и Дворцовому мостам ходили трамваи. По набережным фланировали любопытные, разглядывая «Аврору». Один из очевидцев удивлялся: «Странная революция. Рабочий совет свергает буржуазное правительство, а мирная жизнь города ни на минуту не прекращается».

Зимний. Последние часы

Несмотря на заявления о том, что Временное правительство низложено, еще не взятый Зимний дворец очень раздражал Ленина. Дворец хотели взять к 12.00. К этому времени Антонов-Овсеенко проинспектировал готовность к штурму Петропавловской крепости. Комиссар Георгий Благонравов уверил его, что готов начать обстрел дворца из орудий по первому же сигналу (чуть позже выяснилось, что это вовсе не так). Затем Антонов на катере добрался до «Авроры». Там он договорился о том, что после первого, сигнального выстрела из Петропавловки крейсер даст пару холостых выстрелов из носовой шестидюймовки. Миноносцам было приказано встать напротив дворца на Неве и развернуться для его обстрела. Затем Антонов снова отправился в крепость.

То есть если бы все пошло по плану, Зимнему бы не поздоровилось.

Комиссар Петропавловки Георгий Благонравов вспоминал, что он около 12 часов дня приехал в Смольный, чтобы предложить ВРК план захвата Зимнего. «Первый, кто попался мне на глаза при входе на второй этаж, был Антонов-Овсеенко, — писал он, — он втащил меня в помещение Военно-революционного комитета, где у карты Петрограда, покрытой флажками, оживленно беседовали Подвойский и Чудновский. Мое предложение о наступлении на Зимний не дало ничего нового, так как

товарищи сами ранее меня пришли к этому».

Однако штурм все время откладывался. Сначала на 15.00, потом — на 18.00. Потом, как писал Николай Подвойский, «срока уже не назначали». Он откровенно указывал в мемуарах, что это промедление вызывало недовольство солдат, рабочих и матросов, которые окружили последний оплот Временного правительства. Они ругались: «И большевики начали дипломатию разводить!» «Хотя наше положение было исключительно прочным, всегда можно было ожидать удара в спину со стороны той или иной вызванной с фронта части», — писал он.

Очень ярко описал Подвойский и реакцию Ленина на задержку штурма: «Записки Ленина, которые он посылал то мне, то Антонову, то Чудновскому… становились все более жесткими. Ленин грозил предать нас партийному суду… Он метался в маленькой комнате Смольного, как лев, запертый в клетку… Владимир Ильич ругался… Кричал… Он был готов нас расстрелять».

Дворец окружали 18–20 тысяч солдат, рабочих и матросов. Защитников дворца насчитывалось от 1000 до 2500 человек. Подвойский довольно высоко оценил построенные ими баррикады из дров. В них, по его словам, были искусно размещены пулеметы, и все подступы вливающихся на площадь Зимнего улиц находились в сфере их огня.

На Дворцовой площади то и дело вспыхивала перестрелка. Но штурм задерживался. Почему? Советские историки объясняли это тем, что ВРК не хотел лишнего кровопролития, и агитаторы постоянно уговаривали защитников дворца сложить оружие и разойтись. *И* такая тактика действительно имела успех. Примерно в 18.15 из Зимнего ушли юнкера Михайловского училища, захватив с собой четыре орудия из шести. К 20.00 дворец покинули около двухсот казаков.

К 22.00 в Зимнем оставались 5–6 офицеров, около 140 ударниц женского батальона смерти, 2–3 роты юнкеров и 40 инвалидов георгиевских кавалеров, которыми командовал капитан с протезами вместо ног.

Но была и другая причина, о которой самокритично упоминал и сам Антонов, — не очень хорошая организация штурма. Что, впрочем, и понятно — все делалось буквально «с колес». К тому же имели место непредвиденные случаи. Например, у паровоза, который вез эшелон с матросами в Петроград из Гельсингфорса, лопнула труба, и он застрял под Выборгом на несколько часов.

Еще один непредвиденный казус случился в Петропавловской крепости. Когда после посещения «Авроры» в крепость прибыл Антонов-

Овсеенко, они, по словам Благонравова, согласовали ход предстоящего штурма: сигналом для его начала станет красный фонарь, поднятый на мачте Петропавловки; «Аврора» делает холостой выстрел, затем, если Зимний проявит упорство, он будет обстрелян боевыми снарядами.

Тогда же они согласовали и подписали составленный Антоновым ультиматум Временному правительству. Министрам и войскам во дворце предлагалось капитулировать. «Временное правительство, чины Генерального штаба и высшего командного состава арестовываются, юнкера и служащие разоружаются и по проверке личностей будут освобождены», — говорилось в нем. Ответ предлагалось дать в течение 20 минут. Срок отправки ультиматума определили так: за полчаса до полной боевой готовности и сигнала о штурме (в том случае, если Зимний не капитулирует). Около семи часов вечера ультиматум прочитали министры. Шло время, а ответ на него не приходил. По плану, нужно было начинать штурм. Но он опять не начинался. Оказывается, в крепости возникли непредвиденные проблемы. Долго не могли раздобыть красный фонарь. Сначала его вообще не оказалось, а когда фонарь все-таки нашли, то долго не могли вывесить его на мачте так, чтобы он был виден всем. Благонравов стал проверять пушки Петропавловки, необходимые для обстрела Зимнего, но обнаружил, что шестидюймовые орудия, направленные на дворец, не использовались и даже не чистились уже несколько месяцев. Офицеры утверждали, что стрелять из них нельзя.

С Дворцовой площади уже доносилась периодически возникающая перестрелка. В крепость снова приехал встревоженный Антонов. Он набросился на Благонравова с упреками: «Вы же говорили, что все в порядке! Из-за вас черт знает что может произойти!» Они вместе пошли смотреть на орудия, но заблудились в закоулках крепости, а Антонов, имевший плохое зрение, то и дело проваливался в глубокие лужи, и, по словам Благонравова, «грязь каскадами летела во все стороны».

Осмотр орудий подтвердил, что они действительно не в порядке. Тогда Благонравов приказал выдвинуть на стены крепости трехдюймовые учебные орудия на позиции. Но выяснилось, что все они были некомплектными или просто неисправными, да и снарядов для них не было. Потом все-таки выяснилось, что стрелять из них можно, но время уже упустили. К стрельбе, с помощью присланных в крепость матросов-артиллеристов, удалось подготовить 4 из 11 пушек.

Но тут пришло сообщение, что Зимний дворец пал.

В Зимнем весь день 25 октября продолжалась своя жизнь. Вездесущий американский журналист Джон Рид, автор знаменитой книги «Десять дней,

которые потрясли мир», со своими коллегами-американцами по своим американским паспортам пробрались во дворец. Их пальто и шляпы вежливо приняли старые швейцары в ливреях, но в коридорах было пусто, а у двери кабинета Керенского прохаживался офицер. На просьбу американцев взять интервью у премьера он ответил, что тот уехал на фронт, а где остальные министры, он точно не знает.

Журналисты отправились искать охранявших дворец юнкеров, и вскоре их глазам представилась такая картина: «По обеим сторонам на паркетном полу были разостланы грубые и грязные тюфяки и одеяла, на которых кое-где валялись солдаты. Повсюду груды окурков, куски хлеба, разбросанная одежда и пустые бутылки из-под дорогих французских вин. Вокруг нас собиралось все больше и больше солдат в красных с золотом юнкерских погонах. Душная атмосфера табачного дыма и грязного человеческого тела спирала дыхание. Один из юнкеров держал в руках бутылку белого бургундского вина, очевидно, стащенную из дворцовых погребов. Все с изумлением глядели на нас, а мы проходили комнату за комнатой, пока не добрались до анфилады парадных покоев, высокие, но грязные окна которых выходили на площадь…

Все помещение было превращено в огромную казарму, и, судя по состоянию стен и полов, превращение это совершилось уже несколько недель тому назад. На подоконниках были установлены пулеметы, между тюфяками стояли ружья в козлах».

Министры же в это время проводили бесконечные заседания. После отъезда Керенского их вел министр торговли и промышленности Александр Коновалов. Около четырех часов дня они избрали «диктатора» — генерал-губернатора Петрограда. Им стал кадет Николай Кишкин. В 18.15 министры пошли ужинать. Но не успели еще покончить с первым блюдом (борщ), как им сообщили об ультиматуме ВРК. Посовещавшись, они решили его проигнорировать. Как вспоминал министр юстиции Павел Малянтович, ни у кого из членов Временного правительства не было уже иллюзий относительно ближайшего будущего, но и сдаваться они не могли.

«Мы не могли отдать приказ биться до последнего человека и до последней капли крови, потому что, может быть, мы уже защищаем только самих себя, — писал он. — В таком случае кровопролитие будет не только безрезультатным по непосредственным последствиям, т[о] е[сть] непременно закончится поражением и безжалостным уничтожением наших защитников, но и политически бесцельным.

Но мы не могли отдать и другой приказ — сдаться, потому что не знаем, наступил ли тот момент, когда сдача неизбежна и будет производить

несомненное впечатление, что правительство уступило насилию… и во имя приостановления ненужного кровопролития, а не ради личного спасения, — что оно не сбежало со своего поста…

Какой же военный приказ могли мы отдать? Никакого…

Мы могли только указать на то, что мы считаем своей обязанностью, — могли указать на нашу решимость уступить только насилию, чем бы лично для нас это ни кончилось. Таким образом, мы предоставляли свободному решению наших защитников связать судьбу свою с нашей судьбой или предоставить нас своей собственной участи…»

Министрам еще удалось отправить радиотелеграмму «Всем, всем, всем», в которой они сообщали о предъявленном им ультиматуме, заявляли, что могут сдать власть только Учредительному собранию, и призывали: «Пусть страна и народ ответят на безумную попытку большевиков поднять восстание в тылу борющейся армии».

Для них бесконечно тянулось время. Кто сидел, кто дремал на диване, кто ходил из угла в угол, куря одну папиросу за другой. Стрельба у дворца становилась все чаще, иногда раздавались пушечные выстрелы. После девяти часов вечера она усилилась еще больше. Вдруг, вспоминал Малянтович, «раздался звук, хотя и заглушенный, но ясно отличавшийся от всех других. «Это что?» — спросил кто-то. «Это с «Авроры», — ответил [морской министр адмирал Дмитрий] Вердеревский».

«Хаос невообразимый»

Сообщение о капитуляции Зимнего дворца, которое Антонов и Благонравов получили в Петропавловке, оказалось ложным. Когда Антонов поехал на мотоцикле проверять его, то фактически попал под обстрел. Тогда же под огнем оказался автомобиль, в котором ехал Подвойский, — до него тоже дошли сведения о падении дворца.

Именно там, на площади, Антонов услышал выстрел «Авроры». «Мощно разодрало воздух», — вспоминал он. Выстрел из носового шестидюймового орудия крейсера, который в 21.40 произвел комендор Евдоким Огнев, был холостым, а его звук гораздо громче боевого. На набережных любопытные попадали на землю или бросились наутек. «Как тараканы», — удовлетворенно заметил один из моряков «Авроры».

Потом этот выстрел войдет в историю как «залп, ставший сигналом к штурму Зимнего дворца и возвестивший о начале новой эры». Хотя, если разбираться досконально, это не совсем так: до выстрела на мачте крепости

все-таки подняли красный фонарь, затем многие очевидцы (в том числе и сам Антонов) слышали «сигнальный» выстрел орудия Петропавловской крепости, и только потом бабахнула шестидюймовка «Авроры».

Существует, впрочем, версия, что выстрел крейсера был не столько сигналом к началу штурма (бой на Дворцовой площади шел уже до него), сколько средством психологического воздействия на защитников Зимнего. Тем не менее с 9 до 10 часов вечера 25 октября силы ВРК действительно пытались прорваться во дворец. «Вдруг впереди загремело «ура!». Большевики пошли в атаку. В одну минуту вокруг все загрохотало… Атака захлебнулась. Неприятель залег», — вспоминала старший унтер-офицер женского батальона Мария Бочарникова.

Атака была остановлена сильным ружейным и пулеметным огнем. Антонов наблюдал, как «беспорядочные толпы матросов, солдат, красногвардейцев то наплывают к воротам дворца, то отхлынывают». Временное правительство сообщило: «Положение признается благоприятным… Дворец обстреливается, но только ружейным огнем без всяких результатов. Выяснено, что противник слаб». Ну уж кто бы говорил…

Однако, по одним данным, именно после этой попытки штурма сдались еще часть юнкеров и женщины из ударного батальона. По другим, это произошло еще до выстрела «Авроры». Когда ударницы покидали баррикады, площадь огласилась криками «ура!», и это было воспринято как капитуляция защитников дворца.

Одну из последних попыток остановить кровопролитие предприняла депутация городской думы. Несколько сотен человек отправились к Зимнему с пением «Марсельезы» и пакетами с едой в руках для министров, но были остановлены матросами, которые отказались их пропустить. Началась перепалка. Матросы кричали: «Поворачивай оглобли! Давай по домам, а не то мы вас прикладами!» «Пропустите нас, мы идем умирать!» — кричали депутаты. «Идите домой и выпейте яду!» — ехидно отвечали им матросы. Тут приехал Подвойский, который объявил депутации, что поддерживать уже некого, а депутацию могут еще чего доброго перестрелять. Он тоже повторил: «Идите-ка лучше домой».

Пришлось возвращаться. На обратной дороге члены депутации, возмущаясь поведением большевиков и стыдясь самих себя, съели приготовленные для осажденных министров хлеб и колбасу.

Несмотря на призывы Ленина, свергнуть Временное правительство до начала работы съезда Советов все-таки не удалось. Съезд открылся в Смольном в 22.40, когда Зимний еще не был взят. Он проходил под звуки

артиллерийской канонады — дворец начали уже обстреливать орудия Петропавловки. Меньшевики и эсеры в знак протеста ушли со съезда (левые эсеры остались). Троцкий на это заявил, что «восстание народных масс не нуждается в оправдании». Съезд осудил уход «соглашателей». Интересно, что на первом заседании съезда Ленина не было — он находился в штабе ВРК и фактически руководил штурмом.

В 23.00 по дворцу открыли огонь орудия Петропавловской крепости. Подвойский утверждал, что сначала прозвучали три холостых выстрела. Это был сигнал, по которому «наши части двинулись вперед», но «баррикады встретили их решительным отпором». «Вдруг, — продолжал Подвойский, — над головами у нас поплыл тупой гул, за ним второй… Это «Аврора» из шестидюймовых посылала свои тяжелые снаряды».

О том, что «Аврора» обстреливала дворец боевыми снарядами, говорили и писали многие. Джон Рид отмечал: «Тротуар под нашими ногами был засыпан штукатуркой, обвалившейся с дворцового карниза, куда ударило два снаряда с «Авроры». Других повреждений бомбардировка не причинила». Малянтович в мемуарах описывал эпизод, как к ним в кабинет принесли стакан от разорвавшегося снаряда, снаряда, который пробил стену дворца.

Вердеревский осмотрел его и, поставив на стол, сказал: «С «Авроры»…

— Пепельница на стол нашим преемникам, — сказал кто-то…

Нам доложили, что городская дума от лица всех партий посылает депутатов на «Аврору», чтобы уговорить команду не стрелять…»

И даже к 11-й годовщине Октября журнал «Огонек» напечатал фотографию стены с дырой с подписью: «Одна из комнат Зимнего дворца с пробитой залпом с «Авроры» стеной в Октябрьские дни 1917 года».

Однако «Правда» еще 27 октября 1917 года напечатала опровержение экипажа корабля, назвавшего эти обвинения «пятном позора на команду крейсера»: «Печать пишет, что «Аврора» открыла огонь по Зимнему дворцу, но знают ли г-да репортеры, что открытый нами огонь из пушек не оставил бы камня на камне не только от Зимнего дворца, но и прилегающих к нему улиц… Не верьте провокационным слухам. Это обычный прием буржуазной прессы забросать грязью и неосновательностью фактов происшествий, строить козни рабочему пролетариату. Что же касается выстрелов с крейсера, то был произведен только один холостой выстрел, обозначающий сигнал для всех судов, стоящих на Неве, и призывающих их к бдительности и готовности».

По наиболее распространенной версии, огонь боевыми снарядами

вели все же орудия Петропавловки. Было сделано два выстрела из шестидюймовых орудий и 30–35 из трехдюймовых. Стреляли плохо — только два снаряда попали во дворец. Однако Троцкий потом утверждал, что стрельба сознательно велась «поверху», чтобы не разрушить дворец.

…Атака на дворец возобновилась. Подвойский вспоминал о ней как о «неописуемой какафонии» звуков. Где-то около половины двенадцатого штурмующие смогли преодолеть баррикады из дров на площади. Подвойский писал, как они увидели юнкера-пулеметчика с закопченным порохом лицом и как «один из солдат, почти не останавливаясь, поднял его на штык и побежал дальше». Преодолев баррикады, они ворвались в ворота и заняли двор. «Летят на лестницы. На ступенях схватываются с юнкерами. Опрокидывают их. Бросаются на второй этаж, ломая сопротивление защитников правительства… Как ураган несутся на третий этаж, везде по дороге сметая юнкеров», — вспоминал Подвойский.

«Вообще вся атака Дворца носила совершенно беспорядочный характер, — признавал Антонов-Овсеенко. — Юнкера при нашем входе сопротивления не оказали, и мы свободно проникли вглубь Дворца в поисках Временного правительства… С Чудновским поднимаемся. Пестрая толпа восстания за нами… Обширные залы тускло освещены… Зияет в одном пробоина из трехдюймовки. Повсюду матрасы, оружие, остатки баррикад, огрызки. Юнкера и еще какие-то военные сдавались».

«Двери подъездов по обе стороны главных ворот были распахнуты настежь, — писал Джон Рид, успевший и к этому историческому событию. — Оттуда лился свет, но из огромного здания не доносилось ни звука.

Увлеченные бурной человеческой волной, мы вбежали во дворец через правый подъезд, выходивший в огромную и пустую сводчатую комнату — подвал восточного крыла, откуда расходился лабиринт коридоров и лестниц. Здесь стояло множество ящиков. Красногвардейцы и солдаты набросились на них с яростью, разбивая их прикладами и вытаскивая наружу ковры, гардины, белье, фарфоровую и стеклянную посуду. Кто-то взвалил на плечо бронзовые часы. Кто-то другой нашел страусовое перо и воткнул его в свою шапку. Но как только начался грабеж, кто-то закричал: «Товарищи! Ничего не трогайте! Не берите ничего! Это народное достояние!» Его сразу поддержало не меньше двадцати голосов: «Стой! Клади всё назад! Ничего не брать! Народное достояние!» По коридорам и лестницам все глуше и глуше были слышны замирающие в отдалении крики: «Революционная дисциплина! Народное достояние!»

Мы пошли к левому входу, т. е. к западному крылу дворца. Здесь тоже уже был восстановлен порядок. «Очистить дворец! — кричали

красногвардейцы, высовываясь из внутренних дверей. — Идемте, товарищи, пусть все знают, что мы не воры и не бандиты! Все вон из дворца, кроме комиссаров! Поставить часовых!»…»

Штурм, впрочем, не ограничивался лобовой атакой на дворец через площадь. Отдельные группы и агитаторы проникали во дворец через боковые двери и «калитки». Министр путей сообщения Александр Ливеровский записал в дневнике, что еще около 11 часов вечера он встретил юнкеров, которые конвоировали группу арестованных ими «лазутчиков». Но постепенно «лазутчиков» становилось все больше и больше, и в итоге они разоружили самих юнкеров. Со стороны Невы двери в Зимний попросту забыли запереть. Через них, а также через окна во дворец тоже проникали агитаторы, красногвардейцы и просто мародеры. Одну из запертых дверей взломали, позаимствовав для этого топор в соседней с площадью лавке.

«А знаете, как был взят Зимний дворец? — рассказывал Джону Риду один из матросов. — Часов в одиннадцать мы увидели, что со стороны Невы не осталось ни одного юнкера. Тогда мы ворвались в двери и полезли вверх по лестницам, кто в одиночку, а кто маленькими группами. На верхней площадке юнкера задерживали всех и отнимали винтовки. Но наши ребята всё подходили да подходили, пока нас не стало больше. Тогда мы кинулись на юнкеров и отобрали винтовки у них…»

Юнкер Константин де Гайлеш вспоминал, что баррикады на площади еще держались, а большевики уже заняли верхние этажи дворца, пробравшись туда со стороны Эрмитажа или внутреннего двора — с черного хода. «Теперь никто не знает, где нападающие и где защитники, — писал он. — Хаос невообразимый. В одной зале защитники разоружают нападавших, в другой — нападающие разоружают — защитников».

На кухне дворца обнаружили человека, который прятался в большом медном котле. Оказалось, что это еще один из царских поваров. Его не тронули, но потребовали дать что-нибудь поесть. Он открыл какую-то кладовую, в котором оказалась колбаса. В других помещениях встретили раненых солдат в больничных халатах (тогда в части Зимнего размещался военный госпиталь). «Главное, чтобы войне был конец», — говорили они.

Постепенно защита концентрировалась в нижних залах, где находились и министры. Слышались выстрелы и разрывы гранат. Ливеровский услышал треск в соседней комнате. «Оказалось, в коридор с верхней галереи была брошена бомба матросами, пробравшимися по черным внутренним ходам через лазарет», — писал он. Кстати, матросов арестовали. Но ненадолго.

«Объявляю вас арестованными…»

Антонов писал, что со своим отрядом они проплутали в Зимнем около часа — искали правительство. Это правда — даже далеко не все из защитников дворца знали, где находятся министры. А они с какой-то покорностью и безразличием ожидали развязки в Малой столовой. Они даже точно не знали, в чьих руках дворец.

Около двух часов ночи штурмующие во главе с Антоновым натолкнулись на шеренгу неподвижно стоявших юнкеров с винтовками, «последней гвардии Временного правительства». «Здесь Временное правительство?» — «Здесь, здесь!» — заюлил какой-то юнкер. — «Я ваш», — шепнул он мне», — вспоминал Антонов. По словам Антонова, наступавших попытался остановить еще руководитель обороны дворца инженер Петр Пальчинский. Он говорил, что «наши уже договорились с вашими». Но Чудновский схватил его за грудь и объявил арестованным, у юнкеров отобрали винтовки и бросились к двери, за которой сидели министры.

У этой исторической сцены были, впрочем, и другие очевидцы, которые оставили о ней свои воспоминания. Поручик Александр Синегуб, служивший тогда в Школе прапорщиков инженерных войск и участвовавший в обороне Зимнего, писал: «Вот в дверях Пальчинский. Затем маленькая фигурка с острым лицом в темной пиджачной паре и с широкой, как у художников, старой шляпчонке на голове.

А еще несколько дальше звериные рожи скуластых, худых, длинных и плоских, круглых, удивительно глупых лиц. Рожи замерли в созерцании открывшегося их блуждающим, диким взглядам ряда величественных Царей Русского народа, скованных золотом рам…

Мимо прошел Пальчинский, направляясь в кабинет…

Снова вышел Пальчинский и махнул рукой. Шляпенка засеменила к дверям. Толпа ринулась за ним.

«Стой! — кричал Пальчинский, — если будете так напирать, то юнкера откроют огонь!» Упоминание об юнкерах опять сдержало зверье…

«Ну и поиздеваются они над вами, мои дорогие», — неслось в голове, смотря, как юнкера твердо держали винтовки, готовые по малейшему знаку открыть огонь.

Шляпенка, прокричав еще раз призыв к революционной дисциплине, направилась к нашей нише и совместно с министром через нее прошла в кабинет».

Министр юстиции Временного правительства Павел Малянтович: «И вдруг возник шум где-то и сразу стал расти, шириться и приближаться… Стало вдруг сразу ясно, что это идет конец…

Дверь распахнулась… Вскочил юнкер. Вытянулся во фронт, руки под козырек, лицо взволнованное, но решительное:

— Как прикажет Временное правительство! Защищаться до последнего человека? Мы готовы, если прикажет Временное правительство.

— Этого не надо! Это бесцельно! Это же ясно! Не надо крови! Надо сдаваться, — закричали мы все, не сговариваясь… — Идите скорей! Идите и скажите это! Мы не хотим крови! Мы сдаемся!..

Юнкер вышел… Вся сцена длилась, я думаю, не больше минуты…»

Еще через несколько минут дверь снова распахнулась, и в кабинет влетел «маленький человечек» под напором толпы. «Человечек был в распахнутом пальто, в широкой фетровой шляпе, сдвинутой на затылок, на рыжеватых длинных волосах. В очках. С короткими подстриженными рыжими усиками и небольшой бородкой. Короткая верхняя губа подымалась к носу, когда он говорил. Бесцветные глаза, утомленное лицо…

Почему-то его манишка и воротник особенно привлекли мое внимание и запомнились. Крахмальный, двойной, очень высокий воротник подпирал ему подбородок. Мягкая грудь рубашки вместе с длинным галстуком лезла кверху из жилета к воротнику. И воротничок, и рубашка, и манжеты, и руки были у человечка очень грязны.

Человечек влетел и закричал резким назойливым голоском:

— Где здесь члены Временного правительства?

Мы сидели за столом. Стража уже окружила нас кольцом.

— Временное правительство здесь, — сказал Коновалов[7], продолжая сидеть. — Что вам угодно?

— Объявляю вам, всем вам, членам Временного правительства, что вы арестованы. Я председатель Военно-революционного комитета Антонов[8].

— Члены Временного правительства подчиняются насилию и сдаются, чтобы избежать кровопролития, — сказал Коновалов».

Поручик Александр Синегуб: «Я пропустил войти в дверь шляпенку, а за ним еще несколько человек, за которыми уже и протиснулся в кабинет и остановился у письменного стола перед окном и стал наблюдать.

«Историческая минута!» — мелькнуло в голове.

«Не думай — смотри!» — перебило сознание работу мысли.

И я смотрел.

С величественным спокойствием, какое может быть лишь у отмеченных судьбой сыновей жизни, смотрели частью сидящие, частью стоящие члены Временного правительства на злорадно торжествующую шляпенку, нервно оборачивающуюся то к вошедшим товарищам, то к хранящим мертвенное, пренебрежительное спокойствие членам Временного правительства.

«А это что?..» — поднялся Терещенко[9] и говорил, протянув руку, сжатую в кулак. «Что он говорит?» — и я сделал шаг вперед.

«Сними шляпу»… но его перебивает другой голос: — «Антонов, я вас знаю давно; не издевайтесь, вы этим только выдаете себя, свою невоспитанность! Смотрите, чтобы не пришлось пожалеть; мы не сдались, а лишь подчинились силе, и не забывайте, что ваше преступное дело еще не увенчано окончательным успехом».

Несмотря на различные акценты в описании этой сцены, вряд ли стоит сомневаться в том, что Антонов-Овсеенко сыграл решающую роль в том, что члены Временного правительства остались целыми и невредимыми. Разгоряченные солдаты, матросы и красногвардейцы кричали, что их надо «прикончить», «приколоть», «расстрелять». А когда поняли, что среди них нет Керенского, то разозлились еще больше. Антонову пришлось прилагать усилия, чтобы успокоить их и призвать «к революционной дисциплине». Когда все немного успокоились, он сел за стол и переписал фамилии министров. Военные сдали револьверы, штатские заявили, что у них оружия нет. «В Зимнем дворце все было кончено, — писал Подвойский. — Я взглянул на часы: четверть третьего».

Где-то после двух часов ночи городской голова Петрограда Григорий Шрейдер позвонил в Зимний дворец. Грубый голос осведомился, кто звонит и «што надо». «Из городской управы, хочу узнать, что у вас делается», — сказал Шрейдер и услышал в ответ: «Я часовой, ничего у нас не делается».

Тем временем министров под конвоем повели в Петропавловскую крепость. Этот не очень долгий путь тоже оказался не самым спокойным. Ворота и подходы ко дворцу были забиты вооруженными участниками захвата Зимнего, и Антонову пришлось стрелять в воздух, чтобы им освободили дорогу. В суматохе шесть человек из министров оказались в толпе, и их чуть не растерзали. Антонов вскочил на баррикаду и потребовал прекратить самосуд. Вокруг «временных» образовали живое кольцо, а каждого министра вели под руки два матроса. Несмотря на это, недавним министром еще пришлось выслушивать в свой адрес угрозы и оскорбления: «В воду их, в воду! Переколоть и в воду!», «Чего там в

крепость! Оторвать головы и в воду!»

На этом их «приключения» не закончились. Из какого-то проезжавшего броневика вдруг открыли пулеметный огонь, и Антонов закричал министрам: «Ложись!» Все попадали на землю. Конвой открыл ответный огонь. Подвойский сообщает в мемуарах, по его словам, о «трагикомическом случае» с министром иностранных дел Михаилом Терещенко. Когда началась стрельба, «конвойные повалили бывшего министра на мостовую и сами спрятались за него, полагая, что он, как человек очень толстый, защитит их от пули. Этот эпизод, крайне возмутивший бывшего министра, окончился, однако, для него без всякого вреда».

Что же, понять возмущение бывшего министра можно. Если все было именно так, поступок конвоиров выглядит не очень достойно.

Но всё действительно обошлось.

Интересно, что по дороге пять человек все же «потерялись». Они сами попросили доставить их в крепость, потому что считали, что там безопаснее.

В крепости министров снова переписали. «Составляю список, — вспоминал Антонов. — «Подпишитесь!» Отказываются. «Для истории!» Подписываются». До нас дошли обрывки разговоров, которые шли в тот момент между «временными» и революционерами. Министр почт и телеграфа Алексей Никитин передал Антонову бумаги: «Это получено от Украинской Центральной Рады, — сказал он. — Теперь это уже вам придется распутывать». «Распутаем», — ответил Антонов. Через месяц он действительно отправится на юг, в том числе и для того, чтобы «распутывать» отношения с Украиной.

«На лице у него, — писал Малянтович, — было какое-то парение. Видимо, душа просилась из тесных оков. Взор был устремлен вдаль. Он не мог себя сдержать.

— Да! — продолжал он в том же тоне, — да! Это будет интересный социальный опыт…

Короткая пауза…

— А Ленин! Если бы вы знали, как он был прекрасен! Впервые он сбросил с себя свой желтый парик и как он говорил. Как он был хорош!

Я с любопытством рассматривал эту курьезную фигурку».

А министр иностранных дел Михаил Терещенко допытывался у матроса с «Авроры»: «Ну и что же вы будете делать дальше?! Как управитесь без интеллигенции?» «Ладно уж, управимся, — отвечал матрос. — Только бы вы не мешали».

Затем министров отвели в камеры. «Это против наших убеждений, — заявил им Антонов. — Мы считаем, что эта крепость не годится для заключения, но делать пока нечего… Во всяком случае, вы будете иметь все, что только возможно в этих условиях. Можете пользоваться своею пищей, читать газеты. Предлагаю каждому сказать, что ему нужно. Я немедленно распоряжусь — все будет доставлено…»

«Глухо хлопает за ними тяжелая дверь Трубецкого бастиона, — вспоминал комиссар крепости Благонравов. — «Туда вам и дорога», — слышу я возглас одного из товарищей. История, подумал я, скажет то же. Весело прощаюсь с Антоновым и спешу в помещение, чтобы впервые после бессонных ночей соснуть несколько часов».

Штурм Зимнего сразу же оброс мифами. Говорили, что большевики его полностью разграбили, что, конечно, не было правдой. Сами большевики не скрывали, что дворец во время штурма действительно пострадал от мародеров. Однако обвинять их в потворстве грабежам было бы несправедливо. Они пытались пресечь разграбление. Джон Рид описывал такую сцену: «Двое красногвардейцев — солдат и офицер — стояли с револьверами в руках. Позади них за столом сидел другой солдат, вооруженный пером и бумагой… Самочинный комитет останавливал каждого выходящего, выворачивал карманы и ощупывал одежду. Все, что явно не могло быть собственностью обыскиваемого, отбиралось, причем солдат, сидевший за столом, записывал отобранные вещи, а другие сносили их в соседнюю комнату. Здесь были конфискованы самые разнообразные предметы: статуэтки, бутылки чернил, простыни с императорскими монограммами, подсвечники, миниатюры, писанные масляными красками, пресс-папье, шпаги с золотыми рукоятками, куски мыла, всевозможное платье, одеяла…

Виновные либо мрачно молчали, либо оправдывались, как дети. Члены комитета в один голос объясняли, что воровство недостойно народных бойцов. Многие из обличенных сами помогали обыскивать остальных товарищей».

Но, конечно, многое было утрачено навсегда. На Дворцовой площади потом спекулянты продавали украденные из Зимнего вещи. Кстати, кое-что стащили и защитники дворца.

Тогдашние газеты писали, что большевики зверски расправлялись с его защитниками: расстреливали юнкеров, убивали и насиловали женщин из «батальона смерти». Говорили, например, о пятистах убитых женщинах, которых якобы выбрасывали из окон дворца, а многие потом, не в силах пережить позор, сводили счеты с жизнью. Начальник школы прапорщиков

Северного фронта полковник Освальд фон Прюссинг писал, к примеру, что на Дворцовой площади лежали «груды убитых большевиков», высотой почти в баррикаду, а большинство из женщин-ударниц были «раздеты, изнасилованы и при посредстве воткнутых в них штыков посажены вертикально на баррикады». Еще говорили, что юнкеров (то ли уже расстрелянных, то ли еще живых) сбрасывали в Неву с мостов.

Большинство из этих слухов потом не подтвердились. Комиссия городской думы провела собственное расследование и 3 ноября огласила результаты. В частности, сообщалось, что из окон Зимнего дворца не было выброшено ни одной женщины, в тот день в Петрограде были изнасилованы трое, а самоубийством покончила одна, причем из-за того, что «разочаровалась в своих идеалах».

Малянтович вспоминал, как уже в Петропавловке к Антонову подошел какой-то солдат и начал что-то шептать. «Антонов поднял голову и сказал ему отрывисто, почти что выкрикнул:

— Нет, не надо задерживать! Отпустить! Снять погоны и отпустить!.. Подождите, товарищ!..

И потом, обращаясь ко всем:

— Вот в чем дело, товарищи, слушайте! Арестованы в Зимнем дворце двадцать три юнкера. Они просидели все время в нашем броневике и никакого участия не принимали… Испугались и просидели. Это наши товарищи подтверждали. Они тут. Так я распорядился отпустить их. Снять с них погоны и отпустить.

— Чего же их отпускать! Судить бы надо! — послышался голос.

— Что вы, товарищ! За что тут судить?! Мы должны быть великодушны! Не надо мстить! Пускай идут!.. Отпустить их!

— Пускай идут! — раздались голоса».

«Я не знаю в истории примеров революционного движения, где замешаны были бы такие огромные массы и которые прошли бы так бескровно», — говорил Троцкий. Он отмечал, что никаких расстрелов «по настроению обеих сторон в тот период быть не могло», и, в общем-то, несмотря на отдельные эксцессы, с ним можно согласиться. В Петрограде количество погибших во время переворота оценивается по различным данным в 6—11 человек. Расстрелы и настоящее кровопролитие начались через несколько дней после взятия Зимнего.

Примерно в 3.10 ночи на II съезде Советов в Смольном было объявлено о падении Зимнего дворца и аресте Временного правительства. Как писал в мемуарах Антонов-Овсеенко, написанное им донесение огласил «в полной тишине председательствующий». Этим

«председательствующим» был Лев Каменев, сам еще недавно выступавший против восстания.

Впрочем, у Антонова был «заочный конкурент», который тоже утверждал, что он принес в Смольный новость о падении дворца — Николай Подвойский. Если верить его мемуарам, он сделал это еще раньше, и самому Ленину. «По дороге в Смольный, обдумывая, как я буду докладывать Владимиру Ильичу об огромном количестве невероятно важных событий дня, я предвкушал, с каким восторгом будет слушать меня Ленин, — вспоминал он. — Но когда я почти вбежал в комнату, где находился Владимир Ильич, то застал его чрезвычайно сосредоточенным… Ленин был настолько углублен в работу, что не заметил моего появления. Он готовил декрет о земле. Выслушав мой рассказ, который я закончил словами: «Теперь, Владимир Ильич, все уже кончено», Ленин продолжал работать».

Далее Подвойский с чувством вспоминал, как «осторожно обняв Владимира Ильича и крепко пожав ему руку», он тихо вышел из комнаты. И тут только понял, что еще ничего не кончено, а всё только еще начиналось.

«Спета ваша песенка,

господин народный комиссар!»

Утром 25-го состоялось заседание ЦК партии большевиков. На нем и было придумано название новым министрам, министерствам и всему правительству — народные комиссары, народные комиссариаты и, соответственно, Совет народных комиссаров.

На II съезде Советов помимо знаменитых Декретов о мире и земле был также принят Декрет «Об образовании Рабочего и Крестьянского правительства». Согласно этому документу Совет народных комиссаров именовался «Временным рабочим и крестьянским правительством» и избирался до созыва Учредительного собрания. Об этой любопытной детали потом как-то не вспоминали — ведь Совнарком должен был сдать власть Учредительному собранию. Сдать-то ее сдали, но только через 74 года и совсем не по своей воле.

В новое правительство входили только большевики (левым эсерам предлагали, но они отказались). Председателем Совнаркома стал,

разумеется, Ленин. Троцкий занял пост наркома иностранных дел, Сталин возглавил Наркомат по делам национальностей. А вот Наркомата обороны тогда еще не было. Сначала при Совнаркоме существовал Комитет по военным и морским делам (буквально через день его переименовали в Совет народных комиссаров по военным и морским делам). Им управляла «тройка» — прапорщик Николай Крыленко, матрос Павел Дыбенко и подпоручик (его последний чин в армии) Владимир Антонов-Овсеенко. Генералов в распоряжении большевиков тогда не было.

Забегая вперед надо сказать, что идея «коллективного руководства» новым «военным министерством» полностью провалилась. Да и сам Антонов признавал это. «Печален оказался опыт руководства втроем», — отмечал он в мемуарах. 23 ноября появится Народный комиссариат по военным делам, а наркомом станет Николай Подвойский.

Легкость, с которой большевики взяли власть в Петрограде, вовсе не означала их полную победу. Первые «огоньки» Гражданской войны начали разгораться уже 26–27 октября. Керенский двинул на столицу казаков корпуса генерала Краснова. Правда, всего около семисот человек, к которым позже присоединилось около девятисот юнкеров, но слухи о том, что «армия идет на столицу», имели тогда не меньшее значение, чем численность войск. К тому же вечером 26 октября казаки заняли Гатчину, а 28-го — Царское Село. До Питера оставалось совсем мало. В тот же день газета правых эсеров «Дело народа» поместила приказ Краснова, в котором он объявлял о своем походе на Петроград и призывал гарнизон подчиниться Временному правительству.

Руководителем всей обороны Петрограда сначала был назначен Подвойский. (28 октября начальником обороны Петрограда, а потом главнокомандующим войсками Петроградского военного округа и командующим войсками, действовавшими против войск Керенского — Краснова, стал Михаил Муравьев — подполковник, заявлявший о своей поддержке левых эсеров.)

Дыбенко получил под свое командование левый фланг обороны, а Антонов — правый. 27 октября они выехали на фронт. С ними отправились Джон Рид и его коллеги — американские журналисты. «Перед дверью Смольного стоял автомобиль, — писал Рид. — К его крылу прислонился худой человек в толстых очках, под которыми его покрасневшие глаза казались еще больше. Засунув руки в карманы потертого пальто, он через силу произносил какие-то слова. Тут же беспокойно похаживал взад и вперед рослый бородатый матрос с ясными молодыми глазами. На ходу он рассеянно поигрывал неразлучным огромным револьвером синей стали.

Это были Антонов и Дыбенко».

Вскоре у их автомобиля лопнула шина. В мемуарах Антонов утверждал, что тогда они реквизировали шикарный автомобиль «Рено», в котором ехал греческий консул. Тот пытался возражать: «Во имя греческого короля…», но получил ответ: «Во имя греческого пролетариата!»

У Джона Рида эта сцена выглядит по-другому: сначала Антонов остановил автомобиль, за рулем которого сидел какой-то солдат. Отдавать машину он категорически отказался. Дальше последовал такой разговор:

«Да вы знаете, кто я такой?» — и Антонов показал бумагу, в которой значилось, что он назначен главнокомандующим всеми армиями Российской республики и что все и каждый обязаны повиноваться ему без всяких разговоров.

«Хоть бы вы были сам дьявол, мне все равно! — с жаром ответил солдат. — Эта машина принадлежит первому пулеметному полку, и мы везем в ней боеприпасы. Не видать вам этой машины…»

В это-то время и появился «Рено». Правда, Рид описывает его как «старое и разбитое [авто] под итальянским флагом». Из него высадили толстого «гражданина в роскошной шубе, и высшее командование поехало дальше».

На фронте Антонов пробыл недолго — вскоре он вернулся в Петроград, где по заданию Ленина организовывал оборону города. Утром 29-го он ехал в Петропавловскую крепость. По дороге задремал. Проснулся от резкого толчка и криков — машину окружили юнкера с револьверами и винтовками. Его узнали: «А, народный комиссар! Очень приятно!» Затем отвели в здание телефонной станции, которая была захвачена ими. Теперь уже сам Антонов испытал то, что чувствовали три дня назад министры Временного правительства в Зимнем дворце. Юнкера кричали: «Кокнуть его! Пристрелить, и готово! Спета ваша песенка, господин народный комиссар!» Но один из их командиров распорядился: «Не трогать его!»

Что же произошло? 29 октября в Петрограде поднял восстание Комитет спасения Родины и революции. Он был создан еще 25–26 октября, и в него входили представители различных партий, организаций, профсоюзов и общественные деятели, не поддержавшие выступление большевиков. Председателем комитета стал правый эсер Абрам Гоц, а командующим «войсками спасения», которые состояли в основном из юнкеров, — смешенный большевиками командующий войсками Петроградского военного округа полковник Георгий Полковников.

Воззвания комитета с призывами не исполнять приказы ВРК, воссоздать Временное правительство и встать «на защиту Родины и

революции» появились в Петрограде уже 26 октября. А 29-го началось восстание. «Петроград, — писал Джон Рид, — был разбужен треском ружейной перестрелки и громким топотом марширующих людей. Под серым небом дул холодный ветер, предвещая снег. На рассвете сильные отряды юнкеров заняли военную гостиницу и телеграф, но после кровопролитного боя были выбиты. Телефонная станция была осаждена матросами, которые залегли за баррикадами, построенными из бочек, ящиков и листов жести посреди Морской, или укрылись на углу Гороховой и Исаакиевской площади, обстреливая всех проходящих и проезжающих».

«Войска спасения» добились некоторых успехов — они захватили телефонную станцию, отключили Смольный, арестовали нескольких комиссаров и разоружили красногвардейцев. Однако перевес был не на их стороне. Основная масса войск в Петрограде комитет не поддержала, а сторонники ВРК начали контрнаступление. Они осадили юнкерские училища — главные центры сопротивления восставших. Начались бои. По описанию штурма Владимирского училища в книге Джона Рида, который однозначно симпатизировал большевикам, можно понять, насколько ожесточенными они были: «В половине двенадцатого прибыли три полевых орудия. Юнкерам снова предложили сдаться, но вместо ответа они открыли стрельбу и убили двух советских делегатов, шедших под белым флагом. Тогда началась настоящая бомбардировка. В стенах училища были пробиты огромные бреши. Юнкера отчаянно защищались; шумные волны красногвардейцев, шедших в атаку, разбивались ожесточенным огнем…

Советские силы, доведенные до бешенства неудачами и потерями, заливали разбитое здание морем стали и огня. Сами их предводители не могли остановить ужасной бомбардировки. Комиссар Смольного, по фамилии Кириллов, попытался сделать это, но ему пригрозили самосудом. Красногвардейцев ничто не могло остановить.

В половине третьего юнкера подняли белый флаг: они готовы сдаться, если им гарантируют безопасность. Обещание было дано. Тысячи солдат и красногвардейцев с криком и шумом ворвались во все окна, двери и бреши в стенах. Прежде чем удалось остановить их, пять юнкеров были заколоты насмерть. Остальных, около двухсот, под конвоем отправили в Петропавловскую крепость группами по нескольку человек, чтобы не привлекать внимания толпы. Однако по дороге толпа набросилась на одну из таких групп и растерзала еще восемь юнкеров…»

Число погибших в боях, расстрелянных и убитых на улицах Петрограда в тот день, и сегодня точно не известно. По некоторым данным, оно составляет около двухсот человек. Это, по существу, был один из

первых кровавых актов надвигающейся Гражданской войны.

Антонову тогда повезло — арестованного члена нового правительства юнкера точно так же могли расстрелять. Времени для этого у них было достаточно — Антонов находился в их руках почти сутки. По версии Джона Рида, спасло его то, что его коллега — американский журналист-социалист Альберт Вильямс предложил юнкерам свое посредничество. На условиях — они выпустят Антонова, а им сохранят жизнь.

Вильямса привели к Антонову, и тот согласился на обмен. Вскоре в здание ворвалась вооруженная толпа. Момент был критическим — юнкеров явно собирались перебить на месте. Антонову и Вильямсу с трудом удавалось их удерживать. Вероятно, в состоянии стресса Вильямс неожиданно для самого себя начал читать стихи по-английски. Этим он на несколько минут отвлек толпу. Антонов под конвоем начал выводить юнкеров на улицу. «Но некоторые из них, перепугавшись, пытались бежать по крыше или спрятаться на чердаке, — писал Джон Рид. — Их переловили и выбросили на улицу».

В последующие дни еще выходившие в Петрограде оппозиционные большевикам газеты сообщали о расстрелах юнкеров, проводившихся, в частности, в Петропавловской крепости. Писали, что расстрелы проводились и по приказу Антонова. Насколько это соответствует действительности — сказать трудно. Подтверждений этим рассказам нет, но и вряд ли стоить игнорировать их полностью.

В тот же день Троцкий заявил: «Мы хотели избежать кровопролития. Но теперь, когда кровь уже пролита, есть только один путь — беспощадная борьба. Думать, что мы можем победить какими-либо другими средствами, — ребячество… Наши споры теперь разрешаются на улицах. Решительный шаг сделан. Мы все и, в частности, лично я берем на себя ответственность за все происходящее… За каждого убитого революционера мы убьем пять контрреволюционеров».

Освободившись из-под ареста, Антонов предложил новому главнокомандующему Муравьеву использовать его в борьбе с наступающими частями Краснова — Керенского. В июле 1918 года Муравьев поднимет восстание против большевиков и будет убит, так что не удивительна та весьма противоречивая характеристика, которую дал ему Антонов в мемуарах: «Пафос Дон-Кихота и тот же рыцарь печального образа по политической беспомощности и самопреклонению».

Антонов стал заместителем Муравьева по политической части. Он признавал, что командующий проявил на своем посту способности и большую энергию. Главное — он одним из первых революционных

руководителей сумел убедить вернуться к своим непосредственным обязанностям многих офицеров. Но, конечно, не только этим можно объяснить успехи большевиков и их союзников под Петроградом. Они сумели направить на фронт более десяти тысяч человек — солдат, матросов, красногвардейцев, рабочих. 30 октября они отбили атаку сил Краснова в районе Пулковских высот и сами перешли в наступление. Вскоре было взято Царское Село. В Гатчину для переговоров с казаками отправилась делегация во главе с Дыбенко.

Во время переговоров Дыбенко в шутку предложил казакам «обменять Керенского на Ленина». Керенский, переодевшись матросом, бежал на автомобиле. Воевать большинство казаков не хотели — большевики обещали отпустить их домой, и они не понимали, почему должны умирать за Керенского, которого многие из них терпеть не могли и который к тому же еще и сбежал. В общем, уже 1 ноября Гатчина была занята отрядами сил ВРК. Казаков отпустили. Генерал Краснов был арестован. По советской версии, его потом освободили под «честное слово офицера, что он не будет более бороться против Советской власти». По другой версии, генерал бежал. Он уехал на Дон, где в марте 1918 года снова начал борьбу с большевиками[10].

30 октября Муравьев разослал телеграмму:

«Всем Советам рабочих и солдатских депутатов.

30 октября, в ожесточенном бою под Царским Селом, революционная армия наголову разбила контрреволюционные войска Керенского и Краснова.

Именем революционного правительства призываю все вверенные полки дать отпор врагам революционной демократии и принять все меры к захвату Керенского, а также к недопущению подобных авантюр, грозящих завоеваниям революции и торжеству пролетариата.

Да здравствует революционная армия!»

Первого ноября в Гатчину приехали Муравьев и Антонов. Ходили слухи, что Керенский еще здесь — они тут же распорядились начать его поиски в подвалах гатчинского дворца. «Со свечами в руках шарим с пестрой толпой в их глубине, — вспоминал Антонов. — Трах-тах! Кто-то выпалил в промелькнувшую тень. Померещилось… Нет Керенского. Сгинул. Говорят, сбежал, переодевшись девицей… Так бесславно окончился авантюрный роман ваш, Александр Федорович!»

Знал бы тогда Антонов, как закончится его собственный, революционный роман…

Война и оппозиция

Октябрьские дни 1917 года были «пиком» революционно-политической карьеры Антонова-Овсеенко. Не то чтобы сразу после них она резко пошла вниз, но, несмотря на то, что судьба отпустила ему еще двадцать лет жизни, никогда больше Антонов не находился так близко от самого эпицентра исторических событий и никогда больше так сильно не мог лично влиять на их ход. Тем не менее бурных событий в его жизни хватало.

С конца 1917-го по 1921 год он на различных фронтах Гражданской войны. Потом Антонов напишет обстоятельные мемуары, так и названные — «Записки о Гражданской войне». В четырех томах — более тысячи страниц. Воспоминания выходили в свет на протяжении девяти лет с 1924 по 1933 год, а потом не переиздавались 80–90 лет. И понятно почему — Антонов (особенно в первых томах) часто упоминал Троцкого, Муравьева и других деятелей, ставших потом «врагами народа». Да и он сам оказался в их числе.

Девятого ноября 1917 года Антонов-Овсеенко сменил Михаила Муравьева на посту командующего войсками Петроградского военного округа. Но уже через месяц он отправился в Харьков для организации борьбы с начавшимся на Дону выступлением под руководством атамана Войска Донского генерала Алексея Каледина. К тому же на Дону формировалась белая Добровольческая армия во главе с генералами Лавром Корниловым, Михаилом Алексеевым и Антоном Деникиным. А украинская Центральная рада[11] в Киеве отказывалась пропускать революционные войска на Дон.

Гражданская война разгоралась — она была ожесточенной с обеих сторон. Репрессии, расстрелы, аресты, самочинные реквизиции становились обычными реалиями того времени. Признавал это и Антонов. С одной стороны, он отмечал, что пытался всячески бороться с этими явлениями, с другой — в мемуарах он упоминал о случаях, когда сам отдавал приказы о расстрелах. Расстреляли, например, одного красногвардейца, которого уличили в «весьма скверных поступках». Были также расстреляны двое белогвардейцев, которые выдавали себя за рабочих. «Вот и все случаи моей бессудной расправы за этот период», — утверждал он.

Известен и следующий эпизод в Харькове: местные рабочие

попросили Антонова-Овсеенко помочь им получить заработную плату, которую владельцы харьковских предприятий отказались выплатить, протестуя против введения восьмичасового рабочего дня. Антонов собрал этих владельцев, угостил их чаем и потребовал миллион рублей немедленно. Когда же те отказались выполнить это требование, посадил их в вагон и предупредил, что отправит их в рудники. После этого деньги сразу же собрали.

«Решительность» Антонова очень понравилась Ленину. Он приветствовал ее «от всей души», а особенно — «арест миллионеров-саботажников». «Советую отправить их на полгода на принудительные работы в рудники», — писал Ильич.

Но действия Антонова привели к бурной дискуссии в Совнаркоме. Их осудили левые эсеры, вошедшие в декабре 1917 года в СНК. Ленин, как следует из протоколов заседаний Совнаркома, выступал по этому вопросу семь раз, отстаивая право на репрессии. 1 января 1918 года СНК все же одобрил действия Антонова-Овсеенко и предоставил ему право применять репрессии против контрреволюционеров и саботажников.

В области «решительных мер» на Украине особенно отличился тот самый Михаил Муравьев, который недавно командовал обороной Петрограда. Сначала Антонов сделал его начальником своего штаба, потом по его рекомендации он был назначен командующим советскими войсками при наступлении на Клев. Это, кстати, был один из первых случаев, когда командование такой крупной группировкой доверили бывшему офицеру царской армии.

В мемуарах Антонов посвятил Муравьеву целую главу, отметив положительные и отрицательные черты его характера. Из последних: фанфаронство, самовлюбленность, «политическое недомыслие» и жестокость, которой, по словам Антонова, он любил кичиться. Действительно, взяв Киев 26 января (8 февраля) 1918 года, Муравьев начал в городе настоящий террор, который остался в истории под названием «муравьевского». Перед штурмом Киева он приказал своим войскам «беспощадно уничтожить в Киеве всех офицеров и юнкеров, гайдамаков, монархистов и врагов революции».

«Я приказал артиллерии бить по высотным и богатым дворцам, по церквям и попам…» — докладывал он Ленину и Антонову-Овсеенко о взятии Киева. «Я занял город, бил по дворцам и церквям… бил, никому не давая пощады! — писал он в одном из воззваний. — 28 января Дума (Киева) просила перемирия. В ответ я приказал душить их газами. Сотни генералов, а может, и тысячи были безжалостно убиты… Так мы мстили».

Заняв город, Муравьев наложил на киевскую буржуазию контрибуцию в 10 миллионов рублей на содержание советских войск, организацию работ для безработных рабочих и помощи семьям погибших революционеров. При этом он тоже жаловался Ленину на самочинные реквизиции и грабежи, которые проводили в Киеве его солдаты. Действия Муравьева, утверждал Антонов, взволновали «нашу партийную организацию и советские власти». Тем более что в глазах киевлян он был «оккупантом» — пришельцем с советского севера. Вскоре его убрали из Киева, но террор продолжался — по некоторым данным, к началу марта 1918 года, когда после подписания Брестского мира советские войска оставили Киев, в городе было убито до пяти тысяч человек.

После Киева Муравьев был назначен командующим войсками на Румынском фронте, командовал он и войсками Одесской советской республики, возникшей в январе 1918 года. Здесь он сразу «прославился» тем же — террором. Муравьев потребовал от местной буржуазии «положить в Государственный банк десять миллионов на мое имя», иначе, заявлял он: «Черноморский флот мною сосредоточен, и я вам говорю, что от ваших дворцов ничего не останется, если вы не придете мне на помощь! С камнем на шее я утоплю вас в воде и отдам семьи ваши на растерзание… Дайте немного денег… Я знаю этот город. Деньги есть».

«Русская революция, подобно Христу, появилась с Востока, — писал Муравьев. — На нее смотрит весь мир. Мы — Мессия, мы — Христос, от которого ждет спасения мировой пролетариат. Я Одессу ни за что не отдам! Я не оставлю камня на камне в этом прекрасном городе. В пепелище я превращу это великолепное здание театра… Да здравствует всеобщий бунт, всеобщий мятеж!» Впрочем, Одессу он, к счастью, не разрушил, но и защитить ее не смог — 11–12 марта в нее вступили австро-венгерские и немецкие войска. Антонов потом отмечал, что город сдали «самым подлым образом».

Впрочем, после падения Одессы он не оставил Муравьева, предложив ему вновь стать своим начальником штаба. Однако вскоре Муравьев уехал в Москву, там был арестован по обвинению в злоупотреблении властью и связях с анархистами, но вскоре выпущен. По инициативе Антонова-Овсеенко Ленин предложил ему пост командующего Кавказской советской армией, однако кавказские большевики категорически возражали против его кандидатуры. Потом был назначен командующим Восточным фронтом и 10 июля поднял восстание в Симбирске, объявив о разрыве Брестского мира с Германией и провозгласив себя «главкомом армии, действовавшей против Германии»». Предлагал создать «Поволжскую советскую

республику» во главе с лидерами левых эсеров.

Одиннадцатого июля 1918 года Муравьев был убит на заседании исполкома губернского Совета в Симбирске. Эти события Антонов назвал в мемуарах «трагическим выступлением». Он считал, что его «протеже» Муравьев пошел на это из-за уязвленного самолюбия, недовольный тем, что ему не доверяли, и из-за желания «играть независимую роль» и вырваться из-под «опеки» большевиков и комиссаров.

«Вперед, в Европу!»

С марта по май 1918 года Антонов-Овсеенко — Верховный главнокомандующий советскими войсками Юга России, в состав которых входили вооруженные отряды Украинской, Одесской, Донецко-Криворожской и Таврической советских республик.

В сентябре — октябре 1918 года он уже на Восточном фронте.

В ноябре недолго командовал группой войск Курского направления.

В декабре 1918-го — январе 1919 года — 2-й Украинской советской армией, действовавшей против немцев[12] и войск украинской Директории («петлюровцев»).

В январе — мае 1919 года был командующим Украинским фронтом.

В мае — июне 1919 года — командующим всеми вооруженными силами Украинской ССР.

В этот отрезок времени в его биографии можно найти немало крайне любопытных страниц. Одна из них — планы прорыва в Европу, Румынию и Венгрию. «Поход против Румынии, — писал Антонов, — стал представляться нам не только как поддержка изнывающих братьев оккупированной румынами Бессарабии, но как задача развязывания европейской революции, задача прорыва в Европу». По сути именно он, Антонов-Овсеенко, мог стать летом 1919 года первым красным полководцем, прорвавшимся в Европу.

Двадцать первого марта к власти в Венгрии пришли социал-демократы и коммунисты. Они объединились в одну партию и провозгласили Венгерскую советскую республику. Таким образом, революция в Венгрии совершилась почти мирным путем. В Венгрии начались преобразования по образцу Советской России. Позже, в июне, Венгрию провозгласили социалистической федеративной советской республикой (ВСФСР), была принята конституция, разработанная по образцу Конституции РСФСР. Новости о создании в Венгрии советской республики Антонов-Овсеенко

назвал «бодрящей и вместе с тем призывной вестью». «Венгрия, — писал он, — наш авангард, продвинутый вглубь Западной Европы».

Шестого апреля 1919 года Красная армия взяла Одессу. Точнее, Одессу взяла 1-я Заднепровская бригада (позже развернутая в дивизию) под командованием Никифора Григорьева. Он же был назначен и комендантом города. Григорьев — один из ярких представителей так называемой «атаманщины» времен Гражданской войны. Штабс-капитан царской армии, подполковник армии Украинской Народной Республики, потом — командир крупного партизанского соединения, с которым воевал против немцев и австрийцев и подчинялся Петлюре. В феврале 1919 года Григорьев согласился присоединиться к Красной армии Украины, его отряд стал именоваться бригадой, а он сам — комбригом.

После занятия Одессы Григорьева представили к награждению орденом Красного Знамени за то, что он «лично показал пример мужества в боях на передовых линиях, под ним было убито два коня и одежда прострелена в нескольких местах». 25 апреля приказом Антонова-Овсеенко Григорьев был назначен начальником 6-й Украинской стрелковой дивизии. Именно его дивизия и должна была стать главной ударной силой прорыва в Европу. В конце апреля ее решили сосредоточить на границе с Румынией с целью освобождения Бессарабии и дальнейшего похода на помощь Советской Венгрии.

На Григорьева возлагали большие надежды. Председатель Совнаркома Украины Христиан Раковский призывал: «Перед победителями под Одессой открываются новые перспективы: к нам взывают о помощи восставшие рабочие и крестьяне Бессарабии, Буковины и Галиции. Им через Карпаты протягивает руки Красная армия Венгерской Советской Социалистической Республики… Да здравствует Красная армия Всемирной Советской республики! Да здравствует мировая революция!»

Рассчитывал на Григорьева и Антонов-Овсеенко. Сохранилась фотография, на которой они сняты вместе. Антонов называл его «красным маршалом» и «освободителем Европы», хотя к нему уже поступали сообщения о ненадежности атамана-комдива и жалобы на поведение бойцов его дивизии: грабежи, расстрелы, реквизиции. Григорьев возмущался. Он утверждал, что является жертвой провокаций. «Провокациям нет предела, — жаловался он Антонову. — Мое имя треплют, как хотят…»

В мемуарах Антонов приводит стенограммы длительных телеграфных переговоров с Григорьевым, в которых он до последней возможности уговаривал его не выступать против советской власти даже тогда, когда

Григорьев уже решил поднять мятеж. 1 мая правительства РСФСР и Украины предъявили Румынии ультиматум — за 24 часа очистить от своих войск Бессарабию. 3 мая Украина предъявила такой же ультиматум в отношении Буковины. Румыны оставили их без ответа, но уже 4 мая ЦИК Украины торжественно пообещал прийти на помощь Венгрии. 7 мая Антонов-Овсеенко приказал 3-й Украинской армии, в состав которой входила и дивизия Григорьева, наступать на Румынию «для освобождения угнетенной Бессарабии и помощи Венгерской революции». Казалось бы, «красный прорыв в Европу» действительно начнется со дня на день.

Венгрия оказалась в сложном положении. 16 апреля против нее начала наступление румынская армия, а 27-го — чехословацкая. Впрочем, Венгерская Красная армия остановила их продвижение. Более того, она перешла в контрнаступление. Чехословацкие войска были отброшены к Карпатам, а в результате похода венгров в Словакию там была провозглашена Словацкая советская республика. Момент для прорыва через Карпаты и Бессарабию украинской Красной армии действительно был удобным. Венгерское революционное правительство периодически обращалось за помощью к Москве и Харькову (тогда столице УССР). Однако помощь Венгрии запаздывала. На этот раз обстоятельства складывались не в пользу «похода в Европу».

В начале мая резко обострились отношения Григорьева с командованием 3-й Украинской советской армии, которое требовало от него навести порядок в дивизии. Григорьева даже попытались арестовать, но он расстрелял посланных для этого к нему чекистов. 8 мая Григорьев объявил о разрыве с украинским советским правительством «авантюриста Раковского», призвал создавать повстанческие отряды и «вольные Советы». Он двинул свою дивизию на Екатеринослав, Полтаву и Киев. 11–12 мая его войска взяли Екатеринослав. На сторону Григорьева переходили и части Красной армии. Восстания против большевиков начались в Белой Церкви, Херсоне, Очакове, Лубнах, Павлограде, Николаеве, Бердичеве.

В первые дни восстания Антонов еще надеялся, что сможет уладить дело миром, «принудив Григорьева идти в Бессарабию». Тем более что тот сам считал Антонова одним из немногих «честных людей из коммунистов». 10 мая они долго вели переговоры по телеграфу, но ни к чему так и не пришли. Интересная деталь — как следует из стенограммы переговоров, Антонов обещал, что употребит все свое влияние, чтобы уладить дело без кровопролития. Но в мемуарах, в примечании к этим словам, он объясняет, что уже во время разговора с Григорьевым давал распоряжения к подавлению его восстания. Для этих мер нужно было выиграть хотя бы

несколько часов, отсюда, по его словам, все это его «дипломатичанье».

Подавление восстания заняло весь май. К концу месяца все города, занятые Григорьевым, были очищены от его войск. Сам он с оставшимися людьми объединился с повстанцами Нестора Махно, который в тот момент тоже воевал против большевиков. Однако между ними существовали серьезные противоречия, и 27 июля Григорьев был убит махновцами, которые обвиняли его в связях *с* белыми и погромах.

«Бунт Григорьева, — писал Антонов, — сорвал уже вполне подготовленную военную операцию против Румынии». Однако, по его словам, подготовка к «походу в Европу» не прекращалась. Для него были сформированы две дивизии — Бессарабская и Интернациональная. Антонов сообщал Ленину, что все равно рассчитывает осуществить поход против Румынии. Однако обстоятельства и далее складывались не в его пользу. 2 июня в Киев приехал Троцкий. Он заявил, что главная опасность для Республики складывается на Южном фронте, где перешли в наступление белые войска Вооруженных сил Юга России под общим командованием генерала Антона Деникина. Все силы на Украине, сказал Троцкий, необходимо подчинить задаче содействия Южному фронту. Еще через несколько дней было принято решение о ликвидации Украинского фронта. Часть его войск передали Западному, а часть — Южному фронтам. 16 июня Антонов подписал свой последний приказ в качестве командующего Украинским фронтом. «Новые задачи, стоящие перед украинскими армиями, сливаются с задачами армий Российского фронта и требуют упрощения командования и сосредоточения военной воли», — отмечал он.

«Сосредоточение военной воли» привело к тому, что «красный прорыв в Европу» в 1919 году так и не состоялся. Советская Венгрия вынуждена была вести борьбу одна. 4 августа в Будапешт вошли румынские войска, венгерская республика пала. Антонову-Овсеенко так и не суждено было стать первым красным полководцем, который бы осуществил «революционный прорыв в Европу». Да и вообще его военная часть биографии заканчивалась не очень весело. На других фронтах места для него не нашлось, и когда через год с небольшим Красная армия одержит победу в европейской части России (в Сибири и на Дальнем Востоке война продлится еще два года), он будет уже на совсем другой работе, в тылу. Больше к «полководческой» работе он не вернется, хотя с боевыми действиями ему еще предстоит столкнуться не раз. Как и многим из тех, кто прошел фронты Гражданской войны.

«Расстреливать на месте без суда»

Почти полтора года Антонов работал на разных должностях. Обычное дело для партийного функционера. Главное — политическая преданность, а характер конкретной работы может быть разнообразным.

Сначала он — уполномоченный ВЦИК по продразверстке в Витебской губернии. Другими словами, ему нужно было обеспечить изъятие хлеба для государства у крестьян. А уж кого ненавидели деревенские мужики больше всего, так это советские продотряды… Затем его перебросили в Тамбовскую губернию — сначала тоже уполномоченным ВЦИК, а потом и председателем Тамбовского губкома партии и губисполкома. Авторы советских биографий Антонова особо подчеркивали, что он нс был сторонником «голого администрирования», а всегда пытался убеждать крестьян в правильности политики, которую проводили большевики. Но что-то подсказывает, что если и так, то убедить ему тамбовских крестьян до конца не удалось, и в августе 1920 года — как раз после его пребывания в губернии — там началось одно из крупнейших крестьянских восстаний в Советской России. Тогда Антонова-Овсеенко снова направили в Тамбов — подавлять его.

Правда, до возвращения в Тамбов он еще успел поработать на других должностях. С апреля 1920 года — заместителем председателя Главкомтруда и членом Коллегии Наркомтруда (занимался, в частности, проведением мобилизаций в «трудовые армии»), С ноября 1920-го по январь 1921 года — членом Коллегии Наркомата внутренних дел и заместителем председателя Малого Совнаркома, потом, до февраля 1921 года — уполномоченным ВЦИК по Пермской губернии (председателем Совета, губкома и губполитпросвета). Наконец, в середине февраля 1921 года его назначают председателем Полномочной комиссии ВЦИК по борьбе с бандитизмом в Тамбовской губернии. К тому времени там уже вовсю полыхала настоящая крестьянская война.

В 1920 году Тамбовскую губернию поразила засуха, и хлеба было собрано всего 12 миллионов пудов. Однако продразверстка не была уменьшена, составив 11,5 миллиона пудов.

Восстание началось 15 августа 1920 года в селе Хитрово, где местные крестьяне разоружили продотряд. Через четыре дня еще в нескольких селах были разоружены или уничтожены продотряды. Восстание быстро распространялось, причем повстанцы ликвидировали органы советской власти и брали ее в свои руки. Попытки подавить его с помощью

карательных экспедиций терпели крах. 14 ноября 1920 года повстанцы создали Объединенную партизанскую армию Тамбовского края, которую возглавил бывший поручик Петр Токмаков. Главным оперативным штабом восстания руководил 32-летний эсер Александр Антонов (собственно, по его фамилии восстание в Тамбовской области и начали называть «антоновщиной»). Повстанцы создали собственные органы власти и собственную политическую организацию — Союз трудового крестьянства. Они провозгласили необходимость свержения режима большевиков, выступили за созыв Учредительного собрания, восстановление политических и экономических свобод.

Повстанческая армия достигла численности в 50 тысяч человек. К весне 1921 года она контролировала почти всю Тамбовскую губернию (советская власть сохранялась только в городах). 20 мая 1921 года было провозглашено создание Временной демократической республики Тамбовского партизанского края.

С февраля 1921-го подавлением восстания занялись всерьез. Во многом это объяснялось тем, что война на юге и западе России практически закончилась, и появилась возможность перебросить части Красной армии против тамбовских повстанцев. Впрочем, советская власть действовала не только кнутом, но и пряником. В начале года, особенно после мартовского восстания моряков в Кронштадте, которое проходило почти под такими же лозунгами, как и крестьянская война на Тамбовщине, Ленин уже отчетливо понимал необходимость изменения политического курса. 12 февраля на территории Тамбовской губернии было остановлено выполнение продовольственной разверстки, а в марте 1921 года X съезд РКП(б) принял решение вообще отменить продовольственную разверстку, вместо которой вводили фиксированный продовольственный налог.

В самой Тамбовской губернии власти начали мощную пропагандистскую операцию. Было широко объявлено о том, что проводится «двухнедельник» добровольной явки с повинной. С участием Антонова-Овсеенко было составлено обращение «Ко всем участникам бандитских шаек» — в нем гарантировали полное прощение всем, кто «явятся добровольно и с оружием в штаб Красных Войск». При этом дезертиров из Красной армии обещали снова направить на службу без всякого наказания, а крестьян распустить по домам «под честное слово». Руководителям же повстанцев обещали «гласный суд», но «без применения высшей меры наказания».

Обращение и другие пропагандистские материалы печатались в виде листовок, которые разбрасывались с самолетов над лесами. Нужно

отметить, что эту сторону операции на Тамбовщине Антонов-Овсеенко организовывал не только по долгу службы, но и, так сказать, по велению души. Журналистика, публицистика, газетное дело никогда не оставляли его равнодушным. Сохранились воспоминания тамбовского писателя Семена Евгенова, который в 1921 году работал в газете «Известия Тамбовского Совета рабочих и солдатских депутатов». По его словам, Антонов-Овсеенко заходил в редакцию почти ежедневно. «Журналистика, — писал Евгенов, — несомненно, была его любимым делом… Он и нам подсказывал множество тем. А как он просматривал только что сверстанную и оттиснутую, еще сырую газетную полосу, с каким удовольствием вдыхал самый запах типографской краски!»

Пропаганда и отмена продразверстки дали определенные результаты. Некоторые из повстанцев действительно складывали оружие. К 12 апреля 1921 года с оружием «добровольно явились» около семи тысяч человек. Правда, в основном это были мобилизованные повстанцами крестьяне.

Однако крестьянская война в целом не затихала. Да и отношение крестьян к советской власти оставалось вполне враждебным. Нужно отдать должное Антонову-Овсеенко — он очень точно заметил, что причина этого не только в продразверстке, которую уже отменили, но и в насильственном насаждении в деревне новых способов землевладения — колхозов и совхозов. Об этом он писал Ленину еще в июле 1921 года, когда до сталинской «сплошной коллективизации» в стране еще оставалось почти десять лет. «Отношение к совхозам (через них и к Советской власти), — отмечал он, — почти повсеместно у крестьян враждебное. Столь же враждебное отношение встречают в большинстве своем и усердно насаждавшиеся до последнего времени колхозы: по коллективизации Тамбовская] губ[ерния] идет впереди других».

Двадцать седьмого апреля Политбюро ЦК РКП(б) назначило командующим войсками Тамбовской губернии Михаила Тухачевского (всего лишь за месяц до этого он успешно подавил восстание в Кронштадте). На Тамбовщину стягивались войска и техника — сюда были, в частности, переброшены отборная кавалерийская бригада Григория Котовского, московские и орловские курсанты, слушатели Военной академии РККА, коммунисты и рабочие. К 1 мая численность советских войск достигла сорока тысяч человек при 63 орудиях, четырех бронепоездах, девяти броневиках и двух авиаотрядах (они назывались Военно-воздушными силами войск Тамбовской губернии). С повстанцами начали воевать по всем правилам.

Несмотря на то что Красная армия нанесла антонов-цам несколько

тяжелых поражений, кампания шла тяжело. Местное население в основном поддерживало восставших, укрывало их бойцов и командиров, помогало им продовольствием. Или, например, отказывались называть свои фамилии чекистам, чтобы не дать им возможности составить списки скрывающихся повстанцев. Тогда полномочная комиссия ВЦИК объявила о начале репрессий против тех, кто будет оказывать содействие «участникам бандитских шаек» в любой форме. Приказы комиссии на этот счет подписаны Антоновым-Овсеенко и Тухачевским. Долгое время они не публиковались, и это не случайно — и тогда, и тем более сейчас они выглядели и выглядят, мягко говоря, жутковатыми.

Приказ № 171 от 11 июня 1921 года: «Начиная с 1 июня решительная борьба с бандитизмом дает быстрое успокоение края. Советская власть последовательно восстанавливается, и трудовое крестьянство переходит к мирному и спокойному труду.

Банда Антонова решительными действиями наших войск разбита, рассеяна и вылавливается поодиночке.

Дабы окончательно искоренить эсеро-бандитские корни и в дополнение к ранее отданным распоряжениям Полномочная комиссия ВЦИК приказывает:

1. Граждан, отказывающихся называть свое имя, расстреливать на месте без суда.

2. Селениям, в которых скрывается оружие… объявлять приговор об изъятии заложников и расстреливать таковых в случае несдачи оружия.

3. В случае нахождения спрятанного оружия расстреливать на месте без суда старшего работника в семье.

4. Семья, в доме которой укрылся бандит, подлежит аресту и высылке из губернии, имущество ее конфискуется, старший работник в этой семье расстреливается без суда.

5. Семьи, укрывающие членов семьи или имущество бандитов, рассматривать как бандитов, и старшего работника этой семьи расстреливать на месте без суда.

6. В случае бегства семьи бандита имущество таковой распределять между верными Советской власти крестьянами, а оставленные дома сжигать или разбирать.

7. Настоящий приказ проводить в жизнь сурово и беспощадно.

Председатель Полномочной комиссии ВЦИК Антонов-Овсеенко

Командующий войсками Тухачевский».

Приказ № 116 от 23 июня 1921 года: «Опыт первого боеучастка показывает большую пригодность для быстрого очищения от бандитизма

известных районов по следующему способу чистки.

Намечаются наиболее бандитски настроенные волости, и туда выезжают представители политкомиссии, особотделения, отделения реввоентрибунала и командования, вместе с частями, назначенными для проведения чистки. По прибытии на место волость оцепляется, берутся 60—100 наиболее видных заложников и вводится осадное положение. Выезд и въезд из волости должны быть на время операции запрещены. После этого созывается полный волостной сход, на коем прочитываются приказы Полномочной Комиссии ВЦИК № 130 и 171 и написанный приговор для этой волости. Жителям дается два часа срока на выдачу бандитов и оружия, а также бандитских семей, и население ставится в известность, что в случае отказа дать упомянутые сведения взятые заложники через два часа будут расстреляны.

Если население бандитов и оружие не указало по истечении 2-часового срока, сход собирается вторично, и взятые заложники на глазах у населения расстреливаются, после чего берутся новые заложники и собравшимся на сход вторично предлагается выдать бандитов и оружие. Желающие это исполнить становятся отдельно, разбиваются на сотни, и каждая сотня пропускается для опроса через опросную комиссию из представителей особотдела и реввоентрибунала. Каждый должен дать показания, не отговариваясь незнанием. В случае упорства производятся новые расстрелы и т. д. По разработке материала, добытого из опросов, создаются экспедиционные отряды с обязательным участием в них лиц, давших сведения, и других местных жителей, которые направляются на ловлю бандитов. По окончании чистки осадное положение снимается, водворяется ревком и насаждается милиция…

Председатель Полномочной комиссии ВЦИК Антонов-Овсеенко

Командующий войсками Тухачевский

Предгубисполкома Лавров».

Приказ № 189 от 9 июля 1921 года: «Разгромленные банды прячутся в лесах и вымещают свою бессильную злобу на местном населении, сжигая мосты, портя плотины и прочее народное достояние. В целях охранения мостов Поликом ВЦИК приказывает:

1. Немедленно взять из населения деревень, вблизи которых расположены важные мосты, не менее пяти заложников, коих в случае порчи моста надлежит немедленно расстреливать.

2. Местным жителям организовывать под руководством ревкомов оборону мостов от бандитских налетов, а также вменить населению в обязанность исправление разрушенных мостов не позднее, чем в 24-

часовой срок.

3. Настоящий приказ широко распространить по всем деревням и селам.

Председатель Полномочной комиссии ВЦИК Антонов-Овсеенко

Командвойск Тухачевский

Предгубисполкома Лавров».

На территории губернии создали сеть концлагерей для заложников, в которых наряду со взрослыми содержались и дети. 12 июня Тухачевский издал секретный приказ № 0116, в котором требовал «леса, где прячутся бандиты, очистить ядовитыми газами» и «точно рассчитать, чтобы облако удушливых газов распространялось полностью и по всему лесу, уничтожая все, что в нем пряталось». Знал ли об этом приказе Антонов-Овсеенко? Конечно, знал. И не только он. 19 июня он участвовал в заседании Центральной межведомственной комиссии по борьбе с бандитизмом в Москве, которое вел заместитель председателя Реввоенсовета Республики Эфраим Склянский. Одно из его решений гласило: «Предложить Тамбовскому командованию к газовым атакам прибегать с величайшей осторожностью, с достаточной технической подготовкой и только в случаях полной обеспеченности успеха».

Двадцатого июня первый помощник начальника Штаба Красной армии Борис Шапошников (будущий Маршал Советского Союза) сообщал Тухачевскому о том, что в Тамбов будет направлено пять химических команд с «соответствующим количеством баллонов с газами для обслуживания боевых участков». Известно о нескольких случаях применения химического оружия против повстанцев. Впрочем, по другим данным, оно не привело к большим жертвам среди повстанцев и местного населения — просто потому, что в Красной армии не умели его использовать правильно. Газовыми снарядами стреляли, к примеру, в болотистой местности, где они сразу же шли на дно.

К середине июля 1921 года в войне на Тамбовщине произошел перелом. Многие повстанцы действительно сдавались. Другие были уничтожены. По официальным данным, в разрозненных отрядах повстанцев к 15 июля насчитывалось всего лишь около 1200 человек. 16 июля Тухачевский, а 20 июля Антонов-Овсеенко доложили в Москву, что «крестьянское восстание в Тамбовской губернии ликвидировано». Но если Антонов-Овсеенко писал, что «бандиты массами сдаются, выдавая главарей», а «само крестьянство окончательно отшатнулось от эсеро-кулацкого предательства», то Тухачевский предупреждал, что крестьяне не верят обещаниям советской власти и надеются на возобновление

восстания. Он предлагал не выводить из губернии войска еще в течение года, а «оккупационное командование» оставить как минимум до зимы.

Двадцать первого июня на территории губернии был отменен приказ № 171. К концу сентября ликвидировали все более или менее организованные отряды повстанцев. Ну а самого Александра Антонова ловили еще долго. 24 июля 1922 года в селе Нижний Шибряй братья Александр и Дмитрий Антоновы погибли после двухчасового боя с чекистами.

Задумывался ли Антонов-Овсеенко когда-нибудь над тем, что в Тамбове, да и раньше, еще на Украине, он воевал против тех самых крестьян, ради которых в том числе он и брал Зимний в октябре 1917-го? И ради которых большевики принимали свои знаменитые декреты о мире и земле? Возможно, что и задумывался… Но, видимо, считал, что по-другому нельзя, что к счастью народ действительно можно привести только «железной рукой». И что в этом деле не следует церемониться с «врагами», даже если их тысячи, и они по своему происхождению совсем даже не «классово чуждый элемент». Не случайно же он с гордостью вспоминал, что из-за идейных соображений даже с родителями порвал в 17 лет.

Кстати, о семье. В эти тяжелые времена его семейная жизнь складывалась вполне счастливо. В феврале 1920 года у них с Розалией Канцельсон родился сын Антон, в июле 1921-го — дочь Галина. Когда в 1938 году «Машина Революции», которую создавал и сам Антонов-Овсеенко, уничтожит и его самого, детям придется нелегко. Антон Антонов-Овсеенко за 93 года своей жизни арестовывался четыре раза, провел в лагерях и тюрьмах, по его собственным словам, 13 лет. Он стал автором многочисленных книг и публикаций о Сталине и его окружении, а под псевдонимом «Антон Ракитин» еще в советское время написал биографию своего отца. К судьбе Галины мы еще вернемся.

«Успокоив» одну часть народа в Тамбовской губернии, Антонов-Овсеенко начал так же энергично спасать другую его часть. Теперь уже в Поволжье, где свирепствовал страшный голод. В октябре 1921 года его назначили председателем Самарского губисполкома, и он возглавил борьбу с голодом в губернии. А в августе 1922-го Антонов-Овсеенко вернулся на военную службу, став начальником Политуправления (ПУР) Реввоенсовета Республики.

Троцкист и дипломат

На должность начальника ПУРа Антонов был назначен 22 августа 1922 года — приказом РВСР № 175. Его непосредственным начальником теперь был Лев Троцкий — нарком по военным и морским делам и председатель РВСР.

Троцкий тогда находился на пике своего политического могущества. Сотрудник аппарата Коминтерна Виктор Серж писал о нем: «В сорок один год — на вершине власти популярности и славы, трибун Петрограда во время двух революций, создатель Красной Армии, которую он, по словам Ленина, буквально «вытащил из небытия», внесший непосредственный вклад в победу во многих решающих битвах, признанный организатор победы в гражданской войне…» Сам Троцкий позже вспоминал, что в его руках «сосредотачивалась власть, которую практически можно назвать беспредельной».

В советских учреждениях тогда, как правило, висели два портрета — Ленина и Троцкого. В 1920-х годах в стране появилось два города с названием Троцк: нынешняя Гатчина[13] под Санкт-Петербургом и нынешний Чапаевск[14] в Самарской области. Школьные тетрадки выпускались с его портретами и цитатами вроде: «Грызите молодыми зубами гранит науки».

Революционной молодежи Троцкий очень импонировал — яркий, энергичный, романтический «демон революции». Наверное, именно с Троцким — больше, чем с Лениным — у нее ассоциировалось будущее «мировой революции». И если Ильича называли «машинистом», то Троцкому досталось не менее многозначительное звание «кочегара революции».

Судя по протоколам РВСР, Антонов-Овсеенко начал принимать участие в заседаниях Реввоенсовета с 16 сентября 1922 года. На них обсуждались десятки самых разных вопросов — от сокращения РККА, планов развития армии на ближайшие пять лет и дислокации конницы до проблем дезертирства, обеспечения красноармейцев обувью и др. Например, 16 октября 1923 года по запросу Антонова было ассигновано «на ближайшие две недели» 25 тысяч рублей на издательскую работу «в целях информации и воспитания армии в соответствии с нынешней обстановкой». Предусматривалось издание «популярных, объяснительного, делового характера брошюрок в 8— 15 страничек».

Троцкий, как и Антонов-Овсеенко, не был равнодушен к издательскому делу, журналистике и прекрасно понимал важность того, что сегодня бы назвали пиаром. Так что в этом вопросе они легко находили общий язык. 23 февраля 1923 года открылась, к примеру, большая художественная выставка «Пять лет Красной Армии». На ней было представлено 260 полотен, рисунков, изделий из фарфора и т. д. Центральным ее экспонатом был огромный портрет Льва Троцкого работы Юрия Анненкова.

В 1923 году вышла одна из первых книг по истории создания и обобщению опыта боевых действий Красной армии. Она называлась «Строительство Красной армии в революции», а ее автором был Антонов-Овсеенко. Потом книга не переиздавалась, что и не удивительно — в ней было слишком много цитат из статей и выступлений Троцкого.

Двадцать второго марта 1923 года Антонов-Овсеенко был награжден орденом Красного Знамени. В постановлении ЦИК СССР о награждении указывалось: «Принимая во внимание заслуги… В. А. Антонова-Овсеенко в деле организации, формирования и беспрерывной работы в Красной Армии в течение тяжелых пяти лет, наградить товарища В. А. Антонова-Овсеенко орденом Красного Знамени».

Антонов-Овсеенко был одним из инициаторов создания газеты «Красная звезда» — центрального печатного органа Наркомата по военным и морским делам. Решение о ее издании было принято Политбюро ЦК РКП(б) от 29 ноября 1923 года, первый номер газеты вышел 1 января 1924 года.

«Уберечь от травли тов. Троцкого»

Позже Антонов-Овсеенко говорил: «Никогда, хотя меня пытались упрекнуть в этом, я не был троцкистом, и во многих случаях восставал против Троцкого. Я никогда не кривил душой перед партией, не был фракционером. У меня было достаточно мужества признать свои ошибки». Ошибки потом он действительно признавал, но вот что касается того, что он никогда не был троцкистом, тут Антонов как раз и покривил душой. Кстати, в 1936 году он и сам каялся в газете «Известия»: «Глубокий стыд наполняет меня, потому что в 1923–1927 году я оказывал Троцкому поддержку, несмотря на то, что слышал четкий предупреждающий голос. Я не внял этому предостережению».

Новый, 1923 год начался с того, что уже тяжело болеющий Ленин

решил надиктовать свое знаменитое «Письмо к съезду», которое потом назовут его «Политическим завещанием». Точнее сказать, диктовать записки он начал еще в декабре 1922 года, а закончил письмом в январе 1923-го. В «завещании» явно ощущается ленинское опасение раскола партии после его смерти — письмо буквально пронизано этим предчувствием. Ленин безошибочно сумел предугадать двух главных героев будущей драмы партии и государства — Троцкого и Сталина.

Десятого марта 1923 года у Ленина случился тяжелый инсульт, который положил конец его политической деятельности. После этого борьба за ленинское наследство сторонников Троцкого со сторонниками «тройки» временных союзников Зиновьева, Каменева и Сталина начала нарастать. Весной 1923 года казалось, что Троцкий переиграет своих соперников. Но Сталин — Зиновьев — Каменев вели «тихую» работу по распространению своего влияния на партийный аппарат. Первые успехи проявились в июле, когда контролируемое «тройкой» большинство членов ЦК организовали комиссию по проверке положения дел в Красной армии — главной «цитадели» Троцкого.

Поскольку ПУР Реввоенсовета контролировал политическую работу в армии и на флоте, то должность Антонова-Овсеенко в условиях начавшейся подковерной борьбы за власть в партии и государстве представляла огромную важность для обеих сторон. Еще в июне 1923 года Сталин попытался договориться с Антоновым, предложив ему поехать полпредом СССР в Италию, а на его место назначить «своего» человека. Но тогда «сделка» не состоялась.

Вскоре Троцкий написал письмо в ЦК, в котором указывал, что причинами тяжелого положения в стране и в партии являются «секретарская иерархия» и «бездушные партийные бюрократы, которые каменными задами душат всякое проявление свободной инициативы и творчества трудящихся масс». Его поддержали 46 известных партийцев, выпустивших так называемое «Заявление 46-ти». Среди тех, кто его подписал, был и Антонов-Овсеенко.

В ответ Троцкого обвинили во фракционной деятельности и стремлении к личной диктатуре. 25–27 октября состоялось заседание объединенного пленума ЦК и Центральной контрольной комиссии (ЦКК), который признал выступление Троцкого «глубокой политической ошибкой… грозящей нанести удар единству партии и создающей кризис партии». Но и это был еще не конец борьбы за власть в партии и государстве.

«Привлечь к ответу зарвавшихся вождей»

Свое политическое молчание Троцкий прервал в декабре 1923 года. В «Правде» начали печататься его статьи, которые чуть позже, в январе 1924-го, он издал отдельной брошюрой под общим названием «Новый курс». «Новый курс, — писал Троцкий, — должен начаться с того, чтобы в аппарате все почувствовали, снизу доверху, что никто не смеет терроризировать партию». Он призывал заменить бюрократов «свежими силами» и больше внимания обращать на учащуюся молодежь, о которой писал, что она «вернейший барометр партии — резче всего реагирует на партийный бюрократизм».

Троцкому ответили Каменев, Зиновьев, Бухарин и др. В партии снова началась дискуссия. Особую тревогу у сторонников «тройки» вызывали настроения среди военных. 20 декабря, например, собрание партийных ячеек Военной академии РККА поддержало позицию Троцкого. А резолюция общего партсобрания штаба политуправления, штаба частей особого назначения и управления военных сообщений Московского военного округа от 14 декабря 1923 года гласила, что «политика партаппарата до сего времени была неправильной и что дальнейшее продолжение прежней внутрипартийной линии грозит партии тягчайшими последствиями, вплоть до разложения… Опасность для проведения нового курса внутрипартийной линии заключает в себе обюрократившийся и закостеневший партийный аппарат, являющийся значительной консервативной силой, тормозящей дальнейшее развитие партии». Часто на собраниях в частях, штабах и военных вузах раздавались призывы «уберечь от травли тов. Троцкого».

Двадцать четвертого декабря Антонов-Овсеенко издал циркуляр № 200 о применении принципов внутрипартийной демократии в Красной армии, согласно которому в ячейках официально вводился принцип выборности секретарей, а они сами освобождались «от мелочной опеки военкомов и политорганов». Предписывалось также «допускать свободную дискуссию… и критику деятельности руководящих военно-политических и партийных организаций». Эти идеи в духе «нового курса», которые не могли не понравиться военной молодежи, вызвали настоящий переполох в партийном аппарате. А 27 декабря Антонов направил в Президиум ЦКК и Политбюро ЦК РКП(б) письмо, в котором, как показалось некоторым, содержалась скрытая угроза троцкистов в адрес ЦК.

Дискуссия в партии, писал Антонов, принимает характер, все более

тревожащий многих, «особенно работающих в армии, товарищей». Партийное руководство, по его словам, проводит кампанию против Троцкого, «смысл которой мобилизовать вслепую поддержку линии большинства Политбюро, все силы «старой гвардии большевиков», все лучшие традиции и наисквернейшие предрассудки, вынесенные большевиками из старой дореволюционной борьбы, — дабы изолировать т. Троцкого от старых большевиков, лишить его серьезной партийной опоры в проведении его взглядов…

Всеми силами стараются сделать Троцкого знаменем всего «не ленинского» в нашей партии и, злоупотребляя громадным авторитетом ленинизма, подавить всякую критику политической линии нынешнего большинства ЦК».

«Знаю, — отмечал Антонов-Овсеенко, — что этот мой предостерегающий голос на тех, кто застыл в сознании своей непогрешимости историей отобранных вождей, не произведет ни малейшего впечатления.

Но знайте — этот голос симптоматичен. Он выражает возмущение тех, кто всей своей жизнью доказал свою беззаветную преданность интересам партии в целом, интересам коммунистической революции… Они никогда не будут «молчалиными», царедворцами партийных иерархов. И их голос когда-нибудь призовет к порядку зарвавшихся «вождей» так, что они его услышат, даже несмотря на свою крайнюю фракционную глухоту».

Начало 1924 года было, пожалуй, самым острым моментом в борьбе за власть ленинских наследников. До такой степени, что по Москве даже ходили слухи о возможном военном перевороте, который якобы готовы осуществить троцкисты.

Трудно сказать, имели ли эти слухи под собой какое-нибудь основание, но сторонники «тройки» оперативно нанесли упреждающий удар. 11 января 1924 года был смещен верный оруженосец Троцкого заместитель председателя РВС Эфраим Склянский (его заменил Михаил Фрунзе, через год сменивший и самого Троцкого). 14 января Политбюро освободило Антонова-Овсеенко от должности начальника ПУРа и вывело его из состава РВС (на его место был назначен Андрей Бубнов). Был также отменен циркуляр № 200.

В январе 1924 года XIII партконференция обвинила Троцкого в организации фракционной деятельности и заклеймила «троцкизм» как «мелкобуржуазный уклон». Зиновьев обвинял Троцкого в подготовке «бонапартистского» военного переворота и даже требовал его ареста. Сам Троцкий в конференции не участвовал. Еще осенью, во время охоты, он

провалился в болото и сильно простудился. 8 января 1924 года «Правда» поместила сообщение о том, что ему предоставлен отпуск по болезни «не менее чем на два месяца». 18 января 1924 года он отбыл на лечение в Сухум.

Возможно, если бы Троцкий смог преодолеть себя и остался в Москве, судьба страны могла бы сложиться по-другому. Однако вольно или невольно Троцкий оставил поле битвы своим противникам. Через три дня после отъезда Троцкого на юг, под Москвой, в Горках, умер Ленин. Потом Лев Давидович будет возмущаться — его якобы специально неправильно информировали о дате похорон вождя, чтобы он не успел приехать из Сухума. Однако было уже поздно. Троцкисты потерпели поражение. Многих из них тогда предпочли спровадить из страны на работу за границей. В феврале 1924 года назначение в «почетную ссылку» получил и Антонов-Овсеенко. Его перевели на дипломатическую работу.

«Вплоть до расстрела их как явных контрреволюционеров»

Сначала Антонов отправился в Китай. Там он вел весьма сложные переговоры по вопросу о юрисдикции Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). 31 мая 1924 года между СССР и Китаем было подписано «Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между СССР и Китайской республикой», по которому страны восстанавливали между собой дипломатические отношения.

В июне 1924 года его назначили полпредом СССР в Чехословакии. Там он проработал до 1928 года. Затем он занимал такой же пост в Литве — в 1928–1929 годах. В январе 1930 года его перевели в Варшаву. В Польше на жизнь Антонова-Овсеенко готовили покушение: 26 апреля дворник соседнего с полпредством здания заметил какой-то странный провод, потом он обнаружил, что провод шел к устройству с часовым механизмом, которое находилось в сарае. На всякий случай дворник вызвал полицию. Полицейские обнаружили, что в дымоход, рядом с квартирой Антонова-Овсеенко, заложена взрывчатка. Взрыв должен был произойти в субботу, 27 апреля, в 8 часов вечера. В Польше Антонов-Овсеенко проработал до 1934 года.

Пока Антонов представлял интересы СССР за границей, в самом «первом в мире государстве рабочих и крестьян» обстановка изменилась радикальным образом. От бурных 20-х с их НЭПом, внутрипартийными дискуссиями, борьбой за власть между «наследниками Ленина»,

надеждами на «мировую революцию», смелыми экспериментами в области литературы и общественной жизни, не осталось и следа. У власти оказались Сталин и его окружение. С конца 20-х — начала 30-х годов регулярно проводились показательные политические процессы против «врагов», «вредителей», «подрывных элементов» и т. д. Сталин постепенно превращался в «вождя» и «великого руководителя». Достаточно почитать воспоминания Антонова-Овсеенко «В Семнадцатом году», вышедшие в 1934 году. Имя Сталина упоминается в нем часто, с хвалебными эпитетами — «железный Сталин», «проницательный шаг товарища Сталина», «пророчески заметил товарищ Сталин» и др.

Оппозиция в партии была полностью разгромлена. Сначала отстранили от власти Троцкого — в январе 1925 года его сняли с постов наркомвоенмора и председателя Реввоенсовета. Новым наркомом стал Михаил Фрунзе, а его заместителем — Климент Ворошилов. Троцкий получил ряд второстепенных хозяйственных постов: председатель Главного комитета по концессиям (Главконцесском), председатель Особого совещания при ВСНХ по качеству продукции, председатель Электротехнического комитета.

Однако, разгромив Троцкого, «тройка» Сталин — Зиновьев — Каменев и сама распалась. Зиновьев и Каменев выступили против Сталина, организовав так называемую «новую оппозицию». На XIV съезде партии в декабре 1925 года она потерпела поражение. Зиновьева сняли с должности председателя Исполкома Коминтерна, а Каменева — с постов заместителя председателя Совнаркома, председателя Совета Труда и Обороны и председателя Исполкома Моссовета. Он был назначен наркомом внешней и внутренней торговли.

В 1926–1927 годах оппозиционеры попробовали совместными силами дать бой Сталину. «Объединенная оппозиция» состояла из Троцкого и его сторонников, Зиновьева и Каменева, остатков разгромленной ранее «рабочей оппозиции» Александра Шляпникова. На Июльском и Октябрьском пленумах ЦК 1926 года Троцкого, Зиновьева и Каменева вывели из состава Политбюро. Кульминацией этой борьбы стала попытка оппозиции провести к 10-ле-тию Октябрьской революции, 7 ноября 1927 года, «параллельные» демонстрации своих сторонников в Москве и Ленинграде. Но их участники были атакованы толпами, забрасывавшими их «льдинами, картофелем и дровами» и выкрикивавшими лозунги: «Бей оппозицию!», «Долой жидов-оппозиционеров!» и т. д.

Организация оппозиционерами нелегальной типографии и манифестации стала поводом для исключения Троцкого и Зиновьева из

партии в ноябре 1927 года на Объединенном пленуме ЦК и ЦКК. Со 2 по 19 декабря были исключены еще 75 видных оппозиционеров, включая Каменева. Троцкого выселили из служебной квартиры в Кремле, и он перебрался на «временный постой» к одному из своих сотрудников. 18 января 1928 года Троцкого силой доставили на Ярославский вокзал Москвы и выслали в Алма-Ату, причем сотрудникам ОГПУ пришлось нести его на руках, так как идти он отказался. 18 января 1929 года Особое совещание при Коллегии ОГПУ постановило выслать Троцкого за пределы СССР. 10 февраля его с семьей посадили в Одессе на пароход «Ильич» и отправили в Турцию.

В разные города страны выслали и других оппозиционеров. Впрочем, многие из них вскоре начали каяться и признавать свои ошибки. В 1928 году в партии восстановили Зиновьева и Каменева, в 1930-м — Ивара Смилгу, Евгения Преображенского, Леонида Серебрякова и Карла Радека. Последний особенно долго и изобретательно каялся в газетах и восхвалял Сталина.

Что же касается Антонова-Овсеенко, то он тоже поспешил покаяться, хотя активного участия в действиях оппозиции в последнее время уже не принимал. Однако в «Известиях» от 24 августа 1936 года он признавался, что только после попыток проведения «параллельных» демонстраций понял всю «сущность оппозиции». «И только после 7-го ноября 1927 года, когда троцкистско-зиновьевский антипартийный блок предпринял свою антисоветскую демонстрацию, — каялся Антонов, — я признал полностью правильной организационную политику ЦК. Тогда я писал т. Кагановичу, что в отношении оппозиционеров выполнил бы любое поручение партии. Было ясно — да, вплоть до расстрела их как явных контрреволюционеров».

Его «покаяние» сказалось и на отношениях в семье. Жена Антонова Розалия Канцельсон был убежденной сторонницей Троцкого и дружила с его семьей. Конфликты между ними на политической почве начали происходить еще во время их пребывания в Чехословакии. Дочь Антонова-Овсеенко Галина уже на склоне своих дней вспоминала, как однажды она гуляла с няней в саду полпредовской виллы и вдруг услышала громкие взволнованные голоса отца и матери.

Вскоре раздался звон стекла и что-то пролетело над самой ее головой. Через минуту из двери выбежала ее мама, подняла упавший на землю предмет и начала осторожно разглаживать его ладонью. Галина запомнила, что это был портрет человека с большой кудрявой шевелюрой темных волос и острой бородкой — портрет Троцкого. Оказалось, что Антонов в ярости выбросил его из окна своей квартиры.

«Дома постоянно вспыхивали скандалы, — вспоминала Галина Антонова-Овсеенко, — духовные узы между папой и мамой распались. Началось отчуждение. А оба были молоды. Папа полюбил другую женщину. Некоторые из его биографов в этом и видят причину распада семьи. Но я думаю, что та женщина… оказалась, скорее, следствием, чем причиной разрыва». С Розалией Канцельсон он разошелся. Ее судьба сложилась трагически. Как и судьба другой женщины, которую полюбил Антонов. Но об этом чуть позже.

Последние годы

Весной 1934 года Антонова неожиданно отозвали из Варшавы. Только в Москве он узнал причину этого — его ожидало новое назначение. Причем весьма неожиданное: 25 мая 1934 года Антонов-Овсеенко был назначен прокурором РСФСР. Объяснить его перемещение с дипломатической службы на юридическую сложно. Сам Антонов никогда не был юристом. Впрочем, и дипломатом тоже. Но Сталин по каким-то собственным соображениям решил вернуть его в Москву.

На посту прокурора Антонов запомнился коллегам простым и доступным человеком. Потом, уже после смерти Сталина, говорили, что он старался тщательно разбираться с каждым делом и соблюдать социалистическую законность. Но если и так, то возможностей для того, чтобы поставить работу прокуратуры на исключительно правовые рельсы, у него было мало. Разумеется, она определялась прежде всего политической целесообразностью, «революционной законностью». Вряд ли у него самого были какие-то иллюзии на этот счет — страна уже вступила на финишную прямую к большому террору и большим показательным процессам. Остается, впрочем, загадкой — считал ли Антонов, что все-таки сумеет остаться в таких условиях принципиальным коммунистом или он уже был окончательно сломлен и был готов стать частью государственной машины. Это уже не узнать никогда.

Как потом выяснилось, находились и особо бдительные товарищи, которые внимательно следили за его работой. Тогда таких было много, и доносы могли написать на кого угодно. Писали их и на Антонова. Его, например, обвиняли в «троцкистских высказываниях» (за то, что он в одном из выступлений заявил, что колхозы «еще не являются вполне социалистической формой хозяйства»). Но пока этим доносам не давали особого хода.

В 1936 году он женился в третий раз. Его женой стала Софья Левина (по мужу Тиханова). Она была младше его на 15 (по другим данным, на 11) лет и работала секретарем полпредства в Чехословакии. У нее была маленькая дочь Валентина. Ради Антонова она развелась с мужем, дипломатическим работником. «В отношениях» с Софьей Тихановой он находился уже почти десять лет, но только в 1936 году они оформили брак официально.

Дети от его прежней жены — Вера, Антон и Галина — воспитывались

в детских домах. Как вспоминала Галина Антонова-Овсеенко, он навещал их два раза в год. Именно тогда, в 1936 году, он, в ответ на просьбу Галины рассказать, где ее мать, написал записку: «Я не знаю и не хочу знать адреса твоей матери. Это чуждый и вредный советской власти человек. Ты не права, Галя, когда пишешь: «А все же она мне мать». Не всякую мать можно добром поминать». Уже потом Галина узнала, что Розалия Канцельсон пыталась уехать из СССР, но ее не выпустили. Тогда она попробовала бежать морем, вместе с контрабандистами. Но их поймали, и Розалия оказалась в тюрьме и лагере. Там, по словам Галины, она покончила с собой. Случилось это в том же 1936 году. Знал ли о судьбе Розалии Антонов? И если знал, что чувствовал при этом?

Прокурором РСФСР Антонов-Овсеенко оставался чуть более двух лет. С 19 по 24 августа 1936 года в Москве проходил процесс по делу «Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра» — первый из «больших» московских показательных процессов. Главными подсудимыми были Зиновьев и Каменев, а также другие видные деятели бывшей «объединенной оппозиции». Их обвиняли в том, что по приказу Троцкого они организовали террористический центр, подготовили и провели убийство 1 декабря 1934 года руководителя Ленинградской парторганизации, члена Политбюро, Оргбюро и секретаря ЦК ВКП(б) Сергея Кирова, собирались убить Сталина, Ворошилова, Кагановича и др.

Накануне и во время процесса газеты заполнились письмами, статьями и резолюциями с осуждениями «троцкистско-зиновьевской банды». Их заголовки: «Стереть с лица земли!», «К расстрелу!», «Раздавить гадину!», «Уничтожить подлых убийц!» говорили сами за себя. Отметился в этой кампании и Антонов-Овсеенко. 24 августа, в последний день суда, «Известия» поместили его статью «Добить до конца», в которой он требовал расправы над своими недавними товарищами. «Троцкистско-зиновьевская банда, — писал Антонов, — особый отряд фашистских диверсантов с особо злодейским заданием, особо подлой маскировкой. Вдвойне опасный отряд классового врага. Их надо стереть с лица земли». А дальше каялся сам — за свои былые отношения с Троцким.

Все 16 подсудимых были расстреляны.

«Больший каталонец, чем сами каталонцы»

В сентябре 1936 года Антонов был назначен генеральным консулом в Барселоне. Это была весьма важная должность. В Испании в июле 1936

года началась гражданская война. Против левого республиканского правительства подняли мятеж военные во главе с генералом Франсиско Франко. Франкистам начали помогать Италия и Германия. Советский Союз — республиканцам. На помощь к ним ехали также добровольцы-интернационалисты из различных стран.

Барселона (столица автономной провинции Каталония) была ключевым пунктом для этой помощи — через нее проходило большинство военных грузов из СССР, сюда же прибывали многие интербригадовцы. И вообще Каталония считалась одной из главных «крепостей» Республики. Но, вероятно, была и другая причина, по которой Сталин отправил в Барселону именно Антонова. Троцкий в издававшемся за границей «Бюллетене оппозиции» ехидно писал: «Бывший революционер Антонов-Овсеенко, покаявшийся в 1927 году в своих оппозиционных грехах, заявил о полной готовности «собственными руками душить троцкистов». Этого субъекта немедленно отправили под маской консула в Барселону и указали, кого именно душить. Такие ответственные поручения вершатся не иначе, как по прямому поручению «генерального секретаря».

Дело в том, что на стороне Республики сражались разные люди — от либералов до анархистов. Но именно в Каталонии, еще в 1934 году объявившей себя «независимым штатом Федеральной Испанской республики» с собственным правительством, сложилась наиболее любопытная ситуация. Огромное влияние на нее оказывали местные анархисты и «левые коммунисты» из Рабочей партии марксистского единства (ПОУМ). В Москве ее считали троцкистской, хотя с Троцким у партии было немало разногласий.

Анархисты (под их руководством находилась одна из крупнейших профсоюзных организаций — Национальная конфедерация труда, СНТ) пытались устроить в Каталонии «свободный коммунизм»; предприятия передавались непосредственно в руки рабочих, организовывались коммуны в деревне, отменялись деньги. При этом они, как и члены ПОУМ, резко критиковали порядки в СССР и самого Сталина, что вызывало возмущение коммунистов. Один из наиболее известных анархистов Буэнавентура Дурутги, погибший потом под Мадридом, открыто высказывался против ориентации на «фашистское варварство Сталина», а многие из них не могли забыть большевикам Кронштадт, ликвидацию армии Махно и вообще анархистского движения. «Вы произвели свой эксперимент, дайте теперь нам произвести свой опыт, мы покажем вам, что мы установим анархический коммунизм, не пойдя путем России», — говорили они коммунистам.

Влияние анархистов и их «альтернативный коммунизм» совсем не нравились Сталину, хотя он понимал, что игнорировать такое мощное антифашистское движение (или бороться с ним) пока невозможно. Отношения испанских коммунистов с анархистами и ПОУМ тоже складывались напряженно, но пока и те и другие воздерживались от прямых столкновений, понимая важность единства антифашистских сил.

Прибывший в Барселону Антонов-Овсеенко сразу же столкнулся с этими проблемами. Как и с натянутыми отношениями между республиканским правительством Испании и руководством Каталонии. Однако ситуацию в Каталонии в своих донесениях в Москву он описывал иначе, чем официальная коминтерновская пропаганда, которая часто описывала ее как торжество «испанской махновщины». Например, 6 октября 1936 года он докладывал советскому послу в Испании Михаилу Розенбергу: «Представление об анархии в Каталонии неправильно… Правительство действительно хочет заниматься и вплотную занимается организацией обороны… Сомнения нет, что вожди этого правительства понимают связанность судьбы прогрессивной и республиканской Каталонии с судьбой Мадрида. Понимают они и экономическую связанность Каталонии с остальной Испанией. Вполне, по стратегическому положению, возможно для них, выполняя каталонское дело, играть тем самым роль спасителя республиканской Испании».

Антонов не был готов сразу «душить» анархистов. Он проводил по отношению к ним политику «переубеждения». Антонов-Овсеенко, пишет в книге «Великая испанская революция» доктор исторических наук Александр Шубин, делал в отношении анархистов ту же самую ошибку, которую он делал по отношению к Махно в 1919 году. «Антонов, — отмечает Шубин, — убеждал себя, что Махно был без пяти минут большевик, и только грубость командования оттолкнула его от красных, а вот осторожный педагогический подход Антонова сделал бы из Махно красного комдива… Он и в Каталонии продолжал свою линию 1919 года, надеясь взять реванш за неудачу с Махно. Вот-вот, и анархисты, отказавшись от экстремизма, придут в ряды коммунистов, как пришли уже многие их отдельные активисты».

Он считал, что стоит анархистам только столкнуться с практикой, и они поймут, что их взгляды ошибочны, и потянутся к коммунистам. Признать же более глубокую основу конфликта коммунистов и анархистов Антонов-Овсеенко не хотел, да и не мог. Он развернул среди анархистов пропагандистскую работу. По его просьбе писатель Илья Эренбург, представлявший в Испании газету «Известия», ездил в анархистские

отряды на фронте, развозил листовки, газеты и показывал советские фильмы «Мы из Кронштадта» и «Чапаев». Часто во время просмотра «Чапаева» анархисты кричали «Долой комиссара!». Так они протестовали против комиссарского контроля над действиями легендарного народного командира. «Умеренные анархосиндикалистские элементы, — сообщал Антонов 8 февраля 1937 года, — на практике убедившиеся в несостоятельности анархистских теорий, проявляют все более растущую склонность к отказу от этих теорий».

Что же касается «троцкистов» из ПОУМ, то они считались более опасным врагом для коммунистов и СССР, чем анархисты. Ведь они тоже называли себя коммунистами и марксистами-ленинцами, но при этом беспощадно критиковали Сталина и советские порядки. В Москве были сильно озабочены слухами о том, что и сам Троцкий может появиться в Испании и провозгласить здесь создание своего Интернационала.

Испанские «троцкисты», ругавшие Сталина, мешали и многим в испанском республиканском правительстве — ведь основную помощь оно получало от СССР. Однако премьер-министр, левый социалист Ларго Кабальеро был против запрета ПОУМ. Антонов же считал, что именно поумовцы «подстрекают» анархистов, пытаясь «вовлечь в орбиту своей провокационной деятельности значительные слои СНТ». «Лишь политический разгром ПОУМа создаст условия для длительного сотрудничества между Коммунистической партией и СНТ и ФАИ[15]», — писал он в Москву.

Сложные отношения между коммунистами, социалистами, анархистами, поумовцами привели к вооруженным столкновениям между анархо-синдикалистами и коммунистами в Барселоне в мае 1937 года (все началось с попытки отряда коммунистов захватить телефонную станцию, которую контролировали анархисты). В город пришлось вводить армейские части. 8 мая анархисты и поддержавшие их поумовцы капитулировали, в боях погибло более 500 человек.

Бои в Барселоне открыли дорогу репрессиям против их организаций и руководителей. Испанские противники ПОУМ и анархистов называли эти действия «анархо-троцкистским путчем». Такого же мнения придерживались и в Москве. Интересно, что даже в биографии Антонова-Овсеенко, написанной его сыном (под псевдонимом Антон Ракитин) и вышедшей в 1975 году, об этих событиях говорится так: «Спланированный в штабе Франко, этот контрреволюционный путч должен был подорвать истощенные силы республики накануне фашистского наступления на Север».

Четырнадцатого мая большинство министров потребовали от Ларго Кабальеро роспуска и запрета ПОУМ, разоружения тылового населения и т. д. Премьер отказался выполнить эти требования и подал в отставку. Новым премьер-министром 16 мая 1937 года стал умеренный социалист Хуан Негрин (министр финансов в прежнем кабинете). Негрин считался более «просоветским» политиком и пользовался поддержкой коммунистов. Именно с его одобрения в Каталонии начались аресты руководителей ПОУМ (арестовали 250 человек и 30 иностранцев, причем ареста чудом избежал воевавший в составе поумовцев Джордж Оруэлл, написавший позже свои знаменитые романы — антиутопии), которых обвиняли в сговоре с франкистами. Советскими агентами НКВД был похищен, а затем и убит лидер ПОУМ Андреу Нин.

Над арестованными «троцкистами» хотели устроить такой же процесс, как в Москве, но сделать этого не успели — буквально перед самым падением Республики их все-таки выпустили из тюрем. Были также арестованы около 1500 анархистов и несколько сотен вызвавших подозрение «неортодоксальных» марксистов, в том числе и бойцов интербригад. Другими словами, «левая оппозиция» в Испании была разгромлена почти так же, как большевики в России во время своей Гражданской войны разгромили своих «левых» противников — махновцев, левых эсеров и др.

Эти события и назначение премьером Негрина отразились и на судьбе Антонова-Овсеенко. С Негрином у него сложились непростые отношения. Еще 7 февраля 1937 года во время обеда в советском торгпредстве в Барселоне между ними произошел конфликт. Антонов начал говорить о том, что не следует подавлять стремление к автономии в Каталонии или Стране Басков. В ответ Негрин заявил, что советский консул еще «больший каталонец, чем сами каталонцы», и что-то добавил о его бюрократизме. Антонов возмутился и резко ответил, что «он революционер, а не бюрократ».

Негрин расценил слова Антонова как недоверие к нему со стороны Москвы и сказал, что он в таком случае уходит в отставку. Впрочем, в советском посольстве ему дали понять, что линию генерального консула в Барселоне разделяют далеко не все «советские товарищи» в Испании и что не следует расценивать его слова как позицию СССР. Об этом инциденте стало известно и в Москве, и Антонов-Овсеенко получил выговор. Негрин же и после жаловался советским дипломатам на Антонова. Он говорил, что тот покровительствовал анархистам и что для него «вообще существовала одна Каталония».

Антонов-Овсеенко был уверен, что его линию поддерживают в Москве, но она все больше и больше расходилась с представлением Сталина о том, что надо делать в Испании. К тому же после назначения премьером Негрина было ясно, что вряд ли они сработаются с советским консулом. Все эти события во многом предопределили дальнейшую судьбу Антонова.

«Не поминайте лихом!»

В августе 1937 года его отозвали из Барселоны в СССР. 15 сентября он получил новое назначение и снова по юридической части — наркомом юстиции РСФСР. Но, в сущности, на этом посту Антонов поработать толком уже не успел.

Знал ли он, что над ним сгущаются тучи? Трудно сказать. Но наверняка предчувствовал что-то. Обстановка была такая, что никто из советской номенклатуры не мог ощущать себя в полной безопасности. «Враги народа» внезапно возникали и там и сям, показательные процессы шли один за другим. Особенно много появилось вдруг уже вроде бы давно разгромленных троцкистов. В июне 1937 года по делу «Антисоветской троцкистской военной организации» были осуждены и расстреляны видные советские военачальники во главе с маршалом Михаилом Тухачевским — командармы 1-го ранга Иона Якир, Иероним Уборевич, командарм 2-го ранга Август Корк, комкоры Виталий Примаков, Витовт Путна, Борис Фельдман, Роберт Эйдеман, покончил с собой командарм 1-го ранга Ян Гамарник.

Интересно, что за неделю до суда, 2 июня 1937 года, Сталин, заявив на расширенном заседании Военного совета при наркоме обороны СССР о том, что «такая уйма показаний самих преступников и наблюдения со стороны товарищей, которые работают на местах, такая масса их, что несомненно здесь имеет место военно-политический заговор против Советской власти, стимулировавшийся и финансировавшийся германскими фашистами», добавил еще, что этот «заговор» похож на то, что произошло в 1936 году в Испании. Антонову, который прекрасно знал всех расстрелянных, работал в Испании и был когда-то сторонником Троцкого, все это ничего хорошего не сулило.

В конце сентября 1937 года его жена уехала в Сухуми на лечение. В одном из писем к ней от 1 октября 1937 года Антонов писал: «Чувствую напряженность борьбы». По версии Антона Антонова-Овсеенко, его отец в

это время консультировал создателей фильма «Ленин в Октябре», который режиссер Михаил Ромм снимал поистине ударными темпами — картина должна была выйти на экраны к 20-летию Октября. Правда, показывать разрешено было только Ленина, Сталина, Дзержинского и Свердлова — такова воля самого Сталина, и Антонов-Овсеенко знал об этом. Его самого в фильме заменил некий рабочий Матвеев, Эйно Рахья — некий рабочий Васильев, Троцкого, Каменева и Зиновьева только ругали, и то заочно. Даже министров Временного правительства *с* Керенским показали, а большевиков — почти нет. Ну и Горького еще. Так вот, по рассказу Антона Антонова-Овсеенко, 11 октября его отец до позднего вечера консультировал создателей фильма. А когда ночью пришел домой, то вскоре был арестован.

Он сидел на Лубянке, в Лефортове, в Бутырках, снова в Лефортове. Сначала он отрицал все обвинения против него, утверждал, что допущена ошибка, и требовал от следователя предоставить ему «уличающие материалы». Но затем вдруг написал письмо на имя наркома внутренних дел Ежова, в котором признавался в своей «антисоветской деятельности».

«Контрреволюционный троцкизм должен быть разоблачен и уничтожен до конца, — писал он. — И я, оруженосец Троцкого, раскаиваясь во всем совершенном против партии и Советской власти, готов дать чистосердечные признания. Надо прямо сказать, что обвинение меня врагом народа правильно. Я на деле не порвал с контрреволюционным троцкизмом… Эта контрреволюционная организация ставила себе целью противодействие социалистическому строительству, содействие реставрации капитализма, что ее смыкало по существу с фашизмом… Я готов дать развернутые показания следствию о своей антисоветской, контрреволюционной работе, которую осуществлял и в 1937 году».

Нет сомнений, что эти «признания» он дал под физическим или моральным давлением следователей. Вполне возможно, ему пригрозили уничтожением его семьи. Жену Антонова, кстати, арестовали уже 12 октября в Сухуми и привезли в Москву. Не исключено, что ему сообщили об этом, чтобы усугубить его мучения. Как вспоминал потом сын советского партийного и профсоюзного деятеля Михайла Томского Юрий[16], в феврале 1938 года он оказался в одной камере с Антоновым. «Он был нездоров, с опухшими ногами, но держался удивительно бодро, — писал он. — Во второй половине дня вокруг него обычно собирались все обитатели камеры, и Владимир Александрович рассказывал о своих встречах с Лениным, об Октябрьской революции, о борьбе испанского народа против фашизма. О себе он говорил очень скупо.

Владимир Александрович ничего не подписал на «следствии«…С

негодованием вспоминал следователя, который предупредил его о предстоящей казни. Помнится один эпизод, рассказанный Владимиром Александровичем. Во время одного из допросов в кабинете следователя не был выключен радиорепродуктор. Следователь, озлобленный упорным отказом арестованного подписать клеветнические материалы, назвал старого революционера врагом народа.

— Ты сам враг народа, ты настоящий фашист, — ответил ему Владимир Александрович.

В этот момент по радио передавали какой-то митинг.

— Слышите, — сказал следователь, — слышите, как нас приветствует народ? Он нам доверяет во всем, а вы будете уничтожены. Я вот за вас орден получил!»

Обвинительное заключение по его делу было утверждено 5 февраля 1938 года. Антонов обвинялся в том, что еще в 1923 году, работая начальником ПУРа, совместно с Троцким разрабатывал план вооруженного выступления против советской власти, а затем, занимая должность полпреда в Чехословакии, Литве и Польше, вел «троцкистскую деятельность в пользу польской и германской военных разведок». Припомнили и Испанию, не забыв его «покровительство» анархистам. Обвинения сводились к тому, что Антонов-Овсеенко вошел в организационную связь с германским генеральным консулом и фактически руководил троцкистской организацией в Барселоне в «борьбе против Испанской республики».

Жена Антонова обвинялась в том, что была связана с польской разведкой и что была осведомлена о шпионской связи своего мужа, а также о деятельности троцкистской террористической организации.

Сохранился рассказ Юрия Томского о том, как Антонова-Овсеенко уводили из камеры. «Владимир Александрович, — вспоминал Томский, — начал прощаться с нами, потом достал черное драповое пальто, снял пиджак, ботинки, раздал почти всю свою одежду и встал полураздетый посреди камеры.

— Я прошу того, кто доживет до свободы, передать людям, что Антонов-Овсеенко был большевиком и остался большевиком до последнего дня.

Мы стояли молча, потрясенные. Дверь камеры открылась вновь. Антонов-Овсеенко направился к выходу. У самого порога он остановился, обнял товарищей, стоявших рядом.

— Прощайте, товарищи, не поминайте лихом!»

Иногда этот рассказ называют описанием последних часов Антонова-

Овсеенко перед казнью. Но вряд ли это правильно. Дело происходило в Бутырской тюрьме, а после этого Антонов еще некоторое время сидел в Лефортове. Оттуда его и увезли на так называемый «суд».

Восьмого февраля 1937 года Военная коллегия Верховного суда СССР под председательством Василия Ульриха рассмотрела дела Антонова-Овсеенко и его жены. Происходило это в закрытом режиме, без участия обвинения, защиты и без вызова свидетелей.

Сначала слушали дело Софьи Антоновой-Овсеенко. Она заявила, что виновной себя не признает, с польской разведкой связана не была и ничего не знала о том, что ее муж является шпионом. Приговор — расстрел. Он был приведен в исполнение в тот же день.

В 22 часа 40 минут, когда, скорее всего, его жены уже не было в живых, в зал заседаний привели самого Антонова-Овсеенко. Он тоже заявил, что виновным себя не признает, а показания, данные на предварительном следствии, не подтверждает, так как дал их ложно. Шпионажем он не занимался и троцкистом никогда не был. Он был только примиренцем. В последнем слове Антонов просил провести дополнительное расследование, так как он оговорил себя. Однако все заседание продолжалось всего 20 минут. Судьям хватило этого времени, чтобы вынести такой же приговор — расстрел с конфискацией имущества.

Он прожил еще сутки. О том, как он их провел — ничего не известно. Владимир Антонов-Овсеенко был расстрелян 10 февраля 1938 года. В 1956 году Военная коллегия Верховного суда СССР полностью реабилитировала и его, и его жену.

Его судьба была довольно типичной для большевиков «раннего призыва». Многие из них, кто не погиб на многочисленных фронтах Гражданской войны и дожил до 30-х годов, разделили такую же незавидную участь.

Они были решительными и мужественными в подпольной революционной борьбе, «железными» и беспощадными к себе и к другим во время войны с «классовым врагом» и «международной буржуазией», они сами пролили немало чужой крови и достигли высоких постов в государстве, но оказались совершенно беспомощными перед лицом «своего» террора. Они были морально раздавлены и сломлены: каялись, поносили в газетах своих бывших уже убитых Сталиным товарищей, приписывали им и себе какие-то чудовищные замыслы и при этом смиренно ждали, пока придут и за ними, не думая даже о сопротивлении или хотя бы о побеге.

Что стояло за всем этим? Желание выжить? Или настолько сильная

преданность «красной идее», что даже собственное уничтожение руками своих же единомышленников могло показаться им полезным «делу революции»? Или, наоборот, полное разочарование в революции, которое лишило их последних сил к борьбе? Кто знает. Наверное, и то, и другое, и третье. Но некоторые все же еще находили в себе силы достойно встретить свои последние минуты.

Леонид КРАСИН

МЕТАМОРФОЗЫ «КРАСНОГО ЛОРДА»

Руководители большевиков, как бы к ним ни относиться, были крайне любопытными и интересными людьми. Но Леонид Красин выделялся даже среди них. За границей его называли «красным лордом» — за умение одеваться, всегда безукоризненные манеры и умение вести светские беседы и деловые переговоры. Британский премьер-министр Дэвид Ллойд Джордж вообще говорил, что Красин был «первым русским, изложившим свои доводы с достаточной убедительностью».

Среди своих коллег по партии Красин обращал на себя внимание еще и тем, что был не только «профессиональным революционером». Инженер по специальности, он, параллельно своей революционной деятельности, сделал весьма неплохую карьеру, став в 1913 году генеральным представителем немецкой фирмы «Сименс — Шуккерт» в России, а после начала Первой мировой войны продолжал управлять национализированными предприятиями «Сименс». Конечно, можно назвать Леонида Красина одним из самых «респектабельных большевиков». Но все-таки это было бы слишком просто.

Биография Красина полна любопытных противоречий и метаморфоз. Вместе с описаниями его изысканных манер, великолепных костюмов, профессиональных способностей в истории остались мрачные слухи о причастности Красина к смерти известного русского фабриканта Саввы Морозова, вывозе драгоценных камней из России и вполне доказанные факты, вроде руководства «боевыми группами» большевиков, разработки «эксов», участия в довольно-таки «мутных» схемах финансирования своей партии или предложений оживить в будущем умершего Ленина, с которым Красин далеко не всегда соглашался и за которым после Октябрьских событий 1917 года согласился последовать после долгих раздумий и сомнений.

Так что «респектабельность» «красного лорда» имела вместительное «двойное дно». И Красин им часто пользовался. Ну а с другой стороны: а у кого из политиков его нет?

Из Сибири в Сибирь

Леонид Красин родился в Кургане 3 июля 1870 года в семье Бориса Ивановича Красина и Антонины Григорьевны, в девичестве Кропатиной. Его отец служил полицейским чиновником и смог «продвинуться» — во всяком случае, в 1883 году его назначили главой уездной полиции и перевели в Тюмень. Кроме Леонида в их семье были также сыновья Герман (родился в 1871 году), Александр (1876), Борис (1884) и дочь Софья (1880). Еще один сын — Глеб — умер в раннем детстве.

Леонид и Герман учились в Александровском реальном училище в Тюмени — тогда, наверное, одном из лучших средних учебных заведений в Сибири. В августе 1887 года Леонид приехал в Петербург, чтобы сдавать вступительные экзамены в Петербургский технологический институт императора Николая I. Он вспоминал, что на 116 мест претендовало более 800 человек, и свои шансы на поступление оценивал не слишком-то высоко. Тем не менее начал усиленно готовиться к экзаменам — учился почти круглые сутки три недели подряд и с удивлением обнаружил себя в списках поступивших. Его зачислили на химико-технологическое отделение. Год спустя в тот же институт поступил и Герман Красин.

Русские университеты в то время переживали нелегкие времена. При Александре III существовавшая ранее определенная университетская автономия была практически уничтожена. Запрещалось создание студенческих организаций. В 1885 году плата за обучение в вузах была повышена до ста рублей, и при этом абитуриент в обязательном порядке должен был представить свидетельство о политической благонадежности. Для студентов ввели обязательное ношение формы. Появилась также специальная должность — «педель», инспектор-надзиратель, который должен был следить за поведением студентов. Откуда такое странное название? Считается, что от немецкого *Pedell*, то есть «школьный сторож, швейцар в учебном заведении». Излишне говорить, что педелей студенты, мягко говоря, не жаловали.

С другой стороны, правительство опасалось не напрасно — именно студенты были «разносчиками» различных «вредных» и «подрывных» идей. Студенческие кружки действовали нелегально, на их заседаниях разгорались горячие споры о земельном и рабочем вопросах, о марксизме, народничестве и т. д. Красин, к тому времени уже прочитавший «Капитал» Карла Маркса, считал себя марксистом и выступал на различных

собраниях, на которых велись диспуты с народниками. Технологический институт вообще считался в студенческой среде «оплотом» марксизма.

Участие Красина в студенческих кружках не прошло незамеченным для полиции. В 1889 году за ним было установлено тайное наблюдение. В марте 1890 года в институте произошли крупные студенческие волнения. Их причиной стало несправедливое отчисление одного из студентов. Студенты забаррикадировались в здании и несколько дней проводили там митинги. В конце концов полиция взяла его штурмом. После этого 25 «зачинщиков», в том числе и братья Красины, были исключены из института и высланы в Казань. Впрочем, эта первая ссылка оказалась недолгой. Уже в мае того же года они подали прошение о восстановлении в институте, и его удовлетворили. Во-первых, из-за их «выдающихся успехов» в технических науках, а во-вторых, потому, что «железных» доказательств о связях Красиных с революционным подпольем у полиции все же, по-видимому, не было. Однако их предупредили — если они еще раз примут участие в беспорядках, то будут отчислены без права на восстановление.

Разумеется, Красины тотчас же принялись за старое. Снова — участие в кружках, пропаганда среди рабочих, чтение нелегальной литературы. Тогда Красин получил свою конспиративную кличку «Василий Никитич» или просто «Никитич». Потом будут и другие — Лошадь, Юхансон, Винтер…

Двенадцатого апреля в Петербурге умер известный писатель-народник Николай Щелгунов. За его гробом на кладбище шли несколько сотен студентов (полиция насчитала от 500 до 700), говоривших на похоронах не очень-то благонадежные речи. Был замечен на кладбище и Леонид Красин. В тот же день оба брата были арестованы. 18 апреля их исключили из института без права поступления в другие вузы страны, а 20 апреля выслали из столицы. 15 мая братья Красины прибыли в Нижний Новгород. Сняли комнату на окраине города, зарабатывали в основном чертежными работами. Леонид некоторое время прослужил инженером на заводе промышленных горнов в деревне Кохма. Затем он записался вольноопределяющимся в Нижегородский полевой инженерный батальон. Герман последовал примеру брата — поступил в пехотный батальон.

Шестого мая 1892 года братьев снова арестовали. На этот раз в связи с делом руководителя марксистского кружка в Петербурге Михаила Бруснева, в работе которого они принимали участие. Связи Красиных и Бруснева сохранялись и после их высылки из столицы, и когда в апреле полиция арестовала Бруснева в Москве, то «ниточка» потянулась и в

Нижний. Германа вскоре отпустили, а Леонида перевезли в Москву и посадили в Московский губернский тюремный замок, то есть в Таганскую тюрьму, в просторечии «Таганку». Поместили в одиночную камеру № 505 — на самом верхнем этаже. Из окна камеры Красин мог видеть башни Кремля. Позже он вспоминал, что самым трудным был первый месяц заключения, когда ему не разрешали свиданий, писем и посылок. Полная оторванность от мира в четырех стенах. Красин, однако, пытался «оставаться в форме» — делал зарядку, решал математические уравнения (писал их на стене куском штукатурки), мыл окна и полы в камере, играл сам с собой в шахматы — он их вылепил из хлебного мякиша.

Потом стало легче — разрешили переписку и посылки. Красин изучал немецкий язык, много читал, тем более что вызывали на допросы его крайне редко — полиция, похоже, уже не знала, что делать с ним. Факт своего знакомства с Брусневым и другими членами кружка он не отрицал, но этого было мало. Доказать же, что Красин действительно занимался нелегальной деятельностью, следствие не смогло. В итоге, после девяти месяцев заключения, в марте 1893 года, его освободили под залог и в чине унтер-офицера перевели в 12-й пехотный Великолуцкий полк, дислоцированный в Туле. В октябре он был освобожден от военной службы и уволен в запас.

Красин работал мастером на строительстве железной дороги Харьков — Балашов, затем искал работу в Воронеже, но продолжал оставаться под тайным надзором полиции и формально под продолжавшимся следствием по делу группы Бруснева. 16 декабря 1894 года полицейский агент сообщал, что он отказался присягнуть вступившему на престол после смерти Александра III Николаю II. Тогда же, в декабре, были утверждены приговоры членам кружка. Бруснев получил четыре года тюрьмы и десять лет ссылки в Сибирь. Что касается Красина, то его приговорили к трем месяцам одиночного заключения и трем годам ссылки в Вологодской губернии. Это, кстати, был первый политический приговор, утвержденный новым императором.

«Примерное поведение» инженера Красина

Родственники хлопотали за Красина перед властями. Они просили изменить ему место ссылки и вместо Вологодской губернии отправить в Иркутск. Понятное желание — Иркутск все-таки был тогда центром Восточной Сибири. Впрочем, вскоре и в вологодской ссылке окажется

столько философов, публицистов, экономистов, что Вологду в шутку назовут «северными Афинами». Но это будет еще через несколько лет.

Еще одной причиной просьбы об изменении Красину места ссылки было его подорванное здоровье. Родственники писали министру внутренних дел, что в Иркутске он в случае чего сможет быстро получить медицинскую помощь, а в вологодской глуши — нет. И, в общем, они добились своего. Красину было предписано отправиться в Иркутск за свой счет и жить там под гласным надзором полиции в течение трех лет.

В ссылке Красин проявил свой необычный характер.

Большинство русских политических ссыльных не работали. Заставить работать насильно власти их не могли, да и часто в тех местах, где они находились, никакой работы найти было нельзя. В основном они занимались самообразованием, писали статьи и книги, по возможности занимались пропагандой среди местного населения. Многие из них потом признавались, что именно ссылка стала для них настоящей «школой» или даже «университетом».

С Красиным было по-другому. Прибыв в Иркутск, он вскоре обратился к генерал-губернатору с прошением разрешить ему работать на строительстве Транссибирской железной дороги, так как родители не имеют возможности содержать его в ссылке и он вынужден зарабатывать. В мемуарах Красин еще объяснял, почему он не занялся революционной пропагандой: «Ни о какой политической работе среди местного пролетариата тогда еще замышлять было нельзя за полным почти отсутствием больших промышленных предприятий». Объяснение не очень убедительное — он ведь, к примеру, мог вести «политическую работу» и среди строителей Транссиба. Но о ней он почему-то не упоминает. Кстати, МВД возражало против участия «политического ссыльного Красина» в строительстве, а вот местные власти — наоборот. Пока между «инстанциями» тянулась нудная переписка, весной 1895 года его задним числом все-таки взяли на службу чертежником и картографом. А еще через год Петербург нехотя дал формальное разрешение на его «допуск» к строительству дороги.

Репутация Красина за это время настолько выросла, что ему предложили исполнять и обязанности инженера на строительстве железной дороги вокруг Байкала — хотя диплома инженера у него не было. Положили ему и весьма солидное по тем временам жалованье — 2400 рублей в год. Наконец, в октябре 1896 года распоряжением министра внутренних дел Ивана Горемыкина Красину за работу на строительстве дороги и «примерное поведение» сократили срок ссылки на год — до 1

апреля 1897 года.

Но и после этого срока он еще оставался в Иркутске — по тому же распоряжению главы МВД ему в течение двух лет запрещалось жить в Москве, Петербурге и других университетских городах Европейской России.

Брат Красина Герман и его мать, которые к тому времени обосновались в Москве, тем не менее продолжали хлопотать и в итоге добились разрешения на то, чтобы Леонид продолжил учебу на третьем курсе химического отделения Харьковского технологического института императора Александра III. В Харьков он приехал в январе 1898 года.

Интересно сравнить, как складывались судьбы Красина и Владимира Ульянова — ведь начало их революционных биографий было очень похожим. Ульянов был исключен из Казанского университета за участие в беспорядках еще раньше Красина — в 1887 году. Затем находился в ссылке, сдавал экстерном экзамены на диплом юриста, пробовал заниматься управлением имением своей матери, работал помощником присяжного поверенного в Самаре, участвовал в работе марксистских кружков и постепенно завоевывал в их среде солидный авторитет. В 1895 году он — среди основателей «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» в Петербурге. В декабре 1895 года, как и многие другие члены «Союза», Ульянов был арестован, более года содержался в тюрьме и в 1897 году выслан на три года в село Шушенское Минусинского уезда Енисейской губернии.

Другими словами, когда у Красина сибирская ссылка заканчивалась, у Ульянова она только начиналась. Но различие между ними было не только при всей схожести их биографий. К этому времени Ульянов уже твердо понял, что его место в революционной борьбе, а вовсе не в какой-нибудь «мирной» профессии. Он, безусловно, мог уже считаться одним из заметных деятелей марксистского движения в России.

С Красиным дело обстояло сложнее. К 27–28 годам он добился больших успехов именно как профессионал. Перед ним открывалась возможность сделать достойную и честную карьеру великолепного специалиста, которые, конечно же, были нужны стране. Наверняка он не раз задумывался над тем, каким путем идти дальше. И судя по всему, решил для себя, что по мере возможностей будет сочетать как революционную, так и профессиональную деятельность. Понять мотивацию Красина не так уж и сложно — ведь революции нужны были не только политики, публицисты, ораторы, но и инженеры, технари и, говоря современным языком, менеджеры. А уж в случае ее победы они тем более

понадобятся России.

Но пока Красин доучивался в Харькове. Большую часть времени он, впрочем, проводил «в поле» — на строительстве дорог. Институтское начальство ему в этом не препятствовало. А вот его «политическая благонадежность», несмотря на предупреждения, оставляла желать лучшего. Он по-прежнему участвовал в студенческом движении и не был исключен лишь благодаря хорошему отношению к нему со стороны ректора Дмитрия Зернова, человека либеральных взглядов, ценившего Красина как хорошего специалиста.

Красин окончил институт летом 1900 года, но диплом получил лишь в 1901-м. Таким образом его все-таки «наказали» за участие в «политике». Но дожидаться его он не стал и еще в конце июня 1900 года поехал в Баку. Там, на берегу Каспийского моря, начиналось строительство большой электростанции, которая должна была снабжать электричеством все бакинские нефтепромыслы. В общем, все по самому последнему слову науки и техники. Он не мог не оценить размах этого проекта, да и к тому же в Баку Красина позвал его однокурсник по питерскому Технологическому институту Роберт Классон[17], ставший уже известным инженером.

Казначей партии

Красин получил место в акционерной компании «Электросила», которая вела работы по электрификации нефтяных промыслов. Он поселился на мысе Баилов. В его зоне ответственности находилось строительство Биби-Эйбатской электростанции (в советское время ей будет присвоено имя Красина), жилых кварталов, насосной станции, водопровода. Строительство походило на настоящий муравейник. На строительных площадках работали тысячи людей, говорящих на самых разнообразных языках. Красин насчитал их 15. «Настоящий Вавилон», — вспоминал он много лет спустя. Работы шли поистине «стахановскими» темпами, и электростанция заработала уже в 1901 году. Как руководителя строительства Красина не мог не восхищать подобный размах. Но, как подпольщик, он понимал и еще кое-что — в этом «Вавилоне» легко затеряться и нужным людям, да и вообще легче вести нелегальную работу.

В декабре 1900 года в Лейпциге вышел первый номер русской социал-демократической газеты «Искра». Ее редакторами были Владимир Ленин (Ульянов), Георгий Плеханов и Юлий Мартов (Цедербаум). В то время, когда партийные структуры еще окончательно не оформились (формально Российская социал-демократическая рабочая партия — РСДРП — была создана на съезде в Минске в 1898 году), газета объединяла нелегальные социал-демократические группы в России. Доставляли ее из-за границы разными путями, в том числе и через Баку. Понятно, что это был долгий и опасный путь, к тому же отпечатанные экземпляры везти было трудно. Поэтому возникла идея доставлять в Россию только матрицы «Искры», а печатать ее уже на месте.

Одна из нелегальных типографий была создана в Баку. Основал ее грузинский социал-демократ Ладо Кецховели, он же придумал для нее и конспиративное имя «Нина». С сентября 1901 года «Нина» начала печатать «Искру». Мат рицы газеты пересылались через Красина — их вкладывали между страниц различных заграничных технических журналов и книг, которые он получал. Типография несколько раз меняла адреса, а затем, по предложению Красина, вообще обосновалась на территории строительства. «Электрическая станция, — писал он, — да еще строящаяся, была чрезвычайно удобной базой для хранения литературы, шрифта и т. п. Два-три раза жандармы пробовали производить обыски на электрической станции, но, безнадежно махнув рукой, должны были оставить в покое эту

техническую цитадель, ввиду полной невозможности там что-либо сделать». К тому времени он сумел устроить на строительство чуть ли не всех членов Бакинского комитета РСДРП.

В 1902 году полиция арестовала Кецховели и его помощника Авеля Енукидзе, Красин принял на себя руководство типографией. Ему пришлось повозиться. Он ездил в Германию (в 1902 году с него были сняты все ограничения по местожительству и передвижению), изучал там технику набора, а вернувшись, модернизировал печатный станок типографии. Он заказал в Германии новый печатный пресс за три тысячи рублей.

Красин с гордостью писал в мемуарах, что многие издатели могли бы позавидовать им, если бы увидели, на какой технике работали подпольщики. Несмотря на строжайшую конспирацию, работа была организована как на обычном предприятии. Восемь сотрудников «Нины» трудились с 7.30 утра до 20.00 с перерывами на чай и обед. Раз в год им полагался отпуск. «Я припоминаю, — писал Красин, — с каким чувством в темной фотографической комнате «Электрической силы», в Баку, я проявлял в 1903 году первый манифест избранного на II съезде РСДРП Центрального комитета, присланный мне в Баку на фотографической светочувствительной пленке. Этот способ был выбран, чтобы при случайном провале письма содержимое его никоим образом не могло сделаться известным жандармам. Проявленная пленка послужила для нашей типографии тем первым оригиналом, с которого был сделан набор, и через несколько дней десятки тысяч экземпляров этого манифеста уже перевозились в разные части страны нашим транспортным органом».

Типография еще несколько раз меняла свои адреса, и в конце концов ее спрятали в буквальном смысле под землю. В апреле 1904 года за две тысячи рублей был куплен дом с амбаром в мусульманском районе Баку. Оборудование разместили в подвале амбара, куда вел потайной ход. О том, где находится «Нина», не знали даже большинство членов Бакинского комитета. Но, конечно, работать, не выходя по много часов из подвала, было крайне сложно. Печатники не имели права выходить на улицу днем, а ночью их прогулки ограничивались небольшим двориком дома.

«Деньги перевязаны розовой ленточкой с бантом»

В те годы, когда работала «Нина», Красин выполнял роль не только технического руководителя типографии, но и фактически роль ее владельца. Со всеми вытекающими последствиями — прежде всего

поиском денег для ее финансирования. Дотации от издателей «Искры» из-за границы и партийных организаций далеко не покрывали всех затрат на выпуск и распространение газет, листовок и другой литературы. «Перевозка литературы и ее хранение стоили изрядных денег, — писал Красин, — приходилось не только оплачивать фрахт, но и снимать склады, помещения, заводить подставные предприятия». Но наибольшие расходы шли на типографский технический аппарат, на закупку и оборудование типографий, приобретение бумаги, шрифта и содержание наборщиков и печатников.

В декабре 1903 года он сообщал Заграничному отделу ЦК: «Возьмите хотя бы Баку. Две полных и совершенно отдельных друг от друга типографии, одна с новой машиной для стереотипа, могут давать от 60 до 80 [тысяч оттисков]. Изданы извещения о съезде по недостатку средств едва 30–40 [тысяч]. Далее, стоит затратить 400–500 [рублей] в месяц и можно устроить транспорт через Батум. Десятки других не менее важных дел тормозятся из-за недостатка денег».

Красину пришлось серьезно поломать голову, чтобы бесперебойно финансировать процесс работы типографии. И с этим он справился блестяще. Будучи одним из руководителей важнейшего для Закавказья объекта, Красин постоянно вращался в кругах богатейших и состоятельных людей Баку. Среди них он и развернул бурную деятельность по сбору средств. Красин устраивал различные аукционы, лотереи, лекции, организовывал артистические и музыкальные вечера. Разумеется, посещавшая их публика не знала, куда пойдет большая часть собранных денег.

Впрочем, некоторые знали. В январе 1903 года в Баку находилась знаменитая русская актриса Вера Комиссаржевская. Красин организовал ее бенефис, который прошел в доме начальника полиции. Сама Комиссаржевская описывала Красина так: «Щеголеватый мужчина, ловкий, веселый, сразу видно, что привык ухаживать за дамами». Он, по ее словам, заставил ее вспомнить героев всех революционных романов, прочитанных ею в юности. Она вспоминала: «Леонид Борисович был там инженером, а я гастролировала. Пришел ко мне — никогда я его прежде и не видела — и с первого слова: «Вы — революционерка?» Я растерялась, ничего не могла ответить, только головой кивнула… «В таком случае сделайте вот что…» И таким тоном, словно я ему подчиненная.

В Баку меня любят. Начальник жандармов[18] — мой поклонник.

У него в квартире мы и устроили концерт. Закрытый, только для богатых. Билеты не дешевле пятидесяти рублей. Я пела, читала, даже

танцевала тарантеллу. Успех полный. В антракте мне поднесли букет из сторублевок. Леонид Борисович, красивый, во фраке, понюхал букет, смеется: «Хорошо пахнет». И — мне на ухо: «Типографской краской пахнет!»

Дело-то в том, что сбор с концерта шел на подпольную типографию. После концерта у меня в уборной — вся местная знать. Благодарят, целуют мне руки. Леонид Борисович стоит в сторонке, ухмыляется. Распорядитель вечера подносит мне на блюде выручку с концерта. Что-то несколько тысяч. Деньги перевязаны розовой ленточкой с бантом. Через несколько дней Леонид Борисович уехал с ними за границу — покупать типографию. Я ему говорю: «Вы бы мне хоть розовую ленточку оставили — на память!», смеется: «И так не забудете!» Сумасшедший!»

«Одним из главных [финансовых] источников [РСДРП], — довольно откровенно вспоминал Красин, — было обложение всех… оппозиционных элементов русского общества, и в этом деле мы достигли значительной виртуозности, соперничая с меньшевиками и с партией эсеров. В те времена… считалось признаком хорошего тона в более или менее радикальных или либеральных кругах давать деньги на революционные партии, и в числе лиц, довольно исправно выплачивавших ежемесячные сборы от 5 до 25 рублей, бывали не только крупные адвокаты, инженеры, врачи, но и директора банков и чиновники государственных учреждений».

Красин нашел еще одну возможность найти средства — «Нина» за определенную плату стала печатать литературу эсеров и других оппозиционных групп. Немало социал-демократов были против этого, но Красин доказывал пользу подобного сотрудничества.

В Баку он прожил четыре года. Здесь произошло еще одно важное событие в его жизни. Он, как бы сказали сейчас, вступил в гражданский брак. Его избранницей стала Любовь Миловидова — давняя знакомая по революционным кружкам в Петербурге. Потом они расстались, многие годы не виделись, но переписывались. Миловидова успела дважды выйти замуж, родить троих детей и дважды развестись. Красин позвал ее в Баку, и она приехала. Впрочем, официально они поженились только в 1915 году.

В 1904 году Красин уехал из Баку. Во многом потому, что врачи советовали ему переменить климат — за время жизни на Каспии он переболел малярией. Ну а «Нина» работала еще целых два года, и только в 1906 году ее перевели в Финляндию (в Выборг), где она по-прежнему печатала революционную литературу.

С 17 июля по 10 августа 1903 года в Брюсселе и Лондоне прошел II съезд РСДРП. Тот самый, на котором и начался раскол партии на две

фракции — «большевистов» и «меньшевистов», «беков» и «меков» или, наконец, «большевиков» и «меньшевиков». Красин присутствовал на съезде, хотя и не играл на нем ведущей роли. Он поддержал большевистское течение, возглавляемое Лениным. Ему больше импонировало ленинское представление о партии как о боевом, сплоченном и едином отряде, чем предложения Юлия Мартова и других меньшевиков строить ее как широкое общественное движение.

В октябре 1903 года Красин был кооптирован в ЦК. Раскол в партии усиливался. В том же октябре 1903 года Ленин вышел из редколлегии «Искры» и теперь хотел провести новый, чисто большевистский съезд и призывал прекратить издание в России «Искры», которая оказалась во власти меньшевиков. Красин же выступал против этих инициатив. Он считал, что таким образом фракционный раскол станет необратимым и партия развалится окончательно. Так что в 1903–1904 годах, оставаясь в целом на позиции Ленина, Красин играл роль «примиренца», или, по выражению Ильича, «соглашателя».

Вскоре на совещании 22 большевиков в Женеве был создан первый большевистский руководящий орган — Бюро комитетов большинства (БКБ). Он стал своего рода противовесом ЦК РСДРП, избранному на II съезде партии, который занимал примиренческую позицию в отношениях между большевиками и меньшевиками.

Несмотря на расхождения с Лениным в 1903–1905 годах, Красин набирал вес и авторитет в партийных кругах. Его деятельность по организации и финансированию «Нины» не осталась незамеченной, и он постепенно превратился в главного финансиста РСДРП. Даже больше — в главного организатора революционной работы.

Другой не менее талантливый «партийный финансист» Яков Ганецкий признавал: «До 1908 года фактически организационное руководство партией находилось в руках Красина. Он организовывал транспорт нелегальщины из-за границы, большие подпольные типографии, изыскивал материальные средства и оружие для партии».

В этом деле он демонстрировал удивительные способности. Мог договориться и с контрабандистами, и дать взятку таможенникам или полицейским, и уговорить расстаться с деньгами крупного фабриканта. Коллега Красина, инженер-путеец, а также знаменитый писатель Николай Гарин-Михайловский, автор «Детства Темы», «Гимназистов», «Студентов» и др., тоже передавал Красину деньги на партийные нужды. В свою очередь и Максим Горький вспоминал, что однажды привез ему «для передачи Л. Б. Красину в кассу партии 15 или 25 тысяч рублей». Очень большие деньги по

тем временам.

Горький тоже впервые услышал о Красине от Гарина-Михайловского. «Убеждая меня в чем-то, в чем я не мог убедиться, — вспоминал он, — Гарин пригрозил:

— Вас надо познакомить с Леонидом Красиным, он бы с вас в один месяц все анархические шишки сточил, он бы вас отшлифовал!»

А познакомились они зимой 1903 года, когда Горький жил на курорте в Сестрорецке. «Я был предупрежден, что ко мне приедет «Никитич», недавно кооптированный в члены ЦК, — писал Горький 23 года спустя, — но, когда увидал в окно, что по дорожке парка идет элегантно одетый человек в котелке, в рыжих перчатках, в щегольских ботинках без галош, я не мог подумать, что это он и есть «Никитич».

— Леонид Красин, — назвал он себя, пожимая мою руку очень сильной и жесткой рукою рабочего человека. Рука возбуждала доверие, но костюм и необычное, характерное лицо все-таки смущали… Этот не казался одетым для конспирации «барином», костюм сидел на нем так ловко, как будто Красин родился в таком костюме. От всех партийцев. кого я знал, он резко отличался — разумеется, не только внешним лоском и спокойной точностью речи, но и еще чем-то, чего я не умею определить… О «Никитиче» я уже знал, что это один из энергичнейших практиков партии и талантливых организаторов ее.

Он сел к столу и тотчас же заговорил, что, по мысли Ленина, необходимо создать кадр профессиональных революционеров, интеллигентов и рабочих.

— Так сказать — мастеров, инженеров, наконец — художников этого дела, — пояснил он, улыбаясь очень хорошей улыбкой, которая удивительно изменила его сухощавое лицо, сделав его мягче, но не умаляя его энергии».

Сам Красин не раз отмечал, что его больше всего увлекала именно практическая работа для будущей революции. К «теоретикам» он относился несколько свысока. «Меня, — писал он, — больше интересовала проблема сшить сапоги и, кажется, я не ошибался, что объяснить, как шьются сапоги, всегда найдется относительно больше охотников».

«Сшить сапоги» у него действительно получалось хорошо.

«Такой враг — хороший учитель!»

Горький тоже добывал для социал-демократов деньги. А иногда и

способствовал им в этом. На первой же встрече с ним Красин попросил писателя «прозондировать» возможность получить деньги у одного из крупнейших фабрикантов того времени, Саввы Морозова.

«Он сообщил о намерении партии создать общерусский политический орган социал-демократии, — вспоминал Горький.

— На все это нужны деньги. Так вот, мы решили просить вас: не можете ли вы использовать ваши, кажется, приятельские отношения с Саввой Морозовым? Конечно, наивно просить у капиталиста денег на борьбу против него, но — «чем черт не шутит, когда Бог спит»! Что такое этот Савва?

Внимательно выслушав характеристику Морозова, постукивая пальцами по столу, он спросил:

— Так, значит, попробуете? И даже имеете надежду на успех? Чудесно».

Тогда еще никто не мог предполагать, чем закончится вся эта история. И что она приведет к тому, что много лет спустя появится версия о причастности Красина к загадочной смерти Морозова — яркого, противоречивого и, безусловно, выдающегося человека.

Савва Морозов был не просто крупнейшим русским текстильным и вообще разнообразным фабрикантом и «миллионщиком». Выходец из старообрядческой семьи, он окончил с дипломом химика Московский университет, изучал химию в Кембридже и текстильное дело в Манчестере, написал научную рабогу о красителях. Он имел заслуженную репутацию прогрессивного предпринимателя и мецената — Морозов заботился об условиях труда и быте рабочих, помогал художникам, студентам, Красному Кресту, театрам. Он, например, был инициатором строительства здания Московского Художественного театра в Камергерском переулке. Обожал творчество Александра Пушкина и знал наизусть «Евгения Онегина».

Его политические взгляды тоже отличались широтой и либерализмом. Он, например, считал, что «рабочему сословию должно быть представлено полное право собраний, право организовывать всякого рода союзы и другие общества для самопомощи и защиты своих интересов» и что мирные забастовки не должны преследоваться вообще. Он поддерживал тесные отношения как с либералами, которые проводили свои полулегальные собрания в его грандиозном особняке на Спиридоновке, построенном им для жены Зинаиды (сейчас в нем находится дом приемов МИД), так и с социал-демократами, причем сам провозил на свои фабрики нелегальную литературу и типографские шрифты.

По одной версии, Морозов приобщился к революционным идеям

благодаря увлечению известной актрисой МХТ Марией Андреевой. Сама Андреева серьезно увлекалась марксистскими идеями — даже пыталась переводить «Капитал» — и не раз выполняла ответственные поручения социал-демократов — развозила листовки и газеты, устраивала подпольщиков на работу, снабжала их документами. «Если бы, поверь мне, мне пришлось начинать свою жизнь с самого начала, я пошла бы — только еще раньше, еще радикальнее по революционной линии, чем это было», — признавалась она уже на склоне своих лет. Ну а тогда, в молодости, она, как и Красин, использовала для дела революции свои многочисленные связи. Но еще с большей эффективностью. Что и понятно — выполнять просьбы красивой женщины и известной актрисы охотно были готовы и финансовые тузы, и полицейские чины, и важные чиновники, многие из которых, как тогда говорили, «волочились» за ней.

Увлекся Андреевой и Савва Морозов. Благодаря этому знакомству сторонники Ленина тоже получали от него приличные суммы. Летом 1903 года в Женеве Андреева познакомилась с Лениным, который восхищенно называл ее «феноменом», в 1904 году — вступила в РСДРП. Еще раньше она познакомилась с Горьким. Один из старейших соратников Ленина, инженер и энергетик Глеб Кржижановский, вспоминал, как однажды приехал к ней по партийным делам в богато обставленную квартиру в Театральном проезде: «Я явился к ней в качестве представителя ЦК РСДРП, имевшего в то время местопребывание в Киеве. Денежные возможности нашего Центрального Комитета далеко не соответствовали тому размаху его деятельности, который необходим был по тем временам.

Вспоминаю, как радушно встретила меня Мария Федоровна и как чутко ею была воспринята необходимость всяческой поддержки нашей работы. По окончании деловой части наша беседа переключилась на разные темы, причем особое внимание было уделено тогдашнему положению А. М. Горького. У меня тогда сложилось впечатление, что, по-видимому, источником наших средств был главным образом известный меценат Художественного театра Савва Морозов, на которого А. М. Горький имел в то время большое влияние. Помнится, что я получил от М. Ф. в этот приезд около 10 000 рублей, что по тем временам было для нас существенной поддержкой».

В конце 1903 года Андреева стала гражданской женой Горького и его литературным секретарем. Теперь уже «всей семьей» они начали снабжать партию деньгами. Интересно, что когда осенью 1905 года в Петербурге (тоже во многом на средства Морозова) начала выходить легальная газета большевиков «Новая жизнь», то ее издателем, «юридическим лицом»

являлась именно Андреева.

Что же касается Саввы Морозова, то свои чувства по отношению к ней он, по-видимому, сохранил до самой своей таинственной смерти. И по одной из версий, Андреева тоже сыграла в ней определенную роль. Но об этом чуть позже.

Морозов дружил и с Горьким, который, конечно же, выполнил просьбу Красина и познакомил его с этим необычным человеком. Их встреча состоялась уже через четыре дня после знакомства Красина с Горьким. Писатель описал ее так: «Деловая беседа фабриканта с профессиональным революционером, разжигавшим классовую вражду, была так же интересна, как и коротка. Вначале Леонид заговорил пространно и в «популярной» форме, но Морозов, взглянув на него острыми глазами, тихо произнес:

— Это я читал, знаю-с. С этим я согласен. Ленин — человек зоркий-с.

И красноречиво посмотрел на свои сквернекие, капризные часы из никеля, они у него всегда отставали или забегали вперед на двенадцать минут. Затем произошло приблизительно следующее:

— В какой же сумме нуждаетесь? — спросил Савва.

— Давайте больше.

Савва быстро заговорил, — о деньгах он всегда говорил быстро, не скрывая желания скорее кончить разговор.

— Личный мой доход ежегодно в среднем шестьдесят тысяч, бывает, конечно, и больше, до ста. Но треть обыкновенно идет на разные мелочи, стипендии и прочее такое. Двадцать тысяч в год — довольно-с?

— Двадцать четыре — лучше! — сказал Красин.

— По две в месяц? Хорошо-с.

Леонид усмехнулся, взглянув на меня, и спросил: нельзя ли получить сразу за несколько месяцев?

— Именно?

— За пять, примерно?

— Подумаем.

И, широко улыбаясь, пошутил:

— Вы с Горького больше берите, а то он извозчика нанимает за двугривенный, а на чай извозчику полтинник дает.

Я сказал, что фабрикант Морозов лакеям на чай дает по гривеннику и потом пять лет вздыхает по ночам от жадности, вспоминая, в каком году монета была чеканена.

Беседа приняла веселый характер, особенно оживлен и остроумен был Леонид. Было видно, что он очень нравится Морозову…»

Вскоре Красин по приглашению Морозова переехал из Баку в

Орехово-Зуево. Прогрессивный фабрикант как раз тогда мечтал построить рядом со своей фабрикой электростанцию с турбинным двигателем и предложил взяться за это дело Красину. Электростанцию в Орехово-Зуеве действительно построили. На ней установили выписанную из Швейцарии паровую турбину, и электрические лампочки загорелись на фабрике, улицах, в домах рабочих. Горький писал об отношениях Морозова с Красиным:

«Месяца через три он говорил мне о Леониде:

— Хорош. Прежде всего — идеальный работник. Сам любит работу и других умеет заставить. И — умен. Во все стороны умен. Глазок хозяйский есть: сразу видит цену дела.

Другой раз он сказал:

— Если найдется человек тридцать таких, как этот, они создадут партию покрепче немецкой.

— Одни? Без рабочих?

— Зачем? Рабочие с ними пойдут…

Он говорил:

— Хоть я и не народник, но очень верую в силу вождей… Красин, в свою очередь, говорил о Савве тоже хвалебно.

— Европеец, — говорил он. — Рожица монгольская, а — европеец!

Усмехаясь, он прибавил:

— Европеец по-русски, так сказать. Я готов думать, что это — новый тип, и тип с хорошим будущим.

В 1905 году, когда, при помощи Саввы, в Петербурге организовывалась «Новая жизнь», а в Москве «Борьба», Красин восхищался:

— Интереснейший человек Савва! Таких вот хорошо иметь не только друзьями, но и врагами. Такой враг — хороший учитель».

«Красное сияние»

В начале января 1905 года Красин находился по делам в Петербурге. Там он стал свидетелем «Кровавого воскресенья» — расстрела войсками рабочей демонстрации, которая во главе со священником Георгием Гапоном, с пением молитв, хоругвями, в общем-то, несла петицию царю в Зимний дворец. Свидетелем расстрела оказался и Горький, который тоже шел в рядах рабочих.

«С каждым залпом, — писал он позже, — люди падали кучами, некоторые — головой вперед, как будто в ноги кланялись убийцам. Крепко

въелись в память бессильные взмахи рук падавших людей… Близко от солдат, среди неподвижных тел, полз на четвереньках какой-то подросток, рыжеусый офицер не спеша подошел к нему и ударил шашкой, подросток припал к земле, вытянулся, и от его головы растеклось красное сияние». Кстати, спустя несколько дней Горький был арестован за участие в демонстрации. Просидел за решеткой он почти месяц и 14 февраля был освобожден под залог в 10 тысяч рублей. Деньги внесла Мария Андреева, а дал их Савва Морозов.

Между тем «красное сияние» растекалось и по всей России. «Кровавое воскресенье» дало старт революции 1905–1907 годов. Вскоре страна бурлила вовсю. На многочисленных демонстрациях, стачках и митингах требовали конституции, созыва Учредительного собрания, свободы слова и политической деятельности.

По данным Ленина, численность РСДРП к лету 1905 года составляла 26 500 человек (большевиков — 14 000, меньшевиков — 12 500 человек). За большевиками шли 32 комитета и 35 групп, за меньшевиками — 23 комитета и 35 групп. Еще 10 комитетов и 43 группы оставались вне раскола. В таких условиях в Лондоне с 12 (25) апреля по 27 апреля (10 мая) 1905 года прошел III съезд РСДРП. Открытию съезда предшествовали неприятные для революционеров события.

Как уже говорилось, Красин, как и большинство членов «примиренческого» ЦК, выступали против требований большевиков созвать новый съезд. В феврале 1905 года они даже приняли решение исключить из Ц К Ленина, поскольку он уже «около года фактически не принимает никакого участия» в его работе и что «уклонение от сотрудничества превратилось в систематическую кампанию против ЦК».

Однако 9 февраля ЦК почти в полном составе был арестован на квартире писателя Леонида Андреева, где проводил свое заседание. Ареста избежали лишь трое. Двое членов ЦК (Алексей Любимов и Дмитрий Постоловский) находились в отъезде. Красин должен был прибыть на заседание прямо из Орехово-Зуева, но он, во-первых, немного опоздал, а во-вторых, взяв извозчика, решил на всякий случай лишний раз провериться и проехать мимо нужного ему дома. У его входа он заметил каких-то подозрительных типов. Подумав, он решил на заседание не идти и, как выяснилось, правильно сделал.

Красин сразу же отправился к Морозову и рассказал ему о том, что произошло. Он попросил фабриканта выписать ему «командировочное удостоверение» в Швейцарию, в котором ему поручалось получить там оборудование для электростанции. На самом деле он еще оставался в

России.

Оставшиеся на свободе члены ЦК изменили свою позицию — они решили не возражать против съезда, а, наоборот, уговорить обе фракции провести его совместно. В марте 1905 года они встречались в Женеве с лидерами меньшевиков, но уговорить их пойти на компромисс так и не удалось. Фактически в Лондоне состоялась конференция большевиков — на ней присутствовали 24 делегата.

Председателем съезда избрали Ленина, а вице-председателями — Красина и Александра Богданова (через несколько лет они заключат союз в борьбе против Ильича). Несмотря на это, к членам «примиренческого» ЦК делегаты отнеслись очень настороженно. Жена Ленина Надежда Крупская вспоминала, что «примиренцев» крыли почем зря», но они молчали.

«Молчал и Красин, — писала она, — подперев руку щекой, но с таким невозмутимым видом, точно все эти ядовитые речи не имели к нему ровно никакого отношения. Когда до него дошла очередь, он спокойным голосом сделал доклад, не возражая даже на обвинения, — и всем стало ясно, что больше говорить не о чем, что было у него примиренческое настроение и прошло, что отныне он становится в ряды большевиков, с которыми пойдет до конца».

Это, конечно, слишком преувеличено — в биографии Красина еще будут расхождения и даже «разводы» с Лениным, но в Лондоне он действительно в целом поддержал большевиков. Красин выступал несколько раз и был избран в состав большевистского ЦК. Большевики определили свою стратегию в революции — пролетариат в союзе с крестьянством ведет борьбу за победу буржуазно-демократической революции, чтобы расчистить путь для ее перерастания в революцию социалистическую. Среди главных задач была указана подготовка вооруженного восстания.

Хотя Красин и призывал в Лондоне к единству партии, было понятно, что легитимность съезда с формальной точки зрения была сомнительной. Меньшевики решения съезда не признали. Позже они провели в Женеве свою партийную конференцию. Их точка зрения на революцию отличалась от большевистской — они считали, что поскольку она является буржуазно-демократической, то и власть в случае ее победы должна оказаться в руках либеральной буржуазии, а социал-демократы оставаться в оппозиции к ней. Раскол в партии не исчез, и Ленин не зря охарактеризовал положение в РСДРП как «два съезда — две партии».

После съезда Красин поехал во Францию. Просить денег у Саввы Морозова, который в то время уже был там.

Красин и загадка смерти Саввы Морозова

У знаменитого русского «миллионщика» все шло как-то не так. Его до глубины души потряс расстрел рабочих 9 января. Он составил записку «О причинах забастовочного движения. Требования введения демократических свобод», но ей не дали хода. У него начали портиться отношения с матерью — Марией Морозовой, женщиной не менее яркой, умной и властной, чем он сам. Она не разделяла увлечения сына и не одобряла его помощь революционерам. К тому же, после смерти ее мужа, отца Саввы, большая часть его бизнеса перешла именно в ее руки. Савве он оставил лишь незначительные паи, приносящие неплохой доход, но не дающие права решающего голоса.

В начале 1905 года Морозов потребовал от матери и от правления Товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К°» передать в его руки полное распоряжение делами на фабрике, но получил отказ от матери, которая вообще пригрозила ему отлучением от дела. Не исключено, что она вообще лишила его доступа к семейному капиталу. Он очень переживал, нервничал. Его вдова Зинаида вспоминала, что в феврале в Москву, в морозовский особняк на Спиридоновке приезжал Красин, но встреча «не сложилась». «Саввушка принял Леонида Борисовича холодно, — рассказывала она. — Разговор у них не получился. Саввушка сразу как-то сухо сказал Леониду Борисовичу, что ничем на этот раз помочь не может, ибо считает себя необязанным. Красин говорил что-то о его ближайшей поездке в Швейцарию, Савва молчал, и вскоре наш гость откланялся и ушел». «Ну что творят эти анархисты? Куда они ведут несчастных людей?» — вдруг сказал Морозов. Еще через какое-то время он встречался с Горьким. Эта встреча, по утверждению Зинаиды Морозовой, вообще закончилась ссорой.

В довершение всего поползли слухи о том, что Морозов сошел с ума. 15 апреля медицинский консилиум нашел у него «тяжелое нервное расстройство» и рекомендовал уехать лечиться за границу. Вскоре в сопровождении жены и личного врача Морозов уехал во Францию, в Канны, где поселился в «Роял-отеле». 13 мая в гостиничном номере он и был найден мертвым с огнестрельной раной на груди. В комнате нашли записку: «В смерти моей прошу никого не винить». Экспертиза показала, что писал ее он.

Официальная версия — самоубийство в состоянии глубокого душевного кризиса. Но уже тогда пошли разговоры, что Морозова убили —

то ли охранка, то ли черносотенцы, то ли революционеры. То ли вообще убили не его, а его троюродного брата Фому, с которым они были очень похожи, а Савва жил по его документам. Горький писал: «После смерти Саввы Морозова среди рабочих его фабрики возникла легенда: Савва не помер, вместо него похоронили другого, а он «отказался от богатства и тайно ходит по фабрикам, поучая рабочих уму-разуму».

Ну а при чем же тут Красин? Да при том, что много лет спустя именно его и начали подозревать в… убийстве Морозова. Впрочем, вроде бы подозревали и сразу после смерти «миллионщика».

…Итак, после съезда в Лондоне Красин отправился во Францию, к Морозову. О том, что произошло дальше, рассказывали по-разному. Вроде бы Морозов обрадовался Красину, дал ему некую сумму денег, но потом его настроение резко изменилось, он вообще выглядел расстроенным и подавленным, и Красин уехал. Уже в Женеве он из газет узнал о самоубийстве в Каннах. Эта — одна трактовка событий.

О их встрече вспоминала и вдова Морозова Зинаида Григорьевна. О Красине она рассказывала так: «Выглядел он как совершеннейший джентльмен, одет был с иголочки, держался несколько манерно, сыпал французскими словами и заграничными анекдотами и казался весьма довольным». Сама она считала, что появление Красина «было совершенно некстати», да и разговор между ним и ее мужем явно не сложился. «Красин что-то стал говорить, понизив голос, — Савва, упорно молчавший, вдруг взорвался: «Нет! Нет и нет! Денег для вас, милостивые государи, больше у меня нет!». Чтобы разрядить обстановку, она вошла в комнату и предложила кофе. Но успела услышать ответ Красина: «Трудно понять Вас, Савва Тимофеевич!» От кофе он отказался, сказав, что торопится на поезд.

В 90-х годах прошлого века появились работы российского публициста Акима Арутюнова и американского историка Юрия Фел митинского, которые основывались на записях интервью родственников Морозова и его близких друзей, в семьях которых сохранились рассказы о дне смерти «эксцентричного миллионера». Из них следовало, что Красин якобы приезжал и в Канны и просил Морозова принять его, но тот отказал ему в аудиенции. Что, услышав выстрел, его жена бросилась в комнату мужа и увидела его лежащим на кровати. Окно было распахнуто, а в парке она заметила убегавшего мужчину. Или еще: Зинаида Григорьевна собиралась кататься на пролетке, «она одевала перед зеркалом шляпу и увидела в зеркале, как приоткрылась дверь и показалась голова рыжего человека. З. Г. спросила: «Кто это?» Савва Тимофеевич суетливо ответил: «Никто, никто». Она уехала. Когда вернулась, то Савва Тимофеевич лежал на постели, рука

вниз свешивалась и там лежал пистолет…». «Рыжим человеком» якобы был Красин.

Допустим, что так, но зачем Красину было убивать Морозова? Это, как правило, объясняют двумя причинами. Вроде бы Морозов охладел к идее помощи революционерам и не хотел им больше давать деньги. Но он слишком много знал, поэтому его и решили «убрать».

Другая версия сводится к тому, что большевики хотели получить его деньги. Дело в том, что незадолго перед отъездом во Франции он застраховал свою жизнь, а полис на предъявителя отдал Марии Андреевой. «Морозов считал меня нелепой бессеребренницей и нередко высказывал опасение, что с моей любовью все отдавать другим я умру когда-нибудь под забором нищей, что обдерут меня как липку и чужие, и родные, — вспоминала она. — Вот поэтому-то, будучи уверен в том, что его не минует семейный недуг — психическое расстройство, — он и застраховал свою жизнь на сто тысяч рублей на предъявителя, отдав полис мне». Побоявшись, что Морозов вдруг передумает и отзовет свой полис, большевики, по мнению сторонников этой версии, и решили убить его как можно скорее.

Разумеется, всё это — не более чем предположения, и каких-либо существенных доказательств причастности большевиков и лично Красина к смерти Саввы Морозова нет. Между тем слухи о такой причастности, вероятно, ходили уже в 1905 году. 29 мая, в день похорон Морозова московский градоначальник граф Павел Шувалов доносил в Департамент полиции: «29 мая на Рогожском кладбище состоялись похороны известного московского миллионера, промышленника и общественного деятеля Саввы Тимофеевича Морозова, скончавшегося в Канне.

По полученным мною сведениям, похоронами этими рассчитывали воспользоваться революционные организации, которым покойный оказывал широкую материальную помощь, и намеревались над гробом произносить речи противоправительственного содержания. Ввиду этого, воспользовавшись существующими у старообрядцев обычаями не произносить надгробных речей, я пригласил к себе попечителей Рогожского кладбища, коим предложил войти в сношение с распорядителями похорон, чтобы обычай нарушен не был. Независимо от сего, ввиду большого стечения публики, в особенности рабочих, мною был усилен местный наряд полиции…

К изложенному присовокупляю, что по полученным мною из вполне достоверного источника сведениям Савва Морозов еще до смерти своей находился в близких отношениях с Максимом Горьким, который

эксплуатировал средства Морозова для революционных целей. Незадолго до выезда из Москвы Морозов рассорился с Горьким, и в Канн к нему приезжал один из московских революционеров, а также революционеры из Женевы, шантажирующие покойного. Меры для выяснения лица, выезжавшего из Москвы для посещения Морозова, приняты».

Деньги по страховому полису Морозова большевики действительно получили — 60 тысяч рублей. Передала их Большевистскому центру Мария Андреева. Родственники Морозова пытались опротестовать ее право распоряжаться полисом, но проиграли дело в суде. Часть «морозовских» денег ушла на судебные расходы, часть — на личные цели Андреевой. «Ведал всеми этими операциями — Красин», — писала она сама.

Ну и еще один штрих к этой туманной истории с Саввой Морозовым. В 1907 году его вдова Зинаида вышла замуж за бывшего московского градоначальника генерал-майора Анатолия Рейнбота (в 1907 году он был снят с должности за «финансовые злоупотребления»), а в 1909 году приобрела под Москвой усадьбу Горки. После революции она была национализирована, а потом в ней долго жил уже больной Ленин. Там же он и умер. Такие вот странности истории.

Деньги фабриканта Шмидта

Вернувшись в Россию, Красин до осени 1905 года прожил в Орехово-Зуеве. Потом, убедившись, что арест ЦК никак не может отразиться на его легальном статусе, начал искать новую работу. И вскоре нашел — в бельгийском «Обществе 1886 года». Оно занималось прокладкой электрических кабелей для городского транспорта.

В это время он разрабатывал планы освобождения членов ЦК, которые сидели в Таганской тюрьме Москвы. Он предполагал прорыть к тюремной бане подземный туннель с пустыря на берегу Москвы-реки. Была создана подставная компания, которая арендовала пустырь, но события развивались так быстро, что подкоп не понадобился.

В октябре 1905 года революционное движение в России достигло небывалого ранее размаха. Во всероссийской политической стачке принимали участие более миллиона человек. Она проходила под лозунгами: «Долой самодержавие! Да здравствует демократическая республика!». 17 октября император Николай II издал Манифест, в котором гарантировал гражданские свободы и обещал выборы в «законодательную Думу». Была объявлена амнистия политическим заключенным. Советские

историки к этому документу относились со смесью иронии и презрения, хотя в истории России это было очень важное событие — после него в стране впервые появились легальные политические партии, независимая пресса, были проведены выборы в парламент, пусть и с весьма ограниченными полномочиями.

В ноябре (правда, нелегально) в Петербург вернулся из-за границы Ленин. Он начал печататься в первой большевистской легальной газете «Новая жизнь». Красин стал членом большевистской фракции Петербургского совета рабочих депутатов. Этот Совет возник 13 октября (хотя отдельные рабочие комитеты существовали еще раньше) во время всероссийской стачки. В него входили 562 депутата от 147 предприятий, 34 мастерских и 16 профсоюзов. Совет и его Исполнительный комитет находились под влиянием социал-демократов — среди депутатов их было больше всех. 14 октября председателем Исполкома Совета был избран беспартийный, но близкий к эсдекам адвокат Георгий Хрусталев (Носарь). Но 26 ноября его арестовали, и на этот пост выбрали «нефракционного социал-демократа» Льва Троцкого. Впрочем, уже 3 декабря, прямо на заседании, арестовали и Троцкого, и еще 266 депутатов. Красин тогда ареста избежал — на заседание он в тот день не пришел.

Он продолжал разрабатывать хитроумные комбинации по финансированию партии. Пожалуй, самым известным планом, к которому в это время имел самое непосредственное отношение Красин, стала операция по переводу в фонд большевиков наследства московского мебельного фабриканта Николая Шмидта. Это довольно-таки драматическая история, причем ее главные действующие лица, включая Красина, с точки зрения общепринятых морально-этических норм выглядят не очень-то прилично. Но, вероятно, на это они бы ответили, что для них важнее всего были интересы партии и революции, а ради этого можно было бы поступиться и нормами морали буржуазного общества.

Итак, в 1904 году 21-летний Николай Шмидт, двоюродный племянник Саввы Морозова, вступил в права наследования и стал владельцем крупной мебельной фабрики в Москве на Пресне. Как и его дядя, Шмидт сочувствовал революционерам, занимался улучшением условий труда и быта рабочих, а когда в декабре 1905 года в Москве вспыхнуло вооруженное восстание, то он за свой счет вооружал рабочие дружины. Они оказали ожесточенное сопротивление правительственным войскам, которым пришлось применить артиллерию, чтобы очистить Пресню и взять штурмом саму фабрику, где разместился штаб всего восстания.

Шмидта арестовали и на допросах быстро «раскололи» — он сказал

все, что знал. Что с ним случилось потом, точно не известно до сих пор. Советская версия сводилась к тому, что его замучили или зверски убили жандармы. Крупская, например, утверждала: «Двадцатитрехлетний Николай Павлович Шмидт, племянник Морозова, владелец мебельной фабрики в Москве на Пресне… был арестован, его всячески мучили в тюрьме, возили смотреть, что сделали с его фабрикой, возили смотреть убитых рабочих, потом зарезали его в тюрьме». По другим данным, он покончил жизнь самоубийством, устыдившись своего предательства. Есть также предположения, что его пытались освободить революционеры, Шмидт был убит в ходе этой попытки. Некоторые считают, что его, как и Савву Морозова, устранили сами большевики.

Наследниками Шмидта были сестры Екатерина (22 года), Елизавета (18 лет) и брат Алексей (15 лет). По одним данным, еще в тюрьме он сказал сестрам, что хотел бы, чтобы они передали все полученное от него наследство РСДРП. По другим, Шмидт ничего такого не говорил, а мысль заполучить деньги Шмидта возникла в голове то ли Красина, то ли Красина, Ленина и других большевиков. Как бы то ни было, они начали осуществлять придуманную Красиным многоходовую и многолетнюю комбинацию по «большевизации» шмидтовских денег.

Нужно было сделать так, чтобы сестры Шмидт гарантированно отдали деньги партии. За ними начали ухаживать специально подобранные люди. За старшей, Екатериной, — помощник присяжного поверенного Николай Андриканис, который участвовал в защите Шмидта, когда он находился под следствием. За младшей — Елизаветой — бежавший из ссылки подпольщик Виктор Таратута.

Раньше Таратута работал в одесской и бакинской организациях РСДРП. Были среди большевиков такие, которые считали Таратуту «беспринципным человеком и прожженным негодяем». Ходили даже слухи, что он агент охранки. Но Ленин высоко ценил его способности. «Тем-то он и хорош, что ни перед чем не остановится, — говорил он. — Вот вы, скажите прямо, могли бы за деньги пойти на содержание к богатой купчихе? Нет? И я не пошел бы, не мог бы себя пересилить. А Виктор пошел. Это человек незаменимый». В 1907 году его даже избрали в ЦК.

Операция по «изыманию» наследства Шмидта растянулась почти на три года. Кстати, нельзя сказать, что сестрам Шмидт претили ухаживания Андриканиса и Таратуты. Совсем даже наоборот. Между ними возникли романтические чувства. Екатерина с Николаем Андриканисом заключили брак в 1907 году и уехали в Париж. Елизавета влюбилась в Таратуту, была тоже готова выйти за него замуж и отдать ему все наследство, но… не

могла этого сделать. Во-первых, потому, что Таратута жил подпольной жизнью и вступать в законный брак для него было равносильно разоблачению. Во-вторых, сама Елизавета еще не достигла того возраста, когда она имела бы право самостоятельно вести имущественные дела.

Тогда Красин придумал еще одну комбинацию. Он предложил фиктивно выдать Елизавету замуж за какого-нибудь «легального большевика». Дочь Шмидта согласилась — она прекрасно понимала свой «революционный долг». Поиски подходящего жениха заняли некоторое время, пока, наконец, в этой роли не выступил большевик Александр Игнатьев. 11 октября 1908 года они обвенчались в церкви русского посольства в Париже. А вскоре Игнатьев передал деньги Елизаветы большевикам — сумма составляла около 124 тысяч рублей. Игнатьев тоже получил солидную сумму, а Елизавета вернулась к Таратуте.

А вот с Андриканисом произошла осечка. Во Франции он вдруг передумал отдавать партии деньги. Его сначала уговаривали, потом угрожали. Андриканис обратился в так называемый Межпартийный суд, возглавляемый видным эсером Марком Натансоном и разбиравший споры в среде революционеров (по другим данным, в суд на Андриканиса подал Красин). Суд присудил отдать деньги, но не все, а половину. Потом еще какое-то время тянулись разбирательства, но у Андриканиса так и осталось около половины денег Шмидта. Большевики получили от него около 44 тысяч рублей.

Что же касается третьего наследника — брата Шмидта Алексея, то с ним вопрос решился быстрее всех. Весной 1907 года в Выборге Ленин, Красин и Таратута встретились с ним и его адвокатами. В ходе встречи Таратута заявил: «Кто будет задерживать деньги, того мы устраним». Ленин начал дергать его за рукав, а петербургские адвокаты пришли в замешательство. Спустя несколько дней после встречи они сообщили, что Алексей отказывается от наследства в пользу сестер.

Считается, что в результате всей этой комбинации большевики в итоге получили примерно 280 тысяч рублей. Крупская в своих мемуарах не случайно отметила: «В это время большевики получили прочную материальную базу»[19]. Потом, правда, Красин возмущался, что Ленин сумел захватить эти деньги только в свои руки. Но это было уже потом, когда он опять рассорился с Ильичем.

Борьба за наследство Шмидта была, конечно, не единственной операцией по финансированию партии, которую организовывал Красин. Он «изыскивал» средства для газеты «Новая жизнь», закрытой полицией 3 декабря, в один день с арестом депутатов Петербургского совета. Красину

тогда удалось чудом избежать ареста — когда полицейские появились в редакции, он сумел уйти через черный ход.

Он имел прямое отношение к организации «гастролей» Горького и Марии Андреевой по США для сбора средств в пользу большевиков — в Америку они отправились в апреле 1906 года. Их поездка продолжалась до октября и не в полной мере оправдала надежды Красина. Денег удалось собрать не так много, как он рассчитывал. Тем не менее в июле 1906 года Андреева передала ему 50 тысяч рублей.

Бомбы, деньги и «стволы»

Если полистать русские газеты за первую половину 1905 года, то можно легко убедиться: они буквально переполнены сообщениями о демонстрациях, вооруженных столкновениях и покушениях.

«ПЕТЕРБУРГ, 24, IV. Вчера открытие летнего театра «Буфф» сопровождалось грандиозным скандалом. После спектакля кто-то из публики стал разбрасывать на буфетной веранде прокламации, бросив пук их в группу офицеров, сидевших около него. Публика бросилась на разбрасывателя прокламаций; произошла общая свалка. Дрались палками и зонтиками около 60 человек. Перебили стекла, посуду и инструменты музыкантов-румын. Явившаяся в большом числе полиция разогнала дравшихся и закрыла сад».

«КИЕВ, 26, IV. В Житомире два дня продолжается еврейский погром. Официально известно о свыше сорока убитых с обеих сторон. Убит пристав. Организована самооборона».

«УФА, 3, V. Сегодня в городском саду во время антракта спектакля тяжело ранен несколькими пулями из револьвера губернатор генерал-майор Соколовский. Злоумышленник скрылся. Находясь почти в безнадежном состоянии, генерал при полной памяти, не теряет присутствия духа».

«БАКУ, 11, V. Бомбой, брошенной в экипаж, сейчас убит Бакинский губернатор князь Накашидзе. Губернатор убит в центре города на Парапете. Смерть была моментальной… Место катастрофы оцеплено войсками. Многие магазины закрыты. Настроение тревожное. По улицам разъезжают конные патрули. Пока все тихо».

«КИЕВ, 28, V. Сегодня в 12 час[ов] дня неизвестный произвел 6 выстрелов из револьвера в начальника охранного отделения полковника Спиридовича. Полковник ранен двумя пулями в бок и ноги».

«МОСКВА. 12. VI. Вчера в 1 ч[ас] 45 м[инут] дня смертельно ранен гремя выстрелами из револьвера московский градоначальник ген[ерал]-м[айор] гр[аф] П[авел] Щавлович] Шувалов. Убийство совершено в приемной… Убийце лет 35. Он блондин, коренастый. По виду похож на рабочего».

На III съезде партии в апреле 1905 года большевики приняли резолюцию о подготовке вооруженного восстания. Его техническая подготовка возлагалась на Красина. Он был не только «главным казначеем», но и «министром обороны» большевиков.

Вообще, можно только удивляться, насколько насыщенной и разнообразной были его жизнь и работа в эти годы. По сути Красин жил не просто двойной, а тройной или даже «четверной» жизнью. Сам он вспоминал, что ему приходилось параллельно заниматься прокладкой в столице кабелей, строительством трансформаторных подстанций, а вместе с тем разрабатывать комбинации по финансированию партии, конструировать новые типы бомб, усовершенствовать винтовки и продумывать планы вооруженных акций для боевых групп. «Веселое было время!» — писал он.

Еще больше работы у него прибавилось летом 1905 года, когда по решению III съезда в его ведение перешла «Боевая техническая группа» (БТГ). Она была создана еще в начале года при Петербургском городском комитете РСДРП, а теперь переподчинялась непосредственно новому ЦК во главе с Лениным. Задача группы состояла в подготовке и организации различных видов вооруженной борьбы с властями, а задача Красина — в том, чтобы распространить ее деятельность на всю страну. С этим он справился весьма удачно.

Один из организаторов БТГ Николай Буренин (кстати, в «легальной жизни» — профессиональный пианист, который аккомпанировал Федору Шаляпину) вспоминал, что с назначением Красина боевики «почувствовали, что в нашу кровь влилась живая струя революционного духа, и мы безоговорочно отдали себя под его руководство». Красин разделил БТГ на две подгруппы — химическую и техническую. «Химики» должны были разрабатывать и изготавливать бомбы и взрывчатку. «Техники» — заниматься доставкой и хранением оружия, а также снабжением им рабочих дружин.

«Химиков» он вообще выделил в особую группу, запретив им поддерживать контакты с другими социал-демократами и участвовать в партийных мероприятиях. Среди них, кстати, были крайне интересные люди, например, профессор Михаил Тихвинский (кличка «Эллипс»), известнейший специалист в области нефтедобычи и проектирования нефтеперерабатывающих заводов. Тихвинский интересовался марксизмом и входил в первую русскую марксистскую группу «Освобождение труда» во главе с Плехановым. Во время Первой мировой войны под его руководством был спроектирован и построен нефтеперерабатывающий завод в Баку, он изобрел способ извлечения нефти из скважин при помощи сжатого газа — газлифта. После 1917 года Тихвинский работал управляющим лабораториями отдела Главного нефтяного комитета ВСНХ, был профессором Технологического и Горного институтов. А в 1921 году

его арестовали и расстреляли по «делу Петроградской боевой организации», по которому, как известно, был расстрелян и поэт Николай Гумилев.

Подпольные «химические» лаборатории, организованные Красиным, находились не только в Петербурге, но и в других городах империи. Тогда Горький впервые услышал и о легендарном боевике Камо.

Участница «химической» группы Софья Познер вспоминала, что Красин поставил перед ними несколько задач: «1) найти подходящее сильно действующее и в то же время безопасное при хранении вещество, 2) создать совершенно безопасный запал, 3) дать тип негромоздкого, но сильно действующего снаряда, годного для уличного боя». Для испытаний бомб «химики» несколько раз выезжали в Финляндию, где взрывали их среди больших гранитных валунов и внимательно осматривали повреждения, которые им наносились.

Другие «химики» по заданию Красина ездили в Болгарию и Македонию, где вступали в контакт с македонскими партизанами, которые вели борьбу против турок. Существует версия, что именно в тех местах появилась ручная бомба в виде металлического шара со взрывчаткой внутри, которая приводилась в действие сначала при помощи зажженного фитиля, а затем — с помощью ввинчивающегося детонатора. Она так и называлась — «македонка». Македонцы передали русским «химикам» чертежи и образцы «македонок». Красин их усовершенствовал, и подпольные лаборатории в России тоже начали производить «македонки». Часто для этих целей использовались, впрочем, не только подпольные, но и государственные лаборатории, где революционеры тайком устанавливали необходимое оборудование. Красин предложил использовать в качестве корпуса бомбы чугунную оболочку электрического кабеля — так что пригодилась и его работа в области электрификации Петербурга.

В лабораториях производились динамит, пироксилин и другая взрывчатка. Впрочем, Красин считал, что не стоит рассчитывать только на собственные ресурсы, взрывчатые вещества закупали за границей или похищали с военных складов. Бомбы «химиков» использовались в самых разнообразных акциях. Например, 27 января 1906 года боевая дружина большевиков совершила нападение на чайную «Тверь» в Петербурге, в которой собирались активисты крайне правого Союза русского народа. В чайную бросили три бомбы, в результате чего два человека были убиты и 15 ранены.

Пока «химики» работали с бомбами, «техники» занимались снабжением групп боевиков и рабочих дружин оружием. Это дело тоже

было поставлено широко. Члены группы умудрились даже похитить пушку системы Гочкиса[20] со двора Гвардейского экипажа в Петербурге. По мысли Красина, в случае начала восстания ее следовало бы использовать для обстрела Зимнего дворца. «Воображаю, какая паника начнется во дворце, когда опасность появится с той стороны, откуда никак не могла быть предусмотрена», — говорил он.

Оружие при помощи рабочих и сочувствующих солдат и офицеров «экспроприировалось» с оружейных заводов, складов, воинских частей. Винтовки, револьверы и бомбы также закупались за границей — этим, в частности, занимался будущий советский нарком иностранных дел Максим Литвинов. Сам он вспоминал, что Красин поручил ему финансировать работу своего однокурсника по Петербургскому технологическому институту Людвига Мартенса. Мартенс участвовал в революционном движении, арестовывался, потом уехал за границу, помогал в транспортировке оружия и разрабатывал портативный пулемет. Его чертежи заинтересовали Красина, и он попросил Литвинова помочь изобретателю довести работу до конца.

Литвинов приехал в Цюрих, где жил Мартенс, и попросил показать ему пулемет. Он вспоминал, что «внешний вид и вес пулемета не оставляли желать ничего лучшего. Но был один-единственный недостаток: пулемет… не стрелял». Мартенс был страшно смущен и объяснил это недостатком конструкции, который обещал устранить. Вскоре провели еще одно испытание, но через каждые три выстрела пулемет давал осечки. Да и к тому же из-за излишнего внимания полиции изобретатель был вынужден срочно переезжать в Лондон. Литвинов решил обратиться на оружейные заводы в Дании, выступая в роли представителя армии Эквадора. По его словам, в итоге датчанам был сделан «маленький заказ».

Затем оружие различными способами переправлялось в Россию. Для этих целей арендовали яхты и пароходы, винтовки и револьверы прятали в подводах с дровами, паровозных тендерах с углем, в бидонах с молоком, привязывали под вагонами и т. д. К транспортировке оружия БТГ сумела привлечь и профессиональных контрабандистов — естественно, за хорошие деньги. Впрочем, и среди них встречались идейные люди. Один контрабандист, узнав, для каких целей перевозится оружие, отказался от денег, заявив, что в случае победы революции он просит указать на его «безвозмездное участие и помощь» и поместить в газетах его фотографию. Вскоре он был убит пограничниками при незаконной попытке перевезти через границу воз с сигарами.

Красин и лично занимался усовершенствованием оружия,

приспосабливая его к условиям боев в городе, и сам испытывал его. Он, например, модернизировал винтовку Браунинга.

«Стреляют все»

Между тем к середине 1906 года стало понятно: «веселое время» для революционеров проходит. Правительство сумело отбить их первое наступление. С одной стороны, кабинет министров Петра Столыпина начал решительное наступление против революции и ввел военно-полевые суды, по приговорам которых задержанных с оружием расстреливали или вешали буквально в течение нескольких суток. Были подавлены восстания в Москве, на броненосце «Потемкин», в Кронштадте, на крейсере «Очаков», которое возглавил Петр Шмидт, а летом 1906 года — в Свеаборге и снова в Кронштадте, не говоря уже о других, более мелких выступлениях.

С другой стороны, правительство начало аграрную реформу, открылась Государственная дума, появились легальные политические партии.

Перед революционерами вообще, и социал-демократами в частности, вставал вопрос — что и как делать дальше?

Осенью 1905 года меньшевики и большевики решили преодолеть раскол в партии. В апреле 1906 года в Стокгольме состоялся IV (Объединительный) съезд РСДРП. Формально фракции снова объединились в одну партию, хотя различия между ними на деле никогда не исчезали. Бурные споры на съезде разгорелись о том, как быть в дальнейшем с планами вооруженного восстания. Меньшевики утверждали, что его нужно долго и тщательно готовить, вести в среде рабочих агитацию, иначе неподготовленное восстание снова разделит участь Московского.

Красин возражал (он выступал на съезде несколько раз) и предлагал, наоборот, заменить «оружие критики» на «критику оружием», то есть ни в коем случае не отказываться от вооруженной борьбы. Он не был согласен с меньшевиками в том, что восстание в Москве не смогло победить, потому что не привлекло на свою сторону большинство народа и войска. Он объяснял его поражение, скорее, техническими причинами — БТГ не разработала четкого плана восстания, не удалось наладить бесперебойное снабжение рабочих дружин бомбами, да и к тому же закончилась провалом попытка взорвать железную дорогу Москва — Петербург, по которой из столицы перебрасывались войска. Посланная на операцию группа попросту

заблудилась — у нее не было карты.

Тем не менее по вопросу о вооруженном восстании была принята резолюция меньшевиков, которая призывала к противодействию всем попыткам вовлечения пролетариата в вооруженное столкновение. Была принята и еще одна резолюция, которая самым непосредственным образом касалась подпольной работы Красина.

Большое распространение во время революции 1905–1907 годов приобрели так называемые «вооруженные экспроприации» (или просто «эксы») — то есть нападения вооруженных боевиков на различные учреждения или, скажем, магазины с целью похищения денег, драгоценностей, оружия и т. д., которые потом могли бы использоваться для революционной борьбы. В таких операциях принимали участие и эсеры, и большевики, и анархисты, а иногда даже и «умеренные» меньшевики.

Ленин в статье «Партизанская война», опубликованной в газете «Пролетарий» 30 мая 1906 года, писал, что вооруженная борьба революционеров не в последнюю очередь должна быть направлена «на конфискацию денежных средств, как у правительства, так и частных лиц… Конфискуемые средства частью идут на партию, частью специально на вооружение и подготовку восстания, частью на содержание лиц, ведущих характеризуемую нами борьбу… Как преимущественную и даже исключительную форму социальной борьбы, эту форму борьбы восприняли босяческие элементы населения, люмпены и анархистские группы».

Действительно, нередко в «борцов с самодержавием и несправедливостью» превращались откровенно уголовные элементы и организации. Много таких групп действовало в Одессе. Бандитские группировки «Ястреб», «Черный ворон», «Золотая маска» (был и такой союз!) или люди знаменитого бандитского «короля Молдаванки» Мишки Япончика совершали налеты на магазины и лавки, не забывая говорить при этом о борьбе с угнетателями. Как замечал одесский корреспондент газеты «Санкт-Петербургские ведомости», «стреляют анархисты — коммунисты, «младовольцы», «маккавеевцы» и «золотые маски». Стреляют все, но при чем тут я, мирный гражданин?».

«Солидные» революционные партии и работали по «эксам» с большим размахом. Вот лишь некоторые примеры.

Седьмого марта 1906 года эсеровские боевики «взяли», к примеру, банк Московского купеческого общества взаимного кредита на Ильинке. Во время «экса» (по показаниям очевидцев налетчики кричали «Ни с места во

имя революции!») им досталось пять тысяч рублей золотом и 870 тысяч рублей ассигнациями. Говорят, что если пересчитать те рубли на нынешние, то это ограбление до сих пор остается самым крупным в истории России.

Тринадцатого февраля 1906 года группа из шестнадцати латышских социал-демократов ограбила отделение Государственного банка в Гельсингфорсе (Хельсинки). Был убит служащий банка, а революционеры-налетчики унесли 170 743 рубля и 46 временных свидетельств Волжско-Камского банка в счет займа 1905 года, номинальной стоимостью по 100 рублей.

Четырнадцатого октября 1906 года группа эсеров-максималистов из восемнадцати человек (в возрасте 18–20 лет) устроила засаду на углу Фонарного переулка и Екатерининского канала в Петербурге. Они ждали карету, перевозившую деньги портовой таможни. Террористы забросали карету и ее охрану бомбами, похитив во время «экса» два мешка с деньгами (400 тысяч рублей). Были ранены трое жандармов из охраны и убиты двое максималистов. 11 из них были схвачены на месте операции или позже. Восемь участников «экса» были казнены по приговору военно-полевого суда уже 18 октября.

Красин тоже не раз организовывал «эксы» и ничего предосудительного в них не видел. Более того, как в Баку он был готов предоставлять услуги подпольной типографии другим революционным партиям и группам, так и теперь он делился с ними оружием и взрывчаткой для проведения операций. За определенный процент от «прибыли». По не которым данным, эсеров, «взявших» банк на Ильинке и почтовую карету в Фонарном переулке Петербурга, оружием снабдила БТГ. Они же поделились с нею добычей.

Ленин писал: «Говорят: партизанская война приближает сознательный пролетариат к опустившимся пропойцам, босякам. Это верно. Но отсюда следует только то, что никогда партия пролетариата не может считать партизанской войны единственным или даже главным средством борьбы; что это средство должно быть подчинено другим, должно быть соразмерено с главными средствами борьбы, облагорожено просветительным и организующим влиянием социализма. А без этого последнего условия все, решительно все средства борьбы в буржуазном обществе приближают пролетариат к различным непролетарским слоям вверху или внизу от него и, будучи предоставлены стихийному ходу вещей, истрепываются, извращаются, проституируются». Другими словами, налет на банк сознательных революционеров — это не то, что грабеж этого же

банка уголовниками. Впрочем, его позицию разделяли далеко не все социал-демократы.

На съезде в Стокгольме развернулась дискуссия — должны ли члены партии принимать участия в «эксах»? Резолюция по этому вопросу оказалась противоречивой. С одной стороны, большая часть делегатов проголосовала против «экспроприации денежных капиталов в частных банках и все формы принудительных взносов для целей революции». С другой — съезд туманно разрешал проводить экспроприацию «боевых средств», средств Государственного банка и других государственных учреждений, но лишь в тех случаях, когда это связано с образованием революционных органов власти и под их контролем. Формально, вновь объединившись с меньшевиками в одну партию, большевики были обязаны выполнять постановления съезда. Но только формально.

Уже в мае 1906 года большевики создали свой «нелегальный» партийный руководящий орган. Он назывался Большевистский центр — им руководили Ленин, Богданов и Красин. Существование центра держалось в тайне, и одной из его задач являлось как раз-таки добывание денежных средств для большевиков с помощью «эксов». Интересно, что БТГ, которая формально подчинялась ЦК партии, фактически действовала только под руководством БЦ и Красина.

Александр Богданов позже вспоминал, что решение Стокгольмского съезда «не прошло в жизнь: оно имело слишком явно фракционную окраску меньшевизма, а главное — упадок боевизма еще не наметился объективно». Так что большевики не собирались отказываться от «эксов». В 30-е годы в своих воспоминаниях участники БТГ откровенно признавали: после декабрьского восстания 1905 года в Москве у партии с деньгами было трудно, и их можно было добыть только путем экспроприаций.

Летом 1906 года большевики провели ряд экспроприаций на Кавказе и на Урале. Особо активно действовала кавказская группа, одним из руководителей которой был Симон Тер-Петросян (Камо). Кавказцы вместе с Красиным придумали удобный способ формально не нарушать решение ЦК о нежелательности «эксов» — перед операцией боевики, состоявшие в партии, выходили из нее, а потом их снова принимали обратно.

В феврале 1907 года в финском дачном местечке Куоккала была организована школа подрывников. Интересно, что в самой Куоккале с лета 1906 года жили Ленин и Богданов, а Красин так вообще поселился здесь в 1905 году вместе с Любовью Миловидовой и ее детьми. Весной того же года он отправился в Германию — для того, чтобы приобрести станок для печатания фальшивых денег (прежде всего речь шла о трехрублевых

купюрах) и специальную бумагу для этих целей. Но после возвращения в Россию его выследила и арестовала полиция. Арест произошел 1 мая в Москве, на квартире адвоката Андриканиса — того самого, который играл ключевую роль в операции с деньгами сестер Шмидт. Тогда было задержано сразу 12 человек. Красин утверждал, что лично он пришел к адвокату по частному делу — чтобы посоветоваться о статусе детей своей гражданской жены. У охранки, по-видимому, не нашлось серьезных улик против него, так что за решеткой он провел только 17 дней. Потом еще приходили с обыском. Красин проявил сообразительность — он засунул пачку партийных документов в карман передника своей маленькой падчерицы, посадил ее на подоконник и сказал, чтобы она смотрела в окно. Жандармы оказались не на высоте — они не обратили особого внимания на сидевшую на подоконнике девочку.

Арест не позволил Красину приехать на V съезд партии в Лондон. Это был самый большой партийный форум с момента появления РСДРП — в нем участвовали 343 делегата, и расходы на его проведение составили 120 тысяч. Делегатам съезда организаторами оплачивалась дорога, а во время пребывания в Лондоне выдавались деньги на расходы из расчета по 2 шиллинга в день. Помогли с финансами немецкие социал-демократы и некоторые английские промышленники.

В избранный на съезде ЦК партии из двенадцати членов вошли пятеро большевиков. Но самые «главные большевики» того времени — Ленин, Красин, Зиновьев, Богданов, Рыков, Таратута — стали лишь кандидатами в ЦК. В руководящих органах партии преобладали меньшевики.

В Лондоне были окончательно запрещены «эксы». Делегаты проголосовали за роспуск всех боевых групп, а «эксы» были названы «анархическими методами», которые компрометируют партию в глазах народных масс. Крупская вспоминала, что со съезда Ленин вернулся в Куоккалу в «необыкновенном виде» — с подстриженными усами, сбритой бородой и в большой соломенной шляпе. Он, по ее словам, устал до крайности и ничего не ел. Его решили отправить на отдых вглубь Финляндии. «Про него рассказывают, — писала Крупская, — первые дни он ежеминутно засыпал — сядет под ель и через минуту уже спит. Дети его «дрыхалкой» прозвали».

Выполнять запрет съезда на «эксы» большевики, разумеется, не собирались. Они могли принести большие средства, которыми вовсе не обязательно можно было делиться с меньшевиками — ведь налеты на банки и почтовые кареты проводили группы, формально не связанные с РСДРП.

Именно по такой схеме был организован один из самых громких «эксов» в Тифлисе. 13 июня 1907 года кавказские боевики напали на карету, перевозившую 250 тысяч рублей в Тифлисское отделение Государственного банка. Их «улов» составил 241 тысячу рублей[21].

Между тем наступление правительства усиливалось. 3 июня 1907 года была распущена 2-я Государственная дума; был издан новый, гораздо более консервативный, избирательный закон; закрывались оппозиционные газеты и журналы. После роспуска Думы установившийся в стране режим прозвали «Третьеиюньской реакцией». Ответом на нее стала новая волна «революционного насилия». В 1906 году от него погибли около восьмисот государственных служащих, в 1907-м — уже более тысячи. Например, только в Одессе в 1907 году летучий отряд эсеров убил полицейского пристава Панасюка, околоточного надзирателя Полянкевича, ранил полицмейстера фон Гесберга. Одесские газеты писали о подобного рода инцидентах уже как о будничных событиях из жизни города: «В 10-м часу ночи в центре города два субъекта, преследуя третьего, открыли стрельбу и бросили бомбу, разорвавшуюся со страшной силой. Тяжело ранено десять человек».

Однако правительство смогло переломить ситуацию. Полиция более активно действовала теперь и в Финляндии, где раньше царили все-таки более либеральные порядки. Как вспоминала Крупская, уже летом 1907 года революционерам, жившим в Куоккале, было ясно, что пора уезжать за границу, потому что «реакция затянется на годы». Так и произошло — за границу, в Швейцарию, уехали Богданов с женой, потом Ленин, другие большевики. «Больно неохота было, но другого выхода не было», — писала Крупская.

Что же касается Красина, то он остался жить в Куоккале и Петербурге и продолжил работать в «Обществе 1886 года». У него провели еще несколько обысков, но ничего подозрительного не нашли. Так продолжалось до 9 марта 1908 года, когда финские жандармы неожиданно арестовали его и отвезли в тюрьму в Выборге. Это было сделано по приказу из Петербурга.

Красина поместили в тюремную больницу, откуда его попытались освободить члены БТГ. В лучших традициях приключенческих романов ему передали несколько напильников — это сделала на свидании мать Красина Антонина Григорьевна. Он начал перепиливать решетку, но неудачно — охрана заметила это и тщательно следила за ним. В день предполагаемого побега, когда Красин уже допилил решетку, полиция засекла подозрительных людей, появившихся у тюрьмы. Это тоже были

участники операции, которые должны были взорвать часть стены тюремного замка. Дело закончилось перестрелкой и полным провалом побега. БТГ разрабатывала и другие варианты освобождения Красина. Предполагалось, например, напасть на поезд, на котором его должны были везти в Петербург. А младший брат Красина Александр предлагал во время свидания поменяться с ним местами и остаться вместо него в тюрьме — они были очень похожи. Красин, однако, отказался.

Но все закончилось гораздо проще. В его пользу сыграли бюрократические порядки Российской империи. Дело в том, что по тогдашним законам арестованный по требованию российских властей российский же подданный на территории Великого княжества Финляндского мог оставаться под арестом не более тридцати дней. За это время петербургская прокуратура должна была подготовить, обосновать и переслать в Финляндию обвинительное заключение. И только после этого, после его рассмотрения финской прокуратурой, могла состояться отправка арестованного в саму Россию.

Русским правоохранителям было, конечно, далеко до эффективности работы их коллег в советское время. Пока прокурор рассматривал обвинительное заключение, указывал на неточности и малое число улик, пока его переписывали и снова рассматривали, прошли отведенные законом 30 дней. Финская жандармерия, впрочем, пыталась «надавить» на прокуроров Выборга и Гельсингфорса с тем, чтобы Красина выдали России как можно скорее, но те тоже педантично выполняли закон.

Так что документы с требованием выдачи Красина пришли в Финляндию только на 32-й день после его ареста. А на 31-й его уже выпустили из тюрьмы. С точки зрения закона все было безупречно, но в Департаменте полиции ругали всех прокуроров и чиновников самыми последними словами. Красин исчез.

Действительно, он решил сразу же исчезнуть из Финляндии. Вскоре после освобождения он еще раз заехал в Куоккалу, повидал семью, а вскоре уже был в Швеции. К осени 1908 года он обосновался в Берлине.

Вне игры

Партию к тому времени уже снова сильно лихорадило. В ней шли бурные споры о том, как относиться к работе в парламенте. «Правые» или «ликвидаторы» предлагали полностью сосредоточиться на парламентской деятельности и распустить нелегальные партийные структуры. В основном эти идеи разделяли меньшевики. Были, впрочем, и «меньшевики-партийцы» во главе с Георгием Плехановым. Они выступали против роспуска нелегальных партийных структур.

Тактика большевиков со временем изменилась: если еще в сентябре 1905 года они выступали за бойкот выборов в Государственную думу, но уже на IV (Объединительном) съезде в Стокгольме Ленин поддержал идею участия в выборах. Однако многие «левые» большевики выступили против нее. Красин тоже оказался среди них.

Но в этой полемике с Лениным и его сторонниками, которая в итоге привела к расколу большевиков, Красин, в общем-то, находился на вторых ролях — главным оппонентом Ильича был Александр Богданов. Это легко объяснить — Красин, в отличие от Богданова, никогда не был теоретиком, идеологом или философом. Успешнее всего он всегда проявлял себя в практической области и, конечно же, в теоретико-философских дискуссиях не мог тягаться с Лениным. Вместе с тем и преуменьшать его роль в дискуссиях 1908–1909 годов тоже нельзя.

В январе 1908 года Ленин и Богданов начали издавать в Женеве газету «Пролетарий». Однако вскоре их отношения начали ухудшаться. Богданов утверждал, что редакция «зажимает» его статьи, в которых излагалась точка зрения «бойкотистов» и «ультиматистов». В конце концов он в знак протеста вышел из состава редакции. Но полемика продолжалась. Богданова поддерживали многие большевики, особенно в России, и Ленин одно время всерьез рассматривал возможность того, что точка зрения «левых» станет в большевистской фракции определяющей. «Я выйду из фракции, как только линия «левого» и истинного «бойкотизма» возьмет верх», — писал он в июне 1908 года.

Масла в огонь добавила и разразившаяся между Лениным и Богдановым «философская война». Ленин заключил союз с Плехановым, и они вместе обрушились на богдановские философские изыскания. Немало места Ленин уделил им в своей книге «Материализм и эмпириокритицизм», причем «прошелся» по Богданову весьма грубо[22].

Красин не вмешивался в «философскую войну». «Красин был человеком непосредственного действия и непосредственных результатов, — писал о нем Лев Троцкий. — Непримиримо-революционная и в то же время выжидательно-подготовительная политика была ему не по натуре… Несмотря на разностороннее образование и широкий кругозор, Красин был — в политике и в жизни — прежде всего реализатором, т[о] е[сть] человеком непосредственных достижений. В этом была его сила. Но в этом же была его ахиллесова пята. Он не хотел ни за что мириться с тем фактом, что революция пошла под уклон. Долгие годы кропотливого собирания сил, политической вышколки, теоретической проработки опыта — нет, к этому в нем не было призвания. Вот почему, прежде чем отойти в сторону от партии, Красин примкнул к «левой» группировке — в надежде на то, что на этом пути удастся еще, может быть, удержать, закрепить и поднять сползающую вниз революцию».

Но зато он принимал активное участие в спорах, когда дело касалось организации или финансирования партии. Стороны, например, полностью разошлись во мнениях о том, кто должен контролировать партийные средства и на что их надо тратить, и обвиняли друг друга в попытках монополизировать средства Большевистского центра. Богданов, например, обвинял Ленина и его сторонников, что они «путем денежной зависимости» подчиняют себе «как отдельных членов партии, так и целые организации, большевистские и не только большевистские. За последние два года не было дано организациям ни одного денежного отчета, а истрачены были сотни тысяч».

На итальянском острове Капри «богдановцы» открыли школу для рабочих. Официально она называлась Первая Высшая социал-демократическая пропагандистско-агитаторская школа для рабочих. Ее местонахождение было выбрано не случайно — на Капри жил Горький, который и дал деньги на школу. Впрочем, не только он. Тут уж Красин проявил свои таланты снабженца-финансиста, и средства были получены еще и от Шаляпина, писателя Александра Амфитеатрова и др. Ленин возмущенно называл Каприйскую школу «общежитием для нашептывания десяткам рабочих отзовистского вздора». В качестве противовеса ей была открыта партийная школа в Лонжюмо, под Парижем.

В одной из справок, подготовленной Департаментом полиции, говорилось: «Проживающий за границей член и кассир Центр[ального] Комитета инженер-технолог Красин — «Никитич» достал для партии около 200 000 рублей]. Источник получения этих денег пока не известен…

Стоя во главе левого крыла группы большевиков…, Красин в

настоящее время ведет энергичную отзовистскую кампанию и из вышеупомянутых денег самовольно удержал 140 000 р[ублей], которые и будут использованы на пропаганду «отзовизма», включая и самостоятельную типографию для той же цели.

Правое крыло большевиков во главе с Лениным, протестуя против нарушения партийной Программы и захвата Красиным партийных денег, организует в самом непродолжительном времени съезд большевиков-неотзовистов».

Десятого февраля 1909 года Зиновьев, Каменев и Таратута обвинили Богданова и Красина в клевете и растрате партийных средств. В июне на заседании расширенной редакции «Пролетария» в Париже Богданов сам обвинил ленинцев в «предательстве большевизма» и «переходе на позиции меньшевизма». Однако при голосовании он остался в меньшинстве. Богданова вывели из состава Большевистского центра. Красин написал заявление с протестом, в котором отмечал, что Богданов «удален без сколько-нибудь доказательной мотивировки». «Я констатирую, — писал он, — что в худшие времена господства меньшевиков в ЦК нашей партии не было случая столь беззастенчивого проведения политики вышибания по отношению к несогласно мыслящим».

В декабре 1909 года сторонники Богданова создали группу «Вперед», которая объявила себя носителем традиций большевизма и призвала к «реконструкции большевизма» во всей партии. Она просуществовала более двух лет. Но Красин уже практически не участвовал в ее работе. Он еще участвовал в попытках освободить или облегчить судьбу арестованного в Берлине боевика Камо, но постепенно все больше и больше отходил от революционной деятельности, да и вообще от политики. И в конце концов «выпал» из нее почти на десять лет, оказался «вне революционной игры», уйдя «в тень» второго своего любимого дела — профессии инженера. Тогда казалось, что в ней он останется уже навсегда.

Красин вспоминал, что вскоре после того, как он оказался в Берлине, ему пришлось задуматься о том, как кормить свою семью. Семья вскоре тоже переехала к нему. Это, с одной стороны, облегчало его эмигрантскую жизнь, а с другой — наоборот. Семья-то была большой — трое детей его гражданской жены от первых двух браков и трое их общих.

Многие, если не большинство русских эмигрантов, занимались за границей только своими партийно-революционными делами и литературной работой. Красин себе такого позволить не мог, да и потом, ему нравилось инженерное дело. Так что вскоре он устроился в компанию АЭГ, потом перешел в крупную электротехническую компанию «Сименс —

Шуккерт». Платили ему мало — 250 марок в месяц (120 рублей по тогдашнему курсу), он подрабатывал, делая по ночам чертежи и переводы технической литературы. Напряженная работа начала сказываться на его здоровье. Он жаловался на боли в сердце. Врачи обнаружили у него и болезнь желудка. Но вскоре он снова смог войти в форму. В компании быстро оценили его профессиональные способности. В январе 1911 года Красину предложили стать коммерческим директором ее московского представительства, одновременно руководство компании обратилось в Департамент полиции в Петербурге с просьбой одобрить это назначение.

Однако ответа долго не было. Тогда и сам Красин написал письмо в русское МВД. Он утверждал, что у властей не должно иметься никаких препятствий к его возвращению в Россию. За него также хлопотали его мать и жена, которая специально приезжала в Петербург. В своем письме Красин, конечно, лукавил и рассказывал о себе далеко не все. Однако хлопоты увенчались успехом — несмотря на некоторые колебания, ему все же разрешили вернуться в Россию. Скорее всего, властям не хотелось осложнять отношения с таким крупным поставщиком электрооборудования, как «Сименс — Шуккерт». Впрочем, его сразу же взяли под негласный полицейский надзор. 16 ноября 1911 года в Департамент полиции поступило сообщение о том, что инженер Красин вернулся в Россию. Некоторое время он жил в Петербурге, затем, в апреле 1912 года, перебрался в Москву.

Дела в московском представительстве «Сименс — Шуккерт» шли более чем хорошо. Уже через несколько месяцев компания решила двинуть Красина вверх по карьерной лестнице — его назначили директором российского представительства фирмы, штаб-квартира которого находилась в Петербурге.

В 1913 году он с семьей переехал в столицу. Статус директора представительства «Сименс — Шуккерт» значил многое. Соответственно статусу вырос и уровень жизни Красиных. Они жили в Петербурге и снимали дачу в Куоккале, откуда он довольно часто ездил на работу на автомобиле. Такое в то время мог себе позволить далеко не каждый. Полиция не упускала его из виду, отслеживая в том числе и контакты с революционерами, которым он помогал устроиться. Однако агенты вполне справедливо отмечали в донесениях, что встречался с ними он как со старыми знакомыми и ни в каких делах, связанных с подпольной деятельностью, не участвовал.

Когда в августе 1914 года началась Первая мировая война, Красин занял позицию «оборончества» и «защиты Отечества». В отличие от

Ленина, который, как известно, призвал превратить империалистическую войну в гражданскую. После начала войны он продолжал управлять предприятиями фирмы в России, которые были поставлены под государственный контроль. Тогда на него обратил внимание известный промышленник и финансист Алексей Путилов — в то время он был председателем Правления крупнейшего в России Русско-Азиатского банка. Он предложил Красину стать управляющим пороховым заводом Барановского. Красин согласился, сохранив и свою прежнюю должность. Благодаря Путилову он также стал членом совета директоров Русско-Азиатского банка.

В начале войны Красин купил дом с садом в Царском Селе. Там в основном жила его семья. В 1915 году они официально зарегистрировали свой брак с Любовью Миловидовой.

Пожалуй, никто из революционеров еще не делал такой успешной «буржуазной» карьеры. «Красин был сравнительно редким среди старых большевиков типом настоящего «дельца-коммуниста», сочетавшего знание подполья с уменьем широко, по-американски, с размахом вести крупные дела», — говорил о нем Александр Нагловский, революционер, работавший торгпредом СССР в Италии и оставшийся на Западе в 1929 году.

«Какая-то новая анархистско-погромная волна»

Февральская революция 1917 года для него, как и для многих других революционеров, была полной неожиданностью. В считаные дни Российская империя перестала существовать. Россия стремительно превращалась в одну из самых демократических стран мира. Из эмиграции возвращались революционеры и оппозиционеры самых различных направлений.

Вернувшийся в Россию Ленин в определенной степени рассчитывал вернуть Красина в партию. Несмотря на их разногласия, он ценил в нем хватку организатора и талант «инженера революции». Встречи Ленина и Красина организовал большевик Авель Енукидзе. Дважды они встречались в кабинете Красина на пороховом заводе Барановского и разговаривали по несколько часов. «Мы сидели, Ленин обыкновенно лежал на кушетке, — вспоминал Енукидзе, — Ленин то хохотал, то сердился, но совершенно прямо они говорили друг другу то, что каждый чувствовал. Благодаря этим беседам Красин и вернулся к большевикам и стал с ними работать». Однако

последний вывод представляется весьма спорным. Летом 1917 года Красин явно не собирался к большевикам. С другой стороны, его фамилия называлась также в числе возможных кандидатов в министры очередного коалиционного кабинета Временного правительства, но и здесь он не проявил особого энтузиазма. Красин вообще довольно скептически относился к «временным». Похоже, что в это время он вообще не исключал возможности отъезда из России за границу — ведь ситуация в стране развивалась совершенно непредсказуемо. В начале июня в Норвегию уехала его жена с дочерями. Там они сняли виллу в Вуксанкалене, недалеко от Осло. Доходы Красина позволяли это сделать.

После их отъезда за границу Красин регулярно писал жене и детям. Эта переписка, несмотря на различные бурные события в политической и их личной жизни, не прерывалась почти до его смерти. Письма Красина сохранились и потом были переданы Любовью Красиной (Миловидовой) в Международный институт социальной истории в Амстердаме. В начале 2000-х годов они были опубликованы историками Ю. Фельштинским, Г. Чернявским и Ф. Маркиз. Эти письма, не предназначавшиеся для посторонних глаз, позволяют гораздо лучше понять отношение Красина ко многим событиям, людям, которые его окружали, и мотивацию его поступков.

«Устраивайся вот получше с малыми ребятами, и если их и себя убережешь от непосредственного созерцания и переживания этого развала и оскудения, то никому от этого хуже не будет: ты достаточно помытарилась на своем веку, чтобы позволить себе если не отдых, то хоть жизнь в более культурной обстановке, — писал Красин жене 29 июня 1917 года. — Меня очень будет укреплять и в этом случае сознание, что вы находитесь в более благоприятной обстановке. Вообще я сейчас наибольшее удовлетворение нахожу в сознании, что тружусь и работаю на вас и для вас и что, может быть, за эти годы удастся создать более или менее прочный фундамент и обеспечить себе в будущем некоторую возможность отдыха в кругу семьи».

Интересны его оценки выступления большевиков и анархистов 3–4 июля в Петрограде, в результате которых произошли вооруженные столкновения, Ленин и Зиновьев, обвиненные в том, что они получали немецкие деньги на проведение подрывной работы, скрылись, а многие другие видные большевики были арестованы. 11 июля в письме жене Красин отмечал прежде всего плохую организацию «провокации». «Скажу только, — писал он, — если правдисты хотели осуществить какой-либо «план», вроде захвата власти, смены правительства и т. п., то, конечно, они

себе самим обязаны провалом. Большей организационной беспомощности и убожества, отсутствия намека на какую-либо осознанную и поставленную себе цель трудно себе представить». «Совпадение всей этой истории с наступлением немцев на фронте, — отмечал он далее, — слишком явное, чтобы могло оставаться сомнение, кто настоящий виновник и организатор мятежа. Разумеется, заслуги идейных обоснователей и проповедников этой авантюры от этого нисколько не умаляются, и, вероятно, этот эксперимент не так-то прост и не всем из них сойдет с рук».

Дальнейшие не менее драматические события — фактический уход большевиков в подполье, охота за Лениным, выступление генерала Корнилова, большевизация Советов, все больше и больше распространявшиеся слухи о подготовке восстания большевиков — проходят фактически мимо него. Красин был занят работой и семейными делами. В августе 1917 года он перевез жену и дочерей из Норвегии в Стокгольм и два месяца сам прожил вместе с ними. «Я еще вполне ясно вспоминаю все мелочи нашей стокгольмской жизни и вижу вас всех как наяву такими, какими вы были на вокзале в минуту проводов. Могу сказать, что эти два месяца одни из самых счастливых в моей жизни», — писал он жене 16 октября, после возвращения в Петроград.

А вот русская действительность осенью 1917 года его явно не радовала: «Питер поражает прежде всего, конечно, грязью и затем какой-то отрешенностью, запустением, жалкой выморочностью. Улицы и тротуары залиты жидкой грязью, мостовые полуразрушены, сломанные там и сям решетки, перила, водопроводные тумбы или люки… По погоде настроение у толпы более кислое и злое, чем летом, да и в политике идет какая-то новая анархистско-погромная волна, перед которой, кажется, даже бесшабашные большевики начинают останавливаться в раздумье». Но в этом-то он как раз и ошибался.

На «советском Олимпе»

В событиях 24–26 октября 1917 года в Петрограде Красин тоже оставался наблюдателем «со стороны». Судя по его письмам, отношение к захвату власти большевиками у него было насмешливо-отрицательным. Впрочем, и к бывшему правительству тоже. «Временное правительство] и Совет республики, — отмечал он, — за последние недели проявляли какой-то такой паралич всякой деятельности и воли, что у меня уже возникал вопрос: да не политика ли это и не собирается ли Керенский и К^{0} — дать большевикам, так сказать, зарваться и затем одним ударом с ними покончить. В действительности покончили с ним б[ольшеви]ки нападением на Зимний дворец, в котором в последний момент не было иной защиты, кроме юнкеров и смехотворного женского батальона… Жертв почти не было, матросы и красная гвардия вели себя вполне достойно, только солдаты кое-где в Зимнем дворце, а еще вернее, переодетые солдатами уголовные элементы коснулись слегка кое-каких сундуков с драгоценными вещами».

Самым опасным для новой власти Красин считал саботаж чиновников и интеллигенции. К нему он относился неодобрительно. «Б|олыпеви]ки, вероятно, погибнут, но вместе с ними будут расплачиваться как премудрые инициаторы саботажа, так и вся беднейшая часть населения. Газеты исключительно полны руганью против большевиков, как будто кроме этого перед Россией вообще не было и нет других задач», — писал он 8 декабря. «Опасения твои, милый мой друг, что я так с бухты-барахты присоединяюсь к б[ольшеви|кам, совершенно неосновательны, — убеждал он в это время жену. — Я с самого начала заявил им, что во многом не разделяю их принципиальной точки зрения, тактику считаю самоубийственной, и даже за чисто организационную работу, напр[имер], по м[инистерст]ву промышленности] и торговли] или по демобилизации не могу взяться, пока изменение внутреннеполитической обстановки не создаст базы для более или менее дружной работы всех демократических элементов».

Он действительно считал, что единственным выходом из создавшейся ситуации может быть создание «однородного социалистического правительства». И если в этом случае ему предложат войти в него в качестве министра промышленности и торговли, то «отказ будет почти невозможен прежде всего потому, что я сам чувствовал бы себя в

положении дезертира». К тому же, считал Красин, «я из всей левой публики являюсь наиболее, м[ожет] быть, подготовленным и в то же время имею неплохие связи в рабочей среде, хорошие среди техников». И это было правдой. Вероятно, Красину намекали на возможность такого назначения. Однако переговоры между «умеренным» крылом большевиков с меньшевиками и эсерами о создании «однородного» кабинета провалились — Ленин о нем и слышать не хотел.

Настроение у него было не из лучших: «Везде грязь, мерзость и запустение улиц, вокзалов, вагонов не поддается никакому описанию. Поезда нетопленые, окна выбиты, обивка со скамеек срезана мародерами-солдатами; вообще, не смотрели бы глаза… Нет, еще долгонько русскому народу до культуры. Это проклятое самодержавие до того озлобило и развратило народную массу во всю ее толщу, что, пожалуй, пара поколений нужна в более здоровой обстановке, чтобы мы вообще стали походить на людей».

Ругал он не только самодержавие, но и своих друзей-большевиков. Ветеран русской социал-демократии Георгий Соломон (Исецкий), который потом работал в советском полпредстве в Германии, в системе Внешторга и много лет дружил с Красиным[23], записал разговоры с ним осенью 1917 года.

«Ты спрашиваешь, что это такое? — говорил, по словам Соломона, Красин. — Это, милый мой, ставка на немедленный социализм, то есть утопия, доведенная до геркулесовых столбов глупости! Нет, ты подумай только, они все с ума сошли с Лениным вместе! Забыто все, что проповедовали социал-демократы, забыты законы естественной эволюции, забыты все наши нападки и предостережения от попыток творить социалистические эксперименты в современных условиях, наши указания об опасности их для народа, все, все забыто!

Людьми овладело форменное безумие: ломают всё, всё реквизируют, а товары гниют, промышленность останавливается, на заводах царят комитеты из невежественных рабочих, которые, ничего не понимая, решают все технические, экономические и, черт знает, какие вопросы! На моих заводах тоже комитеты из рабочих. И вот, изволишь ли видеть, они не разрешают пускать в ход некоторые машины… АЛенин… да, впрочем, ты увидишь его: он стал совсем невменяем, это один сплошной бред! И это ставка не только на социализм в России, нет, но и на мировую революцию под тем же углом социализма! Ну, остальные, которые около него, ходят перед ним на задних лапках, слова поперек не смеют сказать и, в сущности, мы дожили до самого форменного самодержавия».

Трудно было представить, что человек, произносящий подобные речи, вскоре сам окажется в окружении «невменяемого» Ленина и будет до своей смерти служить тому делу, которое он олицетворял.

«В Красине было чересчур много скепсиса»

Когда с «красным лордом» начала происходить очередная метаморфоза, которая привела к большевикам? Его не раз уговаривали: Луначарский, Троцкий, да и сам Ленин.

Троцкий вспоминал: «Октябрьский переворот он встретил с враждебным недоумением, как авантюру, заранее обреченную на провал. Он не верил в способность партии справиться с разрухой. К методам коммунизма относился и позже с ироническим недоверием, называя их «универсальным запором». Уже в первый короткий петроградский период нашей советской истории сделана была попытка притянуть Красина. Владимир Ильич очень высоко ценил технические, организаторские и административные качества Красина и стремился привлечь его к работе, отстранив вопрос о политических разногласиях. Красин не поддавался сразу.

— Упирается, — рассказывал Владимир Ильич, — а министерская башка…

Это выражение он повторял в отношении Красина не раз: «министерская башка»…

Пробуждавшаяся революционная активность боролась в нем со скептицизмом. Красин отбивался от ленинских атак, преувеличенно хмурил брови и пускал в ход самые ядовитые свои словечки, так что Владимир Ильич среди серьезной и напористой аргументации вдруг останавливался, вскидывал в мою сторону глазом, как бы говоря: «Каков?!» — и весело хохотал над злым и метким словечком противника. Так впоследствии Ленин неоднократно цитировал красинский «универсальный запор».

Красин смягчил свою позицию только в декабре 1917 года. 2 декабря Советская Россия подписала перемирие с Германией. 22 декабря в Брест-Литовске начались мирные переговоры с немцами и их союзниками. По некоторым данным, Троцкий уговорил Красина войти в состав делегации в качестве советника экономической и финансовой комиссии. На этот раз он, после некоторых колебаний, согласился и 28 декабря выехал в Брест-Литовск. Перед отъездом Красин написал жене, объяснив ей, почему он

принял именно такое решение. «У народных комиссаров, разумеется, нет людей, понимающих что-либо в этой области, — отмечал Красин, — и вот они обратились ко мне, прося помочь им при этой части переговоров в качестве эксперта-консультанта. Мне, уже отклонявшему многократно предложения войти к ним в работу, трудно было отклонить в данном случае, когда требовались лишь мои специальные знания и когда оставлять этих политиков и литературоведов одних, значило бы, может быть, допустить ошибки и промахи, могущие больно отразиться и на русской промышленности, и на русских рабочих и крестьянах… Мой отказ был бы столь же недопустим, как отказ штабного или морского офицера принять участие в назначении военных условий мира или перемирия. И только в таком естестве я и рассматриваю свою задачу».

Вероятно, он действительно тогда так и думал. Но осталась ли его позиция прежней и в последующие годы, когда он стал одним из руководителей высшего советского звена? И почему Красин все-таки перешел к большевикам? Это на самом деле очень интересные вопросы.

Разумеется, объяснить это с точностью на сто процентов невозможно: чужая душа, как известно, — потемки. Те, кто хорошо знали его, буквально в один голос утверждают, что никаким идейным коммунистом в это время Красин уже не был и идеи мировой революции, диктатуры пролетариата и т. д. его совсем не интересовали. С другой стороны, он, безусловно, был патриотом-технократом и искренне переживал, когда видел, как разрушается русская промышленность, которой он отдавал немало сил даже тогда, когда руководил подпольщиками-боевиками.

Георгий Соломон (он в итоге тоже решил пойти работать на новую власть) вспоминал, что это решение они с Красиным приняли после мучительных размышлений и бесед между ними. «Встал вопрос, — писал Соломон, — имеем ли мы право при наличии всех отрицательных, выше вкратце отмеченных, обстоятельств оставаться в стороне, не должны ли мы, в интересах нашего служения народу, пойти на службу Советов с нашими силами, нашим опытом, и внести в дело, что можем, здорового. Не сможем ли мы бороться с той политикой оголтелого уничтожения всего, которой отметилась деятельность большевиков, не удастся ли нам повлиять на них, удержать от тех или иных безумных шагов… Ведь у нас были связи и опыт».

Выдвигалось и еще одно предположение — Красин почувствовал «вкус власти», который всегда ему импонировал. Но с этим вряд ли можно согласиться — никаких властолюбивых амбиций он никогда не проявлял. От своего пребывания во власти он, скорее, ценил комфорт и обеспеченный

образ жизни. К такой жизни он уже привык, а в советских условиях она была возможна только для крупных начальников. «Этот невысокий, красивый, всегда прекрасно одетый барин чрезвычайно разнился от грязноватых ленинцев, — вспоминал о нем Александр Нагловский. — Разница была не только внешняя, но и внутренняя… Вообще это был европеец. В обращении он всегда был очень демократичен и приятен, но это опять-таки была лишь европейская форма. По сути своей Красин был человеком очень сухим, холодным, к людям симпатии не имевшим и людьми не интересовавшийся. Его мог волновать только лишь «бизнес». В этом смысле он и должен был проявить свои таланты, когда Ленин привлек его в Смольный для назначения на ответственные хозяйственные посты.

Помню, как Красин, смеясь, рассказывал о своем разговоре с Лениным на тему мировой пролетарской революции. Подсмеиваясь над собеседником, Ленин уверял Красина, что тот ничего уж в революциях не понимает.

— Все это будет совсем не так. Представьте себе, вы едете в экспрессе, за столиком у вас шампанское, цветы, вы наслаждаетесь с такими же буржуями, как и вы сам. Но вот входит кондуктор и кричит:

— Die nächste Station — Dictatur des Proletariats! Alles aussteigen!![24] — и Ленин, по словам Красина, заливался хохотом».

Постепенно Красин втягивался в работу на большевистскую власть и сам превращался в носителя этой власти. Весной и летом он вел в Берлине переговоры по дополнительным соглашениям к Брестскому мирному договору, а заодно переговоры с германским министерством о поставках в Россию угля и кокса в обмен на лен, лес и другие товары.

В августе он стал членом Президиума Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ). «Я пока что не беру никаких громких официальных мест и должностей, а вхожу лишь в Президиум Высшего совета народного хозяйства и беру на себя фактическое руководство заграничной торговлей, не делаясь, однако, еще комиссаром промышленности и торговли», — писал Красин жене.

В октябре 1918 года он возглавил Центральный электротехнический совет, который разрабатывал планы электрификации России. Красин был без преувеличения «фанатом» электричества и в этом находил полную поддержку Ленина. 2 ноября он был назначен председателем Чрезвычайной комиссии по снабжению Красной армии при Совнаркоме РСФСР, тогда же, в ноябре — членом Совета рабочей и крестьянской обороны (позже — Совет Труда и Обороны), 13 ноября — наркомом торговли и промышленности. В марте 1919 года последовало назначение Красина

наркомом путей сообщения. На этом посту он оставался до марта 1920 года, когда его сменил Троцкий.

Советский внешнеторговый работник Моисей Лазерсон, оставшийся позже на Западе, вспоминал о встречах с Красиным в 1918 году: «Красин произвел… самое лучшее впечатление. В особенности потому, что он выделялся на тогдашнем московском фоне своей краткою и ясною деловитостью. В то время было известно, что если вы являетесь к какому-нибудь видному советскому сановнику, то вас непременно встретит целый поток фраз и соображений общеполитического характера, которые с непосредственной темой, с деловой целью вашего посещения ничего не имеют общего… Поэтому-то так приятно поражала краткая и ясная деловитость Красина…

Красин был способный организатор и превосходный работник… человек, который хотел быть окруженным только способными, умными, работящими и ясно мыслящими людьми; политические же мечтатели ему были органически противны. В разговоре со мной он совершенно откровенно и весьма отрицательно отзывался о том человеческом материале, с которым ему приходится работать. Это был человек с большим темпераментом, своевольный, властный, который не любил долго разъяснять даваемых им предписаний и лишь с трудом выносил мнения, противоположные его собственному».

Александр Нагловский, в свою очередь, утверждал, что Красина на «советском Олимпе» ненавидели почти все, кроме Ленина. Во-первых, потому, что он уговаривал Ильича не разжигать «мировую революцию», а развивал перед ним «своеобразные идеи, что «на Западе всё можно делать деньгами», и предлагал широко впускать иностранные капиталы в Россию, связывая их руки концессиями».

Во-вторых, коммунистов раздражали сам образ жизни и характер Красина. Нагловский вспоминал такой эпизод: в 1919 году в дни наступления генерала Николая Юденича на Петроград, когда казалось, что город будет взят, Красин предложил Ленину план приведения в негодность всех питерских фабрик и заводов. Ленин командировал Красина в Петроград для выполнения этого плана в случае необходимости. Красин уехал и все подготовил. Но когда 22–23 октября по приказу Троцкого начали проводить эвакуацию и собирались отдать приказ о введении в действие плана Красина, оказалось, что он сам попросту исчез. Начались поиски. «И наконец, — рассказывал Нагловский, — Зиновьеву пришла в голову мысль, что Красин, наверное, на Петербургской стороне у женщины, с которой был в связи. Узнали адрес. И я поехал туда на

автомобиле. Действительно, на фоне голодного Петербурга этот директор «уничтожения петербургской промышленности», Красин, проводил вечер за шампанским и прекрасным ужином». «В Красине было чересчур много скепсиса и наплевательства на всё и вся», — отмечал он.

Красин, в свою очередь, тоже не жаловал многих советских руководителей. Свысока относился к Троцкому и наркому иностранных дел Георгию Чичерину, которые, по его словам, соревновались «в глупости своей политики». Он обвинял Троцкого в том, что тот разогнал офицерство, а в его штабе в то же время три четверти — предатели. Хотя именно Троцкий сумел (разными, конечно, способами) привлечь в Красную армию царских офицеров, и его штаб как раз в большинстве состоял из них.

Красин тоже активно привлекал к работе старых специалистов — «спецов». Далеко не всем это нравилось. С главой ВЧК/ГПУ Феликсом Дзержинским у него не раз возникали конфликты по этому поводу. Дзержинский выступал как бы в двух лицах: с одной стороны, он тоже поддерживал старых специалистов, с другой — внимательно следил за ними, пресекая малейшие, как ему казалось, признаки «контрреволюционной деятельности». Чем это заканчивалось, хорошо известно.

Чекисты не раз арестовывали людей, находящихся в подчинении Красина. Это вызывало к него приступы ярости и возмущения, и он бежал к Ленину. Ильич выступал своего рода верховным арбитром в таких делах, но не всегда соглашался с Красиным. Были в его окружении и казнокрады, и растратчики, и люди, действительно связанные с контрреволюционным подпольем. «У Красина была ахиллесова пята: он был чрезвычайно неразборчив в людях, и в нкпс, и во Внешторге был всегда окружен спекулянтами разных мастей и темными дельцами», — отмечал, к примеру, Александр Нагловский.

Дзержинскому, вероятно, не очень нравилась самостоятельность Красина, которая основывалась на хороших личных отношениях с Лениным, и он использовал слабые места своего соперника в различных аппаратных интригах. Однажды Красин представил Зиновьеву хорошо одетого человека с прекрасными манерами. По его словам, это был крупный инженер. Однако вскоре чекисты арестовали «инженера» и расстреляли его. Он оказался настоящим агентом иностранного государства. Красин был поражен, но ничего возразить на представленные доказательства не мог.

В другой раз чекисты арестовали несколько десятков сотрудников Внешторга. Красин бросился со списком арестованных к Ленину. Он

доказывал, что это дело — лишь проявление междуведомственной борьбы против него. Позже Красин рассказывал, что они с Лениным долго обсуждали список, а в кабинет Ильича то и дело звонил Дзержинский, ждавший подтверждения приговора. Красину, по его словам, за два часа разговора с Лениным удалось отстоять 11 человек из 250. После этого, вспоминал Нагловский, он, крайне взволнованный, ходил по кабинету, бормоча: «Ведь это ж черт знает что такое! Ведь это же преступление! Расстреливают людей ни за что ни про что!»

Но возмущение расстрелами своих подчиненных не привело к тому, что Красин подал в отставку или порвал с большевиками. Да, он называл террор «бессмысленным противоречием необольшевизма», но тут же оговаривался, что «поделать против стихии ничего невозможно».

Теперь он уже до конца жизни оставался «в обойме власти». И, вероятно, он, как и многие другие сторонники революции, уговаривал себя — революционеры не должны цацкаться с врагами, если не мы их, то они нас, а если и расстреляли кого-то невиновного — что ж, время такое суровое… Во всяком случае, о каких-то громких протестах Красина по этому поводу ничего не известно.

О своих целях «работы на большевиков» он писал жене и в письме от 24 октября 1918 года: «Ты вот, Любан, в претензии на меня, что я сюда поехал, а мне думается, я поступил правильно, и помимо субъективного сознания обязательности принять участие в этой работе это надо сделать уже хотя бы потому, что в этом слагающемся новом надо завоевать себе определенное место, и не только себе, но и вам всем, а для этого приходится работать». Можно это истолковать и так — приходится терпеть, чтобы детям в будущем было хорошо. Скорее всего, Красин, будучи умным человеком и прагматиком, понимал — большевики сохранят власть надолго. Следовательно, нужно уметь жить с этой властью.

Как нарком Красин жил в относительно хороших условиях. «Отношение ко мне со стороны всех властей сейчас самое предупредительное, все предложения проходят с легкостью, и, видимо, есть стремление создать условия, удерживающие меня при работе», — писал он. Моисей Лазерсон, побывавший в квартире Красина, которая находилась в отеле «Метрополь», вспоминал: «Обе комнаты, которые он занимал, были не убраны и неуютны. На столах лежали в беспорядке книги, чертежи, папки. На подоконниках стояли стаканы с холодным чаем и тарелки с остатками еды». Одет нарком был в темный кожаный костюм, кожаные штаны и гамаши.

В «Метрополе» тогда были телефоны и центральное отопление.

Позже, как сообщал Красин жене, он переехал в «совершенно министерское помещение» — в том же отеле — из трех комнат, ванной и передней. «Обедаю 2 раза в день… Обеды приготовлены просто, но из совершенно свежей провизии и достаточно вкусно. Жалко лишь, что дают сравнительно много мяса, но этого здесь избежать сейчас вообще невозможно. Имею автомобиль, очень хороший, жалко лишь, что с бензином день ото дня становится труднее…» — писал он.

С деньгами у него тоже не было проблем. Его жалованье составляло четыре тысячи рублей в месяц. Три тысячи он отсылал жене в Швецию. «Я здесь оставляю себе по 1000 р[ублей] в месяц, этого мне хватит вполне, принимая во внимание сравнительно льготные цены на квартиры и в наших столовых. Четыре тысячи в месяц — это в советской республике почти что невиданная сумма», — признавался он сам.

Дипломатия и бриллианты

К весне 1920 года положение РСФСР значительно улучшилось. Победы Красной армии на фронтах Гражданской войны заставляли задуматься и правящие круги в странах Антанты, которые поддерживали Белое движение. Помощь белым начала постепенно сворачиваться, а в январе 1920 года была отменена торговая блокада Советской России, установленная в августе 1918-го.

В Москве тоже осознавали, что обстановка изменилась — ожидаемая большевиками европейская революция не произошла и, скорее всего, не собиралась происходить в обозримом будущем. Значит, с «капиталистическим окружением» нужно было как-то выстраивать отношения. Например торговать, тем более что Советская Россия очень нуждалась в деньгах и товарах.

Впрочем, западные правительства и после отмены блокады отказывались торговать с «большевистскими государственными организациями» и соглашались вести торговлю только с «представителями русского народа». Таким представителем, по их мнению, был Всероссийский союз потребительских и кооперативных обществ (Центросоюз).

Пятого марта в составе одной из первых советских торговых делегаций Красин (в делегацию также входили Максим Литвинов и Виктор Ногин) выехал в Швецию и Данию. Формально она представляла Центросоюз, но сам Красин отмечал, что «правительственный характер делегации был очевиден для всех». В Стокгольме велись переговоры со шведскими промышленниками, а в Копенгагене — с делегацией Высшего экономического совета Антанты. Затем Красин отправился в Лондон, где 31 мая встретился с премьером Дэвидом Ллойд Джорджем и другими министрами британского правительства. Встреча началась с неприятного казуса — министр иностранных дел лорд Керзон[25] отказался пожать Красину руку. Он сделал это только после замечания Ллойд Джорджа: «Будьте же джентльменом, Керзон!»

Переговоры с Лондоном о возобновлении торговли и установлении дипломатических отношений затянулись на несколько месяцев. Они шли медленно и во многом зависели от ситуации на фронтах в России. Несмотря на понятные политические разногласия, Красин и Ллойд Джордж по заслугам оценили другу друга. Один из очевидцев переговоров с

британской стороны вспоминал, что между ними установились очень «сердечные» отношения. Асам премьер писал о Красине как об «интеллектуальном, образованном и честном человеке здравого смысла», которому он всегда верил. 9 июня в Лондоне открылось *All Russian Cooperative Society* или «Всероссийское кооперативное общество» — «Аркос». «Аркос» предназначался для ведения торговли между РСФСР и Англией по английским законам. 11 июня 1920 года Красин был назначен наркомом внешней торговли РСФСР. Таким образом, его статус существенно повышался.

В июле Красин уехал в Москву. Политбюро ЦК РКП(б) обсудило ход переговоров. В это время Красная армия быстро наступала на Варшаву и Львов, тесня польские части, и советские руководители, вероятно, решили использовать благоприятную военную ситуацию. Они считали, что переговорам с англичанами нужно придать более политический и «агитационный» характер. Главой советской делегации был назначен член Политбюро Лев Каменев, а Красин стал его заместителем. Он выразил несогласие с этим назначением, но подчинился «решению партии».

Каменев сосредоточился на войне с Польшей, и переговоры сразу же «зависли». К тому же в августе произошло «чудо на Висле» — польская армия нанесла мощный контрудар Красной армии под Варшавой, и та покатилась обратно на Восток. Теперь англичане явно выжидали, чем закончится это наступление, а Москва утратила политическую инициативу.

Тем временем разразился громкий скандал — британская полиция выяснила, что советская делегация тайно финансировала левую газету «Геральд трибюн». Правые потребовали «выставить большевиков вон», но Ллойд Джордж колебался. Ситуацию невольно спас Каменев, решивший уехать в Москву, потому что никаких результатов он не добился. Ллойд Джордж напоследок заявил ему, что он правильно сделал, иначе его бы выслали. 11 сентября Каменев уехал, а 20-го главой делегации снова был назначен Красин.

Пока шли переговоры, Красин не терял времени даром. Он заключал с английскими компаниями от имени «кооператоров» контракты на поставку в Россию различных товаров — от фанеры до паровозов — и обмен их на русские товары.

Первое судно из Советской России (зафрахтованный кооператорами итальянский корабль «Анкона») с грузом зерна, мехов, табака, цемента и т. д. незаметно прошло мимо английских миноносцев, блокировавших черноморские порты, и 1 марта 1921 года пришло в устье Темзы. Разразился еще один скандал. Британские газеты выходили с

сенсационными заголовками: «Прорыв блокады», «Красные на Темзе», «Большевики у ворот Британии». Однако Красин поднял британскую общественность в защиту «прав русских кооператоров», и британское правительство все-таки разрешило «Анконе» продать груз.

Ну а 16 марта 1921 года было заключено торговое соглашение между РСФСР и Великобританией. С советской стороны подпись под ним поставил Красин. Вероятно, это был один из первых шагов к политике так называемого «мирного сосуществования», к которой в итоге вынуждены были прийти и на Западе, и на Востоке.

Тайная сторона дипломатии

После заключения соглашения Красин остался в Лондоне. Формально он занимал пост советского торгового представителя. Наверное, это был единственный случай в мировой дипломатии, когда министр правительства крупной державы одновременно занимает пост торгпреда, да еще и постоянно находится по месту этой работы. Конечно, Красин играл в Англии гораздо большую роль — фактически он выполнял функции посла, но поскольку правительство Ллойд Джорджа не признавало РСФСР де-юре, то и Красин оставался для него лишь торговым представителем. Это, безусловно, затрудняло его политическую работу, но зато Красин очень активно вел коммерческую и торговую деятельность. Он встречался с британскими бизнесменами, финансистами, парламентариями, причем часто проводил эти встречи у себя дома, куда приглашал их на обеды или традиционный английский чай в пять часов вечера — «файф-о-клок».

Встречался Красин в Лондоне и с Федором Шаляпиным. К тому времени тот (не без помощи «красного лорда») уже уехал за границу. Во время гастролей Шаляпина в Англии осенью 1921 года Красин пригласил его к себе на обед, послав за ним служебный автомобиль. Левые друзья Советской России, да и некоторые советские сотрудники довольно неодобрительно относились к этим встречам, но Красин был по-прежнему уверен, что именно торговля, а не пропаганда или организация революции за границей в настоящий момент важнее всего для его страны. А для этого нужно и общаться, и обедать с «акулами империализма». Советская Россия остро нуждалась в товарах и вообще в экономической помощи. Да и Ленин это понимал. 19 января 1922 года он распорядился отправить Красину следующую телеграмму: «Если не купите в январе и феврале 15 миллионов пудов хлеба, уволим с должности и исключим из партии. Хлеб нужен до

зарезу. Волокита нетерпима. Аппарат Внешторга плох. С валютой волокита. Налягте изо всех сил. Телеграфируйте точно об исполнении дважды в неделю». Потом, правда, формулировку смягчили. Написали, что «партия будет вынуждена принять самые решительные меры».

С другой стороны, в деятельности Красина в Лондоне были и моменты, о которых старательно умалчивали его советские биографы. Упоминавшийся уже старый знакомый Красина Георгий Соломон утверждал, например, что осенью 1920 года торгпред в Лондоне занимался негласной продажей русских бриллиантов на Запад. Советское правительство нуждалось в валюте, и подобные сделки могли обеспечить ее поступление в Москву. В своих мемуарах Соломон описал весьма любопытные события, связанные со сделкой, в которой он участвовал.

«Ко мне из Англии с письмом от Красина приезжал один субъект по фамилии, кажется, «капитан» Кон, — утверждал Соломон. — По-видимому, это был русский еврей, натурализовавшийся в Англии. Он приезжал со специальной целью сговориться со мной о порядке продажи бриллиантов. В то время мне прислали из Москвы небольшой пакетик маленьких бриллиантов, от половины до пяти карат. Я показал Кону эти камни. Но его интересовали большие количества. Мы условились с ним, что я затребую из Москвы более солидную партию и к назначенному времени вызову его. Держался он очень важно. Много говорил о своей дружбе с Ллойд Джорджем… Списавшись с Москвой, я уведомил Кона о дне прибытия камней».

Через некоторое время из Москвы прибыли бриллианты. Их аккуратно разложили по коробкам и опечатали. «И всего таких коробок было (не помню точно) не то девять, не то одиннадцать, — отмечал Соломон. — Среди товара было много камней (были присланы не только бриллианты, но и разные другие камни, как бирюза, изумруд, рубины и пр.) очень испорченных, а потому и обесцененных при извлечении их (для обезличения) из оправы неумелыми людьми». Далее Соломон описал процесс продажи камней, которые, по оценкам советских же специалистов, стоили миллион фунтов стерлингов: «В «бриллиантовых сферах», как до меня доходили известия, шла энергичная борьба за этот приз. В Лондоне на Красина наседал «капитан» Кон, старавшийся через него повлиять на меня. Ко мне приезжали из Лондона какие-то подставные покупатели, которые с полным знанием дела (т[о] е[сть] об одиннадцати ящиках, их содержимом и печатях) начинали со мной переговоры. Так, между прочим, ко мне приезжал представитель лондонской суконной фабрики «Поликов и К°» Бредфорд (точно не помню его имени) с переводчицей, госпожой Калл,

которые торговались со мной и предлагали мне за всю партию бриллиантов 600 000 фунтов. От Красина я получил телеграмму, в которой он рекомендовал мне понизить цену до 750 000 фунтов… но я твердо стоял на своем. Наконец, от Поликова я получил сообщение, что он дает мне 675 000 фунтов… Но я все стоял на своем. Так этот вопрос и застыл».

Однако вскоре Соломон уехал в Англию, на должность директора основанного Красиным «Аркоса». И там он узнал, что представители лондонской фабрики «Поликов» купили «шесть коробок лучших, отборных бриллиантов» за 365 тысяч фунтов стерлингов. О цене они договорились с полпредом РСФСР в Эстонии Максимом Литвиновым (будущим наркомом иностранных дел СССР). Соломон писал, что он даже подпрыгнул в кресле: «Как?! За 365 000 фунтов?! Не может быть!» Но оказалось, что так оно и было. В остальных коробках остались лишь испорченные камни, за которые дали бы, в лучшем случае, 30–40 тысяч фунтов. Тайна этой странной сделки так и осталась неразгаданной. Соломон считал, что якобы оставшиеся «испорченные камни», «бриллиантовый лом», позже переправили в Париж и там продали по значительно более высокой стоимости втайне от Москвы.

По другим данным, в августе 1920 года, когда в Лондон прибыла советская делегация во главе с Каменевым, она привезла с собой бриллианты на сумму в 40 тысяч фунтов. Камни, используя связи Красина, были проданы, а средства от их продажи переданы левой газете «Геральд трибюн», о чем Каменев сообщал в сентябре 1920 года Чичерину. Эти факты тогда стали известны английским властям, и возник громкий скандал, который был отчасти смягчен тем, что Каменев сам решил уехать с переговоров в Москву.

Кстати, по некоторым предположениям, таинственный «капитан Кон» был не кто иной, как известный английский разведчик, делец и авантюрист Сидней Рейли. Он работал в России, был обвинен в том, что весной 1918 года пытался устроить контрреволюционный переворот и убить Ленина. Рейли удалось бежать, но его заочно приговорили. Он считал большевизм своим личным врагом и собирался бороться с ним любыми способами до конца жизни. Что и произошло — осенью 1925 года чекисты заманили его в СССР под видом необходимости встретиться с руководством якобы мощной контрреволюционной подпольной организации. Там его арестовали и расстреляли.

Но могли такой человек, как Рейли, общаться с Красиным? Мог. Более того — общался.

«В 1922 году [на самом деле в 1921-м. — *Е. М.*] у меня был известный

перелом в направлении борьбы, — писал Рейли в своих показаниях на Лубянке в 1925 году, — я совершенно разубедился во всех способах интервенции и склонялся к тому мнению, что наиболее целесообразный способ борьбы состоит в таком соглашении с советской] властью, которое широко откроет двери России английской коммерческой и торговой предприимчивости; к этому моменту относится составленный мною проект образования огромного международного консорциума для восстановления русской валюты и промышленности». Другими словами, он не прекращал борьбы с большевиками, но теперь собирался делать ставку не на насильственное свержение их режима, а на его «мутацию».

Рейли обладал трезвым и прагматическим умом. Он предлагал задушить большевиков в мирных объятиях Запада. В августе 1921 года он подготовил для британского правительства меморандум, в котором описал возможный сценарий ненасильственной трансформации большевистского режима под его давлением. Большевикам, считал Рейли, жизненно необходима западная помощь в восстановлении экономики, разрушенной двумя войнами. Европейские государства, по его мнению, должны оказать ей помощь, но при этом выдвинуть несколько условий.

Во-первых, упразднить ЧК. Во-вторых, отстранить от фактического управления страной сторонников «радикальной линии» — Ленина, Троцкого, Зиновьева (им при этом гарантировалась бы личная неприкосновенность) и передать власть «умеренным» большевикам, например Рыкову и Красину. В-третьих, со временем ввести в правительство представителей других политических партий. В-четвертых, золотовалютные резервы страны передать под контроль международного консорциума.

С планом Рейли были знакомы и премьер Ллойд Джордж, и другой знаменитый враг большевиков, бывший эсер-террорист Борис Савинков, который в то время считался одной из самых опасных для Москвы фигур в эмиграции. Возможно, Савинков был даже соавтором этого плана. Интересно, что в августе 1921 года различные вариации плана попали в газеты и стали известны представителям русской эмиграции. 3 августа 1921 года бывший депутат Государственной думы, ближайший сотрудник генералов Деникина и Врангеля Никанор Савич записал в дневнике: «Она [Англия. — *Е. М.*] через Красина и своих купцов договорилась с большевиками на том, что она и Германия придут на помощь России в ее бедствии и избавят от крайностей большевиков. Именно сперва удалят Троцкого, Дзержинского и вообще крайних большевиков, дав им возможность удрать с награбленным имуществом за границу, в колонии

или Юж[ную] Америку. Тогда составится коалиционный кабинет с социал-революционерами и меньшевиками, до милюковцев включительно[26], который должен дать всякие концессии англичанам, немцам и японцам… Россия будет экономически подчинена: Великороссия — Англии, Украина — немцам, Восток — японцам. Разделят, как делили негров Африки».

Савинков же считал, что развитие НЭПа вообще может закончиться переворотом. «Рано или поздно, — писал он, — ход событий приведет к перевороту, который, вероятнее всего, будет не массовым, а термидорианским». Тогда-то, по мнению Савинкова, «мы пригодимся».

Казалось бы — при чем тут Красин? А вот при чем. Поздней осенью 1921 года Рейли привез Савинкова в Лондон для того, чтобы «выбить» для него помощь от своего правительства. Но параллельно они решали еще одну задачу. С санкции Ллойд Джорджа Рейли и Савинков начали добиваться встречи с Красиным. Она состоялась 10 декабря в здании советского представительства. Об этой встрече известно немного. Савинков интересовался, может ли он рассчитывать на какой-нибудь пост, если прекратит борьбу против Советов. Красин ответил, что он сможет поступить на советскую службу за границей, например, в представительства Наркомата иностранных дел. Для него, говорил Красин, нашлось бы много важной и необходимой для страны работы. Например, сейчас, когда Россия крайне нуждается в деньгах, он мог бы использовать свой авторитет и свое влияние для того, чтобы помочь своей стране получить у Англии заем в 10 миллионов фунтов стерлингов, который был необходим для восстановления экономики. Англичане же категорически отказывали большевикам в кредитах и займах.

Выслушав Красина, Савинков заявил, что он готов отказаться от борьбы. Но, в свою очередь, выдвинул условия, которые должны для этого выполнить большевики. Они были очень похожи на те, которые изложил в своем меморандуме Сидней Рейли: власть в России должна быть передана свободно избранным Советам, должна быть ликвидирована ВЧК, должен быть признан принцип частной собственности, прежде всего мелкая земельная собственность.

Разумеется, Савинков понимал, что Красин не может дать ему сразу определенного ответа. Он не имел полномочий не только для решения этих вопросов, но и для их обсуждения. Но Савинков и Рейли на это и не рассчитывали. Свои условия они выдвинули как основу для дальнейших переговоров с Москвой. Когда же речь зашла о существовании в партийном руководстве «радикального» и «умеренного» течений, Красин возразил, сказав, что было бы ошибочно считать, что в РКП(б) вообще существуют

разногласия и некое «правое крыло», о котором говорят его гости. Но он пообещал передать о состоявшемся разговоре в Москву. Выполнил ли Красин свое обещание, точно не известно.

В чем была подлинная цель этой встречи и ограничивалась ли она только тем, что о ней известно, — неясно до сих пор. Теоретически Красин мог разделять некоторые пункты плана Рейли. Они не очень-то противоречили его представлениям. Обещал ли он как-то попытаться «продвинуть» этот план или нет — тоже не ясно. Позже Красина подозревали в том, что он вел какие-то интриги с непонятными целями, используя для этого врагов советской власти и англичан.

Существует версия, что чекисты в 1924 году заманили Савинкова в СССР именно под предлогом обсудить дальнейшее сотрудничество с новой властью и предложить ему какую-то важную работу — о чем они и говорили с Красиным. Если так, то встают вопросы — какую роль играл во всей этой операции сам Красин? Использовали ли чекисты его переговоры с Савинковым независимо от наркома внешней торговли? Или он был с самого начала участником этой операции? Вопросы, конечно, риторические — вряд ли мы когда-нибудь получим на них ответы.

А Рейли еще некоторое время продолжал обсуждать с Красиным свою идею «международного консорциума», который бы помог восстановить российскую экономику. «Этот проект в течение долгого времени обсуждался с Красиным, — писал Рейли, — но в конце концов был оставлен; тем не менее именно этот проект был взят почти целиком в основание предполагаемого международного консорциума во время Генуэзской конференции. Я хотел этим добиться мирной интервенции». С этой конференцией Рейли и Савинков, похоже, действительно связывали определенные надежды.

Генуя и Гаага

Интересное совпадение: в декабре 1921 года Красин, Рейли и Савинков встречаются в Лондоне. В январе 1922 года Верховный экономический совет Антанты приглашает РСФСР принять участие в европейской экономической конференции в Генуе. Приглашение было принято. Более того, казалось даже, что в Москве частично пошли на выполнение одного из условий плана Рейли и Савинкова — 6 февраля 1922 года была упразднена ВЧК. Правда, вместо нее тут же было создано Государственное политическое управление (ГПУ, с 15 ноября 1923 года —

Объединенное государственное политическое управление при Совнаркоме СССР). Но формально у чекистов отобрали некоторые полномочия, и функции по «наблюдению за социалистической законностью», ранее выполнявшиеся ВЧК, были возложены на Наркомат юстиции РСФСР, при котором чуть позже учредили Прокуратуру. Создавалось впечатление, что времена «красного террора», с которым связывали ВЧК, остались в прошлом.

Так что и Рейли, и Савинков, и премьер Ллойд Джордж могли действительно надеяться на то, что происходит «мутация» большевиков и что вскоре главными фигурами в Советской России станут такие прагматики-технократы, как Красин.

На конференцию в Генуе советскую делегацию сначала должен был возглавлять Ленин, но в итоге ее главой стал нарком Чичерин. Красин тоже входил в ее состав. Конференция открылась 10 апреля 1922 года. Западные державы в обмен на признание Советской России и оказание ей помощи предъявили Москве совместные требования: компенсировать долги царского и Временного правительств (18 миллиардов рублей золотом); вернуть национализированную большевиками западную собственность на территории бывшей Российской империи; отменить монополию внешней торговли и открыть дорогу иностранным капиталам; прекратить революционную пропаганду в их странах. О политических условиях, которые предлагали Рейли и Савинков, к их разочарованию, речь не заходила.

Советская делегация выдвинула встречные условия: компенсировать ущерб, причиненный иностранной интервенцией в годы Гражданской войны (39 миллиардов рублей); обеспечить широкое экономическое сотрудничество на основе долгосрочных западных кредитов; принять советскую программу всеобщего сокращения вооружений и запрещения наиболее варварских методов ведения войны.

В общем, переговоры зашли в тупик. Но советская сторона добилась неожиданного успеха. 16 апреля 1922 года в городке Рапалло близ Генуи был подписан советско-германский договор, полностью восстановивший дипломатические отношения между обеими странами. Германия и РСФСР взаимно отказались от возмещения военных расходов, военных и невоенных убытков. Предусматривалось также развитие взаимных торговых, хозяйственных и правовых отношений на основе принципа наибольшего благоприятствования. Германия, первой из европейских стран официально признавшая Советскую Россию, тоже была заинтересована в торговле, получении российского сырья и российском рынке для сбыта

своей продукции. Рапалльский договор стал полной неожиданностью для стран Антанты.

Красин в Генуе не находился на первых ролях. Однако его позиция отличалась от позиции других членов делегации — он предлагал все-таки признать часть довоенных долгов России и выплатить бывшим иностранным собственникам предприятий компенсацию в 3–4 миллиарда золотых рублей. Возмущенный этими предложениями Ленин писал из Москвы: «Личное мнение товарища Красина показывает, что его политика неправильна и недопустима». Таким образом, если Красин и участвовал в интриге вместе с Рейли и Савинковым, целью которой были сближение России и Запада и привлечение иностранного капитала в РСФСР, то из нее ничего не вышло.

Из Генуи Красин вернулся в Москву, но вскоре опять уехал на новую конференцию — в Гаагу. Она была посвящена исключительно «русскому вопросу». В Голландии ему не понравилось. «Здесь стоит возмутительная погода: ветер сшибает с ног, на море буря, и само оно имеет вид грязной лужи, страна плоская, дома из бурого кирпича, точно их забыли отштукатурить», — писал он жене. Местные правила его раздражали даже на пляже: «Глупо только то, что голландцы имеют какую-то смешную береговую стражу в виде двух-трех дураков в красных штанах с трубами. Почему-то эти сторожа, в зависимости от прибоя, вдруг начинают неистово махать руками и дудеть в трубы, командуя залезшей в воду публике подаваться то вправо, то влево или даже выходить из воды, и те, как бараны, сгрудившиеся в одно стадо, повинуются этой команде… Кроме того, на берегу тут только сами купающиеся, а остальная публика за особой загородкой сидит на песке радостная, — совершенное идиотство».

О самой конференции Красин тоже был невысокого мнения. «Время здесь идет довольно скучно и непродуктивно, — отмечал он. — Переговоры, да и вся конференция какие-то ненастоящие, и никто не верит, что из них что-либо выйдет или могло бы выйти. Народ сравнительно второразрядный и притом еще без полномочий: могут только рекомендовать те или иные меры своим правительствам, но не решают ничего».

Так и получилось: Гаагская конференция не привела ни к каким результатам. 14 июля представители западных стран заявили, что Россия не получит кредитов. По результатам ее работы Красин сделал вывод, что нет смысла вести переговоры со всей Антантой. «Гаага с математической верностью доказала необходимость сепаратных соглашений с отдельными странами или наиболее влиятельными капиталистическими группами», —

считал он.

По пути из Гааги он на несколько дней задержался в Лондоне, где встречался с Ллойд Джорджем, а затем отправился в Москву.

«Любаша» и «Тамарушка»

Большую часть времени с того момента, как Красин поступил на советскую службу, они с женой и детьми вели раздельную жизнь. Любовь Красина-Миловидова с дочерями (три дочери от Красина — Людмила, Любовь и Екатерина и дочь от предыдущего брака Нина) с лета 1917 года жили за границей — в Норвегии, Швеции, Германии, Англии, Италии. Вероятно, время от времени она интересовалась, нужно ли им приезжать в Москву, и обычно получала отрицательный ответ. Красин писал ей о трудностях и неудобствах советского образа жизни, разрухи, грязи и т. д. «У нас такое идиотское устройство, что сами народные комиссары питаются в Кремле в столовой, семьи же их не могут из этой столовой получать еду…» — к примеру, сообщал он ей, явно сгущая краски.

В Лондоне они жили вместе. Затем Красин уехал в Москву, ездил на конференции в Генуе и Гааге, вел переговоры в других странах — в общем, они снова разделились. Судя по его письмам, его семья за границей не испытывала особых материальных затруднений и свободно передвигалась по Европе. «Вероятно, вам уже надоело в Италии, — писал жене Красин 21 сентября 1922 года, — и так как мой приезд затягивается, я уже не хотел бы вас стеснять в дальнейших планах, и если вы стремитесь в Англию, то поезжайте туда теперь же. Я в этом случае тоже проеду из Берлина в Лондон, а отпуск либо отложу, либо использую его как-либо иначе».

Двое сыновей Любови Миловидовой от предыдущих браков тоже ездили по заграницам, и Красин, когда у него была возможность, «курировал» их. «Андрей пока поселился в Берлине, походит тут по музеям и пр., — сообщал он жене в ноябре 1922 года. — У него мечта поступить в Реймс в школу виноделия, но еще неизвестно, как будет вопрос финансов. Во всяком случае у парня в голове дело, а не ветер, и мальчик этот не пропадет. Хуже стоит дело с Володей. Он болтается тут без всякого дела… Тебе тоже пора понять, что для него праздность, кабаки и среда шиберов [крупных спекулянтов. — *Е. М.*], прощелыг и сутенеров гораздо хуже всякой болезни. Абсолютно несчастная была мысль отправлять его [в] Италию. В Шварцвальде тоже вовсе не лечился и не отдыхал, а выпивал и болтался зря, и никакой физической пользы из лечения не вышло.

Морально же он сильно разложился, и заставить его войти в норму будет очень нелегко…

Ты уж не сердись на меня, Любанаша, но, право, мне жалко В[олодю], и твоими методами материнских забот и жалости ты его только губишь. Он начал было выправляться в советской суровой школе, а теперь все это опять прахом пошло».

То же самое можно сказать и о сестре Красина Софье (в замужестве Лушниковой). Она работала в его наркомате и ездила в загранкомандировки. Красин писал: «Сонечка поехала в Швецию со служебным поручением, но пользуется поездкой и для отпуска… Я думаю привезти ее на несколько дней в Италию, чтобы показать ей ребят и девочкам ихнюю тетку». В Москве жена Красина с одной из дочерей прожила всего лишь несколько месяцев в конце 1923-го — начале 1924 года. Затем они снова уехали за границу.

В биографических публикациях о Красине встречаются несколько объяснений такой странной семейной жизни советского наркома. Разумеется, он прекрасно отдавал себе отчет, что жить жене и детям в куда более благополучной Швеции или Англии гораздо комфортнее, чем в голодной России. Вероятно, он и сам не исключал, что, когда уйдет в отставку (Красин не раз упоминал в письмах, что он устал и ему уже хочется «на покой»), уедет за границу. В то время советскому человеку еще было возможно это сделать, а уж ему-то, с его связями, и подавно.

Встречается также предположение, что жена Красина, в отличие от него, не приняла советскую власть. Но, судя по всему, была и еще одна причина, по которой Красину представлялось удобным пребывание семьи за границей. Довольно интимная. Дело в том, что в 1920 1921 годах у него начался роман с актрисой Тамарой Жуковской (Миклашевской). Познакомились они в Берлине. Несмотря на то что Миклашевская была на 23 года младше наркома, отношения между ними развивались быстро, и уже 17 сентября 1923 года у них родилась дочь. Красин поспособствовал устройству Тамары Миклашевской на службу в Наркомат внешней торговли (то есть в свое прямое подчинение) и не возражал, чтобы она взяла его фамилию. Другими словами, нарком начал жить на две семьи. Любовь Миловидова с дочерями жила в Лондоне, а Тамара Миклашевская обосновалась в Берлине.

Любовь Миловидова-Красина знала о его новом романе. И наверняка между ними происходили какие-то объяснения. А уж когда у него родилась дочь — скрывать его связь с Тамарой Миклашевской вообще не имело никакого смысла. 26 сентября 1923 года, через неделю с небольшим после

ее рождения, Красин писал жене: «Получил твои письма. На многие темы не хочу отвечать, чтобы не вступать в полемику. Но это мне не мешает очень тебя любить, я тебя никогда не разлюблю и всегда буду с тобой жить».

«Пожалуйста, миланчик, не сердись на меня и не думай ничего плохого, — уговаривал он ее 14 ноября, — не поддавайся разным наветам и сплетням, и самое лучшее, если бы ты вообще поставила себя так в отношении осведомителей, чтобы они попросту не смели заговаривать с тобою на определенные темы. Потеряешь от этого немного, ибо 99 % являются чистейшей выдумкой, а остающийся 1 % — искажением, кривотолками и сплетней. Самое лучшее, если о том, что тебя интересует, ты будешь спрашивать прямо меня самого, поверь, узнаешь больше и правильнее».

Ну, или вот еще — из письма от 6 сентября 1924 года: «Милая моя, дорогая Любаша! Я всю дорогу думаю о тебе, мое родное солнышко, и очень нежно тебя люблю. Не придавай значения тому, что случилось, это мне не мешает тебя любить, и мы будем всегда вместе с тобой жить, и все будет хорошо.

Прости меня, пожалуйста, что я тебе причинил столько горя, мне очень тебя жаль, только не требуй от меня плохого отношения к людям, к которым мне не за что плохо относиться. Не слушай наветов со стороны и не старайся находить всему самое худшее объяснение и низкие мотивы, это не так, могу тебя уверить.

Я же буду тебя всегда крепко-крепко любить, и мне просто хочется с тобой быть. Если бы это было иначе, я просто бы от тебя ушел, но этого вовсе нет».

Но в то же время такие же теплые письма он писал и Тамаре Миклашевской. Красин называл ее «красавушка» и «русская белая лебедушка», «милый мой, золотой» и тоже уверял, что смертельно скучает по ней, просил прощения, что пишет не так часто, как ему бы хотелось — слишком много работы и т. д. 20 августа 1923 года он сообщал ей в Берлин, что вскоре, возможно, возьмет отпуск и приедет к ней. «Думаю все-таки ехать, хотя и лететь в сущности было бы неплохо, если бы Тамарушка позволила. Но она мне не позволила и без ее приказа я не полечу», — писал Красин. Очевидно, Тамара опасалась за него, когда он летал на самолете.

Переписка Красина с двумя любимыми женщинами и отношения с ними сохранились у него до самых последних дней жизни. Нужно ли делать из этих фактов его биографии какие-то морально-этические или, тем более, политические выводы? Наверное, нет. В своей личной жизни

человеку бывает разобраться сложнее, чем в вопросах большой политики.

«Небольшое количество ослов и болванов…»

В Москве Красина ждали вопросы, по поводу которых в партии шли горячие дискуссии. Вот, к примеру, вопрос о монополии внешней торговли. Она была введена декретом Совнаркома РСФСР от 22 апреля 1918 года. Но после введения НЭПа некоторые наркоматы и государственные предприятия начали требовать ее смягчения, а то и вообще полной отмены. Противники монополии предлагали заменить ее регулированием и таможенными тарифами. Сторонниками смягчения монополии в руководстве партии были Николай Бухарин, нарком финансов Григорий Сокольников, заместитель председателя Госбанка Георгий Пятаков, заместитель Красина в Наркомате внешней торговли Андрей Лежава. Красин называл их «сторонниками свободной торговли» и резко критиковал.

Он считал, что к отмене монополии советские предприятия не готовы, поскольку они не способны конкурировать с западными на мировом рынке. И если монополия исчезнет, то «вся страна… быстро бы утратила экономическую самостоятельность». Красин называл монополию «крепкой оградой на границе пролетарского государства против экономической интервенции капиталистического мира».

Ленин тоже выступал за монополию, но осенью 1922 года, когда он болел, пленум ЦК по инициативе Зиновьева одобрил резолюцию, предусматривавшую смягчение монополии. Красин возражал — он обратился с жалобой к Ленину. Возражения Красина поддержал и Троцкий. 18 декабря очередной пленум отменил резолюцию и подтвердил необходимость сохранения монополии внешней торговли. XII съезд РКП(б) в апреле 1923 года одобрил это решение.

Казалось бы, это странно. Красин, который представлял собой, если так можно сказать, тип «западника» среди коммунистов, занял по данному вопросу более «левые» позиции, чем даже Зиновьев. Но он всегда придерживался чисто прагматических соображений, основанных на трезвом расчете.

Красин считал, что советская экономика не выстоит без государственной монополии на внешнюю торговлю. Но то же самое, по его мнению, произойдет и без западных кредитов и участия иностранного капитала в ее реконструкции. На XII съезде РКП(б) в апреле 1923 года

Красин предлагал совершить во внешней политике такой же маневр, какой совершили во внутренней, введя НЭП. По его мнению, нужно было отказаться от пропаганды идеи мировой революции. После этого добиться от Запада юридического признания СССР и договориться с ним о займах и кредитах.

В 1925 году Красин писал, что для восстановления промышленности, разрушенной двумя войнами, без помощи заграницы потребуется не менее 25 лет, если же широко использовать иностранный опыт, технологии и финансы — то не более десяти. Он выступал за широкое привлечение западных кредитов и предоставление концессий иностранцам, предлагал создавать крупные тресты по добыче нефти и угля с участием иностранного капитала, соглашаясь на предоставление части акций этих трестов бывшим зарубежным собственникам национализированных предприятий (в виде компенсации) и привлечения иностранных акционеров к управлению трестами.

«Пока мы собственными силами, деньгами и мозгами не в состоянии справиться с восстановлением производства в этих жизненно важных отраслях промышленности, нам не остается ничего иного, как призвать иностранный капитал, хотя бы пришлось ему здорово заплатить за науку», — говорил он.

Красин считал, что России необходим заем в два миллиарда золотых рублей на 20–25 лет под 7–8 процентов годовых. Тогда, по его расчетам, страна могла бы в течение этого срока выплачивать по займу 160 миллионов золотых рублей ежегодно. Это, по его мнению, ей было бы вполне по силам.

Что касается концессий, то Красин предлагал давать их иностранцам на долгое время — на несколько десятилетий. Иначе, считал он, они не успеют получить от них доход и не будут заинтересованы в развитии своего бизнеса в России. Особое место он, кстати, уделял важности восстановления и развития нефтяной промышленности, указывая, что за ней — «энергия будущего». И здесь Красин, как видим, оказался абсолютно прав.

Другие его соображения касались планов ускоренного развития Сибири и Дальнего Востока. Красин был уверен, что это решило бы многие проблемы страны. При нем начались переговоры о предоставлении японцам концессий в области добычи полезных ископаемых, лесозаготовках, сельском хозяйстве и т. д. Но они так и не были закончены.

В целом, позиции Красина в отношении концессий не слишком противоречили тогдашнему советскому курсу — за концессии были все.

Ленин говорил в апреле 1921 года: «Нам не жалко дать иностранному капиталисту и 2000 % прибыли, лишь бы улучшить положение рабочих и крестьян, — и это нужно осуществить во что бы то ни стало».

«В течение десяти лет — от 1918 до 1927 года, — вспоминал бывший меньшевик, а в 20-х годах «красный спец», работник внешней торговли и создатель объединения «Северолес» Семен Либерман (в 1926 году он тоже не вернулся из загранкомандировки в СССР), — вопрос об иностранных «концессиях» в СССР был предметом обсуждения и в Советской России, и в Европе, и в Америке; он возбуждал всеобщее внимание, ему порой отводилось одно из первых мест в деле политической и хозяйственной стабилизации европейского Запада. Концессиям посвящались длинные столбцы в газетах, о них читались доклады и контрдоклады в научных учреждениях, и все государственные деятели того времени, от Ленина до Ллойд Джорджа, делали по поводу них пространные заявления».

Западные бизнесмены предлагали советскому правительству самые необычные проекты концессий. Крупный американский финансист Фрэнк Вандерлип еще в 1920 году привез, например, проект сдачи ему в концессию всей Камчатки. Ленин идею одобрил — тогда на Камчатке находились японцы, и он хотел, чтобы заботу о их вытеснении оттуда взяли на себя американцы. «Если мы Камчатку, которая юридически принадлежит нам, а фактически захвачена Японией, отдадим в концессию Америке, ясно — мы выиграем», — говорил он. А Вандерлип уверял, что эта сделка послужит скорейшему признанию РСФСР США. Но все закончилось ничем. Как вспоминал Либерман, «когда дошло дело до подписи Вандерлипа, выяснилось, что никаких гарантий он дать не может. Вскоре он уехал.

Когда же в европейской и американской печати появились известия о концессиях Вандерлипа, Гардинг, выбранный в президенты, выпустил официальное сообщение, что ему об этом деле ничего неизвестно и что ни он, ни его партия ни в какие сношения с большевиками не входили. Этим, в сущности, и закончилась вандерлиповская эпопея. Больше о нем никто ничего не слыхал».

Но больше всего шума наделало дело вокруг концессии англичанина Лесли Уркварта. Он был не только миллионером, но и крупной политической фигурой в британской Консервативной партии. До революции он владел рудниками и заводами на Урале, Алтае, в Туркестане (Казахстане). Национализация его собственности принесла Уркварту убытков, по его собственным подсчетам, на 56 миллионов фунтов. Но выгоду сотрудничества с Россией он все равно понимал.

Уркварт прекрасно знал эту страну, хорошо говорил по-русски и считал, что понимает психологию русских рабочих и крестьян. Красин начал переговоры с Урквартом в Лондоне в 1921 году. Они даже подружились и вместе с семьями выезжали за город на пикники. Уркварта приглашали в Москву, где он встречался с Лениным. Переговоры продолжались полтора года, и 9 сентября 1922 года в Берлине Красин и Уркварт подписали соглашение, по которому англичанин получал в аренду всю свою бывшую собственность в России сроком на 99 лет. Теперь его должно было ратифицировать правительство в Москве.

Сделка вызвала сенсацию на Западе. Газеты писали, что с большевиками, оказывается, можно вести бизнес по-крупному. О ней одобрительно высказался Ллойд Джордж. А Уркварт в газете «Таймс» призвал британское правительство предоставить России кредит и признать ее де-юре. Красин, однако, был более осторожен и говорил жене, что если соглашение не будет ратифицировано, то он уйдет в отставку. Он уехал в Москву, чтобы, в случае чего, попытаться повлиять на принятие решения. Красин не зря опасался — соглашение вызвало возражения Ленина. Почему по одному из его пунктов правительство должно сразу выплатить Уркварту 1,5 миллиона золотых рублей — в виде компенсации за национализацию его предприятий? А ведь сам он обещает прибыли только через два-три года. Но главное, Ленин опасался, что иностранцы увидят в этом документе прецедент, и требования компенсаций пойдут одно за другим.

В октябре 1922 года Политбюро, ЦК и Совнарком отказались ратифицировать соглашение с Урквартом. Впрочем, это решение объяснили не экономическими, а политическими причинами — в качестве таковых указывалась прежде всего недружелюбная политика Англии по отношению к Советской России, однако если англичане сменят курс, то и Уркварт получит концессию. Но, разумеется, это были только слова. Реальной причиной отказа от концессии стали, скорее всего, уступки в отношении компенсаций капиталистам.

Красин сильно переживал случившееся. 8 октября 1922 года он написал жене: «Все труды, работа, энергия, талант пропали даром, и небольшое количество ослов и болванов разрушило всю мою работу…» Сам он считал, что Ленин выступил против соглашения под влиянием своей тяжелой болезни. Весной 1923 года он еще не терял надежды, что ситуация изменится в лучшую сторону. «Очевидно, — писал он жене 4 марта, — у большинства внутреннее сознание, что их октябрьская позиция была ошибкой, даже просто глупостью, это сказывается во множестве

мелких фактов… Надо завтра же готовиться к новому напору и новой борьбе». Уркварт тоже был готов идти на уступки, да и Ленин высказывался в том смысле, что надо с ним договориться. Однако болезнь, а затем и смерть «вождя» поставила на этих планах крест.

«Если сравнить всю эту шумиху [вокруг концессий] с практическими результатами — картина получается странная, — писал Семен Либерман. — Вот уж подлинно: гора родила мышь. За период с 1921 по 1928 год советская власть получила 2400 концессионных предложений, заключено же было всего 178 договоров, считая в том числе 3 договора о технической помощи. На 1 октября 1928 года в России сохранилось лишь 68 концессионных предприятий…»

Жена Красина утверждала, что муж действительно написал заявление об отставке, но Ленин ее не принял. Так это или нет, но Красин оставался в обойме «красных вождей» до конца жизни.

«Красные шарики»

В мае 1925 года в одном из своих докладов он отмечал, что уже с момента отказа ратифицировать соглашение с Урквартом правительство начало проводить политику почти полного отказа от каких-либо концессий, которая привела к объединению всего капиталистического фронта против СССР. В результате, писал он, создалось широко распространенное в Европе убеждение, «что с Советами никаких практических выгодных для капитала договоров заключить нельзя и что все разговоры о концессиях сплошная словесная пропаганда». Когда Красин умер, а случилось это в Лондоне, на его гроб положили венок с надписью: «От Лесли Уркварта, горнодобытчика».

Пятого июля 1923 года Красина официально освободили от должности торгпреда в Лондоне. На это решение повлияли, вероятно, как его разногласия *с* другими руководителями страны, так и осложнения в отношениях с Англией. Красин сосредоточился на работе в наркомате. «Конечно, налицо большой экономический и хозяйственный кризис, ошибки финансовой и внешней политики дают себя знать, — писал он жене 23 ноября 1923 года. — А воз, тем не менее, тихо, вперевалку, то застревая в канаве, то вновь вылезая на ухабистую дорогу, все же кое-как движется вперед и вперед, ибо история — за нас, даже несмотря на все наши ошибки. В общем, полагаю, мы понемногу идем все-таки на улучшение и так как до весны едва ли что крупное может произойти в Евр[опе] и на наших границах, то, я думаю, всю зиму проживем спокойно».

Однако прожить спокойно зиму не получилось — 21 января 1924 года умер Ленин. Красин всегда уважал Ленина. Несмотря на все острые споры и разногласия между ними. «И горе и скорбь невыразимая, но и сознание чего-то великого, точно крыло истории тогда коснулось нас в эти жуткие и великие дни, — писал он вскоре после похорон Ленина, описывая многотысячные очереди к Дому союзов, в котором был выставлен гроб *с его* телом и настоящее паломничество людей к нему. — …Да, умел В. И. жить, умел он и умереть».

Красин в числе других партийных руководителей сопровождал гроб с телом Ленина из подмосковных Горок в столицу и участвовал в церемонии похорон на Красной площади. В целом он не слишком был заметен в эти исторические дни. Главными действующими лицами стали «наследники Ильича» — вожди покрупнее Красина — Иосиф Сталин, Григорий

Зиновьев, Лев Каменев, Николай Бухарин… Его роль в создании культа Ленина была не столь явной, но не менее важной.

Гроб с телом Ленина решили установить в «склепе» у Кремлевской стены и «открыть к нему доступ трудящихся». Но уже в первые дни после его смерти в Политбюро и ЦК начались обсуждения — можно ли сохранить тело Ленина надолго, на века? Иногда встречаются предположения, что первым предложил это сделать именно Красин, но точно утверждать это нельзя. Ведь, например, и председатель Комиссии по организации похорон Ленина Феликс Дзержинский еще 23 января говорил на заседании Политбюро: «Если наука может действительно сохранить его тело на долгие годы, то почему бы это не сделать. Царей бальзамировали, потому что они цари. Мы это сделаем, потому что он был великий человек, подобных ему нет».

Несмотря на возражения Крупской, Троцкого, Бухарина, тело Ленина решили «сохранить». Но как именно это сделать? Правительственная комиссия по увековечению памяти Ленина (в нее преобразовали Комиссию по организации похорон) во главе с тем же Дзержинским поручила Красину организовать усовершенствование склепа. «Дела у меня по горло, теперь еще вот попал, как я говорю, в бюро похоронных процессий: в комиссию по похоронам Вл. Ильича…» — писал он Тамаре Миклашевской.

В начале февраля 1924 года Красин выступил со статьями «О памятниках Владимиру Ильичу» и «Архитектурное увековечение Ленина», в которых описал, как, по его мнению, должен был бы выглядеть мавзолей Ленина, который будет стоять «целую вечность», а «по своему значению для человечества превзойдет Мекку и Иерусалим».

Красин предупреждал, что мавзолей должен органично сочетаться с Красной площадью. «Даже прекрасное само по себе архитектурное сооружение, будучи помещено на такой исторической площади, как Красная площадь, будет казаться чем-то чужим, как будто случайно сюда занесен-ним, — писал он. — …Всякий большой наземный памятник повредит вполне законченной архитектурной видимости площади». По его мнению, мавзолей не должен быть высоким. «Красная площадь, — отмечал он, — сама по себе является архитектурным памятником, вполне законченным и сложившимся, и в высшей степени трудно, если не невозможно поставить на Красной площади какое бы то ни было высокое сооружение, которое гармонировало бы со всем окружающим, с этой Кремлевской стеной, с ее башнями, церквами и куполами, видными из-за Кремлевской стены, Спасскими воротами, церковью Василия Блаженного и зданиями, окружающими площадь…»

Мавзолей, по мнению Красина, необходимо сооружать из камня, который выдержит холодный климат, и для этого не подойдет мрамор, а, скорее, «красный или серый гранит». «Что касается надписей на гробнице, то… пожалуй, наилучшим решением будет здесь та жуткая по своей простоте надпись… просто: ЛЕНИН». Другими словами, Красин фактически описал вид мавзолея, который до сих пор стоит на Красной площади. Сооружение гранитного мавзолея началось летом 1929 года, когда его уже не было в живых, а закончилось в октябре 1930-го…

Между тем время шло, а способ сохранения тела вождя никак не могли выбрать. Еще 28 января Красин предложил сохранить тело Ленина с помощью «глубокого замораживания». 7 февраля было принято решение закупить необходимое оборудование в Германии и приступить к разработке проекта и сооружению конструкции для осуществления этой идеи. Партийное руководство тоже одобрило план Красина. Однако против него неожиданно выступили известные ученые — биохимик Борис Збарский, харьковский анатом Владимир Воробьев и другие, которые доказывали, что заморозка не остановит разложения тела. Они предложили другой вариант — бальзамирование.

В дискуссиях на эту тему прошли весь февраль и большая часть марта. С одной стороны, в Сенатской башне Кремля и в самом мавзолее уже устанавливали закупленное за границей оборудование для замораживания, с другой — наступала весна, и состояние тела Ленина ухудшалось очень быстро. Дело еще осложнялось тем, что Воробьев совсем не был в восторге от идеи участвовать в бальзамировании вождя. Вдруг не получится, тогда кто будет отвечать?

Положение спас Борис Збарский, который встретился с Дзержинским и заявил ему, что он и Воробьев готовы спасти тело, если им будут обеспечены все условия для работы. Дзержинский поддержал его предложение. В результате всей этой интриги рассерженный Красин тоже принял Збарского, а потом был вынужден поехать в Харьков, чтобы познакомиться с работой Воробьева. Времени уже катастрофически не хватало, поэтому он предложил Воробьеву немедленно приступить к работе по бальзамированию тела Ленина. Он же вручил ему письмо Дзержинского, в котором Воробьеву гарантировались все необходимые условия для работы. 26 марта Воробьев, Збарский и другие ученые и медики приступили к работе. Общее наблюдение над ней от имени правительства поручили Красину. Ровно через четыре месяца комиссия Дзержинского приняла работу и отметила, что Ленин выглядит теперь почти так же, как и в день смерти. «Это блестящий результат работ,

проведенных под руководством профессора В. П. Воробьева», — отметила она.

Таким образом, план Красина по «глубокому замораживанию» тела Ленина не был осуществлен, хотя подготовка к этому шла уже полным ходом. Вряд ли самому Красину эта неудача доставила большое удовольствие, но в результате он сумел признать правоту Воробьева и Збарского.

Существует еще легенда, что Красин надеялся, что когда-нибудь в будущем наука достигнет таких успехов, что сможет оживлять умерших, и одним из первых нужно будет, разумеется, оживить Ильича. Однако надежных документальных свидетельств того, что он действительно высказывал подобные мысли, нет, да и на него это не очень похоже — Красин был слишком «технократическим» и прагматическим человеком, чтобы рассматривать всерьез подобные фантастические проекты, хотя бы и на основе будущих научных достижений. Его гораздо больше привлекали дела настоящего времени.

«Коба органически не выносит отца»

На выборах 21 января 1924 года в Англии (они проходили как раз в день смерти Ленина) консерваторы потерпели поражение. Впервые в истории страны победу одержали лейбористы («социал-реформисты и оппортунисты», по тогдашней официальной советской терминологии). Новый кабинет министров возглавил один из лидеров Лейбористской партии Джеймс Рамсей Макдональд. И одним из первых внешнеполитических шагов его правительства стало признание СССР де-юре. Это произошло 1 февраля. 7 февраля СССР признала Италия (там у власти уже находилось фашистское правительство Бенито Муссолини), 28 октября — Франция. Французское правительство сообщило в Москву, что хотело бы видеть советским полпредом в Париже Леонида Красина. Вскоре он прибыл во Францию.

Знавшие Красина люди потом часто говорили, что это назначение было похоже на ссылку. Не без этого. В это время многие видные большевики вдруг уехали на дипломатическую работу. У каждого из них имелись какие-то разногласия с тем партийно-советским руководством, которое пришло к власти после смерти Ленина.

Красин еще в октябре 1923 года писал Миловидовой: «Любаша, [ты] пишешь насчет больших неприятностей и т. п. Кто это тебе все набрехал?

Напротив, несмотря на жестокие атаки НЭПа на монополию внешней торговли, настроение в отношении меня сугубо благожелательное и благоприятное… Всякие беспокойства в связи с россказнями разных кумушек надо оставить. Я со времен [Владимира] Ильича не чувствовал себя в такой степени господином положения в своей сфере работы, как сегодня». Действительно: на XIII съезде партии, проходившем в мае 1924 года, его впервые после революции избрали даже членом ЦК. Но это только на первый взгляд.

Несмотря на споры с Лениным, именно хорошие отношения с ним были главным «козырем» Красина в различных аппаратных интригах. После смерти Ильича его позиции существенно ослабли. «В советских кругах, — вспоминал Семен Либерман, — все чаще говорили, что Наркомвнешторг — «лавочка Красина», которая при национализации промышленности и в условиях НЭП’а вообще не нужна… Потом стали открыто заявлять, что Внешторг — паразитическое учреждение, живущее за счет других хозяйственных организаций страны, и что его поэтому следует упразднить. Кампания была направлена также лично против Красина. Ему не только ставилось в вину многое в его политической и хозяйственной деятельности, но подвергалась критике и его частная жизнь за границей. Его дети подрастали, получая европейское образование «буржуазного характера», жили в состоятельной английской среде; его дочери мечтали о «хороших партиях». Кругом сплетничали о личной жизни Красина, о его слабости к прекрасному полу. Через этих близких к нему лиц в его среду подчас проникали не совсем чистоплотные, рваческие элементы, с откровенной надеждой нажиться на связях с советским послом. Красин все это отлично понимал, но объяснял свое поведение следующим образом. — Из-за того, что какой-либо спекулянт наживется на том или ином деле, — говорил он, — Советская Россия не погибнет; наоборот, она будет иметь к своим услугам тех специалистов, которых этим путем удастся купить».

Тот же Либерман утверждал, что когда в конце 1923 года в Красину в Москву приезжали жена со старшей дочерью, у них состоялся такой разговор: «Его дочь немедленно спросила меня: Как вы думаете, выпустят нас за границу или нет? Я выразил изумление по поводу этого вопроса, но она вполголоса прибавила: — Авель [Енукидзе] говорит, что Коба [Сталин] органически не выносит отца, а фактически Коба сейчас хозяин положения».

Авель Енукидзе, устраивавший встречи Ленина и Красина весной 1917 года на пороховом заводе, оставался, по словам Либермана, «единственной

опорой Красина» — он тогда пользовался большим расположением Сталина. Енукидзе очень советовал Красину не спешить с отъездом за границу и не поддерживать дружбы с Троцким, «с которым Красин несколько сошелся в этот свой приезд, в частности ввиду общности их взглядов на внешнюю торговлю».

Впрочем, их отношения с Троцким оставались сложными. 6 октября 1925 года Красин возмущался в письме жене: «Даже Троцкий, бывший резким сторонником монополии] вн[ешней] торговли], получивший на *ее* защиту мандат от Ленина, путается сейчас самым невозможным и позорным образом и лишний раз подтверждает для меня лично давно очевидную неспособность свою разбираться как следует в хозяйственных вопросах, не говорю уже о всякой публике помельче». Сам же Троцкий писал о нем: «Красин на всех заседаниях и по всякому поводу умел сказать свое особое, красинское слово… Как человек, Красин был обаятелен. Он до конца жизни сохранил юношескую гибкость и стройность фигуры. Лицо, красивое настоящей красотой, светилось умом и энергией… Вообще, все, что он делал, он делал хорошо».

Нельзя, конечно, сказать, что отношения Красина с новым советским руководством летом и осенью 1924 года были слишком острыми. Однако трения время от времени возникали. Красин, например, не одобрил «чистку» партийной организации в его наркомате — тогда из партии исключили 62 человека. Он направил в Политбюро записку, в которой отмечал ее «крайнюю торопливость, схематичность и огульность». В результате такой «проверки» «поднимают голову элементы шкурничества, наушники, лентяи и неудачники… получившие теперь надежду выдвинуться вперед за счет доносов, сведения счетов с другими…» — писал он.

Однако Политбюро признало его письмо «ошибочным», а «чистку» — правильной. Сталин выразил свое отношение к Красину в письме немецкому коммунисту «тов. М-ерту». «У нас в России, — писал он, — процесс отмирания целого ряда старых руководителей из литераторов и старых «вождей» тоже имел место. Он обострялся в периоды революционных кризисов, он замедлялся в периоды накопления сил, но он имел место всегда. Луначарские, Покровские, Рожковы, Гольденберги, Богдановы, Красины и т. д. — таковы первые пришедшие мне на память образчики бывших вождей-большевиков, отошедших потом на второстепенные роли». Конечно, не следует считать, что «первые пришедшие на память» Сталину имена он упомянул случайно.

Красин ехал во Францию не очень охотно, хотя на своем посту делал

все возможное для сближения двух стран. Федор Шаляпин, с которым они виделись во Франции, писал Горькому: «Летом [1925 года. — *Е. М.*], живя в Нормандии на берегу моря, я несколько раз встречался с Л. Б. Красиным. Конечно, вспоминали о тебе и пили за твое здоровье. Красин… сколь я заметил, сильно работает на сближение СССР и Франции».

Разумеется, далеко не все русские эмигранты так относились к советскому полпреду. Известно о двух попытках подготовки покушений на его жизнь — в декабре 1924-го и апреле 1925 года. Причем в первом случае полиция арестовала женщину с револьвером прямо у здания советского полпредства.

Официально Красин оставался полпредом СССР в Париже до октября 1925 года. За это время он несколько раз ездил в Москву, и когда во Францию прибыл из Лондона его «преемник» Христиан Раковский, он тоже находился в советской столице. 23 октября он сообщал жене: «У нас тут на вчерашнем четверговом заседании[27] наши «ребята», не говоря худого слова и вообще даже почти ничего не говоря для мотивировки этого решения, порешили меня перевести в Лондон, а Раковского в Париж. Таким образом, нам еще раз суждено сделаться англичанами и еще раз переезжать канал [пролив Ла-Манш. — *Е. М.*] с имуществом — уже в обратном направлении…

С одной стороны, несколько жаль Фр[анцию] из-за климата, главным образом, и из-за здоровья маманички [Л. Миловидовой-Красиной. — *Е. М.*], а с другой — мне так опротивели французы и так бесплодно и глупо было это годичное сиденье в Париже, что я, по правде сказать, не без удовольствия распрощаюсь со всеми этими господами]. Конечно, и в Лондоне не на розах придется возлежать, но как будто там все же больше похоже на дело. А и еще общее, я все более теряю вкус к дипломатической работе, и она меня влечет к себе все меньше и меньше».

Несмотря на новое назначение, он еще почти год не появлялся в Лондоне. В Москве планировалась большая реорганизация — наркоматы внешней и внутренней торговли должны были слиты в единый Наркомат внешней и внутренней торговли. Красин объединение поддерживал, считая, что оно улучшит согласованность и планирование внутренней и внешней торговли. Хотя получилось наоборот — громадный аппарат нового «супернаркомата» работал медленно, «со скрипом».

При реорганизации, которая состоялась в ноябре 1925 года, Красин лишился поста наркома и стал заместителем наркома по внешней торговле. А главой наркомата стал Александр Цюрупа. Впрочем, ненадолго — в январе 1926 года на его место назначили опального оппозиционера Льва

Каменева. На XIV съезде партии в декабре 1925 года «новая оппозиция» во главе с Зиновьевым и Каменевым потерпела поражение, и ее лидеров сняли с занимаемых высоких постов и перевели на менее важные посты.

Поездку в Лондон задерживали не только московские дела, но и проблемы со здоровьем.

«Чувствуешь себя каким-то вампиром»

Красин уже несколько лет чувствовал, что болен. В его письмах с начала 20-х годов он часто дает описания своего самочувствия и рассказывает о визитах к врачам. Судя по всему, доктора сначала не могли точно установить диагноз его болезни. В ноябре 1922 года Красин, например, писал, что его, после обследования в Берлине, на неделю положили в санаторий. Он предполагал, что «эскулапы… вероятно, обдерут [меня] как липку, хотя я еще не сказал настоящего своего имени».

Обследование же в санатории показало некоторое расширение сердца и аорты, и местный профессор заявил, что это, возможно, последствия скрытой формы сифилиса. Пришлось Красину проверяться и на этот счет, хотя он и сильно возмущался. Дело закончилось тем, что причины патологии объяснили перенесенной им малярией и прописали пить йод, мышьяк и вести правильный образ жизни. «Словом, вся эта медицинская гора родила мышь… и первый знаменитый профессор оказался если не шарлатаном (хотя обобрал меня, с санаторием, изрядно), то во всяком случае спецом с предвзятыми идеями, склонным из пациента делать «опытного кролика», — писал Красин.

Со временем, однако, самочувствие не улучшалось. Случались приступы резкой слабости, головокружения, тошноты. Красин считал, что все дело в возрасте, усталости и слишком загруженном работой графике. Но к концу 1925 года он иногда даже не находил в себе сил сидеть на совещаниях в объединенном Наркомате внешней и внутренней торговли. Он ложился на кушетку и в таком положении делал доклады или выступал в прениях. Часто принимал сотрудников и посетителей прямо дома.

В ноябре 1925 года его положили в Кремлевскую больницу. Как писал Красин жене, попал он туда из-за отравления — «съел в Кремле кусочек языка, не очень, видимо, свежего». Ничего, по его словам, врачи у него не нашли: «Единственное — это малокровие и недостаток гемоглобина и красных шариков. Это, очевидно, результат того, что я почти не бываю на воздухе и солнце, и вывод отсюда, конечно, — необходимость перемены

режима, поближе к природе».

Ему поставили диагноз «хроническая анемия». Красин, однако, заметил, что «лечиться здесь я ведь все равно не буду (особенно после того, когда на Фрунзе наши эскулапы так блестяще демонстрировали свое головотяпство)». Любопытное замечание, особенно если учесть, что вокруг смерти наркома по военным и морским делам Михаила Фрунзе, умершего 31 октября 1925 года после операции язвы желудка, ходили странные слухи — якобы на операции настаивал Сталин, который хотел таким образом убрать своего потенциального конкурента в борьбе за власть…

«Я немедленно поехал в больницу, — вспоминал Семен Либерман. — Меня ввели в маленькую комнату, и я увидел перед собой обреченного человека. Красин сильно похудел, лицо его заострилось. Он попытался шутить, но в шутке его было много горечи, и видно было, что не по своей воле он находится в этой больнице; он предпочел бы европейских врачей и близость к своей семье, оставшейся за границей. Впервые я увидел, как его постоянная жизнерадостная улыбка уступила место озлобленному сарказму, желчной насмешке — над другими, над самим собой, над московской властью и над тем буржуазным миром, который окружал его за границей и в котором он себя чувствовал, как рыба в воде».

Выйдя из больницы, Красин встретился со своим старым другом Александром Богдановым, который тогда как раз проводил опыты по омоложению организма и лечению с помощью переливаний крови. Богданов согласился сделать переливание крови и ему и, как писал Красин жене, «сейчас мы ищем, как я говорю, «поросенка» [донора. — *Е. М.*]… Сама операция проще, чем вспрыскивание дифтеритной сыворотки, и уже на другой день люди идут на работу. Если успею скорее кончить с Цюрупой[28] и Наркомторгом, то уеду в Париж, не ожидая переливания, если же скоро найдем «поросенка», перелью и буду вам телеграфировать».

Но по каким-то причинам операция не состоялась, и Красин в январе 1926-го уехал на лечение в Германию, а потом во Францию. Судя по всему, в это время он снова не исключал для себя отставки и дальнейшей «приватной жизни» за границей. «На случай, — писал он жене, — если бы в официальном моем положении произошла перемена (в Лондоне), я постарался бы, конечно, минимум до лета оставить вас там, а после либо перейти на более приватное положение и жить в Англии же, или переселиться куда-либо, где дети смогли бы учиться, например, в Швейцарию или во Францию, и где жизнь не столь дорога».

Во Франции (как, кстати, и раньше в Москве) ему прописали переливания крови два раза в неделю. Его донорами стали дочери —

Людмила, Екатерина и Любовь. «Чувствуешь себя каким-то вампиром», — жаловался он.

Ему становилось то лучше, то опять хуже. Он сам пытался анализировать свое самочувствие и даже изучал свою кровь под микроскопом, подсчитывая число белых и красных кровяных телец. «Глупо себя успокаивать, когда я знаю и вижу, как идет дело, — отмечал он в письме Тамаре Миклашевской 21 июля 1926 года. — Положение было трудное и опасное. Сейчас улучшение большое, идет только очень медленно. Выбраться из совсем плохого я выберусь, но в каком виде и с какими силами, никто этого не знает… Выздороветь — это мое главное сейчас стремление и даже что-то вроде занятия».

Данные своих анализов он отсылал Тамаре Миклашевской и просил ознакомить с ними Богданова. Он надеялся, что Богданов, как врач и человек, всерьез занявшийся проблемой переливания крови, сможет что-то посоветовать.

Несколько месяцев Красину делали переливания и инъекции хинина. Но улучшения не было. Осенью 1926 года он все же решил ехать в Лондон. 28 сентября Красин прибыл в столицу Великобритании. 1 октября он дал интервью местным журналистам, 11 октября нанес визит министру иностранных дел Остину Чемберлену, 15 октября — управляющему Банком Англии Монтегю Норману. Красин убеждал англичан делать инвестиции в советскую экономику, потому что это будет выгодно и для британского бизнеса.

С середины октября он жаловался в письмах Тамаре Миклашевской, что ему стало гораздо хуже и что он с трудом может писать и «перо вываливается из рук». Но 4 ноября все-таки дописал статью для «Известий», посвященную девятилетию революции. «Наша бедная и некультурная страна быстро идет по пути превращения в богатую и культурную страну», — писал он.

Шестого ноября Красин полностью перешел на постельный режим. «В ноябре 1926 года я получил в Париже телеграмму от жены Красина с просьбой немедленно приехать в Лондон, — писал в мемуарах Семен Либерман. — Я тотчас же исполнил эту просьбу. Когда я вошел к Красину, он уже фактически был при смерти, но все же узнал меня. Я не могу забыть его слов, которые, быть может, были бредом умирающего, а быть может, имели для него очень глубокий смысл: — Весь мир — маленькие коробочки, а люди — спички. Каждый живет своими маленькими мыслями в своем маленьком мирке. Как я жалею всех их! Все борются, грызутся, а на самом деле это только игра для самозабвенья. Пора уходить! На лице его

лежала уже печать смерти, и все еще блуждала какая-то улыбка».

Он умер 24 ноября 1926 года. Официальная причина смерти — сердечная недостаточность и кровоизлияния, ставшие следствием хронической анемии. Существует, впрочем, и другая версия причины его смерти — лейкемия, или белокровие. Ее придерживалась, в частности, одна из дочерей Красина.

Двадцать седьмого ноября его тело кремировали в пригороде Лондона. Газеты подсчитали, что до крематория гроб провожали около шести тысяч человек. Затем урну повезли в Москву. В Берлине, Варшаве, Минске прошли траурные митинги. 1 декабря специальный поезд из двух вагонов с портретом Красина на паровозе прибыл в Москву. Урну торжественно провезли до Красной площади и в 15.00 под грохот артиллерийского салюта и звуки «Интернационала» замуровали ее в Кремлевской стене.

Смерть в Лондоне поставила точку в метаморфозах, происходивших с «красным лордом» почти на протяжении всей его жизни. «С Красиным ушел очень крупный и интересный человек, — писал Семен Либерман. — У меня часто спрашивали мое мнение о Красине. Я всегда отвечал, что с обычной, обывательской точки зрения Красина можно было назвать личностью «аморальной», ибо он не признавал общепринятого отчетливого разграничения между понятиями добра и зла… Несмотря на свой скептицизм и даже цинизм опытного делового человека, Красин был несомненным патриотом. Он искренно любил Россию, всегда был готов служить ей и содействовать ее подъему и процветанию… что уживалось в его душе наряду с отрицательным отношением ко всякого рода звонким фразам и ходячим лозунгам».

В одном из писем летом 1924 года Красин писал: «Длительное пребывание в Москве способствовало у меня нарастанию еще более толстой кожи, чем раньше, и еще более повысило философский способ взирать на вещи… Лет через 40–45, несомненно, все придет в полный и отличный порядок, ну а до тех пор надо упорно бороться каждому за свою линию и не удивляться никаким оборотам и пертурбациям. С такой философией еще можно жить». Вот он и жил.

КАМО

ЧЕРНОРАБОЧИЙ РЕВОЛЮЦИИ

В конце 1905 года в московской квартире Максима Горького — на углу Моховой и Воздвиженки — собирали бомбы и хранили оружие. Она была настоящим штабом боевиков большевистской партии, а отряд из двенадцати молодых грузин в возрасте 18–22 лет ее охранял. Грузины фактически жили у писателя, и по вечерам, расположившись на полу, рассказывали о различных событиях и приключениях, которые им пришлось пережить.

Именно тогда Горький узнал о человеке, истории о котором, по его словам, «были настолько удивительны и легендарны, что даже в те героические дни с трудом верилось, чтобы человек был способен совмещать в себе так много почти сказочной смелости с неизменной удачей в работе и необыкновенную находчивость с детской простотой души». Потом он еще не раз слышал о нем, но лично познакомился только в 1920 году, в той же московской квартире. Этот человек был одет уже в форму командира Красной армии и готовился поступать в Военную академию РККА.

Горький стал уговаривать его написать воспоминания, «убеждал, что они были бы крайне полезны для молодежи, не знакомой с технической работой. Он долго не соглашался, отрицательно встряхивал курчавой головой.

— Не могу. Не умею. Какой я писатель — некультурный человек?».

Но Горький все же его уговорил. Он начал писать, хотя и «не очень грамотно, суховато и явно стараясь говорить больше о товарищах, меньше о себе. Когда я указал ему на это, он рассердился:

— Что, мне молиться на себя нужно? Я не поп».

Через много лет появится версия, что из-за этих-то воспоминаний его и убили. Ну… если, конечно, убили…

Для Горького Симон Аршакович Тер-Петросян, вошедший в историю под псевдонимом Камо, был «один из тех революционеров, для которых будущее — реальнее настоящего». И, наверное, «великий пролетарский

писатель» в этом был прав. Еще он называл Камо «художником революции», а с этим вряд ли можно согласиться. Сам Камо признавался: «Трудно было нам, практикам, вникнуть в пролетарскую философию». Но и «практик» здесь не совсем точное определение. Человек действия и необычайного мужества, бесстрашный боевик, «экспроприатор», а если посмотреть под другим углом зрения, то — разбойник, грабитель, уголовник и террорист, Камо был скорее «чернорабочим революции».

Ему было не только трудно вникать в «пролетарскую философию», но и вообще постигать элементарные науки вроде арифметики. Но без таких людей ни Ленин, ни Сталин, ни другие видные большевики, «стратеги революции», к власти никогда бы не пришли.

К 1917 году за спиной у 35-летнего Камо было уже шесть арестов, несколько побегов из тюрем, симулирование сумасшествия, пытки, пять ранений, смертный приговор, осуждение на 20 лет каторги, расстроенное здоровье. Впереди — новые «подвиги», скорая и загадочная гибель.

Камо дорого заплатил за свое амплуа «боевика» (ну, или «разбойника-террориста», кому как нравится), но никогда не жалел об этом. Потому что идея Революции представляла для него куда как большую ценность, чем огромные деньги, которые проходили через его руки, или даже его собственная жизнь. Да и жизни других тоже.

«Камо, слуши…»

В той самой автобиографии, которую он начал писать под нажимом Горького, Камо отметил, что родился он 15 мая 1882 года. В его метрике, однако, стоит другая дата — 6 мая. Впрочем, это, наверное, не столь важно.

Симон Тер-Петросян появился на свет в грузинском городе Гори. «На всем городе лежит колорит какой-то обособленности и дикой оригинальности», — отмечал тот же Горький, побывавший здесь в 1896 году. Тогда он написал серию статей под названием «Разбойники на Кавказе», которые были напечатаны в газете «Нижегородский листок».

Горький как в воду глядел — и в отношении разбойников, и в отношении «дикой оригинальности» Гори. Этот город к концу XIX века уже навсегда вписал себя в историю России, хотя тогда об этом еще никто не знал. На четыре года раньше нашего героя здесь же, в семье сапожника, родился Сосо Джугашвили — будущий товарищ Сталин. В начале XX века он, на правах старшего товарища, будет выводить молодого Камо в «революционный свет».

В отличие от полунищего сапожника — отца «великого вождя народов», родитель Симона Аршак Тер-Петросян был вполне уважаемым в Гори человеком. Он занимался торговлей и поставками мяса. Его жена Маро была вдвое моложе его. У них родилось 12 детей, но выжили только пять — Симон и четыре его сестры. Отец считал его «никуда не годным мальчишкой» и «шалопаем», периодически «давал ремня» и вообще «тиранил» всю семью, в том числе и жену. Симон не оставался в долгу — то запрет отца в погребе, то стащит еду, то однажды вроде бы бросился на отца с топором в руках, защищая мать.

Так это все было или нет — сказать сейчас сложно. Сам Камо вспоминал, что тогда он действительно не отличался примерным поведением — его любимыми занятиями были «игра в разбойники» и кулачные бои, из-за чего даже его нос изменил форму — «раньше он был тонким, а потом, после многих катастроф, сделался широким». Симон «водился» с детьми бедноты и шатался с ними по улицам. Вряд ли такое времяпрепровождение обрадовало бы даже самого доброго родителя. Но, с другой стороны, уже с семи лет он начал заниматься с учительницей русским языком. Были идеи даже отправить его учиться в Москву, но мать не захотела расставаться с любимым сыном. В итоге в том же 1889 году Симона отдали в Горийское армянское училище.

В училище он тоже не блистал примерным поведением. То рясу священнику чернилами обольет, то вопрос «богопротивный» на уроке задаст: «Как Христос попал с неба на землю? По лестнице или по веревке?» Сам Камо, впрочем, писал в автобиографии, что был «очень религиозным мальчиком и пел в церковном хоре».

Судя по всему, в эти годы он представлял собой тип этакого «талантливого разгильдяя», способного уличного парня. Такие были всегда — в школу не ходят, но мечтают о подвигах. Хулиганят, но запоем читают книги. Вот и Камо писал, что в училище он почти забыл русский язык, но зато «увлекался рассказами об Александре Македонском, Цезаре, Камбизе, Дарии, Наполеоне, лет восьми-девяти зачитывался Майн Ридом» и очень любил историю Греции. Еще любил войсковые парады и мечтал о путешествиях — хотелось увидеть Париж, Рим, Константинополь… В общем — обычное дело. В 70-е годы XX века у мальчишек его возраста были примерно такие же мечты и увлечения.

Училище Симон не закончил. В 1898 году его оттуда выгнали за «дурное поведение». В 1901 году после тяжелой болезни умерла его мать. «Это было для меня большое горе, я ее очень любил, — вспоминал он. — Все, что мы имели, мы потратили на ее лечение. Нам не на что было купить ей гроб». В Гори он решил не оставаться и вскоре переехал в Тифлис, к тетке. Тетка хотела, чтобы он поступил в духовную семинарию. Ее муж советовал ему выучиться на счетовода. У самого же Симона имелись другие планы — стать военным и отправиться в Турцию освобождать армян. «В это время я был определенным националистом», — признавался он.

Но в любом случае сначала предстояло учиться. Тетка нашла для него «репетиторов» из Тифлисской семинарии — Гию и Сосо. Этого самого Сосо — Иосифа — Симон знал и раньше — в Гори их семьи жили не так уж далеко друг от друга.

«К экзамену меня готовил Сталин»

Гия Годзиев и Сосо Джугашвили начали заниматься с девятнадцатилетним Симоном. Согласно каноническим версиям, озвученным уже после смерти Камо и во время начала возвышения Сталина, ученик признался репетиторам в том, что хочет стать военным, а те его всячески от этого отговаривали. И уже тогда, когда появились эти воспоминания (в 1925 году), подчеркивалась роль «тов. Сталина» в

воспитании и направлении на путь истинный молодого Камо. Годзиев, например, вспоминал: «Мы занимались по русскому языку и арифметике. У меня часто бывали товарищи, в том числе и тов. Сталин, которые говорили о социализме, о революции, о свержении царизма и т. д. Камо жадно прислушивался к этим разговорам…»

«К экзамену [для поступления в юнкерское училище. — *Е. М.}* меня готовил Сталин, — писал и сам Камо. — Он мне во время занятий раз сказал: «Самое большое из тебя выйдет офицер; лучше пока оставь эту подготовку, займись другой работой, а пока побольше читай». Он мне давал литературу. Помню, мне очень понравились углекопы Золя[29], особенно Жан».

По одной из версий, именно будущий «тов. Сталин» придумал ему кличку «Камо» — потому, что Симон никак не мог правильно выговорить по-русски слово «кому». И как-то раз насмешил всю компанию, спросив «Камо, слуши, камо?» вместо «Кому, слушай, кому?». Правда, он сам, на допросе в полиции в 1909 году, объяснял происхождение своего псевдонима немного по-другому: «Еще тогда, когда я учился в горийском училище, меня товарищи в насмешку называли «Каму» за то, что я неудачно отвечал один раз по-русски, на вопрос учителя вместо «чему» я сказал «каму». То есть вроде бы остроумие тов. Сталина здесь и ни при чем.

Камо постепенно включался в работу, которую вел в Тифлисе кружок социал-демократов. В 1901 году он вступил в Российскую социал-демократическую рабочую партию (РСДРП). Участвовал в подготовке рабочей демонстрации 22 апреля — в ней участвовало около трех тысяч человек, распространял листовки, тайно переносил шрифты и оборудование типографии из одного места в другое и т. д. При этом проявлял мальчишескую изобретательность и дерзость. Однажды, когда готовилась очередная демонстрация, Камо предложил наловить побольше ворон, привязать к их лапам красные листки с лозунгом «Долой самодержавие!» и выпустить. Пока полиция будет гоняться за «политическими» воронами и стрелять по ним, демонстрация успеет пройти по улицам города. Этот план, впрочем, не приняли. Вместо ворон решили запустить воздушные шары. Однако и они не пригодились — внимание полиции отвлекли похороны. Пока процессия медленно двигалась по улице, Камо успел даже повесить на дереве красный флаг и скрыться.

В другой раз он разбросал листовки в театре. Ставили «Гамлета». В драматический момент, когда принц увидел тень своего отца, Камо

швырнул с галерки в зал пачку листовок — почти 500 штук. Как вспоминал он сам, листовки «полетели как белые лебеди». Жандармы ходили по залу и отбирали листовки у публики, причем одна дама, по словам Камо, возмущалась: «Раз вы допустили бросание прокламаций, то дайте их прочитать!» «Такие шутки в театрах, — вспоминал он, — были повторены мною в продолжение года много раз, и всегда мне удавалось благополучно удрать».

Был еще анекдотический случай: пачку листовок бросили во время постановки «Ромео и Джульетты». Она попала прямо в голову находившегося в зале помощника главноначальствующего на Кавказе генерала Александра Фрезе. А вскоре был ранен и сам главноначальствующий князь Григорий Голицын. Произошло это 14 октября 1903 года. Газета «Новости дня» сообщала: «Вчера в 4 часа дня, когда главноначальствующий генерал-адъютант князь Голицын с супругой возвращался с обычной загородной прогулки, близ Ботанического сада, в безлюдной местности на экипаж напали трое злоумышленников туземцев. Один стал наносить князю удары кинжалом по голове, двое старались вытащить его из экипажа. Сидевший на козлах казак, соскочив на землю, вступил в борьбу с нападавшими. В это время экипаж успел уехать.

Преступники бежали по глубокому оврагу, поросшему кустарником. За ними пустились в погоню городовой и частные лица. Вскоре подоспели из города конные стражники и конвойные казаки. Преступники, перебегая от куста к кусту, затеяли перестрелку, во время которой один был убит, другой ранен смертельно, третий — тяжело. Начальнику края, как оказалось, нанесены две кинжальные раны в голову через фуражку и одна в лицо, а также поранена левая рука. Раны не опасны.

Сделана перевязка, после которой главноначальствующий вышел к собравшимся во дворце представителям и представительницам местного общества. Раненые разбойники умерли. В городе всеобщее негодование».

Но к этому покушению ни Камо, ни другие социал-демократы отношения не имели. Его осуществили армянские националисты. Будучи убежденным монархистом, князь Голицын жестко преследовал всякие национальные общества, газеты и др., в том числе и армянские. Он закрыл несколько армянских общественных организаций, а имущество армянских церквей по его инициативе было взято под контроль правительства.

Камо в это время совершал свои «челночные» рейсы по Кавказу. Однажды он перевез в Кутаис «пять пудов» литературы, шрифта и типографский станок. В другой раз — из Баку в Кутаис — «три пуда» нелегальной газеты «Борьба пролетариата». Билет стоил четыре рубля —

довольно дорого. Так что туда он ехал «легально», а обратно — «зайцем», под скамейкой.

Первый побег

Двадцать шестого ноября 1903 года Камо с грузом литературы выехал из Тифлиса в Батум. Он изменил свою внешность и старался выглядеть добропорядочным зажиточным господином — котелок, трость, модное пальто в клетку.

Но жандармы и полицейские тоже не зря свой хлеб ели и работали профессионально, на совесть. Когда Камо вышел из вагона, жандармский унтер-офицер Илларион Евтушенко обратил внимание на несколько странных деталей. Во-первых, этот «господин» сам нес свои вещи. Во-вторых, на его руках не было перчаток. В-третьих, выйдя с перрона, он почему-то не закричал: «Извозчик!», как обычно делают «баре». В общем, унтер Евтушенко решил спросить у «клетчатого» господина паспорт.

И тут Камо совершил еще одну ошибку. Он начал предлагать унтеру взятку — за то, чтобы он его отпустил. Сначала 15, потом — 20, а потом — вообще 25 рублей. Большие деньги! Но тот оказался честным. Взял «господина» под руку и отвел в участок. Там его обыскали, установили личность (в жандармском донесении он именуется «Симоном Аршаковым Тер-Петросовым») и нашли листовки и нелегальную литературу. Начальник Батумского отделения жандармского полицейского управления Закавказских железных дорог ротмистр Станов доносил в Кутаисское губернское жандармское управление: «При обыске оказались свежепечатанные в листовом формате прокламации под заглавием «Листок борьбы пролетариата» № 4 от 15 ноября 1903 года на грузинском языке — 827 штук, на армянском — 146 и на русском — 100 штук. В каждом экземпляре помещены статьи: 1. «Действия правительства. Железнодорожный батальон». 2. «Оплеуха самодержавию, или неудавшаяся поездка царя в Италию». Часть прокламаций, как видно из надписей на бланках, должна быть им отвезена в гор. Поти».

Камо попытался объяснить, что какой-то армянин в поезде попросил его довезти чемодан и корзинку, а потом куда-то исчез, но эта уловка, естественно, не сработала. Его отправили в тюрьму. Когда ему пригрозили каторгой, Камо вполне натурально возмутился. «От такой несправедливости царь Николай окаменеет на троне!» — заявил он.

В Батумской тюрьме Камо просидел десять месяцев. Все это время

шло следствие по его делу. Возможно, он бы сидел и дольше, но у него в голове давно уже родилась мысль о побеге. И 17 сентября 1904 года он действитель но бежал. Все произошло просто и банально. Во время утренней прогулки (тюремный врач разрешил Камо гулять по утрам из-за перенесенной им малярии) он выждал момент, когда часовой, раскрыв рот, увлеченно наблюдал за свиньями, которые бродили по тюремному двору. Арестанты-крестьяне от нечего делать занялись их дрессировкой и научили выполнять различные забавные штуки. Пока все, включая часового, веселились, он вскочил на стену, перевалился через нее, и упал уже на другой стороне. «Ярко сияло солнце, вблизи плескалось море. И свобода, полная свобода после тюрьмы, — вспоминал он. — …Никогда потом не переживал я такого полного чувства радости». Изо всех сил стараясь быть спокойным, он пошел по улице. Натер себе щеки, чтобы не выглядеть после тюрьмы слишком бледным. Затем подозвал какого-то мальчика и попросил его найти извозчика. На нем уже добрался до надежной квартиры.

В тюрьме его хватились только через несколько часов, когда к нему пришел адвокат. Через несколько дней объявили «всеимперский розыск». Камо же умудрился ускользнуть. Он выкрасил волосы в рыжий цвет персидской хной, надел светлую черкеску и в таком виде с двумя товарищами отправился на вокзал. Там они купили билеты в вагон первого класса до Тифлиса. Вагон, как вспоминал Камо, «был переполнен подвыпившими грузинскими князьями». «Я, — писал он в автобиографии, — тоже назвался князем, положением повыше — имеретинским. Все за мной ухаживали, таскали из купе в купе, настаивали, чтобы я оценил, чье вино лучше. Я для них играл на зурне[30]. Хвастал, сочинял истории. Ночи не хватило, продолжили утром».

Когда уже подъезжали к Тифлису, Камо поспорил с одним князем — ему, князю, мол, ни за что не пройти через всю платформу, играя на зурне. Заключили пари. За князем по перрону пошла целая толпа любопытных. Камо затерялся в ней. Так и ускользнул от жандармов. Кстати, он утверждал, что видел на вокзале и того самого унтер-офицера Евтушенко, который «взял» его в Батуме. Евтушенко перевели в Тифлис с повышением.

«Я ударил его в зубы»

В Тифлисе Камо сразу же «взялся за старое». Организовал подпольную типографию, переносил листовки и литературу. Появлялся то в

виде ученика землемерного училища, то опять в образе князя, то в форме студента-технолога, то в одежде простого крестьянина, то с корзиной уличного торговца на голове. В корзине, под овощами, — листовки или шрифт.

Вместе с ним работала и его сестра Джаваир[31]. Позже она вспоминала, что Камо учил ее правильно носить чадру и имитировать походку «татарской», то есть мусульманской женщины. Почему мусульманской? Потому что под чадрой было удобно переносить прокламации.

После «Кровавого воскресенья» в Петербурге по России начали раскатываться волны революции. 13–14 февраля Камо и Серго Орджоникидзе участвовали в демонстрациях в Тифлисе. Камо прятал под пальто красный флаг. Потом он поднял его над толпой, а затем вообще встал со знаменем на плечи двух демонстрантов и, как вспоминал, «в первый и в последний раз в своей жизни произнес речь». Он говорил по-грузински, а потом «на ломаном русском языке» и в основном «клеймил» националистов различных видов. «Я указал в своей речи, что они боятся красного знамени, как сова боится дневного света», — вспоминал Камо.

Демонстрацию рабочих разогнали казаки и полицейские. Околоточный надзиратель схватил Камо, по-прежнему сидевшего на плечах демонстрантов, сзади — за пальто. «Оглянувшись назад, я ударил его в зубы, и он упал навзничь, — писал Камо, — а я упал лицом в землю». Затем на них набросились казаки на лошадях, которые попытались вырвать знамя. Лошади промчались буквально по Камо и надзирателю, лежавшим на земле, но каким-то чудом они не пострадали. Затем он бросился к забору и когда хотел перескочить через него, подоспевший казак ударил его саблей. Он хотел попасть по голове, но промахнулся и лишь поцарапал Камо палец.

Перемахнув через забор, он быстро переоделся у одного знакомого в уличного торговца, зашел в трактир, выпил там стакан вина и, шатаясь, как пьяный и распространяя вокруг соответствующий аромат, пошел по площади, где полиция, казаки и драгуны все еще искали знаменосца. Так он дошел до явочной квартиры, где его сначала даже не узнали.

Ему опять повезло. Но было ясно, что ситуация в стране накаляется с каждым днем, и вскоре уже «ударами в зубы» полицейских или казачьими нагайками против демонстрантов дело не закончится.

Экспроприатор

В апреле 1905 года проходивший в Лондоне III съезд РСДРП (фактически это была конференция большевиков) обратился ко всем партийным организациям с призывом «принять самые энергичные меры к вооружению пролетариата, а также к выработке плана вооруженного восстания и непосредственного руководства таковым, создавая для этого, по мере надобности, особые группы из партийных работников». Вскоре при ЦК партии была создана Боевая техническая группа, которую возглавляли Александр Богданов, Леонид Красин, Сергей Гусев и другие большевики. В ее задачи входило снабжение оружием и боеприпасами рабочих дружин и групп боевиков. Как раз на той самой квартире Горького, где он впервые услышал о Камо, Боевая группа, в частности, собирала бомбы.

Камо к тому времени уже определился — он решил идти с большевиками. Если верить Горькому, то меньшевиков он не любил. «Меньшевиков не понимаю, — говорил он. — Что такое? На Кавказе живут, там природа такая… горы лезут в небо, реки бегут в море, князья везде сидят, все богато. Люди бедные. Почему меньшевики такие слабые люди, почему революции не хотят?» Так и слышишь здесь характерный грузинский акцент…

По его характеру ему, конечно, еще больше подошли бы более радикальные анархисты или эсеры-максималисты, но так уж получилось, что «учителями» Камо на революционном пути стали именно социал-демократы-большевики. Да и к тому же в 1905 году они определили его на такую партийную работу, которая мало отличалась от анархистской или эсеровской. Он отвечал за создание и вооружение боевых групп и рабочих дружин самообороны.

«Период борьбы голыми руками канул в вечность, — говорилось в воззвании кавказских большевиков. — Нужны ружья, револьверы, бомбы и прочие взрывчатые вещества и т. п. Пролетариат несет свою лепту, отдавая часто последний кусок хлеба на дорогое дело вооружения — целые тысячи собирает он». Тем временем страна уже кипела. На Кавказе тоже было горячо. Демонстрации, покушения, потасовки на улицах следовали одна за другой. 18 июня 1905 года демонстрацию в Тифлисе устроило монархическое «Патриотическое общество». Его участники шли с национальными флагами, иконами и портретами царя по Головинскому

проспекту, пели «Боже, Царя храни!» и требовали от всех, кто встречался им по дороге, снимать шапки. Тех, кто отказывался это сделать, били.

«Патриоты» устроили несколько погромов, причем к ним присоединились и казаки. В результате стычек в тот день погибли 38 и были ранены 66 человек. Ответом на этот погром стала всеобщая забастовка, к которой присоединилась почти вся Грузия. Сообщения из Тифлиса были похожи на сводки с фронта.

«ТИФЛИС, 26, VI. В старой части города тяжело ранен бомбой пристав 6-го участка Глебов. Вместе с ним ранен околоточный надзиратель и двое прохожих».

«ТИФЛИС, 26, VI. Вчера брошены бомбы еще в 2 места: на Псковской улице в казачий разъезд и на Головинском проспекте. Несчастных последствий не было».

«ТИФЛИС, 11, VIII. Сегодня в половине девятого вечера, на дебаркадере вокзала выстрелом, последовавшим из-за вагонов готового к отходу пассажирского поезда, в присутствии множества публики наповал убит начальник станции «Тифлис» Терпиловский. Убийца скрылся».

Власти тоже не дремали. Они напали на след «динамитной мастерской», которая находилась на одной из дач вблизи Тифлиса. 28 июня полиция и казаки нагрянули на дачу — на ней обнаружили 24 недоделанные бомбы, несколько пудов динамита, 500 пачек нитроглицерина, гремучую ртуть, бикфордов шнур. Захватили и троих «бомбистов», один из которых попытался взорвать дом, но неудачно. Еще одного человека ранили во время перестрелки. К организации этой мастерской Камо имел самое непосредственное отношение. Но по счастливой для него случайности в момент захвата дачи полицией его на ней не было. По другой версии, ему тогда удалось уйти.

Забастовка продолжалась до 28 июня. В Тифлисе и уезде было объявлено военное положение. Но самые кровавые события были еще впереди. 29 августа в здании городской думы Тифлиса состоялось большое собрание. Вход был открыт для всех желающих, и стоявшая у здания полиция ему не препятствовала. В зале собрались делегаты из разных городов Грузии и разных партий (собрание проводилось по инициативе меньшевиков). Обсуждался вопрос о выборах в предстоящую Государственную думу (6 августа император Николай II подписал Манифест о созыве «совещательного парламента» — Государственной думы). То, что случилось потом, описывалось по-разному.

«Революционная» версия сводится к тому, что неожиданно в зале появился полицейский пристав и предложил собравшимся разойтись.

Участники собрания ответили отказом. Тогда казаки и полицейские ворвались в здание, заняли все выходы, погасили свет и открыли стрельбу. Тех, кто пытался бежать, избивали шашками и прикладами, кололи штыками. Тела убитых сбрасывали с амфитеатра. За теми, кому удалось выбраться из зала, была организована погоня, по ним стреляли и даже добивали раненых.

Версия полиции гласила, что после того, как участники собрания отказались разойтись, казаки начали выдворять их силой. «Тогда из толпы раздалось несколько револьверных выстрелов, — писала газета «Русское слово». — Командир сотни приказал открыть огонь. Произошло нечто ужасное. В течение получаса непрерывно грохотали выстрелы пачками и залпами».

Бойня у городской думы ужаснула всю Россию. «Тифлис пережил вчера ужасную ночь, принесшую сотни жертв», — отмечало «Русское слово». По одним данным, погибли шестьдесят и были ранены более двухсот человек. По другим, убитых и умерших в больницах от ран насчитывалось больше сотни.

Ответом на нее стали новая забастовка и новые акции революционеров-боевиков. Газеты сообщали:

«КУТАИС, 9, IX. Ночью вчера более десяти человек напали на уездное полицейское управление с целью похитить конфискованное и хранящееся здесь оружие. Находившиеся в управлении стражники усиленным ружейным огнем отбили нападавших».

«ТИФЛИС, 25, IX. Вечером, начиная с 7 часов 20 минут брошены бомбы в казармы сотен Полтавского полка в Орточалах, в казармы на улице Броссе, в казарму конвоя наместника. Много убитых и раненых казаков.

На улицах патрули. Некоторые дома оцеплены. Спектакли отменены. Проводятся обыски и аресты».

Бомбы и оружие боевики часто получают из подпольных мастерских, организованных Камо. Через два месяца его за это повесят. Там же, в Тифлисе. Но сначала пообещают отрезать нос.

«Революционер без носа — что птица с перебитым крылом»

Осень и зима 1905 года стали наивысшей точкой подъема первой русской революции. В октябре в стране прошла Всероссийская политическая стачка. 17 октября власть вроде бы сделала шаг к компромиссу — император подписал Манифест о даровании гражданам

России политических и прочих свобод и о подготовке к выборам в Государственную думу. Начали возникать или выходить из подполья политические партии. Теперь они действовали легально — невиданное доселе дело!

Однако сбить разгоревшийся огонь революции было уже не так-то просто. В декабре на улицах Москвы начались настоящие бои рабочих дружин с войсками и полицией.

Двенадцатого декабря началась всеобщая забастовка в Тифлисе. Стачечное бюро взяло под контроль почту, телеграф, железную дорогу. На улицы города вышли вооруженные рабочие патрули. У полицейских, жандармов, солдат и офицеров на улицах отбирали оружие. Было совершено несколько захватов полицейских участков с той же целью. Часть ружей и револьверов рабочие дружины получили от Камо — из созданных им тайных складов, схронов и мастерских, которые не успела обнаружить полиция.

Правительство перебросило в Тифлис войска из других частей страны. 18 декабря началась операция против восставших. В ней использовали даже артиллерию. 19-го, в одном из боев на улицах города, в руки казаков попал и раненный в голову Камо.

Через много лет он вспоминал, что самым страшным для него в тот день был момент, когда один из казаков, ухмыляясь, предложил отрезать ему нос. «Революционер без носа, — говорил он своей жене Софье Медведевой, — что птица с перебитым крылом. Такое клеймо навсегда лишило бы меня [возможности] вести нелегальную работу. Любой городовой пальцем ткнет… Лучше смерть, чем такая жизнь».

От него требовали рассказать, где находятся склады с оружием, где мастерские и кто руководит восстанием. Он кричал, что он простой крестьянин, «ничего не знай, бунт не знай!», и закрывал нос руками. Казаки «подобрели». Нос решили ему оставить. Но привели в какой-то дом, привязали веревку к крюку на потолке и повесили Камо. Правда, не до конца. Когда он уже начал корчиться в предсмертных судорогах, веревку ослабили, а его облили водой и привели в чувство. Затем его заставили копать себе могилу. Потом снова повесили. На этот раз ему повезло — веревка, не выдержав тяжести тела, оборвалась. Он упал на землю и снова потерял сознание.

Неизвестно, что спасло его в тот день. То ли казаки действительно поверили, что он не имеет отношения к боевикам, то ли они соблюли старинную традицию — ведь сорвавшихся с веревки во время казни вешать второй раз вроде бы не полагалось. Так или иначе, Камо оказался в

Метехском тюремном замке, где сообщил, что он — Мкртыч Иоанисянц. Попал под арест случайно — шел к невесте, а тут стрельба. Бросился бежать. Упал, разбил голову, документы потерял, потом его забрали казаки…

«Легенда» — так себе. Со временем его бы быстро раскусили, но тогда у полиции было слишком много дел. Кстати, самого Камо искали повсюду. Местная газета «Кавказ» 4 января 1906 года сообщала, что «отыскивается житель и уроженец города Гори Тифлисской губернии, из духовного звания, Симон Аршаков Тер-Петрусов [так в тексте. — *Е. М.*]. Приметы отыскиваемого: 22 лет отроду, роста среднего, волосы на голове темно-русые, усы только что пробиваются, бороды нет, глаза светло-карие, рот, нос умеренные, лицо чистое, особых примет нет. Всякий, кому известно о местопребывании Симона Тер-Петрусова, обязан указать судебной палате, где он находится».

Камо, конечно, понимал, что он вряд ли долго сможет «прикрываться» рассказами о несчастном Иоанисянце, который «шел к невесте», и лихорадочно обдумывал варианты побега. И в итоге ему все-таки удалось сбежать. Как — точно не известно до сих пор. До нашего времени дошла лишь одна «каноническая» версия этого побега.

Здесь нужно сделать небольшое отступление. 20 апреля 1933 года заведующий издательством «Старый большевик» Илья Ионов направил такое письмо секретарю Сталина Александру Поскребышеву: «Изд-во «Старый большевик» выпускает книгу материалов о товарище Камо.

Книга эта собрана и написана т. Бибинейшвили (Барон). Отредактирована она т. Лядовым и просмотрена т. Ярославским. К ней имеется предисловие т. Максима Горького.

Автор этой книги т. Бибинейшвили обратился к нам с просьбой поместить в книге посвящение т. Сталину, текст которого прилагаю к этому письму.

Об этом просит также сестра т. Камо Джаваира Хутулашвили.

Без разрешения т. Сталина я не решаюсь исполнить просьбу автора книги и сестры т. Камо. Не найдете ли Вы возможным показать это посвящение т. Сталину и получить просимое разрешение».

Текст посвящения должен был гласить:

«Тому — Кто первый вдохновил Камо на беззаветную героическую революционную борьбу, Кто первый назвал его именем «Камо», Кто стальной рукой выковал большевистские организации Грузии и Закавказья, Кто вместе с гениальным вождем международного пролетариата Лениным руководил освободительной борьбой пролетариата и победой Великого

Октября, Кто после смерти Великого Ленина продолжает и развивает дальше учение Маркса-Ленина, теорию и практику основоположников марксизма-ленинизма, стратегию и тактику революционной пролетарской борьбы, Тому, под непосредственным руководством которого партия осуществляет великую задачу построения бесклассового социалистического общества на одной шестой части мира. Великому вождю Ленинской Коммунистической партии и Коминтерна, Гениальному организатору и стратегу международной пролетарской революции Тов. Сталину посвящает автор эту книгу. Б. Бибинейшвили».

На следующий день Сталин направил Ионову ответную записку:

«Тов. Ионов! Я против «посвящения». Я вообще против «посвящений» с воспеванием. Я тем более — против предложенного текста «посвящения», так как он насилует факты и полон ложноклассического пафоса воспевания. Не нужно доказывать, что никакой я не «теоретик» и тем более — «гениальный организатор» или «стратег международной революции». Прошу успокоить не на шутку разволновавшегося автора и сообщить ему, что я решительно против «посвящения». Привет! И. Сталин».

Товарищ Сталин, когда хотел, умел быть скромным. Вряд ли он не знал предысторию этого «посвящения» и вообще написанной Бибинейшвили биографии Камо. Варфоломей («Барон» — это была его кличка) Бибинейшвили был старым большевиком — в РСДРП он вступил в 1898 году. Участвовал в революции 1905–1907 годов на Кавказе, затем боролся на Кавказе за советскую власть. Потом писал книги, воспоминания. Камо он знал лично. И написал о нем одну из самых первых и полных биографий. Сначала ее сокращенный вариант был опубликован в грузинском журнале «Мнатоби» и вызвал резкую партийно-идеологическую критику. Автора ругали за то, что из книги можно было, например, узнать, что Сталин, приехав в Батум, обращался за материальной помощью к грузинским меньшевикам Чхеидзе и Рамишвили. «Это совершенно неправильно, — подчеркивалось в рецензии на биографию Камо, подготовленной Тбилисским отделением Института Маркса — Энгельса-Ленина. — Как известно, Сталин в Батуме непосредственно связался с рабочими массами и начал борьбу против оппортунистического влияния в рабочем движении». Так что Бибинейшвили пришлось переделывать книгу. В окончательном варианте она, по словам уже нового рецензента, известного журналиста Михаила Кольцова, выражала «безграничную, почти детскую любовь и преданность» Камо к своему «воспитателю» и «учителю» Сталину.

Книга вышла в 1934 году без посвящения «Тому — Кто первый вдохновил Камо…», а ее автора вскоре действительно «успокоили» — он погиб в ходе репрессий.

К чему это отступление? Дело в том, что, как уже говорилось, Бибинейшвили хорошо знал Камо, и тот, по его словам, лично рассказывал ему, как тогда, в начале 1906 года, он сбежал из тюрьмы. Этот рассказ, пересказанный «Бароном» Бибинейшвили в своей книге, и остался «канонической» версией о побеге Камо.

Согласно этой версии, дело было так. В тюрьме вместе с Камо сидел молодой грузин, ученик аптекаря по фамилии Шаншиашвили. Ничего особо серьезного за ним не числилось, но настроен он был очень революционно и часто рассказывал своему соседу по имени Мкртыч истории о небывалых подвигах отважного богатыря-революционера Камо. Сам он видел этого Камо только один раз, но издали, на митинге, а вот теперь слышал, что его убили во время боев в Тифлисе.

И вот в один прекрасный день сосед Мкртыч открылся ему — Камо не убили. Вот он, перед ним. И ему нужна помощь. Камо предложил Шаншиашвили обменяться одеждой. Мол, того все равно на днях освободят, и он, Камо, уйдет на свободу вместо него. А когда обман раскроется, то пусть Шаншиашвили объяснит, что он просто выменял одежду у какого-то человека, которого раньше не знал.

В вариациях этого рассказа, которые кочуют по биографиям Камо, интересны несовпадения в деталях. В одних версиях он убеждает своего молодого соседа, что тому ничего серьезного грозить не будет — просто подержат его еще немного в тюрьме, и всё. В других, наоборот, предупреждает: подумай хорошо, для тебя это может быть небезопасно! Ведь самому Камо поможешь! Но так или иначе Шаншиашвили вроде бы согласился. И когда его вызвали «с вещами» на выход, то пошел переодетый Камо.

Была, впрочем, еще одна проблема. Освобожденного должен был сопровождать городовой. Ему предписывалось довезти «Шаншиашвили» до полицейского участка «по месту прописки» и сдать там с рук на руки — под расписку. Ничем хорошим для Камо это конечно бы не кончилось. Он взмолился — не надо ехать им вместе через весь город. Как так — он под охраной полиции! Это же такой позор! Что родственники скажут? А родители невесты вообще откажут ему от дома! Он не переживет. Спектакль удался: городовой уступил. Он посадил Камо на извозчика, а сам с паспортом «Шаншиашвили» поехал в участок на трамвае. Через некоторое время извозчик увидел, что его странный пассажир исчез. Когда

это произошло, он даже не заметил.

Очень скоро на Кавказе, да и во всей России снова услышат о его делах.

Эксы

На IV (Объединительном) съезде РСДРП (Стокгольм, 10–25 апреля 1906 года) большая часть делегатов проголосовала за то, чтобы бороться против выступления отдельных лиц или групп с целью захвата денег под именем или девизом социал-демократической партии. Однако, создав фактически нелегальный орган руководства своей фракцией — Большевистский центр (Ленин, Красин и Богданов), большевики по-прежнему готовили и осуществляли «эксы».

Боевые дружины большевиков (как, впрочем, и других революционных партий) действовали по всей стране — от Финляндии до Урала и от Петербурга до Одессы. Но, пожалуй, одной из самых успешных из них была закавказская группа, которую возглавил Камо. Эта группа, вспоминал Александр Богданов, поставила себе «задачу помогать партии путем экспроприаций», но решила делать это «не открыто, внепартийным путем». Такой способ использовался часто — перед «эксом» боевики могли выйти из партии, а потом, позже, снова вступить в нее. Ну а «один из членов группы должен был частным образом передавать деньги лично знакомому с ним члену большевистской, тогда существовавшей, финансово-технической группы, и тот должен был передавать их в партийные организации». Так большевики обходили формальный запрет съезда на финансирование с помощью «эксов». А человеком, который передавал им деньги «частным образом», как раз и был Камо.

Горький вспоминал, что когда он спросил Красина, что он думает о ходивших легендах о невероятных «подвигах» Камо, тот, подумав, ответил: «Возможно, что все правда. Я тоже слышал все эти рассказы о его необыкновенной находчивости и дерзости. Конечно, рабочие, желая иметь своего героя, может быть, несколько приукрашивают подвиги Камо, создают революционную легенду, понимая ее классово-воспитательное значение. Но все-таки он парень на редкость своеобразный. Иногда кажется, что он избалован удачами и немножко озорничает, балаганит. Но это у него как будто не от легкомыслия молодости, не из хвастовства и не от романтизма, а из какого-то другого источника. Озорничает он очень серьезно, но в то же время как бы сквозь сон, не считаясь с

действительностью».

Первый «экс» группа Камо совершила в феврале 1906 года — вскоре после его побега из тюрьмы. Не очень ясно, действовал ли он в тот раз самостоятельно или по указанию руководства большевиков. Во всяком случае, акция была почти что спонтанной — на ее подготовку ушла всего лишь неделя. Боевики устроили засаду на Коджорской дороге вблизи Тифлиса и дождались карету с казенными деньгами. Они с криками бросились на нее, охрана разбежалась, и боевикам достались восемь тысяч рублей.

Были, впрочем, и неудачи. Из полицейских донесений того времени: «…Третьего дня вечером, на товарной станции обнаружены были ящики с пометкой «электрические принадлежности», прибывшие в адрес «предъявителя дубликата ж/д накладной». Полицейскому агенту, несшему службу на товарной станции, вышеупомянутые ящики показались подозрительными, и он не преминул произвести их осмотр. Вместо электрических принадлежностей в ящиках оказались патроны, переправленные революционными организациями, очевидно, для преступных целей, из Батума в Тифлис. Дальнейшее следствие, продолженное по сему поводу уже мной лично, с бесспорностью установило, что вышеуказанные патроны отправило из Батума лицо, по всем признакам являющееся не кем иным, как известным вам Камо, который к настоящему моменту должен находиться уже в Тифлисе».

«…Сегодня в багажное отделение Тифлисского вокзала явились трое неизвестных и предъявили квитанции на получение багажа, прибывшего из Батума. На плотно упакованных деревянных ящиках значилась надпись «мандарины». В крышке одного из ящиков доска оказалась отодранной, и железнодорожный агент заметил, что в ящике упакованы были не мандарины, а винтовки. Когда он спросил, почему в ящиках вместо мандаринов винтовки и в чей адрес следует оружие, один из неизвестных, приставив к его груди револьвер, приказал молчать, а своим единомышленникам предложил скорее вытаскивать ящики на перрон. Багаж был бы унесен неизвестными, если бы в тот момент не вошли в багажное отделение пассажиры. Сбив одного из них с ног, неизвестный, угрожавший железнодорожному агенту револьвером, выскочил на перрон и вместе с остальными злоумышленниками скрылся. По срочно наведенным справкам и дознанию, учиненному жандармским унтер-офицером, неизвестный, грозивший револьвером, был не кто иной, как известный вам Камо».

Следующим местом для крупного «экса» Камо выбрал Кутаис.

Подготовка к нему заняла больше времени. Камо лично наблюдал за кутаисским казначейством и тщательно фиксировал время вывоза денег, количество охранников кареты, маршрут, по которому она двигается. Помимо самого Камо в операции участвовали еще четверо боевиков и две девушки — Анета Сулаквелидзе и Саша Дарахвелидзе. Они «гуляли» по площади перед казначейством, наблюдая за обстановкой. Камо тоже находился на площади, а боевики на фаэтоне ждали в соседнем переулке.

«Экс» прошел без осложнений — нападения в центре города, при свете дня, никто не ждал. Когда появилась карета, Камо поднял руку, подавая сигнал боевикам. Фаэтон с ними выскочил из переулка, в карету полетела бомба, взрывом которой убило лошадь и ранило кассира. Охрана в панике разбежалась. Боевики схватили ящик с деньгами, запихнули его в фаэтон и исчезли. Деньги — около 15 тысяч рублей — привезли на конспиративную квартиру. В городе к тому времени уже шли поиски «экспроприаторов». Чтобы запутать следы полиции, Анета и Саша спрятали деньги под одеждой и открыто пошли по улице, по пути даже успев позаигрывать с полицейскими, которые останавливали и обыскивали подозрительных прохожих. Так они дошли до квартиры, где их ждал Камо.

Деньги от «экса» он решил везти в Петербург, чтобы лично передать их Ленину и другим руководителям большевиков. Он спрятал их в бочонке и бурдюке с вином с двойным дном. Бочонок сдал в багаж, а бурдюк взял с собой в поезд. Всю дорогу он разыгрывал из себя веселого, общительного и беззаботного грузина, угощал попутчиков вином из бурдюка и пел песни. Доехал благополучно.

Похождения «князя Дадиани»

В Петербург Камо вез большие деньги. Очень большие. Позже в его распоряжении окажутся куда более крупные суммы, но и эти 20 с лишним тысяч рублей для тогдашней России могли считаться настоящим состоянием.

Для информации: жалованье депутата 1-й Государственной думы в 1906 году составляло 350 рублей месяц, армейского капитана — 105 рублей, высококвалифицированных рабочих в Петербурге — 70—120 рублей, преподавателя Закона Божьего в провинциальной гимназии — 102 рубля, грузчиков и сплавщиков на Днепре в Киеве — 20–25 рублей. А вот некоторые цены в Москве: фунт (примерно 410 грамм) свинины — 20 копеек, баранины — 25 копеек, 1 килограмм сахарного песка — 35 копеек,

фунт свежей осетрины — 60 копеек, одна курица — 1 рубль, 100 штук яиц — 3 руб.

Другими словами, с «экспроприированными» деньгами Камо мог бы устроить себе очень обеспеченную жизнь на многие годы. Мог, да не мог. Подобная идея даже не приходила ему в голову. Предложение воспользоваться «изъятыми» из банков или почтовых карет деньгами для самого себя прозвучало бы для него как настоящее оскорбление, граничащее с предательством.

Камо представлял собой тип порядочного и кристально честного «кровавого идеалиста». В его поведении было что-то от рязановского Юрия Деточкина из комедии «Берегись автомобиля». «Изъятые» у государства деньги он позволял себе тратить только на проезд, конспиративные мероприятия или операции по освобождению товарищей из тюрьмы (с согласия Центра). Его жена вспоминала, что, имея в распоряжении крупные суммы, Камо часто жил на 50 копеек в день и столько же выдавал на расходы своим товарищам по группе.

Впрочем, в русском революционном терроре таких честных и преданных своей идее террористов было немало.

Ленин нелегально приехал в Петербург из Швейцарии, где он находился в эмиграции, в ноябре 1905 года, но, когда до столицы империи со спрятанными в вине деньгами добрался Камо, его там уже не было. Скрываясь от преследования полиции, он перебрался в финский поселок Куоккала и поселился вместе с Крупской на даче «Ваза». Там было спокойнее. Финляндия, хотя и являлась частью Российской империи, все-таки пользовалась определенной автономией, и русская сыскная полиция там чувствовала себя не так свободно. На даче жил также Александр Богданов с женой. Часто бывал на ней и другой руководитель большевистских боевиков — Леонид Красин.

Камо приехал на дачу с бурдюком и бочонком. Позже он вспоминал, что Ленин хохотал, когда он начал вытаскивать из них деньги и различные отчеты об операциях своей боевой группы. Затем они разговаривали. Беседа затянулась. Камо рассказывал своей жене Софье, что они пили чай: «Ленин из кухни принес чайник, заварил. Вино, сказал, не пьет». Некоторое время Камо жил в Петербурге и приезжал в Куоккалу. Надежда Крупская писала в своих мемуарах, что одна из явок в то время находилась в столовой Технологического института. Там всегда толпилось много народа, и никто не обращал ни на кого внимания.

«Раз… пришел на явку Камо, — вспоминала она. — В народном кавказском костюме он нес в салфетке какой-то шарообразный предмет.

Все в столовке бросили есть и принялись рассматривать необычайного посетителя. «Бомбу принес», — мелькала, вероятно, у большинства мысль. Но это оказалась не бомба, а арбуз. Камо принес нам с Ильичом гостинцев — арбуз, какие-то засахаренные орехи. «Тетка прислала», — пояснял как-то застенчиво Камо. Этот отчаянной смелости, непоколебимой силы воли, бесстрашный боевик был в то же время каким-то чрезвычайно цельным человеком, немного наивным и нежным товарищем. Он страстно был привязан к Ильичу, Красину и Богданову. Бывал у нас в Куоккале.

Подружился с моей матерью, рассказывал ей о тетке, о сестрах. Камо часто ездил из Финляндии в Питер, всегда брал с собой оружие, и мама[32] каждый раз особо заботливо увязывала ему револьверы на спине».

Затем Камо уехал в Тифлис, но вскоре снова появился в Петербурге. Перед ним стояла задача доставить на Кавказ крупную партию оружия, которую большевики получили из Финляндии. На этот раз он приехал в столицу в образе «светлейшего князя Коки Дадиани» — в богатой черкеске, с кинжалом в золоте и перстнем с огромным бриллиантом на пальце. Он остановился в роскошном номере гостиницы «Европейская», сорил деньгами, заказывал роскошные обеды в ресторанах, заводил романы с балеринами и т. д. Но за этой «княжеской жизнью» была и другая. Многие наверняка впали бы в ступор, увидев «князя Дадиани» в секретной лаборатории большевиков, где Красин рассказывал ему об устройстве бомб новейшей конструкции. Технологию сборки этих бомб и составные их части Камо должен был увезти на Кавказ, чтобы потом использовать их в «боевой работе».

Отъезд «князя Дадиани» из Петербурга был обставлен красочно: его провожал чуть ли не весь персонал «Европейской». Это событие попало и в газетную светскую хронику. Камо на богатом экипаже отправился на Николаевский вокзал, где сдал в багаж огромный, окованный медью сундук. Точнее, так: он попросил сдать его в багаж вокзального жандарма, а сам пошел в ресторан. «Я князь Дадиани. Здесь мои фамильные ценности. Квитанцию принесете, а сдачу оставите себе», — сказал он, вручив жандарму купюру в 25 рублей.

Изумленный жандарм, разумеется, сделал все в лучшем виде. Он, конечно, не знал, что в сундуке находились револьверы, патроны, обоймы, элементы для сборки новых бомб. Сам Камо уехал в Тифлис позже, купив билет третьего класса и переодевшись в скромный костюм.

«Зора» садится на мель

«Эксы» на Кавказе, как, впрочем, и в других городах России, продолжались. К каким из них точно имел отношение Камо, сказать сложно. Легенды и слухи приписывают ему участие чуть ли не во всех налетах и ограблениях, которые происходили в Тифлисе и его окрестностях. В полицейских архивах сохранилось донесение об обстоятельствах побега из Метехской тюрьмы 32 политических заключенных: «Снаружи, под стенами замка, неизвестными был прорыт подземный ход, который весьма искусно был подведен под камеры заключенных. Глубокой ночью, при помощи и поддержке злоумышленников, заключенным удалось выйти на свободу. Снаряженная утром погоня не дала никаких результатов. Путем допроса одного из служителей замка, сознавшегося в своем соучастии, удалось установить, что подкопом, а затем и побегом руководил известный политический преступник Камо. К сожалению, ни места его пребывания, ни имена участников организации побега установить не удалось».

Это, кстати, был не первый и не последний случай побега или попытки побега из Метехского тюремного замка в 1905–1907 годах.

Летом 1906 года Камо «бросили» на «внешний фронт». За деньги, полученные в результате «эксов», руководство большевиков решило купить большую партию оружия в Бельгии. Оружейные заводы в городе Льеж часто посещал владелец некоей посреднической фирмы мсье Лельков — он же Папаша, Максимыч, Феликс, Меер Валлах и, наконец, Максим Литвинов, с 1923 года — заместитель наркома, а в 1930–1939 годах — нарком иностранных дел СССР. Однажды, во время одного из визитов на завод, Литвинов столкнулся с русской правительственной делегацией, которая тоже приехала покупать оружие. Пришлось ему выдавать себя за посла Эквадора в Бельгии (по другим данным, эквадорским офицером). Он любезно пообщался с «русскими коллегами», пригласив их посетить Эквадор. Те, в свою очередь, позвали его в Петербург.

Летом 1906 года в Льеж прибыли несколько человек, среди которых был и Камо. Он выступал в роли эксперта по оружию. Что не удивительно — разбирался он в нем хорошо. Литвинов организовал хитроумную операцию. Он договорился о сотрудничестве с македонскими революционерами — националистами (Македония тогда находилась под властью Турции). Они должны были помочь перевезти оружие до болгарского порта Варна. Болгарские власти знали о перевозке оружия, но заранее относились к нему весьма лояльно — они думали, что его перевозят в Турцию, для армянских националистов. А любая акция против турок не могла не пользоваться в Болгарии сочувствием и поддержкой.

Литвинов встречался в Париже с болгарским военным министром и получил от него «добро» на проведение операции. Так что покупатели оружия честно говорили бельгийцам, что оно будет направлено в Болгарию. О том, что это далеко не конечный пункт его назначения, они, конечно, умалчивали. Запломбированные вагоны с оружием благополучно доехали до Варны. А дальше начались сложности. Болгарские пароходные компании наотрез отказались везти его без легальных документов. Литвинов попытался воззвать к их чувству солидарности с союзниками по борьбе с турками, но это ни к чему не привело. Тогда ему пришлось купить небольшую яхту за 30 тысяч франков и выписать для нее «надежную команду» из России. В Варне на нее должны были погрузить оружие, а в «условленном месте» яхту ждали «кавказские товарищи».

Камо в это время жил в Берлине и ждал условленного сигнала от Литвинова. Наконец он получил его и отправился в Варну. «Я возлагал свою надежду главным образом на своих собственных сотрудников по работе, посаженных мною на судно, среди которых находился и такой испытанный революционер, как Камо», — вспоминал Литвинов. Камо числился судовым коком.

Яхта «Зора», которой командовал участник восстания на броненосце «Потемкин» Афанасий Каютин-Каютенко, шла под болгарским флагом и везла 2 тысячи винтовок, 650 тысяч патронов и большое количество листовок и литературы. Еще перед отходом Камо заминировал судно. Провода от взрывчатки шли на камбуз. Камо рассчитывал, что в самый критический момент, успев запереться, он успеет взорвать судно, чтобы оружие не попало в руки властей. Однако опасность поджидала их совсем не там, где ее ждали.

«Зора» вышла из Варны 29 ноября 1906 года, в самый что ни есть сезон штормов на Черном море. От ударов волн корпус яхты треснул, вода залила машинное отделение, и двигатели заглохли. Более 20 часов ее швыряло по морю и 1 декабря выбросило на мель. Вполне вероятно, что биография Камо и других участников этого плавания могла бы закончиться, но их спасли румынские рыбаки. «Зора» же осталась на мели.

Литвинов вспоминал, что, узнав о катастрофе, он немедленно выехал в Бухарест, но спасти из оружия ничего не удалось, так как «о происшествии стало известно российскому посольству, которое немедленно приняло свои меры». Часть оружия растащили румынские рыбаки. Часть — попала в руки румынских властей. Разразился международный скандал между Россией, Румынией и Болгарией. Петербург заявил Софии официальный протест. Болгары, в свою очередь, утверждали, что ничего не знают о

русских революционерах, а груз с оружием предназначался для армян, воюющих с Турцией, и перевозили его македонские борцы за свободу. Македонцы подтвердили это.

Интернированную в Румынии команду яхты освободили из-под стражи. Шум вокруг «Зоры» постепенно затих. Но потеря такого большого количества оружия стала тяжелым ударом для большевиков. Нужно было начинать все сначала, нужны были деньги, а для этого требовались новые «эксы».

Эриванская площадь

В мае 1907 года V съезд РСДРП в Лондоне окончательно запретил экспроприации. «Кавказская группа, — вспоминал Александр Богданов, — однако, находила, что партия, ввиду растущей реакции, больше, чем когда-либо, нуждается в материальной поддержке, и решила пожертвовать партийным положением своих членов, чтобы продолжить дело». Он, конечно, лукавил: инициатива продолжать «эксы» исходила не от «кавказцев», а от Большевистского центра. Его руководители — Ленин, Богданов и Красин — были в курсе дела, а Красин так вообще участвовал в разработке планов «боевых акций».

К новому «эксу» группа готовилась серьезно — больше трех месяцев. Изучали информацию о перевозке денег, подбирали подходящее место, изготавливали бомбы «новейшей конструкции», по чертежам, которые Камо привез из Петербурга от руководителя Боевой технической группы при ЦК РСДРП Леонида Красина. Его вдова Софья Медведева вспоминала: «Большие суммы денег если и хранились в каких-либо учреждениях, то с громадной и сложной охраной. Экспроприацию надо производить непременно при перевозке денег — стало ясно Камо и всем товарищам при детальном выяснении плана. Оставался вопрос: где и когда? Благодаря энергии Камо группа очень скоро стала получать систематические сводки, где и сколько хранится, откуда и куда какие суммы переправляются… Были предприняты три последовательных попытки. Как раз первая не удалась, потому что Камо был сильно ранен разорвавшейся бомбой».

По другой версии, Камо был ранен во время изготовления бомбы осколками случайно взорвавшегося капсюля. Он получил ранения правого глаза и левой руки. Подпольщики смогли найти врача, который не стал заявлять в полицию о столь подозрительном ранении. Затем Камо поместили в частную клинику доктора Соболевского, где «чернорабочий революции» лечил глаз и руку.

По словам вдовы Камо, группа совершила еще одну попытку «экса», но и она не удалась: «Боевики поехали в поезде, везшем деньги, но должны были отказаться от экспроприации в самый последний момент. Проводники, которые должны были после нападения проводить наших товарищей через глухие горные тропинки, струсили и бежали. В глубоком огорчении возвращались товарищи в Тифлис. На экспедицию были израсходованы все взрывчатые вещества и все деньги. Между тем бомбы

могли служить только два или три дня. Затем они, несомненно, отсырели бы и были бы совершенно негодны».

Однако вскоре (Софья Медведева утверждает, что чуть ли не вечером дня неудавшегося «экса») Камо получил сведения о том, что утром 13 июня в Тифлисское отделение Государственного банка будут доставлены 250 тысяч рублей. Он узнал об этом от своего знакомого чиновника. Местом проведения акции выбрали Эриванскую площадь. Вообще-то она именовалась площадью Паскевича-Эриванского, или просто площадью Эриванского — в честь генерала Ивана Паскевича, которому за отличия в русско-персидской войне 1826–1828 годов пожаловали титул графа Эриванского[33]. Но в народе ее называли чаще всего просто Эриванской площадью. Потом, при советской власти, она не раз меняла названия — была площадью Берии и площадью Ленина, а теперь называется площадью Свободы.

В 1907 году на Эриванской площади находились здания главных административных учреждений губернии — городская управа, штаб Кавказского военного округа, редакция и типография официозной газеты «Кавказ», полицейский участок, а совсем рядом с площадью — дворец-резиденция императорского наместника на Кавказе, главнокомандующего войсками Кавказского военного округа и войскового наказного атамана Кавказских казачьих войск (то есть фактически главы всего Кавказа) графа Иллариона Воронцова-Дашкова.

О том, что готовится «экс», полиция знала. Уже после него в полицейском донесении в Петербург говорилось о том, что «в последних числах мая Тифлисское охранное отделение имело агентурные сведения о прибытии в Тифлис из Кутаисской губернии нескольких туземцев с целью ограбления почты при провозе ее с вокзала; были даже указания, что нападение совершат на Садовой или Муштаидской улицах. Эти сведения своевременно были доложены словесно генерал-губернатору и начальнику воинской охраны, следствием чего было усиление войсковых нарядов, сопровождавших почту и банковые и казначейские транспорты».

Однако сама площадь считалась местом вполне безопасным. Она усиленно охранялась и раньше — здесь постоянно находились полицейские посты, курсировали казачьи конные патрули. На этом тоже строился расчет Камо — в таком месте нападения на почтовую карету среди бела дня власти ждали меньше всего.

На площади всегда было много народа. Думали ли Камо и его товарищи, что кто-то из них может погибнуть во время «экса»? В биографии Камо, изданной в 1959 году, говорилось, что «твердо помня

предупреждение В. И. Ленина о том, что во время боевых операций не должно страдать гражданское население, Камо в офицерской форме и несколько других товарищей перед началом операции обходили на площади места наибольшего скопления людей и, не объясняя причин, внушительно предлагали прохожим удалиться».

Но даже если так оно и было, то, во-первых, во время «экса» на площади все равно находилось много посторонних, а во-вторых, вряд ли бы вообще этот фактор удержал Камо от проведения акции. Успешное выполнение задания для его группы было куда важнее «сопутствующих жертв». «Я смазываю маслом колесо революции, — говорил он. — Ускоряю вращение колеса революции и тороплю ее приближение».

Ограбление по-тифлисски

Тринадцатого июня 1907 года примерно в 10 часов 30 минут кассир Тифлисского отделения Государственного банка Курдюмов и счетовод Головня забрали на Тифлисской центральной почтовой станции два мешка с деньгами. Сев в карету, они направились в банк. Впереди и сзади них верхом ехали по два казака, следом шел второй фаэтон с охранником банка и тремя солдатами. Потом — еще трое казаков.

В это время на площади уже находились все боевики. Насколько известно, вместе с самим Камо в «эксе» участвовали 14 человек. Когда карета с деньгами поравнялась с подъездом здания штаба военного округа, а передние казаки уже начали сворачивать с площади на Сололакскую улицу, раздался первый взрыв. Затем еще четыре. Потом загремели выстрелы — боевики открыли огонь из револьверов и маузеров.

Караульный Государственного банка по фамилии Жиляев позже рассказывал: «Первым снарядом разбило кузов фаэтона и выбросило кассира Курдюмова на мостовую. Конвоировавшие казаки от взрыва получили тяжелые поранения…» Затем он увидел, как к фаэтону подскочил человек в черной одежде («туземец, но какой нации: армянин или грузин, не знаю») и хотел схватить мешок с деньгами. «Я решил воспрепятствовать этому, — отмечал Жиляев. — Здоровой правой ногой я ступил на дно фаэтона и хотел только левой раненой ногой стать на скамейку, чтобы соскочить с фаэтона и броситься к злоумышленнику, как увидел, что этот молодой человек схватил уже с фаэтона мешок. Я сделал усилие, чтобы спрыгнуть с фаэтона, но в это время у самого моего фаэтона разорвалась бомба, меня оглушило, и я лишился сознания и более ничего не знаю».

Сам Камо появился на площади, когда раздались взрывы. Одетый в офицерскую форму, он ехал в фаэтоне. Ему бросили мешки с деньгами, и он во весь опор погнал с площади. По дороге Камо встретил скакавшего ему навстречу полицеймейстера Тифлиса подполковника Александра Балабанского[34]. Террорист не растерялся. Он откозырял полицеймейстеру и крикнул: «Деньги спасены! Спешите на площадь!» Через несколько дней, когда выяснится, кем на самом деле был этот офицер с деньгами, Балабанский пойдет на кладбище и утром 19 июня застрелится там на могиле своей матери. Того, что произошло на Эриванской площади, подполковник не пережил — он не смог обеспечить безопасность перевозки денег и позволил обмануть себя налетчику. Позор был для него слишком велик…

Вся операция продолжалась чуть больше 10 минут. При ограблении было убито двое городовых, смертельно ранены трое казаков, ранены двое казаков и один стражник. Было ранено 16 прохожих. Все участники ограбления сумели скрыться. Камо довез «изъятые» деньги до конспиративной квартиры, где ими набили полосатый тюфяк. Затем ничего не подозревавший носильщик, которого наняли боевики, перетащил его на другую квартиру, где его, как и положено, уложили на тахту.

Сколько же денег находилось в мешках, похищенных группой Камо? Газета «Русское слово» 14 июня сообщала: «В 11 час[ов] дня, когда казначей казначейства с артельщиком вез из государственного банка 250 000 рублей, на Эриванской площадке в него было брошено около 10-ти бомб, которыми ранены сопровождавшие транспорт шесть казаков, казначей и много случайных прохожих. Воспользовавшись замешательством, грабители вскочили в фаэтон, в котором ехал артельщик, и погнали лошадей к Армянскому базару, захватив артельщика и деньги. Вся местность оцеплена войсками. Производятся усиленные обыски». Потом газета «поправилась»: «Точная сумма похищенных денег — 341 000 руб[лей]. После «экспроприации» задержан окровавленный извозчик, в фаэтоне которого нашли около 9000 руб[лей]. Произведены обыски. Масса арестованных».

Из Тифлиса в Петербург, в Департамент полиции сообщали: «Сегодня в 11 утра в Тифлисе на Эриванской площади транспорт казначейства в 350 тысяч был осыпан семью бомбами и обстрелян с углов из револьверов… похищенные деньги, за исключением мешка с девятью тысячами [рублей], изъятых из обращения, пока не разысканы, обыски, аресты производятся, все возможные аресты приняты». Позже эти данные еще раз уточнили: в «эксе» на Эриванской площади была похищена 241 тысяча рублей. Девять

тысяч террористы взять не успели — они остались в фаэтоне.

В советских публикациях тифлисский налет часто именовался «выдающимся подвигом» Камо. «Экс» был не самым крупным в истории России с точки зрения количества «изъятых» у государства средств, но уж точно одним из самых кровавых и самых громких. Государственный банк пообещал награду в 25 тысяч рублей всем, кто укажет местонахождение похищенных денег. Буквально по всей стране начались аресты и задержания подозрительных лиц. Появлялись сообщения, что организаторы и участники налета арестованы то в Риге, то в Китае, то в Варшаве, то даже в Америке, то в Москве.

Правительство тогда уже знало, что революционеры могут заняться грабежом, но организаторами «экса» сначала называли самые разные партии — эсеры, анархисты, армянские националисты. Еще больше запутало следствие заявление «Тифлисского комитета Российской социал-демократической рабочей партии», который осудил операцию на Эриванской площади, так как считал, что подобные акции только оправдывают в глазах общества репрессии правительства. Но в «комитете» руководили меньшевики, которые и сами не знали, что «экс» проводился по указаниям их коллег-соперников по партии. Была также версия, что ограбление организовали… сами чиновники из Государственного банка.

Не меньше версий появлялось о том, где спрятаны деньги — то в одной из контор транспортного и страхового общества Астрахани, то в грузинском городке Орточалы, где «в герметическом сосуде… опущены в колодезь, расположенный на небольшом расстоянии от местного духана». Некая девица Аделина Межебовская пришла в полицию с повинной уже на следующий день после «экса» и заявила, что она тоже бросала бомбу, которую обнаружила у себя в зонтике. Потом, правда, выяснилось, что она не совсем нормальная. Другая «свидетельница» — прачка Вострикова утверждала, что видела в одном из домов, где стирала белье, 14 подозрительных студентов, приехавших из Петербурга. И якобы потом она опознала некоторых из них, когда они в день «экса» бежали с Эриванской площади. В самом же Петербурге некая Софья Волейша «разоблачила» своего сожителя (незадолго перед этим они крупно поссорились). Его арестовали, но вскоре выпустили.

Впрочем, царские сыщики и жандармы были людьми профессиональными. К началу августа они уже знали, кто стоял за «эксом» на Эриванской площади. В донесении начальника Московского охранного отделения подполковника Михаила фон Коттена в Департамент полиции от 3 августа говорилось: «Ныне совершенно точно выяснено, ограбление в

Тифлисе 250 тысяч рублей 13 июня произведено большевиками Тифлисской организации Российской социал-демократической рабочей партии, при содействии членов некоторых местных организаций. Имеются сведения, что меньшевики предполагают возбудить против участников ограбления преследование в товарищеском суде за нарушение партийной дисциплины». О том, какими источниками в среде социал-демократов располагала «охранка», речь пойдет ниже. Благодаря им у нее «под колпаком» окажется и Камо. Но точно определив организаторов «экса», сыщики пока что не могли выйти на след похищенных денег. Они уже были далеко.

В один из июньских дней 1907 года в купе второго класса поезда Тифлис — Санкт-Петербург вошел молодой, элегантно одетый блондин. Он поздоровался с попутчиками, разложил свои вещи, оставив на столе круглую шляпную коробку. Это никого не удивило — не мять же шляпу, которую вез с собой элегантный господин, на багажных полках! Жандармы, которые после «экса» досматривали вещи пассажиров, не обратили на стоявшую на виду у всех коробку никакого внимания. А зря. Камо (это, разумеется, был он) перекрасился под блондина, а деньги уложил в коробку для шляпы. Он без приключений добрался до столицы, а оттуда, по уже проторенному пути, вместе со своей коробкой отправился в Куоккалу, на дачу Ваза, где экспроприированные в Тифлисе деньги с нетерпением ждали руководители Большевистского центра во главе с Лениным.

X, Y и Z

В Куоккале Камо передал деньги Ленину, Красину и Богданову — все оказавшиеся в его руках 241 тысячу рублей. Деньги разделили. Как вспоминал Александр Богданов, «из них группа решила 23 тыс[ячи] оставить на подготовку новых актов того же рода и на поддержку местных кавказских организаций с[оциал]-демократов] (большевиков), а 218 тыс[яч] передать на общепартийные дела. Она решила вполне довериться в этом отношении трем лицам, членам Большевистского центра…: X (член прежней большевистской финансово-технической комиссии, через которого раньше анонимно передавались деньги от кавказской группы), Y (автор этого отчета) и Z[35]. Через своего уполномоченного представителя «Камо» группа обратилась к этим трем лицам и просила их образовать тайную от партийных и фракционных учреждений коллегию для посредничества между кавказской группой и партией в деле материальной поддержки

партии путем внепартийным [читай — с помощью «эксов». — *Е. М.*]. X, Y, Z согласились. Так была образована «коллегия трех» или «частная Финансовая группа с[оциал]-д[емократов] большевиков».

Как отмечал Богданов, передача денег была основана на «неограниченном доверии к личностям X, Y, Z». При этом Ленин и Богданов написали Камо письменное заявление «о своем принципиальном сочувствии деятельности Кавказской группы, о товарищеской связи с нею, как бы ни отнеслась впоследствии к ней партия». Ситуация действительно была деликатной. И кавказцы, и «коллегия трех» действовали нелегально, нарушая решения формального руководства партии. Поэтому и природа происхождения денег другим членам партии не объяснялась, а когда передавались суммы на нужды той или иной партийной организации, то «форма передачи была анонимной». Однако, как писал Богданов, уже через несколько месяцев «все или почти все члены Большевистского центра знали индивидуально о происхождении денег».

Интересно, что осенью 1907 года меньшевики начали следствие о том, кто стоял за «эксом» на Эриванской площади. ЦК РСДРП послал на Кавказ двух своих представителей. Однако ничего добиться им не удалось. Сначала участники «экса» вообще отказались с ними разговаривать, а потом, по согласованию с Большевистским центром, заявили, что они беспартийные террористы, делают, что хотят, на требования ЦК РСДРП им по большому счету плевать, а если они по-прежнему будут проводить свое следствие «полицейскими методами», то они, террористы, ответят на это «своими методами». Представители ЦК уехали несолоно хлебавши.

По оценкам полиции, «изъятые» средства могли обеспечивать финансовые потребности большевиков лет пять-шесть. Тем временем на даче «Ваза» шли дискуссии о том, что делать с деньгами. Мелкие купюры решили оставить для расходов в России. А вот с крупными пришлось повозиться. Дело в том, что 100 тысяч рублей были в 500-рублевых банкнотах двух серий. Номера этих серий печатали в газетах, о них предупреждали банки, торговые дома, крупные магазины и т. д. Другими словами, если бы большевики попытались разменять или истратить некоторую сумму в 500-рублевых билетах, «охранка» бы тут же вышла на их след.

Выход оставался только один — переправить деньги за границу и попытаться разменять их там. Вывезти их взялся Мартын Лядов — старый большевик и опытный конспиратор. Крупская и жена Богданова Наталья Богданова-Корсак зашили купюры в жилет, который после нескольких «подгонок» и «ушивок» сидел на Лядове «очень ловко». Деньги он перевез

без затруднений. Вскоре за границу отправился и Камо. Но у него были другие цели.

В справке о нем, которую составили сотрудники Департамента полиции в 1909 году, говорилось: «В июле и августе месяцах того же [1907] года он жил у Ленина (Ульянова) в Финляндии, а в сентябре в Льеже встретился с ближайшим своим сотрудником Валлахом[36], который там устроил ему закупку оружия, предназначавшегося к отправке в Россию».

За границу Камо поехал с паспортом подданного Австро-Венгрии, страхового агента Димитрия Мирского. Он побывал в Париже, Льеже, Вене, Цюрихе, Берлине. Дела с закупкой оружия продвигались успешно. Однако Камо не знал, что о его передвижениях и дальнейших планах уже прекрасно осведомлена русская «охранка». И что «стучал» на него человек, который во время этой поездки находился в буквальном смысле рядом с ним.

Арест «анархиста Мирского»

Двадцать девятого сентября 1907 года руководитель резидентуры Департамента полиции в Берлине статский советник Аркадий Гартинг доносил в Петербург: «Имею честь доложить Вашему превосходительству, что на днях в Берлин прибыл некий армянин из Тифлиса, носящий кличку «Камо», настоящая же его фамилия пока агентуре неизвестна; он разъезжает по заграница с паспортом на имя австрийского подданного (из Тифлиса) Demetrius Mirsky. Названный Камо, принимавший участие в устройстве 11 типографий, 3 лабораторий бомб, в массовой доставке оружия, несмотря на свои молодые годы (24 г[ода]), является крайне активным и смелым революционером-террористом, высоко ценимым всеми большевиками, даже Лениным и Никитичем [Красиным. — *Е. М.*]. Правая кисть руки у Камо наполнена осколками взорвавшегося капсюля в момент приготовления бомбы, от этого же у него пострадал и правый глаз.

При ближайшем участии названного Камо кавказцами задумано крупное предприятие, при участии Меера Валлаха (Литвинова) и Никитича, по покупке оружия на экспроприированные деньги и решено таковое направлять, в целях вооружения центров, в огромнейшем количестве, при особой конспирации, на Кавказ и в большие города России, а там его укрывать с особой предосторожностью. Камо и его единомышленники рассчитывают, что, если перерыв революции продолжится года три, то за это время удастся вполне вооружить и

подготовить к восстанию все большие центры России. В общем, этой организацией предположено сделать в декабре и январе закупку оружия тысяч на 50, преимущественно револьверов и патронов к ним, так как везде в организациях теперь решили не приобретать ружей и карабинов, ввиду их неудобства для революционеров; все это закупаемое оружие будет постепенно водворяться через границу в Россию.

В данное время Камо с помощью Меера Валлаха и проживающего в Льеже социал-демократа, студента Турпаева купил на 4 тысячи марок 50 револьверов Маузера и Манлихера и по 150 патронов к каждому, и транспорт этого оружия недели через две будет направлен через границу… а затем направлен в Гродно, откуда Камо (вероятно, переодевшись офицером) его переправит на Кавказ.

Агентура рассчитывает быть своевременно осведомленной о моменте отправки этого транспорта из-за границы, о чем я не премину донести Вашему превосходительству, но при этом позволяю себе просить, в целях охранения агентурного источника и возможности захвата последующих транспортов, не задерживать первый транспорт на границе, при водворении, а лишь дать ему пройти внутрь России, благодаря чему удастся, вероятно, выяснить намеченный Камо путь для перевозки через западную границу больших транспортов на Кавказ.

По имеющимся указаниям, в Военном министерстве в Болгарии служит некий инженер (фамилия пока неизвестна), близко стоящий к социал-демократии, который изобрел особое устройство бомбы, сообщающее ей страшную силу. Хотя он, в расчете получить патент, и не рассказывает секрета своего изобретения, но тайно продает революционерам приготовленные им бомбы На днях вышеназванный Камо вместе с Литвиновым поехали в Софию для закупки 50 штук таких бомб и двух пудов пикриновой кислоты для тифлисской лаборатории, устроенной Камо.

Чемодан с этими бомбами и кислотой Камо намерен переправить в Россию через Румынию по Дунаю».

Донесения Гартинга о Камо поступают в столицу России регулярно. 22 октября он сообщает, что для подготовки крупной экспроприации Камо уже закупил 200 капсюлей для бомб, маленькую динамо-машину, четыре часовых механизма и оружие. Гартинг также сообщил, что Камо хранит чемодан с капсюлями и другим оборудованием у себя на квартире в Берлине.

После этих докладов русская и немецкая полиция договорились об аресте Мирского-Камо (его настоящего имени они тогда не знали). 27

октября полиция нагрянула к нему домой на улицу Эльзассерштрассе, 44. Камо держался спокойно, и когда во время обыска начали вскрывать тот самый чемодан, он сказал, что там только папиросы. Но сыщики были профессионалами своего дела — они быстро обнаружили в чемодане двойное дно, а там 200 запалов с электропроводами, 12 запалов с гремучей смесью, коробка со взрывчаткой и др. Когда все это предъявили Камо, он сначала сильно побледнел, но быстро взял себя в руки. Полицейским он заявил, что ни в чем не виноват, что чемодан принадлежит не ему, а некоему Василию Петрову, который дал его ему на время в Вене. Что же касается двойного дна, то Камо утверждал, что понятия о нем не имел — просто сложил в чемодан свои вещи, и все. Он даже предложил освободить его под залог в 1200 марок, чтобы привезти им из Вены этого самого Петрова. «Он потрясен неблагородством этого Петрова», — отмечалось в протоколе его допроса. Но полицейские, разумеется, на это не купились.

Вскоре в германских газетах появились официальные сообщения об аресте «опасного анархиста-иностранца Дмитрий Мирского, настоящая фамилия которого пока неизвестна также и русским властям». Но как именно полиции удалось выйти на след «Мирского» — об этом не говорилось ничего.

По докладам Гартинга, которые он направлял в Петербург в ноябре и декабре 1907 года, понятно — русской полиции было известно о Камо очень много. О том, что он не анархист, а большевик, что он участвовал в «эксе» на Эриванской площади, что деньги, полученные в результате акции, он отвез в Финляндию Ленину, Богданову и Красину, что большевики вывезли за границу 100 тысяч рублей в 500-рублевых купюрах и будут пытаться их разменять и т. д. Другими словами, все говорило о том, что подобную информацию полиции мог предоставить только человек, очень хорошо знавший самые «интимные» дела большевиков. И такой человек действительно был.

Его звали Яков Житомирский. С начала 1900-х годов он жил в Германии, учился на медицинском факультете Берлинского университета и состоял в организации РСДРП в Берлине. И тогда же стал и информатором немецкой полиции за 250 марок в месяц. А затем немцы «уступили» его Гартингу, на которого он и начал работать, получив конспиративную кличку «Доде».

Житомирский участвовал в работе V Лондонского съезда РСДРП. Когда Камо приехал за границу, он сопровождал и всячески обхаживал его. Камо даже в шутку называл «доктора» (все-таки медик по образованию!) своим гувернером. Житомирский был в курсе сделок по покупке оружия и

взрывчатки, планов большевиков разменять деньги за границей и много чего еще. Все это он аккуратно «сливал» Гартингу[37]. Так что и о чемодане с запалами русская полиция узнала от него.

На допросах Камо пришлось признать, что он не «является тем лицом, на имя которого выдан паспорт». Как сообщал в Петербург полицей-президент Берлина: «Он русский и отказывается назвать свою фамилию, чтобы не навлечь неприятностей на своих проживающих в России родителей». Русская полиция пока тоже не знала настоящую фамилию «Мирского», но для нее было очевидно, что Мирский и террорист Камо — это одно и то же лицо. Если бы в суде это было доказано, то Камо грозило бы в Германии 10 лет тюрьмы. А если бы немцы выдали его России, то, возможно, и виселица. Большевики пытались ему помочь. В Германию прибыл Мартын Лядов, который обратился к одному из лидеров немецких социал-демократов Карлу Либкнехту с просьбой организовать защиту Камо. Либкнехт свел его с депутатом Рейхстага от СДПГ Оскаром Коном, который и стал представлять интересы «Мирского».

В Германию под видом солидного торговца через Швейцарию также отправился Красин. Он сумел добиться нескольких свиданий с Камо в берлинской тюрьме Маобит и остаться с ним наедине (надзирателей подкупили). Во время этих встреч Красин предложил Камо еще один вариант поведения: если его не удастся в ближайшее время освободить из тюрьмы, симулировать сумасшествие. Камо с этим планом согласился.

По случайному совпадению обстоятельств об этом плане не узнал Житомирский — Красин просто не успел с ним встретиться, а тот, соответственно, не сообщил о нем своему полицейскому начальству. Эта случайность во многом повлияла на дальнейшую жизнь Камо.

Тем временем большевики пытались разменять за границей злосчастные 500-рублевые купюры, доставшиеся им после тифлисского «экса». «И вот, — писала Крупская, — группой товарищей была организована попытка разменять пятисотки за границей одновременно в ряде городов. Как раз через несколько дней после нашего приезда за границу была сделана ими попытка разменять эти деньги. Знал об этом, принимал участие в организации этого размена провокатор Житомирский. Тогда никто не знал, что Житомирский провокатор, и все относились к нему с полным доверием».

Житомирский заранее сообщил полиции о планах большевиков разменять деньги сразу в нескольких городах Европы. Он же знал и курьеров, которые должны будут осуществить обмен. Русское правительство проинформировало о предстоящей операции власти этих

стран. В итоге попытка размена закончилась полным провалом. В Париже 4 января арестовали Литвинова и его помощницу Фанни Ямпольскую. У Литвинова нашли 12 тех самых 500-рубле-вых государственных кредитных билетов. Правда, русских революционеров не выдали России, а выслали из Франции.

«В Стокгольме был арестован латыш [Ян Мастерс. — *Е. М.*], член Цюрихской группы, в Мюнхене — Ольга Равич, член Женевской группы, наша партийка, недавно вернувшаяся из России, Богдасарян и Ходжамирян.

В самой Женеве был арестован Н. А. Семашко[38], в адрес которого пришла открытка на имя одного из арестованных».

Эти аресты нанесли по планам большевиков тяжелый удар. Стало очевидно, что «тифлиские деньги» они использовать не смогут. После некоторых размышлений они решили их уничтожить. В конце концов, часть 500-рублевок отдали для уничтожения… Житомирскому, который сдал их в Департамент полиции. Другая их часть позже стала причиной острейших дискуссий и ссор в рядах большевиков. Но об этом чуть позже.

«У меня железная натура…»

Судебный процесс по делу «русского террориста Дмитрия Мирского» открылся в Берлине 14 февраля 1908 года. В зал суда его доставили в невменяемом состоянии. Так, во всяком случае, казалось со стороны.

Камо решил симулировать умопомешательство, когда понял, что суда ему не избежать. По немецким законам его, как душевнобольного, должны были отправить в лечебницу. Следовательно, он избежал бы выдачи русским властям. Он взялся за дело всерьез. Камо рвал на себе одежду. Бил посуду, буянил, дрался с надзирателями, отказывался есть. Во время судебного заседания он то якобы впадал в прострацию, то стонал, то молчал, то начинал кричать. При этом все-таки сказал, что не знает, как его зовут и кто его родители. Знает только, что ему 26–27 лет, и он родился в Тифлисе. В итоге суд решил отложить процесс на неопределенный срок, а подсудимого подвергнуть медицинской экспертизе.

Двадцать третьего мая доктора медицины Гоффман и Липпман, обследовавшие Камо, пришли к выводу, что он «представляет собой в настоящее время душевнобольного человека и останется таковым в будущем, насколько это можно предвидеть». 4 июня его доставили в Евангелическую клинику королевы Елизаветы Херцберге.

Там, судя по сохранившейся истории его болезни, он тоже продолжал убедительно исполнять роль умалишенного — пел песни, нес какую-то околесицу, требовал привести ему женщину, заявлял, что он — Наполеон или что он выпил 10 миллионов литров водки, вырывал у себя усы и волосы и складывал из них на постели различные узоры, на нескольких языках ругал полицию, «ругался по-русски» и заявлял, что вокруг него «испанские инквизиторы».

Его перевели в другую лечебницу — в Берлин-Бух, но и там он вел себя точно так же. Припадки безумия, во время которых Камо резал себе вены и бросался на стены, чередовались с периодами «просветления» — он, как говорится в истории болезни, бывал «скромен и вежлив», держался «непринужденно», «читал русскую литературу». Красин вспоминал: «Он арестован в Берлине и сидит в таких условиях, что, наверное, его песня спета. Сошел с ума. Между нами — не совсем сошел, но это его едва ли спасет. Русское посольство требует его выдачи как уголовного. Если жандармам известна хотя бы половина всего, что он сделал, — повесят Камо».

К тому времени русская полиция уже установила, кем на самом деле является арестованный Дмитрий Мирский. В июне 1908 года Департамент полиции сообщил германским коллегам, что его настоящее имя Симон Тер-Петросян по кличке Камо-Сомехи (Сомехи по-грузински — «армянин».). Немцев также предупредили, что он, возможно, симулирует болезнь, чтобы сбежать из лечебницы.

Русские сыщики как в воду глядели. Но у немцев был свой «орднунг» — то есть порядок. А в соответствии с ним нужны были документальные подтверждения, что террорист Камо это и есть больной Мирский, и что это именно он участвовал в налете на кареты Государственного банка на Эриванской площади в Тифлисе. Русский Департамент полиции сообщил, что таких подтверждений у него нет, однако есть «конфиденциальные сведения, которые не могут быть представлены суду», согласно которым он участвовал в этом «эксе».

Вероятно, учитывая это, а также то, что «больной Мирский» как раз переживал период ремиссии, его решили перевести в тюрьму и снова начать процесс по его делу. 16 апреля 1909 года его доставили в Берлинскую следственную тюрьму, а начало суда было назначено на 3 мая. Но тут с ним снова начались «припадки безумия». Доктор Гоффман сообщал прокурору, что больной отказывался от пищи, что-то бормотал себе под нос, а на его лице «время от времени появлялась идиотская улыбка». Затем он вообще впал в буйство. Он ломал в камере мебель, бросился на надзирателя, и в итоге его связали и поместили в камеру для буйных.

Доктор предполагал, что причиной ухудшения состояния больного стал как раз перевод в тюрьму. «Необходимо, — писал он, — чтобы душевное здоровье Мирского снова значительно и прочно укрепилось, но этого можно ожидать лишь по истечении многих лет». Гоффмана, разумеется, поддержал и адвокат Оскар Кон. В общем, к неудовольствию русской полиции, «Мирского» снова отправили в лечебницу, а суд над ним снова отложили на неопределенный срок.

Когда читаешь медицинские заключения о состоянии здоровья Камо, записи в его истории болезни («скорбные листы») и т. д., то возникает естественный вопрос — как он умудрялся водить за нос 20 месяцев не самых последних психиатров Германии? Пожалуй, в истории не было другого такого же длительного случая симуляции сумасшествия.

Адвокат Кон, наблюдавший «припадки безумия» Камо, иногда думал, что тот действительно сошел с ума (сам-то он прекрасно знал, что его подзащитный лишь симулирует болезнь). «У него воля и талант, каких я

раньше не встречал», — говорил он.

Горький тоже долго расспрашивал Камо о том, как ему удавалось так натурально изображать душевнобольного. «Он, — писал Горький, — пожимал плечами, неохотно, неопределенно:

— Ну как это сказать? Надо было! Спасал себя, считал полезным революции.

И только когда я сказал, что он в своих воспоминаниях должен будет писать об этом тяжелом периоде своей жизни… он задумался, даже закрыл глаза и, крепко сжав пальцы рук в один кулак, медленно заговорил:

— Что скажу? Они меня щупают, по ногам бьют, щекотят, ну, все такое…

Разве можно душу руками нащупать? Один заставил в зеркало смотреть; смотрю: в зеркале не моя рожа, худой кто-то, волосами оброс, глаза дикие, голова лохматая — некрасивый! Страшный даже.

— Зубы оскалил. Сам подумал: «Может, это я действительно сошел с ума?» Очень страшная минута! Догадался, плюнул в зеркало. Они оба переглянулись, как жулики, знаешь. Я думаю: это им понравилось — человек сам себя забыл!

Помолчав, он продолжал тише:

— Очень много думал: выдержу или действительно сойду с ума? Вот это было нехорошо. Сам себе не верил, понимаешь? Как над обрывом висел. А за что держусь — не вижу.

И, еще помолчав, он широко усмехнулся.

— Они, конечно, свое дело знают, науку свою. А кавказцев не знают. Может, для них всякий кавказец — сумасшедший? А тут еще большевик. Это я тоже подумал тогда. Ну как же? Давайте продолжать: кто кого скорей с ума сведет? Ничего не вышло. Они остались при своем, я — тоже при своем».

Но все же — как это ему удавалось? «Позвольте, по каким же материалам вы готовились?» — спросил бы у него один из симулянтов в психбольнице из «Золотого теленка» также, как он спрашивал бухгалтера Берлагу, сбежавшего в лечебницу, чтобы избежать «чистки» на службе, попытавшегося там стать «не более как вице-королем Индии» и с позором изгнанного оттуда профессором Титанушкиным, который «не уважал симулянтов».

Точного ответа на этот вопрос, увы, нет. Считается, он сумел все проделать благодаря своему артистическому таланту и внимательному наблюдению за поведением окружавших его больных. Например, перед вторым началом суда Камо начал изображать расстройство

чувствительности. Он, к примеру, со всей силы бил руками по стене, иногда бросался на нее с разбега, крушил мебель и утверждал, что ничего при этом не ощущает. Никакой боли в ушибленных конечностях. Человек с похожими симптомами лежал с ним в лечебнице раньше, и Камо изучал его поведение. Научился в точности воспроизводить даже «идиотское», по словам врачей, выражение лица и походку, характерные для таких больных.

Нельзя сказать, что ему сразу поверили. И врачи, и полиция все еще полностью не отказались от версии симуляции. Было решено проверить Камо «на чувствительность». Другими словами — действительно ли он вообще не чувствует боли. Эти эксперименты мало отличались от пыток. Ему кололи спину и голову стальными иголками, втыкали их же под ногти, прижигали ноги и бедра раскаленными металлическими стержнями, били по ногам. Расчет был прост: если он действительно болен, значит, ничего не почувствует. Если же пациент симулирует, то подобных «опытов» он не выдержит и закричит.

В советском художественном фильме о Камо «Лично известен» (1957 год, режиссер Степан Кеворков) обыгрывается такой эпизод: один из врачей прижигает Камо руку и наблюдает за реакцией его значков — если человек испытывает боль, то под действием адреналина зрачки расширяются. Естественно, что так и произошло. Тогда врач понял, что фактически пытал нормального человека, который обладал неимоверным мужеством и силой воли — ведь он ничем не выдал, что чувствует боль. Потрясенный этим медик не выдал Камо.

Было ли что-то подобное на самом деле или нет — сказать трудно, но факт остается фактом. Камо ни разу не подал виду, что испытывал жуткую боль. Правда, время от времени, когда наступало «улучшение» его состояния, он отвечал на вопросы доктора Вернера. Признался, что его зовут Симон Тер-Петросян, что с детства его интересовали социалистические книги. Но когда Вернер назвал его анархистом, то так разозлился, что отказался разговаривать. Жаловался на то, что его арестовали беспричинно, а чемодан со взрывателями — это «проделки русской полиции», которая «на все способна, чтобы заслужить орден». На вопрос о вере в Бога ответил, что его религией является социалистическое государство. «Я верю в Карла Маркса, Энгельса и Лассаля», — заявил он.

Седьмого июня 1909 года главный врач берлинской психиатрической больницы доктор Вернер сделал вывод: пациент действительно болен, симулировать наблюдаемые у него симптомы невозможно, к участию в судебном процессе и отбыванию наказания он в настоящее время не способен.

Германскую юстицию и полицию Камо больше не интересует. А вот русскую — даже очень. Немцы решили сделать русским коллегам подарок, а заодно избавиться от неудобного человека. Несмотря на старания Оскара Кона предотвратить высылку, Камо вывезли на германо-русскую границу и 21 сентября 1909 года передали русским властям на Ленженском пограничном переходе Калишской губернии. Оттуда, через Варшаву, Полтаву, Новочеркасск, — Владикавказ его везут «домой» — в тифлисский Метехский замок. В ножных, а иногда и в ручных кандалах.

«Не хочу умирать в тюрьме»

На новых допросах Камо признался в том, что уже и без него знали следователи и сыщики: он действительно член РСДРП, его арестовывали за распространение нелегальной литературы в Батуме. Однако свое участие в «эксе» на Эриванской площади категорически отрицал. В крайнем случае жаловался на провалы в памяти.

Его не раз спрашивали, где он получил ранения глаза и руки. Камо отвечал — нашел небольшой патрончик, хотел его разрезать ножницами, а тот вдруг взорвался. Однако его направили на медицинскую экспертизу и в декабре 1909 года извлекли из руки множество мелких осколков. Их анализ показал, что они могли образоваться только в результате срабатывания взрывного устройства. Причем такого же типа, какие были использованы на Эриванской площади. Это была очень серьезная улика против Камо.

Его дело передали в военный суд. Заседание началось 26 апреля 1910 года. На суде Камо снова появился в виде душевнобольного. Он кормил бубликом прирученного им в тюрьме воробья Ваську, а когда ему задавали вопросы, то пытался всучить бублик прокурору или судьям. В Тифлисе повторился «немецкий сценарий» — процесс отложили, а Камо снова отправили на обследование.

Надо сказать, что тифлисские жандармы были очень недовольны этим решением. Их начальник полковник Пастрюлин[39] предупреждал председателя Кавказского военноокружного суда, что Камо симулирует сумасшествие, чтобы попасть в больницу «в надежде на осуществление оттуда побега». Умен был полковник, нечего сказать.

Впрочем, Камо в каком-то смысле повезло. Следователи и полицейские хотели сами уличить его в симуляции и тянули с экспертизой еще полгода. Но им расколоть Камо не удалось. Тот снова удачно играл роль душевнобольного с расстроенной чувствительностью. Он жаловался,

что его в камере атакуют мыши, а кошка и лисица пытаются проникнуть в камеру и съесть его воробья. Пугался, что у него из носа вытекает нос.

Только 20 сентября 1910 года состоялось обследование Камо, в котором принял участие психиатр Давид Орбели. В ходе экспертизы его кололи иголкой, прикладывали под лопатку зажженную сигарету. Вывод: «болевая чувствительность совершенно отсутствует». Камо что-то бормотал, напевал, кормил своего воробья, отвечал на вопросы разную ерунду. «За что вы сидите в тюрьме? — За мое величие». «Сколько пятью пять? — Двадцать пять. Я знаю… У меня 50 миллионов есть за границей, где я жил». «Учились где-нибудь? — В Петербурге бывал в актовом зале». Заключение комиссии: пациент страдает «истерическим психозом с переходом в слабоумие». Тем не менее было принято решение «подвергнуть наблюдению подсудимого Семена Аршакова Тер-Петросяна в видах более точного выяснения о состоянии его умственных способностей» в психиатрическом отделении тифлисской Михайловской больницы. В больницу Камо доставили 21 декабря 1910 года в кандалах вместе с его новым другом — воробьем Васькой.

В больнице он тоже все время находился в кандалах и под усиленной охраной. За ним постоянно велось наблюдение. Время от времени устраивались обследования и экспертизы. Но Камо вел себя безукоризненно, в том смысле, что продолжал разыгрывать из себя сумасшедшего. На основании этих наблюдений 12 мая 1911 года Особое присутствие Тифлисского окружного суда определило, что он действительно страдает умственным расстройством в форме истерического психоза, переходящего в слабоумие. 9 июня военный прокурор Кавказского военноокружного суда сообщил главному врачу Михайловской больницы, что уголовное преследование против Тер-Петросяна приостановлено, но что арестованного нужно содержать под стражей. На всякий случай его хотят перевести в больницу Метехской тюрьмы. Там, конечно, охрана серьезнее и сбежать оттуда тяжелее. Камо это прекрасно понимал. Ему удалось передать записку своей сестре Джаваире: «Не думаете ли вы, что я действительно сумасшедший? Я симулирую, меня мучают, страдания дальше становятся невыносимыми. Спасение в побеге, не хочу умирать в тюрьме, постарайтесь организовать побег, хочу еще поработать».

Пятнадцатого августа во время разноса больным чая Камо попросился в туалет. Дежурный надзиратель проводил его до уборной, а сам пошел к другому больному, который буйствовал и стучал в дверь. Когда же принесли чай в камеру Камо, то выяснилось, что его там нет. Не было его и в туалете. Он исчез.

«Кандалы распилил себе на ногах…»

Исчез, конечно, не бесследно. На месте побега остались следы — выломанная решетка на окне, веревка, которая была найдена под окном, и несколько «тонких лобзиковых пилок», как говорилось в рапорте полиции. Окно от земли находилось на расстоянии «около 2′*А* до 3-х саженей» (5–6 метров). При этом больничное начальство клялось и божилось, что не снимало с Камо кандалов.

Как же ему все-таки удалось бежать? Об этом стало известно позже, из показаний служителя больницы, недавнего крестьянина Игната Брагина, которого Камо «перевербовал». Он рассказал ему, что хочет совершить побег за границу. Брагин удивился — Камо говорил с ним как совершенно здоровый человек. Он попросил его отнести записку его сестрам Джаваире и Арусяк. Брагин отнес. Товарищи Камо на свободе начали подготовку к побегу: купили веревку, лобзик, лобзиковые пилки английского производства (Камо в своем послании настаивал именно на них). Дальше все происходило как в каком-нибудь приключенческом романе — лобзик, пилку и веревку спрятали в пироге, а пирог передали в камеру Камо, тот спрятал их в матрасе. В тюрьме это ему вряд ли бы удалось — там камеры обыскивали почти каждый день, а в больнице порядки были куда как мягче.

Теперь, когда на дежурство заступал Брагин, Камо начинал пилить кандалы. «Он и кандалы себе распилил на ногах, пропилил нижнее кольцо и скрепил его проволокой», — рассказывал Брагин. Перепиленные места он еще замазывал хлебом и ходил так около недели. По словам Брагина, решетку в туалете Камо пилил пять-шесть дней. Накануне побега с помощью того же Брагина он скоординировал свои действия с Тифлисским комитетом большевиков.

Дальше всё разыграли как по нотам. В оговоренное время он посмотрел в окно и увидел, как стоявший на другом берегу реки Кура представитель комитета Котэ Цинцадзе махал платком. Это означало, что поблизости никого нет и можно начинать действовать. Камо попросился в туалет, где снял кандалы, отогнул решетку и спустился по веревке вниз. Правда, веревка оборвалась, и он упал на землю с высоты примерно двух с половиной метров.

Он перешел Куру вброд (место перехода знал заранее), по пути утопил кандалы, а на другом берегу быстро надел на себя плащ и фуражку, которые принес Цинцадзе. Они сели на извозчика, потом — на трамвай. Поселили Камо в доме, где находилось управление полицмейстера Тифлиса. С

особым, конечно, умыслом: уже где-где, а рядом с самим полицмейстером беглого террориста вряд ли будут искать. Так оно и вышло.

Скандал, разумеется, получился громким. Полиция попыталась выйти на след Камо с помощью собак, которым дали обнюхать его вещи. Но собаки, покрутившись на набережной Куры, след потеряли. Что и понятно — за извозчиком и трамваем они пойти никак не могли. Дело принимало серьезный оборот. В Петербурге с причинами побега и виновными пригрозил разобраться сам премьер Петр Столыпин. Еще бы — ведь даже европейские газеты писали о «дерзком побеге русского анархиста», ехидно намекая на то, что еще непонятно, кто именно страдал слабоумием: бежавший террорист или охранявшая его русская полиция. Да еще немцы забеспокоились — по слухам, «анархист Тер-Петросян, мнимый Димитриус Мирский» бежал в Германию. Как такое могли допустить русские власти? Из Берлина поступили официальные послания с просьбой прояснить этот вопрос. В общем, позор на всю Европу.

Полиция в буквальном смысле сбилась с ног — по Кав казу были разослан секретный циркуляр с описанием внешности Камо и его примет, десятки полицейских и филеров без отдыха «патрулировали» улицы, вокзалы, дороги, порты, но безрезультатно. Впрочем, нет. Кое-какие результаты все же были. Надзиратель Брагин, который по совету Камо накануне его побега уехал в Кутаис и хотел скрыться, был арестован. Задержали и других служащих Михайловской больницы. На допросах Брагин «раскололся», рассказал о том, как готовился побег из больницы, и вывел следствие на след организаторов побега. Были также арестованы Котэ Цинцадзе и сестры Камо.

Газета «Русское слово» сообщала из Тифлиса 24 февраля 1913 года: «Сегодня, после пятидневного разбирательства, в особом присутствии Тифлисской судебной палаты закончилось дело о девяти обвиняемых в содействии побегу из психиатрической больницы политического преступника Тер-Петросова и слабый надзор за ним.

Содействовавшие побегу подсудимые Цинцадзе и больничный надзиратель Брагин приговорены в каторжные работы на шесть лет каждый, две родные сестры Тер-Петросова, 21-го и 18-ти лет, осуждены в ссылку на поселение. Остальные обвиняемые оправданы».

А 14 июля еще одно сообщение: «В Особом присутствии Тифлисской судебной палаты слушалось кассированное Сенатом дело об организации побега из Михайловской больницы симулировавшего сумасшествие армянского писателя Тер-Петросова.

При первом разбирательстве дела содействовавшие побегу Брагин и

Цинцадзе были приговорены к каторжным работам, а сестры Тер-Петросова — к ссылке на поселение.

Палата в новом составе смягчила наказание, приговорив Брагина и Цинцадзе к ссылке на поселение, а сестер Тер-Петросова в крепость: одну — на 8, другую — на 5 месяцев».

Но самого Камо тогда задержать не удалось. «Я решил уехать за границу и научиться управлять аэропланом — хорошо бомбы бросать!» — говорил он одному из своих товарищей вскоре после побега. И действительно, вскоре он был за границей. Из дома в Тифлисе, где он скрывался, Камо вышел в черном парике, с накрашенными усами и в мундире учителя гимназии. Ему купили билет на поезд, но он сел в него в самый последний момент, а до этого прятался в овраге, недалеко от станции.

Он добрался до Батума, где хотел сесть на пароход, идущий в Константинополь. Документы турецкого торговца, продающего табак, пряности, фрукты и другие восточные товары, служили ему надежным прикрытием. Бороду он сбрил, зато отрастил огромные, закрученные кверху и надушенные усы.

До самого парохода его провожал Котэ Цинцадзе. Он вспоминал, что они выехали из Тифлиса в день покушения на Столыпина в Киеве[40]. После смерти Столыпина Камо сказал Цинцадзе: «Я огорчен по поводу смерти Столыпина». «Почему?» — спросил тот. «Я хотел его убить, чего бы это мне ни стоило», — ответил Камо.

Он безо всяких проблем сел на пароход и добрался из Батума до Константинополя. В поле зрения русского сыска Камо снова попал уже в Брюсселе. Департамент полиции получил от своей агентуры донесение о том, что «Камо-Мирский (Тер-Петросян) в декабре минувшего [1911] года приехал в Брюссель к Богданову. Оттуда совместно с последним Камо-Мирский приехал в Париж».

«Пытать будем, на кол посадим»

Крупская вспоминала, что Камо «страшно мучился тем, что произошел раскол между Ильичем, с одной стороны, и Богдановым и Красиным — с другой. Он был горячо привязан ко всем троим. Кроме того, он плохо ориентировался в сложившейся за годы его сидения обстановке. Ильич ему рассказывал о положении дел».

Действительно, между Лениным и Богдановым (и примкнувшим к

нему Красиным) к тому времени произошел фактический раскол — как по вопросу политической тактики большевиков, так и из-за различного подхода к философии марксизма (подробнее о причинах этого раскола — в очерке об Александре Богданове).

Но не меньше проблем в отношениях между ними создавал и финансовый вопрос. Об этом в советское время старались особо не писать. Ну а поскольку этот вопрос имел отношение и к Камо, то мы все-таки остановимся на нем подробнее.

После истории с арестом большевиков, пытавшихся разменять 500-рублевые банкноты, «изъятые» у государства на Эриванской площади, часть этих денег оставалась у сторонников Ленина, а часть — у сторонников Богданова. В это время большевики и меньшевики формально состояли в одной партии, и ЦК (в нем преобладали меньшевики), запретивший «эксы», постановил: оставшиеся от налета на почтовую карету в Тифлисе банкноты сжечь. Сторонники Ленина согласились с этим и передали свою часть денег (9 тысяч рублей) ЦК для сожжения. А сторонники Богданова отказались, сославшись на то, что деньги им доверила Кавказская группа и она и должна решать их судьбу. У богдановцев оставалось 53 билета по 500 рублей.

В августе 1910 года «кавказцы» попросили у Ленина, Богданова и Красина денег для подготовки побегов нескольких своих товарищей. Ленин ответил, что денег у большевиков больше нет — все они переданы партии. Богданов и Красин обещали помочь, но вскоре узнали о новом крупном провале в Америке, где был задержан очередной их агент, пытавшийся разменять 500-рублевые билеты. Тем не менее, вспоминал Богданов, «кавказцам было сообщено, что для них имеется 1000 франков и плюс разменные 500 р[ублей], и хотя этого недостаточно, но больше в данный момент невозможно, вследствие провала в Америке». Именно на эти деньги и был организован побег Камо.

Когда Камо оказался за границей, он снова обратился к Ленину с просьбой выделить деньги для освобождения оставшихся в тюрьмах «кавказцев». Ленин снова отказал, но посоветовал попросить об этом Богданова и Красина. Но Богданов и сам уже находился в сложном положении: раньше он создал в партии «левую» группу «Вперед», вскоре его самого из этой группы фактически выгнали, а деньги остались у нее. Но Богданов и Красин собрали для Камо чуть больше двух тысяч франков. Сумма незначительная, но Камо всегда помнил этот поступок.

Склока между большевиками из-за «тифлисских денег» продолжалась еще долго. Они выясняли отношения, организовывали «третейские суды»,

писали обличительные памфлеты и др. А мнение человека, который, как ни крути, добыл для них эти деньги, рискуя собственной шкурой, как-то их мало интересовало. Наивный и по-своему честный «чернорабочий революции» Камо только переживал, видя, как ругаются люди, которых он очень уважал. Да еще придумывал различные зверские казни сдавшему его предателю (об этом он уже знал).

«Камо попросил меня купить ему миндалю, — вспоминала Крупская. — Сидел в нашей парижской гостиной-кухне, ел миндаль, как он это делал у себя на родине… и придумывал казни тому провокатору, который его выдал… Ильич слушал и остро жалко ему было этого беззаветно смелого человека, детски-наивного, с горячим сердцем, готового на великие подвиги и не знающего после побега, за какую работу взяться. Его проекты работы были фантастичны. Ильич не возражал, осторожно старался поставить Камо на землю, говорил о необходимости организовать транспорт и т. д. В конце концов было решено, что Камо поедет в Бельгию, сделает себе там глазную операцию (он косил, и шпики сразу его узнавали по этому признаку), а потом морем проберется на юг, потом на Кавказ. Осматривая пальто Камо, Ильич спросил: «А есть у вас теплое пальто, ведь в этом вам будет холодно ходить по палубе?» Сам Ильич, когда ездил на пароходах, неустанно ходил по палубе взад и вперед. И когда выяснилось, что никакого другого пальто у Камо нет, Ильич притащил ему свой мягкий серый плащ, который ему в Стокгольме подарила мать и который Ильичу особенно нравился».

Вариант с глазной операцией не удался. Пытались устроить еще пластическую операцию у известного парижского хирурга. Ленин чуть ли не лично водил Камо к нему.

Но и тут ничего не вышло — врач за операцию не взялся. Хотя посоветовал Камо всегда иметь при себе пузырек с эфиром. В случае чего обрызгаешь им подошвы ботинок, и ни одна собака след не возьмет.

Камо хотелось в Россию. Ему не нравились эмигрантские склоки и сплетни. В одном из писем Богданову он обругал одного из основоположников русского марксизма и меньшевика Георгия Плеханова «старой задницей». В другом жаловался, что Ленин долго объяснял ему философское понятие «материя», а он так ничего и не понял… В общем, Камо хотелось конкретных дел. В России, в тюрьмах, сидели его товарищи по боевой группе. Нужно было отомстить предателю (а как же еще?). Он подозревал кого-то из «виднейших товарищей, работающих в России». И рассказывал, как будет добиваться от них правды: «Придем к тебе, арестуем, пытать будем, на кол посадим. Начнешь болтать: ясно будет, чего

ты стоишь. Выловим так всех провокаторов, всех трусов». Но пока возвращаться в Россию ему не пришлось. Он отправился на Балканы выяснять возможности закупки и перевозки оружия. Поручение Ленина. Поехал с удовольствием — здесь он тоже был в своей стихии.

Несколько месяцев Камо мотался по Балканам: Турция, Болгария, Греция, снова Турция. Он вступал в контакт с болгарскими социал-демократами, македонскими националистами-революционерами, организацией младотурок, турецким министром внутренних дел и начальником турецкой полиции, армянскими националистами, грузинскими эмигрантами. Да и сам представлялся им то грузинским федералистом, то армянским националистом, то членом «Международного комитета помощи турецким христианам», то турецким торговцем.

В Болгарии его арестовали как турецкого шпиона, но вскоре выпустили — заступились болгарские эсдеки. В Греции в него влюбилась некая певица. И что еще хуже, его тоже потянуло к ней. Тогда он грубо сказал ей, что она ему не нужна, и она, вся в слезах, ушла. Позже Камо объяснял, что и ему было тяжело, но он хотел, чтобы она считала его плохим человеком, поскорее смогла бы его забыть и не переживать об этом разрыве.

Ну а еще он наконец-то своими глазами увидел Грецию, которой интересовался еще в детстве. «Попав в 1912 г[оду] в Грецию, — писал он в автобиографии, — я с бесконечным интересом осматривал ее. И несколько раз посетил Парфенон».

«Мы опять продолжим свое!»

Камо вернулся в Россию в августе 1912 года. Он снова попытался собрать боевую группу и начать экспроприации. Но вдруг с изумлением понял, что его идеи теперь никто не разделяет. «Времена изменились», говорили ему. Теперь уже «эксы» не так актуальны, как пять-шесть лет назад. Методы партизанской войны сданы в архив.

Он ничего не понимал. Как же так? Но и посоветоваться ему было не с кем. Ленин — за границей, создает фактически новую партию большевиков и разрабатывает новую тактику. Богданов тоже в эмиграции, но в активной политике участвует все меньше и меньше, зато больше занимается просвещением рабочих и философией. Однако Камо написал ему письмо, в котором доказывал, что «очень трудно всякое завоевание голыми руками и пустой головой». Он убеждал, что необходима «прочная и преданная

организация… то есть эксовская группа», и что для начала «нужно взять 100 тысяч, миллион». «Мы опять продолжим свое!» — заявлял Камо. Однако Тифлисский комитет большевиков категорически запретил «экс».

Но Камо не успокоился. Он решил ехать в Москву, к третьему человеку, который был для него настоящим авторитетом, — к Красину. Правда, Красин в то время политикой не занимался совсем. После того как они с Богдановым поругались с Лениным, он вернулся к своим инженерным занятиям. Поступил на работу в немецкую фирму «Сименс — Шуккерт» в Берлине и быстро там сделал карьеру.

Но тем не менее Камо поехал к нему. Красин встретил его радостно, но об «эксе» даже слышать не хотел. «Ты действительно сумасшедший», — сказал он ему. «Дал 100 рублей, — вспоминал Камо. — Советовал выехать за границу и обещал присылать помесячно, а потом в продолжение года собрать 1000 рублей и приступить к делу. Я не послушался, выехал обратно».

Он все же решил — «эксу» быть. Пытался раздобыть денег в Баку, Эривани, Тифлисе. Наконец собрал группу из пяти человек. Динамит раздобыли у рабочих медных рудников в местечке Алаверды.

В 6 часов 30 минут 24 сентября 1912 года группа Камо совершила нападения на две почтовые повозки, которые шли из Тифлиса в Манглис. Попытка «экса» состоялась на Коджорском шоссе в трех верстах от Тифлиса. Надо сказать, что ни своим масштабом, ни организацией эта акция не напоминала операцию на Эриванской площади. Первая повозка, к примеру, везла только пять тысяч рублей. Да и у террористов все пошло наперекосяк. Первые две бомбы вообще не взорвались. Еще две сработали — ими были убиты ямщик и стражники одной из повозок. Но один из конвойных не растерялся и открыл огонь по нападавшим, которые поспешили отступить в горы. На этом все и закончилось.

Вскоре полиция с помощью своей агентуры выяснила, что организатором неудавшегося «экса» был Камо. На некоторое время он «залег на дно», но потом снова начал выходить в город. И его тут же засекли агенты полиции. 9 ноября Камо видели в театре, через несколько дней — на Солдатском базаре. Некоторое время происходило что-то вроде поединка между ним и полицией. Камо переодевался, менял — как и раньше — свой облик, появлялся то в Баку, то в Ростове-на-Дону, то в Петербурге, то в Москве. Однако агенты не упускали его из виду, хотя и задержать «опасного террориста» не удавалось. Удалось только в январе 1913 года.

Вечером 5 января полицейские филеры опознали на Военной улице

Тифлиса одного из участников нападения на почтовые повозки на Коджорском шоссе и помощника Камо Григория (Гигу) Матиашвили. Вместе с двумя неизвестными он подозрительно прохаживался вблизи телеграфной конторы. На следующий день они появились там снова. Их поведение показывало, что они осматривают и изучают подходы к телеграфу. 10 января двое из этих подозрительных были арестованы. Один из них назвался болгарином Николой Трайчевым, другой — дворянином Кутаисской губернии Михаилом Жгенти. Однако полицейские быстро установили, что Трайчев — это Камо, а Жгенти — Гиго Матиашвили.

Девятого февраля закованного в кандалы Камо привезли в уголовное отделение Тифлисского окружного суда, где проверили его умственные способности. На этот раз симулировать не было смысла, так что суд быстро установил, что обвиняемый не страдает расстройством рассудка. 11 февраля его допросили, он признал, что его зовут Симон Тер-Петросян, и добавил, что «никогда не совершал преступлений для личных выгод, как грабитель и разбойник, а всегда действовал только в интересах политических партий и в их целях». «Больше ничего показать не имею», — добавил он.

Закованного по рукам и ногам его в очередной раз отправили в Метехскую тюрьму и поместили в камеру смертников. Приговора еще, конечно, не было, но мало кто сомневался в том, что на этот раз его уже точно ждет виселица. Да и он сам это знал. Впрочем, был еще один шанс.

Тюрьма и революция

Следствие не было долгим. Собственно, все и так было понятно. Уже 1 марта 1913 года открылось заседание Кавказского военноокружного суда. Камо привезли под усиленной охраной. Корреспондент газеты «Баку», присутствовавший в суде, отмечал, что он хорошо выглядел, сбрил бороду, подстриг усы и что-то оживленно рассказывал своему защитнику. Очевидно, в это время он уже знал, что шанс на сохранение жизни у него все-таки есть.

Суд продолжался всего два дня. В последнем слове Камо заявил, что «все сделал для революции, что смог. Дальнейшее не в моей власти». 2 марта был объявлен приговор — смертная казнь через повешение. Но приговор тут же был смягчен. В связи с празднованием 300-летия династии Романовых, которое как раз отмечалось в эти дни, император подписал Высочайший манифест, который в том числе объявил амнистию ряду

категорий преступников. Смертные приговоры за преступления, совершенные до торжественной даты, согласно этому документу, отменялись. Так что и Камо смертную казнь заменили двадцатилетней каторгой. Говорят, вскоре после оглашения приговора он сказал: «Все равно я долго сидеть не буду».

Сначала он отбывал наказание в Метехской тюрьме. Оттуда он писал сестрам: «У меня железная натура, и все для меня нипочем». В марте 1915 года его перевели в Харьковскую тюрьму. По дороге он пытался сбежать из поезда. Сестра Камо Джаваир передала ему пирожки со снотворным, пилку и одежду. Он угостил пирожками солдат, и те заснули. Затем Камо начал перепиливать кандалы, но пилка сломалась, а бежать из поезда в цепях не было никакого смысла. Так что попытка побега сорвалась.

Пытался он бежать и из Харьковской тюрьмы. Один из планов был таким: заболеть, «умереть», попасть в морг, а оттуда уже бежать. Камо начал пить настой на махорке. Он худел, страдал болями в желудке, бледнел и вообще больше и больше походил на смертельно больного. Осталось только «умереть», но тут ему рассказали, что в соответствии со старинной каторжной традицией умершего бьют по голове деревянным молотом. На всякий случай. Проверять, правда ли это или только легенда, Камо не захотел. Пришлось «выздоравливать».

С побегом так ничего и не получилось. Камо сидел до самой Февральской революции. Впрочем, даже после ее начала он не питал особых иллюзий о своем будущем. 5 марта 1917 года он писал сестрам, что не ожидает ничего хорошего. «Люди, взявшие власть, как мне кажется, не способны сделать ничего дельного, — считал он. — …Если, несмотря на все, меня не освободят, вы не хлопочите и не просите никого обо мне. Если они забудут меня, тем лучше для меня и тем хуже для них». Уже на следующий день он был освобожден и уехал в Баку. 30 марта Камо приехал в Баку, откуда направился в Тифлис. Старые друзья, вышедшие из подполья и тюрем, узнали его с трудом — он похудел и выглядел больным и слабым. Действительно, Камо чувствовал себя плохо, особенно донимала болезнь желудка — сказался регулярный «прием» махорочного настоя. Да и вообще годы тюрем и симуляции сумасшествия здоровья не прибавляют.

Позже он признавался — тогда даже возникала мысль о самоубийстве. Хотел прыгнуть с моста в Куру — «один прыжок вниз — и все кончено». Камо все же пересилил себя. В мае он уехал в Петроград, к Ленину. Хотел участвовать в партийной работе, но Ленин отослал его обратно на Кавказ — лечиться. Июль и половину августа 1917 года он провел на минеральных водах, на курорте Уцера в Кутаисской губернии.

«Привяжу тебе на живот бомбу»

В конце 1917 года ситуация в Закавказье была крайне сложной и запутанной. В Петрограде и в Москве к власти пришли большевики. Они объявили о перемирии с Германией и ее союзниками. В Бресте начались мирные переговоры.

В Тифлисе же 15 (28) ноября был создан Закавказский комиссариат. В феврале 1918 года он созвал Закавказский сейм. Советскую власть он признал, но, самое главное, не признал подписанный правительством Ленина Брестский мир с Германией и ее союзниками. По Брестскому договору Турция получала населенные грузинами и армянами области Батума, Карса и Ардагана. Грузинские и армянские представители в сейме объявили, что считают себя находящимися в состоянии войны с Турцией.

Тогда турецкие войска начали наступление и заняли Батум, Эрзерум, Карс, Ардаган. В качестве условия для начала мирных переговоров турки потребовали формального выхода Закавказья из состава России. 22 апреля 1918 года сейм провозгласил создание независимой Закавказской Демократической Федеративной Республики — на территориях современных Грузии, Армении и Азербайджана. При посредничестве Германии она начала переговоры с Турцией.

На переговорах, однако, выяснилось, что турки хотят еще больше, чем им должно было достаться по Брестскому договору. К тому же их войска продолжали наступление и в мае 1918 года находились уже в 25 километрах от Тифлиса. Тогда грузины обратились за покровительством к Германии.

Седьмого июня 1918 года первые части германской армии прибыли в порт Поти. В ночь на 8 июня грузинская делегация Закавказского сейма объявила о выходе Грузии из федерации. Было провозглашено создание Грузинской Демократической Республики. 10 июня возникли самостоятельные «демократические республики» Армения и Азербайджан. 23 июня германские войска вошли в Тифлис. Их гарнизоны стояли также в Кутаисе, Гори, Очамчире. По договорам с Грузией Германия получала фактически монопольное право на эксплуатацию грузинских природных ресурсов. Из страны вывозили медь, марганец, табак, хлеб, чай, вино, фрукты и т. д.

Туркам, впрочем, тоже кое-что досталось — грузины отказались от претензий на Батумскую область и несколько городов. Так что мирное

покровительство Германии обошлось Грузии так же дорого, как и Советской России «похабный», по словам Ленина, Брестский мирный договор с немцами.

Немцы и турки находились в Закавказье до ноября 1918 года. Потерпев поражение в Первой мировой войне, они вынуждены были вывести свои войска. А им на смену пришли англичане. К концу 1918 года численность британских войск в Грузии достигала уже 25 тысяч, а во всем Закавказье — 60 тысяч человек.

А где же в это время находился Камо? Этот период его биографии как бы скрыт за «дымовой завесой». В конце 1917 года он был в Петрограде, потом вроде бы участвовал в боях первых красногвардейских отрядов под Псковом и Нарвой, а затем, в марте 1918 года, возвратился в Тифлис. Что же он там делал в это бурное время?

Оказывается…учился. Именно так: писал диктанты, изучал русскую грамматику, арифметику и геометрию. Особенно полюбил доказывать теоремы. Утром вставал, занимался гимнастикой, обливался холодной водой и занимался. Не курил, не пил вина и отказывался говорить о политике и революции. «Не растравляй мне раны», — просил он. Странное поведение, которому в советских биографиях Камо никогда не давалось объяснения. Причин может быть только две. Во-первых, расстроенное здоровье. И, во-вторых, запрет «сверху» предпринимать что-нибудь против немцев и их союзников поневоле — грузинского правительства, в котором преобладали ненавидимые Камо меньшевики.

Большевикам был очень важен (до поры до времени) мир с Германией, и он ни в коем случае не должен был быть поставлен под угрозу срыва из-за какого-нибудь «экса» или теракта, устроенного неудержимым Камо. Вот, вероятно, ему и рекомендовали заняться учебой и здоровьем, пока время есть… Еще вопрос — почему в Тифлисе его не трогали ни местные власти, ни немцы? Вряд ли они не знали, кто именно живет в Тифлисе на Великокняжеской улице. Но, во всяком случае, до конца 1918 года жизнь Камо проходила довольно спокойно и размеренно.

В феврале 1919 года в Грузии прошли всеобщие выборы, по итогам которых было сформировано правительство меньшевиков во главе с Ноем Жордания[41]. Большевики находились в подполье и пытались готовить восстание. В начале мая в Тифлис с директивами прибыл Серго Орджоникидзе. Обратно в Советскую Россию через Северный Кавказ он попасть не мог — он уже был занят белыми войсками генерала Деникина. Тогда Камо предложил другой путь — через Баку, Каспийское море и Астрахань, где удержалась советская власть.

В группе, которая должна была выехать из Грузии, насчитывалось 13 человек. В том числе и сам Камо, которому не терпелось снова начать действовать. Тем более что теперь его уже ничего не сдерживало. В Германии свергли кайзера. Брестский мир аннулирован, речь вообще шла о европейской революции. Да и в России хватало дел — Гражданская война разгоралась все сильнее.

«Особый отряд для взрывов etc.»

Подпольщики из Баку, которыми руководил Анастас Микоян, достали для них парусный баркас и продукты — рис, сухари, рыбу и… черную икру.

Плавание через Каспийское море продолжалось 13 дней. Несколько из них фактически простояли — пропал ветер; пассажиры баркаса страдали от жажды — пресной воды на борту оказалось очень мало. В самый тяжелый момент, как по заказу, подул попутный ветер, и баркас благополучно добрался до Астрахани. Отсюда они направились в Москву. Камо чуть ли не с вокзала пошел в Кремль, к Ленину. Вручил ему подарок — варенье из грецких орехов, которое провез с собой из Тифлиса через Каспий в Москву.

Камо предложил Ленину организовать диверсионный отряд для действия в тылу противника. Он знал, о чем говорил — этого-то опыта у него было хоть отбавляй. Ленин согласился. Он написал заместителю председателя Реввоенсовета Эфраиму Склянскому и члену Реввоенсовета Ивару Смилге такую записку:

«Тов. Склянский и тов. Смилга!

Я знаю одного товарища *досконально*, как человека **совершенно исключительной** преданности, *отваги*[42] и энергии (насчет взрывов и смелых налетов особенно). Предлагаю:

(1) дать ему возможность поучиться командному делу (принять все меры для ускорения, особенно чтения лекций и проч.),

что можно сделать?

(2) поручить ему организовать особый отряд для взрывов *etc. в тылу* противника».

Камо начал формировать свой «отряд особого назначения»: лично беседовал с каждым кандидатом, иногда пугал. Один из бойцов его отряда Роман Разин-Аксенов потом вспоминал, что когда Камо узнал, что из родителей у него есть только мать, то начал причитать: «Ай-ай-ай, одна

мать, бедная мать! Пожалей ее. Пойдешь со мной — не вернешься. Убит будешь, понимаешь?» И продолжал: «Понимаешь, нужно взорвать штаб. Привяжу тебе вот сюда, на живот, бомбу. Пойдешь в белогвардейский штаб и взорвешься вместе с этой бомбой и белогвардейцами. Страшно? А?» Тот ответил, что нет, не страшно. «Э-э-э, зачем неправду говоришь? — снова запричитал Камо. — Почему не страшно? Нет таких людей, которым умереть не страшно. Подумай лучше и мать пожалей». Но в отряд Разина-Аксенова все же взял.

В отряд он набрал около сорока человек. Во время подготовки их кормили так хорошо, что они даже возмутились — откуда все это? Мясо, колбаса, сыр, сахар, даже икра! Камо объяснил: разведчик в тылу у «буржуев» не должен быть голодным. А вдруг на ужин позовут? Надо держать себя с достоинством, ничем не выделяясь. А как это сделаешь, если ты голодный? Начнешь «лопать от пуза в приличном обществе», и все пропало.

Кстати, бойцов учили также танцам, этикету, принятому в светском обществе, а девушек — правилам пользования косметикой. Для этого раздобыли еще дореволюционную книгу «Элегантная женщина».

Этим, конечно, дело не ограничивалось. Вскоре пошли слухи о поистине зверских проверках, которые он устраивал своему отряду. Одна из них выглядела так. 4 сентября 1919 года бойцы отправились в Подмосковье на тренировку по стрельбе из пистолетов. Когда расстреляли все патроны, Камо начал рассказывать различные истории из своей жизни. Вдруг из кустов выскочили люди в военной форме с погонами. Избив всех прикладами и обругав «красными сволочами», солдаты по приказу возглавлявшего «группу нападения» подполковника схватили Камо и утащили его в лес. Потом туда же по очереди начали таскать бойцов отряда. Оттуда раздавались крики и ругательства: «Говори, сволочь! Расстрелять его! Повесить!» Вскоре туда же отволокли Разина-Аксенова. Он увидел на поляне виселицу. Тут же лежал окровавленный Камо. Остальных бойцов не было видно, и Разин-Аксенов подумал, что их уже закопали в какой-нибудь яме.

Его тоже начали допрашивать. Потом подполковник приказал его расстрелять. Солдаты вскинули винтовки, но тут подполковник передумал и Сказал: «Нет, лучше повесить!» Разину-Аксенову накинули на шею петлю и потянули за веревку. Он потерял сознание. А когда очнулся, то увидел Камо, который бросился к нему: «Разин, молодец, отлично держался! Это, понимаешь, испытание было!» В роли подполковника выступил чекист Георгий Атарбеков.

По одной версии, в результате таких проверок был разоблачен внедрившийся в отряд «шпион иностранной разведки». Но если даже так, то вряд ли эти проверки носили только такой утилитарный характер. Скорее всего, Камо таким образом еще и «закалял» характер своих бойцов и проверял их качества.

Дочь Сталина Светлана Аллилуева в своих мемуарах «Двадцать писем другу» рассказывала о судьбе одного из братьев своей матери — Федоре Аллилуеве. «Это был молодой человек с незаурядными способностями к математике, физике, химии, — писала она. — Перед самой революцией его приняли в аристократическую касту гардемарин только благодаря его исключительной одаренности. Потом последовала революция, гражданская война. Конечно, он тоже воевал. На войне ему захотелось в разведку, — его решил взять к себе Камо, легендарный, бесстрашный Камо, хорошо знавший его родителей еще по Тифлису. Но Камо не рассчитал. То, что могли вынести, не моргнув глазом, он сам и его разведчики, обладатели стальных нервов, было не под силу другим».

Камо однажды устроил такую проверку («испытание верности») и для Федора: «Вдруг инсценировал налет: все разгромлено, все захвачены, связаны, на полу — окровавленный труп командира… Вот лежит, тут же, его сердце — кровавый комок на полу… Что будет делать теперь боец, захваченный в плен, как поведет себя?» Федор, по словам Аллилуевой, «не выдержал «испытания». Он сошел *с ума тут же,* при виде этой сцены… И болел долго, всю жизнь».

Впрочем, ортодоксальная советская версия биографии Камо гласит, что Ленин не одобрил подобных «проверок» и отчитал за них его.

Убить генерала Деникина

Отряд Камо, получивший название Первого партизанского, начал действовать в сентябре 1919 года под Орлом и Курском. Но на фронте он пробыл недолго: уже 3 октября бойцы вернулись в Москву. Тут у них начались новые тренировки — на этот раз их учили изготавливать и правильно бросать бомбы, причем в различные здания и помещения. Камо руководил занятиями лично. Затем начали готовить «инвентарь» — костюмы, шляпы, парики, грим, очки, трости, духи. Боевики Камо догадывались, что им предстоит превратиться в обеспеченных представителей класса буржуазии. Но где и когда это должно произойти, они не знали.

Двадцатого октября группа Камо выехала из Москвы. Для предстоящей операции он отобрал 16 самых подготовленных: самому младшему из них было 18, самому старшему — 25 лет. 37-летний Камо по сравнению с ними казался уже стариком. Несмотря на это, к нему все обращались на «ты». Куда они ехали, никто, кроме Камо, не знал. 28 октября прибыли в Астрахань. Тут выяснилось — план предусматривал переброску отряда через Каспийское море в Баку, а оттуда ему предстояло добираться до Северного Кавказа, в тыл Вооруженным силам Юга России. Другими словами, Камо решил повторить тот путь, которым он вывозил Орджоникидзе из Тифлиса. Только в обратном направлении.

В Астрахани они взяли с собой еще груз оружия, боеприпасов и литературы для подпольщиков в Баку. Отряд отплыл на рыбацком паруснике «Гурьевка», на море бушевал шторм, у парусника сломалась мачта, и почти все бойцы страдали от морской болезни. Но в шторм было легче проскользнуть мимо английских и белых кораблей, которые патрулировали Каспий. Так и произошло. 22 ноября 1919 года судно причалило к острову Булло — в 40 километрах южнее Баку. Здесь решили спрятать оружие и другой груз — его перетащили в пещеру или зарыли в землю. Члены отряда вспоминали такой эпизод: остров буквально кишел змеями. Пока прятали оружие, немало из них перебили. Когда уже отплывали с острова, Камо приказал собрать мертвых змей и выбросить их в море. Иначе любой попавший человек обратил бы на них внимание и понял, что на острове уже кто-то был.

В ближайшие два дня рыбаки перевезли боевиков Камо в Баку. Там, вместе с местными подпольщиками, Камо приступил к выполнению своего плана. Он заключался в следующем: боевые группы его отряда должны были выявлять штабы белых и забрасывать их гранатами. Именно для этого и нужны были все эти упорные тренировки по метанию бомб. Другие группы обеспечивали доставку оружия и денег красным партизанским отрядам и подпольщикам в Чечню, Дагестан и Грузию.

Тем временем ситуация на фронте менялась. На Востоке осенью 1919 года терпели поражение армии адмирала Колчака. На Юге России Красная армия начала наступление против войск Деникина, и белые, дошедшие до Орла, снова покатились назад. 9 января 1920 года они оставили Ростов-на-Дону — «столицу» территории, занятой Деникиным. Ставка главнокомандующего ВСЮР была переведена в Новороссийск.

Камо решил обезглавить и добить Белое движение на Юге России одним ударом — взорвать ставку Деникина. В середине января он отправился в Тифлис, чтобы оттуда уже перебраться в Новороссийск. С

собой он взял группу боевиков — семь человек.

Сохранилась фотография: Камо в богатой черкеске, мягких сапогах, папахе с густой бородой: он изображал из себя князя Цулукидзе. Однако уехать не удалось, полиция устроила в поезде обыск и арестовала всех, кто был как-то похож на Камо — вероятно, у нее были сведения о его планах. Забрали и ругающегося «князя Цулукидзе», но вскоре его с извинениями отпустили. Камо со своей группой все-таки отправился в Тифлис на следующий день. С его стороны это был рискованный и не очень обдуманный шаг — впрочем, как и весь план по взрыву ставки Деникина. Шансов проехать через Тифлис у него было мало — там его знали слишком многие, еще с царских времен. К тому же полиция Азербайджана делилась информацией с грузинскими коллегами.

Так что, когда Камо приехал в Тифлис, на вокзале его уже ждали. Перрон был практически оцеплен. Но полицейские и агенты в штатском боялись к нему подойти — они думали, что он обвешан бомбами. По легенде, поняв, что ему уже не уйти, Камо сказал им: «Ладно, пойдемте. Нет у меня никаких бомб». Этим и закончился его план убить Деникина.

Пятнадцатого января 1920 года его в очередной раз привезли в Метехскую тюрьму. Там к тому времени сидело уже более двухсот большевиков. Камо почти сразу же приступил к подготовке побега — в камере он забирался за шкаф и перочинным ножом выскабливал известь между кирпичами, почти как герой романа «Граф Монте-Кристо». Тюремная стена была сложена из трех рядов кирпичей, так вот, два из них Камо прорыл, а третий оставил, его предполагалось выбить в самый последний момент. Пока он работал, его товарищи по камере горланили песни, чтобы заглушить шум. Скорее всего, Камо бы сбежал. Да и другие тоже. Если бы правительство Грузии не решило отпустить его. С одним условием: он должен уехать из страны и никогда не возвращаться. Камо согласился. Вместе с ним освободили и участников его боевой группы. Всех их постарались как можно скорее спровадить в Баку. Странно, однако, то, что туда его впустили.

Правительство Азербайджанской Демократической Республики доживало последние дни. Красная армия в середине апреля вышла к ее границам. Советская Россия нуждалась в бакинской нефти. Ленин еще 17 марта писал Реввоенсовету Кавказского фронта: «Взять Баку нам крайне, крайне необходимо. Все усилия направьте на это, причем обязательно в заявлениях быть сугубо дипломатичными и удостовериться максимально в подготовке твердой местной Советской власти. То же относится и к Грузии, хотя к ней относиться советую еще более осторожно».

События в Баку развивались по весьма распространенному сценарию (потом кто только им не пользовался!). 27 апреля началось восстание. В ночь на 28-е Временный военно-революционный комитет провозгласил создание Азербайджанской Советской Социалистической Республики: «Не имея возможности собственными силами удержать натиск соединенных банд внешней и внутренней контрреволюции, Временный Революционный Комитет Азербайджана предлагает правительству Российской Советской Республики вступить в братский союз для совместной борьбы с мировым империализмом и просит немедленно оказать реальную помощь путем присылки отрядов Красной армии».

Правительство РСФСР, конечно, тут же решило оказать помощь. Хотя Красная армия перешла границу Азербайджана еще до формального обращения ревкома — 26 апреля. Интересная деталь: при вторжении она использовала тактику блицкрига. Главную роль в нем сыграли бронепоезда: «III Интернационал», «Тимофей Ульянцев», «Красный Дагестан», «Красная Астрахань». В ночь на 28 апреля они пересекли границу Азербайджана и вместе с десантами двинулись на Баку. Утром уже были в городе.

Орджоникидзе и Сергей Киров (тогда член РВС 11-й армии) сообщали в Москву: «Войска наши шли без всякого сопротивления. После передачи власти коммунистам через два часа наши бронепоезда были в Баку, имея с собой батальон пехоты. На следующий день прибыла наша кавалерия и штаб армии. Войска Азербайджана целиком перешли на нашу сторону… Энтузиазм населения, особенно мусульман и рабочих, не поддается никакому описанию, может быть сравнен только с Октябрьским в Петербурге с той разницей, что здесь не было никаких столкновений. Всюду полный порядок».

Сохранилась фотография, сделанная, вероятно, в одном из бакинских фотоателье 28 апреля 1920 года. Камо, в хорошем костюме и фуражке стоит в центре, а справа и слева — командир и комиссар советских бронепоездов, прибывших в Баку. Все трое не могут сдержать улыбок, хотя и стараются выглядеть солидно.

Взятие Баку было началом советизации Кавказа. В ноябре 1920 года Красная армия вошла в Армению, а в марте 1921-го — в Грузию. Там тоже была установлена советская власть. Но это уже происходило без Камо. Он пытался начать новую жизнь.

«Вечный жених революции»

В середине 1920 года Камо приехал в Москву. Просил у Ленина, чтобы его отправили в Европу для участия в революционной работе. Но Ильич отказал и опять отправил Камо учиться. Камо этого решения не понял, но подумал, что Ленин лучше знает, что делать, и начал готовиться к поступлению в Военную академию РККА. А действительно: почему тогда Ильич не отправил Камо за границу? Скорее всего, потому, что Советской России не нужны были тогда террористы-диверсанты в Европе. С ней нужно было устанавливать отношения и торговать. Мировая революция откладывалась на неопределенное время, и большевики очень нуждались в западной помощи и признании ведущих европейских государств. Камо в эту перспективу как-то пока не вписывался.

Так что пока он писал диктанты, контрольные работы по алгебре, изучал историю партии и военного дела. Сохранилось его сочинение на вольную тему — описание комнаты на Воздвиженке, в которой он жил. Кстати, это была та же самая квартира, в которой в 1905 году жил Горький, где находилась лаборатория большевиков по изготовлению бомб и которую охраняли боевики-грузины. Вот, например, вид из окна его комнаты: «Впереди виднеются разноцветные крыши домов и высокая башня Румянцевского музея. Еще вдалеке виден огромный золотой купол Храма Христа Спасителя. В солнечный день купол ярко сверкает в голубом небе. Всю эту прекрасную картину дополняет изящная, стройная и легкая башня Боровицких ворот. Насколько вся эта картина прекрасна и приятна для глаз при ясной погоде, настолько она тускла и печальна при пасмурной погоде…»

В комнате висели портреты Ленина и жены Горького Марии Андреевой. (Камо дал ей такую характеристику: «революционерка, финансовый агент ЦК, известная актриса, светская дама».) А еще — портрет известного русского музыкального и художественного критика, историка и общественного деятеля Владимира Стасова. На столе Камо — серебряная чернильница, подарок Стасову от художника Ильи Репина. Почему именно Стасов? Потому что он был дедом жены Камо — Софьи Медведевой-Тер-Петросян (1874–1964).

Познакомились они, судя по всему, в том же 1920 году. Она была старше его на восемь лет. Но Горький вспоминал, что Камо рассказывал о своем романе «с тем лиризмом страсти, который доступен только

здоровым, сильным и целомудренным юношам:

— Она замечательная! Доктор, понимаешь, и все знает, все науки».

Но при этом сомневался — жениться или нет? «Революция, учиться надо, враги кругом, — драться надо», — говорил он.

В архивах сохранились наброски воспоминаний Софьи Медведевой-Тер-Петросян: «Когда мы с Камо решили оформить наши отношения, он предупредил меня, что регистрируется со мной как советский гражданин. Как член партии он жениться не может, потому что он вечный жених революции и никаких других обязательств брать на себя не может». Они зарегистрировали свои отношения 13 ноября 1920 года. Свидетелями на церемонии были, в частности, Горький и старый большевик-боевик Александр Игнатьев.

Камо и Софья были, конечно, совершенно разными людьми. Она — из старинной интеллигентной семьи, и хотя и не отрицала революцию, но по-прежнему верила в Бога. Чем ее привлекал этот, в сущности, не очень образованный человек, почти полжизни занимавшийся тем, что бросал бомбы и сидел в тюрьмах? Однажды его спросили, как получилось, что они сумели «сойтись». Он в ответ процитировал Отелло: «Она меня за муки полюбила, а я ее за состраданье к ним».

Утром Камо занимался с преподавателями, потом — сам, а вечером его жена устраивала что-то вроде музыкальных вечеров или вечеринки, на которые приглашались старые знакомые: Красины, Богдановы, Луначарские, Литвинов. Заходил Горький. Приезжали бывшие боевики с Кавказа.

Персидская миссия

Камо учился до весны 1921 года. Нет сомнений, он очень старался и искренне хотел больше знать. Но чувствовал себя не в своей тарелке: долгая спокойная жизнь все-таки была не для него. В начале июня он написал Ленину записку: «Многоуважаемый и дорогой Владимир Ильич, во время партийной конференции РКП я сообщил Вам о моем желании побеседовать с Вами о моих новых сногсшибательных планах. Разговор этот может происходить во время Вашей прогулки или отдыха и ничуть не утомит Вас. Может быть, Вы найдете, что мои соображения окажутся очень ценными и осуществление их очень важным для настоящего момента, или же Вы найдете их очень забавными и от души, как Вы это умеете, посмеетесь.

Мне бы хотелось, чтобы Вы выслушали меня до начала или в начале конгресса Коминтерна. Преданный Вам Камо».

На письме Ленин оставил пометку: «Камо. Напомнить мне!»

Их встреча состоялась. Камо действительно рассказывал Ленину о своих «сногсшибательных планах». Он опять рвался на боевую работу — теперь за границу. Ну, хорошо, пусть не в Англию или во Францию. А вот, например, в Польшу? Польша тогда была одним из главных потенциальных противников РСФСР. На ее территории действовали различные эмигрантские организации, в том числе и «Народный союз защиты Родины и Свободы» Бориса Савинкова — бывшего террориста, главы Боевой организации партии эсеров, в какой-то степени коллеги Камо, а теперь, как тогда было принято говорить, «злейшего врага советской власти» и организатора рейдов вооруженных отрядов на советскую территорию.

Камо предлагал Ленину похитить Савинкова: «живым засунуть его в мешок», но Ильич не одобрил и этот план. Сказал, что сейчас надо действовать другими методами. (Правда, через три года Савинкова хотя и не «засунули в мешок», но выманили в СССР, где и арестовали, но тогда уже ни Ленина, ни Камо не было в живых.) Но от продолжения учебы Камо все-таки смог «отвертеться», Ленин согласился отпустить его на практическую работу, и вскоре его назначили «исполняющим особые поручения» при Совнаркоме РСФСР. Одним из первых его «особых поручений» стала миссия в Персию — миссия весьма деликатная.

Официально задание Камо, как говорилось в выданном ему мандате, заключалось в том, чтобы провести «обследование персидского рынка», а также провести «проверку деятельности функционирующих [в Персии] и налаживание работы советских внешнеторговых учреждений». Однако даже в советских биографиях «бесстрашного революционера» вскользь признавалось, что его деятельность далеко выходила за рамки этого поручения. Он собирал разведывательную информацию, внедрялся под видом эмигранта в организации контрреволюционеров, вскрывал злоупотребления советских служащих…

Стоит кратко остановиться на том, что происходило в Персии в 1920–1921 годах. В мае 1920-го Красная армия высадила десант в порту Энзели (провинция Гилян) на Каспийском море. Целью этой операции был захват кораблей, которые увели с собой отступавшие белые. Но затем события начали развиваться самым неожиданным образом: правительственные войска, белогвардейцы и находившиеся на севере англичане начали отступать, и в провинции Гилян была провозглашена «Персидская (или Гилянская) Советская Республика». Появились также Реввоенсовет и

«Персидская Красная Армия», большую часть которых составляли красноармейцы и красные командиры (под соответствующими иранскими псевдонимами). Советская республика в Персии продержалась более года. Все это время она воевала, а «Персидская Красная Армия» пыталась устроить поход на Тегеран. Из этого ничего не вышло. К тому же революционеры переругались между собой. В ноябре 1921 года правительственные войска и белоказаки выбили «красных персов» из Энзели, на чем «персидская революция» и закончилась.

По отношению к событиям в Персии среди советского руководства существовали разногласия. Ленин, Троцкий, Чичерин (нарком иностранных дел) придерживались умеренной линии, считая, что если «персидский проект» не получился сразу, то его нужно свернуть, чтобы не вступать в открытый конфликт с англичанами, имевшими в Персии свои интересы. Однако далеко не все зависело от них. «Тылом» «Советской Персии» был «красный Азербайджан». Недаром «Правда» тогда печатала такие стихи:

> Возрожденному Азербайджану
> Ослепительная звезда
> Указывает путь к Тегерану,
> На Индию, на Багдад.

Горячие кавказские большевики — руководитель Кавказского бюро ЦК РКП(б) Серго Орджоникидзе, нарком иностранных дел (1920–1921) и председатель Совнаркома (1921–1922) Азербайджана Нариман Нариманов, председатель КП(б) Грузии и член Кавказского бюро ЦК РКП(б) Буду Мдивани, полпред РСФСР в Персии, а потом — нарком военных и морских дел Грузии Шалва Элиава проводили более радикальную линию.

С июня 1921 года пост полпреда РСФСР в Тегеране занимал Федор Ротштейн[43]. Он был как раз одним из самых последовательных приверженцев «умеренного» курса. «Радикалы» интриговали против него за то, что полпред старался установить связи с персидской аристократией, создать благожелательное отношение к Москве у шаха и его окружения, но все это за счет игнорирования всех левых сил и коммунистов. Многим не нравились выводы в его депешах. Например, такие (сентябрь 1921 года): «Я считаю дело революции в Персии совершенно безнадежным… Персия нуждается в спокойствии и в освобождении ее из-под империалистического ига чужестранцев. И то и другое возможно лишь при усилении центральной власти и обновлении экономической жизни…» Или еще: «Я

вообще не понимаю, почему Персия нас должна интересовать больше, чем какая-нибудь, скажем, Гватемала или какой-нибудь Тимбукту?» В том, что Ротштейна в итоге отозвали из Тегерана, Камо, судя по всему, сыграл не последнюю роль.

Судя по донесению, составленному Камо после приезда из Персии (8 февраля 1922 года) для Орджоникидзе, он действительно занимался там не только «обследованием персидского рынка». По своей старой привычке он начал выявлять в Персии «врагов и предателей». Конечно, Камо не мог проводить за границей таких же «проверок», какие он проводил среди своих бойцов, но его выводы в отношении полпреда и некоторых его сотрудников звучали угрожающе. Ротштейна Камо обвинял в том, что тот «пригрел» и старых царских служащих, и «тайных агентов Англии», которым он платит хорошие зарплаты. Например, помощник военного атташе Свечников[44], по данным Камо, «состоя комендантом укрепленного района г. Курск, сдал таковой Деникину и… скрылся», а в Тегеране нашел новых друзей среди англичан, с которыми «усердно распивает виски». «Кого наша власть имеет в Тегеране заместителем военного атташе? Друга Советской власти или способного продать Советскую власть за 30 сребреников? Ответ предоставляю Вам. Я же, как солдат революции, обязан сказать: заместитель военного атташе в Тегеране гражданин Свечников уже раз предал Советскую власть», — писал Камо.

Его возмущение вызывали и другие факты. Например, то, что Ротштейн, как писал Камо, потратил на банкет по случаю годовщины революции 15 тысяч туманов (персидские денежные знаки до 1932 года), на которые в Персии можно было бы купить 30 тысяч пудов хлеба для голодающего Поволжья. А еще полпред рассказывал персам, что «т. Орджоникидзе [обладает] весьма ограниченным умственным кругозором». «Кто же у нас представитель в Персии — друг Советской власти или враг ее?» — негодовал Камо. В общем, в июле 1922 года Ротштейна — не без участия Камо — отозвали в Москву.

«Камо кончился. Сгорел»

«Обследовав персидский рынок», собрав информацию и «разоблачив» полпреда Ротштейна, Камо вернулся в Москву в начале 1922 года. На этом его деятельность, как «исполняющего особые поручения» при Совнаркоме, собственно, и закончилась.

Из Москвы Камо направили в Тифлис начальником Закавказского

таможенного управления. Вроде бы работа для него — борьба с контрабандистами, погони, засады, спецоперации. А еще выявление взяточников («предателей», по определению самого Камо) среди таможенников. Кстати, инициатором этого назначения был бывший репетитор Камо товарищ Сталин, ставший в апреле 1922 года генеральным секретарем ЦК РКП(б). Этот факт позже будут истолковывать весьма многозначительно — мол, не зря Сталин послал его в Грузию…

Местное руководство в Тифлисе — все старые знакомые Камо: председатель грузинской ЧК — Котэ Цинцадзе, заместитель наркома финансов и непосредственный начальник Камо — Барон Бибинейшвили, заместитель наркома рабоче-крестьянской инспекции Закавказья и член Президиума Закавказской партийной контрольной комиссии — Георгий Атарбеков… Все они потом будут очень высоко отзываться о работе Камо, но вместе с тем говорить о том, что его «не удовлетворяла работа на хозяйственном фронте», что он «не успел найти применение для своих сил и способностей». Это очень похоже на правду. Видимо, даже борьба с контрабандистами не давала ему тех острых ощущений и того удовлетворения борьбы, к которому он привык во время «эксов», побегов из тюрем и планирования боевых операций. Председателя Совнаркома Грузии Серго Кавтарадзе он просил отпустить его одного на поиски банды в Кахетии. «Я переоденусь в крестьянскую одежду, возьму косу и пойду бродить по Кахетии, — говорил он. — Я убежден, что мне так удастся уничтожить главарей». «У него горели глаза и грудь высоко вздымалась», — вспоминал Кавтарадзе, обещавший подумать над его предложением.

У Камо были свой кабинет, секретарь. Ему был положен один из автомобилей Совнаркома, но он от него отказался и по городу ездил на велосипеде. Вечером в пятницу 14 июля 1922 года он заехал к своему другу Атарбекову. Просидел у него до 11 часов вечера. Было уже темно, когда он покатил на велосипеде к себе домой на Великокняжескую улицу. Дальше все произошло до обидного банально.

Он ехал по Верийскому спуску. Позже одна из газет пафосно напишет: «Он не знал, что вся его жизнь мчится под уклон». Впереди увидел горящие фары приближающегося навстречу автомобиля. То ли его ослепил свет этих фар, то ли он растерялся и повернул руль велосипеда не в ту сторону, то ли шофер не заметил вовремя велосипедиста, но автомобиль на полном ходу задел его. Камо отбросило в сторону. Возможно, он бы остался жив, если бы не ударился головой о тротуар. Водитель автомобиля доставил Камо в ту самую Михайловскую больницу, откуда он когда-то сбежал. Теперь он был без сознания. Врачи ничего не смогли сделать. Он

умер около трех часов утра 15 июля.

Восемнадцатого июля его похоронили в центре Тифлиса, в Пушкинском сквере. Похороны были пышными, с оркестрами, тысячами людей, склоненными знаменами, речами грузинских и закавказских руководителей и венками. Ленин и Крупская прислали венок с надписью «Незабвенному Камо».

Среди многочисленных соболезнований в тифлисской газете «Комунисти» было напечатано и письмо Коли Двали — водителя того самого автомобиля, который сбил Камо на Верийском спуске. «Что же мне, несчастному, сделать, ведь не в силах я искупить невольную вину и вернуть жизнь человеку, который так дорог и необходим родному народу. Прости меня, славный революционер, за мою большую и неисправную вину перед тобой!» — писал он.

Со временем гибель Камо, как и положено, обросла версиями и предположениями. Самая распространенная легенда: его якобы убили по приказу бывшего репетитора — набиравшего политическую силу Сталина. Зачем? Ну, например, потому, что Камо слишком хорошо знал о том, что делал Сталин в молодости — занимался «эксами» и банальными налетами. Вроде бы даже акцией на Эриванской площади руководил он, только тайно, так сказать, «из-за кулис». И вот Сталин опасался, что Камо, который начал писать свои мемуары, что-то может разболтать о «темных сторонах» его биографии. А если не сейчас разболтает, то как-нибудь потом. Мало ли что можно ждать от этого бесхитростного и прямого боевика. Поэтому он и направил Камо в Грузию, где его можно было легче убрать.

Есть и другие версии. По одной из них, неподкупный и честный Камо, «очищавший» таможню от различного «криминального элемента», мог зайти слишком далеко и волей-неволей влезть в большую политику, где его совсем не ждали. Дело в том, что тогда Советская Россия и другие советские республики оказывали помощь Турции, где под руководством Мустафы Кемаля Ататюрка происходили большие перемены. Ататюрк воевал с Грецией (на стороне греков был Запад), проводил в стране реформы и поговаривал о строительстве социализма. Из РСФСР, Украины, Закавказья в Турцию поставляли оружие, золото, туда ехали советские военные инструкторы, в том числе будущий нарком обороны СССР Михаил Фрунзе. Через грузино-турецкую границу тоже перебрасывали грузы для Турции. Иногда контрабандным путем. Возможно, Камо узнал об этом и «не понял», для кого и зачем идут эти не совсем легальные грузы, попытался прикрыть «окно» на границе, за что и поплатился.

По другим предположениям, его убрал кто-то из закавказского

начальства, кто зарабатывал на контрабанде и для кого неподкупный Камо превратился в серьезное препятствие. Или, возможно, ему отомстили руководители самих контрабандистов…

Версий много, и ни одна из них, скорее всего, никогда уже не будет доказана или опровергнута полностью. Но это уже не столь важно.

В одной из самых первых биографий Камо, изданной в 1926 году, о его смерти говорилось так:

«Камо кончился. Сгорел.

Сгорел в очистительном огне революции. Отошел в тень истории.

Камо — это уже наша история.

Только что написанная — кровью героев, багровыми письменами рдеющей на широко развернутом свитке».

Несмотря на высокопарный стиль, авторы были правы. Погиб ли Камо случайно или был убит, но, образно говоря, он действительно сгорел в огне революции. И это происходило не в первый и не в последний раз.

В революции время искренних, идейных и отважных и лично честных бойцов рано или поздно проходит. Наступает эпоха изощренных политиков и закулисных интриг, в которой такие люди, как Камо, чувствуют себя чужими и не находят своего места. Они действительно «перегорают». В лучшем случае гибнут в боях с врагами, в худшем — от своих же бывших и более практичных товарищей.

Камо успел уйти из жизни, сохранив ореол «благородного разбойника» и «настоящего революционера». Так что действительно: его сжег огонь революции. Или так: на него наехало колесо революции, которое он изо всех сил смазывал маслом.

Александр БОГДАНОВ

«КОММУНИСТ С МАРСА»

Среди тех, кто стоял у истоков создания партии, которая пришла к власти в октябре 1917 года, он был одним из самых необычных и даже эксцентричных людей. И при этом крупнейшей по своим масштабам и способностям личностью — в чем мог соперничать с самим Лениным, не говоря уже о других лидерах большевиков. И соперничал, причем не только в «ментальном», но и в буквальном смысле — вел с Ильичем жесткую борьбу за власть, одно время считаясь в партии фактически вторым человеком.

Получилось так, что в эпоху СССР, во время «торжества научного социализма», Александр Богданов (Малиновский) надолго оказался в «исторической тени» — из-за своих тоже «красных» утопических мечтаний, нетривиальных философских воззрений, странных для марксиста опытов с кровью, от которых явно отдавало оккультизмом, яростных споров с Лениным и неприятия «диктатуры казармы», как он называл установившийся после Октября строй. При этом сам Богданов всегда оставался социалистом, коллективистом и до конца жизни разрабатывал собственный вариант «красной идеи», «светлого коммунистического завтра».

Богданов обосновывал эту идею не только в докладах, статьях и теоретических брошюрах. Сначала он изобразил «прекрасный новый мир» свободы, счастья и вечной молодости в фантастических романах — в них действие происходило на Марсе. А затем, уже при советской власти, попробовал на практике создать ячейку подлинного и буквального «кровного братства» — на этом принципе строился весь его «марсианский коммунизм» — и найти путь к омоложению человеческого организма, тоже как на Марсе.

Богданов проводил рискованные медицинские эксперименты на самом себе и во время одного из них погиб, не успев осознать, что стал основоположником целого направления в советской медицине.

В общем, это странная и парадоксальная биография, необычный

«коктейль» из увлечения социализмом, политикой, тайнами крови и секретов бессмертия вампиров, Марсом, экономикой, футурологией, борьбой с Лениным, «пролетарской культурой», поисками рецепта омоложения. И все для того, чтобы доказать: общество всеобщей справедливости возможно. Но не такое, каким его строят Ленин и его соратники.

Даже противники не могли не признать заслуг и масштаба личности Богданова. «Какая великая, флоуресценцирующая в сумерках нашего предрассветного периода «марсианская» драма!» — писали о нем после его гибели.

Главный герой «марсианского» романа Богданова «Инженер Нэтти», который как бы записывает историю Марса со слов его жителей, сообщает: «При Колонизационном Обществе марсиан образовалась особая группа Распространения Новой Культуры на Земле. Я в этой группе взял на себя наиболее подходящую мне роль — переводчика». Это Богданов, конечно же, написал о себе. Он ведь тоже старался распространять идеи, которые на Земле казались (и до сих пор кажутся) фантастическими и непонятными. Как будто он действительно привез их откуда-то очень далеко. Может быть, даже с Марса, своей любимой «красной звезды».

«Великий визирь» большевиков

Александр Богданов (Малиновский) родился 10 августа 1873 года в небольшом городке Соколка Гродненской губернии (сейчас это город в соседней Польше). Его настоящая фамилия — Малиновский, а Богданов — один из конспиративных псевдонимов. Их у него было много — Вернер, Воробей, Сысойка, Максимов, Рахметов, Рядовой и т. д., но в истории он остался именно Богдановым. Это, впрочем, обычное дело в революционных кругах того времени. Ленин, Троцкий, Сталин, Мартов, Каменев — можно продолжать и продолжать — все псевдонимы.

Отец Богданова Александр Малиновский-старший служил народным учителем, потом — уже в Туле, куда переехала их семья — стал инспектором в городском училище. Мать, как писал сам Богданов, «происходила из русской мелкошляхтенской, а в сущности просто мещанской семьи Западного края; она очень рано вышла замуж и детей рожала слишком скоро — одного за другим; я думаю, именно это наложило на ее нервную систему печать неуравновешенности».

В их семье действительно родилось десять детей. Четверо умерли в детстве, выжили три брата: Николай, Александр и Сергей и три сестры — Мария, Анна и Ольга. Анна потом станет первой женой Анатолия Луначарского, будущего наркома просвещения СССР и друга Богданова (как вспоминал Луначарский, он сделал предложение Анне «на третий день знакомства»), Анна Луначарская тоже стала писательницей и тоже, как ее брат, писала научно-фантастические произведения — например роман «Город пробуждается» (1927), в котором рассказывалось о победе пролетариата в некоем капиталистическом государстве — «Городе», причем пролетариат поддерживала свободная страна Левитания, которая уже обладает ядерной энергией…

Но вернемся к детству главного героя. Семья у них, по словам Богданова, была «обыкновенная, мещанско-разночинская», родители — «по природе люди добрые и друг друга любили», хотя «своих отношений сносно организовать не могли». Однажды, после их ссоры, он сказал отцу: «Зачем вы с мамой так мучите друг друга? Вы начинаете спор с пустяков, потом все более раздражаетесь и, наконец, вот до чего доходите. Почему бы вам лучше не столковаться, чтобы каждую вещь обсуждать спокойно и по порядку, а в плохом настроении просто не разговаривать». Отец, покосившись на комнату, где еще плакала мать, ответил: «Да, если бы она

была такая как ты…»

Как вспоминал Богданов, «критика семейных авторитетов и книжное проникновение в жизнь» сделали его рационалистом. Книги он с братьями буквально «глотал» — тем более что в училище, где работал отец, была неплохая библиотека. В семь лет он прочитал, например, «Анну Каренину». Тогда, правда, отец заметил, что ему еще рано читать «романтики».

Богданов учился в Тульской гимназии за казенный счет (то есть бесплатно), как сын преподавателя. Жил он в гимназическом интернате и вспоминал об этом времени с неприязнью: порядки в гимназии и пансионе, по его словам, были «казарменно-тюремными», а начальство «злостно-тупое». Это, вспоминал он, «на опыте научило меня бояться и ненавидеть властвующих и отрицать авторитеты». Тем не менее он окончил гимназию с золотой медалью и в 1892 году поступил на естественное отделение Московского университета.

Впрочем, жизнь московского студента продолжалась не так уж и долго. Как и многие студенты тех лет, он увлекся народническими идеями и вступил в кружок «Союз северных землячеств» (встречаются и другие его названия: «Совет студенческих землячеств», «Союзный Совет землячеств»), за что, собственно, вскоре и «вылетел» из университета. Одна из версий причин этого исключения состоит в том, что тогда «Совет» высмеял профессора университета и знаменитого российского историка Василия Ключевского за то, что он в ноябре 1894 года выступил с хвалебной речью о «в Бозе почившем» императоре Александре III. Как бы там ни было, но Богданова выслали на два года в Тулу.

В Туле его заметил рабочий оружейного завода Иван Савельев — он как раз подыскивал пропагандиста среди рабочих. Вскоре к этой работе присоединились Владимир Базаров (настоящая фамилия Руднев)[45] — будущий многолетний друг и союзник Богданова по философским взглядам — и Иван Степанов (настоящая фамилия Скворцов)[46] — будущий первый советский нарком финансов.

Как указывал сам Богданов, в 1896 году он перешел от народничества к марксизму. Попытался объяснять политэкономию рабочим, но те мало что поняли. Тогда он сам засел за Маркса и написал свою первую большую работу — «Краткий курс экономической науки». В 1897 году книга (по словам автора, «изувеченная цензурой») вышла в свет под псевдонимом «А. Богданов». Под этим именем он стал известен в социал-демократических кругах.

В 1895 году Богданов поступил на медицинский факультет Императорского Харьковского университета (в столицах дорога к продолжению высшего образования была для него закрыта — после исключения он оказался в «черном списке»). Во время учебы (Богданов писал, что проводил в Харькове «часть времени») он тоже посещал тамошние социал-демократические кружки, В 1898 году выпустил свою первую философскую работу «Основные элементы исторического взгляда на природу». Написал он ее, «стремясь дать ответ на широкие запросы наших рабочих в смысле общего мировоззрения».

Осенью 1899 года Богданов окончил университет и получил диплом врача-психиатра. В этом же году в его жизни произошло еще одно важное событие — он женился. Его избранницей стала Наталья Корсак, судьба которой была тоже в какой-то мере характерной для того времени: дочь помещика, она стала фельдшером и акушеркой (она даже принимала роды у дочери Льва Толстого в Ясной Поляне) и работала в Туле в клинике доктора Александра Руднева — отца друга Богданова Владимира Базарова. Там, в Туле, Богданов и познакомился с Натальей. Она была на восемь лет старше, но эта разница в возрасте им не помешала. 1899 год стал вообще важной вехой в его биографии. Диплом, женитьба, и… новый арест. На этот раз его «взяли за пропаганду». Полгода Богданов просидел в тюрьме, затем его выслали в Калугу, а затем на три года в Вологду.

«Астроном» и большевики

Богданов приехал в Вологду в конце 1901 года. Там он около полугода работал врачом в психиатрической больнице, много занимался самообразованием. Один из его товарищей по ссылке оставил его описание: «Среднего роста, широкоплечий, со светлыми волосами и русой бородой и усами. Физически довольно сильный, простой и невзыскательный в образе жизни и в одежде. Физиономия его, по его же определению, обыкновенного русского человека, приказчика, но громадный нависший лоб, придающий суровое выражение лицу, твердые очертания подбородка говорят об упорной воле, настойчивости и уме… Богданов был первым человеком, встреченным в моей жизни, который, нигде не находясь на службе, так упорно и систематически работал».

Богданов не курил (в среде революционеров это было редкостью), не пил и вел очень организованный образ жизни. Восемь часов в сутки он обязательно работал, не меньше времени — читал. Причем он мог

прочитывать до 100 страниц в час. Еще о Богданове вспоминали, что он мог в уме быстро умножать многозначные числа и извлекать из них квадратные корни.

Постепенно в Вологде собрался такой состав ссыльных, что ее шутя начали называть «северными Афинами»: философ Николай Бердяев, Анатолий Луначарский, писатель Михаил Ремезов, знаменитый эсер-боевик, в будущем писатель, поэт и один из главных врагов советской власти Борис Савинков, член «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», в который входил и молодой Ленин, впоследствии известный пушкинист Петр Щеголев и многие другие. Ничего удивительного, что при таком «ссыльном контингенте» в Вологде кипела бурная духовная жизнь. Ссыльные интеллектуалы готовили доклады («рефераты»), читали их и яростно спорили по каждому из них. Как вспоминал Богданов, сначала он в основном дискутировал с Бердяевым по вопросам философии, но потом, по его словам, «влияние Бердяева в колонии свелось на нет, а отношение к нему со стороны социал-демократов было вообще ироническое. Он перестал выступать и, до срока ссылки, воспользовавшись своими связями, уехал. Философские интересы в это время уже начали заметно тускнеть, завязалась политическая полемика в колонии с эсерами».

Бердяев в своей биографии «Самопознание» так вспоминал о Богданове: «А. Богданов был очень хороший человек, очень искренний и беззаветно преданный идее, но по типу своему совершенно мне чуждый. В то время меня уже считали «идеалистом», проникнутым метафизическими исканиями. Для А. Богданова это было совершенно ненормально. По первоначальной своей специальности он был психиатр. Он вначале часто ходил ко мне. Я заметил, что он мне систематически задает непонятные вопросы, как я себя чувствую по утрам, каков сон, какова моя реакция на то или иное и тому подобное. Выяснилось, что склонность к идеализму и метафизике он считает признаком начинающегося психического расстройства, и хотел определить, как это далеко у меня зашло».

В Вологде у Богданова появилось еще одно увлечение: он разглядывал в подзорную трубу звезды. За что и получил от своих «коллег» по ссылке еще одну кличку — «Астроном».

Пока Богданов сидел в ссылках, в русской социал-демократии происходили поистине исторические события. В 1898 году девять делегатов от различных кружков провели в Минске первый съезд Российской социал-демократической рабочей партии. В 1903 году на II съезде РСДРП в Брюсселе и Лондоне партия разделилась на «большевиков» и «меньшевиков». Богданов в автобиографии написал, что

он «осенью 1903 года примкнул к большевикам».

В начале 1904 года закончилась его ссылка в Вологде. Вскоре Богданов вместе с женой уехал из России в Швейцарию. В Женеве он познакомился с Лениным. Тот уже был заочно знаком с Богдановым: он слышал о нем, читал его работы и, как вспоминал сам Богданов, «горячо приветствовал» его «Краткий курс экономической науки». Действительно, мать Ленина передала ему книгу Богданова в Шушенское, где будущий «вождь пролетариата» находился тогда в ссылке.

В 4-м номере журнала «Мир Божий» за 1898 год появился его отклик на богдановский «Краткий курс»: Ленин назвал его «замечательным явлением в нашей экономической литературе» и хвалил книгу за «полную выдержанность направления от первой до последней страницы книги». Подразумевалось, естественно, марксистское направление. Пожалуй, это был первый случай, когда 28-летний Ульянов (Ленин) заметил 24-летнего Малиновского (Богданова). Кто бы тогда знал, как потом будут складываться их отношения…

Понравилась Ленину и вторая книга Богданова — «Основные элементы исторического воззрения на природу», вышедшая в 1899 году. Он даже думал, что под псевдонимом «Богданов» скрывается сам Георгий Плеханов — один из основоположников русской социал-демократии.

При непосредственном знакомстве они подарили друг другу свои очередные работы. Богданов Ленину — первую часть своего главного философского труда «Эмпириомонизм», которая была напечатана в том же 1904 году (вторая часть появится в 1906 году). В этой работе Богданов пытался обосновать новую теорию познания мира в эпоху научных открытий и «разрушения всяческих фетишей». По Богданову, философские представления о материи и сознании уже устарели, а представление об окружающем мире человечество получает в результате коллективного опыта.

Ленин, подаривший Богданову свою брошюру «Шаг вперед — два шага назад», тогда еще «Эмпириомонизма» не читал. А вот Плеханов и другие марксисты уже успели довольно жестко покритиковать его за отступление от марксистской философии и «философский идеализм». Позже именно 1904 год Богданов назовет началом его «отлучения от марксизма». Ленин, прочитав «Эмпириомонизм», сказал Богданову, что считает правильными взгляды Плеханова, а не его. Но пока их разногласия оставались чисто теоретическими. Появление Богданова в эмиграции стало серьезным подкреплением для большевиков.

Надежда Крупская отмечала в своих «Воспоминаниях о Ленине», что

начало 1904 года в Женеве было «периодом безысходной склоки». Ленин боролся с Плехановым (своим недавним учителем) и Юлием Мартовым (своим недавним товарищем). Меньшевики, по признанию Крупской, «имели успех у заграничной публики». Обсуждения партийных вопросов не раз превращались в скандалы и ругань. Однажды Ленин, задумавшись, вероятно, о партийных проблемах, врезался на велосипеде в трамвай и чуть не выбил себе глаз. На дискуссии с меньшевиками он ходил бледный и перевязанный.

После раскола партии Ленин фактически вышел из ее руководства (формально он еще оставался членом ЦК) и из редакции «Искры» — центрального партийного органа. Его положение было сложным. Самые известные, авторитетные русские марксисты, выдающиеся публицисты-литераторы и теоретики социал-демократии остались на другой стороне. Ленин пытался начать создание новой революционной партии — на тех принципах, которые он сам разделял, — и новой партийной газеты, но у него не было ни средств, ни достаточного числа соответствующих «кадров».

И вот тут-то, как вспоминала Крупская, и «появился на горизонте Богданов». «Тогда Владимир Ильич еще мало был знаком с его философскими работами, не знал его совершенно как человека, — пишет она. — Было видно, однако, что это работник цекистского масштаба. Он приехал за границу временно, в России у него были большие связи». Богданов активно включился в работу. Вместе с ним в дискуссиях, докладах и собраниях принимала участие и его жена. Все эти мероприятия, как уже говорилось, часто заканчивались скандалами, а иногда и драками. Однажды большевики и меньшевики самым натуральным образом подрались из-за мест в президиуме собрания, и на жене Богданова порвали одежду.

В августе 1904 года Ленин с Крупской, Богдановы и другие революционеры переехали в деревню на озере Лак-де-Бре. «С Богдановым сговорились о плане работы, — вспоминала Крупская, — к литературной работе Богданов намечал привлечь Луначарского, Степанова, Базарова. Наметили издавать свой орган за границей и развивать в России агитацию за съезд.

Ильич совсем повеселел, и по вечерам, когда он возвращался домой от Богдановых, раздавался неистовый лай — то Ильич, проходя мимо цепной собаки, дразнил ее».

Вскоре в Женеве был создан первый большевистский руководящий орган — Бюро комитетов большинства (БКБ). Помимо Ленина и Богданова

в БКБ вошли и другие люди, которые оставили тот или иной след в истории: Алексей Рыков (будущий преемник Ленина на посту Совнаркома и будущий «правый уклонист»), Максим Литвинов (будущий глава Наркомата иностранных дел и советский посол в Лондоне), Розалия Землячка (получившая потом известность своей жестокостью во время Гражданской войны и ставшая первой женщиной, награжденной орденом Красного Знамени в 1921 году). Для Богданова это был первый важный шаг в партийной карьере.

Совещание приняло обращение «К партии» с призывом бороться за созыв III съезда РСДРП. Ставились задачи перехода центрального органа к сторонникам большинства, точное регулирование отношений заграничной партийной организации (в ней преобладали меньшевики) с «русским центром» и, наконец, «гарантирование уставным путем партийных способов ведения партийной борьбы».

Стоит заметить, что совсем скоро уже Богданов будет требовать возможности свободной дискуссии в партии, а Ленин — делать все возможное, чтобы не дать ему таких возможностей. Но это будет позже.

«Линия Богданова господствовала…»

Осенью 1904 года Богданов вернулся в Россию. В стране уже «попахивало» предстоящей революцией. Русско-японская война, начавшаяся в январе 1904 года, шла для России неудачно и, несмотря на правительственную пропаганду, вызывала все большее недовольство среди населения. В июле 1904 года боевик-эсер Егор Созонов убил министра внутренних дел Вячеслава Плеве. Отмечалось брожение на заводах.

В это время Богданов, как он сам отмечал, «с декабря работал в Петербурге, в Б. К. Б. и Петербургском комитете». Тогда же, в декабре 1904 года, большевики приняли решение об издании органа «комитетов большинства» — газеты «Вперед». В числе редакторов газеты были Ленин, Луначарский, Вацлав Воровский, Михаил Ольминский. Любопытно, что в советское время долго не упоминался тот факт, что и Богданов тоже был активным участником издания этого органа. Именно он, как и обещал Ленину, привлек к работе в газете Луначарского. Более того, благодаря связям Богданова с Максимом Горьким большевики получили от писателя деньги, которые были использованы для выпуска «Вперед».

На III съезде РСДРП, проведенном большевиками в Лондоне, Богданов был одним из главных докладчиков. На первом заседании было избрано

бюро Президиума съезда: председатель — Ленин, а Богданов — один из вице-председателей.

Он выступил по организационному вопросу и по вопросу о подготовке вооруженного восстания. Во втором выступлении он изложил план подготовки выступления: сначала всеобщая рабочая стачка, которая дополняется «непосредственным, планомерно организованным разрушением — порчей полотна дороги, телеграфных и телефонных проводов, мостов… газовых и электрических проводов, и, наконец, при известных условиях большое значение может иметь даже перерыв водоснабжения, но это, разумеется, лишь по отношению к аристократическим и буржуазным районам больших городов».

В это время ведутся подготовка к восстанию, организация боевых отрядов, накопление оружия, агитация и пропаганда в правительственных войсках. Богданов отмечал, что восстание будет успешным, если завоюет поддержку всех классов общества, «кроме горсти реакционеров». Поэтому «даже среди самой отчаянной борьбы не следует окончательно забывать об интересах и психологии этих классов и остерегаться всего, что может подорвать их сочувствие. Надо охранять частную собственность от бесполезного разрушения и разграбления и старательно взвешивать те акты борьбы, которые болезненно затрагивают эти классы».

«На революционной партии, стоящей во главе восстания, — говорил он, — лежит обязанность общей организации порядка… как во время самого восстания, так и после него, пока еще не сложились определенные общественные власти. В эту задачу входит не только организация охраны населения от ненужных насилий, но также охрана населения от голода… Склады продовольствия, принадлежащие правительству и прежним властям, например земству, при этом могут быть конфискованы для распределения припасов между нуждающимся населением, а в случае надобности и склады, принадлежащие частным лицам».

Любопытно, что на фотографии делегатов съезда, сделанной тогда же, в 1905 году (она похожа на современные фотографии, которые вручают школьникам по окончании школы), Богданова поместили в самом центре, рядом с Лениным и Красиным. Его избрали в первый ЦК большевиков.

Съезд утвердил и новый центральный орган партии — газету «Пролетарий». После окончания съезда делегаты побывали на могиле Карла Маркса и возложили на нее цветы.

В это время Богданов, безусловно, мог считаться «человеком номер 2» в партии большевиков. Известный советский и партийный историк Михаил Покровский писал о нем: «А. А. Богданов — это был великий визирь этой

большевистской державы. Поэтому он управлял непосредственно и постоянно сидел в России, тогда как Ильич до революции 1905 года был в эмиграции, постольку Богданов больше влиял на политику партии…» Впрочем, Покровский пытался объяснить, что «угловатая линия ЦК, когда людям на каждом шагу ставят ультиматум — или ты наш, или не наш… эта линия — не линия Ильича, она слишком на него непохожа, — это линия Богданова, и она господствовала до октября 1905 года». Весьма спорное утверждение, особенно в том, что касается «непохожести» на «линию Ильича» ставить ультиматумы на каждом шагу. В дальнейшем мы еще это увидим.

В октябре 1905 года, после царского Манифеста о даровании подданным прав и свобод, в Петербурге начала издаваться и первая в истории большевистская легальная газета «Новая жизнь». Ее издателем считалась гражданская жена Горького Мария Андреева, главным редактором — поэт Николай Минский. Газета была довольно странной. В отделе литературы преобладали поэты-символисты, а в других отделах — большевики. Участвовали в ее работе Константин Бальмонт, Тэффи. Тогда, да и позже, было модно писать революционные стихи. Вот, например, Минский писал:

Братья-други, счастьем жизни опьяняйтесь.
Наше всё, чем до сих пор владеет враг.
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
Солнце в небе, солнце красное — наш стяг.

«Новая жизнь» издавалась в основном на средства Горького и частично на деньги, полученные еще от «миллионщика» Саввы Морозова. Очевидно, что решение дать средства на газету он тоже принял не без участия Богданова. «Великий визирь» партии был архиактивным, как сказал бы Ильич, сотрудником газеты, но потом его имя из числа тех, кто ее выпускал, надолго исчезло. На самом деле, фактических редакторов издания было несколько. Но обычно называли Ленина, Луначарского, Ольминского, Покровского, Орловского, а вот Богданова, Базарова и Льва Каменева — нет.

Восьмого ноября Ленин нелегально возвратился в Петербург. Он активно сотрудничал в «Новой жизни», выступал перед фракцией большевиков в Петербургском совете рабочих депутатов. Богданов в это время тесно контактировал с Лениным, и не только как редактор «Новой

жизни». Вместе с Красиным он руководил Боевой технической группой большевиков, которая осуществляла подготовку к вооруженному восстанию. Он был представителем ЦК партии в Совете рабочих депутатов. Однако их совместная с Лениным работа в России тогда оказалась недолгой — Богданов оказался в тюрьме.

Это произошло 3 декабря 1905 года. «Взяли» не только его одного, а сразу 267 депутатов Совета — прямо на заседании. Причиной ареста стал «Финансовый манифест», опубликованный от имени Совета, партий социал-демократов, эсеров, польских социалистов и крестьянского союза. В нем граждан призывали отказаться от уплаты государству «взносов выкупных и всех других казенных платежей», а при всех сделках требовать «уплаты золотом, при суммах меньше пяти рублей — полновесной звонкой монетой», и «брать вклады из ссудо-сберегательных касс и из Государственного банка, требуя уплаты всей суммы золотом».

Эти призывы к фактическому «финансовому бойкоту» правительство игнорировать уже не могло. Было принято решение взять всех депутатов «скопом». Накануне, 2 декабря, были запрещены газеты, опубликовавшие «Манифест», в том числе и «Новая жизнь».

Сам арест проходил весьма оригинально. Во время заседания Совета в помещении Вольного экономического общества здание окружили войска и полиция. Один из офицеров вошел в зал и хотел зачитать ордер на арест. Но Троцкий его осадил: «Пожалуйста, не мешайте оратору. Если вы хотите выступить, сообщите свое имя, и я спрошу у совещания, желает ли оно вас выслушать». Офицер растерянно замолчал. После того как очередной оратор закончил выступление, Троцкий спросил, желают ли депутаты выслушать «информационное сообщение». После этого он предоставил слово офицеру, который зачитал ордер. Но на этом дело не закончилось. Выслушав полицейского, Троцкий предложил принять его сообщение к сведению и перейти к следующему пункту повестки дня. Офицер попытался вмешаться, но Троцкий его снова перебил: «Прошу вас не мешать. Вы получили слово, сделали свое заявление, мы приняли его к сведению». Поскольку «собрание» не захотело больше слушать представителя полиции, Троцкий попросил его «покинуть помещение». Возмущенный офицер ушел. Пока он обсуждал необычную ситуацию с начальством, депутаты успели уничтожить кое-какие бумаги. Наконец в зал вошел усиленный отряд полиции и солдат, которые начали выводить депутатов. Троцкий хладнокровно объявил заседание закрытым.

В 1924 году Богданов описал некоторые другие обстоятельства этого ареста. По его словам, накануне большевики и меньшевики договорились

обсудить на заседании Совета вопрос о восстании. При этом меньшевики предложили, чтобы на заседание пришли наиболее видные члены фракций. Большевики с этим согласились и вроде бы даже собирались направить на заседание Ленина.

Как вспоминал Богданов, он «заявил протест против преступного риска, потому что арест всего Совета считался вероятным». Его поддержали. В итоге Ленин на заседание Совета не пошел, а Богданов пошел. Другими словами, если принять его версию, именно благодаря ему история России дальше пошла так, какой мы ее сегодня знаем. Кто знает, к чему бы в 1905 году привел арест Ленина, а не Богданова…

Богданов vs Ленин

Богданов больше четырех месяцев просидел в известной питерской тюрьме «Кресты». Именно там он узнал о событиях в стране, которые произошли за время его заключения. «Я получил к концу декабря, нелегально, разумеется, через жену, от Ленина письмо, в котором он характеризовал положение и перспективы: крах [Московского декабрьского] восстания, необходимость пока больше затаиться в подполье, выжидать и готовиться».

В тюрьме Богданов написал новую версию «Краткого курса экономической науки» и третью часть «Эмпириомонизма». «Обе рукописи были нелегально переданы мною жене, благодаря попустительству жандармского офицера на свиданиях. Обе книги вышли в свет к концу 1906 года», — вспоминал он.

Когда Богданов еще был в тюрьме, 10–23 апреля 1906 года в Стокгольме состоялся IV съезд РСДРП, на котором большевики формально снова объединились с меньшевиками. В одной партии они будут состоять до 1912 года, но Ленин писал, что большевики никогда не прекращали идейной борьбы с меньшевиками «как с проводниками буржуазного влияния на пролетариат и оппортунистами». На этом съезде Богданова избрали членом ЦК.

Его выпустили из тюрьмы 5–6 мая 1906 года под залог в тысячу рублей. Большие деньги по тем временам! Прямых улик против него не нашлось, и он отделался сравнительно легко. Ему предложили выбор — или уехать «под гласный надзор» к себе на родину, или выехать за границу. Он уехал за границу. Правда, вскоре нелегально вернулся.

Вместе с женой он приехал в Финляндию. Хотя Финляндия и входила в состав Российской империи, но порядки здесь были свободнее, чем в «метрополии», да и русская сыскная полиция действовала не так активно.

В России революция шла на убыль, были разгромлены восстания в Свеаборге и Кронштадте, в июле царь распустил 1-ю Государственную думу или, как ее называли в либеральных газетах, «Думу народного гнева». Она оказалась для правительства слишком уж радикальной и поэтому просуществовала всего 72 дня.

Усиливались преследования революционеров. Многие из них тоже перебирались в Финляндию. В конце лета 1906 года туда переехали и Ленин с Крупской. Они поселились вблизи станции Куоккала, на даче

«Ваза» (или «Вааса»), Этот «объект» был давно на примете у революционеров — тут и раньше жили и большевики, и эсеры, собиравшие самодельные бомбы. Да и потом то и дело кто-то приезжал и уезжал. Крупская вспоминала: «Дверь дачи никогда не запиралась, в столовой на ночь ставились кринка молока и хлеб, на диване стелилась на ночь постель, на случай, если кто приедет с ночным поездом, чтобы мог, никого не будя, подкрепиться и залечь спать. Утром очень часто в столовой мы заставали приехавших ночью товарищей».

Здесь побывали Леонид Красин, Григорий Зиновьев, Лев Каменев, Лев Троцкий, Мария Ульянова и Роза Люксембург. В июне 1907 года знаменитый террорист-революционер Камо привозил в Куоккалу деньги, полученные в результате «эксов». В том числе и от «экса» 13 июня 1907 года в Тифлисе на Эриванской площади.

Ленину выделили комнату, а затем они с Крупской и ее матерью заняли весь первый этаж. А наверху жили Богданов *с* женой и большевик Иосиф Дубровинский (он же «Иннокентий»)[47].

По словам Крупской, «другой раз нападало такое настроение, что хотелось чем-нибудь перебить мысли». Тогда Ленин и Богданов с женами и другими своими товарищами садились играть в карты — «в дурачки». «Расчетливо играл Богданов, расчетливо и с азартом играл Ильич… Иногда приезжал в это время кто-нибудь с поручением, какой-нибудь районщик, смущался и недоумевал: цекисты с азартом играют в дураки», — вспоминала Крупская. Отношения Ленина и Богданова казались если не идеальными, то очень дружескими и близкими. Глядя на этих двух людей, «друживших семьями» и живших в одном доме, трудно было сказать, что не пройдет и года, как они окажутся почти что врагами.

В ноябре 1907 года Ленин перебрался вглубь Финляндии, а Богданов с женой и Крупская еще оставались на даче «Ваза». Жены Богданова и Ленина разбирали архивы, что-то прятали, но в основном жгли партийные документы. Но на даче их накопилось так много, что все сжечь быстро они никак не успевали. Однажды прибежала в панике хозяйка дачи, которая рассказала, что в Куоккалу приехали жандармы. Тогда Богданова и «Иннокентия» «отправили гулять в лес», а Крупская и жена Богданова стали ждать обыска. Но жандармы не пришли.

В конце 1907 года Богданов тоже уехал за границу. Он оказался в Женеве, где находился и Ленин. Там и началось их сражение. 13 февраля 1908 года «тройка» большевиков — Ленин, Богданов и «Иннокентий» — начали выпускать в Женеве «Пролетарий». Но вскоре в редакции органа большевистской фракции начались трения. Прежде всего по вопросу об

участии в выборах в Думу. Ленин выступал против их бойкота и за сочетание как легального, так и нелегального способов работы. Он надеялся использовать думскую трибуну для революционной пропаганды и агитации. По некоторым данным, он сам был готов выдвигаться кандидатом в депутаты под псевдонимом «Карпов», но до этого дело так и не дошло.

Крупская вспоминала: «Депутаты 2-й Думы довольно часто приезжали в Куоккалу потолковать с Ильичем. Работой депутатов-большевиков непосредственно руководил Александр Александрович Богданов, но он жил в Куоккале на той же даче «Ваза», — там же, где и мы, и обо всем столковывался с Ильичем». Но теперь Богданов оказался «левее» Ильича. Он стоял на позиции «бойкотизма», «отзовизма» и «ультиматизма»[48]. Вместе с ним шли Леонид Красин, Анатолий Луначарский, Григорий Алексинский…

В этом споре Ленин был, конечно, прав. Его тактика политической борьбы отличалась большей гибкостью в зависимости от конкретных обстоятельств. Позиция Богданова была более «твердокаменной», и кто бы тогда подумал, что вскоре они поменяются ролями! Богданов считал, что в «Пролетарии» «бойкотистская точка зрения не находила… никакого выражения». Расклад сил в редакции был не в его пользу: Дубровинский, третий член руководящей «тройки» газеты, был тоже на стороне Ленина.

Богданов написал для газеты статью «Бойкотисты и отзовисты». Ее напечатали только после долгих споров и с редакционным примечанием, в котором подчеркивалось, что, в сущности, автор статьи согласен с редакцией в оценке тактики бойкота. Это примечание с Богдановым не согласовали. Он возмутился и потребовал опубликовать свое письмо в редакцию, в котором заявлял, что придерживается тактики бойкота следующих выборов в Думу. Когда же газета решила это письмо не печатать, Богданов в знак протеста вышел из редколлегии «Пролетария». Но в «расширенном» составе редакции он остался.

Игнорировать точку зрения «левых» — «бойкотистов», «ультиматистов» и «отзовистов» Ленин не мог, и статьи Богданова печатались в газете. Более того, фракция «богдановцев» имела серьезное влияние среди большевиков, и Ленин даже не исключал возможности своего поражения. «Я выйду из фракции, как только линия «левого» и истинного «бойкотизма» возьмет верх», — писал он в июне 1908 года.

Отношения Богданова и Ленина стали стремительно ухудшаться. И именно в разгар этих споров между ними началась «война» на философском фронте.

«Формальное объявление войны»

В 1906 году, еще в тюрьме, Богданов написал заключительную часть своего «Эмпириомонизма» и нелегально сумел передать рукопись «на волю». Книга вышла в конце того же года.

Философская система Богданова довольно сложна и, откровенно говоря, не слишком-то «прозрачна». Она требует серьезных усилий для ее понимания. У Ленина она вызывала резкое неприятие. И не только из-за сложности. А потому, что Богданов еще покусился на основу философии материализма и диалектического материализма как части марксизма — на понятие материи.

Для «чистого» марксиста-материалиста является аксиомой существование материи независимо от человеческого или какого-либо еще сознания. Богданов же считал, что философия, разделяющая «материю» и «дух», устарела. По его мнению, окружающий нас мир существует лишь в коллективном (общественном) сознании человечества, обладающего «коллективным опытом», который выступает в качестве «творца природы». Он доказывал, что если человечество, изменяя мир, способно к теоретическому исследованию и практическому воспроизводству любого вида материи, то нет никакой необходимости в концепции материи, которая стоит над научным познанием.

К этим выводам Богданова подтолкнула научная революция начала XX века, когда вдруг выяснилось, что атомы не являются «конечными» элементами, а состоят из элементарных частиц, когда были открыты явление радиоактивности, движение материков, новые звезды и галактики и т. д.

В определенной степени он опирался на работы австрийского физика Эрнста Маха (он считал, что все явления, в том числе и сам мир, являются «комплексами ощущений», и задача науки — лишь описывать эти «ощущения») или немецкого философа Рихарда Авенариуса (он основал учение под названием «эмпириокритицизм», согласно которому не существует реальности вне и независимо от сознания). Поэтому Ленин не случайно называл Богданова «махистом».

Богданов не просто разрабатывал свою философскую концепцию, он еще предлагал соединить эмпириомонизм с марксизмом, заменив в нем философию материализма, а для Ленина это было святотатство вдвойне. В начале 1908 года вышел в свет сборник «Очерки по философии марксизма»

со статьями Богданова и близких к нему философов — Владимира Базарова, Анатолия Луначарского, Павла Юшкевича и др. «Новая философия открывала, — писала в мемуарах Крупская, — двери всякой мистике. В годы реакции ревизионизм мог развернуться особо пышным цветом, упадочнические настроения среди интеллигенции помогали бы этому всячески. Тут размежевание было неизбежно».

Ленин назвал «Очерки» «формальным объявлением войны». В этой «философской войне» с Богдановым Ильич блокировался даже со своим главным соперником из меньшевиков — Георгием Плехановым. Плеханов, как мы помним, критиковал философские теории Богданова с точки зрения ортодоксального марксизма еще с 1904 года.

В письме Горькому от 25 февраля 1908 года Ленин писал, что философские противоречия с Богдановым возникли у него еще в 1904 году, после выхода первого тома «Эмпириомонизма». «Летом и осенью 1904 г. мы окончательно сошлись с Богдановым как беки (большевики. — *Е. М.)*, — отмечал он, — и заключили тот молчаливый и молчаливо устраняющий философию, как нейтральную область, блок, который просуществовал все время революции и дал нам возможность совместно провести в революцию ту тактику революционной социал-демократии (= большевизма), которая, по моему глубочайшему убеждению, была единственно правильной…

В тюрьме в начале 1906 г[ода] Богданов написал еще одну вещь, — кажется, III выпуск «Эмпириомонизма». Летом 1906 г[ода] он мне презентовал ее, и я засел внимательно за нее. Прочитав, озлился и взбесился необычайно: для меня еще яснее стало, что он идет архиневерным путем, не марксистским. Я написал ему тогда «объяснение в любви», письмецо по философии в размере трех тетрадок. Выяснял я там ему, что я, конечно, рядовой марксист в философии, но что именно его ясные, популярные, превосходно написанные работы убеждают меня окончательно в его неправоте… Сии тетрадочки показал я некоторым друзьям (Луначарскому в том числе) и подумывал было напечатать под заглавием: «Заметки рядового марксиста о философии», но не собрался. Теперь жалею о том, что тогда тотчас не напечатал… Теперь вышли «Очерки философии марксизма».

Меня опять потянуло к «Заметкам рядового марксиста о философии», и я их начал писать, а Александру] Ал[ександрови]чу — в процессе моего чтения «Очерков» — я свои впечатления, конечно, излагал прямо и грубо».

Далеко не все партийцы и сочувствующие могли понять, почему их разногласия усугубляются с такой катастрофической скоростью. Максим Горький, который жил тогда на итальянском острове Капри, звал Богданова

и Ленина в гости, чтобы помирить их. Ленин сначала отказывался. «Ехать мне бесполезно и вредно: разговаривать с людьми, пустившимися проповедовать соединение научного социализма с религией, я не могу и не буду… Спорить нельзя, трепать зря нервы глупо». Однако в апреле 1908 года он все-таки приехал на Капри. Горький вспоминал, что Ленин, как только он встретил его на пристани, сразу же заявил ему: «Я знаю, вы, Алексей Максимович, все-таки надеетесь на возможность моего примирения с махистами, хотя я вас предупредил в письме: это — невозможно! Так уж вы не делайте никаких попыток».

От той поездки остались широко известные фотографии, на которых Ленин и Богданов в окружении Горького, Базарова и других играют в шахматы. По словам Горького, Ленин проигрывал и, «проигрывая, сердился, даже унывал, как-то по-детски». Зато в спорах с Богдановым он был настроен «спокойно, холодновато и насмешливо, сурово отталкивался от бесед на философские темы и вообще вел себя настороженно»: «Шопенгауэр говорит: «Кто ясно мыслит — ясно излагает», я думаю, что лучше этого он ничего не сказал, — говорил он. — Вы, товарищ Богданов, излагаете неясно. Вы мне объясните в двух-трех фразах, что дает рабочему классу ваша «подстановка» и почему махизм — революционнее марксизма?

Богданов пробовал объяснять, но он говорил действительно неясно и многословно.

— Бросьте, — советовал Владимир Ильич. — Кто-то, кажется — Жорес, сказал: «Лучше говорить правду, чем быть министром», я бы прибавил: и махистом».

«Поездка не принесла, конечно, примирения с философскими взглядами Богданова, — вспоминала Крупская. — Ильич потом вспоминал, как он говорил Богданову, Базарову: придется годика на два, на три разойтись, а жена Горького, Мария Федоровна, смеясь, призвала его к порядку». Разойтись-то они разошлись, но потом уже не сошлись никогда.

Весной 1909 года вышла книга Ленина (под псевдонимом Вл. Ильин) «Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии». Это, собственно, и были «заметки рядового марксиста», о которых он писал Горькому. Интересно, что книга должна была печататься сначала в издательстве «Знание», одним из руководителей которого был Горький. Но Горький, узнав о ее содержании, заявил, что он против издания «заметок». Отказалось печатать Ленина и издательство «Гранат». И только потом ее рукопись попала в издательство «Звено», где она в конце концов и вышла.

Ленин жестко раскритиковал эмпириокритицизм. По его словам, это не более чем «учено-философская тарабарщина» и «профессорская галиматья». Досталось и эмпириомонизму Богданова, а также Базарову, Луначарскому и др. Ленин назвал попытки согласовать их теории с марксизмом «шарлатанством», «тупостью», «фальсификацией марксизма». «И подобный несказанный вздор выдается за марксизм!» — возмущался он. Ленин ехидно спрашивал: если весь мир — это чья-то «сумма ощущений» или чей-то «опыт», то как тогда существовала природа до человека? Была ли она «ощущениями» или «опытом» динозавров или амеб? Ильич не стеснялся в формулировках. Даже его сестра Мария Ульянова, которая редактировала книгу, просила их смягчить, но Ленин отказался. Он ответил, что не видит в этом смысла, потому что отношения с Богдановым «порваны совсем».

Богданов ответил Ленину через несколько месяцев — статьей «Вера и наука». Тоже жесткой, и тоже с «переходом на личности». Ленин, по словам Богданова, стремится дать своему читателю «истину абсолютную, вечную». Для него марксизм — это религия, и религия «авторитарная». Но он сам, утверждал Богданов, плохо знает философию Маркса, да и философию вообще, но маскирует это агрессивным стилем изложения и обилием цитат. «Мы знаем В. Ильина — ученого экономиста, действительно знающего свою специальность, — отмечал Богданов. — И что же? В его экономических произведениях вы не найдете ни такой выставки показной учености, как в его «философии», ни такого высокомерно-профессорского тона. О причине легко догадаться: там он *знает*, что говорит…»

Выводы Богданова о Ленине-философе были весьма нелицеприятными: «Внешний вид глубочайшей учености — и не менее глубокое невежество на самом деле.

Постоянные обвинения противников в «неприличии», в «литературном наездничестве», — и необычный даже для наших отечественных нравов лексикон ругательных слов.

Обозначение всех оппонентов как «философских реакционеров», и самая застойная тенденция, самая злая ненависть ко всяким без различия «новшествам».

Резкий, антирелигиозный тон, приписыванье враждебной стороне стремлений к «поповщине», — и глубоко религиозное мышление, с культом «абсолютного».

Такого Ленин, конечно, забыть не мог. 21 февраля 1909 года Богданов писал Григорию Зиновьеву: «Тов. Ленин счел нужным прервать личные и

внешнетоварищеские отношения со мною; но сделал это без партийно-обязательного, по-моему, в таких случаях предупреждения, письменного или через товарищей. Ввиду того, что это пока первый случай в нашей коллегии, я ограничился словесным заявлением тов. Ленину, что считаю его поступок некорректным».

«Скатертью дорога, любезные!»

В августе 1908 года Богданов утверждал, что «мой выход из редакции абсолютно не имеет, с моей стороны, связи с философскими разногласиями».

«Философскую войну» между ним и Лениным по-прежнему сопровождали политические разногласия, но все же странно — почему Ильич, будучи прагматичным политиком, вдруг вдрызг разругался со своим ближайшим соратником из-за, в общем-то, весьма абстрактных вопросов? Одна из основателей компартии Германии Роза Люксембург писала Богданову: «О формальном расколе у беков я не знала… Но если это из-за «махизма», то Вас, господа беки, прямо расстрелять надо бы. Черт знает что такое!»

Однако Ленин сообщал Горькому, что когда он читал философские статьи Богданова и его сторонников, то «с каждой статьей прямо бесновался от негодования». «Я себя дам скорее четвертовать, чем соглашусь участвовать в органе или в коллегии, подобные вещи проповедующей», — возмущался он.

Нет сомнений: марксизм для Ленина действительно был чем-то вроде «священной коровы» и из-за несогласия по принципиальным вопросам он вполне мог порвать и личные отношения. Но еще в феврале 1908 года он писал Горькому: «Некую драку между беками по вопросу о философии я считаю теперь совершенно неизбежной… Мы должны подраться из-за философии так, чтобы «Пролетарий» и беки, как фракция *партии*, не были этим задеты…» Однако всё получилось совсем по-другому.

Есть версия, что план Ленина как раз в этом и состоял: начать против Богданова «драку» в философии, дискредитировать Богданова как марксиста для того, чтобы отстоять свои позиции в руководстве большевистской фракции.

В марте 1909 года Богданов писал Горькому: «Я — человек, а не дерево, и Вы легко можете себе представить, насколько для меня было бы приятно жить с людьми родными по духу, товарищами по великой цели».

Однако именно с «товарищами» ему тогда приходилось выяснять отношения. В феврале между «ленинцами» и «богдановцами» вспыхнул скандал — они обвиняли друг друга в присвоении партийных средств, использовании их в агитации и клевете. Сам Богданов тогда писал, что «существует сепаратная организация… которая посылает по России агентов со специальными поручениями и пользуется для этого средствами Большевистского] Ц[ентра]»[49].

Речь шла о тех огромных деньгах, которые были захвачены в результате «эксов», прежде всего в Тифлисе. И Ленин, и Богданов, естественно, стремились к тому, чтобы держать под контролем их расходы. Богданов и его сторонники считали, что Ленин захватил в распоряжение своей группы «огромные денежные средства» всей большевистской фракции и на эти средства вел работу по укреплению положения своих сторонников во фракции большевиков.

В листовке «К товарищам большевикам!», выпущенной позже, в январе 1910 года, Богданов отмечал, что поскольку БЦ во главе с Лениным «надо было воздействовать на общественное мнение партии, он старался делать это путем денежной зависимости, в которую он ставил как отдельных членов партии, так и целые организации, большевистские и не только большевистские. За последние два года не было дано организациям ни одного денежного отчета, а истрачены были сотни тысяч. Попытки некоторых организаций установить постоянный контроль над принадлежащими им суммами встречали со стороны БЦ энергичный отпор и потерпели полное крушение. Таким образом, и в идейном, и в материальном, и в организационном смысле БЦ стал бесконтрольным вершителем большевистских дел, поскольку они зависели от заграницы».

И Ленин, и Богданов были довольно вспыльчивыми, самолюбивыми и амбициозными людьми и уступать друг другу не собирались. Однажды между ними дело чуть не дошло до рукоприкладства. В июне 1909 года представители двух фракций встретились в парижском кафе. Для конспирации участники встречи делали вид, что играют в бильярд. В разгар спора, когда Ленин сказал что-то оскорбительное в его адрес, Богданов не сдержался, схватил кий и бросился на Ильича. Впрочем, другим партийцам удалось предотвратить драку и буквально скрутить руки руководителям конкурирующих фракций. У Богданова отобрали кий, а Ленина заставили принести извинения.

Именно июнь 1909 года был апогеем борьбы между двумя фракциями в большевизме. 22 июня на совещании расширенной редакции «Пролетария» в Париже Богданов обвинил ленинцев в «предательстве

большевизма» и «переходе на позиции меньшевизма», заявив, что «намечается вполне ленинско-плехановская фракция». Однако при голосовании он остался в меньшинстве. Богданова вывели из состава БЦ.

Что в это время о своих соперниках думал Ленин, хорошо видно по его частным письмам. В одном из них, написанном в сентябре 1909 года, он отмечает, что пишет статью, где третирует «прямо как *каналий* [курсив автора. — *Е. М.*] эту банду сволочей Максимова [псевдоним Богданова. — *Е. М.*] и К°». Он также называл Богданова и его сторонников «шайкой авантюристов» и призывал: *«Полный разрыв* и война *сильнее, чем с меньшевиками.* Эта война быстро доучит дураков, которые все еще «не разобрались». А статью «О фракции сторонников отзовизма и богостроительства», опубликованную в «Пролетарии» 11 сентября 1909 года, Ленин закончил словами: «Скатертью дорога, любезные!».

Эти события Богданов и его сторонники считали «государственным переворотом в партии», устроенным Лениным. В декабре 1909 года они собрались на итальянском острове Капри, где образовали партийную группу «Вперед». Она объявила себя носителем традиций большевизма и призвала к «реконструкции большевизма» во всей партии — Ленин и его последователи, по мнению «впередовцев», все сильнее дрейфовали в сторону меньшевизма.

Состав группы был весьма авторитетным. Достаточно просто назвать некоторых ее активистов: Анатолий Луначарский, Максим Горький, Вячеслав Менжинский (будущий глава ОГПУ), Григорий Алексинский (будущий враг как Богданова, так и Ленина, опубликовавший в июле 1917 года сведения, «разоблачавшие» последнего как «германского агента»), Дмитрий Мануильский (будущий член руководства Советской Украины и видный работник Коминтерна), Михаил Покровский (будущий известный партийный историк) и др. Группа приняла платформу «Современное положение и задачи партии». В ней говорилось о необходимости преодолеть внутрифракционную борьбу («Мы будем открыто бороться за восстановление единства большевизма», — провозглашала группа «Вперед»), о том, что партийная фракция в Государственной думе не может фактически руководить всей партией. В этой платформе были впервые высказаны идеи Богданова о необходимости создания «пролетарской культуры».

Он считал, что задача большевиков состоит в том, чтобы поднимать массы до более высокого уровня социалистической сознательности и что пролетариат должен со временем стать не только политическим, но и культурным гегемоном. И что не только политическое, но и «культурное

освобождение» пролетариата позволит реализовать идею социализма.

Именно тогда наметилось еще одно — и, пожалуй, самое важное и глубокое философско-политическое расхождение во взглядах между Богдановым и Лениным. Что важнее для построения социализма: завоевание политической власти или медленное, долгое «окультуривание» и образование пролетариата, да и всего народа? И с чего надо начинать? На эти вопросы они отвечали по-разному, и позже произойдет довольно любопытный парадокс: «левый большевик» Богданов в своей философии достижения социализма сдвинется вправо, ближе к меньшевикам, а Ленин, которого он в 1909 году обвинял в блоке с меньшевизмом, уйдет на крайне «левые» позиции.

Но это будет потом. Пока же в платформе группы «Вперед» говорилось о задачах «создавать» и «распространять в массах новую пролетарскую культуру», «развивать пролетарскую науку», «вырабатывать пролетарскую философию». На Капри, а затем в Болонье члены группы открывают школы для партийных активистов.

В январе 1910 года в Париже состоялся Пленум ЦК РСДРП, в котором совместно участвовали большевики и меньшевики (как оказалось, в последний раз). Он продолжался 22 дня. Ленин писал Горькому: «Три недели маета была, издергали все нервы, сто тысяч чертей!» Нервничать было из-за чего: на пленуме шли горячие дискуссии о возможности восстановления единства в партии. Ленин считал, что большевики должны объединиться с так называемыми «меньшевиками-партийцами» Плеханова (в отличие от «ликвидаторов» они не требовали роспуска нелегальных партийных структур).

Формальное решение о единстве было принято — в соответствии с ним закрывались фракционные газеты и прекращали работу органы управления большевиков и меньшевиков. Группа «Вперед» выпустила обращение «К товарищам большевикам!», в котором оценила эти события как «сдачу большевистским центром всех позиций». Она выступила за «перестройку большевистской фракции на новых основаниях». Сам Богданов, кстати, на Январском пленуме был устранен из ЦК. Несмотря на, казалось бы, поражение сторонников Богданова, Ленин внимательно следил за ними и видел в них опасных конкурентов. «Впередовцы очень сильны. У них есть школа = конференция — агентура. У нас (и у ЦК) ее нет. У них есть деньги — до 80 000 руб[лей|», — писал он в феврале 1911 года. Он настаивал, чтобы участников группы исключили из партии.

В августе к большевикам обратились за помощью остававшиеся на свободе кавказские боевики. Они просили денег для организации побегов

своим товарищам. Поскольку три года назад кавказцы передали «экспроприированные» в Тифлисе средства Ленину, Богданову и Красину, то и теперь они просили помочь именно их. Как позже утверждал Богданов, Ленин ответил, что сделать ничего нельзя — Большевистский центр распущен, а деньги переданы партии. Богданов и Красин, однако, считали, что помочь кавказцам — это «дело чести для большевизма». Они собрали немного денег и, несмотря на риск, разменяли одну из 500-рублевых купюр, похищенных во время «экса» в Тифлисе. «Кавказцам было сообщено, — писал Богданов, — что для них имеется 1000 франков плюс разменные 500 р[ублей], и хотя этого недостаточно, но больше в данный момент невозможно…»

К этому времени и саму группу «Вперед» самым катастрофическим образом раздирали разногласия. «Началось распадение группы», констатировал Богданов. Горький почти перестал в ней участвовать. Богданов и Луначарский все больше склонялись к необходимости «культурной работы», Алексинский и Менжинский выступали за боевые операции. Шли острые споры не только по тактическим, но и по финансовым вопросам. Луначарский вспоминал: «После короткой, но довольно тяжелой распри между Богдановым и Алексинским первый покинул группу «Вперед», и после этого Алексинский развил до кульминационного пункта свои выдающиеся способности дезорганизатора: ему удалось постепенно поссориться и отколоть от нас тов. Менжинского, Покровского и в конце концов самым нелепым и довольно гнусным образом порвать также и со мной».

Из шестнадцати человек, подписавших платформу, в 1911 году осталось, как писал Богданов, «3, плюс 2 кооптированных». «Весной 1911, когда группа «Вперед» стала переходить от культурно-пропагандистской работы к политике в заграничном духе, я вышел из нее и ушел из политики», — отметит он в 1925 году в «Автобиографии».

Год спустя члены Женевского кружка группы, которые поддерживали Богданова, предложили ему вернуться. Однако он отказался. «Измельчание программы, вступление на путь заграничной дипломатии, неработоспособность полная при наличности кое-каких хороших сил — что может быть яснее этого? Чем скорее ликвидация, тем лучше…» — отмечал он в своем письме членам кружка 7 марта 1912 года. Но это были еще не все причины.

Как писал Богданов, для него на первый план вышла огромная «важность революционно-культурной работы», и он решил посвятить ей себя. «Когда настанет момент, когда будут люди и средства, я употреблю

все усилия к организации «Союза социалистической культуры», который, как я полагаю, не будет партийной фракцией и не будет конкурировать с собственно политическими организациями… — заявлял он. — А пока — я буду вести литературную и пропагандистскую подготовку этого дела… Она возьмет все мои свободные силы, и без того подорванные несколькими годами вынужденного участия в бессмысленных склоках…» Это, по существу, было признанием своего поражения в сражении с Лениным и его сторонниками. Однако Богданов не бежал с поля, а отступил, ведя упорные «арьергардные бои». И даже в таком сложном положении не собирался складывать оружия.

Что же касается «литературной и пропагандистской подготовки», то в этой области он был уже далеко не новичком. В 1912 году большой известностью пользовались, например, его фантастические утопии о жизни и революции на Марсе. В них Богданов с помощью литературных приемов попытался довести до широкой публики те идеи, которые его интересовали больше всего. Здесь были и коммунизм, и научно-технический прогресс, и волновавшие его проблемы человеческой крови, и вампиры, и организация общества на совершенно иных принципах, и многое другое.

Первым из его утопий стал роман с многозначительным названием «Красная звезда».

«Красная звезда» и упыри

«Красная звезда» Богданова «взошла» в Петербурге в 1908 году. Наверное, действие романа не случайно происходило именно на Марсе. Марс тогда был «модной планетой» — начиная еще с 80-х годов XIX века, когда итальянец Джованни Скиапарелли объявил, что открыл на ней «каналы», протянувшиеся по поверхности Марса на многие сотни, даже тысячи километров. «Открыта разумная жизнь на Марсе!» — трубили газеты. Одна за другой стали появляться книги, авторы которых описывали марсианскую жизнь. Огромной популярностью пользовались работы американского астронома Персиваля Лоуэлла, который построил личную обсерваторию и по итогам наблюдения за Марсом составил карту его «каналов», а в книгах «Марс» и «Марс и его каналы» описал предполагаемую цивилизацию на нем.

Читающая публика по обе стороны Атлантики зачитывалась книгами и статьями французского астронома и популяризатора науки Камиля Фламмариона, который в 1896 году уверенно заключил, что на Марсе «буйствует жизнь». Он предполагал, что из-за небольшой силы притяжения на «красной планете» ее обитатели умеют летать. Конечно же, стоит упомянуть и Герберта Уэллса с его «Войной миров» — о вторжении на Землю злобных марсианских ящеров-кровососов.

В 1899 году знаменитый изобретатель Никола Тесла заявил, что умудрился поймать сигналы с Марса. В общем, марсианская тема, что называется, висела в воздухе. И утопия Богданова оказалась очень даже кстати. Хотя и была действительно в «красных», революционных тонах. Богдановские марсиане тоже умели летать, тоже посещали Землю и тоже были в определенном смысле «кровососами» — только добрыми.

Наверное, здесь нет необходимости подробно пересказывать содержание этого известного романа. В общих чертах: главный герой, «старый работник партии» по имени Леонид, знакомится с одним партийным связным, приехавшим «с юга», но оказавшимся на самом деле марсианином. Этот-то марсианин и предложил потрясенному Леониду совершить путешествие на Марс. Оказалось, что они уже неоднократно забирали землян на свою «красную звезду» (начиная с 50-х годов тема «похищения» людей инопланетянами вообще приобретет черты массового психоза), и посланец честно предупредил Леонида, что, мол, «можно и не вернуться», но тот все равно согласился лететь. Он уничтожил дома

«лишние бумаги», и они отправились в полет на межпланетном корабле — этеронефе. Перед «отплытием» с Земли марсианин снял с себя камуфляж, который делал его похожим на людей, и главный герой увидел подлинную внешность инопланетянина: «Его глаза были чудовищно громадны, какими никогда не бывают человеческие глаза… Верхняя часть лица и головы была настолько широка, насколько это было неизбежно для помещения таких глаз, напротив, нижняя часть лица без всяких признаков бороды и усов, была сравнительно мала…»

На Марсе Леонид знакомится с устройством марсианского общества, описывает различные научно-технические достижения марсиан, их образ жизни и поведение. Главное то, что на Марсе давно уже построен коммунизм, основанный на коллективизме и товариществе. Это — общество всеобщей свободы, равноправия и добровольного труда. Марсиане победили почти все болезни, живут долго, причем настолько долго, что некоторые предпочитают «уходить» самостоятельно, «когда чувство жизни слабеет и притупляется». Для этого в их распоряжение предоставляют специальные комнаты и «все средства спокойной, безболезненной смерти». «Если сознание пациента ясно и его решение твердо, то какие же могут быть препятствия?» — говорят Леониду марсиане, уточняя, что случаи самоубийств среди них происходят довольно часто, особенно среди стариков[50].

Ну а почему же марсиане живут так долго? Оказывается, потому что они регулярно обновляют кровь. И не просто обновляют. «Мы, — говорят они, — идем дальше и устраиваем обмен крови между двумя человеческими существами, из которых каждое может передавать другому массу условий повышения жизни…» Узнает Леонид и еще об одной важной особенности этих марсианских обменов кровью — в них участвуют молодые и пожилые люди.

«Молодой человек не стареет от крови пожилого: то, что в ней есть слабого, старческого, быстро преодолевается молодым организмом, — объясняют марсиане, — но в то же время из нее усваивается многое такое, чего не хватает этому организму; энергия и гибкость его жизненных отправлений тоже возрастают». И наконец, обмен кровью носит не только медицинский, но и философский смысл. Благодаря ему коммунистический Марс — это общество подлинного кровного братства, «не только в идейном. Но и в физиологическом существовании».

Откуда у Богданова появилась такая странная идея о «кровном братстве»? Сам он нигде не упоминает о том, как именно он заинтересовался проблемами крови. Но мы можем предположить. В конце

XIX — начале XX века это вообще была «модная тема». Характерно, что тогда пользовался огромной популярностью роман английского писателя Брэма Стокера «Дракула», вышедший в 1897 году, о «короле вампиров», который кусал своих жертв и делал их своими слугами. Образы вампиров и упырей всю оставшуюся жизнь будут «преследовать» Богданова, то и дело появляясь в его работах.

«Кровь совсем особый сок», — говорил Мефистофель Фаусту и был совершенно прав. Она не просто течет в наших венах, кровеносная система — это настоящая «дорога жизни», которая переносит огромное количество химических элементов, гормонов, необходимых для поддержания жизненной силы. Кровь делает возможной саму нашу жизнь. Народные мифы и сказания о вампирах, которые «через кровь» смогли подчинять себе укушенных ими людей, в начале прошлого века весьма интересовали ученых и оккультистов. Выдвигались предположения, что, может быть, именно она является носителем информации о личности человека? Если так, то в сказаниях о вампирах есть и определенное рациональное начало: высасывая у жертвы кровь, вампир как бы «похищает» его личность, продлевает свою жизнь, а «укушенный» делается безвольным и подчиненным существом.

Филолог и историк Михаил Одесский, специально изучавший вопрос о влиянии мифов о вампирах на литературную деятельность Богданова, указывал, что «оккультисты, которые претендовали на научное истолкование мифов и веры, в конце концов все это синтезировали в такую концепцию, что «кровь есть носитель активного духовного начала в человеке». Другими словами, кровь — это фактически и есть душа человека.

Кстати, первым темы крови, вампиров и Марса объединил вовсе не Богданов, а Герберт Уэллс. В его знаменитой книге «Война миров» злобные спруты-марсиане, пытавшиеся завоевать Землю, организуют планомерный процесс высасывания крови из захваченных людей для укрепления своих организмов. В этом смысле «Красная звезда» Богданова была как бы позитивной альтернативой Уэллсу по всем позициям: богдановские марсиане выглядели почти как люди, значительно превосходили их в морали и нравственности (об отношениях марсиан между собой у Уэллса мы ничего не знаем), у «чужих» кровь не похищали, а использовали ее совсем другим способом.

По сути, в утопии Богданова странным образом трансформировались и старинные сказания о вампирах, и модные в начале прошлого века теории о крови как особом носителе информации о личности человека. Только в его

романе марсиане не подчиняют с ее помощью себе подобных, а развивают личности соотечественников до более высокого уровня и укрепляют их здоровье. Так что действительно, в «Красной звезде» «кровь есть особый сок», одна из основ «марсианского коммунизма».

«Нам вынь да положи «Красную звезду»

Либеральная критика встретила роман иронически. «Не марксистское дело сочинять проекты социалистического строя», отмечал журнал «Русское богатство», так как фантазии о будущем «принципиально отрицаются правоверным марксизмом».

Ленин на появление «Красной звезды», наоборот, никак публично не отреагировал. Но, думается, книга оставила его равнодушным. Он был человеком практического ума, всякие «марсианские фантазии» считал бесполезным для «дела революции», хотя сам предлагал Богданову другую тему для утопии. Горький в очерке «В. И. Ленин» вспоминал, что на Капри, «беседуя с А. А. Богдановым-Малиновским об утопическом романе, он сказал ему:

— Вот вы бы написали для рабочих роман на тему о том, как хищники капитализма ограбили землю, растратив всю нефть, все железо, дерево, весь уголь. Это была бы очень полезная книга, синьор махист!».

Меньшевик Георгий Соломон (Исецкий), работавший после революции в Наркомате внешней торговли и в 1923 году отказавшийся вернуться в СССР, рассказывал, как Ленин смеялся над неким молодым революционером-эмигрантом, который выступал за «немедленный социализм».

«Ха-ха-ха! — злобно рассмеялся Ленин, заранее торжествуя легкую победу. — Слыхали мы все это, господин мой хороший в сапогах, слыхали, и не раз… Все это праздные измышления «скорбных разумом невтонов», или, вернее, социалистическая маниловщина с ее мостами, лавками и прочими побрякушками… голая и вредная утопия… Чистейшей воды фурьеризм или «Нью-Гармони» папаши Оуэна… Надо обладать поистине гениальным узколобием, чтобы верить в немедленный социализм… Ха-ха-ха! Где там! Нам вынь да положи вот сию же минуту «Красную звезду» моего друга Александра Александровича, на меньшее мы не согласны!..И зря он написал этот роман, ибо он только окончательно совращает с пути истины всех скорбных главой, имя же им легион, и заставляет их лелеять, по выражению моего друга «его величества Божьею милостью Николая II»,

несбыточные мечтания…

Он остановился на минуту, подошел к столу, отпил чаю и снова заходил по комнате.

— Да, я говорю, несбыточные мечтания, — продолжал он. — И горе нам было бы, нам и всему миру, если бы каким-нибудь хоботом, какой-нибудь нелепой авантюрой Россия или какой угодно, даже самый цивилизованный по нынешним временам народ был бы ввергнут в социалистический строй в современную нам эпоху! Это явилось бы бедствием, мировым бедствием, от которого человечество не оправилось бы в течение столетий!»

Впрочем, если Ильич действительно говорил так, как это передал Соломон, то выходит, что потом он резко изменил свою точку зрения на прямо противоположную.

Ну а летом 1908 года он еще раз весьма ехидно отозвался о «Красной звезде». «Сегодня прочел один забавный фельетон о жителях Марса, по новой английской книге Lowells — «Марс и его каналы», — писал он своей матери из Женевы. — Этот Lowell — астроном, долго работавший в специальной обсерватории и, кажется, лучшей в мире (Америка).

Труд научный. Доказывает, что Марс обитаем, что каналы — чудо техники, что люди там должны быть в % раза больше здешних, притом с хоботами, и покрыты перьями или звериной шкурой, с четырьмя *или шестью* ногами. Н…да, наш автор нас поднадул, описавши марсианских красавиц *неполно,* должно быть по рецепту: «тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман…»

(Интересно, что в своих книгах о Марсе Лоуэлл ничего не писал о внешнем виде марсиан. Откуда же у Ленина взялись существа с хоботами и шерстью? Вероятно, он смешал в письме саму книгу Лоуэлла и «фельетон» Герберта Уэллса «Существа, живущие на Марсе», напечатанный в апреле 1908 года. Уэллс писал: «Особенно замечательны в новой литературе предметы, труды моего друга, Персиваля Лоуэлля… книге которого «Марс и его каналы» я многим обязан. В этой книге весьма убедительно доказано, что Марс не только обитаем… Насколько, однако же, эти разумные существа похожи на нас?.. Я думаю, однако же, что они должны быть в 2 % раза крупнее нас, хотя это не значит, что они во столько же раз должны быть выше или толще, так, как надо принять во внимание меньшую плотность органических тканей на Марсе. Весьма вероятно, что они покрыты шерстью или перьями… Нашему воображению трудно представить себе, чтобы вместо рук у марсиан были какие-нибудь хоботы, вроде слоновых, или щупальца, но у природы воображение богаче нашего,

она никогда не повторяется, и легко может быть, что она снабдила марсиан такими органами, о которых мы и понятия иметь не можем».)

Надо, впрочем, отметить, что «научный» труд выдающегося астронома Персиваля Лоуэлла тоже, как мы сегодня знаем, весьма далек от истины.

«Красная звезда» была первой в истории мировой фантастики книгой, в которой идеи революции связывались с космическими путешествиями (второй стала «Аэлита» Алексея Толстого)». И в отличие от Ленина многие из революционеров встретили роман с большим интересом. Некоторые даже с «трепетом и восторгом», как отмечал потом Бухарин. Другие увидели в ней «добросовестное изложение социалистической программы пролетариата». Горький писал: «И нравится, и нет, но — вещь умная». Оценил роман и Луначарский, который, однако, отметил, что от «разумности» марсианского устройства «веет холодком».

В 1918 году один из «старых революционеров», подписавшийся псевдонимом С. Д., писал в журнале «Пролетарская культура»: «Был ноябрь 1907 года [роман был напечатан в 1908 году. — *Е. М.*], когда появилась «Красная звезда»: реакция уже вступила в свои права, но у нас, рядовых работников большевизма, все еще не умирали надежды на близкое возрождение революции, и именно такую ласточку мы видели в этом романе. Интересно отметить, что для многих из нас прошла совершенно незамеченной основная мысль автора об организованном обществе и о принципах этой организации. Все же о романе много говорили в партийных кругах».

«Ленин-вампир»

В 1912 году Богданов закончил, как считают многие исследователи его творчества, первые две части главного труда своей жизни — «Тектологии» или «Всеобщей организационной науки». В этой работе он пытался сформулировать универсальные принципы организации, присущие и живой, и неживой природе. Долгое время в СССР эта работа находилась в спецхранах — последний раз полностью (в трех частях) ее издали в 1927–1929 годах, а потом только в 1989-м, уже в разгар перестройки. Теперь тектологии посвящены множество исследований и трудов, на связанные с ней темы проводятся научные конференции, и она получила признание как первая научная концепция, представившая в целом основные идеи кибернетики и теории систем.

Богдановская «тектология», как и его философия, — это отдельная

большая тема. Для нас же интересно, что первые «тестологические раскаты» прозвучали еще раньше, в новом романе Богданова о событиях на Марсе. Он назывался «Инженер Мэнни» и вышел в Москве в 1912 году. В этой марсианской утопии рассказывается о том, что предшествовало коммунизму на «Красной звезде». Это история зарождения коммунистического движения «в эпоху строительства Великих каналов» на красной планете — в XVII веке по земному календарю. Сам Богданов, впрочем, называл эту книгу «картиной столкновения пролетарской и буржуазной культуры».

Главный герой, «великий инженер» Мэнни, руководит работами по прокладке марсианских каналов. В припадке возмущения он убивает своего помощника-интригана и добровольно приговаривает себя к заключению в тюрьме, откуда по-прежнему дает указания по строительству.

Между тем на Марсе возникает рабочее движение, которое возглавляет сын Мэнни Нэтти. Он открывает принципы «универсальных организационных методов», в результате чего возникает всеобщая наука, которая охватывает весь организационный опыт человечества. Руководствуясь принципами этой науки, марсианский пролетариат совершает революцию. Мэнни, представитель старой «буржуазной индивидуалистической культуры», не желая становиться на пути своего сына-коллективиста и идущих за ним пролетариев, кончает жизнь самоубийством. Об открытии «универсальных принципов» сообщается уже в эпилоге романа. Таким образом, он становится как бы прологом к «Тектологии», вышедшей в свет в 1913 году.

«Инженера Мэнни» встретили гораздо более сдержанно, чем «Красную звезду». Критики отмечали его сухость и схематичность. Хотя в романе Богданов касался очень важных и актуальных и по сей день проблем. Например, о катастрофических последствиях, которые могут возникнуть в результате монополии «избранных» на знания и принятия решений. Или об опасности ядерного самоуничтожения человечества.

Но есть и в романе большой кусок на «любимую» тему Богданова — о тайнах крови и вампирах. Еще раньше Богданов начал разрабатывать весьма любопытную концепцию «социального вампиризма».

В июле 1910 года Богданов написал для либеральной газеты «Киевская мысль» серию очерков, названия которых говорят сами за себя: «Упыри», «Великий упырь нашего времени». Богданов указывал — упыри бывают не только в преданиях. Нет, некоторые исторические личности тоже вполне подходят под это определение. Но гораздо опаснее этих «персональных упырей» «упыри безличные» — исторические и социальные явления и

идеи, которые на определенном этапе носили прогрессивный характер, а потом вдруг начинали «загораживать дорогу более глубоким истинам». Даже учение Дарвина, писал Богданов, старались сделать оправданием «старой феодальной и новой финансовой аристократии, изображая их жизненно важными элементами, которые побеждают в борьбе за существование».

Или вот учение Маркса, «насквозь проникнутое духом критики», которое теперь «в глазах его некоторых сторонников становится абсолютной истиной, вечно-обязательной традицией», превращается в «священное писание», а сам образ Маркса «у этих бессознательных рабов прошлого шаг за шагом обожествляется». «Так исполняется старое предание: из кого упырь высосет кровь, тот сам станет упырем, — писал Богданов. — В ком авторитет вытравил дух инициативы и творчества, тот сам становится слугою отжившего принципа, в какие бы прогрессивные идеи ни верил на словах».

Похожая мысль звучит у Богданова и в статье «Вера и наука». Любая идеология, по его словам, может превратиться из прогрессивной в «мертвеца, который хватает живого», и тогда «ее разрушение необходимо для социального развития». Поэтому и марксизм должен был отвергнуть «абсолютное значение за какой бы то ни было системой идей, в том числе и за своей собственной». «Но старый мир не мог примириться с тем, что в его среде зародилось и живет учение… — писал Богданов. — После долгой, безуспешной борьбы старый мир прибегнул к последнему средству: он сотворил вампира по внешнему образу и подобию своего врага и послал его бороться против молодой жизни. Имя этому призраку — «абсолютный марксизм».

Вампир исполняет свою работу. Он проникает в ряды борцов, присасывается к тем, кто не разгадал его под его оболочкой, и иногда достигает своей цели: превращает вчерашних полезных работников в озлобленных врагов необходимого развития пролетарской мысли».

В романе «Инженер Мэнни» эту концепцию объясняет рабочий вожак Нэтти:

«— Вы знаете народное предание о вампирах? — спросил он…

— Конечно, знаю. Нелепая сказка о мертвецах, которые выходят из могил, чтобы пить кровь живых людей.

— Взятое буквально, это, разумеется, нелепая сказка… На самом деле в легенде о вампирах воплощена одна из величайших, хотя, правда, и самых мрачных истин о жизни и смерти. Мертвая жизнь существует, ею полна история, она окружает нас со всех сторон и пьет кровь живой

жизни…

— Мне известно, что ваши рабочие часто называют капиталистов вампирами; но ведь это просто брань или, в крайнем случае, агитационный прием.

— Я говорю вовсе не о том. Представьте себе человека — работника в какой бы то ни было области труда и мысли. Он живет для себя как физиологический организм; он живет для общества как деятель. Его энергия входит в общий поток жизни и усиливает его, помогает побеждать то, что ей враждебно в мире. Он в то же время, без сомнения, чего-нибудь стоит обществу, живет за счет труда других людей, нечто отнимает у окружающей его жизни. Но пока он дает ей больше того, что берет, он увеличивает сумму жизни, он в ней плюс, положительная величина. Бывает, что до самого конца, до физической смерти он и остается таким плюсом… Однако так случается редко. Гораздо чаще человек, который слишком долго живет, рано или поздно переживает сам себя. Наступает момент, когда он начинает брать у жизни больше, чем дает ей, когда он своим существованием уже уменьшает ее величину… Он не только паразит жизни, он ее активный ненавистник… Это — не человек, потому что существо человеческое, социально-творческое, уже умерло в нем; это — труп такого существа. Вреден и обыкновенный, физиологический труп: его надо удалять или уничтожать, иначе он заражает воздух и приносит болезни. Но вампир, живой мертвец, много вреднее и опаснее, если при жизни он был сильным человеком.

— Как странно представлять себе вампирами людей, которых знаешь! — задумчиво сказал Мэнни.

— И странно, и тяжело, если видел их благородными и мужественными бойцами, — прибавил Нэтти…

Мэнни сделал головой движение, как будто хотел стряхнуть с себя что-то…

— Да, а вот, пожалуй, самое слабое место вашей теории. Как определить момент, когда живое существо делается вампиром?

— Это в самом деле очень трудно, — ответил Нэтти. — Большей частью превращение обнаруживается гораздо позже, когда принесенный вред уже очевиден, когда вампир успел много выпить крови… Иногда я думал: вот, я встречаю разных людей, живу с ними, верю им, даже люблю их; а всегда ли я знаю, кто они в действительности? Может быть, именно в эту минуту человек, который дружески беседует со мною, невидимо для меня и для себя переходит роковую границу…»

Вскоре, почти как в старинных сказаниях, к Мэнни явился призрак

Вампира: «В самом дальнем от него углу мрак сгустился и принял, сначала неопределенно, очертания человеческой фигуры; но уже резко выделялись горящие глаза. Фигура, скользя, стала приближаться и сделалась отчетливее…» Это был тот самый помощник-интриган, когда-то убитый Мэнни, «только лицо было гораздо бледнее, глаза ярче, губы краснее, чем тогда, и на шее видна была неправильная кровавая полоса разорванных тканей». Призрак представляется Вампиром, «Вампиром вообще, властителем мертвой жизни». Он сообщает, что и Мэнни тоже скоро станет вместилищем Вампира: «Знай же, твоя судьба решена, ты не можешь уйти от меня! Пятнадцать лет ты живешь в моем царстве, пятнадцать лет я пью понемногу твою кровь. Еще осталось несколько капель живой крови, и оттого ты бунтуешь…» Мэнни понимает, что сам он, со своими идеями вчерашнего дня, тоже может вскоре стать вместилищем Вампира, «паразитом жизни», и обещает не отдавать ему «последних капель живой крови». Он кончает жизнь самоубийством, не успев превратиться в «упыря» окончательно.

Ленину этот роман категорически не понравился. Да и как он мог ему понравиться? Какая-то непонятная «всеобщая организационная наука», которой должен овладеть пролетариат, а не марксизм, законы классовой борьбы и др. И к тому же Ленин наверняка знал, что и его Богданов считает «слугой Вампира».

А Богданов так действительно считал. По его теории, к Ленину уже «присосался» слуга «Великого Вампира» «абсолютный марксизм», который превратил его в «упыря», врага всего нового и прогрессивного.

Как именно отреагировал на эти «вампирические» рассуждения Ленин — неизвестно. Он всегда подчеркивал, что личные отношения в их конфликте никакой роли не играют, а все дело в принципиальных позициях. Впрочем, в этих принципиальных спорах Ильич, как мы уже видели, тоже не раз переходил на личности.

«Сей махист безнадежен…»

Конфликты и расколы не прошли для Богданова даром. Он был еще вполне молод — 40 лет ему исполнится только в 1913 году, а у него уже появились первые проблемы со здоровьем. Несколько раз с Богдановым случались довольно-таки тяжелые сердечные приступы. Возможно, причина этого была еще и в том, что он не любил выносить свои неприятности наружу, обсуждать их с кем-нибудь еще, а все переживал

внутри себя, «один на один».

К этим «неприятностям» добавился и «семейный кризис». В Париже Богданов сблизился с революционеркой-эмигранткой Анфусой Смирновой. 12 июля 1909 года у них родился мальчик, которого назвали Сашей. Долгое время сын Богданова жил отдельно от отца. В 1915 году Анфуса Смирнова умерла от туберкулеза. Это произошло уже в России. Они с сыном вернулись из эмиграции буквально перед самым началом Первой мировой войны. После ее смерти Сашу (в семье Богданова его называли «Котиком») воспитывала подруга его матери Лидия Павлова. Как замечает родственник Богданова (муж его внучки — дочери сына) Владимир Клебанер, судя по сохранившимся письмам, Саша Малиновский не бывал у отца и его жены до того, как ему исполнилось 13 лет. Но сам Богданов постоянно помогал ему и интересовался тем, как у него идут дела.

Связь Богданова с Анфусой Смирновой не привела к разрыву его отношений с Натальей Корсак. Но, разумеется, выяснения отношений вряд ли удалось избежать. А это не улучшало их настроения. Владимир Клебанер со ссылкой на семейные источники писал, что однажды Богданов с женой всерьез обсуждали даже возможность совместного самоубийства. Но посчитали, что не имеют права бросить только что родившегося ребенка и его тяжелобольную мать.

После поражения «левых» во главе с Богдановым Ленин фактически остался единственным лидером большевиков. Между тем в русской социал-демократии, несмотря на попытку объединения в январе 1910 года, по-прежнему происходило «броуновское движение». Партия была похожа на лоскутное одеяло: в ней действовали множество течений и групп, которые то возникали, то исчезали, то блокировались, то опять расходились.

В январе 1912 года ленинцы созвали партийную конференцию в Праге. Все остальные группы отказались в ней принимать участие. Несмотря на это, конференция объявила себя VI Всероссийской конференцией РСДРП, решения которой обязательны для всех членов партии. На конференции был избран большевистский ЦК, в который вошли Владимир Ленин, Григорий Зиновьев, Серго Орджоникидзе, Иосиф Сталин, Роман Малиновский (будущий депутат Государственной думы, являвшийся, как потом выяснилось, еще с 1910 года секретным агентом полиции). Именно с этого времени можно говорить, что у большевиков появилась своя партия. 22 апреля 1912 года в Петербурге вышел первый номер газеты «Правда». Формально она не считалась органом большевиков, а была легальной «ежедневной рабочей газетой». Так что сотрудничали в ней сначала не

только «твердые ленинцы». Литературный отдел газеты в 1912–1914 годах, например, возглавлял Горький. С ноября 1912 года в ней начал публиковаться и Богданов.

Ленин внимательно читал его статьи и часто резко критиковал их. Была бы его воля, он бы вообще запретил Богданову доступ к «Правде». И, надо сказать, всячески старался сделать это. В феврале 1913 года Ленин писал Горькому; «Нет, с ним каши не сваришь! Прочел его «Инженера Мэнни». Тот же махизм = идеализм, спрятанный так, что ни рабочие, ни глупые редактора в «Правде» не поняли. Нет, сей махист безнадежен…»

Очередным поводом для кампании против Богданова стал следующий случай. Он, в частности, писал под рубрикой «Из словаря иностранных слов» популярные заметки, разъясняющие смысл новых различных понятий. Вышли его статьи «Класс», «Партия», «Тактика», «Политика», но, когда он попытался объяснить смысл слова «идеология», это расценили как попытку Богданова «протащить» в газету свою философию. Ленин по этому поводу заметил, что Богданов не только политически, но и идеологически нездоров. «А богдановская «Идеология», наверное, ересь: обещаюсь вам доказать это точно!!» — писал он. Это ему удалось. Под давлением «ленинцев» сотрудничество «Правды» с Богдановым было прекращено. В начале декабря 1913 года она напечатала список своих авторов на будущий год, среди которых не было ни его, ни Луначарского. Богданов попытался добиться ответа от редакции, почему это произошло, но ответы были туманными и уклончивыми. В письме в редакцию он замечал: «Мне грустно давать такую характеристику поведению людей, с которыми я работал; но факты говорят непреложно: «ответ» мне редакции — недостойная увертка, и, к сожалению, вполне обдуманная, сознательная. Это — не «пролетарская» правда». Богданов прямо обвинял Ленина, Зиновьева и Каменева в том, что они превратили газету, «задуманную в интересах рабочих, в свою «семейную собственность».

В феврале 1914 года в газете «Путь Правды» появилась статья Ленина «Об А. Богданове», в котором он прямо объяснял, почему Богданова перестали печатать «в рабочих газетах и журналах». «Потому, что А. Богданов не марксист», — отвечал он, а объяснения, связанные с «личными отношениями, злокозненностью отдельных лиц» — это все «сплошные пустяки, недостойные ни разбора, ни объяснения».

«А. Богданов создал в своих книгах известную социально-философскую систему и… против этой системы, как немарксистской и противомарксистской, высказались все марксисты без различия фракций… — писал Ленин. — Марксисты убеждены, что совокупность литературной

деятельности А. Богданова сводится к попыткам привить сознанию пролетариата подмалеванные идеалистические представления буржуазных философов… Вот в чем суть дела, своекорыстно затемняемая намеками на личные отношения». А все попытки свести дело на «личности», по словам Ленина, нужно отбросить «как грязный сор».

Но этот стиль «чистого идейного противоборства» Ленину удавалось выдерживать не всегда. «Богданов — ничто жество, которому смешно уделять много внимания», — написал он в редакцию журнала «Просвещение» в те же самые дни, когда публиковалась его статья «Об А. Богданове». Все-таки ему, конечно, не могло понравиться, что автор «Красной звезды» отводил ему место в строю «упырей» и «бессознательных рабов» Маркса.

«Нечто вроде… ребяческого коммунизма»

История с «Правдой» была, по-видимому, решающим событием, которое заставило Богданова отойти от «чистой политики» и партийной работы, хотя формально из РСДРП он не выходил. «Я посвящу себя научно-просветительской задаче и займусь иной деятельностью, в которой буду более свободным, и, я надеюсь, — более полезным», — писал он.

В 1914 году Богданов закончил несколько работ: «Введение в политическую экономию», «Памяти великого учителя» (о Карле Марксе), «Наука об общественном сознании». В книге «Десятилетие отлучения от марксизма. Юбилейный сборник (1904–1914 гг.)», в которой еще раз «прошелся» по своим «философским» противника, он особо подчеркивал авторитарность мышления Ленина. «Я говорю не просто о грубой властности характера — недостатке, который может быть уравновешен и исправлен влиянием товарищеской среды. Я имею в виду самый способ мышления», — отмечал он. Богданов писал о «слепой, наивной вере» Ленина «в авторитеты», которой, по его мнению, был пронизан «Материализм и эмпириокритицизм», и его «недопустимых» приемах в полемике. «Для великого класса, — замечал Богданов, — в котором живет чистый порыв и высокий идеал, культурно недопустимы приемы борьбы мелкие, грязные, унижающие».

Полностью сосредоточиться на «научно-просветительской задаче» ему, впрочем, не удалось: началась Первая мировая война. Она еще больше развела их с Лениным. Ленин оставался в эмиграции, где выдвинул свой знаменитый лозунг «превращения империалистической войны в

гражданскую». А Богданов эту позицию не принял: в гражданской войне он видел угрозу «расточения лучших сил народа», а шансы на совершение мировой социалистической революции считал весьма сомнительными.

Еще в октябре 1913 года Богданов вернулся в Россию. Он смог это сделать потому, что по случаю 300-летия царствования династии Романовых император Николай II объявил амнистию. Она имела довольно ограниченный характер, но разрешала возвращаться политическим эмигрантам, которые покинули страну до 1 января 1909 года. Богданов под эту категорию как раз подпадал.

«Вернувшись в Россию, в 1914 году был послан на фронт в качестве врача», — писал он в автобиографии. Служил Богданов полковым врачом, участвовал в боевых действиях. Долгое время о нем не было никаких известий до того, как в 1915 году он вернулся с фронта. То, что он увидел на войне, стало серьезным испытанием для его психики. Наверняка сказались и напряжение, и переживания предыдущих лет. В общем, домой Богданов вернулся *с* тяжелым расстройством нервной системы и три месяца был вынужден лечиться в клинике. «Меня ужасно поразило и огорчило твое сообщение о Саше, что с ним, ведь я ничего не знаю. Так давно никаких сведений от него не имели… — писала его сестра Мария другой сестре, Анне Луначарской. — Из твоего письма я поняла, что тут не только нервы, что ужасно — ведь какой он был сильный, здоровый. Ужасно больно видеть, что жизнь так косит людей. И только люди-животные чувствуют себя хорошо. Это несправедливо, непонятно».

После выхода из клиники Богданов служил младшим ординатором 153-го эвакуационного госпиталя, который располагался в Москве на Покровке, и получал не очень большое жалованье — чуть больше 167 рублей. При этом давал деньги на воспитание сына и помогал родителям. «Котик болел… да и сейчас не вполне здоров. Словом, расходов у нас очень много, и на нашу помощь нельзя рассчитывать в большой мере», — сообщала в начале 1916 года в одном из своих писем Наталья Богданова-Корсак.

Его представляли к награде за храбрость: за то, что он вывел из-под огня колонну раненых, но сверху последовал отказ. Там, видимо, помнили его «революционные заслуги».

На войне Богданов своими глазами видел, как от потери крови умирают раненые солдаты. И был потрясен тем, что русская медицина не могла им помочь. Именно во время Первой мировой войны начало широко применяться переливание крови, и Богданов об этом знал. Но Россия, как обычно, отставала. Вероятно, именно тогда к его философско-мистическим

исканиям в сфере «тайн крови» прибавился и чисто практический аспект — он понял, что переливания необходимы не только для «омоложения» организма или создания «физиологического братства». Необходимо создать и хорошо организованную службу переливания крови для помощи больным и раненым во время военных действий или чрезвычайных ситуаций. Богданов считал, что эта задача имеет важнейшее государственное значение.

Богданов приветствовал Февральскую революцию 1917 года. Между февралем и октябрем он был близок по взглядам к группе меньшевиков-интернационалистов, которые выступали против войны, коалиции с буржуазными партиями, но против курса на социалистическую революцию и власть Советов, который провозгласил Ленин. Богданов в эту группу не входил (ее наиболее известным представителем был Юлий Мартов), но активно печатался в популярной тогда газете «Новая жизнь». Среди ее редакторов были Горький, Базаров, Николай Суханов (известный сегодня благодаря своим «Запискам о нашей революции»), ну и сам Богданов.

В апреле Ленин триумфально вернулся из Швейцарии в Петроград в знаменитом «пломбированном вагоне». Он выступил с «Апрельскими тезисами», в которых провозгласил курс на социалистическую революцию. Они вызвали бурную полемику среди социалистов вообще (Плеханов назвал речь Ленина «бредовой») и среди большевиков в частности. Против позиции Ленина выступали такие видные лидеры партии, как Григорий Зиновьев, Лев Каменев, Александр Шляпников, считавшие, что Россия еще не созрела для социалистической революции. Каменев выступил со статьей «Наши разногласия», в которой отмечал, что «Апрельские тезисы» выражают исключительно «личное мнение» Ленина. Острая дискуссия среди большевиков продолжалась до конца апреля, когда на VII Всероссийской (Апрельской) конференции РСДРП(б) позиция Ленина все-таки была одобрена большинством голосов. Не в первый — и не в последний — раз он сумел переломить настроение партийцев в свою пользу.

Не признавать в Ленине выдающихся качеств политика Богданов, конечно, не мог. Но с объявленным Лениным курсом он категорически не согласился. Возражал Богданов и против формы нового государства, которое, по Ленину, должно сложиться в переходный период от буржуазного строя к социализму. Он внимательно наблюдал за дискуссией среди большевиков. И его беспокоило, что в партии возникает авторитаризм. А ведь раньше большевизм отличала именно «враждебность к авторитетам», отмечал он.

«В дни своего первого расцвета в 1904–7 годах большевизм был ярко демократичен не только по своей программе, но и по настроению, господствовавшему внутри организации, — писал Богданов в мае 1917 года в газете «Новая жизнь». — Нельзя сказать, чтобы лидерства совсем не было: но оно было поставлено в такие рамки, что если бы тогда кто-нибудь сказал: «линию большевизма определяет Имярек», — то это бы не потребовало даже особого опровержения. Ленин был опытный и влиятельный политик организации, но никому не приходило в голову, что надо ждать его мнения, чтобы составить свое».

Ленин тем временем выпустил брошюру «Письма о тактике». В ней он указал, что такой формой новой государственности могут стать Советы, «республика Советов… по всей стране, снизу доверху». «Я, — писал Ленин, — с исключающей всякую возможность недоразумений ясностью *отстаиваю* необходимость государства для этой эпохи, но, согласно Марксу и опыту Парижской коммуны, не обычного парламентарно-буржуазного государства, а государства *без* постоянной армии, *без* противостоящей народу полиции, *без* поставленного над народом чиновничества [курсив автора. — *Е. М.*]».

Двадцать седьмого июня 1917 года Богданов ответил Ленину статьей «Государство-коммуна», опубликованной в «Известиях Московского Совета». В ней он раскритиковал ленинский план «Республики Советов», назвав его «несовместимым с научным пониманием государства и классовых отношений», а «советскую систему» — «гораздо менее совершенной, чем парламентарная демократическая республика, и, в сущности прямо непригодной». Советы, писал Богданов, хороши для революции, но как постоянные государственные учреждения они вскоре покажут свою слабость. Богданов предрекал, что в них начнутся споры и столкновения между рабочими и крестьянами. Крестьяне, считал он, не захотят слишком долго жить в условиях «революционной ситуации». Получив землю и средства для «поправления» хозяйства, они потребуют «успокоения», а в крайнем случае — совершат его сами. А в условиях «государства-коммуны» такое «успокоение» могло быть только кровавым.

По Богданову, преобразования в России должны были проводиться демократическим парламентом — Учредительным собранием. До социалистической революции пройдут еще «годы и годы», считал Богданов. «Возможно ли, чтобы все это время шел непрерывный подъем революции, чтобы она ни разу не отступала, не сменялась временным упадком, реакцией? — писал он. — Это совершенно невероятно. А при такой реакции на первый план неизбежно выступают противоречия

интересов. При демократической республике возможен парламентский способ их улаживания и подсчета сил, выяснение необходимых уступок, мирное подчинение той стороны, которая оказалась слабее, но рассчитывает стать сильнее в дальнейшем. При республике Советов этот выход закрыт, и реакция имеет все шансы перейти в гражданскую войну с громадным расточением лучших сил народа».

Возражал Богданов и против ленинского утверждения о том, что «плата всем чиновникам, при выборности и сменяемости их в любое время, не выше средней платы хорошего рабочего». «Если комиссар-министр, выполняя работу, которая изнуряет мозг и нервы и нередко в несколько месяцев истощает человека на несколько лет, будет получать те же 200–300 рублей, что и средний хороший токарь, то какой токарь пойдет в министры? — недоумевал он. — Получается нечто вроде донаучного, ребяческого коммунизма: «Всем поровну’’…Хороша, между прочим, и «сменяемость в любое время» выборных чиновников. Сидит в районе большинство, скажем, большевиков — и все должности заняты большевиками. Перетянули меньшевики несколько сот голосов, получили перевес — и всех большевиков долой; хорошо ли, плохо ли делали дело — не важно, «сменяемы в любое время». Что, кроме господства голой демагогии, может получиться из такой сменяемости?»

Формально-тактически Богданов ошибся: «Республика Советов» возникла в России уже через полгода и просуществовала более 70 лет. Ленин добился того, чего мало кто ждал. Есенин с недоумением писал через несколько лет:

Застенчивый, простой и милый,
Он вроде сфинкса предо мной.
Я не пойму, какою силой
Сумел потрясть он шар земной?
Но он потряс…
Шуми и вей!
Крути свирепей, непогода,
Смывай с несчастного народа
Позор острогов и церквей.

Все это так. Но по существу Богданов был прав. «Власти нового типа» в СССР так и не возникло. Де-факто Советы очень быстро оказались нежизнеспособны и большую часть своего существования играли

декоративно-украшательскую роль при диктатуре верхушки партии коммунистов.

«Логика казармы»

События 25 октября 1917 года в Петрограде поставили перед Богдановым вопрос — с кем идти дальше? Вопрос был не из легких.

В самом деле, к власти пришла партия, у истоков основания находился он сам, в которой до сих пор состояли многие из его друзей и которая — и это самое главное — декларировала своей целью достижение социализма и коммунизма. Но какого социализма? И каким путем к нему теперь идти и какими способами создавать? В этом Богданов снова не сошелся взглядами с Лениным и его единомышленниками.

Сильные колебания были, например, у его друзей — Красина и Луначарского. В начале ноября Луначарский даже подал в отставку с поста наркома просвещения в знак протеста против обстрела Красной гвардией Кремля во время октябрьских боев в Москве в 1917 году. Но потом и он, и Красин вернулись «во власть» и оставались в ней до конца жизни.

С Богдановым же было иначе. «Революция застала меня в Москве; там я сначала писал политически-пропагандистские статьи; в одной из них в январе 1918 года поставил диагноз военного коммунизма», — отмечал Богданов в автобиографии. Но сначала вернувшийся «во власть» Луначарский позвал и его, предлагая работать в Наркомпросе. Богданов отказался. В письме Луначарскому от 19 ноября 1917 года он изложил свои взгляды на то, что произошло в России. В этом письме он, наверное, одним из самых первых употребил выражение «военный коммунизм». «Корень всему — война, — писал Богданов. — Она породила два основных факта: 1) экономический и культурный упадок; 2) гигантское развитие *военного коммунизма* [здесь и далее курсив А. А. Богданова. — *Е. М.*].

Военный коммунизм, развиваясь от фронта к тылу, временно перестроил общество: многомиллионная коммуна армии, паек солдатских семей, регулирование потребления *применительно к нему,* нормировка сбыта, производства… Атмосфера военного коммунизма пород ила *максимализм…»*

По Богданову, если раньше партия большевиков была пролетарской, то «революция под знаком военщины» исказила ее природу: она стала «рабоче-солдатской», а объективно — просто солдатской. «И поразительно, до какой степени преобразовался большевизм в этом смысле. Он усвоил всю логику казармы, все ее методы, всю ее специфическую культуру и ее идеал», — отмечал Богданов. «Логика казармы, — продолжал он, — в

противоположность логике фабрики характеризуется тем, что она понимает всякую задачу как вопрос ударной силы, а не как вопрос организационного опыта и труда. Разбить буржуазию— вот и социализм. Захватить власть, тогда все можем… С соответственной точки зрения решаются все программные и тактические вопросы».

Богданов приводит такой пример. Он пишет о предложении Луначарского поступить на работу в Наркомпрос: «Если бы я *хотел* принять твое предложение — я *не мог бы* этого сделать по материальным причинам. Время и силы надо отдать целиком; а жалованье «не выше обученного рабочего». Как бы это я смог содержать две семьи, да издавать на свой счет вторую часть «Тектологии», которую печатаю сам… Уж, конечно, рабочий-социалист не потребует, чтобы инженерам плата была не выше, чем ему: интересы дела. А казарма этого вопроса не ставит — ибо дела производительного нет; она знает только *паек…»*

«Ваши отношения ко всем другим социалистам: вы все время только рвали мосты между ними и собой, делали невозможными всякие разговоры и соглашения, — продолжал Богданов, — ваш политический стиль пропитался казарменной трехэтажностью, ваши редакции помещают стихи о выдавливании кишок у буржуазии…

Ваша безудержная демагогия — необходимое приспособление к задаче собирания солдатских масс; ваше культурное принижение — необходимый результат этого общения с солдатчиной при культурной слабости пролетариата…

А идеал социализма? Ясно, что тот, кто считает солдатское восстание началом его реализации, то с рабочим социализмом объективно порвал… он идет по пути военно-потребительского коммунизма… Он отдал свою веру солдатским штыкам, — и недалек день, когда эти же штыки растерзают его веру, если не его тело…

Я ничего не имею против того, что эту сдачу социализма солдатчине выполняет грубый шахматист Ленин, самовлюбленный актер Троцкий. Мне грустно, что в это дело ввязался ты… Я же останусь при этом другом деле, как ни утомительно одиночество зрячего среди слепых.

Демагогически-военная диктатура принципиально неустойчива: «сидеть на штыках» нельзя. Рабоче-солдатская партия должна распасться, едва ли мирно. Тогда новой рабочей партии — или тому, что от нее оставят солдатские пули и штыки, — потребуется *своя* идеология, *свои* идеологи (прежние, если и уцелеют, не будут годиться, пройдя школу демагогии-диктатуры). Для этого будущего я и работаю».

Социализм по-богдановски

Как же сам Богданов представлял будущий социализм? Стоит признать — ярче всего (и понятнее для «широких народных масс») он изобразил его как раз в своих марсианских утопиях. В научных работах Богданова контуры будущего справедливого общества описываются туманно, с помощью сложного языка и громоздких определений.

В формулировках и «популяризации» своих идей Богданов, конечно, уступал Ленину. У того что ни определение, то — «отлитый в граните» готовый лозунг: «Коммунизм — это Советская власть плюс электрификация всей страны», «Сегодня рано, завтра будет поздно» и т. д. Впрочем, и сам Богданов предупреждал, что может «начертить» лишь «схему» возникновения нового общества и «выяснить лишь самые общие, но зато и главные черты социальной системы доступного нашему предвиденью будущего».

Богданов развивал свои взгляды на социализм во многих работах, в том числе в «Тектологии», брошюре «Вопросы социализма» (1918), статьях «Судьбы рабочей партии в нынешней революции», «Новые прообразы коллективистического строя». «Социализм, — писал он, — есть мировое товарищеское сотрудничество людей, не разъединенных частной собственностью, конкуренцией, эксплуатацией, классовой борьбой, властвующих над природой, сознательно и планомерно творящих свои взаимные отношения и свое царство идей, свою организацию жизни и опыта».

Богданов считал, что будущее общество должно быть «коллективистским», но не «коммунистическим». Разницу он объяснял на примере «рабочего коллектива» и «коммуны рабочих» — первый «вызывает идею объединенного труда, второй — объединенного домашнего хозяйства, общего помещения, общего стола». То есть «коллективизм» — это объединение в труде независимых, самостоятельных личностей, не утративших собственного «Я», а напротив, развивающих свою индивидуальность в общении с другими.

Богданов не исключал, что в «социалистическом идеале» коллективизм и коммунизм сольются. Основой социализма станет «коллективизм производства», «а коммунизм присвоения и распределения им обусловливается как его жизненный результат».

Социализм, по Богданову, есть «научно-организованное общество». Одной из ключевых концепций его «Тектологии» является «закон

наименьшего» — идея о том, что стабильность системы определяется стабильностью ее самого слабого звена. Богданов любил приводить такой простой пример: эскадра кораблей всегда вынуждена идти со скоростью самого тихоходного из них. Следовательно, и все «звенья» социалистического общества должны быть развиты одинаково.

При социализме, считал Богданов, невиданное до сих пор развитие должны получить наука и техника. Автоматы, например, заменят человека в примитивных видах работы и позволят ему заниматься только творческим трудом. «Автоматически регулируемые механизмы приобретают значение основного типа техники», — писал он в «Вопросах социализма». Он предвидел (и очень точно!) необыкновенное развитие в будущем связи, транспорта и использования ядерной энергии. Правда, предупреждал Богданов, эта энергия «откроет доступ к такой разрушительной силе, способной уничтожить все живое на Земле, что человечеству придется держать ее под коллективным контролем» (опять угадал!).

«Коллективизм», считал Богданов, создаст «нормы товарищеской солидарности, подобные по значению нравственности; уставы организаций, аналогичные праву, законам». Их принципом будет «товарищеская связь» — не веления верховных авторитетов, или заветы предков, или богов, не законы или нормы «долга» (абсолютного веления индивидуальной совести). Это — просто нормы единения, сплочения, организации. Разумеется, все это невозможно без невиданного развития культуры всего коллективистского общества, с чего Богданов, собственно, и призывал начать.

Богданов четко оговаривал, что не изображает «абсолютный» идеал социализма. «Было бы… наивно и ненаучно, — писал он, — считать это решение окончательным, последним. Коллективистское общество — та же высокодифференцированная система, и между его частями или разными сторонами жизни должны возникать новые расхождения. Какие именно — мы этого сейчас научно предусматривать еще не можем, можем только сказать, что не сословно-правовые и не экономически-классовые, так как эти исключены нынешними решениями. Для новых задач найдутся и новые методы…»

Вряд ли подобные картины «светлого будущего» могли вызывать неприятие у большевиков. С чем тут им не соглашаться? Интересно, что даже часть Программы КПСС, принятой на XXI съезде партии в 1961 году (или «Программы построения коммунизма», обещавшей создание основ коммунистического общества к 1980 году), в какой-то степени повторяла богдановские установки: создание материально-технической базы

коммунизма, рост благосостояния народа, развитие «социалистической демократии», «Моральный кодекс строителя коммунизма».

Главное противоречие между ними было в другом. Если, по Ленину, первым шагом к социализму должен был стать захват политической власти, то по Богданову, переход к нему возможен только после того, как произойдет «огромная культурная революция в пролетариате». «Это, — отмечал Богданов, — его внутренняя социалистическая революция, которая необходимо должна предшествовать внешней социалистической революции общества». «Вера в декрет, — писал он о политике большевиков, — есть, в сущности, перенесение на социальную жизнь идеи приказа, который в солдатской жизни действительно все определял и все мог. В общеэкономической и культурной жизни это далеко не так».

Подобные философские рассуждения выводили Ленина из себя. «Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков именно этот определенный «уровень культуры»…), — писал он, — то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы».

Ленин прежде всего был «реальным политиком», прагматиком и не понимал, почему, если «власть валяется под ногами», «пролетариат» не должен ее поднять? Сильные стороны Ленина-политика признавал и Богданов, признавший потом его своим «учителем в политике».

Было между ними еще одно серьезное расхождение. По вопросу о том, когда будет построен социализм. Большевикам во главе с Лениным, исходившим из конкретных условий 1917–1918 годов, казалось, что это может произойти в самое ближайшее время — вот сейчас начнется социалистическая революция в Европе, будет создана Всемирная Республика Советов, и передовые западные рабочие помогут России строить вместе со всем миром социализм.

Богданов в «мировой революции» сильно сомневался. Но, считал он, если даже она и произойдет, то не стоит говорить о «социализме завтрашнего дня». «Завтра ли?» — задавал он вопрос. И отвечал: «Нет. Основы для такого «оптимизма» более чем шаткие». А когда же? Неизвестно. «Из царства необходимости в царство свободы ведет не скачок, а трудный путь. Но каждый шаг этого пути есть уже завоеванная частица самого царства свободы», — писал он.

Для Ленина это была явно «меньшевистская» постановка вопроса.

«Мы во власти мятежного, страстного хмеля»

Вооруженный захват власти, первые акты Гражданской войны и террора, разгон Учредительного собрания в январе 1918 года — все это Богданов принять не мог. При этом он одобрил «похабный», по выражению Ленина, Брестский мир с Германией, по которому от России отходили огромные территории. В этом вопросе он понимал Ленина и считал, что Россия воевать больше не может и что продолжение войны — это путь к германской оккупации.

Трудность положения Богданова в это время была очевидной. Он «чужой среди своих», «антиленинский большевик». За революцию, но не в таких формах, как она произошла в Октябре. Что ему было в таком случае делать в период «триумфального шествия Советской власти» — в первой половине 1918 года? Через пять лет, находясь во Внутренней тюрьме ГПУ на Лубянке, Богданов напишет в своих показаниях, что он «поневоле ушел в келью Социалистической академии».

Социалистическая академия была создана 25 июня 1918 года, и Богданов был избран ее членом, вошел в ее Президиум и, как он отмечал в автобиографии, «перешел всецело на научную и культурную работу». Он преподавал еще политэкономию в Московском университете. Новые власти ему в этом не препятствовали, хотя Ленин по-прежнему относился к Богданову холодно-сдержанно. С другой стороны, он не возражал против его избрания в Социалистическую академию. По некоторым данным, даже рекомендовал привлечь его к преподавательской работе.

Основным же полем деятельности Богданова в эти годы стала добровольная организация «Пролетарская культура» или «Пролеткульт». По существу, Богданов и был ее главным идеологом. Самое распространенное воспоминание об этой организации (у тех, кто о ней вообще помнит) — это, конечно, стихи «пролетарского поэта» Владимира Кириллова[51] «Мы»:

Мы во власти мятежного, страстного хмеля;
Пусть кричат нам: «Вы палачи красоты»,
Во имя нашего Завтра — сожжем Рафаэля,
Разрушим музеи, растопчем искусства цветы.
Мы сбросили тяжесть наследья гнетущего,
Обескровленной мудрости мы отвергли химеры;
Девушки в светлом царстве Грядущего

Будут прекрасней Милосской Венеры…

«Пролеткультовцы» остались символом этаких «радикальных леваков», «хунвейбинов» в культуре, призывавших, как писали в советское время, «строить пролетарскую культуру в отрыве от культурного прошлого», за что и были осуждены вместе с их руководителем Богдановым в 1921 году. Но все было гораздо сложнее.

Богданов разрабатывал свою теорию «пролетарской культуры» начиная еще со времени революции 1905 года. Читая сегодня его работы, можно только удивляться — очень глубокие мысли (например, о том, что без коренного изменения сознания пролетариата и его «окультурования» социализм практически невозможен) в них соседствуют с довольно странными и, пожалуй, даже примитивными. Скажем, о том, «искусство ради искусства» — это идеал эксплуататоров-буржуа. Или вот такое высказывание: «…Пролетариату нужна своя поэзия. Чтобы не подчиниться чужому, поэтическому сознанию, сильному своей многовековой зрелостью, пролетариату надо иметь свое поэтическое сознание, непреложное в своей ясности».

В октябре 1909 года в платформе группы «Вперед!» «Современное положение и задачи партии» Богданов отмечал: «Буржуазный мир, имея свою выработанную культуру, наложив отпечаток на современную науку, искусство, философию, через них незаметно воспитывает нас в своем направлении, в то время как классовая борьба и наш социальный идеал влекут нас в противоположную сторону. Вполне порвать с этой исторической создавшейся культурой нельзя, ибо в ней мы можем и должны почерпать могучее оружие для борьбы с тем же старым миром. Принимать ее так, как она есть — значило бы сохранять в себе и то прошлое, против которого ведется борьба.

Выход один: пользуясь прежней, буржуазной культурой, создавать и противопоставлять ей, и распространять в массах новую, пролетарскую: развивать пролетарскую науку, укреплять истинно товарищеские отношения в пролетарской среде, вырабатывать пролетарскую философию».

Культура и искусство, считал Богданов — это «одна из идеологий класса, элемент его классового сознания; следовательно — организационная форма классовой жизни, способ объединения и сплочения классовых сил».

По Богданову, пролетариат не должен смотреть на культуру как на

«источник тонких духовных наслаждений». Это, по его мнению, «барский взгляд» «классов паразитических». До сих пор, писал Богданов, никто не смог толком «раскрыть организующую силу искусства». Он говорит о культуре как о системе, которая «управляет социальной практикой», не просто отражает действительность, но воспитывает, дает «строй мыслей» и направляет волю. В качестве примера он приводил «оживляющее» воздействие военной музыки на солдат.

Другими словами, «новая пролетарская культура» должна, во-первых, «перестроить сознание» пролетариата, а во-вторых, организовать его на борьбу за социализм. Однако очевидно, что для их выполнения потребуется не один год. «Но «пока солнышко взойдет», перед нами все же только зародыши искусства пролетарского и огромная художественная культура старых классов, — писал Богданов в 1914 году в статье «Возможно ли пролетарское искусство?». — Как же быть-то? Воспитываться на том, что есть? Конечно, да… Но учиться надо *сознательно*, не забывая, с кем и с чем мы имеем дело: *не подчиняться, а овладевать* [курсив А. А. Богданова. — *Е. М.*]… Взять у них можно и следует много, очень много, но не продать им за это незаметно для себя свою классовую душу».

В 1918 году в статье «О художественном наследстве» он еще раз выразил эту же мысль: «Две грандиозные задачи стоят перед рабочим классом в сфере искусства. Первая — самостоятельное творчество: сознать себя и мир в стройных живых образах, организовать свои духовные силы в художественной сфере. Вторая — получение наследства: овладеть сокровищами искусства, которые созданы прошлым, сделать своим все великое и прекрасное в них, не подчиняясь отразившемуся в них духу буржуазного и феодального общества». То есть ни о каком отрицании старой культуры Богданов не говорил.

Самое интересное, что в этом вопросе они были очень близки с Лениным. «Пролетарская культура не является выскочившей неизвестно откуда, не является выдумкой людей, которые называют себя специалистами по пролетарской культуре. Это все сплошной вздор. Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества, — говорил Ленин 2 октября 1920 года на III съезде комсомола. — …Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество».

Разница между их подходами состояла «лишь» в том, что для Ленина «пролетарская культура» должна была стать «механизмом», который бы

наравне с другими частями «советской машины» обеспечивал выполнение задач партии и правительства, а для Богданова — глобальной, главной задачей, без решения которой построение социализма не представлялось возможным вообще. Именно из-за несовпадения их взглядов на роль «пролетарской культуры» в советском обществе в итоге и погиб Пролеткульт.

Первые конференции пролетарских культурно-просветительских организаций прошли осенью 1917 года, еще до прихода большевиков к власти. Был избран ЦК во главе с Луначарским. 28 ноября 1917 года Исполнительное бюро ЦК приняло решение «именовать Центральный комитет сокращенно: ПРОЛЕТКУЛЬТ».

Хотя это была автономная организация, она напрямую зависела от государства. Ее курировал Наркомат просвещения, который и выделял ей финансирование: на первое полугодие 1918 года Пролеткульт получил девять миллионов рублей, на первое полугодие 1919 года — уже 28 миллионов. Помощь выражалась не только в деньгах — пролеткультов-цам передавались здания, типографии, имущество. Например, в январе 1918 года Ленин подписал декрет «О национализации здания «Благородного собрания» в Петрограде и передаче его Пролеткульту». 15–20 сентября 1918 года была созвана I Всероссийская конференция Пролеткульта. На ней выбрали Всероссийский совет, в президиум которого вошли Богданов, Лебедев-Полянский[52] и др. Почетным председателем Совета стал Луначарский (потом его сменил Лебедев-Полянский).

Организация стремительно росла. К 1919 году в ней участвовали почти 400 тысяч человек. По стране была развернута сеть различных кружков — от ликвидации неграмотности до шахматных и хоровых. Пролеткульт издавал более двадцати газет и журналов, выпускал книги, ставил спектакли и организовывал грандиозные народные праздники. 7 ноября 1920 года в Петрограде прошла, например, грандиозная инсценировка «Взятие Зимнего дворца». В ней участвовали более восьми тысяч человек. Газета «Известия» 19 ноября писала: «Сотни и тысячи людей двигались, пели, шли в атаку, скакали на конях, вскакивали на автомобили, неслись, останавливались и колыхались, освещенные военными прожекторами под несмолкаемое звучание нескольких духовых оркестров, рев сирен и уханье орудий».

В годы военного коммунизма Пролеткульт давал возможность элементарно выжить и многим деятелям «старой» культуры, с ним сотрудничали Александр Блок, Андрей Белый, Вячеслав Иванов, Владислав Ходасевич, Николай Гумилев, Корней Чуковский и др.

В смысле просвещения, привлечения огромных масс народа к культуре и начала «окультуривания» пролетариата, о котором писал Богданов, заслуги Пролеткульта, конечно же, были очень велики.

«Дворец Свободы» на каналах Марса

Пролеткульт не был однородной организацией. Он представлял из себя массовое движение, в котором сосуществовали приверженцы самых различных эстетико-политических установок.

В Пролеткульте было, конечно, немало «радикалов», выступавших за полный отказ от прошлого культурного наследия. Один из самых «левых» пролеткультовцев, поэт Павел Бессалько[53], например, высказывался так: «Вы разве не чувствуете, что классическая школа доживает свои последние дни? Прощайте, Горации. Рабочие поэты, писатели образовывают свои общества… не нужно преемственной связи». Или так: «Церкви и дворцы, если их не будут посещать — сами развалятся, без нашего участия. Костры из книг мы также устраивать не будем, но и хлам переиздавать не будем». А вот Лебедев-Полянский: «Говорят, что нет буржуазной музыки. Неправда, есть. Я знаю, как мы все любим музыку Чайковского, особенно интеллигенция. Но можем ли мы ее рекомендовать пролетариату? Ни в коем случае. С нашей точки зрения, в ней очень много чуждых нам элементов. Вся музыка Чайковского, отражающая определенный момент исторического развития, проникнута одной идеей: судьба господствует над человеком».

«Умеренные», к которым относились Богданов и Луначарский, тоже считали, что существует чуждая для пролетариата культура. В статье «Критика пролетарского искусства», напечатанной осенью 1918 года, Богданов критикует «крестьянских поэтов Клюева, Есенина и других» за «фетишизм «землицы», основы *своего* хозяйства… возвеличивание таких вождей неорганизованной, стихийной силы народа, как Стенька Разин». «Все это как нельзя более чуждо сознанию социалистического пролетариата», — делает он вывод. Или вот еще. «Печально видеть, — пишет он, — поэта-пролетария, который ищет лучших художественных форм и думает найти их у какого-нибудь кривляющегося интеллигента-рекламиста Маяковского или еще хуже — у Игоря Северянина, идеолога альфонсов и кокоток… Простота, ясность, чистота формы великих мастеров — Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Некрасова, Толстого — всего больше соответствуют задачам нарождающегося искусства». Правда, стихи

Фета для него — «барская поэзия», а «Фауст» Гёте — произведение, написанное прежде всего «буржуазным интеллигентом».

Впрочем, и с Пушкиным, и К° дело в Пролеткульте тоже обстояло не так уж и просто. Владимир Кириллов (тот самый — «сожжем Рафаэля…») в 1920 году писал:

Да, нам противен звук ненужных
Жемчужно-бисерных стихов,
Узоры вымыслов недужных
И призраки могильных снов.
И нам ли, в бурях закаленным,
Рожденным для великих битв,
Внимать напевам легкозвонным,
Стихирам сладостных молитв.
Ночные филины, кукушки,
Не вы — избранники богов,
Он с нами, лучезарный Пушкин,
И Ломоносов, и Кольцов.

А вот поэт Владислав Ходасевич, читая в Пролеткульте лекции о А. С. Пушкине, вспоминал, что руководителям организации они не нравились, потому что «с их точки зрения, мои слушатели должны были перенять у Пушкина «мастерство», литературную «технику», но ни в коем случае не поддаваться обаянию его творчества и его личности. Следовательно, мои чтения представлялись им замаскированной контрреволюцией…».

Между тем новое «пролетарское» искусство доходило в своих революционных стремлениях до поистине вселенских масштабов. Похоже, оно не собиралось ограничиваться грядущей «мировой революцией», а замахивалось на революцию межпланетную, установление коммунизма не только на Земле, но и на столь любимом Богдановым Марсе, а то и еще дальше. Вот поэт Василий Казин[54]:

Вселенная меняется лицом,
Вселенная на капитал восстала
Широким огненным кольцом
Рабочего интернационала.

Вот опять Владимир Кириллов:

Трактором разума вскроем
Рабских душ целину,
Звезды в ряды построим,
В вожжи впряжем луну…

Ну и, наконец, Михаил Князев:

Космические миллионы,
Вонзимся в старый мир Стожар,
В созвездиях белых Ориона
Взвихрим восстания пожар…
Воздвигнем на каналах Марса
Дворец Свободы мировой,
Там будет башня Карла Маркса
Сиять как гейзер огневой.

Если не прямое, то уж косвенное влияние романов Богданова о коммунизме на Марсе в этом «революционном космизме» «пролетарских поэтов» ощущается вполне. Недаром поэт — пролеткультовец Сергей Динамов[55], написавший в 1918 году в журнале «Пролетарская культура» рецензию на второе издание романа «Инженер Мэнни», отмечал: «Наш журнал как раз и является попыткой осуществить мечты Нэтти».

Сам Богданов рассматривал Пролеткульт как «лабораторию», в которой рождаются новые формы новой культуры. «Как партия является лабораторией политической линии для стоящего у власти советского большинства коммунистов, чтобы реализовать политическую программу в государственном масштабе, так и культурно-просветительная организация пролетариата является лабораторией, чтобы осуществить революционно-культурную программу пролетариата в том же государственном масштабе, — и, разумеется, в мировом», — писал журнал «Пролетарская культура» в июле 1918 года.

В 1920 году число организаций Пролеткульта достигло четырехсот, но именно в это время он начал вызывать явное раздражение Ленина и других руководителей РСФСР (Троцкий, к примеру, вообще отрицал существование «пролетарской культуры» как таковой). Вероятно, это

объясняется сразу несколькими обстоятельствами. Луначарский считал, что Ленин «не хотел создания рядом с партией конкурирующей рабочей организации». Вполне вероятно, что и так. Пролеткульт пользовался большой популярностью, в него шло много революционной молодежи, а его руководители декларировали свою «автономность» и «особую роль» в государстве.

По Богданову выходило, что если партия — политическая организация пролетариата, профсоюзы — экономическая, а Пролеткульт — культурно-творческая. Он говорил о трех самостоятельных формах классовой борьбы, что противоречило официальной точке зрения о том, что всей борьбой пролетариата и его союзников руководит партия.

Не нравилась Ленину и активность самого Богданова в Пролеткульте. Он подозревал, что вся организация находится под влиянием идей его старого соперника. Кстати, в 1920 году вышло второе издание «Материализма и эмпириокритицизма», после которого в газетах началась кампания против «богдановщины». Несомненно, Ленина раздражали и громкие, и слишком уж «революционные» заявления работников «пролетарской культуры».

Первый Всероссийский съезд Пролеткультов (3—12 октября 1920 года) принял резолюцию в духе указаний Ленина, в которой «самым решительным образом» отвергались «как теоретически неверные и практически вредные» попытки выдумывать свою особую культуру или устанавливать «автономию» Пролеткульта. «Творческая работа Пролеткульта, — говорилось в ней, — должна являться одной из составных частей работы Наркомпроса, как органа, осуществляющего пролетарскую диктатуру в области культуры». Центральный орган Пролеткульта входил в наркомат на положении отдела.

Первого декабря 1920 года в «Правде» появилось письмо ЦК РКП(б) «О Пролеткультах» с критикой руководителей Пролеткульта. В ноябре 1921 года было опубликовано постановление Политбюро ЦК о Пролеткульте. В нем говорилось, что «Пролеткульты должны стать одним из аппаратов партии по удовлетворению культурных запросов пролетариата». Следствием этого постановления стала полная смена руководства Пролеткульта. Богданов и Лебедев-Полянский вышли из организации, надеясь, что это может спасти ее. Однако этого не произошло. К тому времени и сам Пролеткульт начал раскалываться на отдельные группы, а в 1932 году был распущен окончательно. Хотя к тому времени от него уже мало что осталось, а пламенные призывы возвести «Дворец Свободы» где-нибудь на Марсе не только не поддерживались, но и осуждались. Настали

уже совсем другие времена.

«Физиологический коллективизм»

«Осенью 1921 г[ода] прекратилась и моя пролеткультовская работа, я посвятил себя всецело научной», — отмечал Богданов в автобиографии, написанной в 1925 году. В других своих записках он подчеркивал, что с этого момента «окончательно оставил политику», «стал полностью аполитичен» и т. д., что, конечно, не совсем так. Богданов всегда оставался политической фигурой, даже если он и не думал так.

«Научная работа» означала прежде всего его возвращение к проблемам крови. Это были уже не философские размышления, а практические эксперименты. Хотя, наверное, не стоит отделять одно от другого — сам Богданов вряд ли делал это.

Итак, он решил рискнуть и попробовать реализовать в «стране победившего пролетариата» идею, которую он описал в «Красной звезде» и «Инженере Мэнни», — обмен кровью между гражданами с целью лечения, оздоровления и создания общества подлинного «кровного братства». Перенести за Землю «марсианский» способ достижения всеобщего братства и торжествующей молодости, который он сам и придумал для своих утопий, — это, конечно, была смелая идея. Почти на грани разумного. Тем не менее он на это пошел.

Позже, в книге «Борьба за жизнеспособность», он так сформулировал цель этой работы: «Обмен крови должен приводить к глубокому очищению и освежению организма, к освобождению организма от специфических вредных для него внутренних ядов. Далее, передача иммунитетов против разных болезней… Но, может быть, главным приобретением окажется положительное увеличение суммы элементов развития».

В России первое переливание крови было сделано только в 1919 году хирургом Владимиром Шамовым (в будущем академиком АМН СССР и лауреатом Ленинской премии). В 20-х годах трансфузиология в Советском Союзе практически не развивалась, в этом смысле он сильно отставал от США, Англии и Франции. Там переливания крови уже прочно вошли в медицинскую практику, а в Англии в 1922 году была создана первая донорская организация. Кстати, ее основатель доктор Перси Лейн Оливер из Британского общества Красного Креста пропагандировал очень близкие к Богданову идеи. Он считал, что донорство должно быть добровольным и бесплатным актом солидарности между людьми.

В конце 1921 года Богданову представился случай познакомиться с самыми передовыми на тот момент достижениями трансфузиологии. Он сам оказался в Англии.

Шестнадцатого марта 1921 года РСФСР и Великобритания подписали в Лондоне торговое соглашение (от советской стороны подпись поставил нарком внешней торговли Красин, от британской — президент Совета по торговле сэр Роберт Хорн). Это было первое соглашение, подписанное Советской Россией с одной из ведущих держав мира. Оно прорвало дипломатическую блокаду РСФСР. Вскоре Красин стал полпредом и торгпредом в Лондоне, сохранив за собой и пост наркома. Очевидно, что не без его содействия Богданов был командирован в Англию в качестве эксперта-экономиста Наркомата внешней торговли в декабре 1921 года.

В Россию из Лондона он привез книги по переливанию крови, специально изготовленный в Германии по его заказу и чертежам аппарат для переливания, аппарат Кейнса (британский хирург Джеффри Кейнс во время Первой мировой войны придумал переносной аппарат, консервировавший кровь и помогавший выполнять переливания в полевых условиях), сыворотки для определения групп крови, иглы, резиновые трубки и т. д. По некоторым данным, Богданов даже проходил стажировку в клинике Кейнса.

Вскоре после возвращения Богданов и несколько его единомышленников (среди них были знакомый Богданова по Первой мировой войне доктор Семен Малолетков, его однокашник по тульской гимназии доктор Соболев и др.) сформировали своего рода кружок, который Богданов назвал «кружком «физиологического коллективизма». «Базой» кружка стала квартира Богданова в Москве. В работе участвовала и его жена Наталья Богдановна, фельдшерица по профессии. «Физиологические коллективисты» изучали оборудование, определяли друг у друга группы крови, начали привлекать в кружок других участников.

Важное значение имело привлечение молодежи. Богданову тогда было уже почти 50, Соболеву — 48, а Малолет-кову — так вообще 60 лет, а ведь, по идее Богданова, сформулированной им еще в «Красной звезде», именно обмен кровью между пожилыми и молодыми членами общества приводит к полезным изменениям в организме и приводит не только к идейной, но и физиологической преемственности поколений.

Еще в октябре 1920 года Богданов написал стихотворение «Марсианин, заброшенный на Землю». Марсианская экспедиция, прибывшая на нашу планету, погибла. В живых остался только один ее участник, которого земляне принимают за своего. И вот перед ним стоит

выбор:

И выбор тяжелый: уйти ли из жизни,
Где все оскорбляет мой взгляд,
С мечтою о дальней прекрасной отчизне,
Где братство и разум царят?

Или же остаться среди землян, упорно работая над тем, чтобы «перевоспитать» землян, изменить их жизнь, и чтобы когда-нибудь на Земле возникло такое же общество справедливости и братства, как на Марсе. В итоге марсианин выбирает второй путь:

Да, вот приговор для меня:
На поле тернистом работать упорно
Во имя далекого дня.

Сын Богданова, известный биолог и генетик Александр Малиновский, уже на склоне своих лет, в 80-х годах прошлого века, сообщал в письме писателю Виктору Ягодинскому, что его отец хотел написать на основе этого сюжета и третий «марсианский» роман, в котором «марсианин видит дореволюционную Землю и смотрит на ее людей, ее порядки глазами человека человечества, которое достигло высшей стадии коммунизма, гармоничного, гуманного и разумного. Его потрясают эгоизм и озлобленность, усугубляемые глупостью даже в самых образованных и благополучных слоях передовых капиталистических стран… Этот роман о трагедии человека, безвозвратно вырванного из того общества, которое для нас — образ прекрасного будущего».

Этот роман Богданов так и не написал, но очевидно, что в образе заброшенного на Землю марсианина он видел себя. И, надо полагать, имел в виду не только трагедию представителя «марсианского коммунистического общества», оказавшегося в капиталистических странах Земли. Сам Богданов-то жил уже в «первом на Земле государстве победившего пролетариата». Но с его точки зрения, нравы в нем пока еще не слишком сильно изменились. Однако другой реальности у него не было. И именно в ее условиях он надеялся создать «ячейку будущего».

К весне 1923 года «коллективисты» уже были готовы приступить к обменным переливаниям на практике, но у Богданова снова начались

трудные времена.

«Под могильной плитой Маркса»

Приехав в Москву, Леонид Красин 25 февраля 1923 года писал жене: «А. А. Богданов и Нат[алия] Богд[ановна] пребывают в своей неизменности и очень всем вам кланяются. Я их уговариваю опять поехать в Лондон (предвижу для них такую возможность). Но А. А. [Богданов] что-то упирается». Понять то, о чем Красин не написал, не так уж и сложно. Упирался Богданов потому, что его подготовка к экспериментам по обменному переливанию крови вышла на финишную прямую. А вот почему Красин звал его в Лондон? Скорее всего, потому, что знал о положении, в котором оказался его друг.

Это положение после прихода к власти большевиков было весьма двусмысленным. Заслуженный революционер, один из основателей большевизма, но при этом этакий беспартийный «теоретик-оппозиционер» (именно теоретик — Богданов всегда подчеркивал, что после Октябрьской революции он никогда не вел практической политической работы). Своих взглядов на события Октября 1917 года, военный коммунизм, Ленина и других руководителей РКП(б) он никогда не скрывал и высказывал их публично (в статьях, лекциях и диспутах — тогда это еще было возможно).

В сентябре 1918 года, через несколько дней после покушения на Ленина и объявления политики «красного террора», журнал «Пролетарская культура» напечатал статью «Н. Ленин», написанную председателем Всероссийского совета Пролеткульта Павлом Лебедевым-Полянским. Он, в частности, писал: «Заслуги тов. Н. Ленина перед русской революцией неисчислимы. Как опытный капитан, с непоколебимой твердостью, железной волей, с полным сознанием каждого своего слова и действия, он вел красный корабль нашей революции к социализму… он всегда твердо держал в своих руках руль, не дрогнув ни разу во весь шторм, столь грозный в последние дни». Были в ней и такие строки о Ленине: «он был самым деловым человеком нашей революции» и «он жив, и пусть наши враги знают, что в борьбе с ними мы будем беспощадны».

Богданов выступил с некоторыми возражениями по ее содержанию. «Дорогие товарищи, передовицу «Н. Ленин» я прочитал, — отмечал он. — Вам ясно, что со многим в ней я, как антимаксималист, не могу быть согласен; но основную его [Ленина] характеристику как представителя *деловой* линии в коммунизме считаю правильной. Естественно, что я

воздерживаюсь в голосовании.

Вне этого вопроса советовал бы выкинуть в конце фразу «пусть наши враги знают, что в борьбе с ними мы будем беспощадны». Я не хочу защищать контрреволюционеров; но не журналу культуры говорить эти слова, особенно в данный момент, когда они пахнут свежей кровью массовых расстрелов».

В письме экономисту Дмитрию Опарину 14 сентября 1919 года Богданов подчеркивал, что он не коммунист и «вне политики». Но дальше замечал, что считает «крушение коммунистической партии» «несчастием для России: она одна умела хоть сколько-нибудь вести революцию, одна способна провести и сносную контрреволюцию в истинном смысле этого слова, т[о] е[сть] восстановление порядка с сохранением основных экономических приобретений революции, как сделал когда-то бонапартизм для Франции…».

Двадцать второго ноября 1921 года Бухарин в опубликованной в «Правде» статье «К съезду пролеткультов» написал, что Богданов в революции защищал «меньшевистскую тактику». В открытом письме Бухарину, написанном в Лондоне 10 декабря 1921 года, Богданов возразил, что, хотя он и «разошелся с партией в важном теоретическом вопросе» о характере революции, он «понимал объективную необходимость ее политики» и поэтому отошел от политики, чтобы «не мешать нужному делу». И что высказанные им тогда мысли о том, что в России в 1917 году возник не социализм, а «осадный» или «военный» коммунизм, «теперь, кажется, почти перестали быть ересью»[56]. «Не это ли Вы называете моим «меньшевизмом»?» — спрашивал он.

На заседании Социалистической академии 14 сентября 1922 года Богданов полемизировал о том же военном коммунизме *с* Евгением Преображенским (видным представителем «левого коммунизма», а потом сторонником Троцкого) и видным советским деятелем Владимиром Милютиным[57]. Позже Богданов отмечал, что «ушел в келью Социалистической академии». В какой-то степени это защищало его. В начале 20-х годов в СССР начались «чистки» среди оппозиционно настроенной интеллигенции и первые показательные процессы (процесс по делу эсеров в 1922 году), высылали за границу (или «позволяли» уехать) и видных социалистов. Богданова, однако, не трогали и даже позволяли откровенно высказываться.

Сейчас уже сложно сказать, в какой степени «зонтиком» для Богданова служила позиция Ленина. Можно предположить, что, несмотря на их

острые политические разногласия, какая-то человеческая связь между ними все же оставалась, хотя бы «заочно». (Интересно заметить, что Ленин внимательно продолжал следить за всем тем, что пишет Богданов. В его библиотеке в Кремле имелись все основные работы «синьора махиста». Многие — с ленинскими пометками. Например, в докладе Богданова «Версальское устройство и Россия»[58], прочитанном на заседании Социалистической академии 24 января 1922 года, а потом опубликованном в «Вестнике Социалистической академии», Ленин подчеркнул слово «рынок» в следующей фразе Богданова: «Если сердцем капитализма является рынок, то его кровь — деньги со всеми их бумажно-кредитными производными». Богданов и здесь не смог обойтись без образа «крови».)

Во всяком случае, после того как в конце 1922 года Ленина настиг тяжелый приступ болезни и он фактически уже не вернулся к работе, начался и новый этап кампании против Богданова и «богдановщины». 4 января 1923 года «Правда» напечатала фельетон Якова Яковлева[59] «Меньшевизм в пролеткультовской одежде». «На днях в клубе московского университета с политической речью по вопросу о «пролетарской культуре» выступил гражданин] Богданов, — ехидно писал автор. — Богданову, как представителю интересов тех кругов мелкой буржуазии, которые не прочь превратить пролетариат в орудие своей политики, нельзя отказаться, конечно, от социалистической революции и на словах. Поэтому, разъяснив нашу революцию как революцию несоциалистическую… Богданов ведет речь о настоящей, «действительной» пролетарской революции. Придет пора, и после разочарований рабочего класса всего мира в коммунизме, после ликвидации нынешней эпохи, эпохи Коммунистического Интернационала, после периода власти нового руководящего класса «буржуазной интеллигенции — технической и чиновничьей» (это уже собственная идейка Богданова, не у Мартова заимствованная, на которую, несомненно, патент в обществе изобретателей Богданову может быть выдан ничем не ограниченный), — наступит новый период».

В том же 1923 году был издан сборник «Против А. Богданова», в который вошли статьи Ленина и Плеханова. Эта книга автоматически тоже поступила в библиотеку Ленина в Кремле, хотя вряд ли Ильич ее успел открыть — он был уже тяжело болен.

Писали тогда об «отрыжках богдановщины», об «оппортунистической реакции на революцию», о «ревизии марксизма», да и много еще о чем. «Флагманом» кампании против Богданова стал философский и общественно-экономический журнал «Под знаменем марксизма»,

начавший выходить в Москве в начале 1922 года. «Я подвергался не десяткам, а, полагаю, сотням нападений со стороны влиятельных лиц, а то и влиятельных кругов, — писал Богданов, — в официальных документах, публичных выступлениях, в газетных, журнальных статьях, целых книгах. Я как-то сказал, что журнал «Под знаменем марксизма» издается наполовину против меня, бывший при этом Ш. М. Дволайцкий[60], сам один из ближайших сотрудников этого журнала, поправил меня: «Не наполовину, а вполне». Мои попытки отвечать не печатались; да и немыслимо было бы на все ответить».

Хотя, конечно, Богданов отвечал, возражал и посылал открытые письма в редакции. Однажды даже написал пародию на статью против себя в журнале «Под знаменем марксизма», который он обозвал «Под могильной плитой Маркса», но, впрочем, никуда так и не отослал.

В общем, вокруг Богданова сгущались тучи. Пока, правда, на «теоретических» фронтах. Но к осени 1923 года обстановка в РКП(б) накалялась. Ленин тяжело болел. В партии разворачивалась борьба за власть между его «наследниками» — Сталиным, Зиновьевым и Каменевым, с одной стороны, и Троцким — с другой. А в такой обстановке люди, «вооруженные» революционными, но не совпадающими с «генеральной линией» идеями, могли стать опасны вдвойне. Особенно если эти идеи вдруг станут платформой какой-нибудь организации. Кто знает, как все это скажется на дальнейшем раскладе сил в партии и в стране?

«Причин ареста я не знал»

Чекисты пришли за Богдановым в ночь на 8 сентября 1923 года. Ему предъявили выписанные в ГПУ ордера на арест и обыск. Обыск в его квартире проводился очень тщательно и занял несколько часов. Затем его увезли на Лубянку и поместили в камеру 49 Внутренней тюрьмы ГПУ. Первые пять дней его держали без прогулок, книг, письменных принадлежностей и даже без допросов. Только 12 сентября Богданов заполнил анкету арестованного, и тогда ему несколько улучшили условия содержания. Сам Богданов отмечал, что они были доведены приблизительно до уровня «Крестов» в мое последнее пребывание там в 1905–1906 годах».

«Причин ареста я не знал», — указывал Богданов в своих дневниковых записях в тюрьме. Сначала он думал, что его «взяли» в связи с созданием кружка «физиологического коллективизма». Тем более что и у другого

«коллективиста» — доктора Малолеткова — чекисты тоже провели обыск и оставили на квартире засаду. Но оказалось, что дело гораздо серьезнее.

Богданова обвинили в связях с группой «Рабочая правда» — одним из оппозиционных течений в РКП(б). Таких течений в 20-е годы было немало — «рабочая оппозиция», «рабочая группа», позже «левая оппозиция», «новая оппозиция». «Рабочая правда» возникла весной (по другим данным — осенью) 1921 года. Она выступала за создание новой «революционной рабочей партии», считая, что руководство РКП(б) перерождается, НЭП только обострил в СССР классовые противоречия и ведет к реставрации буржуазных порядков и что никакого социализма в СССР нет.

Группа нелегально выпустила брошюру, два номера одноименного журнала, обращения «Ко всему революционному пролетариату России», «К революционным организациям и социалистическим партиям всех стран». В этих публикациях она указывала, что «пора… организовать отпор наступающему и все более наступающему капиталу», что «рабочий класс влачит жалкое существование, в то время как новая буржуазия (то есть ответственные работники, директора заводов, руководители трестов, председатели исполкомов и т. д.) и нэпманы роскошествуют и восстановляют в нашей памяти картину жизни буржуазии всех времен» и что «пропасть между РКП и рабочим классом все больше углубляется, и этот факт нельзя затушевать никакими резолюциями и постановлениями коммунистических съездов, конференций». Некоторые из этих документов были опубликованы и в эмигрантской меньшевистской печати. Входили в группу в основном молодые (самой старшей из них было 28 лет) люди — студенты, научные работники, рабфаковцы, рабочие.

Казалось бы, какое отношение к этому делу имеет Богданов? Но, по мнению чекистов, — самое прямое. «Члены этой группы, — утверждала «Правда» 30 декабря 1923 года, — отнюдь не скрывают теперь, что они расходятся с РКП не только в оценке характера Октябрьской революции и роли в ней РКП, но расходятся также с материализмом Маркса в ряде вопросов; материализму Карла Маркса они противопоставляют идеологию А. Богданова, которого они считают своей теоретической опорой». А на допросах (они начались 13 сентября) следователи пытались доказать, что Богданов ответствен за «Рабочую правду». Он возражал: в таком случае Маркс несет ответственность за меньшевизм или за Троцкого.

Допрашивали Богданова известные чекисты Яков Агранов[61] и Александр Славатинский[62]. Их главный аргумент в обвинении Богданова сводился к тому, что некоторые документы «Рабочей правды» были

составлены из фрагментов его работ. В архивах сохранились письменные ответы Богданова на обвинения. Это — объемные и пространные документы, полуманифесты, полуаналитические записки. Он все отрицал. Назвав тексты «Рабочей правды» «произведениями людей молодых и незрелых», Богданов спрашивал чекистов: неужто он бы мог так плохо написать? «Какой самовлюбленный идиот стал бы цитировать себя самого так много и в таких обычных своих терминах, как они цитируют меня?» — возмущался он (тут, впрочем, Богданов ошибался — такие люди еще найдутся). «Идеи не мои, моя только терминология», — заявлял Богданов. Даже псевдоним автора одной из статей «Леонид» взят, по его мнению, потому, что так звали главного героя в «Красной звезде».

Но почему же члены «Рабочей правды» обратились именно к его работам? Он дает весьма любопытное объяснение. Во-первых, причина в той травле, которую вели против него последние три года. Поэтому его работы и начали читать «элементы брожения, недовольные ходом вещей» среди молодежи. А во-вторых… Во-вторых, эта самая недовольная молодежь решила им «пожертвовать» — его же все равно травят и добьют, так сделаем «для нашего дела такого мученика, хочет он или не хочет».

«Одинокий работник науки… — писал Богданов, — оказался между молотом и наковальней: одни давно стремятся добить его как ненавистного мыслителя, другие — не прочь подставить его под удары, потому что им это далеко не вредно… Но будет великой несправедливостью, которую заклеймит суд истории, если оба эти плана удадутся».

«Я вышел из тюрьмы больным»

Допросы вскоре прекратились, но Богданова продолжали держать в тюрьме. 27 сентября он написал заявление на имя председателя ГПУ Дзержинского, потребовав встречи с ним («с просьбой **допросить меня лично** [здесь и ниже выделено автором. — *Е. М.*]» — писал Богданов). В нем он привел еще один аргумент, который, как ему казалось, мог свидетельствовать в его пользу. Идеи пролетарской культуры, «всеобщей организационной науки» и «физиологического коллективизма», писал Богданов, «для меня они — все». «И **этим** рисковать, **этим** жертвовать ради какого-то маленького подполья?» — спрашивал он.

Дзержинский вызвал его в тот же день. Он был хорошим психологом. После часового разговора он понял, что Богданов действительно не имеет отношения к тому, в чем его обвиняют. Он пообещал освободить Богданова

«в пределах одной недели», разрешил ему свидания и позволил сказать жене о его скором освобождении. «Его искренность во мне не возбуждала и не возбуждает никаких сомнений», — отмечал Богданов в дневнике.

Но неделя прошла, а его не выпускали. Тогда он написал еще одно письмо Дзержинскому: «Вы, я думаю, могли убедиться, что я объективно никогда не был врагом Советской власти, что я не был им субъективно, Вам может сказать каждый из наших общих старых товарищей, имевших общение со мною за это время, — писал он. — Ввиду всего этого, позволяю себе напомнить Вам тот момент нашего разговора, который заключал в себе определенное обещание с Вашей стороны, связанное с недельным сроком. Пишу это заявление ровно через неделю по окончании разговора; дойдет до Вас оно, разумеется, позже.

Я, конечно, понимаю, что в Вашем выражении был оттенок приблизительности (даже, помнится, слово «около»), и заранее извиняюсь, если беспокою Вас напрасно; Вы поймете мою невольную настойчивость. Всякое слово человека, занимающего Ваше социальное положение, вещь серьезная, и, если что-нибудь изменилось, если явились новые моменты в моем деле, они должны быть мне предъявлены.

В этом я позволяю себе всецело полагаться на Вас».

Агранов передал ему ответ Дзержинского — надо подождать еще. 11 октября 1923 года начальник 12-го отделения Секретного отдела ГПУ Славатинский подписал постановление о том, что дальнейшее содержание Богданова под стражей «не вызывается условиями следствия» и что он постановил: «Гражданина] Богданова-Малиновского из-под стражи освободить, а дело следствием продолжать».

Под конец еще произошел такой эпизод: в ночь на 13 октября ему приказали собирать вещи, заявив, что он будет освобожден утром. И… забыли о нем. Волнуясь, Богданов прождал до пяти часов вечера, но никто за ним не приходил. С чем это было связано — так и осталось точно неизвестным. Богданов считал, что над ним на прощанье решили «устроить маленькое издевательство». Около пяти часов вечера его все же выпустили на свободу. Правда, через два дня Агранов вызвал его и принес извинения. «На мой взгляд, роль ГПУ в этом деле пассивная», — считал Богданов.

«Я вышел из тюрьмы больным, тогда как утром, несмотря на бессонную ночь, был совершенно здоров», — признавался он.

Богданов оказался на свободе, но кампания против него не прекращалась. Он и сам начал принимать меры «самозащиты», как он это объяснял. 6 ноября он направил протест в Президиум Социалистической академии на заметку в журнале «Под знаменем марксизма». Анонимный

автор под псевдонимом «Материалист» называл его «оппортунистом теоретически и ренегатом политически», указывая, что «лично он никакого отношения к рабочему классу не имеет». 7 ноября 1923 года, в день 6-й годовщины Октябрьской революции, в письме известному советскому и партийному деятелю Евгению Преображенскому Богданов расценил выступления против него как «подготовку дальнейшей расправы». «Любой агент ГПУ… будет считать своим коммунистическим долгом арестовать меня под каким бы то ни было предлогом», — отмечал он.

«Мой арест, — писал Богданов, — явился всецело результатом более чем трехлетней литературно-политической травли, при которой я оставался с зажатым ртом. В этой именно травле мои, ясно и не раз высказанные мысли были искажены и извращены до такой степени, что стало возможным приписать мне наивно-ребяческие статьи «Рабочей правды», резко расходящиеся с результатами моего анализа социальных условий эпохи.

Огромного труда мне стоило разрушить трехлетнюю клевету — чем я только и добился освобождения. Сам Дзержинский, человек безупречно искренний, имел обо мне понятие, основанное всецело на этой травле. Его следователей мне удалось, по-видимому, убедить. Но работа клеветы от этого не прекратилась. Мне известно, что в провинции недавно делались доклады, в которых говорилось о моей «подпольной борьбе» против Советской власти. Уже после освобождения до меня доходят слухи о моих связях с анархо-синдикалистами, о моих нелегальных сношениях с эмиграцией, вплоть до каких-то отношений к польской контрразведке…»

Тринадцатого ноября и 19 декабря в «Правде» появляются статьи известного партийного публициста Емельяна Ярославского[63], в которых он резко критиковал «богдановщину» и приравнивал ее к оппортунизму и меньшевизму. 19 декабря Богданов написал в «Правду» «Открытое письмо Емельяну Ярославскому» с опровержением обвинений в его адрес. «Я прошу Вас напечатать прилагаемое письмо — прошу об этом формально, — отмечал он в записке в редакцию. — Я не так наивен, чтобы предполагать, что Вы исполните эту просьбу: опыт у меня достаточный. Но мое письмо — для суда истории. Я надеюсь, что для Верховного трибунала оно дойдет».

Кстати, 30 декабря в «Правде» появилось «Постановление ЦКК по делу группы Рабочая правда», подписанная тем же Ярославским как секретарем Партколлегии Центральной контрольной комиссии. Оно исключало из РКП(б) большинство членов «Коллектива «Рабочей правды». Руководители группы в это время сидели на Лубянке, откуда прислали

заявление: «Не помилования мы просим. Взгляды коллектива «Р.П.» извращаются в печати самым возмутительным образом. Нас изображают как политическую контрреволюционную меньшевистскую организацию. Мы все в многочисленных показаниях и заявлениях на имя ЦК опровергали и протестовали против этого… Мы не можем признать такой суд. Нас будет судить революционное рабочее движение». За решеткой руководители «Рабочей правды» пробыли до осени 1924 года.

Уже после освобождения, в очередную годовщину Октября, 7 ноября 1923 года, Богданов писал Преображенскому: «Наша революция — хотя она не то, чем ее считали и чем даже до сих пор считают — есть во всяком случае Великая революция и этап мировой истории».

Для него факт оставался фактом — эта революция создала новое общество. Бросить его, совсем отойти в сторону и наблюдать, что с ним будет происходить? Это было как-то не в его характере. Хотя арест и кампания против него нанесли по Богданову тяжелый удар, он все же еще раз решил поступить так, как «марсианин, заброшенный на Землю»:

На поле тернистом работать упорно
Во имя далекого дня…

Вскоре он вернулся к экспериментам по внедрению в повседневную жизнь принципов «физиологического коллективизма».

Кровь и смерть

Двадцать первого января 1924 года в подмосковных Горках умер Ленин.

Тогда, в конце января, в Москве как раз ударили сорокаградусные морозы. Толпы народа медленно двигались к центру города, чтобы проститься с телом вождя, выставленным в Доме союзов, пытаясь по дороге согреться у огромных костров. Над Москвой висели свинцовые тучи, а по ее улицам гулял ледяной ветер, который трепал красные флаги *с* черными лентами и различные транспаранты. Например такие: «Могила Ленина — колыбель всего человечества!», «Обнажите головы перед гробом вождя рабочего класса!», «Со смертью Ленина человечество стало ниже на одну гениальную голову».

Газеты были заполнены траурными стихами как известных, так и неизвестных рабочих, крестьянских или красноармейских поэтов. В большинстве стихов, статей и очерков красной нитью проходила одна и та же мысль: «Нет, нет, не верим! Этого не может быть!»

Нет, не верим и верить не можем.
Слишком наша организована мощь, —
Что перед нами — смертельное ложе,
И на ложе том —
Наш любимейший вождь —

писал поэт-футурист, сподвижник Маяковского, Василий Каменский. А Московская ассоциация пролетарских писателей вообще откликнулась на смерть Ленина «коллективными» стихами:

Нет, не верим, не верим, не верим
В телефонный пронзительный крик:
Нет, не умер, не умер Ленин —
С хитрым взглядом лучистый старик.
Ну, хоть верь, все равно нам не верится
За заводским копченым кольцом,
Что не бьется у Ленина сердце,
Что лежит наш Ильич мертвецом.

Знаю, знаю, в гуле сражения
У машин и в полях у межи
Верю, имя товарища Ленина
Сотни тысяч веков будет жить.

Но пока, однако, приходилось верить. Мертвый Ленин, утопая в цветах и венках, лежал в Доме союзов. Его соратники, стоявшие в почетном карауле, с удивлением замечали, что ленинское лицо как будто помолодело. Но какой толк от этого омоложения после смерти! Вот если бы раньше, еще при жизни, можно было бы омолодить вождя…

Торжественное заседание Социалистической (с апреля 1924 года — Коммунистической) академии, состоявшееся 10 февраля, Богданов пропустил. Опасаясь, что его отсутствие может быть истолковано как «политическая демонстрация», он направил письмо с объяснениями члену Президиума Академии Давиду Рязанову[64]. «Заседание, посвященное памяти Ленина, который был моим первым и, в сущности, единственным учителем в политике, я ни при каких обстоятельствах не мог бы использовать для демонстрации отсутствия», — писал он. Причина же, по которой Богданов отсутствовал, состояла в том, что он «вынужден был находиться на операционном столе».

Тогда, около 10 февраля, состоялся первый эксперимент по переливанию крови (их называли «операциями»), Богданов объяснял, что «операция» прошла не совсем успешно и он ослабел от потери крови, поэтому несколько дней вообще не выходил из дома.

Итак, эксперименты начались. Богдановский кружок «физиологического коллективизма» проводил их с перерывами до конца 1925 года. Эти «операции» не отличались большой сложностью. Сначала из локтевой вены донора брали кровь и переливали ее в стерильную банку. Затем в нее добавляли консервирующий раствор. Такую же процедуру проделывали со вторым участником переливания. После этого тут же им вливали кровь друг друга. Все эти манипуляции старались производить как можно быстрее — при хранении кровь начинала свертываться и в ней могли размножаться болезнетворные микробы.

Как отмечал позже Богданов, они проводили эксперименты «в сущности, ничтожными средствами… не имея ни своей лаборатории, ни инструментов для наиболее точных способов объективного детального исследования, например, процессов жизнеобмена. Мы и экспериментировали прямо на людях, не делая предварительных опытов на

животных, в значительной мере именно потому, что наши средства нам этого не позволяли».

В своей книге «Борьба за жизнеспособность», вышедшей в 1927 году, Богданов описал процедуры по переливанию крови, зашифровав их участников под латинскими буквами. Впрочем, некоторые из них легко «расшифровываются»: «литератор X» — это сам Богданов, а «врач Z» — Семен Малолетков. Часто в переливаниях принимал участие и «студент А». До ноября 1925 года состоялись 10 «операций», в которых приняли участие 11 человек. Богданов участвовал в шести из них. Причем в первых четырех — самых рискованных — без перерыва. «Студент А» принял участие в трех «операциях», остальные — в одной-двух.

В семейном архиве Богданова сохранилось несколько любопытных записок, опубликованных историком и экономистом Владимиром Клебанером, родственником ученого. В феврале 1924 года, видимо, после второй «операции», Богданов писал: «Операция полуудалась. У меня около 700 куб. см чужой крови. Будем наблюдать. Но вообще были неудачи: на мне и моем компаньоне учились [или научились; в источнике неразборчиво. — *Е. М.*]. С другими будет легче и лучше; а я месяца на 2–3 для опытов негоден».

«Негодность» Богданова заключалась в том, что при первых двух переливаниях он потерял много крови (около 700 «кубиков»). 29 марта 1925 года Богданов отдал максимальное для первых опытов количество крови — 830 «кубиков». Вскоре после этого он писал: «У меня в обоих ранках не блестяще, но понемногу инфильтрат всасывается».

Наконец, в записке от 27 сентября 1925 года он сообщает: «Повторная операция д-ра Малолеткова назначена в воскресенье 29-го в 4 часа дня». Во время этого переливания был поставлен своеобразный «рекорд» по обмену кровью: в два приема — по 1300–1350 $см^3$.

Каковы же были результаты этих экспериментов? Богданов считал, что после переливаний «улучшается состояние сосудов при атеросклерозе, достигается значительное улучшение в общем состоянии больных с резко выраженными явлениями раковой кахексии, ускоряется и активизируется процесс заживления ран, создается возможность благополучной ликвидации септического процесса».

Интересное свидетельство оставил друг Богданова Леонид Красин, приехавший осенью 1925 года в Москву из Парижа, где служил полпредом СССР. Красин страдал анемией (или, возможно, лейкемией) и долго лечился от этого недуга. Врачи считали, что он стал следствием перенесенной им малярии. 4 декабря 1925 года в письме жене из Москвы,

поделившись с нею информацией о своем состоянии здоровья, Красин писал:

«Затем пошел к А. А. Богданову. Прежде всего сам он и Нат[алья] Богд[ановна] имеют вид великолепный, я считаю, что он помолодел если не на 10, то на 7 или на 5 лет наверняка. Недавно (с мес[яц] наз[ад]) сделал себе второе переливание и сейчас фотография [очевидно, рентген. — *Е. М.*] констатирует у него даже уменьшение диаметра аорты! Вещь до сих пор невероятная, но факт, и, кроме того, ему совершенно соответствует его самочувствие: по забывчивости иногда взбегает на 4–5 этаж! Нат[алья] Богд[ановна] чувствует себя тоже хорошо — у ней [так к тексте. — *Е. М.*] исчезли подагрические явл[ения] на ногах: раньше она заказывала ботинки по особой мерке, сейчас носит нормальные. Операции до сих пор произведены 6 парам, и ни в одном случае не получилось никакого отрицательного результата. Технику тоже усовершенствовали, сперва переливали 350–400 гр[амм], а на последней] операции, изменив вид иголок, вкатили сразу 1250 гр[амм], т[о] е[сть] попросту обменяли у двух людей 1/4 всего содержания их крови».

По словам Красина, Богданов сначала «не проявил никакого энтузиазма в смысле пользования переливанием» и посоветовал ему ехать лечиться в Париж и Лондон, «где наука о крови, особенно с войны, сильно двинулась вперед». Однако потом «уже определенно предложил сделать мне переливание: уже одно то, что в 700–800 куб. см я получу запас свежих шариков и гемоглобину = 85, что дает мне возможность лучше перенести переезд и начать климатическое и иное лечение с сильно укрепившимся организмом».

Однако операция Красина по каким-то причинам не состоялась. Вскоре он уехал лечиться за границу, потом к месту своей новой службы в Лондон и умер там в ноябре 1926 года.

Сторонники «физиологического коллективизма» испытывали и трудности. Прежде всего материальные. Эксперименты проводились за счет их личных средств и в основном — за счет средств самого Богданова. Сохранились проведенные им расчеты на 1924–1925 годы. Расходы составили в общей сложности 2380 рублей. Деньги ушли, в частности, «на покупку и выписку книг и журналов, зарплату врачам, аренду помещений для операций», приобретение оборудования: «французские аппараты, резиновые трубки, разбитые колбы, пробки резиновые… точка и заточка игл, цитрат натрия, парафин, химикаты, физиологический раствор и др.».

Получается, что в месяц Богданов тратил на опыты в среднем около 200 рублей. Сумма по тем временам очень даже солидная. Чтобы понять

это, можно, к примеру, процитировать «Обзор политического состояния СССР за декабрь 1925», подготовленный ОГПУ и направленный Сталину в январе 1926 года. В разделе «Недовольство тарификацией» говорится: «Недовольство тарификацией по-прежнему остается важнейшей причиной конфликтов (особенно на крупнейших заводах ГОМЗы, Ленмаштреста и др.), охватывает почти исключительно квалифицированных рабочих, стремящихся к дальнейшему повышению зарплаты. В ряде случаев уровень зарплаты рабочих этих групп весьма высок. Так, например, на «Красном путиловце» кузнецы, вырабатывающие 120 руб[лей] (средний заработок цеха 80 руб[лей]), требуют дальнейшего повышения зарплаты. Наряду с этим отмечается сильное отставание зарплаты малоквалифицированных рабочих, зарабатывающих иногда 20 руб[лей] (Самарский трубзавод, ярославский машиностроительный завод «Пролетарская свобода» и Катавский завод на Урале)». Ну и еще один пример: оклад экономиста-консультанта Главного секретариата наркома внешней и внутренней торговли СССР составлял 192 рубля. Сам же Богданов как член Социалистической (потом — Коммунистической) академии получал 120 рублей в месяц. Основным источником финансирования экспериментов по переливанию крови были гонорары Богданова за переиздание его книг — прежде всего за «Красную звезду».

При этом ему приходилось думать не только об опытах, но и о том, как содержать близких людей. Сын Богданова от Анфусы Смирновой, как уже говорилось, воспитывался Лидией Павловой, подругой его матери, и жил с ней отдельно. Богданов им всячески помогал, хотя был против того, чтобы сын жил с ним. «Во-первых, ты будешь мешать мне работать, а во-вторых, я буду подавлять тебя, и рядом со мной ты не сможешь независимо развиваться», — говорил он ему.

Были еще живы и родители Богданова (отец умер в 1923 году), поэтому ему пришлось зарабатывать на жизнь лекциями, «литературным трудом» и т. д.

Более обоснованные выводы о пользе обменных переливаний требовали более масштабных исследований и более масштабного финансирования. Возможностей самого Богданова и его единомышленников для этого уже было явно недостаточно. Желательно было поставить эксперименты на «государственную основу».

«В практике клиник и больших госпиталей Запада переливание стало вполне обычным средством, — писал Богданов. — Наша страна, долгие годы отрезанная войной и блокадой от научной жизни Запада, совершенно отстала в этом отношении. Между тем потребность в новом методе у нас,

конечно, ничуть не меньше, чем там. Мы уже не говорим о том, какой преступной небрежностью было бы, в случае, если бы разразилась угрожающая нам теперь война, допустить, чтобы наши противники имели перед нами преимущество в этом драгоценном способе спасать истекающих кровью или отравленных газами бойцов и ускорить выздоровление истощенных ранами или болезнями».

Но и повседневная жизнь, по словам Богданова, «трудовая, производственная армия» нуждается в «таком же могущественном средстве», которым, как он был уверен, можно лечить травмы и тяжелые заболевания. По мнению Богданова, необходимо специальное учреждение, «чтобы ликвидировать эту отсталость [от Запада] и ускорить внедрение в практику медицинских учреждений всех уровней метод переливания крови».

На эту тему Богданов написал несколько записок в ЦК и наркому здравоохранения Николаю Семашко. В декабре 1925 года у него в квартире раздался телефонный звонок. Звонили из Кремля.

«Тов. Сталин предложил мне…»

На другом конце «у аппарата» находился Сталин. Он предложил Богданову приехать для важного разговора. Вскоре на специально посланном за ним автомобиле он отправился в Кремль. Об этом разговоре со Сталиным не сохранилось, по-видимому, никаких документальных источников. О том, как он проходил, известно только со слов самого Богданова, рассказавшего об этом своей жене. Так этот рассказ и остался «достоянием» семьи Богданова и его потомков. Автору его передали внучка Богданова Наталья Смирнова и ее муж Владимир Клебанер.

Вроде бы дело было так. По некоторым сведениям, во время разговора Сталина с Богдановым присутствовали также Бухарин и Семашко. Поинтересовавшись ходом экспериментов по переливанию, Сталин предложил Богданову взять на себя организацию нового Института переливания крови и пообещал создать необходимые условия для проведения научной работы.

Затем Сталин посоветовал Богданову вновь вступить в партию. Но тот ответил твердым отказом. Сталин с недоумением развел руками и сказал: «Не понимаю». Богданов ответил, что вступление в партию может помешать его работе и что в партии есть кому его заменить, а в работе — некому. Сталин, помолчав, не стал возражать. Разговор перешел на другие

темы — в частности, Сталин интересовался отношениями между руководителями партии в то время, когда еще сам Богданов находился в их числе.

Но главный вопрос принципиально был решен: Богданов принял предложение создать и возглавить новый Институт. В январе 1928 года он писал в докладе для «тех членов правительства, которые были инициаторами учреждения Института Переливания Крови»: «В конце 1925 г[ода] тов[арищ] Сталин предложил мне взять на себя организацию Института, причем обещал, что будут предоставлены все возможности для планомерной научной работы».

Почему же Сталин заинтересовался экспериментами Богданова? И почему он решил привлечь к работе такого «политически неблагонадежного» человека, как он? Существуют различные версии, объясняющие этот шаг.

Будущий «вождь народов» тоже участвовал в критике взглядов Богданова, но не часто и без особого энтузиазма. Вероятно, тогда философские споры ему не были так уж сильно интересны. Однажды он даже назвал ленинскую критику богдановской философии «бурей в стакане воды», а в одном из своих писем заметил, что Богданов «метко и правильно» отметил «некоторые промахи Ильича» в книге «Материализм и эмпириокритицизм».

Теперь, предоставляя возможность Богданову заниматься экспериментами в области переливания крови, Сталин одновременно решал несколько проблем. Во-первых, отстранял Богданова от политики. Хотя вес Богданова как политической фигуры тогда и так был не слишком велик, но находящийся на службе «пролетарскому государству» он и как теоретик уже вряд ли смог бы стать объектом интереса таких оппозиционных группировок, как «Рабочая правда».

Во-вторых, тогда менялся расклад сил в верхах: Сталин заключил союз с Бухариным, который ему был необходим для разгрома сторонников Троцкого, Зиновьева и Каменева. А Бухарин, ставший в 1924 году членом Политбюро, всегда ценил Богданова, несмотря на их острую полемику, в которой называл его «полумарксистским литератором».

А в-третьих, Сталина, по-видимому, заинтересовала практическая сторона его экспериментов. И не случайно. Академик Андрей Воробьев, первый министр здравоохранения постсоветской России и многолетний (в 1987–2011 годах) директор Института гематологии и переливания крови, преобразованного позже в Гематологический научный центр РАМН, считал, например, что Сталин хотел использовать их прежде всего в

«оборонных целях». «Сталин был руководителем страны, которая готовилась к войне, — говорил он в интервью автору этой книги. — И понимал, что Богданов, когда тот писал, что без готовности к массовым переливаниям крови следующая война немыслима, был прав. Поэтому он его поддержал». Скорее всего, этот мотив тоже присутствовал в решении Сталина поддержать Богданова. Но не только он.

В «письмах трудящихся», приходивших в траурные дни после смерти Ленина в газеты и в ЦК, часто содержались упреки: мол, как же так? Почему вовремя не задумались над вопросом о лечении и даже об омоложении Ленина?

Об омоложении писали вполне серьезно, поскольку вопрос о нем был в 20-х годах популярнейшей темой для слухов и газетных сенсаций. В 1924 году одним из, как бы сейчас сказали, научных бестселлеров в СССР стала книга профессора Сергея Воронова «Сорок три прививки от обезьяны человеку». Другие его работы «Старость и омолаживание», «Омоложение пересадкой половых желез» тоже читались как захватывающие приключенческие романы.

Сергей Воронов окончил медицинский факультет Сорбонны в Париже. Он пересаживал пациентам половые железы молодых обезьян. В своих работах Воронов утверждал, что к середине 20-х годов сделал уже 236 подобных операций, причем в 90 процентах случаев был достигнут положительный результат. Но Воронов — не исключение. Книжные лавки в 20-х годах были буквально завалены книгами самых различных специалистов на эту тему: «Омоложение». Второй сборник статей. Под ред. проф. Н. К. Кольцова; Кольцов Н. К. «Омоложение организма»; Муралевич В. «Что такое старость и омоложение» и т. д. В СССР профессора Мартынов, Халатов, Немилов пересаживали пациентам эндокринные железы обезьян, овец, котов.

Газеты с восторгом сообщали об успешных операциях в клинике профессора Мартынова: «У пациента N повысилась работоспособность, он стал легко подниматься по лестнице, не держась за перила, стал ходить большими шагами, его волосы потемнели, улучшился сон и повысился аппетит!»

Семидесятидвухлетний доктор Викторов решил испытать пересадку на себе. Он записал в дневнике: «…Начали появляться эротические сновидения, и, тоже во сне, довольно энергичные эрекции…» У него также «потемнела борода», и он стал «легко взбегать по лестнице». Забегая вперед заметим, что потом выяснилось — все эти успехи имели лишь временный характер и возраст пациентов потом брал свое. Но тогда еще

куплетисты откликались на газетные сообщения об успехах «омолаживания» частушками:

Встретил я одну девчонку,
Ест она морожено,
Оказалась старушонка,
Только омоложена!

В Московском зоопарке, явно спекулируя на популярной теме, посетителям предъявляли «омоложенного козла», о чем и извещала табличка на его клетке. Скептики, впрочем, утверждали, что прохвост-директор попросту заменил старого козла на молодого.

В общем, вопрос об омоложении вождя на этом фоне звучал совсем не так смешно, как нам это кажется сегодня.

Вождь, однако, умер, а его живых соратников и наследников эта проблема очень даже интересовала. И волновала. 25 января в газетах был опубликован «Акт патологоанатомического вскрытия тела В. И. Ульянова (Ленина)». А «Известия» напечатали статью наркома здравоохранения Николая Семашко «Что дало вскрытие тела Владимира Ильича». Главная причина смерти Ленина, писал Семашко, — это склероз сосудов головного мозга. Он возник не только по наследственным причинам, но и из-за того, что головной мозг у Ленина «постоянно был в напряженной работе, он систематически переутомлялся, вся напряженная деятельность и все волнения ударяли прежде всего по мозгу». Вскрытие тела Ленина, заключал нарком, «показало, что нечеловеческая умственная работа, жизнь в постоянных волнениях и непрерывном беспокойстве привели нашего вождя к преждевременной смерти». В акте вскрытия характер склероза был определен как «склероз изнашивания», то есть когда сосуды и артерии «преждевременно отработали».

Выступая на траурном заседании II Всесоюзного съезда Советов 26 января, Лев Каменев весьма образно заявил: «Ильич связал себя с рабочей массой не только идеей. Нет! Он отдал этой связи свой мозг. Врачи… сказали нам сухими словами протокола, что этот мозг слишком много работал, что наш вождь погиб потому, что не только свою кровь отдал по капле, но и мозг свой разбросал с неслыханной щедростью, без всякой экономии, разбросал семена его, как крупицы, по всем концам мира, чтобы капли крови и мозга Владимира Ильича взошли потом полками, батальонами, дивизиями, армиями…»

Григорий Зиновьев на заседании Ленинградского совета рабочих и крестьянских депутатов 7 февраля 1924 года выразил ту же самую мысль более лаконично: «Лучшие представители науки, лучшие светила науки сказали: этот человек сгорел, он свой мозг, свою кровь отдал рабочему классу без остатка».

Но надо сказать, что этот посмертный диагноз очень обеспокоил партийное и советское руководство. Ленина-то хотя и называли «Стариком», но ведь ему еще даже не исполнилось 54 лет. А ведь другие вожди тоже утомлялись, переживали, напряженно работали и т. д. Преждевременное старение грозило ослабить, а возможно, и уничтожить весь цвет большевистской старой гвардии. Многие ее представители — люди 30–40 лет — уже страдали гипертонией, нервными расстройствами, катаром желудка и прочими заболеваниями. Надо было принимать срочные меры.

Конечно, и раньше «вождей» лечили особым образом. Например за границей (для этого был создан специальный валютный фонд ЦК). За границей лечились такие люди, как Троцкий, Каменев, Бухарин, Орджоникидзе, Рыков, Молотов. 3 марте 1922 года нарком продовольствия Цюрупа сообщал: «В течение 7 месяцев пребывания в Германии (в числе 3 чел[овек]), считая в том числе поездку туда и обратно и оплату сопровождавшего меня врача, израсходовано: американских долларов — 3111,55, германских марок — 12 770,0, латвийских рублей — 16 320,0».

С 1923 года высокопоставленных чиновников разделили на три категории. По первой категории ЦК выделял на оплату лечения за рубежом 180 золотых рублей, по второй — 360 (уже не только с лечением, но и с содержанием в санаториях), а третьей — 522. Отдельно оплачивались сопровождающие лица и расходы на проезд. Летом 1924 года за границей два месяца лечились Молотов с женой. Им было выдано вместе с расходами на дорогу 2968 золотых рублей. Впрочем, расходы на лечение Троцкого составляли 5000, у Рыкова — 6480, а у Каменева — 1616 рублей. Золотых, естественно.

После смерти Ленина борьба за здоровье вождей вступила в новую фазу. 31 января 1924 года на Пленуме ЦК РКП(б) Климент Ворошилов выступил с докладом «Об охране здоровья партверхушки». Тогда было принято решение: «Просить Президиум ЦКК обсудить необходимые меры по охране здоровья партверхушки, причем предрешить необходимость выделить специального товарища для наблюдения за здоровьем и условиями работы партверхушки». При всем поклонении «наследников дела Ленина» перед вождем, они совсем не хотели, чтобы и их ожидал

подобный конец.

Опыты Богданова по обменному переливанию крови отлично вписывались в эту борьбу с «изнашиванием организмов» вождей. Тем более что и он сам не раз информировал их (в частности, Бухарина и Семашко) об успехах в этой области. Богданов указывал, что уже первые «операции» приводили к тому, что у пациентов (он имел в виду и самого себя) появляются «хороший сон и аппетит, устраняются явления атонии кишечника и происходит увеличение мышечной силы, восстанавливается равновесие вегетативной нервной системы, происходит повышение продуктивности высшей нервной деятельности».

Кроме того, свои «операции» он считал альтернативой гораздо более дорогому и сложному, но весьма популярному в 20-е годы «способу омоложения» — пересадке желез. Эффект омоложения он связывал с уникальными свойствами крови, которая, по его мнению, является «всеобщим посредником» между тканями и органами в «жизнеобмене». Так что и у Богданова, и у Сталина и К° были свои резоны в продолжении исследований и создании Института переливания крови. О практических задачах уже говорилось — они во многом совпадали у обеих сторон, но Богданов никогда не отказывался и от своей идеи «братства по крови», которую он изобразил в своих еще «марсианских романах».

Она требовала участия в «операциях» как «старых партийцев», так и молодых коммунистов. Они должны были обмениваться кровью между собой. Такой обмен предусматривал не только физиологический, но и символически-духовный аспект: ветераны партии как бы передавали молодежи свою кровь, а вместе с ней — традиции, опыт и уверенность в победе, возникала бы преемственность поколений революционеров.

Теперь у Богданова появлялась возможность масштабно и официально экспериментировать с идеей «кровного братства» на практике, хотя и в довольно ограниченном виде и в контексте тогдашних конкретных условий. Уже после его смерти журнал «Под знаменем марксизма» писал: «По существу героями его утопий были большевики, в ряде черт его героев нетрудно узнать даже оригиналы, с которых они написаны. И вот восстановление этой породы людей, специфической, резко бросающейся в глаза породы русских большевиков, и посвятил последние свои труды один из основателей русского большевизма. Надо помнить, что именно изношенность нашей старой гвардии, ее преждевременный уход в ничто ужасали А. А. Богданова, который как-то независимо от своей воли восхищался тем делом, которое творит и *у* нас в СССР, и во всем мире русский большевизм. Сохранить и продлить жизненные силы тому

поколению, которое выпестовало и провело три революции, и был по существу посвящен институт переливания крови…»

«Кровь за кровь»

Двадцать шестого февраля 1926 года Совет Труда и Обороны принял постановление об учреждении института. В марте появилось Временное положение Наркомздрава, по которому в задачи института входило: «а) Изучение и разработка вопросов, связанных с переливанием крови, б) Теоретическое и практическое ознакомление врачей с переливанием крови путем устройства периодических и постоянных курсов, в) Издание научной и популярной литературы по переливанию крови, г) Приготовление и продажа стандартных сывороток, а также препаратов, аппаратов и принадлежностей для переливания крови».

На организацию института выделялось 80 тысяч рублей, при нем создавался небольшой стационар на 10 коек. С 1 марта 1926 года Богданов утверждался директором института, его заместителем по научной части — доктор Малолетков. Первый штат насчитывал всего 12 сотрудников.

Институт «вселили» в бывший особняк купца Игумнова на Большой Якиманке — сейчас в нем находится резиденция посла Франции в Москве. Этот дом, напоминающий древнерусские палаты, владелец Ярославской Большой мануфактуры Николай Игумнов построил в 1895 году. О нем рассказывали различные легенды. По одной из них, Игумнов замуровал в его стенах свою любовницу, которую уличил в измене. По другой, для большего шика он выложил пол в парадной зале золотыми червонцами. Но на червонцах был изображен профиль императора, так что гости, ходившие по ним, фактически «топтали лик государя». Якобы слухи об этом дошли до самого Николая II, и Игумнова выслали из Москвы в Абхазию. После 1917 года в доме Игумнова находились рабочий клуб, потом различные учреждения и квартиры жильцов. «Заселение» института Богданова происходило с трудом, и он сам писал, что это произошло только благодаря «содействию Комиссии по разгрузке гор[ода] Москвы, которая освободила для Наркомздрава особняк».

«Это было большое роскошное здание, — вспоминал Богданов, — очень красивое снаружи — постройка в старинном русском стиле, весьма разукрашенное внутри в самых различных стилях». Однако его состояние оставляло желать лучшего: крыша текла, штукатурка осыпалась, канализация не работала. Во дворе находилась конюшня с горами навоза и

«самыми вредными мухами в необыкновенном количестве». Пришлось также выяснять отношения с жильцами — их должны были расселить, но многие не хотели переезжать и, как писал Богданов, выселить их «было труднее, чем отремонтировать здание».

Интересно, что немногим раньше в том же самом бывшем особняке Игумнова разместилась и специальная лаборатория по изучению мозга Ленина (в 1928 году она была преобразована в Институт мозга). Задачи лаборатории, а потом и института предполагали сравнение мозга Ленина с мозгами других людей и, соответственно, научное доказательство гениальности «вождя мирового пролетариата». Ну а в перспективе — проникновение в тайну человеческого гения. Было что-то символическое в том, что рядом тогда находились два учреждения, в которых изучали тайну гениальности и пытались лечить болезни и омолаживать человека кровью.

Сам Богданов с семьей тоже поселился в особняке Игумнова. Как и 20 лет назад в Финляндии, они снова оказались рядом с Лениным. Только на этот раз в соседних комнатах разместился не живой Ильич, а его мозг. «Марсианский коммунист», конечно, не мог знать, что всего лишь через два года и его мозг будут изучать в тех же помещениях, сравнивая его с мозгом Ильича, с которым Богданов при жизни не раз соревновался в мощи интеллекта… Но это будет позже. Пока же еще все только начиналось.

«Институт переливания крови — учреждение новое не только для Москвы и вообще для СССР. Такого института нет и на Западе. Когда институт основывался, было немало сомнений: не при нашей бедности и отсталости создавать учреждения, каких даже в Европе и Америке не имеется… Институт был все-таки создан, и мы думаем, это правильно… Наша научная бедность и отсталость бесспорны, но зачем же закреплять их и на будущее?» Так писал Богданов в статье «Маленькое начало большого дела», опубликованной в «Известиях».

Второго июня 1926 года сюда поступил первый пациент, а в полной мере институт начал работать с октября. За год было проведено более 200 переливаний крови (гемотрансфузий), к апрелю 1928 года — почти 400. За эти два года СССР стал одной из ведущих в мире стран в области трансфузиологии.

Кем же были первые пациенты института? Прежде всего — различные «ответственные товарищи». Богданов стремился придерживаться главных принципов теории «физиологического коллективизма»: «операции» должны улучшать здоровье людей (в перспективе «омолаживать»), и видным партийно-государственным работникам необходимо обмениваться кровью с молодежью. Принцип «кровь за кровь» провести в жизнь было не

так уж и сложно — молодежь охотно приходила в институт для экспериментов. Молодые рабочие, студенты или красноармейцы принимали в них участие как из-за «интереса к науке», так и из-за желания подзаработать. Донорскую кровь оплачивали по таксе 20 копеек за 1 миллилитр, таким образом за стакан крови платили 40 рублей, за «операцию» — от 80 до 150 рублей. То есть весьма неплохие по тем временам деньги.

«Можно считать, — писал Богданов в январе 1928 года, — что нами принципиально решен вопрос об успешной борьбе с нервной, а по крайней мере отчасти — и с общей изношенностью, путем замещения крови. Надо заметить, что самый метод — замещения для этих целей здоровой, по-видимому, крови или ее обмена, всецело создан нами». Богданов утверждал, что после переливаний наблюдались случаи заживления ран, излечения язвы желудка, сепсиса, улучшения зрения и работы сердца, даже случаи роста волос на голове, «несколько неожиданно успешных опытов лечения душевнобольных» и даже «намечено важное для военного дела исследование относительно ядовитых газов и других отравляющих веществ».

Пациентами института были, например, давний друг Богданова, философ и экономист Владимир Базаров (Руднев) или сестра Ленина Мария Ульянова. У нее было тяжелое заболевание крови, состояние считалось безнадежным и, по рекомендации вдовы Ленина Надежды Крупской, ей тоже сделали переливание. Факт остается фактом — Мария Ульянова прожила еще 10 лет. Сделали «операцию» и семнадцатилетнему сыну Богданова Саше Малиновскому. Он рос способным, но хилым ребенком. Богданов в своих письмах часто беспокоился о здоровье своего «котика», как он его называл. Сам Малиновский-младший, ставший выдающимся советским биологом и генетиком и проживший 87 лет (он умер в 1996 году), всегда считал, что своим долголетием и отменным здоровьем он обязан именно переливанию крови в институте своего отца.

В 1927 году Богданов опубликовал в «Русско-немецком медицинском журнале» статью «К теории старения» о влиянии обменных гемотрансфузий на старение и омоложение человеческого организма. «За недолгий срок работы в Институте переливания крови, — отмечал сменивший Богданова на посту директора профессор Александр Богомолец, — Богданов на ряде случаев, в том числе и на себе самом, объективными научными методами исследования несомненно доказал возможность посредством переливания крови возвращать энергию и гибкость жизненных проявлений, повышать умственную и физическую

работоспособность организма, ослаблять в нем явления… старческого увядания».

Насколько обоснован этот оптимизм Богданова и его последователей? Судя по всему, он все же преувеличивал успехи, достигнутые в ходе переливаний крови. То есть описанные им случаи излечения и улучшения состояния у пациентов действительно имели место, но, как считают современные гематологи, они носили временный характер, а Богданов просто не успел понять этого. За прошедшие с того времени годы переливание крови вовсе не стало универсальным средством лечения или, тем более, омоложения, хотя именно работы Богданова дали сильный толчок развитию советской, а потом и российской трансфузиологии. «Наши опыты не являются еще достаточным доказательством для высказанных теоретических предвидений, — писал он в книге «Борьба за жизнеспособность», — но все же, я думаю, нечто нами доказано, а именно — что здесь есть что исследовать». С этим, конечно, не поспоришь.

«Это решение о моей отставке»

Благодаря настойчивости Богданова штат института расширялся. Экспериментальный отдел возглавил Александр Богомолец — будущий известный патофизиолог и геронтолог, академик, Герой Социалистического Труда и вице-президент АН СССР[65]. Другими сотрудниками стали первый в СССР терапевт-гематолог Харлампий Владос, терапевт Максим Кончаловский (брат известного художника Петра Кончаловского), хирург Сергей Спасокукоцкий. Институт Богданова стал своего рода школой для подготовки специалистов в области гематологии и трансфузиологии.

Вместе с тем мечта Богданова о превращении Института в «ячейку будущего общества братства» сбываться не торопилась. В январе 1928 года он написал докладную записку о работе института Семашко, Бухарину и Сталину. Записка подана не была (в пометке на ней говорится, что это произошло «ввиду изменившихся условий», однако по ней можно хорошо представить себе, с какими сложностями предстояло сталкиваться Богданову).

«Медицинский мир в целом неприязненно принял новое учреждение», — отмечал он. Богданов жаловался на проблемы со штатом, оборудованием, материалами, указывая, что преодолевать их удается лишь с помощью наркома здравоохранения. Возмущало его и поведение заместителя директора по административно-хозяйственной части

Рамонова[66], «коммуниста с большим стажем», который, по словам Богданова, «обнаружил крайне своеобразное понимание идеи завоевания командных высот в научной работе».

«Миссия коммунизировать Институт… Но как ее может осуществлять человек, не способный ничем, кроме угроз, поддерживать свой авторитет, то и дело подрывающий всякое уважение к себе крупными и мелкими проявлениями настоящей некультурности?» — писал Богданов. Видимо, по инициативе Рамонова на него в «инстанции» был направлен донос — Богданова обвиняли «в резкой враждебности к партийцам вообще». «Это обо мне, у которого почти нет друзей, кроме старых коммунистов, и который только благодаря помощи нескольких студентов — коммунистов мог поставить свои первые, важнейшие опыты», — возмущался он.

Возмущал его и другой случай, когда Рамонов «давил» на врачей, требуя не делать переливание крови одной из пациенток. Он говорил, что она все равно умрет, а ее смерть в стенах института скомпрометирует это учреждение. Переливание все-таки сделали, и больная была спасена[67].

Он ставил вопрос о Рамонове перед партийной ячейкой Наркомздрава, но та решила никаких мер в отношении его не предпринимать. Богданов видел только один выход из сложившейся ситуации. «Это решение о моей отставке», — писал он, объясняя, что именно поэтому направляет Семашко, Бухарину и Сталину «этот краткий отчет и просьбу об освобождении меня от обязанностей, выполнение которых стало невозможным».

Докладная записка, как уже говорилось, не была подана «ввиду изменившихся условий», и Богданов в отставку не ушел. Это могло означать только одно — его покровители в Кремле помогли ему и на этот раз. Однако руководить институтом Богданову оставалось уже недолго.

За последнее время он сильно сдал. Богданову было уже 54 года, и нельзя сказать, что он всю жизнь вел слишком уж здоровый образ жизни, болел, перенес несколько сердечных приступов, а последние три года не был даже в отпуске. Разгар работы в новом институте и борьбы против тех, кто собирался его «коммунизировать», совпал с ухудшением его здоровья. Несколько раз его сваливали с ног приступы гнойного аппендицита — это случалось в ноябре 1927-го — феврале 1928 года. Была нужна операция, но Богданов откладывал ее, не считая возможным оставлять институт в такое сложное время. Операцию ему сделали только 5 февраля 1928 года, когда уже отпала необходимость его отставки.

Институт переливания крови продолжал работать. В газетах

появлялись объявления, приглашающие всех желающих сдавать кровь. Возможно, именно они стали основой для мрачных слухов, которые наводнили Москву того времени. Говорили, что большевики специально выкачивают у молодежи кровь, чтобы потом перелить ее мертвому Ленину и оживить его. Любопытно, что похожие слухи дожили аж до 80-х годов прошлого века — тогда «знающие люди» утверждали, что для каждого члена Политбюро приготовлены на всякий случай запас крови, спинного мозга и чуть ли не по нескольку комплектов внутренних органов…

Но вернемся обратно в 20-е. Молодежь действительно интересовалась опытами в институте Богданова. Дело это было новое, прогрессивное, а его перспективы казались многообещающими. Зимой 1928 года несколько студентов физико-математического факультета МГУ прочитали статью о пользе обменных переливаний крови в московском журнале «Экран». Их особенно заинтересовало, что подобные «операции» вроде бы помогают при умственном или нервном переутомлении. Они начали более тщательно знакомиться с вопросом и проштудировали монографию Богданова «Борьба за жизнеспособность».

В марте 1928 года они увидели объявление в «Вечерней Москве» с предложением всем желающим приходить в институт для сдачи крови. А поскольку студентам предстояло сдавать весеннюю сессию, то, помня об пользе переливаний при усталости, они тоже решили обратиться в институт Богданова. Таких обращений было немало, и никто не мог предположить, к чему оно приведет.

Роковая «операция»

Одного из студентов звали Лев Колдомасов, ему был 21 год. 19 марта он со своим товарищем пришли в институт, чтобы сдать кровь для определения ее группы и пройти обследование. По результатам этого обследования в «операции» им отказали — у Колдомасова имелись признаки туберкулезного процесса в легких, он перенес малярию и у него была расширена селезенка. У второго тоже были проблемы со здоровьем.

На этом бы вся эта история и закончилась, если бы о студенте Колдомасове не узнал сам Богданов. И очень заинтересовался его случаем. Он считал, что если Анфуса Смирнова была больна туберкулезом, он жил с ней и не заразился, то к этому заболеванию у него существует иммунитет. Богданова интересовал вопрос — если человеку с туберкулезом влить здоровую кровь, повлияет ли это на болезнь? Ну а если он сам имеет

иммунитет к туберкулезу, значит, и кровь Колдомасова не нанесет никакого вреда его организму, тем более что группы крови у них совпадали (тогда это была 4-я группа). Кровь студента требовалась Богданову для возмещения собственной кровопотери.

Двадцатого марта в общежитие, где жил Колдомасов, послали курьера. Он предложил ему еще раз прийти в институт и поговорить с Богдановым. Тот, естественно, пришел. Богданов объяснил ему цель предстоящей «операции», указав на то, что у Колдомасова может появиться шанс избавиться от туберкулеза. Студент согласился на переливание.

«Операция» состоялась 24 марта 1928 года в 19.30. Из локтевой вены правой руки Колдомасова взяли 925 «кубиков» крови. Одновременно у Богданова «забрали» около 1000 $см^3$ крови. Затем было совершено обменное переливание: кровь Богданова влили Колдомасову, а кровь Колдомасова — Богданову. У Богданова это была уже двенадцатая по счету «операция». Она и стала для него роковой.

Ухудшение наступило уже через три часа после «операции». У Богданова поднялась температура. На следующий день появились тошнота, рвота, начала развиваться желтуха. Потом температура спала, но его мучили сильные боли во всем теле. Чтобы облегчить их, ему кололи морфий. Ситуация осложнялась еще и следующими факторами: сам Богданов считал эти симптомы скорее приемлемой реакцией на большое количество полученной им чужой крови и был уверен, что организм справится с его негативными последствиями. «Больной возбужден, находится в состоянии эйфории, занимается самонаблюдением, — отмечал Кончаловский. — Врачей не приглашает». Кстати, и переливание с Колдомасовым он сделал без предварительной консультации с сотрудниками института.

Кончаловского пригласили на обследование Богданова только 27 марта, и уже тогда, по его словам, ему бросилась в глаза «угрожающая картина внутреннего отравления вследствие гемолиза [разрушения эритроцитов — красных клеток крови. — *Е. М.*]» организма из-за нарушения работы почек и печени. Хотя Богданов не терял надежды и даже шутил с докторами. Он говорил, что «сражение выиграно» и теперь его «выздоровление прибавит вам, лечащим меня врачам, славы». «Мы должны указать, с каким мужеством переносил А. А. Богданов свои страдания, непрерывно занимался самонаблюдением и тщательно анализировал симптомы болезни до самого момента, пока не потухло сознание, — писал Кончаловский. — Мне в первый раз в жизни пришлось видеть такое мужество и такое стоическое спокойствие перед лицом

смерти».

В статье «Болезнь и смерть А. А. Богданова» подробно описаны методы лечения, которые применялись по отношению к нему. Главным образом они были направлены на борьбу с интоксикацией организма. Три раза применялось кровопускание, так как Богданов жаловался на тяжесть в голове и сильное возбуждение. Под кожу ему вводили глюкозу. Ему прописали специальную диету, которая применяется при тяжелых заболеваниях почек. Применялись слабительные средства и клизмы, а также теплые ванны. Однако эти методы успеха не принесли. 2 апреля его общее состояние начало резко ухудшаться. Временами Богданов впадал в беспамятство. Интоксикация организма все сильнее и сильнее давала о себе знать. 6 апреля, зафиксировал в истории болезни Кончаловский, «с больным произошел типичный эклamптический припадок с прикусом языка и пеной, недержанием мочи и бредом». Пульс стал прерывистым, а иногда вообще «выпадал».

Вечером этого дня медицинский консилиум, в котором принимали участие такие «светила» медицины, как профессора Богомолец, Плетнев, Бурмин, Крамер, признал положение безнадежным и констатировал начало агонии. 7 апреля были обнаружены признаки еще большего ослабления деятельности сердца, «учащенное дыхание с паузами».

Врачи и родственники Богданова решили использовать последний шанс и применить средство, в которое так верил он сам. Ему сделали переливание крови. После него на некоторое время дыхание стало лучше. Однако вскоре состояние Богданова снова резко ухудшилось, и в тот же день, 7 апреля 1928 года, наступила смерть. С ней он боролся 15 дней.

Последние слова, которые произнес Богданов перед смертью, вроде бы сумели расслышать только его жена Наталья и сын Александр, которые находились рядом: «Делайте что должно… Нужно держать до конца…»

«Трагедия крупного ума»

Похороны Богданова состоялись 10 апреля. На сохранившихся фотографиях видны сотни людей, пришедшие проводить его. Это могло бы показаться странным — ко времени своей смерти Богданов был далеко не самым известным человеком в стране, более того, за ним сохранялась репутация «полу-оппозиционера», человека не слишком благонадежного. Тем не менее оказалось, что его помнили и знали. Сын Богданова Александр Малиновский вспоминал, что многие подходили к его матери

Наталье Богдановне Корсак, выражали ей свои соболезнования и плакали. Были, конечно, на похоронах и бывшие пациенты Института переливания крови.

Смерть Богданова не осталась незамеченной партийными и советскими газетами. «Труд» писал 11 апреля 1928 года: «Вчера хоронили А. А. Богданова. В 11 часов утра в здании Института переливания крови, в котором стоял гроб с телом покойного, состоялась гражданская панихида.

По окончании панихиды т. т. Семашко, Пашуканис, Фриче, Дауге, Лебедев-Полянский, Богомолец, Косолапов и Волгин[68] выносят гроб с телом покойного. Траурная процессия растянулась на несколько кварталов.

В крематории перед сожжением тела выступил тов. Луначарский, который в своей речи подчеркнул значение А. А. Богданова как крупнейшего революционера-борца. После краткого прощального слова проф. Богомольца выступил тов. Бухарин.

— В лице тов. Богданова, — сказал он, — с арены жизни сошел один из величайших людей — по широте своего разума, по энциклопедичности своих знаний, по неукротимости и силе своей воли и энергии. Эти его качества заставляют нас преклонить перед ним свои знамена.

По окончании речей, ровно в 14 час[ов], тело А. А. Богданова было предано сожжению».

Некрологи Богданову появились в «Правде», «Известиях», «Труде», «Вестнике Коммунистической академии». Их авторами были известные партийцы — Луначарский, Покровский, Лепешинский. В целом, советская печать отдала Богданову должное и довольно объективно оценила его заслуги в революции и науке. Интересен в этом отношении уже упоминавшийся некролог «Памяти А. А. Богданова», опубликованный в 4-м номере журнала «Под знаменем марксизма» за 1928 год.

Признав, что Богданов умер «геройской смертью мученика науки», ее автор задавался вопросом: «Как это случилось, что один из основателей большевизма, признанный его вождь совместно с В. И. Лениным в 1904–1907 гг., отошел от своей же партии и умер беспартийным? Мало того, его имя связывалось в нашей революции с рядом выступлений противобольшевистского характера».

Пересказав далее биографию Богданова и его основные разногласия с большевиками (арест в 1923 году почему-то не упоминался), автор приходил к выводу, что «отсутствие гибкости, отсутствие чутья действительности и окраска ее в цвет предвзятой идеи, вот что явилось причиной политического самоубийства Богданова». Однако в конце статьи все-таки выражалась уверенность, что русский пролетариат никогда не

забудет его имя «как одного из основателей своей партии и как теоретика».

Известный партийный журналист и литератор Пантелеймон Лепешинский[69] назвал свою статью о Богданове в «Огоньке» очень точно: «Трагедия крупного ума». «Чем дальше отойдет человечество от переживаемой нами эпохи, тем ярче будет сиять созвездие Владимира Ильича Ленина, в котором имя Александра Александровича Богданова никогда не померкнет», — заявил на похоронах нарком просвещения РСФСР Анатолий Луначарский. А «любимец партии» (по выражению Ленина) Николай Бухарин на гражданской панихиде сказал следующее: «Нас пришло сюда несколько человек, несколько старых большевиков. Мы пришли сюда прямо *с* пленума Центрального Комитета нашей партии, чтобы сказать последнее «прости» А. А. Богданову.

Он не был последние годы членом нашей партии. Он во многом — очень во многом — расходился с ней… Я пришел сюда, несмотря на наши разногласия, чтобы проститься с человеком, интеллектуальная фигура которого не может быть измерена обычными мерками. Да, он не был ортодоксален. Да, он, с нашей точки зрения, был «еретиком». Но он не был ремесленником мысли. Он был ее крупнейшим художником. В смелых полетах своей интеллектуальной фантазии, в суровом и отчетливом упрямстве своего необыкновенно последовательного ума, в необычайной стройности и внутреннем изяществе своих теоретических построений Богданов, несмотря на недиалектичность и абстрактный схематизм своего мышления, был, несомненно, одним из самых сильных и самых оригинальных мыслителей нашего времени…

В лице Александра Александровича ушел в могилу человек, который по энциклопедичное™ своих знаний занимал исключительное место не только на территории нашего Союза, но и среди крупнейших умов всех стран. Это — поистине редчайшее качество среди работников революции. Богданов с одинаковой свободой парил на высотах философской абстракции и давал конкретные формулировки теории кризисов… От теории шаровидной молнии и анализа крови до попыток широчайших обобщений «Тектологии» — таков радиус познавательных интересов Богданова. Экономист, социолог, биолог, математик, философ, врач, революционер, наконец, автор прекрасной «Красной Звезды» — это во всех отношениях совершенно исключительная фигура, выдвинутая историей нашей общественной мысли… История, несомненно, отсеет и отберет то ценное, что было у Богданова, и отведет ему свое почтенное место среди бойцов революции, науки и труда. Исключительная сила его ума, бурлившая в нем, благородство его духовного облика, преданность идее

заслуживают того, чтобы мы склонили перед его прахом свои знамена…

Богданов умер поистине прекрасной смертью. Он погиб на поле брани, сражаясь за то дело, в которое верил и для которого он работал.

Трагическая и прекрасная смерть Александра Александровича может быть использована его противниками, чтобы дискредитировать его самоотверженные опыты, чтобы придушить и прикончить самую идею переливания крови, чтобы положить могильный камень на дело, за которое умер этот мученик науки. Этого допустить нельзя! Нельзя позволить тупицам мелкого калибра, мещанам от науки, трусливым и в теории, и в жизни, людям старых дорог, людям, которые никогда и ни при каких условиях не выдумают пороха, использовать физическую смерть Богданова, чтобы умертвить и уничтожить значение его научного подвига…

Богданов умер на посту. И самая смерть товарища Богданова есть прекрасный подвиг человека, который сознательно рисковал своей индивидуальной жизнью, чтобы дать могучий толчок развитию человеческого коллектива.

От группы товарищей и от Надежды Константиновны Крупской я говорю здесь последнее «прости».

Бухарин не ограничился выступлением. Он написал еще некролог в «Правде», в котором отметил, что «мы, его теперешние идеологические противники, должны признать огромный размах мысли покойного, его совершенно исключительную образованность, смелость его обобщающего ума».

Крупская написала жене Богданова записку: «Дорогая Наталья Богдановна, все эти дни думала об Александре Александровиче и о Вас, вспоминала первую встречу с А. А. в Женеве, Куоккалу и свою последнюю встречу с А. А. и Вами. Вспоминаются разговоры разные, разное и важное, и неважное, мелочи всякие, но эти мелочи именно то, что делает человека близким. Крепко Вас обнимаю, Н. К. Крупская».

После гражданской панихиды тело Богданова кремировали в недавно открытом крематории в Донском монастыре. В этом тоже был дух времени — тогда «красное огненное погребение» считалось революционным и прогрессивным способом «утилизации» человеческих останков. «Огонь, испепеляющий огонь! Тебе построен этот храм современности, это огненное кладбище — крематорий», — восторженно писал журнал «Огонек» в декабре 1927 года. А путеводитель «Москва безбожная» отмечал, что «красное огненное погребение» «куда больше впечатляет и удовлетворяет, чем зарытие полупьяными могильщиками под гнусавое

пение попа и дьякона в сырую… землю, на радость отвратительным могильным червям».

Трудно сказать, разделял ли сам Богданов эти убеждения. Скорее, да. В автобиографических заметках он, например, отмечал, что похоронные обряды уже в детстве вызывали в нем «чувство, близкое к злобе: и зачем только эти канительные церемонии, это ноющее пение, которое у всех вытягивает душу, когда и без того тяжело». Он считал, что эти обряды своей «жалостной низостью» иллюстрируют «рабский дух христианства».

Или вот в рассказе Богданова «Праздник бессмертия» «гениальный химик» Фриде, придумавший «эликсир бессмертия», в итоге покончил с собой именно с помощью самосожжения. Тело самого Богданова тоже сожгли, а его мозг отправили для изучения и сравнения с ленинским в Институт мозга.

Урна с прахом Богданова была установлена в стене Новодевичьего кладбища. В 1945 году рядом с ней поместили и урну с прахом его жены — Натальи Богдановны. Она до конца жизни работала в Институте переливания крови и умерла в буквальном смысле на его ступеньках — по дороге на работу. Так что теперь их урны стоят вместе, под одной плитой с выбитой на ней надписью:

```
Богдановы-Малиновские
А. А. 1873–1928
Н. Б. 1865–1945
```

Еще на плите фотография, на которой они сняты совсем молодыми.

Яд и резус-фактор

В чем же была причина того, что произошло с Богдановым? Разнообразные версии появились сразу же после его гибели. Но сначала — о дальнейшей судьбе его партнера по переливанию Льва Колдомасова. 27 марта во время обхода пациентов профессор Кончаловский обратил внимание на молодого человека «с слегка желтушной окраской склер». «На вопрос, кто этот новый больной, мне ответили, что это донор, с которым директор Богданов в субботу (24/III) обменялся кровью», — вспоминал он. Профессор осмотрел больного и констатировал у него «признаки гемолиза с анемией, увеличением селезенки, легкой желтухой и небольшим нефритом».

После «операции» он тоже испытывал озноб, боли во всем теле, температура повышалась до 39,4 градуса, были отмечены признаки нарушения работы почек и печени. Однако потом признаки интоксикации стали ослабевать, и на пятый день после операции Колдомасов выписался из института. После этого его еще несколько раз обследовали, и было очевидно, что состояние его здоровья улучшается. Другими словами, Колдомасов испытал на себе те же последствия «операции», что и Богданов, но в значительно более легкой форме.

Лев Ильич Колдомасов, судьба которого так неожиданно и трагически пересеклась с судьбой Богданова, прожил довольно долгую жизнь. В начале 30-х годов он уехал на работу в Сибирь, где стал известным климатологом и метеорологом. Считается, что он заложил основы прикладной климатологии Западной Сибири. Умер Колдомасов в 1985 году в возрасте 78 лет. После переливания никогда не жаловался ни на туберкулез, ни на здоровье вообще. Он был уверен, что это последствия обменного переливания крови и что именно та роковая для Богданова «операция» превратила его из болезненного юноши во вполне здорового мужчину.

Почему же Колдомасов выздоровел, а Богданов умер? Этот факт еще больше добавлял пищи к слухам, которые появились после смерти директора Института переливания крови. Говорили, например, о том, что он таким образом совершил самоубийство. В самом деле, на первый взгляд его поведение перед переливанием казалось странным. Богданову было уже 54 года, здоровье — не самое лучшее, донор болен туберкулезом, но он все равно идет на «операцию», не ставя в известность врачей. И не обращается к ним в первые дни после нее. Были ли у Богданова причины для самоубийства? Тут как посмотреть. Ему, конечно, не могла нравится обстановка в стране. Да и в его институте тоже. Два года борьбы с интриганами, доносчиками или «комиссарами», «сброшенными» в институт «сверху», постоянная нервотрепка…

Лепешинский в «Огоньке» намекал на то, что Богданов мог совершить «замаскированное самоубийство», считая, что он мог поступить так же, как и герои его фантастических романов (инженер Мэнни из одноименного романа или тот же химик Фриде из «Праздника бессмертия»), которые «грешили иногда склонностью к ликвидации своей жизни в минуты уныния и тоски». Или вот герой его стихотворения «Марсианин, заброшенный на Землю» тоже размышлял:

И выбор тяжелый: уйти ли из жизни,

Где все оскорбляет мой взгляд,
С мечтою о дальней прекрасной отчизне,
Где братство и разум царят?

«Быть может, — писал Лепешинский, — и сам автор утопии сравнительно легко расценивал то благо, которое называется жизнью… И если стены института по переливанию крови стали свидетелями таинственной богдановской драмы, то это, может быть, объясняется тем, что наш «марсианин», увидевший своим просветленным оком новую красоту завтрашнего дня, не мог уже чувствовать себя по-мещански благополучным россиянином в этом старом мире».

Конечно, сложно спорить с тем, что в утопиях Богданов отразил свои личные переживания и мысли, но это, равно как и сложная обстановка в институте, еще на дает серьезных оснований говорить о его самоубийстве. И самый главный аргумент против этой версии состоит в том, что, если бы Богданов всерьез хотел свести счеты с жизнью, он бы выбрал какой угодно способ, но не обменное переливание крови. Так, в частности, потом считала и его вдова Наталья Богдановна. Он не стал бы своей гибелью бросать тень на идею переливания крови, которую вынашивал буквально всю жизнь и в которую так верил. Нет, сознательно пойти на это он не мог. Другое дело, что Богданов, конечно, рисковал, но это уже другой вопрос.

Была еще версия убийства. Ее вроде бы разделял и сын Богданова Александр Малиновский. Она состоит в том, что одна из сотрудниц института, врач Комисарук, якобы подлила в консервирующий раствор некий яд. Обычно говорят, что это был хлорат калия (бертолетова соль). Ходили слухи, что у постели Богданова потом даже нашли пузырек из-под этого препарата.

Комисарук одно время являлась секретарем партийной ячейки института. Репутация у нее была не очень хорошей — ранее ее подозревали в фальсификации результатов определения группы крови. Существует версия, что, будучи противником Богданова, она старалась таким образом сорвать работу института. Но убийство — это уже дело совсем другого калибра. Нужно было иметь очень веские основания, чтобы решиться на это, и уверенность в том, что тебя не разоблачат. Именно поэтому в версии об убийстве Богданова часто предполагается, что Комисарук действовала по указанию свыше и что трагедия с Богдановым была подготовлена то ли в ОГПУ, то ли даже в Кремле.

Возможно, на возникновение этих слухов повлиял и «исторический

фон», в частности, смерть наркомвоенмора СССР Михаила Фрунзе. Он скончался в больнице после операции язвы желудка 31 октября 1925 года. В следующем году Борис Пильняк в своей знаменитой «Повести непогашенной луны» подробно описал, как полководец Гражданской войны пытался всех убедить, что он здоров, но «человек № 1» убедил его лечь на операцию, с которой он уже не вернулся живым. Кстати, журнал «Новый мир» с повестью Пильняка изъяли из продажи.

Были в то время и другие случаи смерти прославленных революционеров — убийство Григория Котовского, автоавария, в которой погиб известный боевик Камо, несчастный случай заместителем Троцкого по Реввоенсовету с Эфраимом Склянским (он утонул в озере в США, где находился в командировке). Все эти происшествия остались в истории как «странные и подозрительные» — не раз возникали дискуссии о причастности к ним тогдашнего советского руководства. Смерть Богданова, пожалуй, тоже останется в их числе, хотя никаких прямых доказательств того, что он был убит, до сих пор еще нет.

А Комисарук после смерти Богданова работала в Институте экспериментальной биологии, ездила в экспедиции в Среднюю Азию, «твердо проводила партийную политику» в науке и участвовала в борьбе против генетики, развернувшейся в СССР в 30-е годы. Таких людей среди советских научных работников было много, но ее имя уже в постперестроечную эпоху попало даже в различные «художественно-документальные» произведения, посвященные трагедии Богданова. Роль ей там отводят, прямо скажем, незавидную. Например, в рассказе Евгении и Ильи Халь «Пламя буревестников» воспроизводится даже встреча Комисарук со Сталиным, на которой «вождь» и прямо высказывает пожелание устранить Богданова.

«В дверь кабинета постучали. Охранник пропустил вперед женщину и закрыл дверь. Женщина нерешительно сделала шаг вперед и остановилась, но Коба не спешил с предложением присесть.

— Как вам работается у Богданова, товарищ Комисарук?

— Хорошо, Иосиф Виссарионович, спасибо […]

— А вы читали его роман «Красная звезда?»

— Нет.

— Ну, ничего, будет время — посидите… — он сделал паузу, и женщина побелела. Насладившись произведенным эффектом, Коба закончил фразу: — почитаете. Я, собственно, почему спросил: мне в последнее время кажется, что товарищ Богданов устал и выглядит неважно. Так, может быть, мы его отправим отдохнуть? На Красную Звезду… —

Коба остановился перед женщиной, глядя на нее в упор. По ее виску медленно поползла струйка пота.

— А вы его проводите. Я надеюсь, дорогу знаете?

— Да, товарищ Сталин, — прошептала женщина.

— И как провожать будете?

— Лучше всего бертолетова соль, товарищ Сталин, хлорат калия, который вызовет гемолиз — разрушение клеток крови. Она станет прозрачной, как бы лаковой, потому что потеряет гемоглобин. И все это можно списать на малярию донора.

— Хорошо, идите.

Комисарук вышла. Коба отпил еще вина, поднял бокал, рассматривая вино на свету, а потом плеснул в бокал воды из графина.

— Кровь — не водица… — прошептал он».

Страшно, нечего сказать. Но малоубедительно. Хотя, конечно, Сталин и Комисарук здесь всего лишь литературные, а не исторические персонажи.

«Какая «марсианская» драма!»

Если же не придерживаться конспирологии, то наиболее распространенная версия, которую сегодня разделяют и многие гематологи, состоит в несовместимости резус-факторов крови, о которой в 1928 году еще не имели представления. Только спустя 12 лет после смерти Богданова американские ученые обнаружили в крови обезьяны макаки-резус неизвестный ранее антиген.

Позже было установлено, что он имеется и в крови у примерно 85 процентов населения Земли. Этих людей стали называть резус-положительными. Остальные же 15 процентов, у которых его нет, — резус-отрицательными. Выяснилась еще одна довольно неприятная вещь. Если в кровь резус-отрицательного человека добавить кровь резус-положительного, его организм начнет активно вырабатывать антитела. Чем больше переливаний — тем больше антител будет вырабатываться, и в конце концов этот конфликт резус-факторов приведет к разрушению крови.

Скорее всего, Колдомасов принадлежал к резус-положительному «большинству», а Богданов — к тем 15 процентам жителей Земли, у которых резус-фактор был отрицательным. За 11 предыдущих переливаний крови его организм уже выработал большое количество антител, так что 12-я «операция» стала роковой.

Почему же выжил Колдомасов? Ну, во-первых, это было только первое

его переливание, а во-вторых, его более молодой, чем у Богданова, организм смог справиться с возникшей критической ситуацией. Наконец, сын Богданова Александр Малиновский рассказывал, что его отец, уже после ухудшения своего состояния, попросил оказать помощь в первую очередь Колдомасову, а в отношении его самого пока ограничиться наблюдением, так как это может иметь значение для науки.

Так что, скорее всего, то, что произошло с Богдановым, было трагедией и несчастьем, но вряд ли убийством или самоубийством. Сегодня его бы однозначно спасли. Для этого нужно было прибегнуть к гемодиализу (аппарату «искусственная почка»). Но в 1928 году такого оборудования еще не существовало.

Трудно не согласиться все с тем же Лепешинским: «Какая великая, флоуресценцирующая в сумерках нашего предрассветного периода «марсианская» драма! Какой красивый, какой-то странно звучный заключительный аккорд этой драмы!»

Тринадцатого апреля 1928 года имя Богданова было присвоено Государственному институту гематологии и переливания крови.

Но вряд ли стоит сомневаться, что если бы Богданов пережил свое 12-е переливание крови, он наверняка бы погиб в 30-х годах. Человек с репутацией «ревизиониста», который «во многом расходился с партией», полемизировал с Лениным и открыто считавший советский социализм «неправильным», вряд ли имел шанс остаться нетронутым во время Большого террора.

С одной стороны, в 30-е годы о погибшем Богданове вспоминали мало. С другой — в энциклопедиях и словарях он упоминался с неизменным эпитетом «ревизионист», который «боролся против марксизма». В «Кратком курсе ВКП(б)» вообще говорилось о том, что Богданов критиковал марксизм «не открыто и честно, а завуалированно и лицемерно под флагом защиты основных позиций марксизма».

В области «марксистско-ленинской философии» шла ожесточенная борьба с «богдановщиной». Борьба с ней как с «теоретической основой правого уклона в партии» (то есть с группой Николай Бухарина, Алексея Рыкова, Михаила Томского) была объявлена «актуальной задачей», а на XVI съезд ВКП(б) в июле 1930 года «богдановщину» определили как «идеалистическую фальсификацию марксизма, смыкающуюся с реакционной буржуазной наукой».

В 1937 году Институт философии АН СССР подготовил книгу доктора философских наук профессора Алексея Щеглова[70] «Борьба Ленина с богдановской ревизией марксизма». Автор доказывал, что взгляды

Богданова — это один из источников теорий, распространявшихся в СССР «буржуазными реставраторами», «контрреволюционными троцкистами» и правыми (Бухариным, Рыковым и др.), и призывал «развеять в прах все и всякие богдановско-бухаринские реставраторские, буржуазные «теории», являющиеся орудием фашистской контрреволюции в борьбе против победившего в СССР социализма».

Примерно в это же время фамилия Богданова исчезла из названия Института переливания крови[71]. Его работы не переиздавались и были отправлены в библиотечные спецхраны, где находились до конца 80-х годов, когда интерес к ним и их автору вновь возник.

«В досоциалистические времена, — писал Богданов в «Красной звезде», — марсиане ставили памятники своим великим людям, теперь они ставят памятники только великим событиям». Что же, таким памятником ему самому стала возникшая во многом благодаря «коммунисту с Марса» советская служба переливания крови, ставшая вскоре одной из лучших в мире. Это было почти по-марсиански. Ведь долго мало кто помнил, что она брала свое начало в богдановских мистических и утопических размышлениях о тайнах крови, коммунизме на Марсе, «красной звезде», «всеобщем братстве» на крови и общем будущем Земли и Марса:

Когда человечество, кончив блужданья,
Задачи решенье поймет
И к высшей гармонии — жизней слиянью
Дорогой прямою пойдет.
Тогда, победивши пространство и время,
Стихии и смерть поборов,
Две расы сольются в единое племя
Строителей новых миров.

Лев КАМЕНЕВ

ЗАБЫТЫЙ «КРАСНЫЙ ПРЕЗИДЕНТ»

Вскоре после того, как в Москве в последние дни 1979 года открылась станция метро «Марксистская», появился такой анекдот: нужно было произнести, подражая металлическому голосу диктора метрополитена, объявляющего остановки: «Станция «Марксистская». Переход на троцкистско-зиновьевскую линию». Тогда эта шутка казалась очень смешной и острой. Почти каждый советский человек знал (или по крайней мере слышал), что «троцкистско-зиновьевская линия» — это что-то нехорошее и враждебное, с чем вроде бы боролся Ленин, называвший то ли Льва Троцкого, то ли Григория Зиновьева, то ли сразу обоих «политическими проститутками», а потом и все «правильные» советские продолжатели дела Ильича.

Льву Каменеву «не повезло»: его фамилия не фигурировала даже в названии этой «вражеской линии», как вообще в политическом, так и в конкретно анекдотическом смысле. Долгое время о нем вообще вспоминали не слишком часто, даже когда ругали бывших оппозиционеров в учебниках по истории КПСС. И то в основном как о «сателлите» Зиновьева. Даже в перестройку, когда о вычеркнутых из официальной истории, расстрелянных и умерших в лагерях большевиках «Ленинской гвардии» заговорили снова, Каменев по-прежнему чаще всего упоминался в тандеме с Зиновьевым, причем создавалось впечатление, что он большей частью как-то робко выглядывал из-за плеча своего «политического и духовного наставника» и всегда шел у него на поводу.

На самом деле это не так. Лев Каменев — крупнейшая, хотя и весьма своеобразная фигура в истории русской революции и в лагере приверженцев «красной идеи». Противники большевиков не зря видели в нем альтернативу Ленину. Но при этом он считался одним из ближайших соратников и возможных преемников Ильича. Именно он в октябре 1917 года стал самым первым главой нового Советского государства. Именно он, говоря современным языком, восемь лет был советским мэром Москвы. Именно он еще при жизни Ленина издавал его работы и — во многом —

создавал его культ. Именно он председательствовал на партийных съездах 20-х годов и именно по его инициативе Сталин был избран генеральным секретарем ЦК. Наконец, такой малоизвестный факт — именно Каменев стал одним из первых авторов советской серии «ЖЗЛ», восстановленной в СССР Горьким в 1933 году.

Каменев был человеком с собственными, хотя и не бесспорными убеждениями. Он не боялся их высказывать во время споров с Лениным, Троцким или Сталиным. Некоторые считали, что не Зиновьев, а он играл первую скрипку в их тандеме, хотя со стороны это было не заметно. Когда уже в 30-х годах Каменева арестовали, то на одном из допросов, пока его не сломали совсем, он сказал следователю: «Вы же знаете, что я не такого типа человек, что, если бы у меня было желание выступить против политики партии, я бы сидел и молчал». Это следователь наверняка и сам прекрасно знал.

Каменев действительно не раз «выступал против политики партии». Будучи при этом, как утверждали знавшие его современники, лишенным жажды личной власти, известности и политического честолюбия. Возможно, поэтому его судьба оказалась вдвойне горькой. Все свои битвы он проиграл. И был не только уничтожен, но и надолго забыт. Оставшись в истории лишь в густой тени своего друга-союзника Зиновьева. Даже анекдотов о нем почти не рассказывали.

«Мы только тень борцов»

Лев Борисович Каменев родился 6 июля 1883 года в Москве. Сразу же нужно отметить два примечательных момента, связанных с его появлением на свет.

Во-первых, среди самых известных руководителей большевиков он был редким представителем «столичных уроженцев». Ленин — из Симбирска, Троцкий — из Херсонской губернии, Зиновьев — практически земляк Троцкого (он родился в городе Елисаветграде), нарком иностранных дел Чичерин — из Тамбовской губернии, нарком просвещения Луначарский — из Полтавы, Свердлов — из Нижнего Новгорода, Калинин — из Тверской губернии, Рыков — из Саратова, Дзержинский и Сталин — вообще представители «национальных окраин». Среди тех, кто стоял на самом верху советской иерархической лестницы, только Каменев и Николай Бухарин, будущий «любимец партии», родились в Москве. Да еще Виктор Ногин — первый советский нарком торговли и промышленности.

Во-вторых, «Каменев» — это, разумеется, «революционный» псевдоним. Настоящая его фамилия — Розенфельд. Об этом всегда помнили противники коммунистов, при каждом удобном случае напоминавшие о том, что среди их лидеров было много евреев. Но что касается непосредственно Каменева, то здесь вопрос не такой уж простой.

Отцом Каменева был Борис Иванович Розенфельд, еврей по рождению, принявший православие. С переходом в «титульное вероисповедание» Российской империи он, соответственно, получил и все права ее гражданина, в том числе и право на свободное обучение в столичных высших учебных заведениях (для получения высшего образования молодежь иудейского вероисповедания ограничивали за пределами черты оседлости пятипроцентной нормой, а в обеих столицах — вообще только трехпроцентной).

Борис Розенфельд окончил весьма престижный Петербургский технологический институт. По некоторым сведениям, он был однокурсником народовольца Игнатия Гриневицкого, бросившего 1 марта 1881 года под ноги царю Александру II и убившего ею и его, и себя, и тоже посещал радикальные студенческие кружки. Вроде бы в этой, как бы сейчас сказали, «тусовке» Борис Розенфельд познакомился и со своей будущей женой — слушательницей Бестужевских высших курсов в Петербурге, названных так по имени их учредителя и первого директора

историка Константина Бестужева-Рюмина. Открытые в 1878 году, курсы были известны тем, что на них записывали не только мужчин, но и женщин. Слушательниц называли «бестужевками». Они поженились и переехали в Москву. Борис работал машинистом на Московско-Курской железной дороге, его супруга — давала частные уроки. Вообще-то машинист — странное занятие для выпускника престижной «техноложки». Что-то, вероятно, заставило его взяться за эту работу. Может быть, нужда, а может быть, и желание «уйти в тень» после того, как его однокурсник убил царя и среди студентов начали проводить «чистки» и брать их «на карандаш».

Потом, когда молодого революционера Льва Розенфельда задерживала полиция, он, отвечая на вопрос о своей национальности, неизменно отвечал, что является русским. Что, в общем-то, так и было. Формально его семью можно назвать смешанной — отец еврей-выкрест, мать — русская, но фактически он рос в атмосфере русской культуры и образа жизни, свойственного для русской интеллигенции.

Его отец был горячим почитателем Льва Толстого и, по одной из версий, назвал своего старшего сына именно в его честь. В семье воспитывались еще трое младших сыновей — Александр (умер от тифа в 1905 году), Николай (расстрелян вскоре после казни самого Каменева) и Евгений (его судьба точно не известна, но, скорее всего, он тоже погиб в годы Большого террора).

В конце 80-х годов XIX века их семья переехала из Москвы в провинциальную глухомань — на станцию Ландварово недалеко от Вильны[72]. Там Борис Розенфельд получил место главного инженера в Акционерном обществе Ландваровского проволочно-гвоздильного завода братьев Фрумкиных. Причина переезда тоже не очень понятна. Скорее всего, он объяснялся стремлением отца будущего Каменева сделать карьеру — все-таки главный инженер, хотя и в провинции.

В Ландварове Лева Розенфельд провел детство. Его друзьями были дети рабочих. Даже когда он был определен во 2-ю Виленскую гимназию, то, приезжая на каникулы, и по желанию отца, и по «собственному хотению» работал в столярной и слесарной мастерских завода.

В 1896 году Борис Розенфельд получил назначение на Закавказские железные дороги в Тифлис, куда и переехал со всей семьей. Он занимался перевозками нефти и нефтепродуктов и вскоре превратился в весьма состоятельного и уважаемого человека. В 1904 году его доход составлял, например, шесть тысяч рублей в год. Семья жила в собственном доме, старшие дети посещали гимназию.

Льва Розенфельда больше интересовали в гимназии гуманитарные науки. А вот занятия по Закону Божьему он прогуливал (впрочем, рассказы об этом относятся уже к советскому времени). Был в гимназии и литературный кружок, в котором в начале XX века начали почитывать и нелегальные марксистские сочинения.

В 1901 году Лев окончил гимназию. Он собирался поступать в университет, но из гимназии был выпущен с плохим баллом по поведению (после революции утверждалось, что как раз за участие в революционных кружках), а с ним университетское обучение было практически невозможным. Отец хлопотал за него у министра народного просвещения Николая Боголепова, и тот разрешил Льву поступить на юридический факультет Московского университета. В том же 1901 году он уехал в Москву.

«Студенческая революция»

В Москве Лев Розенфельд снял комнату вблизи Арбата. До университета на Моховой ему можно было ходить пешком. Но похоже, что лекции и семинары для него быстро ушли на второй план.

В студенческой среде тогда чувствовалось явное недовольство существующими порядками. И не только общими, но и более частными, которые касались именно студентов. Еще со времен Александра III правительство повело решительное наступление на их права и привилегии. Император — и во многом справедливо — считал, что именно студенчество является тем «физиологическим раствором», в котором в России вызревают радикально-революционные идеи. В первые годы правления Николая II этот курс, в принципе, сохранялся.

В 1898 году министром народного просвещения стал выпускник юридического факультета Московского университета Николай Боголепов. Тот самый, который помог Льву Розенфельду попасть в университет. Боголепов старался улучшить материальное положение студентов — именно при нем в России начали строиться казенные общежития для них. Он добился государственного финансирования для строительства новых зданий Московского университета, в частности астрономической обсерватории. При Боголепове в Москве тоже открылись Высшие курсы, на которые могли записывать женщин — раньше они существовали только в Петербурге.

При этом министр пытался жесткими мерами искоренить в рядах

студентов любое проявление радикализма. В феврале 1899 года произошли серьезные волнения среди студентов Петербургского университета. Начатую ими забастовку поддержали 17 высших учебных заведений столицы, в том числе и духовные. Через несколько дней забастовка охватила практически все высшие учебные заведения России, в ней принимали участие около 25 тысяч студентов. Власти ответили репрессиями: участники забастовки были исключены из университетов, а 2160 человек выслано.

В июле 1899 года Боголепов ввел так называемые «временные правила», которые давали право администрации сдавать студентов в солдаты — «за дерзкое поведение, за грубое неповиновение начальству, за подготовление беспорядков или производство их скопом в стенах заведений и вне оных». В начале 1901 года за участие в студенческих беспорядках были отданы в солдаты 183 студента Киевского, а затем 28 студентов Петербургского университетов. В ответ на это во многих университетских городах произошли демонстрации и «забастовки сочувствия». 14 февраля 1901 года в Боголепова стрелял 27-летний революционер Петр Карпович. Покушение произошло прямо в приемной министра. Карпович, пришедший туда под видом просителя, подождал, пока Боголепов повернется к нему спиной, выхватил револьвер и выстрелил ему в шею. Министр умер через две недели от заражения крови, а террориста приговорили к «лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы на 20 лет»[73].

Выстрел Карповича явно напугал власти. Уже 5 июня 1901 года вышел царский указ, по которому отправленные в солдаты студенты были возвращены в университеты. Новый министр просвещения генерал Петр Банковский создал специальную комиссию, которая начала изучать жалобы студентов, и в конце 1901 года были объявлены новые правила, по которым им разрешалось организовывать землячества, организации, выбирать курсовых старост, устраивать научно-литературные кружки, столовые, кассы взаимопомощи и т. д. Однако все это было обставлено многочисленными оговорками, и студенты все равно остались недовольны. Да и к тому же студенческие волнения уже вышли за «академические рамки», они все больше и больше приобретали характер политического протеста. В том числе и самого крайнего.

Второго апреля 1902 года 22-летний студент Киевского университета социалист-революционер Степан Балмашёв убил министра внутренних дел Дмитрия Сипягина. Одетый в мундир адъютанта, он пришел в Государственный совет, где находился министр, и сказал, что ему якобы

надо передать важный пакет с документами. Когда Сипягин взял пакет, Балмашёв выстрелил в него в упор пять раз. На допросе террорист заявил, что террористический способ борьбы он считает бесчеловечным и жестоким, но этот способ «является неизбежным при современном режиме». Балмашёв был приговорен к смертной казни, отказался подать прошение о помиловании и был повешен 3 мая 1902 года.

Девятнадцатилетний студент юрфака Московского университета Лев Розенфельд тоже был захвачен бурными событиями «студенческой революции» тех лет. Уже через несколько месяцев после поступления его выбрали представителем курса в совете Союза студенческих землячеств (в Москве он объединял 43 землячества и устраивал кассы взаимопомощи, библиотеки, кружки для саморазвития и т. д.). Когда его руководители были арестованы полицией, он участвовал в организации нового совета. По его поручению ездил в Петербург для установки связи с питерскими студентами. Написал несколько воззваний, некоторые даже в стихах. Они не сохранились, но некоторые из анонимных стихотворных образцов тогдашней студенческой «протестной литературы» до нас все-таки дошли. Например такие:

Мы — не борцы. Мы только тень борцов,
Упавшая от солнца за горами,
Мы лишь гонцы грядущих в мир творцов,
Богатых мыслию и знаньем и дарами;
Мы только ласточки, оставившие юг,
Чтоб возвестить природы обновление,
Мы только весть несем, что кончился недуг
И что врачи сулят больной выздоровление.

Не исключено, что и молодой Каменев тоже писал что-то подобное. 13 марта 1902 года стал одним из организаторов студенческой демонстрации на Тверском бульваре. Она оказалась немногочисленной — по данным полиции, в ней приняли участие не более тридцати человек. Однако на ней распространялись листовки с политическими лозунгами. Полиция окружила студентов и арестовала их. Одну из листовок нашли и у Розенфельда. Он утверждал, что интересуется исключительно тем, что касается учебы, а листовку взял только потому, что их раздавали в университете, но ему не поверили и присудили к шести месяцам административного ареста.

Его отправили сначала в Бутырскую тюрьму, затем — в Таганку. Однако весь срок он не отсидел. Вскоре его выслали в Тифлис под надзор полиции без права обратного поступления в университет. Возможно, что за начинающего революционера снова хлопотал его отец.

«Прошу Вас не оставлять литературной работы»

Отец позаботился о нем и в Тифлисе: высланного студента взяли на работу в управление Транскавказской железной дороги. Полиция, судя по всему, его «опекала» не так уж и сильно. Молодой Каменев помимо работы тут же занялся нелегальной политической деятельностью: он вел социал-демократическую пропаганду среди железнодорожников и сапожников, обслуживавших офицерское общество. По некоторым данным, он нелегально ездил в Петербург, а осенью 1902 года вообще отправился за границу. Причем по своим документам. Ничего удивительного — как показывала практика, царский режим (в отличие от будущего советского) часто проявлял странную безалаберность по отношению к своим политическим противникам.

Характерная история произошла, например, всего двумя годами раньше с Лениным. В феврале 1900 года, после того как закончился срок его трехлетней ссылки в селе Шушенском, он приехал к новому месту жительства в Псков. И вскоре обратился к властям с ходатайством выдать ему заграничный паспорт. Ленин находился под надзором полиции, продолжал вести нелегальную работу, об этом было прекрасно известно полиции, но паспорт ему все равно выдали в установленный законом срок. Через некоторое время Ильич нелегально отправился в Питер (хотя не имел права находиться в столицах). Там его арестовали. У Ленина были социал-демократические листовки, но растяпы-жандармы на них не обратили никакого внимания. После десятидневной отсидки его отпустили и отправили в Подольск, где жила тогда его мать.

В официальной советской биографии Ленина последующие события описывались так: исправник Подольского уезда, «узнав, что у прибывшего имеется заграничный паспорт, самовольно решил его отобрать. Владимир Ильич пригрозил самодуру-исправнику, что пожалуется на его беззаконные действия в Департамент полиции. Угроза подействовала (над чем потом Владимир Ильич долго смеялся): струсивший исправник почтительно возвратил паспорт его владельцу… В июле 1900 года Ленин уезжает за границу». Действительно, есть над чем посмеяться. С ВЧК такой номер

точно бы не прошел.

Итак, в конце 1902 года Лев Розенфельд оказался в Париже — одном из самых крупных в то время центров революционной эмиграции. «Революционные организации вели жестокую борьбу друг с другом за влияние на студенчество», — вспоминал оказавшийся в Париже в то же самое время Лев Троцкий. Социал-демократы, эсеры, «экономисты», считавшие, что рабочие должны прежде всего бороться за улучшение условий своего труда, быта и т. д., яростно спорили между собой на собраниях, выступали с докладами («рефератами»), Каменев, как и многие другие студенты, еще в Москве читал нелегальную социал-демократическую газету «Искра», а в Париже получил возможность познакомиться и с людьми, которые ее издавали — Юлием Мартовым, Лениным и др. Состоялось также знакомство с Троцким и его младшей сестрой Ольгой, которая потом станет женой Каменева. С Ольгой он встретился на собрании, посвященном пятилетию основания Бунда — Всеобщего еврейского рабочего союза в Литве, Польше и России — еврейской социал-демократической партии.

Мало что можно сказать о его отношениях с этими видными деятелями русской социал-демократии в Париже. Каменев вспоминал, что они были дружескими, и он даже иногда давал свой «чистый» паспорт будущему политическому противнику Мартову, чтобы тот имел возможность без лишних проблем ездить в Германию. Но ни Троцкий, ни жена Ленина Надежда Крупская ни упомянули в своих мемуарах о девятнадцатилетнем Льве Розенфельде, с которым встречались в столице Франции в конце 1902 года.

В Париже он написал несколько статей для «Искры» о студенческом движении. Кстати, именно в 1902 году он вступил и в Российскую социал-демократическую рабочую партию (РСДРП), по крайней мере такую дату он указывал позже, когда, например, регистрировался в качестве делегата на партийных съездах. Впрочем, партии как таковой фактически еще не было, существовали весьма разрозненные социал-демократические кружки и организации в России и за границей, которые были довольно слабо связаны между собой.

Узнав, что редакция «Искры» вместе с Лениным переезжает из Лондона в Женеву, Каменев тоже отправился в Швейцарию и провел там несколько месяцев. Там он в первый раз выступил с собственным «рефератом» — против «легальных марксистов»[74]. Скорее всего, именно в Швейцарии Лев познакомился и с еще одним человеком, с которым «в паре» ему будет суждено остаться в истории и прожить последние минуты

жизни. Григорий Евсеевич Радомысльский, взявший себе псевдоним «Зиновьев», был ровесником Розенфельда, участвовал в работе социал-демократических кружков, эмигрировал, некоторое время учился в Бернском университете. Там же он познакомился и с Лениным.

В июле — августе 1903 года сначала в Брюсселе, а потом в Лондоне проходил II съезд РСДРП. Именно на нем и возникли течения большевиков и меньшевиков, которые со временем превратятся чуть ли не в смертельных врагов. Иногда встречаются утверждения, что и Каменев присутствовал на съезде, но это не так. В списках делегатов (43 человека с 51 решающим голосом, так как некоторые из них имели по два голоса, и 14 с совещательным) он не значится, да и опыта работы у двадцатилетнего социал-демократа было не очень много, чтобы выбирать его делегатом.

В сентябре 1903 года он был уже в России. Сначала попытался восстановиться в Московском университете, но получил отказ. Затем уехал в Тифлис, участвовал там в организации забастовки железнодорожников. В ночь с 5 на 6 января 1904 года полиция нагрянула к нему с обыском, но, судя по всему, ничего не нашла. Но на всякий случай Лев Розенфельд снова отправился в Москву, где работал пропагандистом в московском комитете РСДРП.

Полиция внимательно следила за деятельностью комитета и в феврале 1904 года арестовала многих из его активистов, в том числе и Розенфельда. Его поместили в московскую окружную тюрьму. К этому времени он уже поддерживал большевиков, во всяком случае, в тюрьме им была написана работа с критикой позиции новой редакции «Искры», оказавшейся под влиянием меньшевиков. Она ходила в тюрьме по рукам «политических», но потом куда-то затерялась, и ее текст до нашего времени не дошел. По некоторым данным, именно ее он впервые подписал псевдонимом «Каменев».

В тюрьме Розенфельд просидел пять месяцев и вышел на свободу 15 июля. Его освобождению опять-таки способствовали хлопоты родителей. Мать внесла за Льва залог в тысячу рублей, а отец пообещал выплачивать ему 35 рублей в месяц, с условием, что он возьмется за ум и начнет жить как «все приличные люди». Он действительно попытался снова продолжить образование и поступить в Юрьевский университет, но ему и на этот раз отказали. Департамент полиции прислал на «бывшего студента Розенфельда» далеко не самую блестящую в политическом отношении характеристику: «Бывший студент Московского университета Лев Борисов Розенфельд, по имевшимся сведениям, по возвращении своем из-за границы… поселился в гор[оде] Москве, где, после арестов видных

деятелей Московской социал-демократической организации, занялся формированием групп опытных пропагандистов социал-демократических идей. Организованная им группа присвоила себе наименование группы социал-демократов и, заведя сношения с рабочей средой, усиленно стала агитировать за устройство 19 февраля с [его] г[ода] уличной политического характера демонстрации. Изложенные сведения о Розенфельде послужили основанием к привлечению его при Московском губернском жандармском управлении к дознанию о названной выше противоправительственной группе. По обыску у Розенфельда отобрана компрометирующая его в политическом отношении переписка. На допросе, не признавая себя виновным, Розенфельд отказался от дачи каких-либо объяснений».

Формально полицейские чиновники не могли запретить университету принять подобного студента, но указывали, что вся ответственность за его поведение ложится на само учебное заведение. В такой ситуации университетское начальство предпочло не рисковать.

Розенфельду было предписано жить в Калуге или в Тифлисе. Он решил вернуться на Кавказ. В 1903 году в Тифлисе был создан Кавказский союзный комитет РСДРП, издававший нелегальные газеты «Брдзола» («Борьба») и «Пролетариат». Лев Розенфельд, которому тогда только-только исполнился 21 год, стал членом этого комитета. Он вел пропагандистскую работу, выступал на митингах и т. д. На Кавказе тогда тоже начинались дискуссии между большевиками и меньшевиками. В местном союзном комитете состояли будущие видные представители обоих течений: например меньшевик Ной Жордания или большевики Степан Шаумян, тот же Каменев, Симон Тер-Петросян (Камо) и, наконец, сам Сталин. Что касается Сталина, то с начала 30-х годов официальная советская историография утверждала, что именно он в 1904 году, после возвращения из сибирской ссылки, встал во главе комитета и сыграл решающую роль в том, что он поддержал большевиков. С этим спорил Троцкий, к тому времени уже высланный из СССР. Он писал, что главной фигурой в Кавказском комитете в тот момент был молодой Каменев, и «возможно, что именно Каменев, только что прибывший из-за границы, содействовал обращению Кобы в большевизм. Но имя Каменева подверглось изгнанию из истории партии за несколько лет до того, как сам Каменев был расстрелян по фантастическому обвинению».

Троцкий приводил также слова Виктора Таратуты, ставшего потом членом ЦК и сыгравшего весьма пикантную роль в истории с получением для партии денег известного русского фабриканта-миллионера Саввы Морозова[75]. Таратута, тоже работавший на Кавказе, рассказывал: «На

Кавказской областной конференции в конце 1904 года или в начале 1905 года… я впервые встретил и т[оварища] Каменева Льва Борисовича, в качестве руководителя местных большевистских организаций. На этой областной конференции т[оварища] Каменева выбрали в качестве разъездного по всей стране агитатора и пропагандиста за созыв нового съезда партии, причем ему же было поручено объезжать комитеты всей страны и связаться с нашими заграничными центрами того времени». По мнению Троцкого, это еще одно доказательство того, что именно Каменев был самой значительной фигурой среди большевиков на Кавказе.

Кстати, в это время его всерьез заметил и Ленин. Ему очень понравилась статья молодого социал-демократа с Кавказа «Военная кампания «Искры», и в связи с ней он 14 декабря 1904 года отправил ему письмо. Ленин просил его писать почаще и принять участие в новом органе большевиков, который они вскоре начнут издавать. «Мне кажется, — отмечал он, — что Ваша статья несомненно свидетельствует о литературных способностях, и я очень прошу Вас не оставлять литературной работы». Дальше Ленин просил Каменева как можно скорее ответить на его письмо, завязать с большевиками «н е п о с р е д с т в е н н ы е [разрядка Ленина. — *Е. М.*] письменные отношения, регулярнейшую переписку» и написать «о местных делах».

Еще в октябре 1903 года Ленин вышел из редколлегии «Искры», которая оказалась под влиянием его оппонентов-меньшевиков, и теперь хотел провести новый, исключительно большевистский съезд и начать издавать большевистскую газету.

Союзный Кавказский комитет примкнул к большевикам. Видимо, роль Льва Розенфельда в этом решении была действительно велика — именно его комитет делегировал в качестве своего представителя в созданный большевиками руководящий орган — Бюро комитетов большинства. Он ездил по стране, выступал на заседаниях социал-демократических организаций и агитировал на созыв съезда. Писал он и в новый большевистский орган — газету «Вперед».

Третий съезд партии начал свою работу в Лондоне 12 апреля 1905 года. Открывал его старейший делегат (ему было 50 лет), представитель Кавказа Миха Цхакая. Крупская вспоминала: «С Кавказа приехало четверо: Миха Цхакая, Алеша Джапаридзе, Леман и Каменев. Мандата было три. Владимир Ильич допрашивал: кому же принадлежат мандаты, — мандатов три, а человека четыре?…Миха возмущенно отвечал: «Да разве у нас на Кавказе голосуют?! Мы дела все решаем по-товарищески. Нас послали четырех, а сколько мандатов — не важно».

Согласно протоколам съезда Каменев выступал в прениях по вопросу о вооруженном восстании и при обсуждении проекта резолюции об отношениях в социал-демократических организациях между рабочими и интеллигентами. Что касается второго выступления, то оно интересно тем, что Каменев (правда, тогда он значился под другим, не менее звучным псевдонимом — Градов) в нем открыто полемизировал с Лениным, Красиным и Луначарским, которые выступали за принятие резолюции. Каменев же, по его словам, вообще не понимал, зачем ее принимать. «Я должен решительно высказаться против принятия этой резолюции, — говорил он. — Этого вопроса как вопроса об отношении между интеллигенцией и рабочими *в партийных организациях* не существует. (**Ленин**. Существует! Нет, не существует: он существует как вопрос демагогии — и только… Поэтому рекомендую съезду резолюцию отвергнуть)». Его точку зрения тогда не поддержали, однако сам факт его выступлений на съезде говорил о том, что 22-летний Розенфельд-Градов-Каменев постепенно превращается в заметную фигуру среди большевиков.

«Юрий Каменев»

После съезда избранный на нем ЦК партии (Ленин, Богданов, Красин, Рыков и Постоловский) назначил Розенфельда своим «агентом». Агитируя за тактику большевиков в надвигающейся революции, он с июля по сентябрь 1905 года объехал почти все крупные города центральной и западной России. Октябрьская политическая стачка, во время которой по всей стране бастовало более двух миллионов человек, застала его в Минске. Как только восстановилось железнодорожное сообщение с Петербургом, он отправился в столицу.

Под влиянием всероссийской стачки правительство вынуждено было пойти на уступки и 17 октября 1905 года выпустить подписанный императором Манифест, в котором говорилось о «даровании» народу гражданских прав и свобод. На волне «октябрьской оттепели» начали появляться легальные партии, организации, газеты, в том числе и первая социал-демократическая легальная газета «Новая жизнь». Лев Розенфельд стал одним из ее редакторов. 11 ноября в «Новой жизни» появилась статья «Две демонстрации», подписанная «Юрий Каменев». Это, пожалуй, первое известное и документально подтвержденное употребление Розенфельдом этого псевдонима, который постепенно стал его второй фамилией, известной всему миру. Почему именно «Каменев»? Ну, наверное, потому, что красиво звучит и есть в ней какой-то намек на твердость, несгибаемость и решительность. Не хуже, чем Сталин или Молотов. По другой версии, он просто взял фамилию мужа своей сестры — Штейн, перевел ее с идиша на русский, вот так и получился «Каменев».

В 1907–1907 годах Каменев, а теперь его с чистой совестью можно назвать именно так, печатался в «Новой жизни», в других газетах и журналах — «Вестнике жизни», «Волне», различных публицистических сборниках, издававшихся большевиками. Иногда он подписывал их своим псевдонимом, а иногда просто «Ъ». (По тогдашним правилам русского языка фамилия Каменев писалась так: Каменевъ.)

Спрос на левые, революционные газеты тогда был очень большим. В своих мемуарах Троцкий приводит рассказ Каменева о том, как, проезжая по железной дороге, он наблюдал на вокзалах бесконечные «хвосты» (то есть очереди), ожидавшие прибытия петербургского поезда, доставлявшего газеты. Троцкий, позиционировавший тогда себя как «нефракционного социал-демократа», издавал вместе с меньшевиками газету «Начало» и

считал, что она лучше «сероватой» большевистской «Новой жизни». Поэтому он не без удовлетворения слушал рассказ Каменева о том, как в «газетных хвостах» кричали: «Начало!», «Начало!», «Начало!», потом: «Новая жизнь»!» и снова: «Начало!», «Начало!» «Тогда, — по словам Троцкого, признавался Каменев, — я сказал себе: да, они в «Начале» пишут лучше, чем мы».

В 1922–1923 годах, когда он находился уже в зените своего влияния как партийного и государственного деятеля, Каменев дважды выпускал написанные им в предреволюционные годы статьи отдельным сборником, получившим название «Между двумя революциями». Потом, разумеется, этот сборник долго не переиздавался и вышел снова только в 2003 году. Он дает вполне наглядное представление о Каменеве как о политическом публицисте. И вряд ли его можно назвать одним из выдающихся представителей этой профессии — среди большевиков. То, что писал Каменев, достаточно тяжеловесно, «академично» и больше похоже на обстоятельные профессорские лекции, чем на острую публицистику. Конечно, и до Ленина, и до Троцкого ему было далеко.

Впрочем, Ленин статьи Каменева хвалил, а он сам отмечал в предисловии к сборнику, что «они могли быть написаны только потому, что я мог учиться революционному понимаю задач и тактики пролетариата непосредственно у т[оварища] Ленина».

Ленин нелегально прибыл в Петербург в ноябре 1905 года, а уже летом 1906-го был вынужден перебраться на дачу в финском поселке Куоккала, где жил вместе с тогдашним «человеком номер два» у большевиков — Александром Богдановым, а затем вообще переехал вглубь Финляндии — царская полиция проявляла все большую и большую активность.

Каменев же оставался в Петербурге, ездил в Москву. В Москве же его выбрали делегатом на V съезд РСДРП, который проходил в апреле 1907 года в Лондоне. Формально после IV (Объединительного) съезда, проходившего в апреле 1906 года в Стокгольме, партия считалась единой, и в избранном в Лондоне ЦК преобладали меньшевики, но еще вскоре после Стокгольмского съезда большевики создали Большевистский центр, фактически самостоятельно руководивший деятельностью этого крыла РСДРП. В Лондоне БЦ был значительно расширен — в него вошли Ленин, Богданов, Красин, Зиновьев, Таратута и др. Вошел в него и Каменев. Секретарем БЦ стала Крупская.

Зиновьев, избранный делегатом съезда от Петербургского комитета, вспоминал: «В ЦК взяли несколько наших товарищей, как мы тогда говорили, — заложниками. Но в то же время, на самом съезде, большевики

составили свой внутренний и нелегальный в партийном отношении Центральный комитет. Этот период в истории нашей партии, когда мы были в меньшинстве и в ЦК, и в Петроградском комитете и должны были скрывать свою сепаратную работу».

Лондонский съезд был последним заграничным съездом партии — следующий собрался только через десять лет, в 1917 году. Он был также последним, на котором присутствовали меньшевики. В июне Каменев напечатал в выходившем в Петербурге большевистском журнале «Вестник жизни» статью «Лондонский съезд Российской с[оциал]-д[емократической] партии 1907 г[ода]» — подробное изложение того, что происходило на партийном форуме.

«Есть в России распространенная игра, — писал он, — на землю, вытянув перед собой ноги, садятся двое «борцов», подошвы их соприкасаются, и схватившись за руки, они всячески стараются перетянуть друг друга. Эти борцы встают передо мной всякий раз, когда я пытаюсь восстановить перед собой общую картину последнего, пятого по счету, съезда р. с.-д. р. п. — Незавидная картина». Однако вывод был более оптимистичным: «Революционное крыло с[оциал]-д[емокра]тии, преобладавшее на съезде, пыталось уже на съезде поставить партию на «новые рельсы», и до известной степени, в некоторые моменты ему удавалось это… Революционная с[оциал]-д[емокра]тия в России знает теперь во всяком случае, что ее преобладание в партии диктуется не подъемом или упадком революционного настроения среди партийной массы, а упорной борьбой за выдержанность и самостоятельность пролетарской политики».

Что касается «упадка революционного настроения», то это действительно было так. Правительству постепенно удалось справиться с революционной ситуацией в стране. 3 июня 1907 года была распущена 2-я Государственная дума. Начался период, который оппозиция называла «столыпинской реакцией» или «столыпинщиной» — по имени тогдашнего главы Совета министров Петра Столыпина.

В начале «реакции» Каменев еще пытался работать в Петербурге, но продержаться в России ему удалось только год. 18 апреля 1908 года Каменева арестовали по обвинению в подготовке издания первомайского листка. В тюрьме он просидел, впрочем, недолго и в июле уже вышел на свободу. Тут-то он и получил «вызов» от Ленина — Ильич сообщал, что очень хотел бы видеть его в Женеве, где в начале 1908 года Ленин, Богданов и Дубровинский начали выпускать новый орган большевиков — газету «Пролетарий». Однако вскоре между ними начались разногласия,

которые привели к расколу в редакции, да и вообще в большевистском крыле РСДРП. К ним добавилась и начавшаяся «философская война» между Лениным и Богдановым[76].

Нарастающие противоречия с двумя ведущими фигурами среди большевиков — Богдановым, Красиным и их сторонниками — заставили Ленина начать в 1908 году срочную перегруппировку сил и усилить ряды своих сторонников. Тогда-то он, вероятно, и решил вызвать из России Каменева. В окружении Ильича укрепляются и позиции Зиновьева. Собственно, именно в эти годы в эмиграции и начал формироваться тандем Зиновьев — Каменев, который сыграл немалую роль в борьбе Ленина с «левыми большевиками».

«Вызов» Ленина Каменеву передал приехавший из-за границы «товарищ Иннокентий» (Дубровинский). В конце 1908 года Каменев выехал за границу. Он стал редактором «Пролетария» (теперь, после «ссоры» с Богдановым, редакция состояла из Ленина, Зиновьева и Каменева). В эмиграцию он отправился вместе с семьей.

«Григорий Ильич Каменев»

К этому времени Каменев уже был женат на сестре Троцкого Ольге Бронштейн. Интересная деталь — она примыкала в то время к меньшевикам. В 1906 году у них родился сын Александр. Он станет военным летчиком и будет расстрелян в 1937 году.

В 1908 году, когда Каменев сидел в тюрьме, в Тифлисе погиб его отец. По одной из версий, он стал жертвой некоего рабочего, который убил его, отомстив таким образом за свое, как ему казалось, несправедливое увольнение. Однако окончательно причины его смерти так и не были установлены.

Сначала Каменевы обосновались в Женеве. Но в своих письмах Лев жаловался на чересчур уж мещанский образ жизни этого города. Так же считали многие представители тамошней русской социал-демократической колонии. Надежда Крупская вспоминала: «Приехали из России Зиновьев и Лилина[77]. У них родился сынишка, занялись они семейным устройством. Приехал Каменев с семьей. После Питера все тосковали в этой маленькой тихой мещанской заводи — Женеве. Хотелось перебраться в крупный центр куда-нибудь. Меньшевики, эсеры перебрались уже в Париж. Ильич колебался: в Женеве-де жить дешевле, лучше заниматься… Приводились

разные доводы: 1) можно будет принять участие во французском движении, 2) Париж большой город — там будет меньше слежки. Последний аргумент убедил Ильича. Поздней осенью стали мы перебираться в Париж.

В Париже пришлось провести самые тяжелые годы эмиграции. О них Ильич всегда вспоминал с тяжелым чувством. Не раз повторял он потом: «И какой черт понес нас в Париж!» Не черт, а потребность развернуть борьбу за марксизм, за ленинизм, за партию в центре эмигрантской жизни. Таким центром в годы реакции был Париж».

Каменевы тоже перебрались в Париж. Следующие несколько лет были годами ожесточенной внутрипартийной борьбы. Ленинцы ругались с меньшевиками, «ликвидаторами» (они выступали за прекращение нелегальной деятельности РСДРП) и «левыми» — «отзовистами», «бойкотистами», «ультиматистами», которые, наоборот, де-факто требовали сворачивания легальной работы. Каменев активно включился в эту борьбу, отстаивая позицию Ленина о том, что надо умело сочетать легальные и нелегальные формы работы, а также «чистоту философии марксизма».

Надо сказать, что сам Каменев сначала выступал за бойкот большевиками работы в Государственной думе и в 1907 году написал статью, которую так и назвал — «За бойкот». Да и вообще он был близок к лидеру «левых» большевиков Александру Богданову. «Тогда, — вспоминал Анатолий Луначарский, — Каменев был очень молод, ему было, помнится, немногим более 20 лет. Он состоял тогда правой рукой при Богданове и числился одним из самых многообещающих молодых большевиков». Однако со временем он изменил свою точку зрения и начал клеймить «бойкотизм и отзовизм». Богданов ехидно указывал на эти «чудесные превращения» Каменева. «Он… — писал Богданов, — типически интересен по своей эволюции, точнее, пожалуй, по всем своим эволюциям. Это — раскаявшийся еретик. Он раскаялся по всей линии, стал сам ярым отлучателем[78]; и, отлучая, всегда сохраняет такой вид, точно еретиком никогда не был, и не имел нужды в раскаяньи».

Союзник Богданова и «богостроитель» Анатолий Луначарский, который вместе с Горьким считал, что необходимо привнести в учение о социализме некоторые элементы религии и создать новую, «пролетарскую религию», за что был беспощадно раскритикован и Лениным, и Плехановым, и Каменевым, писал о своих тогдашних отношениях с ним уже в 20-х годах: «Встретились мы и сошлись ближе, чем прежде, в Петрограде во время революции. Как теперь, так и тогда мы часто находили время под гром и бурю политических событий делиться мыслями об искусстве, о философии. Взгляды наши, в особенности в философии,

были чрезвычайно близки. Одно время Каменев даже делал мне честь считать себя чем-то вроде моего ученика.

Раскол среди большевиков, последовавший после поражения первой революции, болезненно отозвался на наших отношениях. Именно принимая во внимание известную духовную близость с Каменевым, я не мог не огорчиться тем, что по поручению ЦК ленинской части нашей партии он разразился по поводу моей книги «Религия и социализм» и некоторых моих статей, относившихся к тому же периоду, весьма резкой, несправедливой полемической статьей. Я знаю, что политика вообще сурова и временами малоприглядна, что в политической борьбе беспощадность является чем-то само собой разумеющимся. Но мне казалось, что подобную роль изобличения моих «ересей» мог бы взять человек, философски более далекий от моих воззрений, по крайней мере в недалеком прошлом.

В то время как отношения мои к Ленину, в сущности говоря, не портились ни на одну минуту и вражда наша держалась целиком в плоскости политической, к Каменеву, ввиду этого его неожиданного подозрения, я чрезвычайно охладел.

Я, разумеется, сожалею об этом, не то чтобы я считал себя неправым, но жалко, что подобные временные недоразумения (кто бы ни был в них виноват) заставляют нас терять время и не давать друг другу все то, что мы можем дать».

Луначарский отмечал в Каменеве «сердечную мягкость» и «значительную широту взглядов», которая «выгодно отличала его даже от самых крупных работников социалистического движения», но в полемике и дискуссиях Каменев был жесток. Но и Богданов оказался удивительно точен в своих наблюдениях: Каменеву еще не раз предстоит жестко спорить, а потом признавать свои ошибки и каяться. Однако тогда он еще только набирал политический вес. Кампания против «левых», в результате которой они фактически оказались вне партии, дала ему большой опыт в деле внутрипартийной борьбы и интриг.

Ленин тогда организовал партийную школу под Парижем в деревне Лонжюмо. Там же жили он с Крупской, Инесса Арманд, Зиновьев с женой и сыном. Крупская рассказывала, как однажды их трехлетний сын попытался проникнуть в парк замка, находившегося рядом с Лонжюмо. Тогда нянька-француженка объясняла ему: «Это не для нас, это для господ». «Мы, — писала Крупская, — очень потешались над малышом, когда он глубокомысленно повторял это изречение своей нянюшки».

Каменев приезжал в Лонжюмо из Парижа читать лекции и советовался

с Лениным по поводу своей книги «Две партии». «Помню, — вспоминала та же Крупская, — как они лежали на траве в логу за селом, и Ильич развивал Каменеву свои мысли».

Брошюра была направлена против меньшевиков-«ликвидаторов» и Троцкого. Своего родственника «примиренца» Троцкого Каменев обвинял к клевете на партию, шантаже и призывал к разрыву с ним. Даже Ленин счел необходимым поправить его, указав на излишнюю резкость. «Нельзя звать к расколу с *примиренцами*, — писал он Каменеву. — Это совсем излишне и неверно…О расколе надо говорить *потоньше, всегда* [курсив Ленина. — *Е. М.*]. выбирая такие формулировки, что-де ликвидаторы порвали… а партия напрасно их терпит…»

В это время Каменев и Зиновьев превращаются в ближайших соратников Ленина. Именно в таком порядке — в дореволюционные годы Каменев из этого тандема в отношениях с Лениным был более важной фигурой. Достаточно посмотреть, например, тома ленинского Полного собрания сочинений (пятое издание), которые содержат переписку «вождя» со своими соратниками. Фамилия Каменева, начиная с 1909–1910 годов, встречается в них чуть ли не чаще других. Во всяком случае чаще фамилии Зиновьева. Если несколькими годами раньше большевиками фактически руководила «тройка» из Ленина, Богданова и Красина, то теперь в ее состав входили Ленин, Каменев и Зиновьев. В шутку ее называли «Григорий Ильич Каменев».

К Каменеву революционеры-эмигранты обращались не только по партийным или политическим вопросам. Троцкий, к примеру, писал ему 20 июня 1909 года: «Обращаюсь к Вам с просьбой, которая Вам не доставит никакого удовольствия. Вы должны добыть из-под земли 100 руб[лей] и выслать мне по телеграфу. Мы сейчас оказались в ужасающем положении, которое описывать не буду: достаточно сказать, что лавочнику, у которого все забираем, не заплачено за апрель, май, июнь…» Помимо всего прочего, Троцкий был еще и родственником Каменева, и тот не мог оставить без внимания его просьбу. Он переслал письмо Ленину с припиской: «Прочтите. Это явно через меня к высоким коллегиям. Как думаете, не должен ли Центральный] О[рган] это сделать? На меня он рассчитывать не мог, конечно».

Каменев был одним из редакторов «Пролетария» и общепартийной газеты «Социал-демократ», представителем партии в Международном социалистическом бюро[79], участвовал в Копенгагенском международном социалистическом конгрессе в 1910 году, выступал на съезде Социал-демократической партии Германии в октябре 1912 года в Хемнице.

«Поздравляю с речью!» — писал ему Ленин.

В ноябре 1912 года Каменев отправился в качестве делегата РСДРП на социалистический конгресс в Базеле. Ленин хвалил его за то, что он «превосходно» «провел в Базеле дело», и вместе с тем ругал — за то, что Каменев не послал из Базеля ни одной корреспонденции в «Правду» — новую ежедневную газету большевиков. «Стыдно — стыдно — стыдно!» — укорял его Ильич.

Две «Правды»

Кстати, о «Правде». Решение о ее издании было принято на VI партийной конференции, которая состоялась в Праге в январе 1912 года. В ней принимали участие в основном сторонники Ленина, а Горький и Плеханов, специально приглашенные на нее, отказались приехать именно на этом основании. Тем не менее конференция провозгласила себя «общепартийной» и избрала новый ЦК из одних большевиков-ленинцев. Фактически именно после нее дороги большевиков и меньшевиков разошлись окончательно.

Первый номер «Правды» вышел 22 апреля 1912 года (в СССР этот день — 5 мая по «новому» стилю — отмечался как День печати). Каменев, как, впрочем, и Зиновьев, значился в первом номере газеты в качестве постоянного автора. Появление «Правды» вызвало громкий скандал в социал-демократических кругах. Дело в том, что газету с таким же названием еще с 1908 года в Вене издавал Троцкий, а Каменев одно время был в ней представителем большевиков. Он даже предлагал сделать ее «общесоциалистической газетой» (в большевистском понимании) взамен на ее финансирование со стороны большевиков, но Троцкий, поразмыслив, не принял этого предложения. В итоге Каменев покинул Вену.

Троцкий считал, что Ленин и его сторонники попросту украли название его газеты. «Спрашивала ли редакция новой газеты нашего согласия? — возмущался он 23 апреля 1912 года в своей «Правде». — Нет, не спрашивала. В каком отношении стоит петербургская газета к нашей? Ни в каком. По какому же праву и кто именно пытается ввести свое предприятие в среду читателей-рабочих под флагом нашего издания? Такого права ни у кого нет и не может быть». Троцкий потребовал от «Правды» в Петербурге изменить название. Ленин, однако, посоветовал редакции ответить в рубрике «Почтовый ящик»: «Троцкому (Вена). Отвечать на склочные и кляузные письма мы не будем». В битве «Правд»

Троцкий явно проиграл: последний номер его газеты в Вене вышел тогда же, 23 апреля, а другая «Правда» формально выходит до сих пор.

О том, какое значение Ленин придавал новой газете, говорит тот факт, что он даже решил сменить место жительства и переехать поближе к русской границе. В том числе и потому, что оттуда можно было легче руководить «Правдой» и быстрее узнавать все новости из России. В июне 1912 года они перебрались в Краков. Туда же переехали и Зиновьевы. Еще через несколько месяцев Ленин и Крупская перебрались в небольшой городок Поронин. 7 апреля 1913 года Ленин писал Каменеву: «Итак, летом свидимся. Милости просим. Мы сняли дачу около Закопане (4–6 час[ов] от Кракова, станция Поронин) с 1.V до 1.X; есть комната для Вас. Зиновьевы — недалеко.

Привезите побольше книг, особенно журналов, коих у нас нет. Прилагаю *список необходимого»*.

Каменев приехал к Ленину в августе 1913 года. Жил он на даче Ленина, на втором этаже, и после ужина они долго сидели за чаем, обсуждая различные дела. Ленин, Крупская и Инесса Арманд любили много гулять, за что Зиновьев и Каменев прозвали их «партией прогулистов».

Ленину не очень нравилось, как идут дела в «Правде». В октябре 1913 года он критиковал редакцию за то, что плохо и нерегулярно выплачиваются гонорары, плохо организовано распространение газеты, что деньги периодически не приходят ее авторам за границей (в том числе и Каменеву) и т. д. В конце концов на «усиление» газеты было решено направить именно его, Каменева. Другой задачей, которую ставил перед ним Ленин, была координация работы шестерых депутатов-большевиков в Государственной думе. Зимой 1914 года Каменев с семьей уехал в Россию.

Крупская вспоминала: «За Каменевым приехали жена с маленьким сынишкой. Сынишка Каменева и зиновьевский Степа очень серьезно спорили между собой, что такое Петербург — город или Россия. Начались сборы в Россию. Ходили мы все провожать их на вокзал. Был зимний холодный вечер. Говорили мало, только сынишка Каменева что-то толковал.

Настроение было у всех сосредоточенное. Думалось, долго ли удастся Каменеву продержаться? Когда теперь придется встретиться? Когда-то и мы поедем в Россию? Каждый втайне мечтал о России, тянуло туда неудержимо. Мне по ночам все снилась Невская застава. Говорить на эту тему мы избегали, а про себя каждый об этом думал».

Второго марта 1914 года Ленин писал Инессе Арманд: «У нас еще

тяжелое время: газеты нет. Чувствуется «перелом» всей системы работы после отъезда Каменева, а *к чему* идет новое, *как* наладится, не видать». Однако при Каменеве положение в «Правде» улучшилось. Несмотря на то что ее периодически закрывали власти, она снова начинала выходить под другими названиями. Троцкий писал, что теоретический уровень ее материалов возрос. А Луначарский отмечал, что «как публицист, как газетный работник, как литературный критик Каменев играл заметную роль вообще в русской литературе и очень большую в нашем большевистском кругу. Его статьи в «Правде» и в нелегальной большевистской литературе шли непосредственно вслед за ленинскими, по какой-то простой меткости их слога и их внутреннего строения, а в то же время его критические этюды бывали иногда изысканны, может быть, даже несколько чрезмерно. Они всегда очень остроумны, определенны в своей главной мысли и изящны по внешности». Тут, конечно, можно было бы и поспорить с Луначарским, но не будем.

«Правду» окончательно закрыли 8 июля 1914 года, когда в воздухе уже отчетливо пахло порохом. Каменев был вынужден уехать в Финляндию, где и встретил начало Первой мировой войны.

«Нелепая выходка»

Девятнадцатого июля 1914 года открылась очередная сессия Государственной думы. До начала войны оставались уже считаные дни, и большинство депутатов поспешили выступить с заявлениями в поддержку правительства и императора, заверяя их в своих верноподданнических чувствах. Депутаты-социал-демократы (в Думе было шесть большевиков[80] и семь меньшевиков) выступили с отдельной декларацией. В ней говорилось, что «настоящая война… является войной, ответственность за которую несут правящие круги всех воюющих теперь стран» и что она «противоречит чувству и настроению сознательных элементов российского пролетариата, так же как и пролетариату всего мира». Они заявили, что «не может быть единения народа с властью, когда она не является исполнительницей сознательной воли народа, когда последний порабощен властью, когда народная масса, на которую ложится все бремя войны, бесправна, когда рабочая и крестьянская печать задушена, когда рабочие организации разгромлены, когда тюрьмы переполнены борцами за свободу и счастье народа». Депутаты отказались голосовать за военные кредиты. В одном из полицейских донесений говорилось: «После

начала войны члены большевистской части социал-демократической фракции Государственной думы Муранов, Петровский, Бадаев и др. объехали в целях пропаганды почти всю Россию и устраивали многочисленные рабочие собрания, на которых выносились резолюции против войны».

Ленин сформулировал свои тезисы об отношении к войне в начале сентября 1914 года. Война в них оценивалась как империалистическая, а к рабочим воюющих стран выдвигался призыв обратить оружие против собственных буржуазных правительств. Ленин подчеркивал, что долг социалиста состоит в превращении ложно национальной войны «в решительное столкновение пролетариата с правящими классами».

Для обсуждения тезисов в России решили провести партийную конференцию. Одним из ее организаторов был нелегально приехавший в Петроград (так вскоре после начала войны стал называться Санкт-Петербург) Каменев. «Конференция» открылась 2 ноября на одной из дач в поселке Озерки вблизи столицы. Часть ее делегатов арестовали еще по пути, поэтому в ней участвовали всего 11 человек — представитель ЦК Каменев, 5 депутатов Думы и 5 представителей различных городов страны. Собравшиеся высказывали далеко не «единодушную поддержку» ленинским тезисам. Особенно тому, где речь шла о том, что «с точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России наименьшим злом было бы поражение царской монархии и ее войск, угнетающих Польшу, Украину и целый ряд народов России и разжигающих национальную вражду для усиления гнета великорусов над другими национальностями и для укрепления реакционного и варварского правительства царской монархии». 4 ноября, в разгар дискуссий, на дачу ворвались жандармы и полиция. Все делегаты и хозяйка дачи были задержаны.

Впрочем, большевиков-депутатов, обладавших неприкосновенностью, вскоре отпустили, но на следующий день арестовали снова. Что интересно, на допросах некоторые из арестованных заявили, что вовсе не разделяют «пораженческих тезисов» руководства большевиков, и вообще отрицали свою связь с этой партией. Среди них был и Каменев, потребовавший занести в протокол допроса, что эти тезисы «решительным образом противоречат его личной точке зрения».

Суд над депутатами-большевиками и другими участниками совещания состоялся 10 февраля 1915 года. Поведение Каменева на процессе неприятно поразило многих большевиков. В своих выступлениях он говорил, что никогда не разделял пораженческих взглядов на войну, и потребовал даже вызвать в качестве свидетеля меньшевика-оборонца

Иорданского, чтобы тот подтвердил, что это несогласие он выражал уже давно. На сестру Ленина Анну Ульянову-Елизарову его слова произвели «очень тяжелое впечатление». А Николай Бухарин, живший тогда в Швейцарии, вообще потребовал исключить Каменева из партии.

Ленин тоже выразил свое отрицательное отношение к поведению Каменева. Процесс, писал он в газете «Социал-демократ» 29 марта 1915 года, «показал недостаточную твердость на суде данного передового отряда революционной социал-демократии России. Подсудимые преследовали цель затруднить прокурору раскрытие того, кто был членом ЦК в России и представителем партии в известных сношениях ее с рабочими организациями. Эта цель достигнута. Для достижения ее и впредь должен быть применяем на суде давно и официально рекомендованный партией прием — отказ от показаний. Но стараться доказать свою солидарность с социал-патриотом господином] Иорданским, как делал тов[арищ] Розенфельд, или свое несогласие с ЦК есть прием неправильный и с точки зрения революционного социал-демократа недопустимый».

Подсудимых приговорили к вечному поселению в Сибири. Их направили в Туруханский край — сначала в сам Туруханск, затем в деревню Ялань под Енисейском и наконец в город Ачинск. В тех же местах уже отбывали ссылку Сталин и Яков Свердлов. Сохранилась фотография, на которой Сталин, Каменев и Свердлов стояли рядом в группе других ссыльных. Интересно, что на собрании ссыльных большевиков в июле 1915 года Свердлов жестко раскритиковал Каменева, обвинив его даже в малодушии. Но ему возразил Сталин, который объяснил поведение Каменева «военной хитростью».

Почему он тогда поступил именно так, как поступил — объяснить наверняка уже вряд ли возможно. Может быть, смалодушничал. А может быть, действительно не был согласен с Лениным и не считал нужным этого скрывать даже перед своими врагами. «Вообще, будучи одним из трех руководителей правой, ленинской, части нашей партии, он, быть может, больше, чем другие, пережил всевозможных приключений, играя более внешнюю и более подвижную роль в главном штабе большевизма», — писал о Каменеве Луначарский. Однако все эти «приключения» ему со временем припомнят. «Хвост» от поведения Каменева на суде тянулся за ним еще долго, потом вроде бы о нем забыли, но когда надо, вспомнили опять.

Кстати, Ленин довольно скоро восстановил связь с Каменевым. С сентября 1915 года между ними началась более или менее регулярная переписка. Такое в их отношениях — ссоры, разрывы, а потом примирение

и новый период дружбы и согласия — будет происходить еще не раз. «В той железной среде, в которой приходилось развертываться политическому дарованию Каменева, — отмечал все тот же Луначарский, — он считался сравнительно мягким человеком, поскольку дело идет о его замечательной душевной доброте. Упрек этот превращается скорее в похвалу, но, быть может, верно и то, что сравнительно с такими людьми, как Ленин или Троцкий, Свердлов и им подобные, Каменев казался слишком интеллигентом, испытывал на себе различные влияния, колебался».

Известия о Февральской революции 1917 года застало всех врасплох — и Ленина в эмиграции, и ссыльных в Туруханском крае. Везде царило радостное возбуждение. На этом фоне произошла еще одна история, которую тоже потом припомнят Каменеву.

Второго марта в пользу своего брата, великого князя Михаила Александровича, от престола отрекся император Николай II. 3 марта и сам Михаил отказался вступать на престол, по крайней мере до того момента, как Учредительное собрание не решит вопрос о государственном устройстве России. Эти события застали Каменева и Сталина в Ачинске. Сталин уже в 1926 году рассказывал, что там был то ли митинг, то ли банкет, и вот Каменев вместе с несколькими богатыми горожанами и купцами послали телеграмму с приветствием Михаилу Александровичу как «первому гражданину свободной России». Каменев, по словам Сталина, на следующий день сам рассказал ему об этом и признал, что допустил глупость. Так происходило дело, по более позднему рассказу Сталина.

Между тем слухи об этой приветственной телеграмме ходили уже в 1917 году. Сообщала о ней, например, газета Плеханова «Единство». Вернувшись в Петроград из ссылки 12 марта (он ехал вместе со Сталиным и депутатом Думы большевиком Мурановым), Каменев одну из своих первых публикаций во вновь начавшей выходить после революции «Правде» посвятил именно этой истории. В заметке «Нелепая сплетня», опубликованной 14 марта, он утверждал, что слухи о его личном участии в посылке приветственной телеграммы Михаилу Романову являются «уездноссыльной сплетней». Интересно, что Сталин тогда никак не отреагировал на эту публикацию и не стал опровергать Каменева.

Ниже мы еще вернемся к этому странному эпизоду в биографии Каменева. Пока же о другом. Возвращение Каменева и других революционеров в Петроград весной 1917 года вполне можно описать стихами из «Евгения Онегина»:

Он возвратился и попал,

Как Чацкий, с корабля на бал.

«Перевооружение»

Революция действительно застала врасплох всех революционеров самых разных направлений и оттенков. Когда она началась, из большевиков в Петрограде не было, к примеру, ни одного члена ЦК. Ленин и Зиновьев в Швейцарии, Троцкий — в США, Каменев и Сталин — в Сибири и т. д. Эмигранты всеми способами старались поскорее вернуться в столицу России, но для организации такой поездки требовалось время. Так что Каменев и Сталин из руководителей партии оказались в Петрограде чуть ли не раньше всех.

Обстановка в столице и вообще в стране была сложной. Она получила название «двоевластия». Власть между собой делили Временное правительство во главе с князем Георгием Львовым и Совет рабочих депутатов (позже — Совет рабочих и солдатских депутатов). На митингах, собраниях, заседаниях и просто на улицах шли яростные споры о войне, земле, будущем устройстве России и т. д.

Сразу же после приезда Каменев снова принял на себя руководство «Правдой». Он также возглавил фракцию большевиков в Петроградском совете. В «Правде» регулярно печатались его статьи.

Третьего апреля в Петроград прибыл Ленин. Он ехал из Швейцарии через Германию в вошедшем потом в историю «пломбированном вагоне», хотя на самом деле он был опломбирован не полностью, а частично — лишь три двери из четырех. Ехавший в том же поезде Карл Радек вообще утверждал, что никаких пломб на дверях не было.

В этом «пломбированном» вагоне эмигранты пересекли Германию, на пароходе добрались до Швеции, а из Стокгольма через Финляндию уже отправились в Россию.

Делегация большевиков встречала Ленина на пограничной с Финляндией станции Белоостров. Был в ней и Каменев. По дороге в Питер Ленин интересовался, арестуют ли их по приезде, а товарищи из делегации только улыбались. Они знали о сюрпризе, который ждал Ильича в столице.

Торжественная встреча Ленина на Финляндском вокзале, которой он явно не ожидал и от которой даже смутился, описана много раз. Ленина буквально внесли на руках на броневик и повезли к особняку балерины Матильды Кшесинской, где разместился ЦК партии большевиков. Он выкрикивал в многотысячную толпу: «Да здравствует мировая социалистическая революция!» В воспоминаниях очевидцев тех дней

можно найти множество удивительных деталей, которые «расцвечивают» эти исторические события. Особенно яркими они представляются уже в наши дни. Крупская, например, рассказывала: после встречи и чая в ЦК их отвезли на квартиру сестры Ленина Анны и ее мужа Марка Елизарова. Там им отвели комнату с двумя кроватями. Над ними висел лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Его прикрепил к стене мальчик, который воспитывался в семье Ульяновой и Елизарова.

На следующий день Ленин выступил со своими знаменитыми «Апрельскими тезисами». Происходило это в Таврическом дворце — сначала на собрании большевиков — участников Всероссийской конференции Советов рабочих и солдатских депутатов, а потом и на объединенном заседании большевиков и меньшевиков. Эти самые «тезисы» (позже для публикации в «Правде» Ленин пронумерует их от 1-го до 10-го) вызвали удивление и даже шок у присутствующих. Не удивительно: революция вроде бы только началась, а Ленин говорил, что ее «буржуазно-демократический» этап уже закончился, и призывал перейти к социалистическому.

Ленин требовал: «никакой поддержки Временному правительству», «абсолютного отказа от революционного оборончества» и заключения немедленного мира, «не парламентской республики, а республики Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране» с упразднением полиции, армии и бюрократического аппарата и замене постоянной армии всеобщим вооружением народа, аграрной реформы, слияния всех банков в общенациональный банк под контролем Советов, контроля Советов за производством и распределением продуктов, переименования РСДРП(б) в коммунистическую партию, создания нового, Коммунистического Интернационала.

Меньшевики, слушавшие выступление Ленина, отреагировали остро: «бред сумасшедшего», «галиматья», «примитивный анархизм», «призыв к гражданской войне» и т. д. Потом критика Ленина началась и в газетах — от праволиберальных до эсеровских и меньшевистских. «Патриарх» русского марксизма Георгий Плеханов напечатал, например, в своей газете «Единство» статью «О тезисах Ленина и о том, почему бред бывает подчас интересен», в которой обвинил вождя большевиков в том, что он «разжигает гражданскую войну в среде революционной демократии». Что касается перехода России к социализму, то Плеханов выразился об этом так: «Русская история еще не смолола той муки, из которой со временем будет испечен пшеничный пирог социализма». Над этой фразой Плеханова потом будут часто смеяться, но, как в итоге выяснилось, зря.

Смятение наблюдалось и в рядах большевиков. Троцкий потом вспоминал, что «партия оказалась застигнута врасплох Лениным не менее, чем Февральским переворотом… Прений не было, все были ошеломлены, никому не хотелось подставлять себя под удары этого неистового вождя». Но здесь он не совсем точен.

Главным оппонентом Ленина из большевиков выступил Каменев. 8 апреля в «Правде» появилась его статья «Наши разногласия». Этому предшествовала весьма любопытная интрига — сначала редакция «Правды» отказалась печатать тезисы Ленина. Впрочем, открыто отказать «вождю» она, видимо, не могла и объяснила отказ якобы технической неисправностью машины в типографии. Однако Ленин настоял на своем и его тезисы были опубликованы 7 апреля. И вот только после этого появилась и статья Каменева. Каменев заявил, что тезисы отражают лишь личную позицию Ленина и носят дискуссионный характер. «Что касается общей схемы т[оварища] Ленина, — писал Каменев, — то она представляется нам неприемлемой, поскольку она исходит от признания буржуазно-демократической революции законченной и рассчитывает на немедленное перерождение этой революции в революцию социалистическую». 8 апреля Петроградский комитет большевиков не поддержал «Тезисы»: проголосовал против тезисов (13 голосов против, 2 — за и один воздержался»). Скептическое отношение к ним выражали Зиновьев, Дзержинский, Сталин, Калинин. Сталин позже «каялся»: «Это была глубоко ошибочная позиция, ибо она плодила пацифистские иллюзии, лила воду на мельницу оборончества и затрудняла революционное воспитание масс. Эту ошибочную позицию я разделял тогда с другими товарищами и отказался от нее полностью лишь в середине апреля, присоединившись к тезисам Ленина».

Меньшевик-интернационалист Николай Суханов в своих «Записках о революции» рассказывал, что только Александра Коллонтай да еще Инесса Арманд выступали почти с самого начала в поддержку Ильича. Суханов стал свидетелем спора Каменева с Арманд — он отмечал, что она «защищалась от нападок и издевательств» Каменева «довольно слабо», но «тем не менее упорствовала». 12 апреля в «Правде» вышла еще одна статья Каменева — «О тезисах Ленина». «Его [Ленина] тезисы, — писал он, — великолепная программа… для первых шагов… [социалистической] революции в Англии, в Германии, во Франции, но не для законченной демократической революции в России… Положение страны таково, что Советы Р[абочих], С[олдатских] и К[рестьянских] Депутатов] неизбежно должны взять на себя решение государственно-экономических вопросов…

Но смешивать эту работу Совета Рабочих и Солдатских Депутатов с «решительными шагами к свержению капитала» — непозволительно и с научной, и с тактической точки зрения». Каменев выступал за условную поддержку Временного правительства «в целях консолидации сил революционной демократии» при условии «бдительного контроля за его действиями».

Для Ленина обстановка складывалась драматически. Большинство видных социал-демократов различных направлений, в том числе и в его партии, выдвигали против него самое тяжелое для тогдашнего марксиста обвинение — в отходе от принципов и законов «научного марксизма». «Не было в этих тезисах, — писал Суханов, — того же, чего и не было в речах: экономической программы и марксистского анализа объективных условий нашей революции».

Однако Ленин, как с ним часто бывало, вовсе не собирался отступать. Решительный бой своим противникам он дал на VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б). То, что раньше называли «бредом сумасшедшего», превратилось в магистральный курс партии большевиков.

«Громовержец Ленин»

В апреле Временное правительство потряс первый серьезный кризис. В отставку ушли министр иностранных дел кадет Павел Милюков и военный министр октябрист Александр Гучков. Вскоре было создано первое коалиционное Временное правительство — в него вошли десять представителей буржуазных партий и шесть умеренных социалистов.

На фоне этих событий (14–22 апреля) проходила Петроградская общегородская конференция РСДРП(б). На ней Ленин в полемике с Каменевым и другими «правыми большевиками» заявил: «Старый большевизм должен быть оставлен». Большинство делегатов поддержали Ленина. VII (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б) проходила 24–29 апреля. В ней принимали участие 151 человек с решающим голосом и 18 — с совещательным. Ленин был основным докладчиком. После его выступления слово взял Дзержинский, заявивший, что многие из партийцев принципиально не согласны с тезисами докладчика, и предложил «выслушать товарищей, которые вместе с нами пережили революцию и которые находят, что она пошла несколько по иному направлению, чем это обрисовано докладчиком». По его предложению слово для содоклада было предоставлено Каменеву.

Каменев, зная, что большинство делегатов настроены против него, смягчил свою позицию. Он сказал, что готов поддержать Ленина, но заявил, что нужно услышать от него «конкретные указания» для практических действий. «Построения т[оварища] Ленина и резолюция страдают одним — говорил он, — рисуя в общем и целом совершенно правильно перспективу русской революции, они оставляют нас, активных политиков, без программы-минимум, без того, с чем мы должны работать сейчас, вокруг чего мы должны сплотиться. Это — великолепная программа развития революции, но без конкретных руководящих указаний для нас, как активных руководителей политической партии». «Путь пролетарской революции один, — сказал он в заключение, — но если мне предлагают сделать этот путь… на аэроплане, то я откажусь, потому что в таком случае я приеду один, а я хочу прийти к ней с массами».

Критиковали позицию Ленина и другие большевики. Алексей Рыков, будущий преемник Ленина на посту главы советского правительства, тогда говорил: «Можем ли мы рассчитывать на поддержку масс, выкидывая лозунг пролетарской революции? Россия — самая мелкобуржуазная страна в Европе. Рассчитывать на сочувствие масс социалистической революции невозможно, и потому, поскольку партия будет стоять на точке зрения социалистической революции, постольку она будет превращаться в пропагандистский кружок. Толчок к социальной революции должен быть с Запада».

Полемика была довольно острой, но в итоге делегаты большинством голосов поддержали позицию Ленина. Поражение Каменева и его единомышленников было очевидным. А ему самому еще пришлось пережить на конференции неприятные моменты. Когда начались выборы в ЦК, то против кандидатуры Каменева резко выступил делегат по фамилии Соловьев. Он припомнил два его серьезных проступка — «малодушное поведение» на суде в 1915 году и «оборонческие взгляды» в марте — апреле 1917 года. «В нем нет той кристальности, нет той выдержки, которые требуются от вождя РСДРП. Поэтому считаю кандидатуру Каменева невозможной», — заявил Соловьев.

Критиковали Каменева и за телеграмму Михаилу Романову, и за странную историю, которая произошла уже во время конференции. 26 апреля в газете «Новая жизнь» (ее издавал Горький) появилось его интервью, в котором он высказался за возможное участие большевиков в правительственной коалиции. Каменев тогда заявил, что он не имеет отношения к этой публикации, но никаких доказательств своим словам так и не привел.

Однако Ленин выступил за избрание Каменева в ЦК. Он заявил, что дискуссии с ним были очень полезны, а что касается событий 1915 года, то этот вопрос уже давно исчерпан. «Присутствие товарища] Каменева очень важно, — сказал Ленин, — так как дискуссии, которые веду с ним, очень ценны. Убедив его, — этим самым преодолеваешь те трудности, которые возникают в массах». Таким образом, в ЦК Каменев прошел, получив 95 голосов из 109 (Ленин получил 104, Зиновьев — 101, Сталин — 97, а, скажем, Свердлов — 71).

Итак, уже в апреле 1917-го партия взяла курс на скорейшую социалистическую революцию и захват власти. Троцкий назовет это «перевооружением» большевиков. Каменев и его сторонники потом еще не раз будут повторять попытки изменить его, но и тогда они будут обречены на неудачу.

Почему же это все-таки произошло еще тогда, когда не закончился «медовый месяц» Февральской революции? Почему Ленину удалось за считаные недели коренным образом переломить настроение в своей партии? И наконец, можно ли сегодня сказать, кто из них тогда был прав?

Что касается ответов на первые два вопроса, то почти все очевидцы и участники тех событий вне зависимости от их отношения к большевикам признавали — это могло произойти только из-за масштабов личности Ленина, с которым ни в коей мере не могли сравниться даже самые ближайшие его соратники. Ленин, по словам меньшевика Николая Суханова, такую проявлял «изумительную силу» и «сверхчеловеческий натиск», что устоять против него было практически невозможно. «Это человек совершенно особенной духовной силы, — писал он. — По своему калибру — это первоклассная мировая величина. Тип же этого деятеля представляет собой исключительную счастливую комбинацию теоретика движения и народного вождя… В большевистской же партии в облаках сидит громовержец Ленин, а затем… вообще до самой земли нет ничего… О замене Ленина отдельными лицами, парами или комбинациями не могло быть и речи. Ни самостоятельного идейного содержания, ни организационной базы, то есть ни целей, ни возможностей существования у большевистской партии без Ленина быть не могло».

Возможно, Суханов несколько сгустил краски, но в целом так оно и есть. Ленин прекрасно чувствовал политическую ситуацию — не только настоящую, но и будущую. В области политической тактики ему не было равных. Именно эта его великолепная интуиция во многом и привела большевиков к власти, несмотря на колебания и сомнения довольно-таки большого числа их руководителей. Но прав ли оказался Ленин

стратегически — это еще большой вопрос. Да, ему удалось в апреле 1917 года «завоевать партию», а через несколько месяцев привести ее к власти. Однако с высоты сегодняшнего дня, наверное, можно сказать, что опасения Плеханова, Каменева и других меньшевиков и большевиков, которые спорили тогда с Ильичем, оказались не напрасными. «Пшеничный пирог социализма» в России так и не был испечен — она действительно оказалась к этому не готова. Во всяком случае, то, что получилось потом в СССР, было совсем не тем социализмом, который должен был продемонстрировать однозначное преимущество перед капитализмом и навсегда похоронить его. Да и сам Ленин, кажется, понял это, но лишь в последние годы жизни, когда он был уже совсем больным человеком.

«Теперь они нас перестреляют»

Несмотря на свое поражение, Каменев в мае — июне 1917 года оставался одним из виднейших руководителей большевиков, единственным представителем партии в президиуме Петроградского совета. Его статьи регулярно печатались в «Правде». «Большевистской фракцией в Исполнительном комитете и в Совете руководил умеренный Каменев, — писал Николай Суханов. — Ленин и Зиновьев со своими подручными занимались партийными делами, «Правдой» и агитацией среди масс. Но Каменев ныне уже довольно слабо выражал мнение своей партии. Ибо Ленин уже одержал к этому времени самую решительную победу над своими большевиками».

Во время «Июльских дней»[81] Каменев и Зиновьев старались всячески снизить напряженность и не допустить вооруженных столкновений на улицах Петрограда. Вечером 3 июля Каменев заявил: «Мы не призывали к выступлению, но народные массы сами вышли на улицу, чтобы выявить свою волю. А раз массы вышли — наше место среди них. Теперь мы будем с ними. И наша задача теперь в том, чтобы придать движению организованный характер».

Он написал директиву партийным ораторам: призывать демонстрантов передавать свои требования во ВЦИК, а самим возвращаться в казармы и на заводы. Вместе с Зиновьевым и Троцким они уговаривали уйти с улиц города вооруженных солдат и матросов.

Но сразу после июльских событий лидеров большевиков обвинили в государственной измене и шпионаже в пользу Германии, а Временное правительство приняло постановление арестовать Ленина, Зиновьева,

Каменева и других руководителей партии. Бывший особняк Кшесинской, где находился ЦК РСДРП (б), заняли юнкера. «Теперь они нас перестреляют, — говорил Ленин Троцкому 5 июля. — Самый для них подходящий момент». Впрочем, Крупская вспоминала, что Ленин какое-то время еще колебался — скрыться или же добровольно явиться в суд, чтобы доказать там абсурдность всех обвинений против большевиков. «Он приводил доводы за необходимость явиться на суд, — писала она. — Мария Ильинична [сестра Ленина. — *Е. М.*] горячо возражала ему. «Мы с Григорием [Зиновьевым] решили явиться, пойди скажи об этом Каменеву», — сказал мне Ильич. Каменев в это время находился на другой квартире поблизости. Я заторопилась. «Давай попрощаемся, — остановил меня Владимир Ильич, — может, не увидимся уж». Мы обнялись. Я пошла к Каменеву и передала ему поручение Владимира Ильича. Вечером т[оварищ] Сталин и другие убедили Ильича на суд не являться и тем спасли его жизнь».

Ленин и Зиновьев решили скрываться и вскоре обосновались на станции Разлив, в шалаше. Перед отъездом Ленин передал Каменеву записку: «Entre nous[82]: если меня укокошат, я Вас прошу издать мою тетрадку «Марксизм о государстве» (застряла в Стокгольме). Синяя обложка, переплетенная. Собраны все цитаты из Маркса и Энгельса, равно из Каутского [и] Паннекута[83]. Есть ряд замечаний и заметок, формулировок. Думаю, что в неделю работы можно издать. Считаю важным, ибо не только Плеханов, но и Каутский напутали. Условие: все сие абсолютно entre nous!»

Потом из этой «синей тетради» родилась одна из самых известных работ Ленина «Государство и революция». Но тогда в каком-то смысле это было его политическое завещание — Ленин вовсе не был уверен, что останется в живых. То, что он отправил эту записку именно Каменеву, говорит о том, что между ними, несмотря на все разногласия, по-прежнему сохранялись доверительные отношения.

Девятого июля объединенное заседание ВЦИК и Исполнительного комитета Совета рабочих и крестьянских депутатов объявило Временное правительство «правительством спасения революции». 12 июля отдан приказ о введении смертной казни на фронте, 15 июля закрыты «Правда» и «Окопная правда» и издан приказ о запрещении на фронте митингов. 22 июля арестованы были Троцкий и Луначарский. 24 июля новый коалиционный состав Временного правительства возглавил Александр Керенский.

Протестуя против предъявляемых большевикам обвинений, Каменев 7 июля отмечал в письме председателю ВЦИК меньшевику Николаю Чхеидзе: «Эти оба обвинения, искусно комбинируемые в замысловатый клубок всей прессой, создают для нашей партии трагическую невозможность работы». Сам же он, заявлял Каменев, лично «готов всегда предстать перед судом, дать объяснения любой правомочной следственной комиссии или подвергнуться аресту». 9 июля он добровольно явился к властям и был арестован. Его, как и многих других большевиков, поместили в тюрьму «Кресты». Пока он сидел за решеткой, делегаты полуподпольного VI съезда партии большевиков заочно избрали его членом ЦК и кандидатом в члены будущего Учредительного собрания. 4 августа его освободили за отсутствием оснований для обвинения.

В июле и августе 1917 года большевики оказались в тяжелом положении. Их партия перешла на режим полуподпольного существования. Было арестовано около восьмисот большевиков, причем в стихийных арестах прямо на улицах городов с энтузиазмом участвовали и обычные обыватели. Очевидцы вспоминали, что многие просто-таки считали своим долгом поймать большевика — «изменника» и «немецкого шпиона» — и что обстановка в Питере изменилась так, что «как будто перенесся в какой-то другой город и очутился среди других людей и настроений». «На каждом перекрестке только и слышно, как ругают большевиков. Одним словом, открыто выдавать себя на улице за члена нашей партии было небезопасно», — вспоминал Федор Раскольников, а Троцкий, «влившийся» в ряды большевиков на VI съезде партии, писал, что даже их кухарка подвергалась атакам соседок, когда приходила в домовой комитет за хлебом, а дворник ненавидящим взглядом смотрел на его жену.

Вышедший из тюрьмы Каменев сразу же стал мишенью газетчиков. 10 августа появились сообщения, что некий бывший жандармский полковник Балабин[84] признался на допросе о причастности Каменева к сотрудничеству с охранкой… в Киеве. Каменев потребовал от Президиума ВЦИК создать комиссию для расследования. Сам же написал заявление, в котором указывал: «Всякое сообщение о моем отношении к политической полиции… — ложь и клевета». Но, чтобы обеспечить работу комиссии, он решил устраниться «от всякой общественной деятельности до окончания работ комиссии». Устраниться, однако, не получилось.

В конце августа произошло выступление генерала Корнилова, в разгроме которого большевики приняли самое активное участие. Они тогда заявили, что если Временное правительство «будет действительно бороться с контрреволюцией, то они готовы согласовывать свои действия с

действиями Временного правительства и заключить с ним военно-технический союз». В ночь на 28 августа при ВЦИК Советов был создан Комитет народной борьбы с контрреволюцией. В него вошли и меньшевики, и эсеры, и большевики. Входил в него и Каменев.

«Полевение» политического климата в сентябре в стране происходило так же быстро, как и «поправение» в июле. «Травля большевиков уже была не в моде», — писал Николай Суханов. Мало того, большевики начинали превращаться в самую влиятельную партию, и происходило это буквально не по дням, а по часам, так что один из большевиков-активистов еще тогда, в 1917 году, сравнивал этот процесс с тем, как быстро меняется погода на морском берегу — «Были тучи и дождик, но вдруг подул ветер с другой стороны и небо за считаные минуты снова прояснилось».

Уже в середине сентября Ленин, скрывавшийся в Финляндии, поставил вопрос о необходимости подготовки вооруженного восстания. Но у многих соратников Ильича эта идея не вызвала восторга. Одной из главных фигур среди «умеренных» большевиков был как раз и Лев Каменев. Позже эту самую «умеренность» ему припомнят по полной программе.

«Предали партию, выдали планы ЦК!»

Хотя в руководстве партии все это время шли дискуссии о том, каким путем может произойти взятие власти — мирным или вооруженным, лидеры большевиков были буквально ошеломлены, когда 15 сентября получили два письма Ленина, в котором он недвусмысленно настаивал на том, что необходимо готовиться к вооруженному восстанию.

В письме под названием «Марксизм и восстание» он, в частности, указывал, что нужно уже сейчас «организовать *штаб* повстанческих отрядов, распределить силы, двинуть верные полки на самые важные пункты… занять Петропавловку, арестовать генеральный штаб и правительство… мобилизовать вооруженных рабочих… занять сразу телеграф и телефон, поместить *наш* штаб восстания у центральной телефонной станции, связать с ним по телефону все заводы, все полки, все пункты вооруженной борьбы и т. д.».

«Мы все ахнули, никто не знал, что делать», — вспоминал Николай Бухарин. На заседании ЦК, после того как были зачитаны письма Ленина, слово взял Каменев. Он высказался за то, чтобы отвергнуть предложения Ильича и объявить «совершенно недопустимыми какие-либо выступления на улице». После обсуждения членам ЦК поручили принять меры, чтобы не возникло каких-либо выступлений в казармах и на заводах. Другими словами, письма Ленина были проигнорированы. И во многом с подачи Каменева. Бухарин вообще утверждал, что ЦК постановил сжечь ленинские письма, оставив лишь по одному экземпляру каждого из них. На всякий случай.

В это время Каменев, в числе 136 делегатов от большевиков, участвовал в работе так называемого Демократического совещания политических партий и общественных организаций, которое проходило в Петрограде. Оно поддержало создание коалиционного Временного правительства из «умеренных» социалистов и кадетов. Большевики в знак протеста против этого решения ушли из зала. Затем «Совещание» одобрило идею создания «Всероссийского демократического совета» (позже он получил название «Временного Совета Российской Республики») или Предпарламента, который бы действовал до созыва Учредительного собрания. В Предпарламент должны были войти 555 депутатов, причем народные социалисты получали 30 мандатов, большевики — 58, кадеты — 75, меньшевики — 92, эсеры — 135. Остальные места доставались

профсоюзам, торгово-промышленным организациям и т. д.

Среди большевиков опять начались споры — участвовать в работе Предпарламента или нет? «Правые» — во главе с Каменевым — были за участие. И сначала их точка зрения победила. Ленин в подполье негодовал. В статье «Из дневника публициста» он писал: «Надо бойкотировать предпарламент. Надо уйти в Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, уйти в профессиональные союзы, уйти вообще к массам. Надо *их* звать на борьбу. Надо *им* дать правильный и ясный лозунг: разогнать бонапартистскую банду Керенского с *его* поддельным предпарламентом». Решение об участии он назвал «позорным» и «вопиющей ошибкой».

Под влиянием и напором Ленина большевики изменили свою позицию. 7 октября, в день открытия Временного Совета, меньшевик-интернационалист Николай Суханов, тоже избранный в Предпарламент, наблюдал появление в зале фракции большевиков: «У большевиков было важное и бурное заседание в Смольном, которое только что закончилось. Большевики решали окончательно, что делать с Предпарламентом: уйти или оставаться?…Мнения большевиков разделились почти пополам, и к чему склонится большинство, было неизвестно. Передавали, что Ленин требует ухода. Его позицию с большим натиском защищал Троцкий. Против ратовали Рязанов и Каменев. Правые требовали, чтобы исход из Предпарламента был, по крайней мере, отложен до того момента, как Предпарламент проявит себя хоть чем-нибудь, например, откажется принять какое-нибудь важное постановление в интересах рабочих масс. Говорили, что иначе исход будет непонятен, не будет оценен народом».

В перерыве заседания пошли слухи — большевики все-таки уйдут. Сторонники бойкота все-таки победили. Владимир Антонов-Овсеенко в своих мемуарах писал, что от аргументов сторонников участия в Предпарламенте «веет непроходимой кабинетностью». На заседании Троцкий действительно взял слово и объявил, что фракция большевиков покидает Предпарламент и что большевики вообще не хотят иметь ничего общего с этим «правительством народной измены». «Да здравствует немедленный, демократический мир, вся власть Советам, вся земля народу, да здравствует Учредительное собрание!» — закончил он свою речь.

Вслед уходящим из зала большевикам улюлюкали, топали ногами и кричали «Скатертью дорога!», но многие уже тогда понимали, что они не просто уходили из зала заседаний, а уходили «на баррикады». Многоопытный лидер кадетов Павел Милюков позже заметил: «Они говорили и действовали как люди, чувствующие за собой силу, знающие, что завтрашний день принадлежит им». Действительно: тогда большевики,

по сути, вышли на «финишную прямую» к Октябрю.

Двадцатого октября в Петрограде должен был начать работу II Всероссийский съезд Советов (потом его начало отложили до 25 октября). Ленин, нелегально вернувшийся из Финляндии в Петроград 7–8 октября, забрасывал большевиков письмами и записками, требуя начать вооруженное выступление до съезда. «Промедление смерти подобно», — провозглашал он.

Вечером 10 октября в дом 32 на улице Карповка торопливо входили люди. Они направлялись в квартиру 31. «Гости» были членами ЦК партии большевиков, а шли они на конспиративное заседание, в котором впервые после возвращения из Финляндии должен был принять участие Ленин. В советские годы это заседание провозгласили «историческим». По иронии той же истории, в квартире номер 31 жили меньшевик-интернационалист Николай Суханов с женой Галиной Флаксерман, которая состояла в партии большевиков. Флаксерман сама предложила провести заседание у них на квартире — их жилье было весьма удобным с точки зрения конспирации. При этом она намекнула мужу, чтобы домой он в ту ночь не приходил. «К моей ночевке вне дома были приняты особые меры, — вспоминал Суханов, — по крайней мере, жена моя точно осведомилась о моих намерениях и дала мне дружеский, бескорыстный совет — не утруждать себя после трудов дальним путешествием. Во всяком случае, высокое собрание было совершенно гарантировано от моего нашествия».

Ленин пришел на заседание в парике, без бороды и усов. Зиновьев, наоборот, с бородой, но без шевелюры. На повестке стояло шесть вопросов, но главным был о подготовке вооруженного восстания. Ленин предупреждал, что промедление с его началом может закончиться тем, что Временное правительство сдаст Петроград немцам и тем самым задушит революцию. Ему возражали Зиновьев и Каменев. Они говорили, что большевики не смогут удержаться у власти, и предлагали ограничиться оборонительными мерами против контрреволюции и попытаться получить максимальное представительство в Учредительном собрании.

Однако большинство поддержало точку зрения Ленина. В резолюции, написанной Лениным, говорилось, что «вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело». За нее проголосовали десять человек, против — двое: Зиновьев и Каменев. «Партия не опрошена, — заявил Каменев. — Такие вопросы десятью не решаются». Но закончилось все чаепитием с бутербродами — черный хлеб, сыр и колбаса. Несмотря на предшествовавшие яростные споры, за чаем начался вполне дружеский и даже шутливый разговор. Засиделись до глубокой ночи, начали расходиться

лишь около трех часов. Некоторые из членов ЦК остались ночевать на Карповке, получив заверения хозяйки, что ее муж-меньшевик точно не вернется.

Каменев и Зиновьев объяснили свою позицию в письме «К текущему моменту», которое направили в партийные организации. Они надеялись, что большевики смогут получить треть, а то и больше мест в Учредительном собрании, с ними будут вынуждены вступить в блок мелкобуржуазные партии, либо же большевики составят «вместе с левыми эсерами, беспартийными крестьянами и пр. правящий блок, который в основном должен будет проводить нашу программу». «Говорят: 1) за нас уже большинство народа России и 2) за нас большинство международного пролетариата. Увы! — ни то ни другое не верно, и в этом все дело». Если большевики возьмут на себя инициативу выступления, считали Каменев с Зиновьевым, то поставят пролетариат «под удар сплотившейся контрреволюции, поддержанной мелкобуржуазной демократией». «Против этой губительной политики мы подымаем голос предостережения», — говорилось в письме.

Пятнадцатого октября американский журналист Джон Рид поймал Каменева в одном из коридоров Смольного. Он описал его как «невысокого человека с рыжеватой острой бородкой и оживленной жестикуляцией». Каменев вкратце изложил ему свою программу: все решится на съезде Советов. «Если съезд состоится, — говорил он, — то он будет представлять основные настроения народа. Если большинство, как я полагаю, достанется большевикам, то мы потребуем, чтобы Временное правительство ушло в отставку и передало всю власть Советам…» 16 октября письмо Зиновьева и Каменева зачитали на расширенном заседании ЦК. Оно проходило в помещении Лесновско-Удельнинской районной думы. Снова разгорелись дискуссии. «Недельные результаты говорят за то, что данных за восстание теперь нет… — утверждал Каменев. — Вся масса, которая теперь не с нами, находится на их стороне. Мы их усилили за наш счет». Выступить большевики смогут, говорил он, но смогут ли они удержаться у власти? «Мы недостаточно сильны, чтобы *с* уверенностью в победе идти на восстание, но мы достаточно сильны, чтобы не допустить крайних проявлений реакции», — заявил он. И патетически закончил: «Здесь борются две тактики: тактика заговора и тактика веры в русскую революцию».

Однако тактику Ленина, направленную на подготовку восстания, поддержало подавляющее большинство — 19 человек. Воздержались четверо, против проголосовали двое — все те же Зиновьев и Каменев.

Политические «разграничения» в эти дни проходили и по семьям руководителей большевиков. Жена Каменева и сестра Троцкого Ольга Каменева-Бронштейн совсем не разделяла радикальных взглядов своего брата. Однажды, встретившись в Смольном с женой Троцкого Натальей Седовой, она спросила ее: «Ты за восстание или против?» «Конечно, за», — ответила та. Ольга неодобрительно покачала головой и молча пошла дальше. 17 октября, сразу после совещания, Ленин написал «Письмо к товарищам», в котором заявил, что всякие «колебания» по вопросу о восстании «неслыханны и способны оказать губительное действие на партию, на движение международного пролетариата, на революцию». Доводы Каменева и Зиновьева, по его словам, являются «поразительным проявлением растерянности, запуганности» перед той гигантской ответственностью, которую возложила на партию сама жизнь, и «не более как прикрытие своего бегства от действительности».

Нужно агитировать за восстание, писал Ленин. «Чем дольше будет оттянута пролетарская революция, чем дольше отсрочат ее события или колебания колеблющихся и растерявшихся, тем больше жертв она будет стоить… Промедление в восстании смерти подобно». Ленин сначала не хотел печатать свое письмо, а предполагал распространить его в партийных организациях. Но дальнейшие драматические события изменили его планы.

«Политические проститутки»

В «культовом», можно сказать, фильме «Ленин в Октябре» Михаила Ромма этот эпизод показан так: Ленин, просматривая газеты, вдруг видит в «Новой жизни» заметку «Ю. Каменев о выступлении». Некоторое время он читает ее, затем бьет кулаком по столу и швыряет газету некоему «товарищу Василию» (совершенно мифический персонаж) со словами: «Какая подлость! Какая безмерная подлость! Где же граница бесстыдству? Вот полюбуйтесь, товарищ Василий, как эти святоши, эти политические проститутки нас предали. Предали партию, выдали планы ЦК! Бандиты!» Выражение «политическая проститутка», отпущенное в фильме по отношению к Зиновьеву и Каменеву, потом почему-то надолго приклеилось к Троцкому, и создавалось такое впечатление, что реальный, а не киношный Ленин действительно так и говорил.

Но то, что, увидев утром 18 октября 1917 года публикацию в «Новой жизни», настоящий Ленин был взбешен до крайности — это факт. О чем же шла речь? Газета поместила запись интервью с Каменевым. Он заявлял, что

ему «неизвестны какие-либо решения нашей партии, заключающие в себе назначение на тот или иной срок какого-либо выступления» и что вообще «подобных решений партии не существует». Но тут же, фактически противореча самому себе, давал понять, что такие планы обсуждаются, хотя и среди руководителей большевиков нет единства по этому вопросу. «Речь может идти только о захвате власти вооруженной рукой, — отмечал Каменев, — идти на какое-либо массовое «выступление» можно, только ясно и определенно поставив перед собой задачу вооруженного восстания. Не только я и товарищ Зиновьев, но и ряд товарищей-практиков находят, что взять на себя инициативу вооруженного восстания в настоящий момент, при данном соотношении общественных сил, независимо и за несколько дней до съезда Советов, было бы недопустимым, гибельным для дела революции и пролетариата шагом… Ставить на карту судьбу партии, пролетариата и революции и «выступать» в ближайшие дни значило бы совершать акт отчаяния. А партия слишком сильна, перед ней слишком большая будущность, чтобы совершать подобные шаги отчаяния».

Прочитав эту заметку, взбешенный Ленин написал «Письмо к членам партии большевиков» (оно будет впервые напечатано в «Правде» только 1 ноября 1927 года, когда борьба с оппозицией в партии вступит в завершающую фазу). «По важнейшему боевому вопросу, накануне критического дня 20 октября, — с возмущением писал Ленин, — двое «видных большевиков» в непартийной печати… нападают на неопубликованное решение центра партии! Можно ли себе представить поступок более изменнический, более штрейкбрехерский?

Я бы считал позором для себя, если бы из-за прежней близости к этим бывшим товарищам я стал колебаться в осуждении их. Я говорю прямо, что товарищами их обоих больше не считаю и всеми силами и перед ЦК, и перед съездом буду бороться за исключение обоих из партии… Что касается до положения вопроса о восстании теперь, так близко к 20 октября, то я издалека не могу судить, насколько именно испорчено дело штрейкбрехерским выступлением в непартийной печати. Несомненно, что *практический* вред нанесен очень большой…

Пусть господа Зиновьев и Каменев основывают свою партию с десятками растерявшихся людей или кандидатов в Учредительное собрание. Рабочие в такую партию не пойдут…

Трудное время. Тяжелая задача. Тяжелая измена.

И все же таки задача будет решена, рабочие сплотятся, крестьянское восстание и крайнее нетерпение солдат на фронте сделают свое дело! Теснее сплотим ряды, — пролетариат должен победить!»

До сих пор идут дискуссии — действительно ли Каменев выдал что-то такое, о чем не знали противники большевиков? Скорее всего, нет — о предстоящем «выступлении» не говорил тогда только ленивый. Вероятно, Ленина возмутила, во-первых, морально-этическая сторона его поступка — все-таки, как ни крути, а Каменев «вынес сор из избы» или, как сейчас часто говорят, «нарушил корпоративную этику». Но был от его интервью и действительно практический вред. Ведь позиция Каменева с Зиновьевым являлась отражением взглядов тысяч рядовых большевиков, у которых тоже имелись сомнения в целесообразности вооруженного выступления. Ленин это прекрасно понимал и считал, что публикация Каменева приведет к усилению вредных шатаний и колебаний среди партийцев. И это накануне «последнего и решительного боя»! Ленин расценил это газетное выступление как разглашение фактически секретного решения ЦК и потребовал исключить Каменева и Зиновьева из партии. Но остался в меньшинстве.

Одну из ключевых ролей в том, чтобы смягчить удар Ленина по «двум видным большевикам», сыграл Сталин. Тот самый, который их потом же и уничтожит. Сталин встретился с Зиновьевым и Каменевым и опубликовал в газете «Рабочий путь» письмо Зиновьева, в котором тот объяснял, что Ленин их не так понял и призывал «закрыть вопрос». «Мы вполне можем сомкнуть ряды и отложить наш спор до более благоприятных обстоятельств», — отмечал он. Сталин добавил к публикации письма еще и примечание от редакции. Оно гласило, что конфликт «можно считать исчерпанным». А резкость тона Ленина «не меняет того, что в основном мы остаемся единомышленниками».

Ленин, однако, так не считал. 19 октября он настаивал: «Каменев и Зиновьев выдали… решение ЦК своей партии о вооруженном восстании и о сокрытии от врага подготовки вооруженного восстания, выбора срока для вооруженного восстания. Это факт. Никакими увертками нельзя опровергнуть этого факта. Двое членов ЦК кляузной ложью перед капиталистами выдали им решение рабочих. Ответ на это может и должен быть один: немедленное решение ЦК:

«Признав полный состав штрейкбрехерства в выступлении Зиновьева и Каменева в непартийной печати, ЦК исключает обоих из партии».

Мне нелегко писать это про бывших близких товарищей, но колебания я считал бы здесь преступлением, ибо иначе партия революционеров, не карающая видных штрейкбрехеров, погибла…

On n’est trahi que par les siens, говорят французы. Изменником может стать лишь свой человек.

Чем «виднее» штрейкбрехеры, тем обязательнее немедля карать их исключением».

Однако и тогда Ленина не поддержали. Несмотря на его фактический ультиматум. ЦК собрался 20 октября. В его заседании участвовали девять человек. Не было ни Ленина, ни Каменева с Зиновьевым. Каменев прислал заявление о своей отставке с поста члена ЦК. Сталин на заседании заявил, что предложение Ленина может рассматривать лишь пленум ЦК, поэтому его вообще надо снять с повестки дня. Он заявил, что «исключение из партии — не рецепт, нужно сохранить единство партии», и предложил «обязать этих двух тт. подчиниться, но оставить их в ЦК».

Тем не менее заявление Каменева об отставке все же рассмотрели и удовлетворили его: пять человек проголосовали «за», трое — «против». Затем Каменева и Зиновьева обязали не выступать «против решений ЦК и намеченной им линии работы» («за» голосовали шесть человек). А заодно единогласно запретили всем членам ЦК «выступать против принятых решений ЦК». 22 октября Ленин написал Свердлову: «По делу Зиновьева и Каменева, если *вы* (+ Сталин, Сокольников и Дзержинский) требуете компромисса, внесите *против* меня предложение о сдаче дела в партийный суд… Это будет отсрочкой». В общем-то, несмотря на весь ленинский гнев, тогда этим дело и закончилось. О партийном суде больше не вспоминали, да и отставка Каменева тоже носила скорее формальный характер. О ней уже не вспоминали. Было не до того.

Утром 24 октября Каменев участвовал на заседании ЦК, которое проходило в Смольном. Именно он и открыл его и предложил, чтобы члены ЦК без особого постановления в ближайшие часы Смольный не покидали. Счет уже действительно шел на часы.

«На капитанском мостике»

Где был Каменев непосредственно в часы переворота? Согласно мемуарам Троцкого, рядом с ним, как выразился тогдашний председатель Петросовета, «на капитанском мостике». «К ночи 24-го члены Революционного комитета разошлись по районам, — писал он. — Я остался один. Потом пришел Каменев. Он был противником восстания. Но эту решающую ночь он пришел провести со мною, и мы остались вдвоем в маленькой угловой комнате третьего этажа, которая походила на капитанский мостик в решающую ночь революции».

А утром 25-го он присутствовал на заседании ЦК и Петроградского комитета большевиков, которое проводил Ленин. Народу в комнату набилось так много, что многие сидели на полу. Член ЦК Владимир Милютин вспоминал, что они заседали «в маленькой комнатке № 36 на первом этаже Смольного. Посреди комнаты — стол, вокруг — несколько стульев, на пол сброшено чье-то пальто… В углу прямо на полу лежит товарищ Берзин… ему нездоровится. В комнате исключительно члены ЦК, т[о] е[сть] Ленин, Троцкий, Сталин, Смилга, Каменев, Зиновьев и я… Время от времени стук в дверь: поступают сообщения о ходе событий».

Хотя еще не были взяты Зимний дворец, Государственный банк, Центральная телефонная станция и другие важные объекты, общий настрой был оптимистичным. В этой обстановке многие запомнили слова Каменева: «Ну что же, если сделали глупость и взяли власть, то надо составлять министерство». Милютин вспоминал, что кто-то заметил, что мы «едва продержимся две недели», на что Ленин ответил: «Ничего, когда пройдет два года и мы все еще будем у власти, вы будете говорить, что [едва ли] еще два года продержимся». Не исключено, что этот «кто-то» тоже был Каменев. К предложению о формировании правительства сначала отнеслись как к шутке, но затем за дело взялись всерьез. Интересно сравнить мемуары двух очевидцев, которые подробно описывали этот момент — Троцкого и Милютина.

У Троцкого: «Надо формировать правительство. Нас несколько членов Центрального Комитета. Летучее заседание в углу комнаты.

— Как назвать? — рассуждает вслух Ленин. — Только не министрами: гнусное, истрепанное название.

— Можно бы комиссарами, — предлагаю я, — но только теперь слишком много комиссаров. Может быть, верховные комиссары?.. Нет,

«верховные» звучит плохо. Нельзя ли «народные»?

— Народные комиссары? Что ж, это, пожалуй, подойдет, — соглашается Ленин. — А правительство в целом?

— Совет, конечно, совет… Совет народных комиссаров, а?

— Совет народных комиссаров? — подхватывает Ленин, — это превосходно: ужасно пахнет революцией!»

А вот у Милютина: «Название членов правительства «министрами» отдавало бюрократической затхлостью. И вот тут Троцкий нашел то слово, на котором все сразу сошлись. «Можно бы, — предлагает он, — комиссарами, но только теперь слишком много комиссаров. Может быть, верховные комиссары? Нет, «верховные» звучит плохо. Нельзя ли «народные»?» — «Народные комиссары? Что ж, это, пожалуй, подойдет, — соглашается Ленин. — А правительство в целом?» Каменев подхватывает, — «А правительство назвать Советом Народных Комиссаров». Владимир Ильич пробует на слух: «Совет Народных Комиссаров? Это превосходно: ужасно пахнет революцией!»… И мною было записано — Совет Народных Комиссаров…»

По Троцкому выходит, что название «Совнарком» придумал именно он, а по Милютину — оно пришла в голову Каменеву. Тогда же набросали поименный список членов Совнаркома (Троцкий стал наркомом иностранных дел, а, к примеру, тот же Милютин — наркомом земледелия). Каменева в состав нового правительства не включили. Но вовсе не из-за его выступлений против Ленина — у Ильича на Каменева были особые виды.

Двадцать пятого октября в 22.45 в Смольном открылся II съезд Советов. Развитие ситуации в Петрограде в это время достигло своей критической точки — шел штурм Зимнего дворца, и в зале заседаний хорошо была слышна артиллерийская канонада — по дворцу вели огонь орудия Петропавловской крепости. Правые эсеры, меньшевики и бундовцы яростно протестовали против переворота, а затем в знак протеста вовсе ушли со съезда. После этого большевики и их союзники левые эсеры получили ощутимое большинство голосов и, собственно, взяли ход съезда в свои руки. Председателем президиума съезда выбрали Каменева. По иронии судьбы, именно ему, не верившему в успех восстания, выпала участь объявлять о его победе в Петрограде.

В 3 часа 10 минут 26 октября он объявил о взятии Зимнего дворца и аресте министров Временного правительства. Николай Суханов описывал этот момент так: «Люди стояли и с вытянутыми шеями прислушивались к заявлению председателя Каменева, который выговаривал с особым весом:

— Мы получили сейчас следующую телефонограмму. Зимний дворец

взят войсками Военно-революционного комитета. В нем арестовано все Временное правительство, кроме Керенского, который бежал и т. д.

Каменев перечисляет всех арестованных министров».

Суханов вспоминал еще об одной любопытной сценке в буфете Смольного, во время перерыва в заседаниях съезда. «Из переполненного толпой коридора я попал в буфет. Там была давка и свалка у прилавка. В укромном уголке я натолкнулся на Каменева, впопыхах глотающего чай:

— Так вы окончательно решили править одни? — вернулся я к прежней теме. — Я считаю такое положение совершенно скандальным. Боюсь, что, когда вы провалитесь, будет поздно идти назад…

— Да, да, — нерешительно и неопределенно выговорил Каменев, смотря в одну точку.

— Хотя… почему мы, собственно, провалимся? — так же нерешительно продолжал он».

«Каменев, — заключает Суханов, — был не только посрамленным ныне противником восстания. Он был и противником чисто большевистской власти и сторонником соглашения с меньшевиками и эсерами. Но он боялся опять быть посрамленным. Таких было немало…»

Как покажут дальнейшие события, сомнения Каменева не закончились. Но пока нужно было возвращаться на съезд. В 20 часов 40 минут 26 октября он открыл его второе заседание. «Съезд постановил, — заявил он, — что он берет власть в свои руки. И мы теперь предлагаем вашему вниманию те проекты законов, которые мы считаем необходимыми как можно скорее принять». На этом заседании были приняты знаменитые декреты о мире и земле. Каменев зачитал декрет об образовании «Временного рабоче-крестьянского правительства» — Совета народных комиссаров. 27 октября его избрали председателем Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) Советов рабочих и солдатских депутатов. Теперь, когда Советы объявили о взятии власти в свои руки, он превратился в высший законодательный и распорядительный орган нового государства. Именно он — опять же формально — утвердил Совнарком во главе с Лениным. Ну а Каменев, таким образом, стал главой Советской республики, своего рода президентом.

Впрочем, ненадолго.

«Политика Каменева должна быть прекращена…»

Захватили власть большевики на удивление легко, расчет Ленина здесь

оказался точен. Но уже в первые дни после переворота стало выясняться, что удержать ее будет куда как сложнее. Сопротивление юнкеров в Москве и восстание Комитета спасения Родины и революции 29 октября довольно быстро подавили, но что было делать с бойкотом, который объявили новым властям служащие министерств и ведомств? Народные комиссары не могли даже получить деньги для выдачи зарплат рабочим.

Но и это еще было не все. На большевиков «давили» и другие социалисты. И не только меньшевики и правые эсеры — «соглашатели с буржуазией», но и левые эсеры — их союзники по Октябрю. В новое правительство они войти отказались «временно и условно», заявив, что их вхождение «в большевистское министерство создало бы пропасть между ними и ушедшими со съезда отрядами революционной армии, — пропасть, которая исключила бы возможность посредничества между большевиками и этими группами».

Наконец 29 октября с ультиматумом выступил Всероссийский исполнительный комитет профсоюза железнодорожников — Викжель. В нем говорилось, что Совнарком, как опирающийся только на одну партию, «не может встретить опоры во всей стране», и поэтому необходимо создать новое правительство. Викжель пригрозил, что если его не услышат, то все железнодорожные перевозки будут прекращены начиная с 0 часов 30 октября. Представителям социалистических партий предлагалось прислать своих представителей на заседание ЦК профсоюза.

Давление на большевиков было настолько сильным, что тогда многие были уверены, что их власть продержится еще не более двух недель. «Аргументы» Викжеля звучали более чем убедительно, поэтому уже тогда же, 29 октября, ЦК РСДРП(б) согласился вести переговоры о создании правительства «всех социалистических партий до народных социалистов включительно». Более того, в решении ЦК сначала было записано, что «если потребуют», то большевики согласны отказаться от кандидатур Ленина и Троцкого (их на заседании ЦК не было) в составе этого «однородного социалистического правительства». Потом, правда, эту фразу вычеркнули.

Вечером 29 октября переговоры начались. В них приняли участие 26 человек от различных социалистических партий, а также ВЦИК, Комитета спасения Родины и революции, Петроградской городской думы, Исполкома Совета крестьянских депутатов. ЦК большевиков представляли Каменев и Григорий Сокольников, ВЦИК — Яков Свердлов и Давид Рязанов. 30 октября в общих чертах было достигнуто соглашение: новое правительство возглавит эсер Виктор Чернов, вместо ВЦИК Советов создается

Временный народный совет из 420 человек. Каменев согласился с этими условиями. Он считал, что «на первом месте стоит программа правительства и его ответственность, а отнюдь не личный его состав». Не только он в руководстве большевистской партии был сторонником соглашения. Таких или примерно таких взглядов придерживались Зиновьев, нарком по делам торговли и промышленности Виктор Ногин, нарком внутренних дел Алексей Рыков, нарком земледелия Владимир Милютин. Попахивало расколом, но Ленина это не испугало. 1 ноября на заседании Петроградского комитета РСДРП(б) он заявил, что не может спокойно выслушивать того, что говорят Каменев и Зиновьев и что рассматривает это как измену. «Если будет раскол — пусть, — сказал Ленин. — Если будет их большинство — берите власть в Центральном Исполнительном Комитете и действуйте, а мы пойдем к матросам… Необходимо арестовывать — и мы будем… Наш лозунг теперь: без соглашений, т[о] е[сть] за однородное большевистское правительство».

Ленин и Троцкий обрушились на Каменева и на заседании ЦК, которое началось вечером 1 ноября. Ленин заявил, что переговоры Каменева должны были быть всего лишь «дипломатическим прикрытием военных действий» и что «политика Каменева должна быть прекращена в тот же момент». Его поддержал Троцкий. Он сказал, что «незачем было устраивать восстания, если мы не получим большинства», и что недопустимо отказываться от кандидатуры Ленина как главы правительства. Большинство в ЦК поддержало Ленина. Правда, переговоры еще какое-то время велись, но условия большевиков стали более жесткими: половина мест в правительстве и обязательное присутствие в нем Ленина и Троцкого. Однако Ленина уже совсем не устраивала чрезмерная, по его мнению, сговорчивость «соглашателей». 4 ноября он предъявил им «ультиматум», потребовав от них «подчиниться партийной дисциплине и проводить ту политику, которая была формулирована в резолюции ЦК». Но Ленина ждал неприятный сюрприз.

Оппозиция уперлась еще больше. Каменев, Зиновьев, Рыков, Ногин и Милютин объявили о своих отставках с постов в ЦК и в Совнаркоме. «ЦК РСДРП (большевиков) 1 ноября принял резолюцию, наделе отвергавшую соглашение с партиями, входящими в Совет рабочих и солдатских депутатов, для образования социалистического Советского правительства, — говорилось в их заявлении, — …вне этого есть только один путь: сохранение чисто большевистского правительства средствами политического террора. На этот путь вступил Совет народных комиссаров… Нести ответственность за эту политику мы не можем и

поэтому слагаем с себя перед ЦИК звание народных комиссаров».

Момент был чрезвычайно драматическим. Ленин, хотя и говорил, что пойдет «к матросам», прекрасно понимал, к чему приведет раскол в руководстве партии. К тому же далеко не все большевики тогда еще были готовы рассматривать умеренных социалистов как ярых врагов — для этого время еще не пришло. Но Ленин выбрал жесткий сценарий. Он выдвинул еще один ультиматум: либо оппозиционеры письменно обязуются подчиниться, либо отстраняются от публичной партийной деятельности до съезда партии, на котором будет решен их вопрос. Отказ выполнить эти требования «поставит ЦК перед необходимостью поставить вопрос о немедленном вашем исключении из партии». Из оппозиции дрогнул только Зиновьев. Остальные подчиниться отказались. Но любопытно, что с поста председателя ВЦИК Каменев ушел не сам, а был снят решением ЦК и фракции большевиков во ВЦИК. Это произошло 8 ноября, причем с фракцией сторонникам Ленина пришлось вести «разъяснительную работу» — симпатии к соглашению с другими социалистами в ней были довольно-таки сильны. На этом посту Каменева сменил Яков Свердлов.

«Правые большевики» в очередной раз (и не в последний) тогда потерпели поражение. Почему тогда не удалось создать коалиционное социалистическое правительство — об этом до сих пор продолжаются дискуссии. И существует точка зрения, что не только Ленин, но и эсеры с меньшевиками не очень-то хотели этого, поскольку считали, что большевикам все равно скоро наступит конец. Но Ленин-то точно не хотел правительства, в котором ведущие позиции достанутся не его партии. И ему нельзя отказать в логике: с какой стати партия, захватившая власть, должна ею делиться со своими давними оппонентами? Другое дело, что, возможно, тогда, в ноябре 1917 года, был упущен один из шансов направить историю страны по другому руслу. Возможно, без такой кровавой Гражданской войны, которая разразилась уже в ближайшее время. Такие шансы будут и позже, но все они тоже будут потеряны. Хотя, с другой стороны, кто знает, как сложилась бы судьба России, если бы их использовали…[85]

Девятого ноября, почти в самый разгар всех этих интриг вокруг создания «однородного правительства» Зинаида Гиппиус написала стихи, которые так и назвала — «Сейчас»:

Как скользки улицы отвратные,
Какая стыдь!
Как в эти дни невероятные

Позорно жить!

Лежим, заплеваны и связаны,
По всем углам.
Плевки матросские размазаны
У нас по лбам.

Столпы, радетели, воители
Давно в бегах.
И только вьются согласители
В своих Це-ках.

Мы стали псами подзаборными,
Не уползти!
Уж разобрал руками черными
Викжель — пути…

Что же касается грозного Викжеля, с которым осенью 1917 года был вынужден считаться сам Ленин, то, по сути, никаких путей он тогда так и не разобрал и своих угроз не выполнил. Наоборот, 20 ноября он признал советскую власть при условии, что ему передадут управление железными дорогами. Ну а на Чрезвычайном железнодорожном съезде в январе 1918 года Викжель был вообще упразднен, а вместо него создан профсоюз Викжедор, который уже полностью поддерживал большевиков.

«Фронда» «правых большевиков» продлилась недолго — уже 29 ноября они отозвали свои заявления о выходе из ЦК и признали свои ошибки. Но, разумеется, постов в Совнаркоме им уже не вернули. Каменев стоял особняком — его тогда не простили, как других, и в ЦК не восстановили. Понять Ленина можно: всего лишь за месяц Каменев дважды открыто пошел против его линии. С другой стороны, ни ждать партийного съезда для решения его судьбы, ни тем более исключать его из партии никто не собирался. У большевиков было слишком много дел и проблем, а вот подготовленных людей не хватало.

Уже 18 ноября Каменев в составе советской делегации уехал в Брест-Литовск, где начинались переговоры с Германией и ее союзниками о перемирии. С начала 1918 года переговоры в Бресте с советской стороны возглавил наркоминдел Троцкий — речь теперь шла уже о подписании мирного договора. Каменева же «перебросили» на другой участок

дипломатической работы — на этот раз договариваться предстояло со странами Антанты. В середине января 1918 года он на пароходе отправился в Англию. Оттуда он должен был переехать во Францию — Каменева назначили советским полпредом в Париже. Однако французы признавать Советскую Россию не собирались и видеть его у себя не желали. Пришлось возвращаться обратно.

В Петроград Каменев пытался вернуться через Финляндию. Но как только он пересек финскую границу, то сразу же был арестован. В Финляндии тоже шла гражданская война между «красными» и «белыми», и Советская Россия, естественно, поддерживала «красных». Арестовав высокопоставленного представителя большевиков, финны фактически взяли его в заложники. Они требовали от русских прекратить поддержку финских «красных». Между советскими и финскими властями начался торг. В итоге Каменева обменяли на арестованных в России «белофиннов». 3 августа 1918 года он был освобожден. В Петрограде ему устроили торжественную встречу.

«Лорд-мэр» и «либерал»

Столицей Советской России к этому времени уже стала Москва, куда Совнарком и другие органы власти переехали в марте 1918 года. После возвращения в Россию туда отправился и Каменев. С этого момента началось его постепенное возвращение во власть, более того — восхождение на самые вершины иерархической лестницы Советской России.

В сентябре 1918 года он стал членом Президиума ВЦИК, а 14 октября был избран председателем Моссовета — лорд-мэром[86] Москвы, как в шутку называли его товарищи.

Как и другие руководители, Каменев получил квартиру в Кремле. В мемуарах, которые появлялись в советское время, многие из революционеров жаловались на плохие условия, скудное питание и голод. Да и Троцкий вспоминал, что «кормились тогда в Кремле из ряда вон плохо. Взамен мяса давали солонину. Мука и крупа были с песком. Только красной кетовой икры было в изобилии вследствие прекращения экспорта… За обедом нам подавали жидкие щи и гречневую кашу с шелухой в придворных тарелках с орлами». Возможно, бывало, и такое. Но в целом советские высокопоставленные начальники жили, мягко говоря, намного комфортнее прочих граждан. Судя по документам, в конце 1920

года никакой «мукой с песком» в Кремле уже не пахло. С 25 декабря 1920-го до весны 1921 года работала специальная комиссия ЦК РКП(б) и Президиума ВЦИК во главе с членом ЦК Матвеем Мурановым[87] по проверке привилегий лиц, проживающих в Кремле. Ее отчеты — весьма яркая иллюстрация жизни советских руководителей того времени, в том числе и Каменева.

Вот лишь некоторые «эпизоды» из них. В рацион обычного кремлевского обеда входили мясо, дичь, рыба, крупы, макароны и картофель, масло сливочное и растительное, сало и т. п. Для дежурных и лиц, занятых «сверхурочно», выдавались также сливочное масло, мясо, сыр, ветчина, колбаса, черная икра, яйца и сардины. В феврале 1921 года в столовой Совнаркома семьи Калинина, Троцкого, Каменева и Рыкова ежедневно получали по пять обедов, семьи Луначарского и наркома продовольствия Александра Цюрупы — по семь. А вот семья Ленина только два.

В случае болезни руководителям полагалось усиленное питание. Особенно часто, судя по отчетам комиссии, этим пользовался Каменев. Ленин, кстати, внимательно следил за здоровьем своих соратников и часто выступал с инициативой предоставления им «специальных» отпусков, когда им выделяли особые льготы, преимущества и приличные суммы отпускных. В сентябре 1924 года Сталин жаловался, что ему на отпуск было выдано одной суммой «только» пять тысяч рублей, а вот Зиновьев получил 2500 рублей, а «по другим каналам» еще 10 тысяч рублей, равно как и Троцкий. Сталин просил выделить ему на поездку в Крым дополнительно 400–500 рублей.

Что касается использования служебного автомобиля, то чаще всех летом 1920-го — весной 1921 года им пользовался Луначарский: он проехал на нем в целом 2640 верст в течение 260 часов 15 минут. На втором месте — Ленин (с сестрой и женой) — 2200 верст почти за 200 часов. За ними вновь шел Каменев.

Все эти данные приводились в отчетах комиссии Муранова. Впрочем, достаточно почитать и приводившиеся выше письма Леонида Красина своей жене, которые он писал осенью 1918 года и в которых жаловался на то, что на обеды дают слишком много мяса, а для его служебного автомобиля не всегда можно найти бензин. Другим бы, как говорится, тогда его проблемы.

С точки зрения быта и комфорта жизнь Каменева была — по тем временам — устроена весьма неплохо. Все, кто бывал в его кремлевской квартире, вспоминали не столько о роскоши, сколько об атмосфере уюта и

комфорта, в которой жила его семья. В личном общении Каменев, по воспоминаниям тех, кто имел с ним дело, казался этаким упитанным, благодушным и интеллигентным «барином» — да он и своим внешним видом походил на какого-нибудь дореволюционного врача, инженера или университетского преподавателя, который, как и булгаковский профессор Преображенский, любил после работы со вкусом поужинать, поговорить об искусстве или съездить в оперу.

Свои «барские» манеры ему удавалось успешно сочетать с выступлениями на митингах, пленумах и встречах с трудящимися. Ходила тогда такая байка: якобы один из знакомых Каменева был приглашен к нему на обед в Кремль. Им прислуживала горничная в накрахмаленном фартуке и наколке, а сам Каменев был одет в первоклассный английский костюм. Обед прошел прекрасно, а затем Каменев, взглянув на часы, сказал, что ему пора ехать на митинг. Он повернулся и крикнул горничной: «Подавайте костюм для митингов!» — и посмеиваясь, обратился к гостю: «Надо гримироваться».

Жена Каменева Ольга тоже была значительной фигурой советского истеблишмента, она заведовала Управлением театров в Наркомпросе. Поэт Владислав Ходасевич — уже в эмиграции — довольно зло описал и это учреждение, и саму Ольгу Каменеву: «К концу 1918 года, в числе многих московских писателей (Бальмонта, Брюсова, Балтрушайтиса, Вяч. Иванова, Пастернака и др.), я очутился сотрудником Тео, то есть Театрального отдела Наркомпроса. Это было учреждение бестолковое, как все тогдашние учреждения. Им заведовала Ольга Давидовна Каменева, жена Льва Каменева и сестра Троцкого, существо безличное, не то зубной врач, не то акушерка. Быть может, в юности она игрывала в любительских спектаклях. Заведовать Тео она вздумала от нечего делать и ради престижа.

Писатели были в Тео только вкраплены. Основное ядро составляли какие-то коммунисты, рабочие, барышни, провинциальные актеры без ангажемента, бывшие театральные репортеры, студенты, художники. Они неизвестно откуда являлись и неизвестно куда пропадали, высказав свое мнение…

Мы составляли репертуарные списки для театров, которые не хотели нас знать. Мы старались протащить классический репертуар: Шекспира, Гоголя, Мольера, Островского. Коммунисты старались заменить его революционным [репертуаром], которого не существовало. Иногда приезжали какие-то «делегаты с мест» и, к стыду Каменевой, заявляли, что пролетариат не хочет смотреть ни Шекспира, ни революцию, а требует водевилей: «Теща в дом — все вверх дном», «Денщик подвел» и тому

подобного… Бывали рукописи с рекомендацией Ленина, Луначарского…

Чтобы не числиться нетрудовым элементом, писатели, служившие в Тео, дурели в канцеляриях, слушали вздор в заседаниях, потом шли в нетопленые квартиры и на пустой желудок ложились спать, с ужасом ожидая завтрашнего дня, ремингтонов, мандатов, г-жи Каменевой с ее лорнетом и ее секретарями. Но хуже всего было сознание вечной лжи, потому что одним своим присутствием в Тео и разговорами об искусстве с Каменевой мы уже лгали и притворялись».

На этом посту Ольга Каменева долго не продержалась. Ее слишком «радикальный» подход к репертуару не нравился наркому просвещения Луначарскому, который в 1920 году уволил ее, заручившись согласием Ленина. Затем она занималась различной общественной деятельностью, связями с заграницей, в 1925–1929 годах была председателем Правления ВОКС (Всесоюзного общества культурных связей с заграницей). В 1921 году у Каменева родился сын Юрий. Старший же сын, Александр, или, как его называли в семье «Лютик», рос, по воспоминаниям современников, достаточно избалованным ребенком. В 1921 году ему было уже 15 лет.

Годом раньше тот же Ходасевич пришел к Каменеву просить об улучшении своих квартирных условий (об этом немного ниже). Во время этого визита у него состоялся долгий разговор и с Ольгой Каменевой, которая вдруг начала рассказывать о Лютике весьма любопытные вещи. Он сам в это время болел где-то в соседней комнате. Сошлемся на Ходасевича как на источник, хотя других подтверждений того, что жена Каменева действительно рассказывала это, нет.

«Что за несчастный мальчик! — говорила, по словам Ходасевича, Ольга Давидовна. — Хворает уже больше месяца! Совсем уже было поправился — а вот сегодня опять ему хуже. А ведь какой способный! Прекрасно учится, необыкновенно живо все схватывает, прямо на лету! Всего четырнадцать лет (кажется, она сказала именно четырнадцать) — а уже сорганизовал союз молодых коммунистов из кремлевских ребят… У них все на военную ногу».

Или вот еще: «Нашему Лютику можно доверить решительно все что угодно. Он был совсем еще маленьким, когда его царские жандармы допрашивали, — и то ничего не добились. Знаете, он у нас иногда присутствует на самых важных совещаниях, и приходится только удивляться, до какой степени он знает людей! Иногда сидит, слушает молча, а потом, когда все уйдут, вдруг возьмет, да и скажет: «Папочка, мамочка, вы не верьте товарищу такому-то. Это он все только притворяется и вам льстит, а я знаю, что в душе он буржуй и предатель рабочего класса».

Сперва мы, разумеется, не обращали внимания на его слова, но, когда раза два выяснилось, что он был прав относительно старых, как будто самых испытанных коммунистов, — признаться, мы стали к нему прислушиваться. И теперь обо всех, с кем приходится иметь дела, мы спрашиваем мнение Лютика».

В мае 1921 года Каменева-младшего видел и поэт Корней Чуковский. Знакомые встречали его на вокзале в Москве, куда он приехал из Петрограда. Причем на машине. «Машина, — записал Чуковский в дневнике, — чудо, бывшая Николая Второго, колеса двойные, ревет как белуга. Добыли у Каменева. Сын Каменева с глуповатым и наглым лицом беспросветно испорченного хаменка». Вскоре у Каменева появится фактически вторая семья и родится еще один сын. Что же касается Лютика, то его поведение будут обсуждать руководители страны. Но об этом немного позже.

С 1918 по 1926 год Каменев руководил Москвой. Этот период, в котором в городе происходили радикальные изменения, конечно, заслуживает отдельного и гораздо более подробного исследования. «Каменевская» Москва — это и голод, и холод военного коммунизма, и время НЭПа с его ресторанами, вновь вдруг заполнившимися магазинами, нарядными дамами на Кузнецком Мосту и популярными частушками, которые пели перед началом кино-сеансов:

Два червонца, три червонца
Или сразу пять,
За червонцы, за червонцы
Можно все достать.

Это было время странных, смелых и неоднозначных экспериментов во всех областях жизни — в науке, медицине, нравственности и быту — от «уплотнения» квартир до расцвета общества сексуальной свободы «Долой стыд!», от увлечения гипнозом и проблемами омоложения человека до разрушения церквей и пропаганды пользы идеи кремации покойников — именно при Каменеве в Москве было принято решение о строительстве первого в СССР постоянно работающего крематория. Он был открыт в 1927 году и стал одной из главных московских достопримечательностей — иногородних туристов возили смотреть Кремль, Третьяковскую галерею и крематорий. «Донской монастырь является пионером в части кремации в СССР», — гордо писал путеводитель «Москва безбожная».

Собственно, о Москве «позднекаменевского» периода написаны романы и повести Булгакова, Ильфа и Петрова, раннего Катаева да и многие другие.

Москва при Каменеве могла считаться неким «оазисом либерализма». Условно, конечно. Но если, например, сравнивать ее с Петроградом — Ленинградом, где властвовал Григорий Зиновьев[88], то уж точно. Во время Гражданской войны Зиновьев «прославился» как один из организаторов систематического «красного террора» против «бывших», в число которых попали не только действительно бывшие царские сановники, полицейские, жандармы и пр., но и многие представители интеллигенции.

В Москве в этом смысле порядки были чуть-чуть мягче, хотя сам Каменев (особенно после покушения на Ленина 30 августа 1918 года) против «красного террора» никогда не выступал, и расстрелов «бывших» тоже хватало. Скажем, в мае 1919 года, заслушав отчет о работе Московского революционного трибунала, Президиум Моссовета одобрил его деятельность и в своей резолюции особо подчеркнул, что трибунал «должен быть беспощаден в борьбе с врагами советской власти и вместе с тем внимательно относиться к проступкам трудовых элементов, всячески ограждая их интересы».

Но по частностям отличия все же были. Каменев и Горький сумели настоять, чтобы в Москве отменили осадное положение со всеми вытекающими из него последствиями, в том числе внесудебными смертными приговорами. Весной и летом 1919 года, когда советские власти вовсю боролись с «мешочниками и спекулянтами», Моссовет разрешил в ограниченных масштабах частную торговлю. Разрешалось привозить в столицу из расположенных вблизи нее деревень различные продукты и продавать их на рынках. Разрешалась также торговля одеждой и обувью.

В Моссовет в 1919–1920 году избирались не только большевики, но и представители других партий. Даже такие «одиозные» для «красной власти» личности, как меньшевики Юлий Мартов и Федор Дан. В 1920 году Мартова выслали из РСФСР, а в 1921 году арестовали Дана. Потом, после года пребывания в тюрьме, его тоже вышлют за границу.

Советский художник Леонид Хорошкевич, которому в 1919 году было 17 лет, вспоминал о тогдашней Москве: «Чувство голода мучило и казалось унижающим. По утрам полулитровая кружка кофе на сахарине и без молока и лепешки из кофейной гущи уделялись мне на завтрак…

Грузовики, наполненные доверху голыми трупами умерших от тифа. Их провозили по Москве, слегка прикрыв рогожами. На Семеновском кладбище их сбрасывали в общие ямы, а мы, в нескольких метрах от них,

тогда еще школьники, набивали мешки капустой — продовольственная база и мы находились рядом.

Диктатура пролетариата, разруха, дезертирство, голод, спекуляция, беспризорность, таковы были новые слова и понятия, грубо входившие в сознание через быт, декреты и плакаты. Я становился очевидцем огромных событий России, и это огромное будущее казалось непонятно, страшно и мерзостно».

Но помимо холода и голода была в Москве и другая жизнь. 1919–1920 годы стали, например, временем настоящего расцвета «кафейного» периода русской поэзии. В измученном и голодном городе работали «литературные кафе» «Домино», «Красный петух», клуб Союза поэтов, «Стойло Пегаса». «В Москве поэты, художники, режиссеры и критики дрались за свою веру в искусство с фанатизмом первых крестоносцев», — вспоминал поэт Анатолий Мариенгоф.

В сентябре 1919 года в Москве была образована «Ассоциация вольнодумцев». В нее вошли Сергей Есенин, Анатолий Мариенгоф, Вадим Шершеневич, Рюрик Ивнев и другие поэты-имажинисты. В годы Гражданской войны и военного коммунизма, когда, казалось бы, каждый индивидуальный предприниматель должен был автоматически приравниваться к «буржую» с соответствующими последствиями (а НЭП провозгласят только весной 1921-го), они развили бурную коммерческую деятельность: создали издательство, две книжные лавки, журнал и, по некоторым данным, перекупили синематограф «Лилипут». Но самым главным коммерческим предприятием имажинистов было кафе «Стойло Пегаса». Оно приносило очень неплохой доход. Тогда это было, как сейчас сказали бы, «культовое место» Москвы.

С точки зрения советской власти все это были очень сомнительные инициативы. В принципе, московские власти могли «прихлопнуть» их в два счета. Но нет — при Каменеве на их «выкрутасы» смотрели сквозь пальцы.

С конца 1918 года политическая карьера Каменева развивалась более чем успешно. На VIII съезде партии в марте 1919 года его выбрали в ЦК. Тогда Зиновьев предложил расширить состав Центрального комитета до девятнадцати членов, и одним из них стал Каменев. Прошедший 25 марта Пленум ЦК выделил из своего состава Политическое бюро (Политбюро) из семи человек. Членом Политбюро, которое со временем превратилось не только в центр руководства партией, но и всей страной, наравне с Лениным, Троцким, Сталиным, Крестинским выбрали и Каменева. Кандидатами в члены Политбюро стали Зиновьев, Бухарин и Калинин[89]. С тех пор Каменев неизменно входил в состав Политбюро ЦК РКП(б) —

ВКП(б)[90] до октября 1926 года, когда его вместе с Троцким оттуда исключили.

В 1919–1920 годах Каменев также входил в состав Организационного бюро (Оргбюро) ЦК. С сентября 1922-го по февраль 1924 года он — заместитель председателя Совнаркома, а с сентября 1922-го по июль 1923 года — заместитель председателя Совета Труда и Обороны РСФСР/СССР. И при этом по-прежнему занимал пост председателя Моссовета. Каменев, безусловно, входил в круг самых высших руководителей страны.

Он имел репутацию «либерала», хотя, конечно, так назвать его можно было лишь с большой натяжкой. Каменев шел «в фарватере ленинской политики» — не возражал ни против «красного террора», ни против продразверстки и продотрядов, ни против «беспощадной борьбы с врагами народа и революции». Например, 11 января 1923 года заседание Политбюро, включая и Каменева, приняло решение: «Предложить ГПУ усилить наблюдение за лицами либеральных профессий и своевременно принимать меры по обезвреживанию врагов советской власти». Так же он не возражал против отмены продразверстки, политики НЭПа, введения террора в «законодательные рамки» и т. д.

С одной стороны, по его инициативе весной 1919 года была легализована Партия социалистов-революционеров. Виктор Чернов, находившийся в то время в Москве нелегально, вспоминал: «И вот, по предложению Л. Каменева, специальным решением ВЦИКа наша партия, без каких-то бы ни было официально предложенных ей условий, была объявлена легализованной! Правда, это было сделано «в виде опыта» со ссылкой на то, что после колчаковского переворота[91] партия решила временно отказаться от вооруженной борьбы с большевиками. Итак, мы вдруг как будто стали легальной партией!»

Впрочем, легализовали эсеров ненадолго. Вскоре партию снова запретили, а тот же Каменев принимал активное участие в подготовке так называемого «процесса по делу правых эсеров», который прошел в Москве. Это был один из первых советских «показательных процессов», который сопровождался мощным пропагандистским обеспечением.

Каменев практически во всем поддерживал Ильича. С Лениным спорили Бухарин, Пятаков, Луначарский, Шляпников, Коллонтай, Красин и другие, но не он. Пожалуй, только однажды за это время его позиция по крупному вопросу противоречила взглядам Ленина — это было во время дискуссии о монополии торговли. Ленин был за нее, а Каменев в числе тех, кто считал необходимым частично ее ослабить. Но вскоре он

присоединился к тем, кто поддерживал Ленина[92].

Казалось бы, старые серьезные разногласия между ними остались в прошлом. Ленин, хотя и не забывал их, теперь полностью полагался на Каменева. Когда Ильич отсутствовал на заседаниях Политбюро, то их вел именно он. Ходили слухи, что Ленин вообще рассматривал Каменева в качестве своего «преемника».

Если полистать Полное собрание сочинений Ленина, то можно без труда найти немало адресованных Каменеву записок и писем. Не только деловых, но и личных. Даже иногда сугубо личных, можно сказать, почти интимных. Например, в июле 1919 года он просил Каменева: «12 или 13 приезжает Горький. Можете ли распорядиться дать ему дров?»

Или 24 апреля 1921 года Ленин писал ему: «т[оварищ] Каменев! Дети Инессы Арманд обращаются ко мне с просьбой, которую я усердно поддерживаю:

1) Не можете ли Вы распорядиться о посадке цветов на могиле Инессы Арманд?

2) То же — о небольшой плите или камне?

Если можете, черкните мне, пожалуйста, через кого (через какие учреждения или заведения) это Вы сделали, чтобы дети могли туда дополнительно обратиться, проверить, дать надписи и т. п.

Если не можете, черкните тоже, пожалуйста: может быть, можно приватно заказать? или, может быть, мне следует написать куда-либо, и не знаете ли, куда?

Ваш *Ленин*».

С Инессой Арманд, умершей в сентябре 1920 года от холеры, Ленина связывали как минимум близкие дружеские отношения, и вряд ли он стал бы обращаться с такими просьбами просто к коллегам по работе.

«Мемуарные портреты», которые оставили после себя знавшие Каменева в период его «политического расцвета» люди, весьма похожи друг на друга. Вот, к примеру, Луначарский: «Это спокойствие и эта рассудительность во всем, что касается дела, является даже своего рода отличительной чертой Каменева как политического борца, это заставляет всех считаться с ним как с замечательным мужем совета, и в ЦК партии Каменев всегда имел и будет иметь очень большой вес. Вне деловых отношений он обладает многими очаровательными чертами: прежде всего задушевной веселостью, большим живым интересом ко всем сторонам культурной жизни и редкой сердечностью в личных отношениях».

Вот Федор Раскольников (в 1921 году — командующий Балтийским флотом, а потом полпред СССР в Афганистане, Эстонии, Дании и

Болгарии, а уже после «невозвращенец»): «Умный и благодушный «барин-либерал«…он быстро схватывал суть дела и своим авторитетом пресекал произвол «власти на местах», устранял «головотяпство» помпадуров и с наслаждением восстанавливал попранную справедливость».

Вот Борис Бажанов, секретарь Сталина, который в 1928 году тоже сбежал из СССР: «Человек он умный, образованный, с талантами хорошего государственного работника (теперь сказали бы «технократа»). Если бы не коммунизм, быть бы ему хорошим социалистическим министром в «капиталистической» стране».

Вот Троцкий: «Каменев — «умный политик», по определению Ленина, но без большой воли и слишком легко приспосабливающийся к интеллигентной, культурно-мещанской и бюрократической среде».

В этом Троцкий был во многом прав. Трудно сказать насчет бюрократической, но вот «интеллигентную и культурно-мещанскую среду» Каменев действительно любил. И часто лично помогал ее представителям. За ним тянулась репутация «мецената».

«Меценат»

Федор Раскольников вспоминал: «Он увлекался театром, литературой, искусством, заботился об украшении Москвы и с пеной у рта защищал от разрушения художественные памятники московской старины».

Драматические события происходили, например, вокруг Большого театра. Луначарский вспоминал: «Владимир Ильич очень нервно относился к Большому театру. Мне несколько раз приходилось указывать ему, что Большой театр стоит нам сравнительно дешево, но все же, по настоянию Владимира Ильича, ссуда ему была сокращена. Руководился Владимир Ильич двумя соображениями. Одно из них он сразу назвал: «Неловко, — говорил он, — содержать за большие деньги такой роскошный театр, когда у нас не хватает средств на содержание самых простых школ в деревне». Другое соображение было выдвинуто, когда я на одном из заседаний оспаривал его нападения на Большой театр. Я указывал на несомненное культурное значение его. Тогда Владимир Ильич лукаво прищурил глаза и сказал: «А все-таки это кусок чисто помещичьей культуры, и против этого никто спорить не сможет».

В начале 1922 года не без влияния Ленина встал вопрос о закрытии Большого. Однако Совнарком на заседании под председательством Каменева (Ленин на нем не присутствовал) принял неожиданное решение

— сохранить театр. Ленин возмутился. 12 января он написал секретарю ЦК Вячеславу Молотову: «Узнав от Каменева, что СНК единогласно принял совершенно неприличное предложение Луначарского о сохранении Большой оперы и балета, предлагаю Политбюро постановить:

1. Поручить Президиуму ВЦИК отменить постановление СНК.

2. Оставить из оперы и балета лишь несколько десятков артистов на Москву и Питер для того, чтобы их представления (как оперные, так и танцы) могли окупаться (например, окупаться путем участия оперных певцов и балерин во всякого рода концертах и т[ому] подобное]), т[о] е[сть] устранением всяких крупных расходов на обстановку и т[ому] под[обное].

3. Из сэкономленных т|аким] образом миллиардов отдать не меньше половины на ликвидацию безграмотности и на читальни.

4. Вызвать Луначарского на пять минут для выслушивания последнего слова обвиняемого и поставить на вид, как ему, так и всем наркомам, что внесение и голосование таких постановлений, как отменяемое ныне ЦК, впредь повлечет за собою со стороны ЦК более строгие меры.

Ленин».

В тот же день Политбюро приняло решение «поручить Президиуму ВЦИК отменить постановление СНК о сохранении Большой оперы и балета». Судьба театра казалось уже решенной, но Ленин натолкнулся на серьезное сопротивление. С бурным, почти истерическим протестом выступил Луначарский. Он написал Ленину письмо, в котором отмечал: «Вы своей мерой ни одного рубля Наркомпросу не дадите, если только не хотите, чтобы вся эта демагогия раскрала у Вас имущество Большого театра или обвалился сам Большой театр в виде европейской демонстрации нашей некультурности…

Продолжение его существования означает, что мы, не тратя ни одной копейки сверх 12 тысяч рублей в месяц, которые необходимы для поддержания здания, охраны материала и содержания оркестра, и в то же время имеем театр, о котором и до сих пор еще идут хвалебные отзывы представителей иностранных держав и иностранной прессы, позволяем каждый вечер двум тысячам людей, в том числе 500 рабочим, проводить время в теплом и светлом помещении, слушая хорошую музыку, а трудящимся в количестве населения маленького уездного городка — сколько-нибудь прилично существовать своим специальным трудом… Я никоим образом не могу допустить, потому что я еще в здравом уме и твердой памяти, что, узнав эти обстоятельства, Вы продолжали бы настаивать на закрытии Большого театра».

Возмутился решением Политбюро и председатель ВЦИК Михаил

Калинин. Он направил в Политбюро записку, в которой писал: «Мне кажется, прежде чем разрушать огромную накопленную целыми поколениями культурную ценность, необходимо предварительно решить: кто же должен занять место, т[о] е[сть] какой вид изобразительного искусства займет место уничтоженных оперы и балета.

Следующий вопрос встает, почему вдруг неожиданно получилось гонение на оперу и балет.

Разве этот вид искусства не совместим с советским строем. Или зрительные залы бывают пусты. Все данные говорят как раз обратное. Наиболее чуткие к искусству работники Советской власти, делегаты съездов, приехавшие из провинции, всегда стремятся попасть на оперу или балет; рабочие, работницы любят оперу или балет, я думаю, не меньше квалифицированных любителей театра, представителей Советской власти».

Со своей стороны Каменев «обрабатывал» Ленина устно. И Ленину пришлось отступить. «И был у меня единственный раз, когда я голосовал против Ленина… — вспоминал много лет спустя Молотов. Он предлагал закрыть Большой театр. Говорит, что же, у нас голод, такое трудное положение, а это — дворянское наследство. В порядке сокращения расходов можем пока без него обойтись…

И «провалился». Большинство — против. Сталина не было. Я помню, что тогда я и голосовал в числе тех, которые не согласились с Лениным».

Шестого февраля 1922 года Президиум ВЦИК постановил: «Довести до сведения Политбюро ЦК РКП, что фракция Президиума ВЦИК… находит закрытие Большого театра хозяйственно не целесообразным». Театр получил передышку, да к тому же и Ленин тяжело заболел. Однако уже осенью, когда он стал чувствовать себя лучше, к вопросу о закрытии Большого вернулись снова. 26 октября 1922 года Политбюро постановило: «Поручить комиссии в составе тг. Каменева, Луначарского и Свидерского разработать меры максимального сокращения государственных субсидий на какие бы то ни было театры с тем, чтобы закрыть Мариинский и Большой театры в случае, если бы эти 2 последние при минимальной субсидии от государства в течение полугода оказались бы неспособными перейти на собственные средства.

Срок работы комиссии — недельный».

Политбюро вторично приняло решение о закрытии Большого театра и Мариинки 2 ноября: «1. Признать невозможным перевод Большого театра и бывш[его] Мариинского на начала самоокупаемости.

2. Вследствие этого, в целях уменьшения правительственной субсидии государственным и академическим театрам на 395 миллионов в год

(исчисленным по данным 1922 г[ода]), закрыть Большой театр и бывш[ий] Мариинский, прекратив выдавать им субсидии начиная с текущего бюджетного квартала и ассигновав средства на охрану театрального имущества и театральных зданий.

3. Освободившиеся 395 миллионов рублей ассигновать на нужды народного образования (на содержание учащих и учащихся 1-й ступени, на ликвидацию безграмотности и на библиотеки)».

Решение явно принималось под давлением Ленина. И Каменев, и Луначарский, и Сталин, и Калинин пытались «спустить его на тормозах». А в середине декабря здоровье Ленина опять резко ухудшилось, и он уже практически окончательно выпал из политической жизни. О решении закрыть театры попросту забыли.

В квартире Каменевых в Кремле всегда можно было встретить артистов, писателей, художников, музыкантов. У него бывали Федор Шаляпин, Максим Горький, Илья Эренбург, Всеволод Мейерхольд, Максимилиан Волошин и многие другие. Разумеется, интеллигенция посещала квартиру Каменева не только для того, чтобы провести время в приятных разговорах. Знакомства с ним искали и, так сказать, в практических целях. И он действительно многим помогал или пытался помогать в самых различных вопросах.

Поэт Юргис Балтрушайтис просил его посодействовать в том, чтобы писатели получали «1-ю категорию классового пайка», тогда как сначала получали 3-ю категорию, на которую прожить было практически невозможно. В октябре 1919 года писателям действительно увеличили паек.

В 1920 году Моссовет присвоил звание народной артистки республики актрисе Марии Ермоловой, которой тогда было уже 67 лет. В благодарственном письме Каменеву она писала: «…искренне благодарю вас за то, что вы не забыли во мне человека и даете возможность на старости лет жить в моем доме без мучительных волнений».

Горький просил у Каменева не «уплотнять» квартиру сына его гражданской жены Марии Андреевой. Каменев помог.

Каменев и Луначарский пытались доказать, что необходимо отпустить на лечение за границу тяжело больного Александра Блока (другие советские руководители опасались, что он будет делать там антисоветские заявления, и считали, что его надо лечить в РСФСР). По этому вопросу в Политбюро началась целая дискуссия, голосование проходило дважды (!). Первый раз 12 июля 1921 года. Зато, чтобы отпустить Блока, голосовали Троцкий и Каменев, против — Ленин, Зиновьев и Молотов. Благодаря

стараниям Каменева и Луначарского вопрос решили «переголосовать». Каменеву удалось убедить Ленина изменить свою точку зрения. В записке Молотову он писал: «Я и Ленин предлагаем: 1) Пересмотреть вопрос о поездке за границу А. А. Блока…» 23 июля голосование прошло еще раз. На этот раз «за» были Ленин, Троцкий и Каменев, «против» — Зиновьев, а Молотов воздержался. Тогда же Политбюро приняло постановление: «Разрешить выезд А. А. Блоку за границу». Но было уже слишком поздно — Блок умер 7 августа.

Владислав Ходасевич в июле 1919 года написал Каменеву письмо с просьбой улучшить его жилищные условия. «Живу я с женой, пасынком 12 лет и прислугой (жена служит), — писал он. — Но горе в том, что эти четыре человека (включая меня) размещены в клетушках, из которых ни в одной не поставишь двух кроватей. Но их целых шесть, что, на бумаге, делает меня прямо-таки буржуем. Поэтому, несмотря на подвал, жилищный отдел Хамовнического Совдепа решил меня «уплотнить», поселив ко мне других жильцов из этого же дома. Это значит, что пока тепло и можно пользоваться всей квартирой, я, нервничая и слушая за перегородкой идиотские обывательские разговоры о муке, дороговизне, «кооперации» и т. д., вновь буду лишен возможности работать, а с наступлением холода, когда едва ли не всем, с новыми жильцами вместе, придется перебираться в две, а то и в одну комнату, — настанет для меня жизнь, вовсе невыносимая. Даже служба моя требует домашней работы, т[о] е[сть] тишины, которой я не смогу добиться от чужих людей…

Простите, что беспокою Вас. Мне совестно это делать, зная, как Вы заняты. Но я все же надеюсь, что, зная писательское житье не понаслышке, Вы захотите что-нибудь сделать для меня и моей семьи, для избавления нас от этого бедствия. Я не преувеличиваю».

В начале 1920 года Ходасевич обратился к Каменеву еще раз — по тому же вопросу. В своих мемуарах, написанных уже за границей, он вспоминал: «Наконец решил идти к Каменеву как председателю Московского совета: пусть он мне даст письмо в центральный жилищный отдел. Я позвонил к нему по телефону: он мне назначил свидание вечером, у себя на дому…

Я изложил Каменеву свое дело. Он долго молчал, а потом ответил мне так:

— Конечно, письмо в жилищный отдел я могу вам дать. Но поверьте — вам от этого будет только хуже.

— Почему хуже?

— А вот почему. Сейчас они просто для вас ничего не сделают, а если

вы к ним придете с моим письмом, они будут делать вид, что стараются вас устроить. Вы получите кучу адресов и только замучаетесь, обходя свободные квартиры, но ни одной не возьмете, потому что пригодные для жилья давно заняты, а пустуют такие, в которые вселиться немыслимо.

Я молчу, но сам чувствую, как лицо у меня вытягивается. Каменев, после паузы, продолжает:

— Конечно, у них есть припрятанные квартиры. Но ведь вы же и сами знаете, что это — преступники, они торгуют квартирами, а задаром их вам никогда не укажут.

Снова молчание.

— Если вы непременно хотите, я дам письмо, — повторяет Каменев. — Только ведь вы меня же потом проклянете.

Молчу. Надо поблагодарить и уйти, но подняться почти нет сил, потому что я болен, а главное — потому, что после Каменева уже обращаться некуда. Покуда я здесь — вдруг что-нибудь еще наклюнется? Если же я уйду — все будет кончено, и надеяться больше не на что. Должно быть, все это написано у меня на лице, и Каменев неожиданно спрашивает, не без легкого раздражения:

— Ну, а что бы вы *раньше* сделали в таком случае?

— *Раньше — я бы* купил «Русское слово» и снял бы квартиру по объявлению.

Каменев, не ответив, уходит в свой кабинет и возвращается в шубе с бобровым воротником и в бобровой шапке. Прощается…»

Чем закончились тогда его квартирные мытарства, Ходасевич так и не упомянул. Вскоре он переехал в Петроград, а оттуда летом 1922 года вместе с поэтессой Ниной Берберовой — за границу, где и прожил до самой смерти. Его жена и пасынок, о которых Ходасевич упоминал в письме Каменеву, остались в Петрограде.

Впрочем, далеко не всегда он откликался на просьбы представителей творческой интеллигенции положительно. Однажды ему показал свои стихи Максимилиан Волошин. Каменев ответил: «Все это увидит свет, когда нас не будет». — «Когда же?» — спросил Волошин. «Лет через тридцать», — ответил Каменев.

Вероятно, он одним из первых прочитал и повесть «Собачье сердце» Михаила Булгакова. Печатать ее боялись, и тогда повесть решили послать Каменеву в Боржоми, где тот отдыхал. 11 сентября 1925 года Булгаков получил письмо от сотрудника издательства «Недра», где она должна была печататься: «Повесть Ваша «Собачье сердце» возвращена нам Л. Б. Каменевым… Он ее прочел и высказал свое мнение: «Это острый памфлет

на современность, печатать ни в коем случае нельзя».

Помощь Каменева литераторам и артистам вовсе не мешала ему участвовать в составлении для чекистов списков «враждебных интеллигентских группировок», по которым, в частности, высылали за границу.

Из советских руководителей Каменев был не самым известным человеком. По популярности и «известности в массах» он не мог сравниться с Лениным, Троцким, Бухариным, Зиновьевым или Рыковым, «в честь» которого в народе стали называть выпущенную в 1925 году тридцатиградусную водку «рыковкой». О Каменеве же почти не писали стихов и не сочиняли частушек, как о Ленине или Троцком. Впрочем, журнал «Огонек» помещал на него дружеские шаржи: в те, еще более или менее «либеральные» времена их рисовали на всех членов Политбюро и наркомов. На одном из них, нарисованном Борисом Ефимовым, согнувшийся в три погибели и обливающийся потом Каменев изнемогает под тяжестью трех зданий, которые он держит на своих плечах. На зданиях надписи — «Моссовет», «СТО» (Совет Труда и Обороны), «СНК». Позже на него начнут рисовать карикатуры, и довольно злобные, но это будет уже в годы борьбы с оппозицией в партии.

Летом 1920 года Каменева назначили главой советской делегации, которая вела переговоры о заключении торгового соглашения с Англией. До этого ее возглавлял Леонид Красин, но потом в Москве переговорам решили придать более «политический» характер. Каменев приехал в Лондон, но вскоре переговоры прервались. Британская полиция установила, что советская делегация тайно финансировала левую газету «Геральд трибюн». По некоторым данным, она привезла в Англию бриллианты на сумму в 40 тысяч фунтов, которые были проданы, а вырученные от продажи средства — переданы газете. Британское правительство уже подумывало о высылке делегации, но ситуацию спас Каменев, сам решивший уехать в Москву. После его отъезда делегацию снова возглавил Красин, и переговоры продолжились. Ну а в Москве на этот неприятный для РСФСР казус откликнулись анекдотами, в которых фигурировал и Каменев: «Товарищ Каменев с юности обладал даром предвидения. И еще когда он было скромным литератором и борцом с царизмом Розенфельдом, то не случайно взял себе псевдоним «Каменев», предчувствуя, что будет продавать в Лондоне драгоценные царские камни».

«Разговор в коридорах Моссовета. «Слышали, что товарищ Каменев сменил фамилию?» — «Правда? И как теперь его зовут?» — «Теперь его фамилия Каменев-Кара-тов». — «А почему Каратов?» — «Потому что он

хорошо разбирается, сколько карат бриллиантов нужно продать англичанам».

«Тройка» и «сиамские близнецы»

В одно из майских воскресений 1922 года Троцкий отправился за город на рыбалку. Там он поскользнулся на откосе, порвал сухожилие на ноге и оказался в постели. На третий день к нему пришел Бухарин. «И вы в постели!» — воскликнул он. «А кто еще кроме меня?» — спросил Троцкий. «С Ильичем плохо: удар — не ходит, не говорит. Врачи теряются в догадках». Удар у Ленина случился 25 мая. Хотя слухи о его ухудшающемся здоровье ходили уже с осени 1921 года, сообщения о случившемся крайне обеспокоили высшие партийные круги. Здоровье Ленина, писал тот же Троцкий, «казалось одним из несокрушимых устоев революции», а его болезнь могла «сразу принести трагическую развязку», и «даже сегодня могли ребром встать все вопросы руководства». Называя вещи своими именами — начаться борьба за «ленинское наследство». В этом Троцкий был прав. Эта борьба к тому времени уже постепенно разгоралась.

Троцкий был одним из самых явных потенциальных наследников Ленина — наркомвоенмор, создатель Красной армии и вообще второй по популярности человек в стране. Его главным конкурентом мог считаться, пожалуй, Григорий Зиновьев — председатель Петросовета, а с марта 1919 года еще и председатель Исполкома Коминтерна, то есть лидер международного коммунистического движения. Шансы на успех были и у Каменева. Он считался ленинским «любимчиком». 3 марта, незадолго до открытия XI съезда партии, Ленин отправил Каменеву письмо с пометкой: «Лично»:

«т[оварищ] Каменев! Вижу, что на съезде, вероятно, не смогу читать доклада. Ухудшение в болезни после трех месяцев лечения явное… и за умным занятием утешения и восклицания «преувеличиваете! мнительность!» — прозевали три месяца.

По-российски, по-советски.

NB Я попробую готовиться. Но готовьтесь и Вы. На съезде и пленуме ЦеКа важен и мой доклад. Очень боюсь, что ни там, ни здесь не смогу. Пожалуй, доклад скорее, ибо оказалось, что разговоров и заседаний хуже не выношу, чем «сказать раз в полгода». Надо обдумать, как себя гарантировать от сюрпризов, как быть. М[ожет] б[ыть], так: Вы

приготовьте доклад, а я на случай вступление? Или предпочесть участие на пленуме и только это, а доклад мой вовсе выкинуть? Надо обдумать тщательно.

Ленин.

P. S. Имейте в виду, что обмен коротенькими записками (я извиняюсь очень, что сам пишу сегодня длинно) нервы выносят лучше разговоров (ибо я могу обдумать, отложить на час и т. д.). Оч[ень] прошу поэтому завести стенографистку и чаще посылать мне (перед Пол[ит] [бюро]) записки в 5—10 строк. Я думаю час-два и отвечу.

Ленин».

Ленин все же нашел в себе силы и на съезде выступал несколько раз, в том числе и 27 марта при его открытии и с политическим отчетом ЦК. Но то, что он предлагал делать этот доклад именно Каменеву, говорит о многом. Когда Ленин плохо себя чувствовал, то Каменев, как уже говорилось, замещал его на заседаниях Политбюро или СНК. Вел он в отсутствие Ленина и пленумы ЦК. Тогда он сидел на месте Ленина. По правую руку от него садился Зиновьев, по левую — Сталин. Но Ленин, по словам Троцкого, как-то сказал ему: «Каменев, конечно, умный политик, но какой же он администратор?» Зато «администратором» был третий член «тройки» — Сталин. В то время прямо претендовать на место Ленина он вряд ли мог. Хотя с 1921 года он явно начал набирать «политический вес», Сталин пока еще был только высокопоставленным партийным чиновником, но никак не вождем. Однако он постепенно прибирал к рукам рычаги руководства партийным аппаратом. 3 апреля 1922 года на пленуме ЦК Каменев предложил избрать его генеральным секретарем ЦК. Тогда эта должность означала лишь руководство аппаратом ЦК партии и считалась не самой главной, но Сталин вскоре доказал, что иметь возможность влияния на партийных функционеров — это куда важнее, чем выступать с пламенными речами на митингах и талантливо писать статьи в газетах. Каменев, наверное, потом до конца жизни вспоминал тот день, когда он предложил назначить Сталина генсеком.

Зиновьев, Каменев и Сталин объединили усилия в борьбе со своим грозным соперником — Троцким. Когда окончательно сложилась их «тройка», точно сказать сложно. Троцкий, к примеру, считал, что это происходило уже весной 1922 года, и не случайно о болезни Ленина ему сообщили лишь на третий день. Он называл действия «тройки» «заговором эпигонов» и утверждал, что и Ленин поддерживал его, а после кратковременного улучшения состояния здоровья готовился даже дать Зиновьеву, Каменеву и Сталину отпор, однако не успел. Но это, конечно,

только версия Троцкого.

Часто считается, что «тройка» была устроена по принципу «2+1», то есть Зиновьев — Каменев + Троцкий. Зиновьева и Каменева называли «сиамскими близнецами», «одним человеком с двумя лицами», а их фамилии с того времени до сих пор неизменно пишут рядом. По сути, их тандем превратился в этакий устойчивый исторический образ, чему, конечно, способствовала и советская пропаганда, позже вовсю клеймившая Зиновьева и Каменева. Причем именно в такой последовательности: сначала Зиновьев, а потом уже Каменев.

Из «тройки» Зиновьев был самым популярным политиком (глава всего Коммунистического Интернационала, штаба грядущей «мировой революции»!), чаще других выступавшим на митингах и отличавшимся невиданной скоростью написания статей, брошюр и прочих работ. В этом он мог составить конкуренцию и самому Троцкому, с той, впрочем, разницей, что наркомвоенмор был талантливым литератором и журналистом, а Зиновьева, мягко говоря, читать скучновато. Сам он, конечно, никогда не мог бы противостоять Троцкому. Но к его популярности присоединялись аппаратные и административные таланты Сталина и ум и образованность Каменева. Молотов, уже на склоне лет беседуя с поэтом Феликсом Чуевым, говорил, что именно Каменев «идеологически накачивал, осаживал и поддерживал Зиновьева». «Каменев посолидней, поглубже и оппортунист последовательный, — считал Молотов, — …[Зиновьев] пооораторствует, бывало, очень революционно, а потом уже Каменев вступает в бой… Зиновьев тянулся то за Лениным, то за Каменевым. Но больше за Каменевым… Каменев — очень умный человек, но он чужой, чужой Ленину. А Зиновьев — приспособленец, ловкий такой, раз-раз, напишет статью, скажет — у него все делается быстро, хотя и невысокого качества, но бойко, более или менее выражающее то, что говорит Ленин. Но Ленин Зиновьеву никогда не доверял. Ленин больше любил Каменева».

По словам Федора Раскольникова, Зиновьев, Каменев и Сталин «как музыкальное трио… великолепно дополняли друг друга: железная воля Сталина сочеталась с тонким политическим чутьем Зиновьева, уравновешивалась умом и культурой Каменева». Но что касается отношений внутри тандема Зиновьева и Каменева, то за последним в истории так и осталось представление как о «ведомом». Почему? Наверное, дело в его характере. Секретарь Сталина Борис Бажанов вспоминал: «Сам по себе он не властолюбивый, добродушный и довольно «буржуазного» склада человек… В области интриг, хитрости и цепкости Каменев совсем

слаб. Официально он «сидит на Москве» — столица считается такой же его вотчиной, как Ленинград у Зиновьева. Но Зиновьев в Ленинграде организовал свой клан, рассадил его и держит свою вторую столицу в руках. В то время как Каменев этой технике чужд, никакого своего клана не имеет и сидит на Москве по инерции».

Зиновьев был гораздо сильнее мотивирован и «заряжен» на внутрипартийную борьбу. Для него были важны не только идеи или стратегия развития революции, но и свое, собственное место в ней; другими словами — личная власть. В этом Зиновьев не уступал ни Троцкому, ни Сталину. Каменев же, наоборот, никогда этим качеством не отличался, и политическое честолюбие в нем было развито гораздо слабее, чем у других союзников по «тройке», в том числе и у своего «сиамского близнеца».

«Мучается старик…»

После первого удара Ленин оправился довольно быстро. Несмотря на то что его состояние улучшалось, Ильича не отпускали мрачные предчувствия. К тому же он считал, что врачи не могут разобраться в том, что с ним происходит, и жаловался на них. Особенно на то, что они пытались запретить ему «политические разговоры», а, как считал сам Ленин, без таких разговоров ему станет еще хуже. Его состояние хорошо характеризует записка Сталину, написанная 7 июля 1922 года:

«Т[оварищ] Сталин!

Врачи, видимо, создают легенду, которую нельзя оставить без опровержения. Они растерялись от сильного припадка в пятницу и сделали сугубую глупость: попытались запретить «политические» посещения (сами плохо понимая, что это значит!!). Я чрезвычайно рассердился и отшил их. В четверг у меня был Каменев. Оживленный политический разговор. Прекрасный сон, чудесное самочувствие. В пятницу паралич. Я требую Вас экстренно, чтобы успеть сказать, на случай обострения болезни. Успеваю все сказать в 15 мин. и на воскресенье опять прекрасный сон. Только дураки могут тут валить на политические разговоры. Если я когда волнуюсь, то из-за отсутствия своевременных и политических разговоров…»

После удара Ленину пришлось практически заново учиться писать. Бюллетени о его здоровье, написанные в том числе и Каменевым, печатались в газетах. 12 июля Ленин писал ему: «Приглашаю на днях Вас к

себе, хвастаю моим почерком; среднее между каллиграфическим и паралитическим (по секрету)… Только что услышал от сестры о бюллетенях, вами обо мне выпущенных. И хохотал же! «Послушай, ври да знай же меру!».

Двадцатого ноября Ленин выступил с речью на пленуме Московского совета в Большом театре, который ему так и не удалось закрыть. Это было его последнее публичное выступление. 13 декабря ему снова стало хуже.

Ленин спешил. Он, видимо, понимал, что болезнь наступает и старался «успеть сказать» все, что хотел. 23 декабря он начал диктовать статьи, которые потом назовут его политическим завещанием. Было среди них и «Письмо к съезду». Нет смысла цитировать его подробно — текст «Письма» хорошо известен. В двух словах Ленин предупреждал, что отношения между Троцким и Сталиным могут стать основой для раскола партии (и был прав), и давал характеристики другим руководителям партии. О Каменеве он упомянул лишь мельком, да и то вместе с Зиновьевым, указав, что «октябрьский эпизод [1917 года] Зиновьева и Каменева не являлся случайностью, но что он так же мало может быть ставим им в вину лично, как небольшевизм Троцкому». Ленин требовал, чтобы «Письмо» оставалось «категорически секретным» и только в случае его смерти подлежало бы оглашению на съезде. Однако секретарь Лидия Фотиева, которой он диктовал, нарушила его указания, проинформировав о ленинских диктовках Сталина и Каменева.

Вероятно, именно после этого произошел инцидент между Сталиным и Крупской, которую генсек считал виновной в том, что она позволяет Ленину диктовать, несмотря на запрет врачей. За это по телефону Сталин грубо отчитал жену Ленина, и после этого разговора она, как вспоминала сестра Ильича Мария Ильинична, «была совершенно не похожа на себя, рыдала, каталась по полу и пр.». Что именно сказал тогда точно ей Сталин, осталось неизвестным. Молотов рассказывал об этой ситуации так: «Сталин провел решение секретариата, чтобы не пускать к Ленину Зиновьева и Каменева, раз врачи запретили. Они пожаловались Крупской. Та возмутилась, сказала Сталину, а Сталин ей ответил: «ЦК решил, и врачи считают, что нельзя посещать Ленина». — «Но Ленин сам хочет этого!» — «Если ЦК решит, то мы и вас можем не допустить».

Сталин был раздражен: «Что я должен перед ней на задних лапках ходить? Спать с Лениным еще не значит разбираться в ленинизме!»

Мне Сталин сказал примерно так:

«Что же, из-за того, что она пользуется тем же нужником, что и Ленин, я должен так же ее ценить и признавать, как Ленина?»

Слишком грубовато».

Об этом неприятном случае в Политбюро знали. Знал, прежде всего, Каменев, которому Крупская 23 декабря 1922 года прислала взволнованное письмо. «Лев Борисыч [так в тексте. — *Е. М.*], — писала она, — по поводу коротенького письма, написанного мною под диктовку Влад. Ильича с разрешения врачей, Сталин позволил себе вчера по отношению ко мне грубейшую выходку. Я в партии не один день. За все 30 лет я не слышала ни от одного товарища ни одного грубого слова, интересы партии и Ильича мне не менее дороги, чем Сталину. Сейчас мне нужен максимум самообладания. О чем можно и о чем нельзя говорить с Ильичем, я знаю лучше всякого врача, т[ак] к[ак] знаю, что его волнует, что нет, и во всяком случае лучше Сталина. Я обращаюсь к Вам и к Григорию [Зиновьеву], как более близким товарищам Владимира] И[льича], и прошу оградить меня от грубого вмешательства в личную жизнь, недостойной брани и угроз. В единогласном решении Контрольной комиссии, которой позволяет себе грозить Сталин, я не сомневаюсь, но у меня нет ни сил, ни времени, которые я могла бы тратить на эту глупую склоку. Я тоже живая, и нервы напряжены у меня до крайности».

Но инцидент решили замять и от Ленина его скрыли. Однако в начале марта 1923 года Крупская все-таки рассказала о нем мужу. Секретарь Крупской Вера Дридзо со слов самой жены Ленина рассказывала, что произошло это так. Ленин и Крупская о чем-то говорили. В это время зазвонил телефон. Крупская пошла к нему. Когда она вернулась, Ленин спросил, кто звонил. «Это звонил Сталин, мы с ним помирились», — ответила она. «То есть как?» — заинтересовался Ленин. И вот тогда-то ей и пришлось рассказать ему обо всей этой истории. Ленин возмутился и, несмотря на уговоры Крупской не делать этого, написал Сталину письмо, предложив ему либо извиниться, либо порвать между ними отношения. Копии письма Ленин направил Зиновьеву и Каменеву.

Троцкий вспоминал, что тогда к нему прямо от Крупской пришел Каменев и рассказал, что она «в крайней тревоге ему сообщила: «Владимир только что продиктовал стенографистке письмо Сталину о разрыве с ним всяких отношений». «Но ведь вы знаете Ильича, — добавила Крупская, — он бы никогда не пошел на разрыв личных отношений, если б не считал необходимым разгромить Сталина политически».

«Каменев был взволнован и бледен. Почва уплывала у него из-под ног. Он не знал, с какой ноги ступить и в какую сторону повернуться», — утверждал Троцкий. Он же, по его словам, успокоил Каменева, сказав: «Имейте в виду и передайте другим, что я меньше всего намерен

поднимать на съезде борьбу ради каких-либо организационных перестроек», но нужно, чтобы «Сталин сейчас же написал Крупской письмо с извинениями за грубости и чтоб он на деле переменил свое поведение. Пусть не зарывается. Не нужно интриг. Нужно честное сотрудничество».

По версии Троцкого, Каменев согласился. «Глубокой ночью, — писал он, — Каменев сообщил мне, что был у Сталина в деревне и что тот принял все условия. Крупская уже получила от него письмо с извинениями. Но она не могла показать письмо Ленину, так как ему хуже».

Действительно, с 6 марта его состояние снова ухудшилось, а 10-го с Лениным случился новый тяжелый приступ болезни. Как утверждала сестра Ленина Мария, Ленин еще раньше обращался к Сталину с просьбой, что если «он кончит параличом», то генсек даст ему цианистый калий. В марте 1923 года с такой просьбой обратилась к нему и Крупская. 17 марта Сталин написал записку Зиновьеву с Каменевым, в которой рассказал об этой просьбе. «Только что вызвала меня Надежда Константиновна, — отмечал он, — и сообщила в секретном порядке, что Ильич в «ужасном» состоянии, с ним припадки, «не хочет, не может дольше жить и требует цианистого калия, обязательно». Сообщила, что пробовала дать калий, но «не хватило выдержки», ввиду чего требует «поддержки Сталина».

Зиновьев и Каменев написали взволнованный ответ: «Нельзя этого никак. Ферстер[93] дает надежды — как же можно? Да если бы и не было этого! Нельзя, нельзя, нельзя». 21 марта Сталин направил записку об этой же просьбе членам Политбюро. Все они отвергли идею передачи яда Ленину. Троцкий вспоминал: «Сталин не высказывал по поводу просьбы Ленина никакого мнения, как бы выжидая, что скажут другие: хотел ли он уловить оттенки чужих откликов, не связывая себя? Или же у него была своя затаённая мысль?.. Вижу перед собой молчаливого и бледного Каменева, который искренне любил Ленина, и растерянного, как во все острые моменты, Зиновьева…

— Не может быть, разумеется, и речи о выполнении этой просьбы! — воскликнул я. — Гетье[94] не теряет надежды. Ленин может поправиться.

— Я говорил ему все это, — не без досады возразил Сталин, — но он только отмахивается. Мучается старик…

— Все равно невозможно, — настаивал я, на этот раз, кажется, при поддержке Зиновьева. — Он может поддаться временному впечатлению и сделать безвозвратный шаг.

— Мучается старик, — повторял Сталин, глядя неопределенно мимо

нас и не высказываясь по-прежнему ни в ту, ни в другую сторону… Голосования не было, совещание не носило формального характера, но мы разошлись с само собой разумеющимся заключением, что о передаче яда не может быть и речи».

Троцкий и потом не раз намекал, что Сталин был как бы и не прочь передать Ленину яд, а может быть, и вообще его отравил. Но как бы там ни было, а Ильич прожил еще около года. Временами казалось, что его состояние улучшается, но почти всем уже было понятно, что во главе страны и партии он уже не встанет. Удар 10 марта окончательно выбил его из политической жизни.

«Наши стальные вожди…»

1923-й был весьма интересным годом в советской истории, по существу прелюдией к новой эпохе. Он прошел под знаком борьбы сторонников Троцкого со сторонниками «тройки» временных союзников Зиновьева, Каменева и Сталина — за ленинское наследство.

Уже 14 марта, вскоре после обострения болезни Ленина, в «Правде» появился большой очерк о Троцком. Его автором был Карл Радек. В очерке Троцкий преподносился и как создатель Красной армии, и как военный гений, и как крупнейший организатор, и как вдохновитель «мировой революции». Словом, как самый настоящий наследник Ильича.

Вскоре в рамках юбилейной выставки, посвященной пятилетию Красной армии, открылась и художественная выставка, где были представлены 260 полотен, рисунков, изделий из фарфора. Центральным экспонатом выставки был огромный портрет Троцкого работы того же Юрия Анненкова, да и вообще портретов и бюстов наркома по военным и морским делам на выставке имелось более чем достаточно. Популярной была песня, припев которой звучал так:

С отрядом флотским
Товарищ Троцкий
Нас поведет
В последний бой!

Весной 1923 года у многих складывалось впечатление, что Троцкий переиграет своих соперников. Но многое зависело от XII съезда РКП(б),

который открывался 17 апреля 1923 года. Было очевидно, что Ленина на съезде не будет. В партийных кругах гадали: кто будет делать отчетный доклад ЦК? Этот человек по традиции и мог считаться официальным наследником Ленина.

В мемуарах Троцкий описывал интригу, разыгранную накануне съезда. Сначала — по инициативе Сталина — с докладом предложили выступить Троцкому. Но он отказался, чтобы не казалось, будто он претендует на роль наследника Ленина, и вообще предложил отменить доклад, но его не поддержали. Тогда Троцкий предложил выступить Сталину. Однако Сталин тоже отказался. В результате доклад поручили Зиновьеву. Но открыл съезд не кто иной, как Каменев. Он начал с того, что сказал, что болезнь Ленина «трудна, но отнюдь не безнадежна; борьба с нею длительна; корни ее в том громадном переутомлении, в том неслыханном расходе нервной энергии, которую Владимир Ильич, без всякого сожаления, на протяжении годов и десятилетий расточал на службу рабочему классу и угнетенному человечеству». Каменев объявил партию «крепостью», осажденной со всех сторон «врагами», призвал ее к «железному единству». Затем с отчетом ЦК выступил Зиновьев. С организационным докладом — как генеральный секретарь ЦК партии — Сталин. Троцкий — с докладом «О государственной промышленности». На съезде он был избран в ЦК и в Политбюро, но это был уже его последний триумф.

Каменев председательствовал на многих заседаниях съезда. И не раз упоминал о больном Ленине. 23 апреля, на следующий день после дня рождения Ильича, он сказал: «С учением [Ленина] сверялись каждый раз, когда перед нами становилась та или иная проблема, тот или иной трудный вопрос. Мысленно каждый из нас спрашивал себя: а как бы ответил на это Владимир Ильич?…Мы надеемся, что решения нашего съезда будут именно такими, какими желал бы их видеть Владимир Ильич; ибо мы несем новую ответственность перед нашим вождем. Мы должны продемонстрировать ему, когда он поднимется с постели (а мы страстно верим, это случится), что его учение является генеральной линией всех наших поступков и решений».

Интересно, что в выступлениях делегатов наряду с понятными «славицами» в адрес Ленина упоминался также и «красный вождь Красной Армии товарищ Троцкий». Впрочем, Троцкого упоминали и раньше. А вот Зиновьева и Каменева (опять-таки вместе!) славили таким образом впервые. Их наградили эпитетом «наши стальные вожди Каменев и Зиновьев». Славословие в адрес лидеров партии постепенно набирало силу. Тот же Зиновьев в своем докладе говорил о жадном внимании слушателей к

речам Ленина. Он сравнил их с «глубоким ясным ключом», к которому «в летний знойный полдень» припадает человек, чтобы утолить свою жажду. Вряд ли самому Ленину это бы понравилось. Сталина пока еще так не славили, у него все еще было впереди.

«Тройка» тем временем вела «тихую» работу по распространению своего влияния на партийный аппарат. Первые результаты этой деятельности проявились в июле, когда контролируемое ею большинство членов ЦК организовало комиссию по проверке положения дел в Красной армии — главной «крепости» Троцкого. Осенью 1923 года комиссия пришла к заключению, что армия «развалена», а «тов[арищ] Троцкий не уделяет достаточно внимания деятельности Реввоенсовета». На Пленуме ЦК в Реввоенсовет предложили ввести новых людей. Обиженный Троцкий потребовал, чтобы тогда уж его отправили «простым солдатом в назревающую германскую революцию». В ответ Зиновьев иронически предложил отправить в Германию и его, а Сталин с издевкой попросил «не рисковать двумя драгоценными жизнями своих любимых вождей». В ответ на реплику одного из участников пленума — «не понимаю одного, почему товарищ Троцкий так кочевряжится», — председатель Реввоенсовета возмутился еще больше и ринулся к выходу из зала. Напоследок он хотел исторически хлопнуть дверью, но и тут вышел казус — дверь была тяжелой и хлопать никак не хотела. Никакого «историзма» не получилось. «А получилось так — крайне раздраженный человек с козлиной бородой барахтается на дверной ручке в непосильной борьбе с тяжелой и тупой дверью», — ехидничал в мемуарах помощник Сталина Борис Бажанов.

Однако вскоре Троцкий нанес ответный удар. Он написал письмо в ЦК, в котором указывал на причины тяжелого положения в стране и в партии. Этими причинами, по его мнению, были «секретарская иерархия» и «бездушные партийные бюрократы, которые каменными задами душат всякое проявление свободной инициативы и творчества трудящихся масс». Своим письмом Троцкий инициировал дискуссию в партии. Его поддержали известные партийцы, выпустившие так называемое «Заявление 46-ти». В ответ сторонники «тройки» выступили с «Ответом членов Политбюро на письмо тов. Троцкого», в котором он обвинялся в организации фракционной деятельности и стремлении к личной диктатуре. Но сам «кандидат в диктаторы» вел себя весьма странно.

«Троцкий молчал, в дискуссии участия не принимал и на все обвинения никак не отвечал, — вспоминал Борис Бажанов. — На заседаниях Политбюро он читал французские романы, и когда кто-либо из членов Политбюро к нему обращался, делал вид, что он этим чрезвычайно

удивлен». Вскоре, 25–27 октября состоялось заседание Объединенного пленума ЦК и Центральной контрольной комиссии (ЦКК), где Троцкому пришлось обороняться. Он, например, отвергал обвинения в бонапартизме, хотя весьма оригинальным образом. Один из его аргументов заключался в том, что сосредоточить власть в своих руках ему помешало бы его «еврейское происхождение». Сталин же обвинял Троцкого в том, что он «создает обстановку фракционной борьбы… грозящую нам расколом. Надо так оценить поступок Троцкого и осудить его». Мнение Сталина победило — пленум признал выступление Троцкого «глубокой политической ошибкой… грозящей нанести удар единству партии и создающей кризис партии».

Свое политическое молчание Троцкий прервал в декабре 1923 года. В «Правде» начали печататься его статьи, которые чуть позже, в январе 1924-го, он издал отдельной брошюрой под общим названием «Новый курс». «Новый курс, — писал Троцкий, — должен начаться с того, чтобы в аппарате все почувствовали, снизу доверху, что никто не смеет терроризировать партию». Он призывал заменить бюрократов «свежими силами» и больше внимания обращать на учащуюся молодежь, о которой писал, что она «вернейший барометр партии — резче всего реагирует на партийный бюрократизм».

Троцкому ответили Каменев, Зиновьев, Бухарин и др. В партии снова началась дискуссия. Особую тревогу у сторонников «тройки» вызывали настроения среди военных. 24 декабря начальник Политуправления РККА Владимир Антонов-Овсеенко подписал, например, циркуляр номер 200, согласно которому в ячейках официально вводился принцип выборности секретарей, а они сами освобождались «от мелочной опеки военкомов и политорганов». Предписывалось также «допускать свободную дискуссию… и критику деятельности руководящих военно-политических и партийных организаций». Более того, Антонов-Овсеенко направил угрожающий протест в ЦК и Политбюро, в котором предупреждал, что в партии есть люди, чей голос когда-нибудь «призовет к ответу зарвавшихся «вождей», так, что они его услышат даже несмотря на свою крайнюю фракционную глухоту».

После опасного демарша Антонова-Овсеенко последовал быстрый ответ: в январе — марте 1924-го со своих постов были смещены он сам и заместитель председателя РВС СССР Эфраим Склянский. Их заменили сторонники «тройки» Андрей Бубнов и Михаил Фрунзе. Другие видные соратники Троцкого вскоре были отправлены полпредами СССР за границу.

В январе 1924 года XIII партконференция осудила троцкизм как

«мелкобуржуазный уклон». Сам Троцкий в конференции не участвовал. Еще осенью, во время охоты, он провалился в болото и сильно простудился. С тех пор плохо себя чувствовал, никак не мог справиться с осложнениями после простуды, и 8 января 1924 года «Правда» поместила сообщение о том, что ему предоставлен отпуск по болезни «не менее чем на два месяца». 18 января 1924 года он отбыл на лечение в Сухум. «Хронически воспаленный Лев Давидович», — ехидно называли Троцкого его недруги. В это время он был действительно болен, но его «проваливание в болото» в решающий момент борьбы со Сталиным выглядело как-то уж слишком символически.

В своем заключительном слове на конференции Каменев решил проинформировать делегатов и о состоянии Ленина. По его поручению по телефону связались с Крупской. Она передала ему записку, в которой советовала сказать «пару слов о здоровье В[ладимира] И[льича], не выделяя этого вопроса». Крупская сообщала, что выздоровление идет удовлетворительно, что Ленин ходит с палочкой, но сам вставать пока не может, что он произносит отдельные слова, понимая их значение и что он начал читать материалы по партдискуссии. Каменев, впрочем, гораздо лучше знал, что происходит с Лениным. Он видел его сам. В декабре 1923 года он повез в подмосковную усадьбу Горки, где тогда жил Ильич, художника Юрия Анненкова — он еще в 1921 году написал ленинский портрет, который потом поместили даже на советских почтовых марках.

«Каменев, — рассказывал Анненков в своих мемуарах, — хотел, чтобы я сделал последний набросок с Ленина. Нас встретила Крупская. Она сказала, что о портрете и думать нельзя. Действительно, полулежавший в шезлонге, укутанный одеялом и смотревший мимо нас с беспомощной, искривленной младенческой улыбкой человека, впавшего в детство, Ленин мог служить только моделью для иллюстрации его страшной болезни, но не для портрета Ленина.

Я не хочу вспоминать об этой поездке в Горки, но и не могу забыть о ней».

Битва за наследство

Ленин умер 21 января 1924 года в 18 часов 50 минут в Горках. Утром 22 января председатель ВЦИК Калинин сообщил об этом делегатам XI Всероссийского съезда Советов. Один из делегатов рассказывал: «Затягивается открытие заседания. Президиум съезда отсутствует в полном составе. Появляется какая-то тревога. Наконец, из-за кулис показывается М. И. Калинин, за ним Зиновьев, Рудзутак, Томский и другие члены президиума. Члены президиума крестьяне и крестьянки утирают сермяжными рукавами лица. Становится ясно, что случилось что-то необычайное и тревожное».

Затем Калинин предложил всем встать и под звуки похоронного марша сообщил о смерти Ленина. «Зал как будто застонал», — вспоминал делегат Георгий Ржанов. «Яркий зал как будто потемнел», — делился своими ощущениями делегат А. Львов. Послышались всхлипы и плач, а члены президиума, в частности Зиновьев и Каменев, «уронив головы на стол, плакали, как дети».

В тот же день в стране объявлен траур, образована комиссия ЦК по организации похорон, а большевистские лидеры отправились в Горки. «Поехали старейшины великого племени большевиков туда, откуда надо было получить недвижное тело почившего вождя. Привезти и показать осиротевшим миллионам», — писал в «Правде» журналист Михаил Кольцов. 23 января гроб с телом Ленина специальным траурным поездом был доставлен в Москву на Павелецкий вокзал. «Минута историческая и потому волнующая, захватывающая, — писали «Известия». — Гроб выносят на руках тт. Калинин, Томский, Каменев, Зиновьев, Сталин, Дзержинский, Енукидзе. Тихо. Торжественно. Многие плачут». В статье «Великий мятежник», опубликованной в «Правде» 24 января, Каменев писал о «красной нити» в истории человечества — «волнах мятежей и восстаний», которую Ленин «поднял и продолжил».

Похороны Ленина состоялись 27 января. Как писала «Правда»: «Тт. Сталин, Зиновьев и шестеро рабочих… выносят из Дома Союзов гроб с телом Владимира Ильича. Из их рук гроб на площади принимают тт. Калинин, Каменев, Курский, четверо новых рабочих и крестьянин-делегат Всероссийского съезда Советов». Эта передача гроба с телом умершего вождя с рук на руки имела, конечно, символическое значение. Каменев, как один из самых близких наследников Ленина, нес его до самой Красной

площади.

Прощание на Красной площади продолжалось до 16.00. В это время Сталин, Зиновьев, Каменев, Молотов, Бухарин, Рудзутак, Томский и Дзержинский внесли гроб в построенный для него временный склеп-мавзолей. Происходило это под звуки артиллерийского и ружейного салюта, гудки заводов и паровозов и пение «Интернационала». Рабочая поэтесса Татьяна Майская описала этот момент в стихах, напечатанных в «Известиях»:

Это было ровно в четыре —
Сняли гроб, понесли на руках.
В этот миг в тоскующем мире
Жило: «Ленин» в сердцах и умах.

Это было ровно в четыре —
Солнце ярко прорвало вдруг темь.
Улыбнувшись лучшему в мире,
Закатилось за тучи совсем.

«Провожающие в последний раз простились со своим Ильичем и вышли на помост, — сообщала «Правда». — Молча. Без слов и речей». Описывая в этот момент состояние ближайших ленинских соратников, репортер «Рабочей Москвы» отметил, что «каждый из них ушел в свои думы и воспоминания». Уже в выступлениях лидеров партии и простых рабочих и крестьян в траурные январские дни 1924 года можно было заметить почти религиозное отношение к умершему «вождю революции». Сталин на траурном заседании съезда Советов говорил: «Вы видели за эти дни паломничество к гробу товарища] Ленина десятков и сотен тысяч трудящихся. Через некоторое время вы увидите паломничество представителей миллионов трудящихся к могиле тов[арища] Ленина».

Зиновьев говорил, что «и в гробу Владимир Ильич остается апостолом коммунизма, и в могиле он продолжает быть призывом и кличем для рабочего класса нашего государства и всей земли… Мы все знаем, что Ленин — это пророк нового человечества и апостол коммунизма в лучшем смысле этого слова, что это человек, одно имя которого заставляет учащенно биться сердца миллионов людей». Он зачитал письмо, написанное простым рабочим уже скончавшемуся Ленину: «Нашему отцу. Дорогой отец наш! Ты ушел от своих детей навеки, но твой голос, слова

твои никогда не умрут в наших пролетарских сердцах. Мы великими тысячами идем проститься с дорогим нашим вождем, мы плачем у гроба твоего… Отец наш своей смертью нанес нам тяжкий удар. Мы, читая газеты, думали, что вернется он скоро к нам, и мы ждали его каждую минуту, но злая болезнь отняла у нас незабвенного отца — отца всего мира».

Бухарин назвал Ленина «глашатаем и пророком». Крестьянский делегат по фамилии Краюшкин заявил, что Ленин и «из могилы будет нам диктовать, будет направлять нас… на истинный путь». А закончил выступление здравицей: «Вечная память нашему дорогому Ильичу, а нам — доброго здоровья». Весьма образно выступил и Каменев. «Ильич связал себя с рабочей массой не только идеей, — сказал он. — Нет! Здесь, у нас, в Москве, по улицам ее, от Серпуховки до дверей его кабинета, идет кровавый след, след его живой крови, и эта кровь, живая кровь, связывающая его кабинет с рабочей Москвой, с рабочими окраинами, она вошла в то море крови, которым оплачивает рабочий класс свое освобождение».

Конечно, все эти образы о «кровавом следе» Ленина и «море крови» сегодня могут показаться весьма двусмысленными, но тогда на эту очевидную странность внимания не обратили. Каменев продолжил: «Но не только кровь свою влил Владимир Ильич в это море крови, которого как искупительной жертвы требует капиталистический мир от борющегося пролетариата. Он отдал этой связи свой мозг. Врачи, которые достали из мертвого тела Владимира Ильича пулю… эти врачи раскрыли и его мозг, этот удивительный, поразительный мозг, мощность которого не знает себе равного. И они сказали нам сухими словами протокола, что этот мозг слишком много работал, что наш вождь погиб потому, что не только свою кровь отдал по капле, но и мозг свой разбросал с неслыханной щедростью, без всякой экономии, разбросал семена его, как крупицы, по всем концам мира, чтобы капли крови и мозга Владимира Ильича взошли потом полками, батальонами, дивизиями, армиями борющегося за свое освобождение человечества».

Каменев сыграл важную роль в формировании культа Ленина. Это была одна из первых задач, вставшая перед «осиротевшим» руководством страны и партии. Главным, так сказать, «культообразующим» элементом должно было стать строительство Мавзолея, в котором народ практически в любой день мог бы увидеть забальзамированное на века тело Ленина. Против этой идеи высказывался Троцкий (об этом он писал сам), вроде бы также Крупская, Бухарин и Каменев, якобы назвавший ее «поповством».

Однако Мавзолей все-таки начали строить и построили, а открытых возражений от них больше так и не последовало. Зиновьев писал в «Правде» от 30 января, цитируя еще одного из рабочих: «Как хорошо, сказал он, — что решили хоронить Ильича в склепе! Как хорошо, что мы вовремя догадались это сделать! Зарыть в землю тело Ильича — это было бы слишком уж непереносимо».

Вскоре после смерти Ленина были опубликованы постановления о возведении ему памятников, названии в его честь улиц, площадей, заводов и т. д. Съезд Советов принял решение об издании сочинений Ленина и о подготовке полного собрания его сочинений. Тогда же по инициативе Петроградского совета (идея, как говорят, принадлежала его председателю Зиновьеву) Петроград был переименован в Ленинград.

Еще в апреле 1923 года, при жизни Ильича, было принято решение о создании Института Ленина. Его директором стал Каменев. 8 июля 1923 года Сталин и Каменев напечатали в «Правде» обращение: всех граждан, имевших у себя письма, записки и другие материалы, связанные с Лениным, просили передать их в институт. Тем, кто не хотел расставаться с документами, обещали, что с них сделают копии, а оригиналы вернут владельцам. Тех, кто не хотел публикации писем и записок в ближайшее время, заверяли, что их можно присылать в запечатанных конвертах, с указанием даты, когда разрешалось их вскрыть. Поиск ленинских документов был объявлен по всей стране. Как призывала «Правда», в институт следует направлять «всякую бумажку, напечатанную на машинке, если под ней стоит подпись В. И. Ленина». Институт собирал также фотографии, рисунки, картины, памятные вещи, связанные с жизнью Ленина, планировалось создание его музея. Сначала институт работал при Моссовете, затем его статус повысился — он был передан в ведение ЦК. В совет института вошли Каменев (директор), Сталин, Зиновьев, Бухарин, Крупская. Официально институт был открыт в мае 1924 года. Институту Ленина и было предложено принять «неотложные меры» для ускорения публикаций работ Ленина, с тем чтобы они стали доступны рабочим и крестьянам в миллионах экземпляров и на нескольких языках. Одновременно ему поручалось как можно скорее приступить к изданию полного собрания сочинений Ленина.

В 1924 году в написанной на немецком языке брошюре «Литературное наследство Ленина» Каменев вспоминал, что еще к пятидесятилетию Ильича (то есть в 1920 году) он говорил ему, что собирается подготовить к изданию полное собрание его работ и внести соответствующее предложение на партийной конференции. Ленин, по словам Каменева,

начал протестовать: «Зачем? Совершенно излишне. Тридцать лет назад писалось что угодно. Не стоит». «Только мой довод, — продолжал Каменев, — что молодежи надо учиться, причем лучше — на работах Ленина, а не Мартова или Туган-Барановского, поколебал упорство Владимира Ильича. Эта попытка увенчалась успехом, и сейчас мы готовы предоставить партии и рабочему классу труды Ленина в 24 томах».

Действительно, работа по изданию ленинских сочинений к тому времени шла уже четыре года. Были выпущены несколько томов с предисловиями самого Каменева. Первое издание сочинений Ленина было завершено только в 1927 году, и состояло оно не из двадцати четырех, как писал Каменев, а из двадцати томов. После смерти Ленина началась работа по изданию более полного второго, а потом и третьего изданий ленинских работ, каждое по 30 томов. Наиболее распространенным в 30-е годы было третье издание, завершенное в 1932 году. По инициативе Каменева начали также выпускаться так называемые «Ленинские сборники», в которых печатались речи Ленина, его записки, конспекты и др. Первые их выпуски тоже предварялись статьями Каменева. В третьем сборнике, вышедшем в 1925 году, он, например, опубликовал статью «Годовщина» (о годовщине смерти Ленина), в которой писал, что, хотя «армия осталась без своего великого вождя», «движется вперед изучение ленинизма. Все шире охватывает трудящееся человечество учение Ленина». «Ленинские сборники» выходили одновременно с изданием собрания сочинений Ленина до 1973 года — увидело свет 37 выпусков. Разумеется, к тому времени о самом Каменеве уже давно не вспоминали.

Конечно, не только он теоретически и практически обосновывал важность культа Ленина. Немалую роль в этом сыграл и тот же Зиновьев, у которого в 1925 году вышли две работы — «Ленинизм» и «Мировая партия ленинизма».

Сталин в 1924 году прочитал курс лекций «Об основах ленинизма», которые были потом изданы отдельной брошюрой.

Луначарский в 1925 году объявил Ленина вечно живым. Причем в стихах:

Смотри, в тумане маяком.
Стоит там, тверд и неизменен,
Всегда живой Предсовнарком,
Путеводитель мира — Ленин.

А возглавляемый им Наркомат просвещения прямо заявлял, что «мы должны широко пользоваться работами Ленина при изучении любого вопроса (независимо, из какого «предмета» он взят), по которому им сформулирован свой взгляд».

Жена Зиновьева Злата Лилина в 1924 году написала биографию Ленина для детей. Она называлась «Наш учитель Ильич».

Да и многие другие крупные и не очень крупные партийные и советские начальники внесли свой посильный вклад в создание образа «вечно живого» и «гениальнейшего вождя» всех времен и народов. Эти примеры можно было бы перечислять и перечислять без конца.

Но Каменеву все же нельзя отказать и в настоящих заслугах — без кавычек — в научном изучении и научной систематизации наследия Ленина.

Каменев и «грехи Троцкого»

После смерти Ленина положение Каменева во власти упрочилось. В феврале 1924 года он стал председателем Совета Труда и Обороны (СТО) СССР. Это был весьма влиятельный пост. Совет обладал широкими полномочиями — в его задачи входили проведение в жизнь хозяйственных и финансовых планов СССР, рассмотрение вопросов обороны и принятие мер по улучшению военного дела, вопросы финансирования различных отраслей экономики и т. д. Постановления и распоряжения СТО СССР являлись обязательными для всех центральных и местных органов власти. О важности этого органа говорит хотя бы тот факт, что при жизни пост его председателя занимал сам Ленин.

С 23 по 31 мая 1924 года проходил XIII съезд РКП(б) — первый без Ленина. Одной из его главных интриг стал вопрос: оглашать перед делегатами ленинское «Письмо к съезду» с характеристиками лидеров партии или нет? За два дня до начала съезда Крупская передала письмо Комиссии по ленинскому наследию (Зиновьеву, Каменеву и Сталину), указав, что «Ильич выражал твердое желание», чтобы его заметки были оглашены на съезде.

Этот вопрос 21 мая обсуждался на заседании своего рода совета старейшин съезда, состоящего из членов ЦК и руководителей местных партийных организаций. Каменев зачитал письмо. Сталин, которого Ленин охарактеризовал в письме «слишком грубым», вызвался подать в отставку. Троцкий вспоминал, что он сказал: «Что ж, я действительно груб… Ильич

предлагает вам найти другого, который отличался бы от меня только большей вежливостью. Что же, попробуйте найти.

— Ничего, — отвечал с места голос одного из тогдашних друзей Сталина. — Нас грубостью не испугаешь, вся наша партия грубая, пролетарская».

Борис Бажанов в мемуарах так передавал речь Зиновьева на этом совещании: «Товарищи, вы все знаете, что посмертная воля Ильича, каждое слово Ильича для нас закон… Но есть один пункт, по которому мы счастливы констатировать, что опасения Ильича не оправдались… Я говорю о нашем генеральном секретаре и об опасностях раскола в ЦК». По предложению Каменева вопрос решался простым поднятием рук. Большинство проголосовало за то, чтобы прекратить прения по этому вопросу. Сталин остался на своем посту. Затем решали, как быть с ленинским «завещанием». Каменев предложил вообще не сообщать о нем съезду, но против выступила Крупская. В итоге постановили: письмо будет оглашено на закрытых заседаниях отдельных делегаций; при этом никто из делегатов не имел права делать записи и пересказывать его содержание на прочих заседаниях съезда. Письмо также решили не публиковать. Интересно, что, когда в 1925 году американский троцкист Макс Истмен пересказал его своими словами в книге «После смерти Ленина», Троцкому пришлось опубликовать опровержение и назвать рассказы о «завещании Ленина» «злостной фальсификацией». «Письмо» превратилось практически в нелегальную литературу, и позже подпольные типографии оппозиции будут печатать и распространять его — совсем как социал-демократические листовки в царские времена.

Двадцать третьего мая делегаты съезда поднялись на трибуну недавно построенного Мавзолея на Красной площади, а мимо них маршем прошли десять тысяч пионеров. Затем делегаты прошли внутрь и осмотрели забальзамированное тело вождя. А 1 августа 1924 года Мавзолей открыли для широкой публики. Открыть-то его открыли, но вот «завещание» Ленина проигнорировали — во многом из-за позиции Каменева и Зиновьева. Тогда они, конечно, не подозревали, что уже начали рыть могилу самим себе, а считали, что это решение нанесет удар по позициям Троцкого.

После съезда (его открывал и закрывал Каменев, он же выступил с докладом о работе Института Ленина) позиции Троцкого в руководстве партии действительно ослабли. Хотя он остался и в Политбюро, и в ЦК, из его видных сторонников в ЦК попали только Георгий Пятаков и Христиан Раковский. Большинство партийцев шли за «тройкой», хотя Троцкий вовсе

не собирался сдаваться. Интрига закручивалась все сильнее.

В 20-х годах руководители партии занимались не только выпуском работ Ленина, но и своих тоже. В 1922–1923 годах было решено выпустить собрания сочинений Троцкого, Зиновьева, Каменева. Собрание сочинений Каменева, к примеру, планировалось издать в двенадцати томах. Успели выйти только четыре тома. С собраниями сочинений «стальных вождей» оказалось связанным и новое резкое обострение внутрипартийной борьбы.

В октябре 1924 года Троцкий — в качестве предисловия к третьему тому своего собрания сочинений — опубликовал статью «Уроки Октября». В ней он, в частности, описал и историю разногласий в руководстве партии от февраля до октября 1917 года. И совершенно некстати для тогдашних партийных лидеров напоминал о статьях Каменева и Сталина в «Правде» весной 1917 года, которые, по его мнению, были близки к позициям меньшевиков и противостояли ленинским позициям. А в главе «Вокруг октябрьского переворота» Троцкий раскритиковал действия «правого крыла» партии, чьим виднейшим представителем он называл Каменева, который вместе с Зиновьевым выступал против восстания в Петрограде. Троцкий специально оговаривался: «Разумеется, разногласия 1917 г[ода] были очень глубоки и отнюдь не случайны. Но было бы слишком мизерно пытаться делать из них теперь, спустя несколько лет, орудие борьбы против тех, кто тогда ошибался. Еще недопустимее, однако, было бы из-за третьестепенных соображений персонального характера молчать о важнейших проблемах Октябрьского переворота, имеющих международное значение». Но общее направление его «удара» было понятно: показать, что в Октябрьские дни рядом с Лениным был именно он, Троцкий. Им противостоял Каменев со своим союзником Зиновьевым, а где был Сталин — вообще непонятно. К тому же Троцкий заходил с сильных козырей: о том, что Каменев и Зиновьев выступали против восстания, в партии знали далеко не все, об этом старались громко не говорить, а ленинское «завещание» с упоминанием «Октябрьского эпизода» тандема засекретили. Троцкий же заговорил о нем в полный голос. Его статья (она потом была напечатана отдельной брошюрой) компрометировала «тройку», поэтому она решила дать ему ответ и открыть огонь изо всех орудий. Началась дискуссия, которая вошла в историю под названием «литературной». Хотя собственно литературой в ней и не пахло.

Ответ долго не заставил себя ждать: редакционная статья «Правды» «Как не нужно писать историю Октября (по поводу выхода книги т[оварища] Троцкого «1917»)» (ее автором был Николай Бухарин). Затем в «Правде» были опубликованы текст доклада Каменева на собрании членов

МК и московского партийного актива «Ленинизм или троцкизм?» (на следующий день он повторил его на совещании военных работников), речь Сталина на пленуме коммунистической фракции ВЦСПС «Троцкизм или ленинизм?» и статья Зиновьева «Большевизм или троцкизм?». Потом появились сборники «За ленинизм» и «Ленин о Троцком и троцкизме. Из истории ВКП(б)».

Статья Троцкого была названа «грубым извращением истории большевизма и истории Октябрьской революции», «попыткой подменить ленинизм троцкизмом», который «является не чем иным, как одним из видов меньшевизма». Троцкому припомнили его небольшевистское прошлое и переругивание с Лениным еще до революции. Сталин в этой дискуссии «разоблачал «легенды» «об особой роли Троцкого в Октябрьском восстании», а книги с этими «легендами» называл «арабскими сказками». К ним он отнес и знаменитые «Десять дней, которые потрясли мир» Джона Рида. До XX съезда КПСС эта книга не переиздавалась.

Что же касается Каменева, то он не отрицал, что в октябре 1917 года их с Зиновьевым ошибка «была громадной», но они, по его словам, быстро осознали ее. А вот у Троцкого «грехов» перед партией было куда больше. 20 декабря Михаил Булгаков записал в дневнике: «Мальчишки на улицах торгуют книгой Троцкого «Уроки Октября», которая шла очень широко. Блистательный трюк: в то время как в газетах печатают резолюции с преданием Троцкого анафеме, Госиздат великолепно продал весь тираж…»

К январю 1925 года «проработка» Троцкого достигла апогея. Он сам опять вел себя пассивно и молчал. Однажды в беседе с рабочими одного из московских заводов он сказал, что если бы знал, что книгу так раздуют и разведут такую кампанию, то никогда бы ее и не выпустил. 17–20 января 1925 года проходил объединенный пленум ЦК и ЦКК. Троцкий в нем не участвовал из-за болезни. «Я лежал с температурой и молчал. Пресса и ораторы ничем другим не занимались, кроме разоблачения троцкизма», — вспоминал он. Незадолго до пленума Троцкий направил в ЦК заявление, в котором просил освободить его от обязанностей наркомвоенмора и председателя Реввоенсовета. Он писал, что готов в будущем выполнять любую работу на любом посту и вне всякого поста. На место Троцкого уже нашли человека «тройки» — Михаила Фрунзе. Зиновьев и Каменев требовали исключить Троцкого из партии, но Сталин проявил «умеренность», предложив оставить его даже в ЦК и Политбюро. Однако резолюция пленума выносила Троцкому «самое категорическое предупреждение» и оставляла вопрос о его работе в ЦК до очередного

съезда. В случае же «новой попытки» Троцкого нарушить партийные решения «ЦК будет вынужден, не дожидаясь съезда, признать невозможным дальнейшее пребывание т[оварища] Троцкого в Политбюро и поставить вопрос о его устранении из ЦК». Хотя в ЦК он все-таки остался, в одном из анекдотов того времени говорилось: «Знаете, как теперь фамилия Троцкого? — Как? — Троий. — Почему? — ЦК выпало».

Поражение в «литературной дискуссии» вынудило Троцкого на время уйти из большой политики. Он занимался хозяйственными вопросами, писал статьи, а также со злорадством наблюдал за спорами и конфликтами, которые уже очень скоро начались в рядах его противников.

«Мы против того, чтобы делать «вождя»

Сталин потом рассказывал, что «размолвка» с Каменевым и Зиновьевым началась из-за Троцкого: они, мол, требовали исключения его из Политбюро и партии, «жаждали крови», но их предложения не прошли. «Сегодня одного отсекли, завтра другого, послезавтра третьего — кто же у нас останется в партии?» — возмущался Сталин. Как говорится, кому бы говорить.

Но проблема Троцкого была, конечно, не самой важной. Между недавними союзниками имелись уже куда более серьезные разногласия. Во-первых, теоретические. По вопросу о том, куда дальше идти стране. На XIV партийной конференции в апреле 1925 года была одобрена выдвинутая Сталиным и Бухариным «теория возможности построения социализма в одной, отдельно взятой стране». Сталин в это время сблизился с «правыми» — Бухариным, Рыковым, Томским — и по вопросу об отношении к крестьянству и о темпах строительства социализма. «Правые» считали, что крестьянам нужно предоставить больше инициативы, больше льгот и вообще облегчить условия их работы. «Обогащайтесь!» — призывал он крестьян. Бухарин предупреждал, что к социализму предстоит двигаться «черепашьим шагом».

Ни троцкисты, ни Каменев с Зиновьевым не поддерживали эти идеи. Они сомневались в том, что, как говорил Зиновьев, «можно ли окончательно построить социализм и закрепить социалистический строй в одной стране, и притом не в такой стране, как Америка», без «завершения строительства социализма в международном масштабе». Они также считали, что НЭП уже выполнил свои задачи и пора усилить давление на крестьянство, чтобы государство получило средства для скорейшей

индустриализации как главного условия построения социализма. НЭП, по их словам, создает условия для оживления буржуазных слоев. В партию вместе с «духом НЭПа» проникают «буржуазные идеи», и время от времени наблюдается «отход от марксизма» — как в случае выдвижения теории о построении социализма в одной, отдельно взятой стране.

Вскоре после партконференции Зиновьев опубликовал в «Правде» статью «Философия эпохи». В ней он критиковал имущественное неравенство, которое, по его словам, с введением НЭПа все усиливалось и усиливалось, а воззрения Бухарина называл «мелкобуржуазными». Однако Пленум ЦК 23–30 апреля одобрил именно «правый» курс Сталина и Бухарина. Вообще, любопытно, как стремительно меняли свои политические позиции партийные руководители. Бухарин, «левый коммунист» в 1918 году, теперь стал «правым». «Правый» в 1917 году Каменев все больше смещался вместе с Зиновьевым «влево», к Троцкому. Троцкий, который когда-то стоял между меньшевиками и большевиками, вообще оказался на самом «левом» фланге. Ну а «правоцентрист» Сталин середины 20-х годов в начале 30-х оказался уже «левее» самого Троцкого.

Вторая проблема была в борьбе за власть между членами «тройки». Каменев и Зиновьев постепенно начинали чувствовать, что Сталин все больше и больше отодвигает их на второй план. Он был «своим» для партийного аппарата, для которого теория «построения социализма в одной стране» подходила куда больше, чем беспокойные интернационалистские амбиции его конкурентов.

Складывающаяся оппозиция под руководством Зиновьева и Каменева опиралась на ленинградскую партийную организацию. Поэтому ее в итоге и назвали «ленинградской оппозицией». Зиновьев сумел сохранить в Ленинграде немало преданных себе людей. В отличие от Каменева, который раньше активно «чистил» московский партийный аппарат от троцкистов, а когда сам перешел в оппозицию, то вдруг выяснилось, что, как злорадно писал Троцкий, «рядовая масса московских коммунистов угрюмо молчала», и «при первых попытках сопротивления Сталину Каменев повис в воздухе». Так что оппозиция организовывалась на основе ленинградцев. К ним и примкнул Каменев, а еще — Крупская и Георгий Сокольников.

На XIV съезде партии в декабре 1925 года с отчетом ЦК впервые выступил Сталин, с содокладом от оппозиции — Зиновьев. Впрочем, он в основном критиковал Бухарина, то и дело ссылаясь при этом на Ленина. Каменев должен был выступить с докладом «Очередные вопросы хозяйственного строительства», но доклад отменили, так как «тов[арищ]

Каменев не выражает линию Центрального Комитета». Однако он все же выступил, и его выступление, состоявшееся 21 декабря (как раз в день рождения Сталина!), взорвало более или менее спокойное течение съезда. Каменев заявил, что в партии «начинает складываться теория, которую мы находим принципиально неправильной и направляющей партию по неправильному пути». «Вы можете нас за это обругать, можете наказать; можете открыть по нам огонь, можете сказать, что мы — очень плохие люди, но это не остановит нас перед тем, чтобы сказать, в чем, по-нашему, заключается та ошибка, на которую партию пытаются толкнуть, чтобы сказать, кто пытается партию на этот неправильный путь толкнуть», — сказал Каменев. Чем дальше он говорил, тем больше его выступление пытались прервать криками с места. До его выступления зал вел себя гораздо спокойнее. «Товарищи, до тех пор, пока я стою на этой трибуне, вы меня не заставите замолчать, как бы громко ни кричала кучка товарищей», — парировал Каменев.

Он критиковал не только Бухарина, но и Сталина. И не только за их теоретические воззрения, но и за создание такого «режима в партии», при котором, по его словам, возможно «перерастание идейных разногласий в организационную драку». Каменев предупредил, что при таком режиме он видит «громадную опасность, что эти идейные разногласия не смогут действительно уживаться в недрах единого ЦК». Кульминация его речи пришлась на конец выступления. Каменев заявил, что линия Бухарина «зиждется на отступлении от Ленина». «То, что нужно сейчас — это лозунг: назад к Ленину!» — провозгласил он. А потом нанес самый главный удар: «Мы против того, чтобы создавать теорию «вождя», мы против того, чтобы делать «вождя». Мы против того, чтобы Секретариат, фактически объединяя и политику, и организацию, стоял над политическим органом… Лично я полагаю, что наш генеральный секретарь не является той фигурой, которая может объединить вокруг себя старый большевистский штаб». Шум в зале усиливался все больше и больше, но Каменев все-таки договорил до конца: «Именно поэтому я неоднократно говорил это товарищу] Сталину лично, я неоднократно говорил группе товарищей-ленинцев, я повторяю это на съезде: я пришел к убеждению, что тов[арищ] Сталин не может выполнять роль объединителя большевистского штаба».

В этом месте стенограмма фиксирует «голоса с мест»: «Неверно!», «Чепуха!», «Вот оно в чем дело!», «Раскрыли карты!» Шум». Крики: «Мы не дадим вам командных высот!», «Сталина! Сталина!», «Да здравствует тов[арищ] Сталин!», «Ура!» Делегаты встают и приветствуют тов[арища]

Сталина. Бурные аплодисменты.

Председательствующий: Товарищи, прошу успокоиться. Тов[арищ] Каменев сейчас закончит свою речь…

Каменев: Эту часть своей речи я начал словами: мы против теории единоначалия, мы против того, чтобы создавать вождя! Этими словами я и кончаю речь свою. (Аплодисменты ленинградской делегации.)

Голос с места: А кого вы предлагаете?»

На это Каменев уже не успел ответить — был объявлен перерыв.

Оппозиция явно не могла противостоять большинству. Троцкий и его сторонники тоже присутствовали на съезде, но в его ход почти не вмешивались. Троцкий вообще ни разу не взял слова — в первый раз за все время после октября 1917 года.

Сталин же высказался предельно четко: «Мы против политики отсечения. Это не значит, что вождям позволено будет безнаказанно ломаться и садиться на голову. Нет уж, извините. Поклонов в отношении вождей не будет… Партия хочет единства, и она добьется его вместе с тт. Каменевым и Зиновьевым, если они этого захотят, без них — если они этого не захотят».

Однако съезд, переименовавший РКП(б) в ВКП(б) — Всесоюзную коммунистическую партию (большевиков), — закончился поражением оппозиции. Большинство делегатов поддержали Сталина и Бухарина. По большому счету их тогдашний курс с точки зрения сегодняшнего дня представляется более разумным и реалистическим — не ждать «мировой революции», а в союзе с крестьянством вести долгую работу по преобразованию собственной страны. Другое дело, что через несколько лет Сталин свернет его, а своих «правых» союзников сначала «разоблачит», а потом и уничтожит. Этого-то ни Бухарин, ни Рыков, ни другие не предвидели, а вот Каменев о такой опасности как раз и предупреждал.

Несмотря на то что Сталин выступал против «политики отсечения», «отсечение» Каменева началось сразу же после съезда. 1 января 1926 года Пленум ЦК не избрал его членом Политбюро, оставив только кандидатом. 15–16 января Каменев был снят с должностей заместителя председателя Совнаркома, председателя Совета Труда и Обороны (вместо него на этот пост назначили председателя СНК «правого» Алексея Рыкова), а также председателя Моссовета. Его назначили наркомом внешней и внутренней торговли СССР. На этой должности он находился всего лишь несколько месяцев и 26 ноября 1926 года был назначен полпредом в Италии. К тому времени он не являлся уже и кандидатом в члены Политбюро.

Падение Каменева с высоты «партийного Олимпа» после его

выступления против Сталина было стремительным. Падение его друга-союзника по тандему тоже. В марте 1926 года Зиновьева сняли с должности председателя Ленсовета, в июле вывели из состава Политбюро, в октябре он лишился поста председателя Исполкома Коминтерна.

Но и тогда они еще не отказались от борьбы. С весны 1926 года начала постепенно складываться «Объединенная оппозиция» — на основе союза с Троцким и остатками других оппозиционных групп.

«Партия на историческом перекрестке»

Этот блок создавался весьма непросто. Разумеется, Троцкий хорошо помнил о роли Каменева и Зиновьева в борьбе против него. Он довольно-таки иронически вспоминал о своей первой встрече с Каменевым после XIV съезда. «При первом же свидании со мной, — писал он, — Каменев заявил: «Стоит вам с Зиновьевым появиться на одной трибуне, и партия найдет свой настоящий центральный комитет». Я, — продолжал Троцкий, — мог только посмеяться над этим бюрократическим оптимизмом. Каменев явно недооценивал ту работу по разложению партии, которую «тройка» производила в течение трех лет. Без всякого снисхождения я ему указал на это». Однако контакты продолжились. В середине апреля 1926 года Троцкий инкогнито отправился на лечение в Германию. «Зиновьев и Каменев прощались со мной почти трогательно, — вспоминал он. — Им очень не хотелось оставаться со Сталиным с глазу на глаз».

После его возвращения встречи «союзников-соперников» вновь возобновились. Каменев и Зиновьев в приватных разговорах рассказывали Троцкому о Сталине всякие нехорошие вещи, а Каменев пародировал его грузинский акцент. Первое крупное выступление оппозиции произошло на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК в июле 1926 года. Тринадцать видных партийных деятелей (Троцкий, Каменев, Зиновьев, Крупская, Пятаков и др.) выступили с критикой «чудовищно растущего» бюрократизма партийного аппарата, потребовав, в частности, увеличить зарплату рабочим за счет сокращения «управленцев», восстановить в партии «демократизм», более активно поддерживать международное революционное движение и т. д.

Каменев применил сильный прием: он зачитал записку Ленина от 5 марта 1923 года, в которой шла речь об оскорблении Крупской. Но и Сталин был не лыком шит. В ответ было оглашено письмо Троцкого меньшевику Николаю Чхеидзе, написанное 1 апреля 1913 года с весьма

нелицеприятными пассажами в адрес Ленина — «дрянная склока, которую систематически разжигает сих дел мастер Ленин, этот профессиональный эксплуататор всякой отсталости в русском рабочем движении», «все здание ленинизма в настоящее время построено на лжи и фальсификации и несет в себе ядовитое начало собственного разложения» и т. д.

На пленуме произошел и по-настоящему трагический случай. После довольно резкой полемики с Каменевым и Пятаковым по вопросу о развитии промышленности стало плохо Дзержинскому. Анастас Микоян вспоминал об этом: «Выступление Дзержинского было резким, острым — он не мог говорить спокойно. Речь его прерывалась частыми репликами со стороны оппозиции Пятакова, Каменева, Троцкого… Его крайне возмутила реплика Каменева, который, используя самокритику Дзержинского, крикнул: «Вот Дзержинский 45 млн рублей напрасно засадил в металлопромышленность».

После Дзержинского с резкими речами против Каменева и Пятакова выступили Рудзутак и Рыков…

Это не остановило Каменева. В своем заключительном слове он снова допустил грубые нападки на Дзержинского, который очень близко к сердцу принял эти выпады. Дзержинский почувствовал себя плохо и, не дождавшись конца заседания, вынужден был с нашей помощью перебраться в соседнюю комнату, где лежал некоторое время. Вызвали врачей. Часа через полтора ему стало получше, и он пошел домой.

А через час после этого его не стало…»

Через два дня, 22 июля, Дзержинского хоронили на Красной площади. Гроб с его телом вместе несли Сталин, Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бухарин, Рыков. Но это был один из последних случаев, когда они были вместе.

Пленум оппозиция проиграла. Зиновьев, один из ее лидеров, был исключен из состава Политбюро. Через несколько дней после пленума Каменев написал заявление в ЦК, в котором просил освободить его от обязанностей наркома торговли, поскольку он не пользуется полной поддержкой со стороны Политбюро и правительства. Он предлагал назначить на этот пост Анастаса Микояна. Микоян отказывался, но предложение Каменева поддержал и Сталин. «Вот Каменев работает, — говорил он Микояну. — Чем и как он может лучше вести дело? Ничем. Почему? Потому что во многих вопросах внутренней экономической политики Каменев не разбирается, работает поверхностно… В этом деле ты будешь сильнее Каменева… Каменев перешел в оппозицию. Известно, что он не пользуется поддержкой ЦК. Работники не будут вокруг него

объединяться и не будут с внутренним доверием работать с ним, как с тобой, которому ЦК оказывает полное доверие. Не случайно сам Каменев об этом пишет в своем письме в ЦК». В итоге Микоян согласился.

Но, конечно, это был исключительный случай, когда руководство партии поддержало предложение оппозиционеров. Борьба между ними становилась все более ожесточенной. Троцкий с возмущением говорил, что против оппозиции применяют «черносотенные» методы работы и в президиумы собраний с мест подают записки такого рода: «Троцкий отвергает возможность построения социализма в одной стране, потому что из-за своей национальности не верит в силу русского народа». В ответ на это Сталин заметил: «Мы боремся против Троцкого, Зиновьева и Каменева не потому, что они евреи, а потому, что они оппозиционеры».

Интересная деталь — в архивах сохранилась записка поэта Демьяна Бедного, направленная Сталину 8 октября 1926 года:

«Иосиф Виссарионович!

Посылаю — для дальнейшего направления — эпиграмму, которая так или иначе должна стать партийным достоянием. Мне эта х…ня с чувствительными запевами — «зачем ты Троцкого?!..» надоела. Равноправие так равноправие! Демократия так демократия!

Но именно те, кто визжит (и не из оппозиции только!), выявляют свою семитическую чувствительность.

Демьян Бедный». Дальше следовала сама эпиграмма «В чем дело?!»:

Скажу — (Куда я правду дену?) —
Язык мой мне врагов плодит.
А коль я Троцкого задену,
Вся оппозиция галдит.
В чем дело, пламенная клака?
Уж растолкуй ты мне добром:
Ударю Шляпникова — драка!
Заеду Троцкому — погром!

На XV партийной конференции (26 октября — 3 ноября) Сталин выступил с докладом, в котором объявил, что в партии создан «троцкистско-зиновьевский антипартийный блок» — тогда-то и появилось это название.

В октябре 1926 года нанесли удар по Троцкому и Каменеву. На очередном пленуме первого вывели из состава Политбюро, а Каменев был

лишен звания кандидата в члены Политбюро и снят с поста директора Института Ленина. Зиновьев же лишился должности председателя Исполкома Коминтерна, то есть в глазах миллионов рабочих перестал быть «начальником штаба подготовки мировой революции».

На VII расширенном Пленуме Исполкома Коминтерна, проходившем 22 ноября — 16 декабря 1926 года, Сталин разбирал ошибки Троцкого, Зиновьева и Каменева. Тут-то он припомнил и о старой истории с телеграммой, которую в феврале 1917 года Каменев послал отрекшемуся от престола великому князю Михаилу Александровичу. Вот как описывала этот момент первоначальная стенограмма выступления Сталина (потом ее подредактировали): «Дело происходило в городе Ачинске в 1917 году, после Февральской революции, где я был ссыльным вместе с товарищем] Каменевым. Был банкет или митинг, я не помню хорошо, и вот на этом собрании несколько граждан вместе с товарищем] Каменевым послали на имя Михаила Романова… (*Каменев с места:* Признайся, что лжешь, признайся, что лжешь!).

Молчите, Каменев (*Каменев:* Признаёшь, что лжешь?). Каменев, молчите, а то будет хуже. (*Председательствующий Тельман призывает к порядку Каменева.)*

Телеграмма на имя Романова как первого гражданина России была послана несколькими купцами и тов[арищем] Каменевым. Я узнал на другой день об этом от самого т[оварища] Каменева, который зашел ко мне и сказал, что допустил глупость (*Каменев с места:* Врешь, никогда тебе ничего подобного не говорил).

Так как тов[арищ] Каменев здесь пытается уже слабее опровергать то, что является фактом, вы мне разрешите собрать подписи участников апрельской конференции, тех, кто настаивал на исключении товарища] Каменева из ЦК из-за этой телеграммы *(Троцкий с места:* Только не хватает подписи Ленина). Тов[арищ] Троцкий, молчали бы вы! *(Троцкий:* Не пугайте, не пугайте…) Вы идете против правды, а правды вы должны бояться *(Троцкий:* Это сталинская правда, это грубость и нелояльность)».

Положение оппозиции было сложным. Троцкий писал, что уже зимой 1927 года был готов «капитулировать» Зиновьев. В мае от блока отошла Крупская — «Правда» напечатала ее «покаяние». Это была серьезная потеря, поскольку Крупская как бы олицетворяла собой связь оппозиции с Лениным. Уход Крупской произошел в самый разгар подготовки коллективного заявления оппозиции. Оно вошло в историю как «заявление 83-х». Под ним подписались около полутора тысяч человек.

В сентябре 1927 года был подготовлен еще более объемный документ

— «Проект платформы большевиков-ленинцев (оппозиции) к XV съезду ВКП(б). Кризис партии и пути его преодоления». В нем критиковались ухудшение жизни рабочего класса, низкие темпы индустриализации, «симпатии» руководства партии к крестьянам-середнякам, усиление бюрократизации партийного и государственного аппарата, уничтожение внутрипартийной демократии и т. д.

Группа Сталина характеризовалась как оппортунистическая, опирающаяся на бюрократический аппарат. «Большевики-ленинцы» призывали, в частности, подготовить съезд на основе партийной демократии, вернуть в партию исключенных оппозиционеров, опубликовать письма Ленина с критикой Сталина, «взять курс» на международную революцию.

Поскольку «Правда» и журнал «Большевик» по решению Политбюро отказались печатать «Платформу», оппозиционеры решили ее напечатать нелегально. Сотрудники ОГПУ устроили за ней настоящую охоту. К этому времени они старались пресекать и собрания оппозиционеров. Троцкий вспоминал: «По мере приближения XV съезда, назначенного на конец 27-го года, партия все более чувствовала себя на историческом перекрестке… Несмотря на чудовищный террор, в партии пробудилось стремление услышать оппозицию. Этого нельзя было достигнуть иначе, как на нелегальном пути. В разных концах Москвы и Ленинграда происходили тайные собрания рабочих, работниц, студентов, собиравшихся в числе от 20 до 100 и 200 человек, для того чтобы выслушать одного из представителей оппозиции. В течение дня я посещал два-три, иногда четыре таких собрания. Они происходили обычно на рабочих квартирах. Две маленькие комнаты бывали битком набиты, оратор стоял в дверях посредине. Иногда все сидели на полу, чаще, за недостатком места, приходилось беседовать стоя… В общем на этих собраниях в Москве и Ленинграде перебывало до 20 000 человек…

Оппозиция очень искусно подготовила большое собрание в зале высшего технического училища, который был захвачен изнутри. Набилось свыше двух тысяч человек. Большая толпа оставалась на улице. Попытки администрации мешать нам оказались бессильными. Я и Каменев говорили около двух часов. В конце концов Центральный Комитет выпустил воззвание к рабочим о необходимости разгонять собрания оппозиции силой… Мы дали сигнал к временному прекращению больших собраний».

Лидеры оппозиции понимали: их исключением из руководящих органов партии дело может и не ограничиться. Что делать, если встанет вопрос об исключении из партии вообще? Троцкий был готов к этому,

Зиновьев и Каменев — нет. Каменев считал, что вне партии идеям оппозиции грозит только одно — «вырождение и гибель». 21–23 октября на Пленуме ЦК и ЦКК Троцкого и Зиновьева исключили из ЦК. Их обвиняли в нелегальном издании «Платформы», антипартийной и антисоветской деятельности, фракционной борьбе. «Скатертью дорога!» — бросил Троцкому Сталин.

Между тем приближалась 10-я годовщина Октябрьской революции. По случаю предстоящего юбилея Красная площадь была празднично украшена. 30 октября «Правда» сообщала: «На Красной площади по обе стороны мавзолея будут протянуты два огромных стяга со светящимися цифрами: «1917–1927». В воздухе на тросах, протянутых от Спасской башни до Лобного места и Здания ВЦИК, будет вывешен лозунг, ночью освещаемый прожекторами. На площадке Лобного места будет установлен макет броневика с надписями, характеризующими боевую работу Красной Армии…»

Но и оппозиционеры тоже готовились. У них возникла идея провести «параллельные» демонстрации в Москве и Ленинграде. 7 ноября, когда колонны демонстрантов проходили по Тверской к Красной площади, на балкон дома на углу Тверской и Охотного Ряда (бывшая гостиница «Париж») вышли лидеры оппозиции и вывесили на балконе портрет Ленина и красное полотнище с лозунгом «Назад к Ленину!». Группы оппозиционеров несли в общей процессии свои плакаты: «За подлинную рабочую демократию», «Повернем огонь направо — против нэпмана, кулака и бюрократа», «Против оппортунизма, против раскола — за единство ленинской партии» и т. д.

Один из организаторов оппозиционной акции Иван Смилга отмечал, что демонстранты дружно отвечали на приветствия с балкона, но потом распорядители демонстрации «стали отделять из проходивших колонн небольшие отряды вооруженных свистками, пищалками, огурцами, помидорами, камнями, палками и др. Скопившиеся под балконом, под руководством съехавшихся властей, стали свистать, кричать «Долой!», «Бей оппозицию!» и бросать в стоявших на балконе товарищей Смилгу, Преображенского и др. камнями, палками, щепками, огурцами, помидорами и пр.».

Были в этом противостоянии и комичные моменты. Один из видных участников оппозиции, Николай Мурадов, например, с помощью швабры долго пытался отбить атаки противников, которые, высунувшись из окна верхнего этажа гостиницы, пытались поддеть крюком и утащить к себе полотнище с портретами Троцкого и Зиновьева. Победа осталась за

сторонниками «генеральной линии партии». Еще через некоторое время группа людей ворвалась в здание и попыталась вытащить с балкона оппозиционеров, избив некоторых из них. В то же время у Александровского вокзала, где собирались колонны демонстрантов и куда приехали на автомобиле Троцкий, Каменев и Мурадов, несколько человек набросились на них. При этом раздалось несколько выстрелов. «При отъезде машины с вождями всемирной революции эти фашисты забрасывали их яблоками, булками, грязью и всем, что у них было», — сообщал один из оппозиционеров. В районе Красной площади и других местах происходили столкновения — агенты ОГПУ, красноармейцы и сторонники большинства вырывали лозунги и плакаты у оппозиционеров.

Демонстрация оппозиции прошла и в Ленинграде. «Параллельные» демонстрации стали последними крупными акциями оппозиции. 15 ноября ЦК и ЦКК исключили Троцкого и Зиновьева из партии, а Каменева и ряд других оппозиционеров — из ЦК. Троцкого к тому же оперативно выселили из Кремля. 24 ноября газета «Вечерняя Москва» писала: «Нужно было хоть одному троцкисту видеть, как вчера 16-я Московская губпартконференция приветствовала товарища] Сталина, как весь огромный зал Дома Союзов, стоя, встретил нескончаемым «ура» генерального секретаря ЦК партии».

По дороге капитуляций

Второго декабря открылся XV съезд партии. Из лидеров оппозиции «первого ряда» на нем был только Каменев. Присутствовала также небольшая группа оппозиционеров, которых еще из партии не выгнали. Да и то без права решающего голоса.

По большому счету на съезде шло добивание оппозиции. «Говорят, — заявил в отчетном докладе ЦК Сталин, — что они… ставят вопрос о возвращении в партию исключенных. (Голоса: «Не пройдут», «Пусть идут в меньшевистское болото»). Я думаю, товарищи, что это тоже не выйдет… Почему мы исключили Троцкого и Зиновьева? Потому что мы не хотим иметь в партии дворян… Оппозиция должна разоружиться целиком и полностью и в идейном и в организационном отношении. (Возгласы: «Правильно!» Продолжительные аплодисменты.) Она должна отказаться от своих антибольшевистских взглядов открыто и честно, перед всем миром. (Возгласы: «Правильно!» Продолжительные аплодисменты.) Она должна заклеймить ошибки, ею совершенные, ошибки, превратившиеся в

преступление против партии, открыто и честно, перед всем миром… Либо так, либо пусть уходят из партии. А не уйдут — вышибем. (Возгласы: «Правильно!» Продолжительные аплодисменты.)».

Третьего декабря группа оппозиции из 121 человека представила съезду заявление. В нем она выступала за единство партии, обязалась не вести фракционную деятельность, но настаивала на восстановлении в ней исключенных и освобождении арестованных оппозиционеров. Это была одна из последних попыток найти компромисс, однако из нее ничего не вышло. Оппозиционерам на съезде еще предоставляли слово. Но толку от этого было мало: говорить им все равно почти не давали. Вот, например, выступает сторонник Троцкого Григорий Евдокимов: «Самые широкие рабочие массы, из 100 человек 99, хотят прежде всего, чтобы было сохранено единство нашей партии. (Сильный шум. Голоса: «Без вас!» Голос: «Оно есть и останется!») Но наряду с этим рабочие, конечно, хотят, чтобы внутри партии давали говорить и большинству, и меньшинству. (Сильный шум. Голос: «Это меньшевистское меньшинство!») Что скажете, неправда? Нет, правда. (Шум, голоса: «Ложь!» Голос: «Меньшевистской свободы слова не дадим!») Рабочие хотят слушать не только одну сторону, а обе стороны. (Голос: «Кроме партии не может быть других сторон!»)».

Или вот Христиан Раковский: «Я вас спрашиваю — если будет отсечено левое крыло партии. (Шум, стучат ногами.)

Голоса: Ступайте из партии, и кончено. Долой меньшевиков с трибуны!.. Съезд требует убрать его оттуда! Долой, долой!»

Иногда их просто лишали слова. «Ввиду того что съезд возмущается, — объявлял председатель, — я должен поставить на голосование вопрос, дать ли дальше слово товарищу] Мурадову[95] или нет. Голосуется: кто за то, чтобы продолжить слово, прошу поднять руки. Нет никого».

Каменев выступил на съезде 5 декабря. Он заявил, что выходит на трибуну с единственной целью — «найти путь примирения оппозиции с партией». Его речь фактически представляла собой пролог к капитуляции. Каменев заявил, что оппозиция готова подчиниться всем решениям съезда, но не видит смысла требовать от нее отречения от своих взглядов. Это, по его словам, было бы не по-большевистски. «Не затрудняйте, товарищи, этого дела, ставя требования, невыполнимые и недостойные для большевиков», — сказал он. «Товарищи» только смеялись. Из зала кричали: «Сдавай оружие, Каменев!», «Сначала заслужи доверие!», «Обойдемся без вас!». Готовности Каменева частично сдать свои позиции было уже мало. 7 декабря Сталин заключил, что «из речи Каменева видно, что оппозиция не намерена разоружиться полностью… Ну что же, если кое-кто из старых

лидеров, превращающихся в хламье, намерены выпасть из тележки, — туда им и дорога!».

Десятого декабря появились два заявления, подписанные членами оппозиции. В одном из них (авторы — Каменев, Бакаев и Авдеев) говорилось, что они готовы подчиниться решениям съезда, «как бы тяжелы они для нас ни были». В другом (Мурадов, Раковский и Радек) — что отказ от своих взглядов стал бы для оппозиционеров обязательным, «если бы мы убедились в их неправильности, т[о] е[сть] в их несоответствии программе ВКП». Но и эти заявления были расценены как «неудовлетворительные». 18 декабря Орджоникидзе огласил на съезде резолюцию «Об оппозиции», согласно которой из ВКП(б) исключались 75 видных оппозиционеров, включая, разумеется, и Каменева. Ее приняли единогласно. 18 декабря группа оппозиционеров из 23 человек (в том числе и Каменев) сделала еще один шаг по пути к капитуляции. Они передали съезду заявление, в котором заявляли о своем полном идейном и организационном «разоружении», осуждали свои прошлые взгляды и поступки и просили восстановить их в партии.

Каменев просил у Орджоникидзе пустить его в зал заседаний и лично огласить заявление, но Орджоникидзе ему отказал, сказав, что не может этого сделать без специального постановления съезда. Он же сам и зачитал заявление, но под бурные аплодисменты предложил его не рассматривать. Так и сделали. Но шанс оппозиционерам все же оставили — им разрешили подавать заявления о восстановлении в ВКП(б) только в индивидуальном порядке и не раньше, чем через шесть месяцев.

Каменев и Зиновьев, подтвердив свою капитуляцию, уже 27 декабря напечатали в «Правде» письмо, в котором снова объявляли о «разоружении» перед партией и разрыве с Троцким. «Они надеялись если не заслужить благоволение, то купить прощение демонстративным разрывом со мной в момент XV съезда, — писал Троцкий. — Они не рассчитали, что двойной изменой политически ликвидируют себя. Если нашу группу они своим ударом в спину временно ослабили, то себя они обрекли на политическую смерть».

В адрес оппозиции на съезде было высказано много острот, саркастических шуток, эпитетов и образных сравнений. Вот делегат с Украины Павел Постышев заявил: «Мы видим уже главных рысаков оппозиции вне табуна большевистской партии. Большевистские дубинки выгнали главнейших рысаков из своего табуна, а кой-кого загнали в особые стойла на выдержку, правда, не с отбитыми печенками, а с хорошо помятыми боками». А председатель Совнаркома Алексей Рыков

«пошутил»: «Нельзя ручаться за то, что население тюрем не придется в ближайшее время несколько увеличить».

Из Сталинграда (так в 1925-м стал называться Царицын) делегатам съезда в качестве подарка прислали метлу. Тот же Рыков вручил ее Сталину со словами: «Я передаю метлу товарищу Сталину, пусть он выметает ею наших врагов». Сталин это и сделал. Многих делегатов съезда, поддержавших его, уничтожили через десять с небольшим лет. Самого Рыкова «вымели» из жизни в 1938 году, а Постышева — чуть позже, в 1939-м.

На краю

Исключениями из партии дело не ограничилось. В начале 1928 года начались высылки ведущих оппозиционеров из двух столиц. Троцкого сослали в Алма-Ату. Каменева и Зиновьева — в Калугу. Режим их пребывания в ссылке был гораздо мягче, чем у Троцкого. Все-таки не так далеко от «центра». Каменев служил заместителем председателя губернской плановой комиссии и писал Горькому, что им с Зиновьевым приходится заниматься организацией уборки снега.

В июне 1928 года он был восстановлен в партии и вернулся в Москву. Получил новую работу: сначала должность начальника Научно-технического управления ВСНХ СССР, затем председателя Главного концессионного комитета при СНК. СССР. Время «большой политики», казалось бы, осталось позади. Пожалуй, в жизни Каменева это были самые спокойные годы.

К тому времени Каменев завел вторую семью. Его второй женой стала Татьяна Глебова, которая была младше его на 11 лет и у которой был сын от первого брака. В 1927 году она ездила с Каменевым в Италию — тогда он еще числился полпредом СССР в этой стране. Она же была с ним в ссылке в Калуге. В 1929 году у них родился сын Владимир.

С первой женой, Ольгой Давидовной, и своими сыновьями он, впрочем, поддерживал хорошие отношения. Его старший сын Александр (Лютик) поступил в Военно-воздушную академию РККА им. Н. Е. Жуковского — очень престижное по тем временам заведение. Впрочем, Александр Каменев, несмотря на свой молодой возраст (в 1929 году ему было 23 года), уже пользовался скандальной известностью. Секретарь Сталина Борис Бажанов вспоминал: «Сын его, Лютик, еще очень молод, но уже широко идет по пути, который в партии называется «буржуазным разложением». Попойки, пользование положением, молодые актрисы. В партии есть еще люди, хранящие веру в идею; они возмущаются. Написана даже пьеса «Сын Наркома», в которой выведен Лютик Каменев, и пьеса идет в одном из московских театров; при этом по разным деталям нетрудно догадаться, о ком идет речь». Автором пьесы был драматург Лев Славин. Каменев прилагал усилия, чтобы ее запретить. В итоге ее сняли с репертуара.

В 1929 году Александр Каменев женился на Галине Кравченко, звезде советского немого кино, а потом и исполнительнице многих ролей в

звуковых фильмах — она снималась до 80-х годов. А в начале 90-х годов Галина Кравченко рассказала в интервью писательнице Ларисе Васильевой множество интереснейших деталей своей жизни с сыном Каменева. Да и о самом Каменеве тоже. Сначала, по ее словам, была «сказочная жизнь». Квартира Каменевых была на Манежной площади напротив Кремля — шесть комнат. Над ними жила сестра Ленина Анна Ильинична. Когда молодежь у Каменевых шумела, она присылала прислугу, требуя тишины.

С едой и одеждой дело обстояло так: «Кремлевка» была. Пятьсот рублей вносили на месяц за человека, и я ездила за обедами. Обеды были на двоих, на Льва Борисовича и Ольгу Давидовну, но девять человек бывали сыты этими обедами — вот так. Я ездила за ними на машине Льва Борисовича… В «кремлевке» к обедам давалось всегда полкило масла и полкило черной икры. Зернистой. Вместе с обедом или вместо него можно было взять так называемый «сухой паек» — гастрономию, бакалею, сладости, спиртное. Вот такие рыбины. Чудные отбивные…

На Масленицу давали горячие блины. Везли в судках — не остывали…

С одеждой было потруднее. Я одевалась в мастерской Наркоминдела, на Кузнецком. Там встречалась с Надеждой Аллилуевой».

С сыном Каменева они по ночам катались на мотоцикле. Затем из Америки ему прислали «форд», и на нем они ездили по Крыму. В Мухолатке их поселили в апартаменты Сталина. Сначала их смущал охранник, но потом к нему привыкли. В 1931 году у них родился сын. Александра Коллонтай подарила ему винтовку.

Разговоров о политике в семье, по словам Галины Кравченко, уже не вели. Все больше о литературе, о музыке. Но, судя по всему, о реальной жизни в стране они знали мало. «Помню, году в тридцать втором Лев Борисович говорит мне: «Галенка, будете в городе, купите мне носки», — вспоминала Кравченко. — Поехала — вернулась. «Носков нет, Лев Борисович». — «Как так?» — «Так. В Москве нигде нет носков». Очень он удивился».

«Капитуляция не побеждает»

О политических взглядах Каменева в эти годы действительно известно мало. Летом 1928 года они несколько раз встречались с Бухариным. К тому времени один из недавних главных противников Каменева и союзников Сталина сам вступил в конфликт с генсеком. Сталин все больше и больше начал отходить от того курса, который был одобрен на прошлых съездах

партии, и «забирать влево». К тому же Бухарин на собственном опыте теперь понимал, что демократией в партии и не пахнет, а вся власть действительно сосредотачивается в руках генерального секретаря. Бухарин говорил, что он, Рыков и Томский не против того, чтобы Каменев и Зиновьев вернулись в Политбюро, а потом они совместными усилиями отстранили бы от власти Сталина.

Реакция Каменева на эти предложения была, судя по всему, сдержанной. Дело в том, что у многих оппозиционеров летом 1928 года начались «терзания и метания». Они были дезориентированы. Сталин и его сторонники неожиданно объявили о курсе на ускоренную индустриализацию страны и коллективизацию сельского хозяйства. Но ведь это было как раз то, на чем настаивала оппозиция. Следовательно, считали они, их позиции со Сталиным сближаются. Что же касается Бухарина и его друзей, то они оставались для них «правыми уклонистами». Возможно, еще более «вредными», чем Сталин.

Да и к тому же их снова восстановили в партии, дали работу… 6 ноября 1929 года Зиновьев, к примеру, говорил на партийном собрании: «Я думаю, что со временем (и это время не так далеко) Центральный Комитет даст мне возможность приложить силы на более широкой арене». Ну да, как же. «После капитуляции Зиновьев и Каменев делали решительно все, чтоб вернуть себе доверие верхов и снова ассимилироваться в официальной среде, — писал уже в эмиграции не смирившийся Троцкий. — Ничего не помогало». Действительно, и Каменев, и Зиновьев уже навсегда находились у Сталина «под колпаком». И вскоре они в этом сами убедились.

В 1932 году по рукам ходили две «самиздатовские» рукописи: «Ко всем членам ВКП(б)» и «Сталин и кризис пролетарской диктатуры». Их автором был бывший секретарь Краснопресненского райкома партии Москвы, бывший член президиума ВСНХ, председатель Госкино Мартемьян Рютин. Он считался «правым», сторонником Сталина и Бухарина и резко критиковал оппозицию. Когда же Сталин перешел к индустриализации и коллективизации, то он сам перешел в оппозицию. И был даже арестован за «правый оппортунизм». Потом, впрочем, освобожден. Однако от своих взглядов не отказался. В 1932 году он вместе с несколькими другими партийцами провозгласил создание Союза марксистов-ленинцев. По мнению основателей союза, он должен был объединить и «правую», и «левую» оппозицию против Сталина.

«С помощью обмана и клеветы и одурачивания партийных лиц, с помощью невероятных насилий и террора… Сталин за последние пять лет отсек и устранил от руководства все самые лучшие, подлинно

большевистские кадры партии, установил в ВКП(б) и всей стране свою личную диктатуру, — писал Рютин. — Авантюристические темпы индустриализации… непосильные открытые и замаскированные налоги, инфляция, рост цен…; авантюристическая коллективизация *с* помощью невероятных насилий, террора… привели всю страну к глубочайшему кризису, чудовищному обнищанию масс и голоду как в деревне, так и городах… Ни один самый смелый и гениальный провокатор для гибели пролетарской диктатуры, для дискредитации ленинизма не мог бы придумать ничего лучшего, чем руководство Сталина и его клики».

Оставаться тайной эти рукописи долго не могли, и уже в сентябре 1932 года Рютин и его сторонники были арестованы ОГПУ[96]. С ними были знакомы и многие бывшие оппозиционеры, которые хотя и настороженно отнеслись к «марксистам-ленинцам», но работы их главного идеолога прочитали. Читали их и Каменев, и Зиновьев. Читали, но «куда надо» не сообщили. За что снова попали под подозрение. В октябре 1932 года их снова исключили из партии. «Проволочный и беспроволочный телеграф разнес по всему миру весть о том, что Зиновьев и Каменев исключены из партии, *с ними* вместе еще свыше двух десятков большевиков, — писал Троцкий. — Согласно официальному сообщению исключенные стремились будто бы к восстановлению капитализма в Советском Союзе… Поразительно: Зиновьев и Каменев пострадали не за свое дело и не под своим знаменем. Основной список исключенных по приговору 9 октября состоит из заведомо правых, т[о] е[сть] сторонников Рыкова — Бухарина — Томского».

Зиновьева, который работал ректором Казанского университета, выслали в Кустанай. Там он занялся, в частности, переводом книги Адольфа Гитлера «Майн кампф». Каменева же отправили в Минусинск. «Побеждают принципы. Капитуляция не побеждает… В таких сложных и ответственных положениях надо руководствоваться правилом, которое французы прекрасно выразили в словах: «Fais ce que doit, advienne que pourra!» («Делай, что должно, и пусть будет, что будет!»), — отмечал Троцкий. — Зиновьев и Каменев пали жертвой несоблюдения этого правила».

Впрочем, уже в 1933 году им снова разрешили вернуться в Москву и восстановили в партии. Пока Сталин все еще не решался уничтожить их окончательно.

«Политический труп»

Каменева вернули из ссылки в мае 1933 года. Вроде бы это было сделано под нажимом Горького. Вскоре его снова восстановили в партии и назначили директором издательства «Academia». Горький был председателем его редакционного совета. Для каждого библиофила томики с надписью латиницей «Academia» на корешке и сегодня представляют немалую ценность. Это было, безусловно, лучшее и самое «интеллектуальное» издательство 30-х годов. Оно выпускало такие серии, как «Сокровища мировой литературы», «Классики мировой литературы», «Памятники литературного, общественного, художественного быта и искусства», причем среди них нередко попадались произведения, которые не очень-то соответствовали «партийным принципам литературы», принятым в те времена. Например, «Декамерон» Джованни Боккаччо или, например, биографии американских киноактеров. Ценились (и ценятся) эти книги и за свое оформление, к подготовке книг привлекались лучшие художники страны. «Academia» существовала во многом благодаря Горькому. Издательство закрыли вскоре после его смерти в 1936 году. 3 декабря 1937 года был арестован его последний директор Янис Янсон, а уже на следующий день издательство объединили с Гослитиздатом.

Под руководством Каменева «Academia» выпустила немало интересных книг. Например, в 1934 году появился первый том собрания сочинений Никколо Макиавелли (остальные тома так и не вышли — Каменева вскоре арестовали). В предисловии к нему Каменев писал, что Макиавелли нередко перечитывали Маркс, Энгельс, Гегель и что работы «этого публициста XVI века сыграли… выдающуюся роль в той великой работе обнажения подлинной природы власти в классовом обществе, которая была доведена до конца лишь в наше время, в работах Маркса и Энгельса, Ленина и Сталина».

Каменев нередко писал предисловия к «сомнительным» с идеологической точки зрения книгам. Например, к воспоминаниям Андрея Белого, которые вышли в Гослитиздате. Он довольно-таки едко отметил, что автор «ничего существенного не видел, не слышал и не понимал в воссоздаваемой им эпохе», но книга-то тем не менее вышла.

В 1933 году стала выходить возрожденная Горьким серия «Жизнь замечательных людей» («ЖЗЛ») (она была основана в 1890 году просветителем и книгоиздателем Флорентием Павленковым, и его издательство выпускало ее вплоть до 1924 года). В ней была издана написанная Каменевым биография Николая Чернышевского. Это была тринадцатая по счету книга новой серии «ЖЗЛ». А вот семнадцатой стала биография Карла Либкнехта, написанная Григорием Зиновьевым. Она тоже

вышла в 1933 году. Конечно же, не без участия Каменева.

Казалось бы, бывшие враги Сталина сломлены окончательно. Но в покое их не оставляли. В январе — феврале 1934 года в Москве прошел XVII съезд ВКП(б). Тогда его называли «съездом победителей» (потом назовут и «съездом расстрелянных», но это позже). Одним из главных пунктов его повестки дня стали ритуальные «покаяния» бывших оппозиционеров и такие же ритуальные восхваления ими Сталина. «Каялись» Зиновьев, Бухарин, Рыков и другие. 5 февраля с подобной речью выступил и Каменев. «На мне, — сказал он, — лежит печальная обязанность на этом съезде победителей представить летопись поражений, демонстрацию цепи ошибок, заблуждений и преступлений, на которые обрекает себя любая группа и любой человек, отрывающиеся от великого учения Маркса — Энгельса, Ленина-Сталина, от коллективной жизни партии, от директив ее руководящих учреждений…

Если я с этой трибуны беру на себя смелость представить вам эту летопись поражений, эту летопись ошибок и преступлений, то только потому я могу это сделать, что чувствую в себе сознание того, что для меня это — перевернутая страница жизни, прошлое, труп, который я могу так же спокойно, без личных чувств анатомировать, как я анатомировал в былые времена и, надеюсь, смогу еще анатомировать политические трупы врагов рабочего класса, меньшевиков или троцкистов».

Дальше он «анатомировал» свой, как он выразился, «политический труп»: «Мы заколебались в том, в чем колебаться не было позволено ни одному коммунисту… Мы, конечно, покатились по такой дороге, которая должна была привести к контрреволюции… Когда мы начали этот преступный путь, мы не отдавали себе отчета, куда мы идем и на что мы сами себя обрекаем… В этой фракционной борьбе мы направили самое ядовитое жало, все оружие, которое у нас тогда было, против того, кто больнее всего нас бил, кто проницательнее всего указывал ту преступную дорогу, на которую мы стали, против товарища Сталина… Товарищи, вторая волна контрреволюции, которая прошла через брешь, открытую нами, — это волна кулацкой идеологии…

Товарищи, я высказал свое глубокое сожаление о тех ошибках, которые я делал. (Голос: «Надо не только высказать, но и оправдать себя на деле».) Я хочу сказать с этой трибуны, что я считаю того Каменева, который с 1925 по 1933 г[од] боролся с партией и с ее руководством, политическим трупом, что я хочу идти вперед, не таща за собою по библейскому (простите) выражению эту старую шкуру. (Смех.)»

Естественно, что и Сталина в своем выступлении Каменев упоминал

неоднократно — в возвышенно-патетических тонах: «Одним из важнейших элементов этой несомненной грядущей победы пролетарского государства над всеми его врагами является абсолютное доверие к командиру. Это абсолютное доверие к командиру, против которого мы боролись, который нас поборол — поборол правильно и справедливо, — оно засвидетельствовано теперь всей страной…

Товарищи, позвольте мне в заключение присоединиться к тому возгласу, который перекатывается по всей стране, который неоднократно раздавался и здесь, присоединиться как человеку, который только благодаря внимательному и истинно товарищескому отношению Центрального комитета и его руководителя может вновь находиться в этих рядах. Этот возглас, к которому я прошу позволения присоединиться, очень прост: Да здравствует наша социалистическая страна! Да здравствует наша партия! Да здравствует наш вождь и командир товарищ Сталин!»

«Покаяния» сыграли свою роль. В 1934 году Каменев был назначен директором Института мировой литературы и Института русской литературы (Пушкинский Дом). Предполагалось его избрание членом Академии наук СССР. Горький предлагал Сталину, чтобы Каменев вместо него сделал доклад на съезде советских писателей в августе 1934 года. Сталин эту идею не одобрил, но Каменева избрали в Правление созданного Союза советских писателей. «Все знали, — записал в своем дневнике от 18 января 1935 года поэт Корней Чуковский, — что в феврале [1935 года] он будет выбран в академики, что Горький наметил его директором Всесоюзного института литературы, и казалось, что его честолюбие вполне удовлетворено этими перспективами…

Мы, литераторы, ценили Каменева: в последнее время как литератор он значительно вырос, его книжка о Чернышевском, редактура «Былого и дум» [Герцена] стоят на довольно высоком уровне. Приятная его манера обращения с каждым писателем (на равной ноге) сделала то, что он расположил к себе: 1. всех литературоведов, гнездящихся в Пушкинском Доме; 2. всех переводчиков, гнездящихся в «Academia» и проч., и проч., и проч.».

Вряд ли тогда смирившийся и сломленный Каменев чувствовал, что он неотвратимо приближается к краю еще более глубокой пропасти.

Пропасть

Первого декабря 1934 года тридцатилетний безработный коммунист Леонид Николаев выстрелом из револьвера в затылок убил члена Политбюро и Оргбюро ЦК, секретаря ЦК и первого секретаря Ленинградского обкома ВКП(б) Сергея Кирова. Убийство произошло прямо в коридоре Смольного, где тогда располагался обком партии. Ходила версия — особенно популярная в эпоху хрущевской «оттепели», — что к убийству был причастен Сталин: то ли он хотел убрать опасного конкурента, популярного в партии Кирова, то ли использовать этот случай как повод для кардинальных «чисток» в стране. И хотя подтверждения к сегодняшнему дню она так и не получила, но в народном сознании сохранилась. Вскоре после убийства Кирова появились частушки, которые распевали еще оставшиеся на улицах Москвы и Ленинграда беспризорники:

Сталин Кирова убил,
Свою женку застрелил[97],
А теперь сидит, боится,
Что к нему шкелет стучится.

Или более знаменитая:

Эх, огурчики да помидорчики,
Сталин Кирова убил
Да в коридорчике!

Ходили слухи, что Николаев застрелил Кирова из личных мотивов — якобы он ревновал его к своей жене Мильде Драуле. Однако согласно дневнику самого Николаева, который был рассекречен лишь в 2009 году, он решил отомстить Кирову за свое увольнение из Института истории партии, после которого он стал безработным. В дневнике, который он завещал своим детям, Николаев сравнивал себя с народовольцами, убившими Александра II.

Кирову были устроены помпезные похороны. Огромные очереди

стояли в Дом союзов, где выставили гроб с его телом. «Вечером, — записал в дневнике 5 декабря 1934 года Корней Чуковский, — позвонил к Каменевым, и они пригласили меня к себе поужинать. У них я застал Зиновьева, который — как это ни странно — пишет статью… о Пушкине («Пушк[ин] и декабристы»). Изумительна версатильность[98] этих старых партийцев. Я помню то время, когда Зин[овьев] не удостаивал меня даже кивка головы, когда он был недосягаемым мифом (у нас в Ленинграде), когда он был жирен, одутловат и физически противен. Теперь это сухопарый старик, очень бодрый, веселый, беспрестанно смеющийся очень искренним заливчатым смехом…» «Старикам» Каменеву и Зиновьеву тогда было всего-то по 51 году. Молодежь еще по нашим-то временам.

Вторая жена Каменева Татьяна Глебова угостила Чуковского пирожками. А затем они пошли к Колонному залу, попрощаться с Кировым. Туда действительно стояла огромная очередь — «тысяч сорок», — но охранявшие подступы к Дому союзов красноармейцы узнали Каменева и пропустили его. Потом был еще один кордон, там его уже не узнали, но жена Каменева сказала, кто перед ними. Их провели в зал без очереди. «Что это, Лева, у тебя за скромность такая, сказал бы сам, что ты Каменев», — записал Чуковский разговор между Каменевым и его женой. «У меня не скромность, а гордость, потому что а вдруг он мне скажет: никакого Каменева я знать не знаю». Они быстро прошли мимо гроба, но Каменев хотел постоять еще в почетном карауле. Разыскали коменданта, тот разрешил.

«Наконец, — писал Чуковский, — явился комендант и ввел нас в круглую «артистическую» за эстрадой. Там полно чекистов и рабочих, очень печальных, с траурными лицами… и каждые 2 минуты из их числа к гробу отряжаются 8 человек почетного] караула. Каменев записал и меня. Очень приветливый, улыбающийся, чудесно сложенный чекист, страшно утомленный, раздал нам траурные нарукавники — и мы двинулись в залу. Я стоял слева у ног и отлично видел лицо Кирова. Оно не изменилось, но было ужасающе зелено. Как будто его покрасили в зеленую краску. И т[ак] к[ак] оно не изменилось, оно было еще страшнее…»

Чуковский, наверное, был одним из последних, кто видел Каменева и Зиновьева на свободе. Вскоре после убийства власти объявили, что Киров стал жертвой заговора, организованного некой подпольной «зиновьевской организацией», возглавляемой «Ленинградским и Московским центрами». В Ленинграде, Москве и других городах начались массовые аресты бывших «зиновьевцев» и участников других в прошлом оппозиционных групп. За Каменевым и Зиновьевым пришли в ночь на 16 декабря.

«В «Academia» носятся слухи, что уже 4 дня как арестован Каменев, — записал Чуковский 20 декабря. — Неужели он такой негодяй? Неужели он имел какое-н[и]б[удь] отношение к убийству Кирова? В таком случае он лицемер сверхъестественный, т[ак] к[ак] к гробу Кирова он шел вместе со мною в глубоком горе, негодуя против гнусного убийцы. И притворялся, что занят исключительно литературой… казалось, весь поглощен своей литературной работой. А между тем…»

А между тем Каменев и Зиновьев сначала отрицали свое участие в какой-либо подпольной организации. Каменев заявил, что с ноября 1932 года не виделся с бывшими оппозиционерами, за исключением Зиновьева, с которым проживал на одной даче, но и тогда они «жили совершенно разной жизнью и редко встречались». Каменев говорил, что давно уже понял, что никакими качествами руководителя Зиновьев не обладает.

Когда он получил обвинительное заключение, то написал протест — приписывание ему принадлежности к организации, «поставившей себе целью устранение руководителей Советской власти», не соответствует всему характеру следствия, заданным ему вопросам и предъявленным ему в ходе следствия обвинениям. Он подчеркивал, что «изо всех сил и со всей категоричностью я обязан протестовать против такой формулировки, как абсолютно не соответствующей действительности и идущей гораздо дальше того материала, который мне был предъявлен на следствии».

Зиновьев же в итоге сломался и направил «Заявление следствию», в котором выражал «самое горячее раскаяние» по поводу того, что после возвращения из ссылки «с преступным легкомыслием не раскрыл партии всех лиц и всех попыток антипартийных сговоров… со всеми конкретными именами и деталями». Он признавался, что со своими сторонниками вел различные разговоры, которые, как он понял только в тюрьме (!), означали, конечно же, «наличие» антипартийного и контрреволюционного «центра». Поэтому он «должен признать морально-политическую ответственность бывшей «ленинградской оппозиции» и мою лично за совершившееся преступление».

«Если бы я имел возможность всенародно покаяться, — писал он по этому поводу, — это было бы для меня большим облегчением, и я сказал бы: вот вам еще один пример, как великим людям, великим борцам мирового пролетариата приходится пройти через полосу клеветы и оскорблений и пусть только со стороны озлобленной кучки, но все же способной немало бревен положить на дороге этого великого вождя пролетариев», — писал Зиновьев и заверял: «Все отдам, чтобы хоть немного загладить свою великую вину». Но в личном письме Сталину

Зиновьев умолял его поверить, что он «абсолютно ничего не знал и не слышал… о существовании какой-либо антипартийной группы или организации в Ленинграде». «Я не делаю себе иллюзий, — писал он. — Еще в начале января 1935 года в Ленинграде, в доме предварительного заключения, секретарь ЦК Ежов, присутствовавший при одном из моих допросов, сказал мне: «Политически вы уже расстреляны».

Следствие по «делу» «Московского и Ленинградского» центров шло параллельно. 28–29 декабря выездная сессия Военной коллегии Верховного суда СССР рассмотрела дело «ленинградцев» — Леонида Николаева и еще тринадцати подсудимых, на которых он дал показания. Большинство из них виновными себя не признали, но это ровным счетом ничего не меняло. Все они были приговорены к расстрелу.

Расстреляли приговоренных через час после вынесения приговора. Сотрудник НКВД Афанасий Кацафа вспоминал, что с одним из них по фамилии Котолынов[99] перед смертью беседовали тогдашние первый заместитель наркома внутренних дел Яков Агранов и заместитель прокурора СССР Андрей Вышинский. Они ему якобы сказали: «Вас сейчас расстреляют. Скажите все-таки правду, кто и как организовал убийство Кирова». Котолынов ответил: «Весь этот процесс — чепуха. Людей расстреляли. Сейчас расстреляют меня. Но все, за исключением Николаева, ни в чем не повинны. Это сущая правда».

А 16 января 1935 года был оглашен приговор и по делу девятнадцати участников «Московского центра» (кроме Каменева и Зиновьева в их число входили такие бывшие оппозиционеры, как Григорий Евдокимов, Иван Бакаев и др.). Хотя следствие и «не установило» фактов, которые давали бы основание предъявить им прямое обвинение в том, что «они дали согласие или давали какие-либо указания по организации совершения террористического акта, направленного против т[оварища] Кирова», но «вся обстановка и весь характер деятельности подпольного контрреволюционного «Московского центра» доказывают, что они знали о террористических настроениях членов этой группы и разжигали эти настроения». На этом основании указывалось, что обвиняемые должны нести не только моральную и политическую ответственность, но и «ответственность по советским законам… за последствия их подпольной террористической деятельности, толкнувшей на путь террористических выступлений их ленинградскую группу». Зиновьева, как «главного организатора и наиболее активного руководителя «Московского центра», руководившего деятельностью подпольных контрреволюционных московских и ленинградских групп», приговорили к десяти годам

заключения. Каменева, как одного из «руководящих членов «Московского центра», но в последнее время не принимавшего в его деятельности активного участия» — к пяти годам заключения.

Корней Чуковский записал 18 января 1935 года: «Очень волнует меня дело Зиновьева, Каменева и других. Вчера читал обвинительный акт. Оказывается, для этих людей литература была дымовая завеса, которой они прикрывали свои убогие политические цели. А я-то верил, что Каменев и вправду волнуется по поводу переводов Шекспира, озабочен юбилеем Пушкина, хлопочет о журнале Пушкинского Дома и что вся его жизнь у нас на ладони. Мне казалось, что он сам убедился, что в политике он ломаный грош, и вот искренне ушел в лит[ерату]ру — выполняя предначертания партии…

Понемногу он стал пользоваться в литературной] среде некоторым моральным авторитетом — и все это, оказывается, было ширмой для него как для политического авантюриста, который пытался захватить культурные высоты в стране, дабы вернуть себе утраченный политический лик».

Зиновьева отправили в Верхнеуральск, Каменева — в Челябинск. Но довольно быстро их снова вернули в Москву.

Вскоре после ареста Каменева арестовали и Татьяну Глебову. В марте 1935 года забрали и старшего сына Каменева Александра. Его жена, актриса Галина Кравченко, вспоминала: «Пришли поздним вечером. Устроили страшный обыск. Четверо. Среди них один полковник. Полезли в шкаф, где были пленки с моими фильмами. Поганый полковник под утро сунул руку в шкаф и сразу вытащил уникальную пленку, где Лев Борисович снят с Лениным. Они ее забрали. А мои пленки, все до одной, вытаскивали, разматывали, смотрели на свет и бросали на пол. Весь пол был в кучах размотанных пленок. Месяц я раскладывала их обратно». Александр Каменев был приговорен к трем годам ссылки и выслан в Алма-Ату. Его с жену с сыном выселили из правительственного дома. 20 марта арестовали первую жену Каменева Ольгу Давидовну.

В это время уже начало раскручиваться новое дело, в котором тоже фигурировали Зиновьев и, особенно, Каменев с его родственниками. Оно получило название «Кремлевского». В соответствии с ним служащие Кремля и их сообщники обвинялись в том, что создали террористическую организацию и планировали покушение на Сталина. На Июньском пленуме секретарь ЦК Николай Ежов сообщил, что из-за преступного попустительства секретаря Президиума ЦИК СССР Авеля Енукидзе в Кремле появилась подпольная террористическая организация, одним из

руководителей которой был Каменев. Енукидзе сняли с работы, исключили из партии, а в 1937 году расстреляли.

По «Кремлевскому» же делу арестовали 110 человек. Это были самые разнообразные люди — сотрудники комендатуры, правительственной библиотеки, уборщицы и другие мелкие служащие правительственных зданий и домохозяйки — жены обвиняемых. На роль главного фигуранта «Кремлевского дела» выбрали Каменева. Почему именно его (он к тому времени уже сидел в политизоляторе) — сказать сложно. Фантазии Сталина — вещь до сих пор неисповедимая. Зиновьева на этот раз использовали в качестве свидетеля. Его привезли из Верхнеуральска в Москву, где он дал показания о Каменеве. По его словам, Каменев как-то заявил, что «…марксизм есть теперь то, что угодно Сталину». Что же касается его «террористических намерений», то Зиновьев заявил: «У меня с Каменевым разговоры об устранении Сталина имели место, но мы при этом исходили только из намерений замены его на посту Генерального секретаря ЦК ВКП(б)… Заявлений от Каменева о необходимости применения теракта как средства борьбы с руководством ВКП(б) я не слышал. Не исключаю, что допускавшиеся им злобные высказывания и проявления ненависти по адресу Сталина могли быть использованы в прямых контрреволюционных целях».

Среди обвиняемых были и родственники Каменева. В частности, его брат Николай Розенфельд, художник-иллюстратор, сотрудник правительственной библиотеки Кремля и его бывшая жена Нина — старший библиотекарь. Именно Розенфельд с сообщниками, по версии следствия, и готовил теракт против Сталина.

Двадцать седьмого июля 1935 года Военная коллегия Верховного суда СССР рассмотрела дело тридцати обвиняемых. Процесс занял меньше суток.

Каменев виновным себя не признал, заявив, что «…после того как в 1932 году он пересмотрел идейные основания своей борьбы с руководством партии, в частности со Сталиным, у него никакой озлобленности против него не было и быть не могло», что о «террористической группе» в правительственной библиотеке в Кремле, якобы готовившей убийство Сталина, ничего не знал. Вообще же, из тридцати обвиняемых четырнадцать не признали себя виновными ни в чем, десятеро признались, что слышали от других лиц «антисоветские» или «клеветнические» высказывания, и шестеро, включая брата Каменева, признали себя виновными в «террористических намерениях».

В итоге двое из них — секретарь для поручений коменданта Кремля

Алексей Синелобов и начальник отделения Разведывательного управления Красной армии Михаил Чернявский — были приговорены к расстрелу (они якобы должны были достать оружие для теракта и стать одними из его исполнителей). Остальные же подсудимые получили различные сроки заключения и ссылки. Каменева, как и его брата с женой, приговорили к десяти годам. Проходила по делу и первая жена Каменева Ольга Давидовна. Она тогда отделалась сравнительно легко. Было решено выслать ее «в местность по ее выбору с запрещением проживать в Москве и Ленинграде». Она выбрала Нижний Новгород.

Но настоящий ад для Каменева, его семьи и многих других бывших оппозиционеров еще только начинался.

«Подробности преступлений почти невероятны»

Очень скоро оказалось, что «Кремлевское дело» было только «генеральной репетицией». После приговора прошло всего лишь несколько месяцев, а Сталин отдал указание готовить новый, большой и по-настоящему показательный судебный процесс над бывшими оппозиционерами. Теперь подсудимым предстояло публично раскаяться и как можно более искренне рассказать перед всем миром о небывалых злодейских планах, которые они якобы вынашивали против него самого, партии и государства.

Не только узкий круг партийно-государственных работников, но весь мир должен был увидеть, насколько опасны и коварны были всё это время враги Сталина, которых он неоднократно прощал. И не только увидеть, но и поверить в это. Исполнители главных ролей на первом процессе были известны заранее. Их предстояло сыграть все тому же тандему «Зиновьев — Каменев». И хотя организация подобного зловещего судебного театра представляла из себя весьма сложную задачу, Сталин и его помощники хорошо справились с ней.

Следствие по новому делу началось уже 5 января 1936 года. Большинство из его фигурантов уже сидели в тюрьмах или ссылках. Основными обвиняемыми снова стали Зиновьев и Каменев, а также группа бывших других видных сторонников «троцкистеко-зиновьевской линии». На процесс вывели всего 16 человек, среди них были Иван Смирнов, Григорий Евдокимов, Иван Бакаев, Сергей Мрачковский, Исаак Рейнгольд и др.

Этот процесс должен был носить «окончательный» характер, поэтому

с подсудимыми предварительно тщательно «работали». О том, как проходила эта «работа» и что предшествовало процессу, точно неизвестно. Сохранилась легенда, что после долгих допросов, угроз расстрела их родственников и детей Зиновьев и Каменев потребовали личной встречи со Сталиным. Она якобы состоялась, и в обмен на обещание сохранить жизнь им и их близким они согласились сказать на суде то, что хотел Сталин. Может быть, и так. Но и все остальные подследственные тоже были сломлены. Остается только догадываться, что им пришлось пережить, если они согласились с выдвинутыми против них поистине фантастическими обвинениями. И что заставило, например, Зиновьева писать Сталину из тюрьмы такие письма: «Подолгу гляжу на Ваш и других членов Политбюро портреты в газетах с мыслью: родные, загляните же в мою душу, неужели Вы не видите, что я не враг Вам больше, что я Ваш душой и телом…»

Двадцать девятого июля 1936 года ЦК ВКП(б) разослал «обкомам, крайкомам, ЦК компартий, горкомам, райкомам» секретное письмо «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока». В нем разъяснялись основные обвинения против обвиняемых и основные «выводы следствия» по их делу. «На основе новых материалов НКВД, полученных в 1936 году, — отмечалось в письме, — можно считать установленным, что Зиновьев и Каменев были не только вдохновителями террористической деятельности против вождей нашей партии и правительства, но и авторами прямых указаний как об убийстве С. М. Кирова, так и о готовившихся покушениях на других руководителей нашей партии, и в первую очередь нат[оварища] Сталина.

Равным образом считается теперь установленным, что зиновьевцы проводили свою террористическую практику в прямом блоке с Троцким и троцкистами».

Эти выводы подтверждались фрагментами показаний исполнителей «главных ролей» на предстоящем процессе. Зиновьев, например, заявил на допросе 23–25 июля: «Троцкистско-зиновьевский центр ставил главной своей задачей убийство руководителей ВКП(б), и в первую очередь убийство Сталина и Кирова. Через членов центра И. Н. Смирнова и Мрачковского центр был связан с Троцким, от которого Смирновым были получены прямые указания по подготовке убийства Сталина».

Или вот Каменев, на допросе 23–24 июля: «Вынужден признать, что… Зиновьев сообщил мне о намечавшихся решениях центра троцкистско-зиновьевского блока о подготовке террористических актов против Сталина и Кирова. При этом он мне заявил, что на этом решении категорически настаивают представители троцкистов в центре блока — Смирнов,

Мрачковский и Тер-Ваганян, что у них имеется прямая директива по этому поводу от Троцкого и что они требуют практического перехода к этому мероприятию в осуществление тех начал, которые были положены в основу блока… Я к этому решению присоединился, так как целиком его разделял».

А вот Исаак Рейнгольд «признавал» еще 9 июля: «С Каменевым я встречался во второй половине 1933 года, а также в 1934 году, у него на квартире в Карманницком переулке в Москве… Каменев неоднократно цитировал Троцкого о том, что «все дело в верхушке и что поэтому надо снять верхушку». Каменев доказывал необходимость террористической борьбы, и прежде всего убийство Сталина, указывая, что этот путь есть единственный для прихода к власти. Помню особенно его циничное заявление о том, что «головы отличаются тем, что они не отрастают«… Каменев предлагал готовить боевиков-террористов».

«Правда» писала 15 августа: «Смрадом бандитского подполья дышит на нас дело Троцкого — Зиновьева — Каменева. Гадина подползает к тому, что для нас дороже всего».

Эту самую «гадину» теперь поминать будут часто.

Процесс по делу «Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра» начался в Москве 19 августа 1936 года. Каменева в первый раз на суде допрашивали 20-го. Он во всем признавался.

Государственный обвинитель Андрей Вышинский патетически уточнял, обращаясь к нему: «Как оценить ваши статьи и заявления, которые вы писали в 1933 году и в которых выражали преданность партии? Обман?

Каменев: Нет, хуже обмана.

Вышинский: Вероломство?

Каменев: Хуже!

Вышинский: Хуже обмана; хуже вероломства — найдите это слово. Измена?

Каменев: Вы его нашли!»

Припомнил Вышинский Каменеву и его предисловие к собранию сочинений Макиавелли. «Вы, Каменев, перенесли эти правила Макиавелли и развили их до величайшей беспринципности и безнравственности, модернизировали и усовершенствовали их, — заявил он. — И хотя Макиавелли перед ними щенок и деревенщина, до все же он был их духовным наставником. Вы из «макиавеллизма» и азефовщины сделали для себя источник вашей деятельности и ваших преступлений».

Некоторые недоумевали: уж слишком фантастическими казались признания подсудимых. «Подробности преступлений почти невероятны, и еще невероятней готовность, с которой все обвиняемые во всем

признаются, — записывал в дневнике драматург Александр Гладков. — Более 10 лет борьбы со Сталиным, и вдруг за месяц-полтора тюрьмы и допросов — полная капитуляция… Это более чем странно. Но, тем не менее, факт налицо — они во всем признаются… И в убийстве Кирова, и в подготовке других террористических актов, и в прочем… Признания обвиняемых поразительны, хотя психологически и непонятны…» Но об этих сомнениях громко старались не говорить. Страну накрыла показательная волна ненависти. Расстрела и уничтожения «гадины» «единодушно» требовали военные, колхозники, передовики, пионеры, врачи, работники культуры…

В день допроса Каменева, 20 августа, «Литературная газета» вышла с редакционной статьей «Раздавить гадину!». «Перед бандитскими делами Троцкого — Зиновьева — Каменева и их приспешников, — говорилось в ней, — бледнеют «подвиги» царских сатрапов, охранников и провокаторов, зверства заправил международного фашизма… И эти люди, не имеющие за грязной душонкой ничего, кроме наглого желания прорваться к власти, хотели остановить победное шествие социализма, хотели потащить советский народ назад, в капиталистическое ярмо!

Жалкие негодяи! В бешеной ненависти к революции, в остервенелой злобе они не рассчитали, что советский народ — могуч и непобедим, что железной стеной окружает он своих вождей, что миллионы трудящихся, рабочих, колхозников, работников науки и искусства сплочены вокруг партии, вокруг любимого вождя и вдохновителя своего — товарища Сталина…

Нет пощады троцкистско-зиновьевскому отребью! Гадина троцкистско-зиновьевской контрреволюции будет раздавлена!»

На следующий день, 21 августа, в «Правде» появилось коллективное письмо советских писателей «Стереть *с* лица земли!». «Страна полна презрения к подлецам, — писали они. — Мы обращаемся с требованием к суду во имя блага человечества применить к врагам народа высшую меру социальной справедливости». И подписи: Владимир Ставский, Александр Фадеев, Петр Павленко, Николай Погодин, Леонид Леонов, Федор Панферов… Всего 16 человек.

Агния Барто выступила со статьей «Гады растоптаны».

В издательстве «Academia» — бесконечные собрания, на которых клеймили Каменева. Опять же особо вспоминали его предисловие к работам Макиавелли. «Теории государства и власти он учился у ее автора, а не у Маркса, Ленина и Сталина», — возмущались ораторы.

«Правда» поместила передовую «Троцкий — Зиновьев — Каменев —

Гестапо».

К общему хору присоединились и пока еще не тронутые бывшие оппозиционеры.

Карл Радек: «Троцкистско-зиновьевская фашистская банда».

Христиан Раковский: «Не должно быть никакой пощады».

Георгий Пятаков: «Беспощадно уничтожить презренных убийц и предателей».

Евгений Преображенский: «За высшую меру измены и подлости — высшую меру наказания».

Николай Бухарин писал в письме Ворошилову: «Каменев омерзительнейший из людей, падаль человеческая».

Их черед тоже вскоре придет.

Вышинский закончил свою речь на процессе словами: «Перед нами — преступники, опасные, закоренелые, жестокие, беспощадные к нашему народу, к нашим идеалам, к руководителям нашей борьбы — вождям советской страны, вождям трудящихся всего мира!..

Весь народ трепещет и негодует. И я, как представитель государственного обвинения, присоединяю и свой возмущенный, негодующий голос государственного обвинителя к этому гулу миллионов!..

Я хочу закончить напоминанием вам, товарищи судьи, о тех требованиях, которые предъявляет закон в делах о тягчайших государственных преступлениях. Я позволю себе напомнить о вашей обязанности, признав этих людей, всех шестнадцать, виновными в государственных преступлениях, применить к ним в полной мере и те статьи закона, которые предъявлены им обвинением.

Взбесившихся собак я требую расстрелять — всех до одного!»

Приговор был оглашен в 2 часа 30 минут ночи 24 августа. Всем — расстрел с конфискацией имущества.

Говорят, что Зиновьев совсем потерял контроль над собой и говорил только одно: «Обещал, Сталин обещал… Надо Сталину сообщить». Их привели в камеры, где они написали прошения о помиловании. Каменев писал в Президиум ЦИК СССР: «Глубоко раскаиваюсь в тягчайших моих преступлениях перед пролетарской революцией, прошу, если президиум не найдет это противоречащим будущему делу социализма, делу Ленина и Сталина, сохранить мне жизнь». Но Президиум даже не стал собираться, чтобы рассмотреть просьбы осужденных. Его постановление, согласно которому прошения о помиловании отклонялись, было заготовлено заранее.

В два часа ночи 25 августа все приговоренные были расстреляны. При исполнении приговора присутствовали заместитель наркома внутренних

дел Яков Агранов, председатель Военной коллегии Верховного суда СССР Василий Ульрих, прокурор СССР Андрей Вышинский, комендант Военной коллегии Иван Игнатьев. Последний, скорее всего, и приводил приговор в исполнение.

Александр Гладков 25 августа записал в дневнике: «На последних страницах газет под заголовком «Хроника» сообщается, что Президиум ЦИКа отклонил ходатайства подсудимых о помиловании и что приговор приведен в исполнение…

В «Правде» передовая «Страна приветствует приговор Верховного Суда». Два подвала Д. Заславского «Заживо сгнившие люди».

На первой полосе — руководители правительства на вчерашнем авиапразднике: Каганович, Андреев, Орджоникидзе, Антипов, Чубарь, Ягода, Шкирятов, Хрущев, Косиор и руководитель парада комкор Эйдеман. Среди дипломатов — Литвинов.

Эти люди пришли на авиапраздник, только что узнав свежую новость — о смертном приговоре своим вчерашним товарищам. Кто-нибудь когда-нибудь опишет это все…»

Пули на память

Семья Каменева была уничтожена почти полностью.

Ольгу Давидовну Каменеву-Бронштейн арестовали после Московского процесса. Расстреляли ее только 11 сентября 1941 года в Медведевском лесу под Орлом. Там тогда казнили более 150 политических заключенных, в том числе знаменитую Марию Спиридонову — лидера Партии левых эсеров и ее мужа Илью Майорова.

Старший сын Каменева Александр («Лютик») был арестован второй раз во время Московского процесса — 17 августа 1936 года. Его расстреляли в Ленинграде 10 мая 1937 года. Ленинградская газета «Смена» в заметке «Шпионов уничтожим до конца» в ноябре 1937 года писала: «В одной из технических лабораторий, изготовляющих приборы оборонного значения, работал сын расстрелянного Каменева — Александр Каменев. По прямым заданиям отца, заклятого врага советского народа, его сын создал диверсионно-вредительскую группу, которая тормозила производство нужных для Красной армии приборов и подготавливала взрыв лаборатории».

Семнадцатилетний сын Каменева Юрий был расстрелян 30 января 1938 года.

Вторая жена Каменева Татьяна Глебова была арестована 9 сентября 1936 года. Расстреляна 19 августа 1937 года.

Расстреляны брат Каменева Николай, его жена и сын.

Внук Каменева Виталий, сын Александра и Галины Кравченко, был арестован в 1951 году, приговорен к 25 годам лагерей, но вскоре после смерти Сталина вышел на свободу. Умер в 1966 году.

Галина Кравченко скончалась в 1996 году, прожив 91 год.

Сам Лев Каменев был реабилитирован только в 1988 году. Тогда же реабилитировали и его «политического близнеца» Григория Зиновьева.

Память о первом «красном президенте» и близком, хотя и часто споривщем с ним соратнике Ленина постарались очень быстро вытравить до основания. Несколько десятилетий подряд о нем если и вспоминали, то главным образом с ругательствами в его адрес.

Впрочем, кое-кто о нем все равно помнил. Через три года после его расстрела, когда придет очередь стать жертвой Большого террора и «железному сталинскому наркому» Николаю Ежову[100], помощник начальника 3-го спецотдела НКВД капитан государственной безопасности Петр Ще-пилов направит начальнику 3-го спецотдела НКВД полковнику Александру Панюшкину рапорт «О результатах обыска у Ежова»:

«Докладываю о некоторых фактах, обнаружившихся при производстве обыска в квартире арестованного по ордеру 2950 от 10 апреля 1939 года Ежова Николая Ивановича в Кремле.

1. При обыске в письменном столе в кабинете Ежова в одном из ящиков мною был обнаружен незакрытый пакет с бланком «Секретариат НКВД», адресованный в ЦК ВКП(б) Н. И. Ежову, в пакете находилось четыре пули (три от патронов к пистолету «Наган» и одна, по-видимому, к револьверу «Кольт»).

Пули сплющены после выстрела. Каждая пуля была завернута в бумажку с надписью карандашом на каждой «Зиновьев», «Каменев», «Смирнов» (причем в бумажке с надписью «Смирнов» было две пули). По-видимому, эти пули присланы Ежову после приведения в исполнение приговора над Зиновьевым, Каменевым и др. Указанный пакет мною изъят».

«Кровавый карлик», как за глаза называли Ежова, долго хранил у себя револьверные пули в «память» о расстрелянных Каменеве, Зиновьеве и других. Зачем? Сейчас уже и не ответишь. Но что-то ведь все-таки значили для него эти завернутые в бумажки сплющенные куски свинца.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

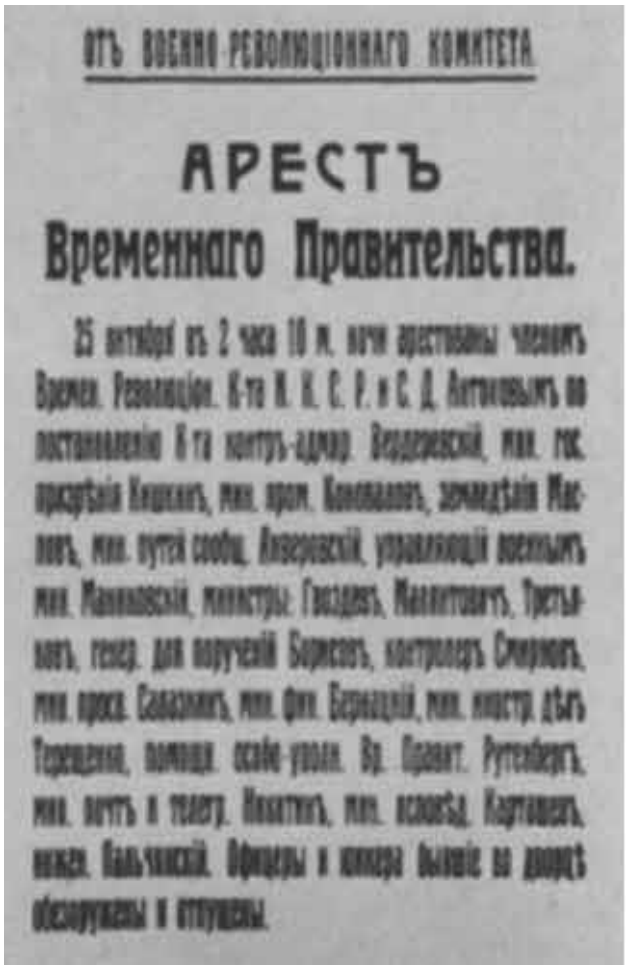

«Ты записался добровольцем?»

Плакат Дмитрия Моора. Июнь 1920 г.

В. А. Антонов-Овсеенко. 1917 г.

ОТЪ ВОЕННО-РЕВОЛЮЦІОННАГО КОМИТЕТА.

АРЕСТЪ
Временнаго Правительства.

25 октября въ 2 часа 10 м. ночи арестованы членовъ Врем. Революціон. К-та М. К. С. Р. и С. Д. Антоновымъ по постановленію К-та контръ-адмир. Вердеревскій, мин. юст. присяжный Кишкинъ, мин. пром. Коноваловъ, земледѣлія Малянтовичъ, мин. путей сообщ. Авксентьевскій, управляющій военнымъ мин. Маниковскій, министры: Гвоздевъ, Малянтовичъ, Третьяковъ, генер. для порученій Барсовъ, контролеръ Смирновъ, мин. просв. Салазкинъ, мин. фин. Бернацкій, мин. министр. дѣлъ Терещенко, помощн. особ. уполн. Кр. Кравкт. Рутенбергъ, мин. почтъ и телегр. Никитинъ, мин. юстиціи Карташевъ, министр. Кальчинскій. Офицеры и юнкера бывшіе во дворцѣ обезоружены и отпущены.

Сообщение об аресте Временного правительства

В. А. Антонов-Овсеенко с группой военных.

Украина, 1919 г.

Начальник Политуправления РВС СССР В. А. Антонов-Овсеенко. 1923 г.

Генеральный консул СССР в Барселоне В. А. Антонов-Овсеенко. 1936 г.

Генеральный консул СССР в Барселоне В. А. Антонов-Овсеенко выступает на митинге в честь 19-й годовщины Октябрьской революции. Рядом — президент Каталонии Л. Компанис. Барселона, 1936 г.

А. А. Богданов. 1904 г.

А. А. Богданов с сыном. 1915–1916 гг.

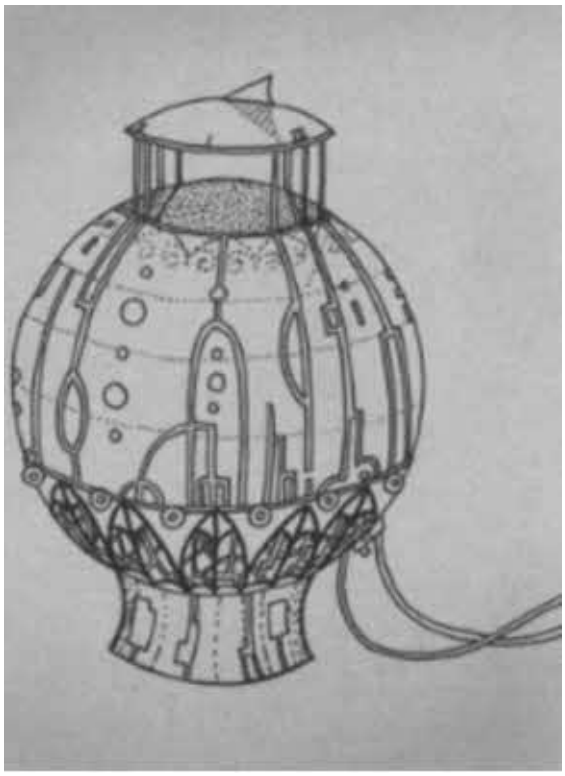
В. И. Ленин и А. А. Богданов играют в шахматы в гостях у М. Горького на острове Капри. Италия, апрель 1908 г.

Бюро Комитетов Большинства. 1904–1905 гг.

А. А. Богданов

«Космический корабль марсиан».

Иллюстрация к роману А. А. Богданова «Красная звезда»

Особняк купца Н. В. Игумнова на Большой Якиманке. 43. В 1920-х годах здесь располагался Институт переливания крови, директором которого был А. А. Богданов

Огонек

ТРАГЕДИЯ КРУПНОГО УМА

Статья П. Н. Лепешинского «Трагедия крупного ума» о смерти А. А. Богданова в журнале «Огонек» (№ 17. 1928 год)

Похороны А. А. Богданова. Фото из журнала «Огонек»

Л. Б. Каменев. 1920-е гг.

О. Д. Каменева — жена Л. Б. Каменева и сестра Л. Д. Троцкого

Л. Б. Каменев. 1918 г.

Группа ссыльных большевиков в Монастырском селе (ныне Туруханск). В центре в третьем ряду стоит Л. Б. Каменев, справа от него — И. В. Сталин. 1915 г.

Прибытие советской делегации во главе с Л. Б. Каменевым в Брест-Литовск на переговоры. 9(22) декабря 1917 г.

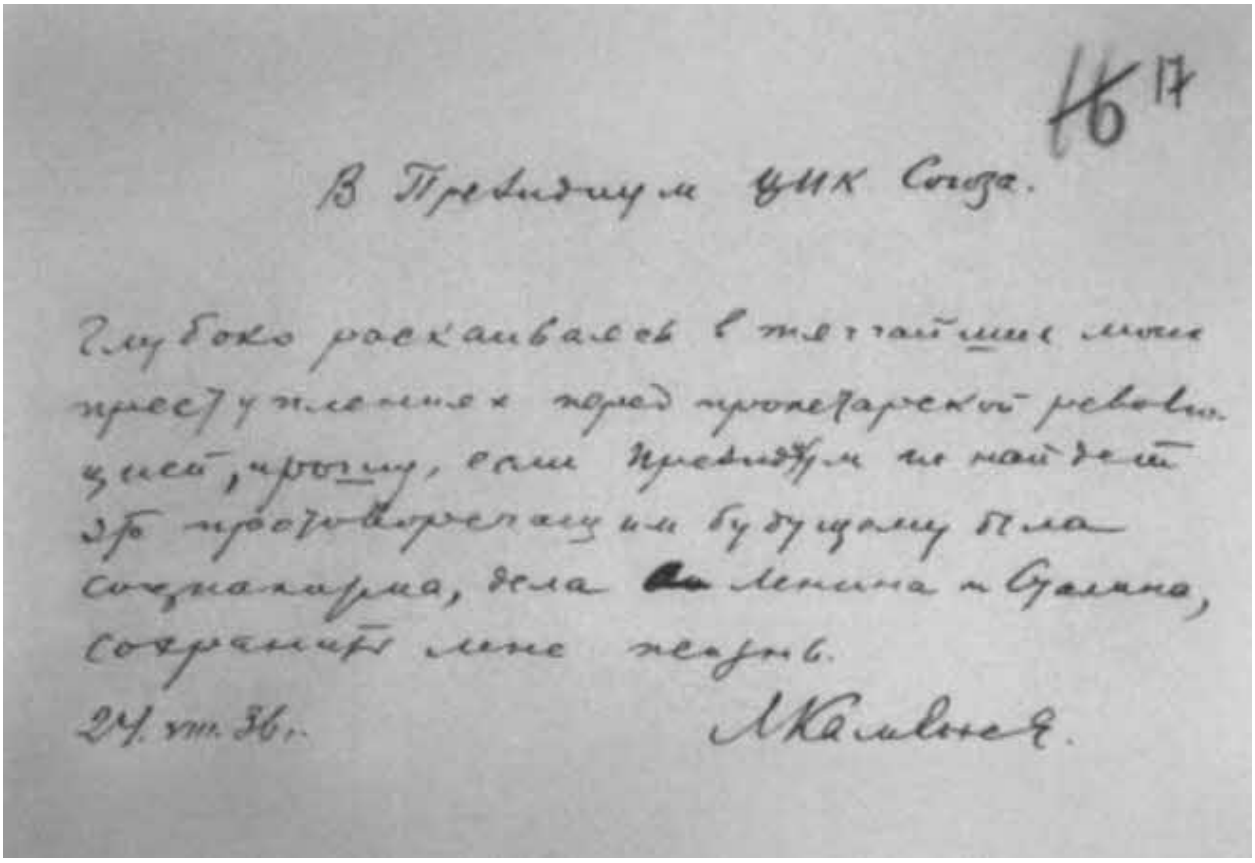
В. И. Ленин. Л. Д. Троцкий и Л. Б. Каменев на Красной площади. 7 ноября 1918 г.

Похороны В. И. Ленина. Гроб несут И. В. Сталин, Л. Б. Каменев, М. П. Томский, М. И. Калинин, Н. И. Бухарин. Москва, 27 января 1924 г.

Л. Б. Каменев с женой Ольгой и сыновьями Александром и Юрием. Начало 1930-х гг.

16 17

В Президиум ЦИК Союза.

Глубоко раскаиваясь в тягчайших моих преступлениях перед пролетарской революцией, прошу, если Президиум не найдет возможным ходатайствовать перед Правительством СССР о помиловании, дела Ленина и Сталина, сохранить мне жизнь.

24. VIII. 36 г. Л. Каменев.

Прошение Л. Б. Каменева о помиловании. 24 августа 1936 г.

Л. Б. Красин. 1893 г.

Инженер Л. Б. Красин. 1910 г.

Л. Б. Красин с женой и дочерьми в Лондоне

Л. Б. Красин (справа) в Лондоне, куда он прибыл на переговоры о торговом соглашении. 1921 г.

Полпред СССР во Франции Л. Б. Красин со своей женой и секретарем в Париже. 1924 г.

Последняя фотография Л. Б. Красина. 1926 г.

Похороны Л. Б. Красина. Москва. 1926 г.

Камо (С. А. Тер-Петросян) в костюме грузинского князя

Разыскная карточка Тифлисского сыскного отделения на Камо. 1906–1907 гг.

Камо в тюрьме. 1909 г.

Памятник на могиле Камо в Пушкинском сквере в Тбилиси. Демонтирован в 1930-х годах

«Оружием мы добили врага. Трудом мы добудем хлеб. Все за работу, товарищи!» Плакат Николая Когоута. 1921 г.

INFO

Матонин Е. В.
М 47 Красные / Евгений Матонин. — М.: Молодая гвардия, 2018. — 495[1] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1687).

ISBN 978-5-235-04048-9

УДК 94(47) «1918/1922
ББК 63.3(2)612-414.81

знак информационной продукции 16+

Матонин Евгений Витальевич
КРАСНЫЕ

Редактор *К. А. Залесский*
Художественный редактор *А. В. Никитин*
Технический редактор *М. П. Качурина*
Корректоры *Т. И. Маляренко, Г. В. Платова*

Сдано в набор 27.07.2017. Подписано в печать 20.03.2018. Формат 84x108/32.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 26.04+0,84 вкл. Тираж 4000 экз. Заказ № 1807400.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127055, Москва, Сущевская ул., 21. Internet: http://gvardiya.ru. E-mail: dsel@gvardiva,ru

arvato BERTELSMANN
Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета «Ярославский

полиграфический комбинат» 150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

……..

FB2 — mefysto, 2022

---

notes

Примечания

1

До 1918 года даты приводятся по юлианскому календарю (по старому стилю), который тогда использовался в России. Даты, связанные с событиями за границей, — по григорианскому календарю. С начала XX века юлианский календарь «отстает» от григорианского на 13 дней. В случае необходимости используются двойные даты.

2

Имеется в виду хранящаяся в Лувре картина Леонардо да Винчи «Портрет госпожи Лизы дель Джокондо» (1503–1505 годы). — *Примеч. ред.*

3

В 1924 году чекисты под предлогом встречи с руководителями якобы действовавшей в СССР подпольной контрреволюционной организации убедили Савинкова нелегально приехать в страну из-за границы, арестовали и судили. Савинкова приговорили к смертной казни, но заменили ему приговор на десять лет заключения. По официальной версии, 7 мая 1925 года он покончил жизнь самоубийством, выбросившись из окна кабинета в здании ОГПУ на Лубянке.

4

Центральный комитет Балтийского флота (Центробалт) был создан 29–30 апреля 1917 года как орган по координации деятельности судовых комитетов. Он объявлялся «высшей инстанцией всех флотских комитетов Балтийского флота, без одобрения которой ни один приказ, касающийся жизни Балтийского флота, не может иметь силы», и имел право контроля деятельности командования, за исключением оперативных и технических вопросов.

5

Николай Семенович Чхеидзе (1864–1926), меньшевик, депутат 4-й Государственной думы, с 27 февраля (12 марта) по 6 (19) сентября 1917 года — председатель Исполкома Петроградского совета. С 1921 года в эмиграции. — *Примеч. ред.*

6

Подробнее об этом совещании см. в очерке о Л. Б. Каменеве.

7

Александр Иванович Коновалов (1875–1949), член 4-й Государственной думы. В марте — мае и сентябре — октябре 1917 года — министр торговли и промышленности Временного правительства. С 1918 года в эмиграции. — *Примеч. ред.*

8

Любопытно, что П. Н. Малянтович, как и В. В. Маяковский, тоже «повысил в звании» Антонова-Овсеенко, изобразив его как председателя ВРК. Хотя возможно, что Антонов и сам так представился для большей солидности.

9

Михаил Иванович Терещенко (1886–1956), в марте — мае 1917-го — министр финансов, в мае — октябре — министр иностранных дел Временного правительства. С 1918 года в эмиграции. — *Примеч. ред.*

10

Шестнадцатого мая 1918 года генерал П. Н. Краснов был избран атаманом Всевеликого Войска Донского, был известен как сторонник сотрудничества с Германией. После поражения Германии в Первой мировой войне был вынужден принять решение об объединении с Добровольческой армией генерала Деникина, однако вскоре ушел в отставку и уехал в эмиграцию. Жил во Франции, Германии, писал романы и повести. 22 июня 1941 года обратился к казакам с воззванием: «Я прошу передать всем казакам, что эта война не против России, но против коммунистов, жидов и их приспешников, торгующих Русской кровью. Да поможет Господь немецкому оружию и Хитлеру!» С сентября 1943 года занимал пост начальника Главного управления казачьих войск Имперского министерства восточных оккупированных территорий Германии. В мае 1945 года был захвачен англичанами и передан советским властям. 16 января 1947 года, после судебного процесса, продолжавшегося всего сутки, был повешен в Лефортовской тюрьме.

11

Самочинно созданная Центральная рада объявила себя высшим законодательным органом Украины в апреле 1917 года. После 25 октября 1917 года Рада провозгласила создание Украинской народной республики, связанной с Россией федеративными отношениями, но после разгона Учредительного собрания объявила Украину независимым государством.

12

Согласно Брестскому мирному договору между Советской Россией и Германией, а также ее союзниками (подписан 3 марта 1918 года в Брест-Литовске) Германия аннексировала Польшу, Прибалтику, часть Белоруссии и Закавказья. Кроме того, Россия обязывалась признать независимость Украины в лице Центральной рады. Чуть раньше, 27 февраля, представители Рады тоже подписали в Брест-Литовске мирный договор с Германией и ее союзниками, а через несколько дней обратились к Германии с просьбой ввести войска на Украину для помощи «в борьбе с большевизмом», и уже в марте немецкие войска заняли Киев.

13

Гатчина была переименована в Троцк в 1923 году. С августа 1929 года она стала носить название Красногвардейск, но в январе 1944-го ей было возвращено историческое название. — *Примеч. ред.*

14

В декабре 1918 года поселок Иващенково был переименован в Троцк, который в 1927 году получил статус города. В 1929 году он приобрел свое современное название — Чапаевск. — *Примеч. ред.*

15

Федерация анархистов Иберии.

16

Михаил Томский покончил с собой после того, как на процессе «Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра» в августе 1936 года Зиновьев и Каменев начали давать показания о причастности М. П. Томского, А. И. Рыкова, Н. И. Бухарина к «контрреволюционной деятельности». «Правда» 23 августа 1936 года сообщала: «ЦК ВКП(б) извещает, что кандидат в члены ЦК ВКП(б) М. П. Томский, запутавшийся в своих связях с контрреволюционными и троцкистско-зиновьевскими террористами, 22 августа на своей даче в Болшеве покончил жизнь самоубийством». Его сын пятнадцатилетний Юрий получил десять лет заключения и девять лет ссылки.

17

Роберт Эдуардович Классон (1868–1926), инженер-энергетик. В 1918–1920 годах участвовал в разработке плана электрификации страны (ГОЭЛРО). — *Примеч. ред.*

18

Бенефис состоялся в доме именно начальника полиции, В. Ф. Комиссаржевская необоснованно называет его «начальником жандармов». Видимо, она довольно смутно представляла себе систему правоохранительных органов в Российской империи, поскольку практически никогда с ней не сталкивалась. — *Примеч. ред.*

19

Виктор Таратута при советской власти работал по финансово-хозяйственной части: управляющим делами ВСНХ СССР, председателем Правления треста «Моссукно», председателем Правления Банка для внешней торговли СССР и умер в 1926 году. Николай Андриканис (умер в 1947 году) особых карьерных высот не достиг, но зато его потомки стали очень известными людьми в мире кино. Сын Евгений был режиссером, сценаристом и оператором, лауреатом Сталинской и Ленинской премий, народным артистом РСФСР. Снимал такие фильмы, как «Северная повесть» и «Казнены на рассвете». А его дочь Татьяну в лицо вообще знала вся страна — это народная артистка РСФСР Татьяна Лаврова (она взяла себе этот псевдоним потому, что ей просто понравилась эта фамилия). Всесоюзную славу ей принесла главная роль в картине Михаила Ромма «Девять дней одного года».

20

Имеется в виду 47-миллиметровая нарезная казнозарядная скорострельная корабельная пушка *Canon Hotchkiss a tir rapide de 47 mm*, разработанная во Франции в 1885 году.

21

Подробнее об «эксе» в Тифлисе и связанных с ним событиях см. в очерке о Камо.

22

Более подробно об этом см. в очерке об А. Богданове.

23

Георгий Александрович Соломон (Исецкий) (1868–1942), меньшевик, один из первых советских «невозвращенцев» (август 1923 года). Жил в Брюсселе. В 1930–1931 годах в Париже вышли две его книги: «Среди красных вождей» и «Ленин и его семья (Ульяновы)».

24

«Следующая станция — диктатура пролетариата. Все выходят!» *(нем.).*

25

Джордж Натаниел Керзон (1859–1925), 1-й граф (с 1911 года) и 1-й маркиз Керзон Кедлстонский (с 1921 года). С 23 октября 1919-го по 22 января 1924 года министр иностранных дел Великобритании. — *Примеч. ред.*

26

Сторонники одного из виднейших представителей кадетской партии Павла Милюкова.

27

Вопрос о переводе Х. Г. Раковского в Париж, а Л. Б. Красина в Лондон был решен Политбюро ЦК ВКП(б) 22 октября 1925 года.

28

Александр Дмитриевич Цюрупа (1870–1928), член РСДРП с 1898 года. В 1923–1928 годах — член ЦКВКП(б). В 1918–1921 годах — нарком продовольствия РСФСР, в 1923–1925 годах — председатель Госплана СССР, в 1925–1926 годах — нарком внешней и внутренней торговли СССР.

29

Имеется в виду история трех поколений углекопов Маэ из романа Э. Золя «Жерминаль». — *Примеч. ред.*

30

Зурна — деревянный духовой инструмент.

31

Сестра Камо — Джаваир Тер-Петросян (по мужу — Хутулашвили) в 1930-х годах работала заместителем министра здравоохранения Грузинской ССР и была удостоена звания Героя Социалистического Труда.

32

Мать Крупской — Елизавета Васильевна — тоже жила на даче «Ваза».

33

Позже Иван Федорович Паскевич (1782–1856) получил титул светлейшего князя Варшавского (в 1831 году) и звание генерал-фельдмаршала (с 1829 года). — *Примеч. ред.*

34

Подполковник Александр Егорович Балабанский был незадолго до этого назначен исполняющим обязанности тифлисского полицеймейстера, до этого он исправлял должность ахалкалакского уездного начальника. — *Примеч. ред.*

35

Имеются в виду: X — Л. Б. Красин, Y — А. А. Богданов, Z — В. И. Ленин.

36

Имеется в виду Максим Максимович Литвинов (настоящие имя и фамилия — Меер-Генох Мовшевич Валлах; 1876–1951), член РСДРП с 1898 года.

37

Яков Житомирский выполнял роль «секретного сотрудника» полиции до 1914 года В 1908–1912 годах работал в окружении В. И. Ленина в Париже, информировал Департамент полиции о деятельности социал-демократов, социалистов-революционеров и представителей других левых партий, находящихся в эмиграции.

С началом Первой мировой войны остался во Франции, где служил врачом в Русском экспедиционном корпусе После Февральской революции, когда в руки революционеров попали документы агентуры Департамента полиции, был разоблачен и скрылся Жил в Южной Америке, где и умер Точная дата смерти неизвестна

38

Николай Александрович Семашко (1874–1949), член РСДРП с 1904 года. С 11 июля 1918-го по 25 января 1930 года — нарком здравоохранения РСФСР.

39

Иван Иосифович Пастрюлин (1867—?), полковник (1910) Отдельного корпуса жандармов. С августа 1908 года — помощник начальника Московского охранного отделения. С января 1910-го по 1917 год — начальник Тифлисского губернского жандармского управления. — *Примеч. ред.*

40

Председатель Совета министров Петр Аркадьевич Столыпин был тяжело ранен бывшим агентом «охранки» анархистом Дмитрием Богровым в городском театре Киева 1 сентября 1911 года. Он умер через четыре дня (5 сентября).

41

Ной Николаевич Жордания (1869–1953), меньшевик, в 1907–1912 годах — член ЦК РСДРП. С 24 июня 1918-го по 11 января 1953 года — председатель правительства Грузинской Демократической Республики (с 26 февраля 1921 года в изгнании). — *Примеч. ред.*

42

Курсив и выделение по тексту автора.

43

Федор Аронович Ротштейн (1871–1953), член РСДРП с 1901 года, академик Академии наук СССР (с 1939 года). С июня 1921-го по июль 1922 года — полпред РСФСР в Персии. В 1924–1925 годах — директор Института мирового хозяйства и мировой политики. — *Примеч. ред.*

44

Михаил Степанович Свечников (1882–1938), член РКП(б) с мая 1917 года, комбриг (1935). В 1917 году — полковник. С ноября 1921-го по февраль 1922 года — помощник военного атташе при полпредстве РСФСР в Персии. С 1922 года — на преподавательской работе. Расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР. — *Примеч. ред.*

45

Владимир Александрович Базаров (настоящая фамилия — Руднев; 1874–1939), социал-демократ с 1896 года. В 1917 году — один из создателей РСДРП (интернационалистов). При советской власти постоянно арестовывался, но умер своей смертью. — *Примеч. ред.*

46

Иван Иванович Скворцов-Степанов (1870–1928), социал-демократ с 1896 года. 27–31 октября 1917 года — нарком финансов РСФСР. С 1925 года — член ЦК ВКП(б). Его прах погребен в Кремлевской стене. — *Примеч. ред.*

47

Иосиф Федорович Дубровинский (1877–1913), социал-демократ с 1896 года. В 1907 году избран членом ЦК РСДРП. Будучи в ссылке в Туруханском крае, утонул в Енисее. — *Примеч. ред.*

48

Подробнее об этом см. в очерке о Л. Б. Красине.

49

Большевистский центр существовал с мая 1906-го по январь 1910 года и играл роль руководящего органа фракции большевиков. Он работал нелегально — формально РСДРП считалась единой. Как писал Г. Е. Зиновьев, после того как на IV съезде партии в Стокгольме меньшевики получили большинство мест в ЦК, на этом же съезде «большевики составили свой внутренний и нелегальный в партийном отношении Центральный комитет. Это период в истории нашей партии, когда мы были в меньшинстве и в ЦК, и в Петроградском комитете и должны были скрывать свою сепаратную работу». Ведущую роль в работе Центра до мая 1907 года играли В. И. Ленин, А. А. Богданов и Л. Б. Красин, затем его состав был существенно расширен. Центр собирал и распределял денежные средства для партийных организаций большевиков и выпускал газету «Пролетарий». В феврале 1910 года Центр был распущен, а выпуск газеты «Пролетарий» прекращен.

50

Фактически А. А. Богданов описал процедуру эвтаназии, о которой сегодня идет так много споров.

51

Владимир Тимофеевич Кириллов (1890–1937), поэт, представитель «пролетарской поэзии». Расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР. — *Примеч. ред.*

52

Павел Иванович Лебедев-Полянский (настоящая фамилия Лебедев; 1882–1948), член РСДРП с 1902 года, академик Академии наук СССР (с 1946 года). В 1918–1921 годах — главный редактор издательства «Пролетарская культура». В 1921–1930 годах — начальник Главлита. — *Примеч. ред.*

53

Павел Карпович Бессалько (1887–1920), поэт, один из организаторов Пролеткульта, руководитель Рабочего революционного героического театра. Умер от тифа. — *Примеч. ред.*

54

Василий Васильевич Казин (1898–1981), поэт, в 1931–1940 годах — редактор Гослитиздата. — *Примеч. ред.*

55

Сергей Сергеевич Динамов (настоящая фамилия Оглодков; 1901–1939), литературовед. С 1930 года — заведующий кафедрой методологии литературы факультета литературы и искусства Московского университета. Расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР. — *Примеч. ред.*

56

Богданов намекал на то, что еще на X съезде РКП(б) в марте 1921 года политика военного коммунизма была фактически признана отжившей и декларирован постепенный переход к «новой экономической политике».

57

Евгений Алексеевич Преображенский (1886–1937), член РСДРП с 1904 года; в 1921–1924 годах — председатель Финансового комитета ЦК РКП(б) и СНК; расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР. *Владимир Павлович Милютин* (1884–1937), член РСДРП с 1903 года; в 1917–1918 годах — член партии, в 1920–1922 годах — кандидат в члены ЦК партии; в 1918–1921 годах — заместитель председателя ВСНХ РСФСР; расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР. — *Примеч. ред.*

58

Доклад был подготовлен А. А. Богдановым к Генуэзской конференции по международным экономическим и финансовым вопросам (1 апреля — 19 мая 1922 года), на которую была приглашена и советская делегация. Доклад Богданова использовался советскими экспертами.

59

Яков Аркадьевич Яковлев (настоящая фамилия Эпштейн; 1896–1938), член РСДРП с 1913 года. В 1922–1924 годах— в агитпропотделе ЦК партии, в 1924–1930 годах — член ЦК. В 1929—1930-х годах — нарком земледелия СССР. Расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР. — *Примеч. ред.*

60

Шолом Моисеевич Дволайцкий (1893–1937), член РСДРП (интернационалистов) в 1917–1919 годах, член ВКП(б) с 1919 года. С 1921 года — член Президиума Социалистической академии, с 1922 года — член редколлегии журнала «Под знаменем марксизма». Расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР. — *Примеч. ред.*

61

Яков Саулович Агранов (настоящие имя и фамилия Янкель Шмаевич Соренсон; 1893–1938), комиссар государственной безопасности 1-го ранга (1935). В 1923–1929 годах — заместитель начальника Секретного отдела ГПУ/ОГПУ. С 1933 года — заместитель председателя ОГПУ СССР, в 1934–1937 годах — 1-й заместитель наркома внутренних дел СССР. Расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР. — *Примеч. ред.*

62

Александр Сергеевич Славатинский (1892–1939), майор государственной безопасности (1935). В 1923 году — начальник 12-го отделения (борьба с антисоветскими элементами в сфере литературы и искусства) Секретного отдела. Расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР. — *Примеч. ред.*

63

Емельян Михайлович Ярославский (настоящие имя и фамилия Миней Израилевич Губельман; 1878–1943), член РСДРП с 1898 года, академик Академии наук СССР (1939). В 1923–1934 годах — член Президиума, в 1923–1926 годах — Секретариата, в 1924–1934 годах — секретарь Партколлегии Центральной контрольной комиссии. Прах погребен в Кремлевской стене. — *Примеч. ред.*

64

Давид Борисович Рязанов (настоящие имя и фамилия Давид-Симха Берович Гольденбах; 1870–1938), в революционном движении с 1887 года, академик Академии наук СССР (с 1929 года). В 1921–1931 годах — директор Института Маркса и Энгельса. Расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР. — *Примеч. ред.*

65

Александр Богомолец занимался, в частности, вопросами продления человеческой жизни. Эта работа очень интересовала Сталина. На исследования в области геронтологии были отпущены крупные государственные средства, но Богомолец, к сожалению, умер в 1946 году — всего лишь в возрасте 65 лет. По легенде, узнав о его смерти, Сталин произнес: «Надо же, всех надул!»

66

Евгений (Бызыго) Давидович Рамонов (1890–1950), осетин, член РСДРП(б) с 1917 года, доктор медицинских наук. В 1926–1927 годах — заместитель директора Института переливания крови. В 1938 году приговорен к 10 годам лагерей. — *Примеч. ред.*

67

Уж не о Марии ли Ульяновой здесь идет речь?

68

Н. А. Семашко на тот момент был наркомом здравоохранения РСФСР, Е. Б. Пашуканис — вице-президентом Коммунистической академии, В. М. Фриче — членом президиума и председателем секции литературы, искусства и языка Коммунистической академии, П. Г. Дауге — доктором медицинских наук и членом Коллегии Наркомата здравоохранения, П. И. Лебедев-Полянский — начальником Главлита, А. А. Богомолец — заместителем Богданова. В. П. Волгин — членом Президиума Коммунистической академии и Общества историков-марксистов. — *Примеч. ред.*

69

Пантелеймон Николаевич Лепешинский (1868–1944), член РСДРП с 1898 года. В 1927–1930 годах — директор Исторического музея, в 1935–1936 годах — Музея Революции. — *Примеч. ред.*

70

Алексей Васильевич Щеглов (1905–1996) был ученым секретарем, затем заместителем директора Института философии Академии наук СССР, в 1939–1940 годах — заведующим Отделом печати НКИД СССР. В 1940 году был осужден и отправлен в лагеря.

71

В 1990 году имя Богданова в названии Института переливания крови восстановлено. Сейчас НИИ переливания крови им. А. А. Богданова входит в состав Гематологического научного центра РАМН.

72

Ландварово — владельческое имение Трокского уезда Виленской губернии, в 10 километрах от Трок и в 18 километрах от Вильны. Ныне — Лентварис, административный центр старостава в Тракайском районе Вильнюсского уезда Литвы. — *Примеч. ред.*

73

Первые годы Карпович отбывал наказание в Шлиссельбургской крепости, в 1906 году был сослан в Акатуй. В 1907 году его отправили на поселение, откуда сразу же сбежал. Попав за границу, он вступил в Боевую организацию партии эсеров, которую возглавлял Евно Азеф. После его разоблачения как агента полиции Карпович порвал с революционным движением. После Февральской революции 1917 года с группой русских политэмигрантов решил вернуться в Россию, но их пароход 13 апреля 1917 года был потоплен в Северном море немецкой подводной лодкой, и Карпович погиб.

74

«Легальный марксизм» — течение в русской общественной мысли, представители которого использовали отдельные положения экономической теории Карла Маркса для критики капиталистического общества, отрицая при этом необходимость его политической революции. Они печатали свои работы легально, отсюда и появилось название «легальный марксизм». Наиболее известными представителями «легального марксизма» были Петр Струве, Сергей Булгаков, Николай Бердяев, Семен Франк.

75

О Викторе Таратуте и этой истории см. подробнее в очерке о Л. Б. Красине.

76

Более подробно об этом см. в очерках о Л. Б. Красине и А. А. Богданове.

77

Злата Ионовна Лилина (1882–1929), вторая жена Григория Зиновьева, после 1917 года — заведующая отделом народного образования Петроградского исполкома. Затем работала в Наркомпросе и Госиздате.

78

А. А. Богданов писал об этом в вышедшем в 1914 году сборнике «Десятилетие отлучения от марксизма».

79

Международное социалистическое бюро — постоянный исполнительно-информационный орган II Интернационала, созданный в сентябре 1900 года. В состав МСБ входило по два делегата от каждого национального социалистического движения. После начала Первой мировой войны МСБ фактически прекратило свое существование.

80

Одним из депутатов был и агент полиции Роман Малиновский, являвшийся также членом ЦК партии большевиков. В начале 1914 года он был разоблачен как провокатор и при помощи Департамента полиции уехал за границу. В 1918 году вернулся в Россию, сдался революционным властям и после суда был расстрелян.

81

Подробнее о событиях июля 1917 года см. в очерке об В. А. Антонове-Овсеенко.

82

Между нами *(фр.)*.

83

Имеются в виду немецкий экономист и теоретик классического марксизма Карл Каутский (1854–1938) и голландский теоретик марксизма Антони Паннекук (1873–1960). — *Примеч. ред.*

84

Николай Иванович Балабин (1868–1918), полковник (1910) Отдельного корпуса жандармов. В 1909–1910 годах — помощник начальника Киевского губернского жандармского управления (ГЖУ). С 1913 года — начальник Тамбовского, в 1914–1917 годах — Иркутского ГЖУ. — *Примеч. ред.*

85

Тем не менее коалиционное советское правительство все же было создано. В декабре 1917 года большевики договорились с левыми эсерами о том, что их представители займут несколько постов в Совнаркоме. Но, во-первых, левые эсеры играли в нем явно второстепенную роль, а во-вторых, коалиция просуществовала всего лишь до марта 1918 года, когда левые эсеры покинули СНК в знак протеста против подписания Брестского мира

86

Лорд-мэр *(англ.* Lord Mayor) — глава муниципалитета Лондона и ряда других крупных городов Великобритании. — *Примеч. ред.*

87

Матвей Константинович Муранов (1873–1959), член РСДРП с 1904 года. В 1917 и 1919–1920 годах — член, в 1920–1921 годах — кандидат в члены ЦК партии. В 1923–1934 годах — член Верховного суда СССР, затем в аппарате ЦК. — *Примеч. ред.*

88

Г. Е. Зиновьев 13 декабря 1917 года стал председателем Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. Оставался на этой должности в целом до 26 марта 1926 года. После смерти Ленина в 1924 году Петроград был переименован в Ленинград, соответственно, и Петроградский совет стал Ленинградским.

89

Строго говоря, Политбюро ЦК РСДРП(б) возникло еще на «историческом» заседании 10 октября 1917 года, когда Каменев и Зиновьев высказались против начала вооруженного восстания. Тогда же было выбрано Политическое бюро ЦК из семи человек (Ленин, Троцкий, Сокольников, Сталин, Бубнов, Зиновьев и Каменев). Но потом до VHI съезда этот орган практически никак себя не проявлял.

90

На VII съезде партии в марте 1918 года РСДРП(б) была переименована в Российскую коммунистическую партию (большевиков), а в декабре 1925 года (на XIV съезде) — во Всесоюзную коммунистическую партию (большевиков) — ВКП(б).

91

В ночь на 18 ноября 1918 года в Омске военные арестовали эсеров — членов Временного всероссийского правительства, вся власть на подконтрольных ему территориях (Поволжье, Урал, часть Сибири) была передана Верховному правителю. Им был избран вице-адмирал Александр Колчак, арестованных членов правительства выслали в Китай.

92

Подробнее о дискуссии см. в очерке о Л. Б. Красине.

93

Отфрид Фёрстер (1873–1941), немецкий невропатолог и нейрохирург. В 1922–1924 годах — лечащий врач В. И. Ленина. — *Примеч. ред.*

94

Федор Александрович Гетье (1863—1938), терапевт, главный врач Солдатенковой больницы, один из основателей Лечебно-санитарного управления Кремля. С 1919 года — лечащий врач В. И. Ленина и Л. Д. Троцкого и их семей. — *Примеч. ред.*

95

Николай Иванович Муралов (1877–1937), член РСДРП с 1903 года. В 1925–1927 годах — начальник военно-морской инспекции Наркомата рабоче-крестьянской инспекции СССР и ректор Сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева. Расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР. — *Примеч. ред.*

96

М. Н. Рютин был приговорен к десяти годам заключения. В 1936 году его привезли в Москву и предъявили новые обвинения в контрреволюционном заговоре, терроризме и т. д. Рютин был одним из немногих оппозиционеров, который, несмотря на арест и пытки, не только не признал себя виновным, но и отказался отвечать на вопросы следователей. Отказался он говорить и с судьями. 10 января 1937 года он был расстрелян. Реабилитирован только в 1988 году.

97

Жена Сталина Надежда Аллилуева покончила с собой 9 ноября 1932 года.

98

От versatility *(фр.)* — переменчивость, изменчивость. — *Примеч. ред.*

99

Иван Иванович Котолынов (1905–1934), член РКП(б) с 1921 года. В 1924–1926 годах — член Исполкома Коммунистического Интернационала молодежи. В 1927 году был исключен из партии за фракционную деятельность, в 1929 году восстановлен. — *Примеч. ред.*

100

Николай Иванович Ежов (1895—1940), член РСДРП(б)с 1917года, генеральный комиссар госбезопасности (1937), председатель Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) (1935–1939), член Оргбюро ЦК ВКП(б) (1934–1939), секретарь ЦК ВКП(б) (1935–1939), кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) (1937–1939). Пост наркома внутренних дел СССР занимал с 26 сентября 1936-го по 25 ноября 1938 года. Расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.